

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2025

№ 93

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирышин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекебай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории – ответственный секретарь; **Молодин Вячеслав Иванович**, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), Senior Lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Анкушева К.А. Популяризация исторического знания в деятельности музея (на примере Музейного комплекса им. И.Я. Словцова)	5
Белоглазова С.Б. Общеобразовательные школы Тихоокеанской России в контексте реформы 1864 г.	13
Белоконев С.Ю., Грива И.П. Институциональные трансформации и когнитивные изменения жителей Луганской области на рубеже XX–XXI вв.	25
Блохин В.Ф., Шевцов В.В. Газетные слухи в контексте военно-цензурных и общественных практик периода Первой мировой войны	31
Ермолаев А.Н. Уездный исправник Сибири в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов	38
Колева Г.Ю., Колев Ж.М. «Ведомственность» в хозяйственном освоении Северных районов Тюменской области в советскую эпоху: составляющая практик или «фигура речи»	47
Моисеев В.В. Санкции и их преодоление в России в разные исторические периоды	56
Рогожина А.С. Проекты переустройства государственной продовольственной системы в позднимперский период	65
Семенов Ю.В. Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Люблинской губернии по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.	74
Скляренко Н.С. Деятельность Императорского Института слепых (1807–1868 гг.) – первого специализированного учебного заведения для слепых в Российской империи	80
Соловенко И.С. К вопросу об источниковой базе по истории цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.)	86
Строкольский В.А. Формирование образов радикалов в революционной периодической печати Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	94
Федоров С.Г., Неупокоев И.В. Девиантное поведение сельского духовенства и его влияние на крестьянскую общину во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Тобольской губернии)	103

Ankusheva K.A. Promotion of historical knowledge in museum practices (using the example of Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov)	5
Beloglazova S.B. General education schools of Pacific Russia in the context of the reform of 1864	13
Belokonev S.Yu., Griva I.P. Institutional transformations and cognitive changes of residents of Luhansk region at the turn of the XX–XXI centuries	25
Blokhin V.F., Shevtsov V.V. Newspaper rumors in the context of military censorship and public practices during the First World War	31
Ermolaev A.N. The district police officer of Siberia in 1867–1917: a collective portrait on the example of the Kuznetsk and Mariinsky counties	38
Koleva G.Yu., Kolev J.M. “Departmental approach” in the economic development of the Northern districts of Tyumen Region of the Soviet era: a component of practices or a “figure of speech”	47
Moiseev V.V. Sanctions and their overcoming in Russia in different historical periods	56
Rogozhina A.S. Projects of re-construction of the state food system in the late imperial period	65
Semenov Y.V. The ethnic composition and features of the deployment of military formations in the Lublin province according to the results of the First General population census of the Russian Empire in 1897	74
Sklyarenko N.S. Activities of the Imperial Institute for the Blind (1807–1868) – the first specialized educational institution for the blind in the Russian Empire	80
Solovenko I.S. On the issue of the source base for the history of digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 20th–21st centuries)	86
Strokolskiy V.A. Formation of the images of radicals in the revolutionary periodicals of Russian Empire in the second half of the 19th century and in the early 20th century	94
Fedorov S.G., Neupokoev I.V. Deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the second half of the 19th – early 30th century (in the Tobolsk governorate)	103

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Азракаила Ш.Дж., Погорельская А.М. Влияние пандемии на миграцию в странах Юго-Восточной Азии	113
Сероштанов К.В. Формирование общего рынка вооружений и военной техники Европейского союза	121
Ягницын И.П. Влияние США на проблему принадлежности островов Сенкаку (2010–2020)	129

Azrahaila S.J., Pogorelskaya A.M. The influence of COVID-19 pandemia on migration and state policies of South-Eastern Asia	113
Seroshtanov K.V. Development of the European Union single arms market	121
Iagnitcyn I.P. America’s influence on the Senkaku islands territorial dispute (2010–2020)	129

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Антощенко А.В. «Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обозрений	134
Арутюнян А.Ж. Остров Тапробана в «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»)	143
Бойко В.П., Савинцева М.Е. Воспоминания выпускников историко-филологического (исторического) факультета Томского государственного университета как исторический источник	150
Данилов А.А., Данилова М.Г., Комиссаров В.П., Данилов А.П., Эшкерат А.М. А.С. Пушкин и Чувашия	159

Antoshchenko A.V. “The Russian Religious Mind” by George Fedotov in mirrors of the reviews	134
Harutyunyan H.Zh. Island Taproban in “Ancient Armenian Geography” (“Ashkharatsuyts”)	143
Boiko V.P., Savintceva M.E. Memories of graduates of the Faculty of History and Philology (History) of Tomsk State University as a historical source	150
Danilov A.A., Danilova M.G., Komissarov V.P., Danilov A.P., Eshkerat A.M. A.S. Pushkin and Chuvashia	159

Дорошенко О.П. «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска»: к вопросу авторства, истории создания, «утраты» и находки ценного источника	167
Трубникова Н.В., Пешковская А.Г. Изображая прошлое: историческая память о Гражданской войне в оптике визуальной семиотики и айтрекинг-исследования	175

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Каминская Е.А. Народное православие как один из механизмов сохранения традиционного фольклора	185
Унал Сумейра. Исследования научного наследия Н.Ф. Катанова в Турции	193

РЕЦЕНЗИИ

Шараев П.С. Рецензия на монографию Д.Г. Мессершмидта «Дневники: Тобольск–Тара–Томск (1721 г.)» / пер. с нем. А.В. Моревой. Томск, 2021. 132 с.	199
--	-----

Doroshenko O.P. “Pictures from the history of the service of the Siberian Cossack Army”: to the question of authorship, history of creation, “loss” and finding a valuable source	167
Trubnikova N.V., Peshkovskaya A.G. Picturing the Past: Historical Memory of the Civil War in the Optics of Visual Semiotics and Eye-Tracking Research	175

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Kaminskaya E.A. Folk Orthodoxy as one of the mechanisms for preserving Traditional Folklore	185
Unal Sumeyra. Studies about N.F. Katanov in Turkey and the process of the Katanov library coming to Turkey	193

BOOK REVIEW

Sharaev P.S. Review of the monograph by D.G. Messerschmidt “Diaries: Tobolsk–Tara–Tomsk (1721)” / translation from German by A.V. Moreva. Tomsk, 2021. 132 p.	199
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 93:069

doi: 10.17223/19988613/93/1

Популяризация исторического знания в деятельности музея (на примере Музейного комплекса им. И.Я. Словцова)

Ксения Александровна Анкушева

Тюменское музейно-просветительское объединение, Тюмень, Россия, ank-kseniya@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается сюжет о транслировании тематической информации, ее значении для формирования исторической памяти. Анализируются подходы к популяризации истории, в том числе в контексте научной коммуникации. На примере Музейного комплекса им. И.Я. Словцова исследуются формы популяризации исторического знания, его представления в деятельности музея. Особое внимание уделяется использованию современных информационных технологий. Определяются проблемные точки и перспективные направления работы.

Ключевые слова: музей, Музейный комплекс им. И.Я. Словцова, популяризация истории, научная коммуникация, партиципаторные проекты, онлайн-режим

Для цитирования: Анкушева К.А. Популяризация исторического знания в деятельности музея (на примере Музейного комплекса им. И.Я. Словцова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 5–12. doi: 10.17223/19988613/93/1

Original article

Promotion of historical knowledge in museum practices (using the example of Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov)

Kseniya A. Ankusheva

Tyumen Museum-Education Organization, Tyumen, Russian Federation, ank-kseniya@yandex.ru

Abstract. The author of the article explores the issue of the promotion of historical knowledge in the museum practices. The introductory part analyzes the forms of scientific knowledge (mainly on the national history) representation in the modern media landscape and the impact of this knowledge on the formation of historical memory. Taking into account the fact that not only historians are involved in this process, we further develop an idea of popularization of scientific knowledge among wider public. This idea is usually considered in the framework of science and mass media cooperation, meanwhile the options for the popularization are much wider. Thus, one can act via culture: cinema, theater and, of course, museums. In contrast with academic institutions, the former imply a wider range of emotional stimulation for different categories of museum goers.

The main body of the article dwells on the forms of the promotion of historical knowledge and describes other ways of presenting it used in Museum Complex named after I. Ya. Slovtsov. These ways are implemented in the framework of exhibitions and expositions, excursions and other forms of cultural educational activity. Simultaneously, specific peculiarities of the Museum complex are described.

The Museum carries out scientific research, realizes projects in collaboration with higher educational institutions: topic-based research and practical conferences, monograph presentations, discussions. The Museum collections are historical resources themselves. Specialists study them and this is in fact the first step towards the promotion of historical knowledge.

In the past the access to the Museum collections was granted mainly to professional researchers. Today everyone can get free online access to the State Catalogue of the Museum. During the high-alert period all museum content was transferred online, the museum interacted with visitors online, thus, the popularization of history was carried out. Furthermore, the author provides examples of the projects created specifically to be posted on the Internet.

In conclusion, vulnerabilities and perspectives of the promotion of historical knowledge in museum practices are analyzed. The author considers a number of issues: the development of the expertise of the museum workers; interaction with Universities; searching for the balance between spectacularity and scientificity, i.a. in the frameworks of participa-

tory projects; dealing with the consequences of the technological breakthrough connected with representation of historical information; co-relation between history and media; “virtualization of history”. The author considers the cooperation between representatives of museum community, professional historians, IT and other kinds of specialists and also visitors of the museum to be perspective. Such a cooperation might contribute to the creation of a quality product that will not only popularize historical knowledge, but will just be popular.

Keywords: museum, Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov, promotion of history, scientific communication, participation projects, online

For citation: Ankusheva, K.A. (2025) Promotion of historical knowledge in museum practices (using the example of Museum Complex named after I.Ya. Slovtsov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 5–12. doi: 10.17223/19988613/93/1

Поток информации в современных условиях развития технологий, цифровизации, новых медиа становится огромным. Еще в начале эпохи Интернета философы, педагоги, психологи обращали внимание на характер взаимодействия с растущим объемом данных, рекомендуя относиться к нему критично. Однако такой навык сформирован не у всех потребителей тематического контента. Наблюдается неоправданное доверие к разного рода публикациям, иногда сомнительного характера. Сейчас, когда их содержание может включать широкий спектр оценок, трактовок и даже быть фальсифицированным, специалисту сложно найти точку опоры.

Конечно, недостоверные данные могут быть опубликованы ненамеренно. Однако нередко это происходит целенаправленно, даже превращается в определенную систему, направленную, если говорить об исторической тематике, на искажение и даже разрушение исторической памяти. А ведь она «оказывает могущественное влияние на историческое сознание, основывающееся на содержащихся в ней представлениях о прошлом» [1. С. 36]. Так, Н.А. Синицина полагает, что «глубина исторической памяти в полной мере определяет способность общественного самосознания реагировать на социокультурную трансформацию и возникновение новых реалий культуры» [2. С. 9]. Как отмечает О.О. Дмитриева, «в условиях глобализации, переосмысления общечеловеческой истории, информационной войны и политической нестабильности общее наследие, общая историческая память становятся базовым и ключевым элементом формирования национальной идентичности и национального единения» [3. С. 135].

При этом актуальным остается вопрос «понятности и привлекательности [истории] для широкой аудитории», о котором пишет, в частности, А.П. Шевелева [4. С. 4]. По мнению авторов коллективной монографии «Историческая наука и историческое сознание», в процессе формирования исторической памяти и исторического сознания принимают участие не только профессиональные исследователи, но и «популяризаторы исторических знаний, их своеобразные “разносчики”» [1. С. 52]. И.Н. Ильина приводит следующее определение термина «популяризация науки»: «процесс распространения научных знаний в современной и доступной форме для широкого круга людей, имеющих определенный уровень подготовленности для получения информации» [5. С. 307].

Обычно сюжет о популяризации исторических знаний рассматривается в контексте взаимодействия науки и СМИ [5, 6]. Стремление представить исторические

знания в популярной форме, не теряя градуса достоверности, является тенденцией, характерной и для непосредственно научной, академической среды, также испытывающей потребность сделать результаты своих исследований более доступными для широкой аудитории. Примерами могут служить лекции ученых, проводимые вне университета, их публикации научно-популярного характера и т.п. В то же время тематические сведения мы получаем в семье и во многих других источниках, к которым можно отнести телевизионные передачи, документальные фильмы и др. Согласимся с тем, что «современное общество и массовая аудитория получают запрашиваемую популярную информацию в первую очередь в сети Internet» [7. С. 342]. При этом потребитель получает «не только некоторую сумму знаний о прошлом, но и способы их истолкования» – «историописание» [1. С. 56]. Это понятие специалисты нередко используют в контексте музейной деятельности, в особенности создания экспозиционно-выставочных проектов. Так, М.Ф. Румянцева предлагает рассматривать музейную экспозицию как форму репрезентации истории в контексте соотношения исторической науки и социально ориентированного историописания [8].

В отличие от академических институтов (в широком смысле), музеи с большим успехом могут превратить свои институциональные знания и авторитет в значимый, привлекательный эмоциональный опыт [9]. Однако на этом поле сталкиваются интересы разных сторон: историков-профессионалов, музейщиков, специалистов в сфере продвижения и информационных технологий, а также посетителей – потребителей музейных услуг. В эпоху цифровизации музей является особой институцией, объединяющей в себе консервативные и инновационные черты: он демонстрирует приверженность классическим взглядам на сохранение историко-культурного наследия и параллельно трансформирует свою работу в соответствии со все новыми запросами общества. Преимущество музея – гармоничное сочетание высокого уровня доверия к нему со стороны аудитории и готовности к смелым экспериментам на своих площадках, например в области современного искусства. Важно не обмануть доверия и не разочаровать несовременностью. В популяризации исторического знания такой подход весьма актуален, особенно в отношении молодого поколения. Наличие авторитета и широкая аудитория позволяют исследователям утверждать, что музеи можно обоснованно считать одним из инструментов политики памяти [10. С. 111]. Об этом свидетельствует и законодательство,

фиксируя в числе задач государственной культурной политики в области осуществления всех видов культурной деятельности и развития связанных с ними индустрий «усиление роли таких организаций культуры, как музей, библиотека, архив, театр, филармония, концертный зал, дом культуры, в деле исторического и культурного просвещения и воспитания» [11].

В материале, посвященном популяризации науки в Высшей школе экономики, отмечается усиление роли общества в формировании запроса на научную информацию и признается активная роль всех участников данного процесса [12]. Для определения взаимоотношений в этой сфере мы будем использовать термин «научная коммуникация», понимая ее как «движение научных идей от ученого через научное сообщество в массовое сознание» [13. С. 278]. С.М. Медведева предлагает модель, включающую пять этапов научной коммуникации. На наш взгляд, музей может стать участником разных этапов. В контексте рассматриваемой темы нас интересует четвертый – этап популярной науки. Автор концепции указывает, что «здесь адресат коммуникации – все общество даже тогда, когда не все интересуются наукой. Главное, что эта продукция обращена к массовому потребителю и претендует на общедоступность» [13. С. 283]. При этом значение будет иметь как сам тематический контент, так и формат его подачи.

Представление исторического знания является частью функционала многих институций, например образовательных: от школы, дающей информацию, рассчитанную на детей и подростков, до вузов, готовящих специалистов-историков. Музей исторически ориентировал посетителя прежде всего на зрительное восприятие, что в условиях «визуального поворота» имеет особое значение. Музей не только хранит, изучает и публично представляет свидетельства истории – музейные предметы и музейные коллекции. Он сам творит историю, создает ее зримые свидетельства, например выставки, и через реализацию партиципаторных проектов вовлекает в этот процесс свою аудиторию, тем самым содействуя изучению и популяризации истории. Широкий набор средств представления исторического знания именно в музее способствует расширению целевой аудитории и возможностей воздействия на нее, обеспечивает транслирование историко-культурного наследия на основе диалога культур.

Музейные предметы, по сути, являются материальными носителями исторического знания. Сначала загадки предмета музейного значения разгадывают специалисты, занимаясь его изучением. Затем экспозиционеры, используя образный язык, стремятся максимально полно представить предмет на выставке, где посетитель получает возможность рассмотреть экспонат, узнать о нем, прочитать его скрытые смыслы.

Проанализируем основные формы популяризации исторического знания и иные элементы научной коммуникации в музейном пространстве. В своей работе мы будем обращаться к опыту работы Музейного комплекса им. И.Я. Словцова (МКимС) – структурного подразделения ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение» (ГАУК ТО «ТМПО»).

В соответствии со спецификой музейного учреждения важным каналом транслирования исторического знания являются экспозиционно-выставочные проекты. Значительная их часть в той или иной степени тематически посвящена истории, преимущественно отечественной, в том числе региональной, причем разным ее периодам. Визуализированная с помощью музейных предметов история, хоть и представленная как система знаков и символов, обретает зримые черты, становится более образной. Известно, что успех проекта зависит от многих факторов: концепции, предметного ряда, художественного решения, технического оснащения, сценария. Главным действующим лицом здесь становятся музейные предметы, а посетитель имеет возможность самостоятельно, без помощи экскурсовода, ознакомиться с выставкой или экспозицией.

Музейный комплекс им. И.Я. Словцова включает несколько объектов музейного показа, каждый из которых имеет свои особенности.

В музее «Городская Дума», здание которого построено во второй половине XIX в., размещается постоянная экспозиция «Тюмень – Война – Великая Победа». Музей «Дом Машарова» размещен в старинном особняке, принадлежавшем местному предпринимателю Н.Д. Машарову. Постоянная экспозиция «Семейный альбом» повествует о семейном быте тюменцев конца XIX – начала XX в. Музей «Усадьба Колокольниковых» – один из пунктов «Императорского маршрута» (Национальный туристический проект) – освещает темы «История дома XIX–XX вв.» и «Торговый Дом И.П. Колокольникова Н-ки». Вместе указанные объекты в значительной степени формируют представление об истории Тюмени в контексте истории нашей страны. Если говорить о более древней истории, в пространстве Археологического музея-заповедника на оз. Андреевском демонстрируется классическая коллекция артефактов (от каменного века до Средневековья) – проект «Из глубины веков». Постоянная экспозиция в здании Музейного комплекса в доме 63 по ул. Советской находится на стадии проектирования. В то же время исторические события находят отражение во многих работающих там выставках. Например, из последних – «Память поколений: Великая Отечественная война в изобразительном искусстве» в рамках реализации Национального проекта «Культура», «Марш Победы».

Подробная информация о постоянных и временных выставках (из собственных фондов и / или коллекций других музеев) представлена в соответствующих разделах на сайте ГАУК ТО «ТМПО» и в официальных аккаунтах МКимС в социальных сетях [14]. Тематические проекты в одних случаях создают образ целой эпохи, крупной территории или масштабного события, в других – конкретного человека, камерного фрагмента его жизни. Нередко исторические сюжеты вплетены в канву совершенно разных по тематике (вплоть до современного искусства) и формату представления информации выставок, включая мультимедийные. Даже на основе выставки «одного предмета» может развернуться яркое повествование, увлекающее посетителя в прошлое.

Экскурсии по экспозициям и выставкам также способствуют расширению знаний об истории. Особое место занимают экскурсии по городу, которые совмещают пешеходную прогулку, путешествие на автобусе или велосипеде с познавательным мероприятием, зачастую повествующим об истории конкретного населенного пункта или отдельных его районов, достопримечательностей. Аудиогиды, VR-проекты, видеоролики, подкасты не могут в полной мере заменить живое общение участников реального мероприятия, однако имеют свои преимущества, особенно проявившиеся в период режима повышенной готовности: возможность путешествовать, не выходя из дома, в том числе для того, чтобы спланировать собственную поездку.

Нельзя обойти вниманием и культурно-просветительские программы. В МКимС реализуется несколько программ, ориентированных на разную целевую аудиторию. Например, программа «Музей – школе» и патриотическая программа «Звезда», ориентированные на детей школьного возраста (в рамках Национального проекта «Культура»), программа взаимодействия ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение» с вузами и ссузами Тюменской области «Сотворчество», программа «Для тех, кто годы не считает», разработанная для пенсионеров, и программа «Музей безграничных возможностей» для детей с ОВЗ, взрослых людей с инвалидностью и членов их семей – все они содержат исторические блоки. В частности, вектор «История моей страны» с акцентами на юбилейные даты (в том числе 800-летие со дня рождения Александра Невского, годовщину первого полета человека в космос) и даты, связанные с событиями Великой Отечественной войны, вектор «Все о Тюмени» – к 435-летию города (программа «Музей – школе») и т.п.

В связи с тем, что 27 мая 2019 г. ГАУК ТО «ТМПО» получило лицензию на осуществление образовательной деятельности по программам дополнительного образования детей и взрослых и дополнительного профессионального образования, МКимС расширил свои возможности в этом направлении.

Интерактивными средствами популяризации исторического знания, в том числе в рамках целых программ, являются игры, викторины и квесты (в частности, в социальных сетях и мессенджерах), мастер-классы. Основой для них является в основном экспозиция или выставка. Занятия проводятся на разных объектах музейного показа в рамках МКимС, однако в интересующем нас контексте остановимся на специфике некоторых из них.

Очень важно с юного возраста формировать историческую идентичность граждан, использовать «возможности формирования исторического сознания у младших школьников в рамках музейной деятельности» [15. С. 264]. Музеи активно взаимодействуют с юной аудиторией. Детские центры помимо развлекательной функции реализуют свой познавательный и воспитательный потенциал. Ярким примером является сотрудничество школ и исторических парков. Детский центр МКимС в своей работе ориентируется на самых маленьких посетителей музея. Они знакомятся с историческими фактами в увлекательной и доступной

форме, при этом у них формируется культура посещения музея.

Большое значение в приобщении посетителей к традициям народных художественных промыслов и ремесел имеют творческие мастерские. Они работают в Музейном комплексе (ул. Советская, 63), где находятся Центр промыслов и ремесел и Гончарная мастерская, а также в музее «Дом Машарова», где проходят так называемые «Ремесленные сезоны». Последний проект можно смело причислить к числу партиципаторных – характеристика, весьма популярная для современного музея и одновременно противоречивая с точки зрения оценки степени научности получаемых результатов. Партиципаторность предполагает сопричастность посетителя к процессу формирования, сохранения и популяризации историко-культурного наследия, содержательно существенное участие посетителей, местного сообщества, партнеров в деятельности музея [16]. Проведение «Ремесленных сезонов» – совместная работа музея и мастеров народных промыслов и ремесел.

Иные примеры партиципаторных проектов можно привести, говоря о формах представления исторических знаний, которые реализуются «под открытым небом». На территории Археологического музея-заповедника на оз. Андреевском в 2020 г. состоялись следующие мероприятия: «Мы все сородичи» (посвящено коренным народам Северной Америки) – совместно с одним из организаторов этнофестиваля «Небо и земля» М. Чащиным; «Озерный стан» – совместно с обществом реконструкторов Тюмени; «Тылащ поры» – традиционный праздник, проведенный совместно с сообществами, занимающимися сохранением культуры коренных народов Севера [17]. Такие формы музейной деятельности популярны во многом благодаря интересу зрителей к историческим реконструкциям (например, в кинематографе) и к событиям, происходящим под открытым небом. Эту тенденцию отмечают и зарубежные авторы (см., напр.: [18. С. 209]).

История и искусство гармонично объединяются в единое целое в рамках кинолектория и музыкального лектория (проводит киновед Н. Соколова, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры»). В основе многих кинофильмов лежат исторические события (эпохи Ивана Грозного, периода Великой Отечественной войны и т.д.), которые таким образом популяризируются среди широкой аудитории. Кинолекторий предполагает обсуждение картины, поиск дополнительных смыслов, освещение контекста. Формат музыкального лектория зачастую предусматривает знакомство посетителей с судьбой автора, в которой отражается судьба страны, с историческим контекстом создания того или иного произведения, его тематикой, нередко тоже исторической.

Самое время перейти к лекциям как таковым. В стенах музея, в отличие от вуза, лектор ориентируется на массовую аудиторию. Тематика лекций довольно широкая: искусство и дизайн, филология и педагогика, история, археология и краеведение, а также жизнь в условиях мегаполиса. Выступающие – специалисты в своей области. Исторические сюжеты обычно представляют преподаватели вузов (например, ФГАОУ ВО

«Тюменский государственный университет»), сотрудники научных учреждений. Интерес к фигуре лектора и теме его выступления, новая атмосфера, отличная от обстановки учебной аудитории, привлекают большое количество гостей, в числе которых и студенты, заинтересованные заново прослушать материал. Трансляция лекций обычно ведется в онлайн-режиме, причем желающие могут посмотреть запись мероприятия в любое удобное время.

Этот формат будем считать переходным к научным по характеру мероприятиям, которые условно можно отнести ко второму этапу научной коммуникации, согласно модели, предложенной С.М. Медведевой [13]. Однако здесь следует принимать во внимание, что научная коммуникация в музейном пространстве может иметь специфику в части как содержания, так и состава участников.

Представление результатов исследовательских работ на научных конференциях, организуемых музеем или иными учреждениями на его площадке, обычно имеет определенную целевую аудиторию, однако это не мешает расширить ее с помощью рекламы, онлайн-трансляции и иных механизмов. Дополнительной формой популяризации таких материалов станет их публикация, ориентированная на более широкий круг читателей. Так, в 2020 г. в ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение» в режиме онлайн состоялся I Тюменский музейный форум, объединивший Всероссийские с международным участием научно-практические конференции «Словцовские чтения» и «Ремезовские чтения», а также работу разнообразных по формату площадок. Тематика мероприятий форума была разнообразной: музейное дело, история, волонтерство в сфере культуры и др. Ряд площадок предусматривал самое широкое участие, тем самым привлекая внимание неспециалистов к научным сюжетам.

Следующая форма представления в музее исторических знаний – презентация тематических книг за авторством сотрудников музея и тех, кто таковыми не являются. В качестве примеров 2020 г. укажем книгу старшего научного сотрудника ГАУК ТО «ТМПО» Л.В. Боярского «Эпоха фотокоров. 1918–1953» (Тюмень, 2019), которую автор представил в рамках упомянутого выше форума, и издание «Народная память» (рук. проекта А. Скорбенко. Тюмень, 2020). Подобные мероприятия становятся дополнительным информационным поводом для обсуждения издательских проектов и основных тем, которым они посвящены [19].

Выступление с докладом на конференции, презентация новых публикаций, выставочных проектов и тому подобное обычно сопровождаются обсуждением по принципу «вопросы–ответы», особенно уместному в рамках проведения круглых столов и дискуссий, которые могут быть элементами более крупных мероприятий или проходить самостоятельно.

Если вернуться к основе музеев – их фондовым коллекциям, то следует указать, что их изучение специалистами является, по сути, первым шагом к популяризации исторического знания, которое находит отражение в вещном мире. Именно изучение музейно-

го предмета становится основой популяризации полученных знаний в рамках выставочных проектов или научных публикаций.

Ранее работа с фондами была доступна преимущественно профессиональным исследователям и студентам. В настоящее время доступ к содержанию Государственного каталога в онлайн-режиме открыт всем желающим. Просматривая страницу музея в Интернете, они могут заглянуть в сокровищницу музея. Н.Т. Тарумова расценивает ресурс <http://www.museum.ru>, который объединяет данные о российских музеях, как «популярное сетевое сообщество», которое «существенно расширяет присутствие в сети экспонатов музейных коллекций» [7. С. 344]. Каналом популяризации исторических знаний посредством представления музейных предметов, а также экспозиционно-выставочных проектов является проект «Артефакт» – платформа для создания интерактивных гидов с технологией дополненной реальности [20]. МКимС также представлен на указанных интернет-ресурсах.

Следует отметить, что с позиции «музей–внешний исследователь» определенные сложности обусловлены сохранением приоритета письменных источников, особенно в сфере гуманитарных наук. Потенциал музейных коллекций вводится в научный оборот не в полной мере – опытные историки и студенты зачастую в качестве источников предпочитают использовать письменные. Безусловно, коллекции археологии и этнографии также востребованы профильными специалистами, представляющими соответствующие отрасли научного знания. Так называемый визуальный переход способствует все большему вовлечению в научный оборот источников иного типа, привлечение и изучение которых расширит наше представление о прошлом, привнесет детали, расставит дополнительные акценты.

Считаем, что прохождение практики студентами профильных вузов также способствует популяризации исторического знания. С одной стороны, студенты знакомятся с музейными фондами, выставками, деятельностью музея в целом, с другой – принимают участие в разработке и реализации музейных проектов, ориентированных на посетителей.

В контексте работы музея в 2020 г. отдельно стоит сказать о его работе в онлайн-формате. По мнению В.В. Определенова, «...музей обязан меняться в подходе к способам коммуникации, соответствовать времени в собственном “языке”, чтобы не терять связь с новыми поколениями, ради которых он и создан» [21. С. 122]. Именно в Интернете в период действия режима повышенной готовности размещался музейный контент, осуществлялось взаимодействие с посетителями: через сайт учреждения, официальные аккаунты в социальных сетях, иные каналы, площадки партнеров, СМИ, в режиме видеоконференций.

В онлайн-пространстве, с одной стороны, отражаются события, произошедшие офлайн, а с другой стороны, оно включает специально для него созданные проекты, которые демонстрируются именно здесь. С музейными предметами, а через них и с историческими событиями и личностями, аудитория музея знако-

мится в самых разных форматах. Представим те из них, которые имеют повторяющийся характер: «1 000 шагов в историю» – проект Центра музейных коллекций представляет предметы, хранящиеся в фондах, в том числе из новых поступлений, вписывает их в исторический контекст, а также традиционно приглашает на экскурсию «Тысяча шагов в историю» по фондохранилищу; «Районы. Кварталь» – рубрика знакомит с историческими и современными районами Тюмени; «Арт-Фонарь» в формате комикса повествует в основном об истории искусства, однако некоторые выпуски посвящены историческим сюжетам.

Мы указали лишь основные формы популяризации исторического знания в деятельности музея. Весь список ими не исчерпывается и может быть дополнен, например, консультациями, которые дают сотрудники музея (в том числе создателям фильмов). Считаем, что изложенного материала достаточно, чтобы обозначить сложившуюся ситуацию, проблемы и перспективы.

На наш взгляд, точкой роста можно считать компетенции сотрудников музеев. Здесь следует говорить о владении профильными историческими знаниями, современными методами работы с аудиторией, информационными технологиями. Следующий момент – взаимодействие с вузами, как с преподавателями, так и с обучающимися, на которое оказывает влияние ряд факторов, в частности участие преподавателей в популяризации науки в условиях наукометрических показателей для оценки труда ученых, изменения требований к организации практик обучающихся [22]. Актуальным является поиск баланса между научностью и доступностью, в том числе в рамках реализации партиципаторных проектов. Эту дилемму историк-профессионал В. Вжосек предлагает решать путем «квалифицированной популяризации» [23]. Интенсивное развитие информационных технологий ставит вопрос о том, «какие последствия будет иметь увлечение в музее виртуальными технологиями» [24].

В современных условиях, вызванных пандемией, широко применяется онлайн-взаимодействие с аудиторией. Многообразие цифровых форматов (от простых сайтов до приложений мобильных устройств) «позволяет говорить о существенном технологическом прорыве в сфере репрезентации исторической информации» [25. С. 18], в частности визуального характера, что очень важно для музея. Однако здесь возникает поле для дискуссий о соотношении истории и медиа [26]. Отчасти их можно применить и к информационным

ресурсам музея. Э.В. Гмызина в качестве плюса указывает, что «распространение цифровых технологий делает события, факты, документы значительно более доступными для массовой аудитории», которая демонстрирует интерес к оцифрованным материалам, размещенным в открытых источниках [25. С. 18]. При этом в рамках Digital history (цифровая история) исследователи усматривают проблему «виртуализации истории», т.е. прибавления дополнительных смыслов к фактическому историческому материалу [27. С. 26]. Указанные риски необходимо учитывать при формировании контента, осознавая всю меру ответственности за его качество.

Широкие возможности онлайн-общения (доступ из любой точки мира, просмотр контента в любое время суток), как оказалось, тоже имеют свои пределы. Так, Д. Ланца, говоря о документе как коммуникационной системе, ставит вопрос о барьерах, «препятствующих движению смыслов» от источника к получателю [28. С. 5]. К ним автор относит технические, психологические, социальные и др. Их преодоление также можно отнести к перспективным задачам.

В тематическом музейном контенте представлены электронные версии различных типов (видов) источников, свободные для интерпретации, которые могут стать основой для исследования или просто источниками информации, расширяющей кругозор читателя, зрителя или слушателя. Достоверность при подготовке публикаций ставится во главу угла и в случае размещения изображения музейного предмета, и при подготовке материала в формате видеоролика, даже с использованием мультипликации.

В контексте популяризации исторического знания большое значение имеет взаимодействие музея и посетителей. Как в реальном, так и в виртуальном пространстве оно соответствует идеям интерактивности и партиципаторности. Находясь в поиске идеального формата, мы можем анализировать сложившиеся практики и определять векторы развития, стремясь к идеалу. В современных условиях, предоставляющих широкие возможности общения, реализации совместных междисциплинарных проектов, перспективным видится сотрудничество профессионалов своего дела: представителей музейного сообщества, профессионалов-историков, IT-специалистов и многих других, – для создания качественного, не только популяризирующего исторические знания, но и популярного продукта.

Список источников

1. Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Ким С.Г., Мучник В.М., Карначук Н.В. Историческая наука и историческое сознание. Томск : Изд-во Томского университета, 2000. 234 с.
2. Синицина Н.А. Историческая память как регулятив современной культуры: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2008. 24 с.
3. Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.
4. Шевелева А.П. История: академическая, популярная, публичная // Артикульт. 2013. № 3 (11). С. 4–8.
5. Ильина И.Н. Популяризация российской науки и культуры (наука и СМИ) // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов : сб. науч. ст. к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2013. С. 307–319.
6. Барканова Е.В. Популяризация истории как медийная проблема // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2015. № 2. С. 1–4. URL: <https://www.novsu.ru/file/1165965> (дата обращения: 27.04.2021).
7. Тарумова Н.Т. Популяризация культурно-исторических знаний в сети Internet // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 342–346.

8. Румянцова М.Ф. Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. М. : Этерна, 2015. С. 70–78.
9. Roussou M., Pujol L., Katifori A., Chrysanthi A., Vayanou M. The museum as digital storyteller: Collaborative participatory creation of interactive digital experiences // *The Annual Conference of Museums and the Web*. Chicago, 2015. URL: <https://mw2015.museumsandtheweb.com/paper/the-museum-as-digital-storyteller-collaborative-participatory-creation-of-interactive-digital-experiences/> (accessed: 27.04.2021).
10. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2014. Сер. 2, вып. 2. С. 106–126.
11. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 // *Гарант* : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 27.04.2021).
12. Как науку делают популярной : о популяризации науки во ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://okna.hse.ru/news/364415684.html> (дата обращения: 27.04.2021).
13. Медведева С.М. От научного творчества к популяризации науки: теоретическая модель научной коммуникации // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 4. С. 278–286.
14. Тюменское музейно-просветительское объединение. URL: museum72.ru/ (дата обращения: 27.04.2021).
15. Фугелова Т.А., Шанина М.А. Формирование исторического сознания у детей младшего школьного возраста посредством включения в музейную деятельность (на примере Исторического парка «Россия – Моя история») // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 38. С. 264–275.
16. Шуклина Е.А., Каменский С.Ю. Партиципативный музейный проект: опыт конструирования и изучения // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 154–164.
17. Археологический Музей-Заповедник // *ВКонтакте*. URL: <https://vk.com/amz72> (дата обращения: 27.04.2021).
18. Дунаева Ю.В. Популяризация истории: проблемы и проекты. (сводный реферат) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 5. История : реферативный журнал. 2012. № 3. С. 203–211.
19. В Тюмени состоялась презентация книги «Народная память» // *Тюменская область сегодня*. URL: <https://tumentoday.ru/2020/02/21/v-tyumeni-sostoyalas-prezentaciya-knigi-narodnaya-pamyat-sozdannoj-zhurnalistami-gazety-tyumenskaya-oblast-segodnya-video/> (дата обращения: 27.04.2021).
20. Артефакт – гид по музеям России // *Artefact*. URL: <https://ar.culture.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).
21. Определено В.В. Цифровая трансформация и институты памяти (актуальные ИТ-тренды и их отражение в сфере культуры) // *Трансформация музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе* : сб. ст. по материалам науч.-практ. семинара / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. И.В. Зайцев. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 121–131.
22. О практической подготовке обучающихся : приказ Минобрнауки России № 885, Минпросвещения России № 390 от 05.08.2020 (ред. от 18.11.2020) // *КонсультантПлюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362126/ (дата обращения: 27.04.2021).
23. Эштут С. «Историю надо писать не скучно, а живо и элегантно...» // *Родина*. 2021. 3 марта. URL: <https://rodina-history.ru/2021/03/03/ekslibris-rodiny-istorii-nado-pisat-ne-skuchno-a-zhivo-i-elegantno.html> (дата обращения: 27.04.2021).
24. Новиков А.С. Где граница, на которой надо остановиться? Рецензия на сборник статей «Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки» (авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородин, А.Д. Яновский. М., 2015) // *Ярославский педагогический вестник*. 2016. № 4. С. 312–314.
25. Гмызина Э.В. Репрезентация истории в эпоху цифровых медиа // *Интерактивная наука*. 2017. № 9 (19). С. 17–19.
26. Лапина-Кратасюк Е. Репрезентация истории в цифровую эпоху. URL: <https://postnauka.ru/video/50343> (дата обращения: 27.04.2021).
27. Соловьева Д.Ю. Новый историзм и репрезентации истории в цифровой среде // *Вестник Московского университета*. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 4. С. 26–54.
28. Ланца Д. К вопросу о документе как коммуникационном канале // *Научный вестник Крыма*. 2019. № 3 (21). URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/485/pdf> (дата обращения: 27.04.2021).

References

1. Mogilnitskiy, B.G., Nikolaeva, I.Yu., Kim, S.G., Muchnik, V.M. & Karnachuk, N.V. (2000) *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe soznanie* [Historical science and historical conscience]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Sinitsina, N.A. (2008) *Istoricheskaya pamyat' kak regulativiv sovremennoy kul'tury: sotsiologicheskij analiz* [Historical memory as a regulator of modern science: sociological analysis: sociological studies]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Maykop.
3. Dmitrieva, O.O. (2015) *Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh kontseptsiy v otechestvennoy nauke* [Historical memory and mechanisms of its formation: an analysis of historiographic conceptions in national science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6. *Istoriya*. 63. pp. 132–137.
4. Sheveleva, A.P. (2013) *Istoriya: akademicheskaya, populyarnaya, publichnaya* [History: academic, popular, public]. *Artikul't*. 11. pp. 4–8.
5. Ilina, I.N. (2013) *Populyarizatsiya rossiyskoy nauki i kul'tury (nauka i SMI)* [Popularization of Russian culture and science (science and mass media)]. In: Mironova, N.P. (ed.) *Dokumental'noe nasledie Rossii: teoriya i praktika sokhraneniya i ispol'zovaniya nauchnykh fondov* [Documentary heritage of Russia: theory and practice of preserving and using scientific funds]. Syktyvkar: Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 307–319.
6. Barkanova, E.V. (2015) *Populyarizatsiya istorii kak mediynaya problema* [Popularization of history as a media issue]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 1–4. [Online] Available from: <https://www.novsu.ru/file/1165965> (Accessed: 27th April 2021).
7. Tarumova, N.T. (2015) *Populyarizatsiya kul'turno-istoricheskikh znaniy v seti Internet* [Popularization of cultural and historical knowledge on the Internet]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik*. 4. pp. 342–346.
8. Rumyantseva, M.F. (2015) *Muzeynyy predmet i muzeynaya ekspozitsiya v strukture aktual'nogo istoricheskogo znaniya* [Museum object and museum exposition in the structure of current historical knowledge]. In: Vorontsova, E.A. (ed.) *Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki* [The role of museums in information support of historical studies]. Moscow: Eterna. pp. 70–78.
9. Roussou, M., Pujol, L., Katifori, A. et al. (2015) *The museum as digital storyteller: Collaborative participatory creation of interactive digital experiences. The Annual Conference of Museums and the Web*. Chicago, 2015. [Online] Available from: <https://mw2015.museumsandtheweb.com/paper/the-museum-as-digital-storyteller-collaborative-participatory-creation-of-interactive-digital-experiences/> (Accessed: 27th April 2021).
10. Rostovtsev, E.A. & Sosnitskiy, D.A. (2014) *Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii* [Historical memory research trends in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 2. 2. pp. 106–126.
11. Russian Federation. (2014) *Ukaz Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. № 808 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki"* [On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy: Decree No. 808 of the President of the Russian Federation of December 24, 2014]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/70828330/> (Accessed: 27th April 2021).
12. HSE. (2020) *Kak nauku delayut populyarnoy. O populyarizatsii nauki vo VShE* [How science becomes popular. About the popularization of science in HSE]. [Online] Available from: <https://okna.hse.ru/news/364415684.html> (Accessed: 27th April 2021).
13. Medvedeva, S.M. (2014) *Ot nauchnogo tvorchestva k populyarizatsii nauki: teoreticheskaya model' nauchnoy kommunikatsii* [From scientific work to popularization of science: theoretical model of scientific communication]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 4. pp. 278–286.

14. Museum-72.ru. (2021) *Tyumenское музейно-просветительское объединение* [Tyumen Museum-Education Organization]. [Online] Available from: museum72.ru/ (Accessed: 27th April 2021).
15. Fugelova, T.A. & Shanina, M.A. (2020) The formation of historical conscience in elementary schoolers through their introduction into museum practices (a case study of the History Park "Russia – My History"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 38. pp. 264–275. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/38/24
16. Shuklina, E.A. & Kamenskiy, S.Yu. (2015) Partisipativnyy muzeynyy proekt: opyt konstruirovaniya i izucheniya [The participation museum project: practice of design and study]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1*. 2(138). pp. 154–164.
17. Vk.com/amz72. (2021) *Arkheologicheskiy Muzey-Zapovednik* [Archeological Museum-Reserve]. [Online] Available from: <https://vk.com/amz72> (Accessed: 27th April 2021).
18. Dunaeva, Yu.V. (2012) Populyarizatsiya istorii: problemy i proekty. (svodnyy referat) [Popularization of history: problems and projects (a consolidated synopsis)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5. Istoriya : referativnyy zhurnal*. 3. pp. 203–211.
19. Tumentoday.ru. (2021) *V Tyumeni sostoyalas' prezentatsiya knigi "Narodnaya pamyat"* [Tyumen saw the presentation of the book "People's Memory"]. [Online] Available from: <https://tumentoday.ru/2020/02/21/v-tyumeni-sostoyalas-prezentatsiya-knigi-narodnaya-pamyat-sozdannoj-zhurnalistami-gazety-tyumenskaya-oblast-segodnya-video/> (Accessed: 27th April 2021).
20. Ar.culture.ru. (2021) *Artefakt – gid po muzeyam Rossii* [Artifact – The Russian museum guide]. [Online] Available from: <https://ar.culture.ru/> (Accessed: 27th April 2021).
21. Opreddenov, V.V. (2017) Tsifrovaya transformatsiya i instituty pamyati (aktual'nye IT-trendy i ikh otrazhenie v sfere kul'tury) [Digital transformation and institutes of memory (relevant IT-trends and their implementation in culture)]. In: Vorontsova, E.A. & Zaytsev, I.V. (eds) *Transformatsiya muzeev-bibliotek-arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoy nauki v informatsionnom obshchestve* [Transformation of museums-libraries-archives and information support of historical science in the information society]. Moscow: ISSS RAS. pp. 121–131.
22. Russian Federation. (2020) *O prakticheskoy podgotovke obuchayushchikhsya: prikaz Minobrnauki Rossii № 885, Minprosveshcheniya Rossii № 390 ot 05.08.2020 (red. ot 18.11.2020)* [Ministry of Education and Science Decree No. 885, Russian Ministry of Education Decree No. 390 dated August 5, 2020 (as amended on November 18, 2020), "On practical training of students"]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362126/ (Accessed: 27th April 2021).
23. Ekshtut, S. (2021) "Istoriyu nado pisat' ne skuchno, a zhivo i elegantno..." ["History is to be written in a lively and elegant way, not boring..."]. *Rodina*. 3rd March. [Online] Available from: <https://rg.ru/2021/03/03/ekslibris-rodiny-istorii-nado-pisat-ne-skuchno-a-zhivo-i-elegantno.html> (Accessed: 27th April 2021).
24. Novikov, A.S. (2016) Gde granitsa, na kotoroy nado ostanovit'sya? Retsenziya na sbornik statey "Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki" (avt.-sost. E.A. Vorontsova; otv. red. L.I. Borodkin, A.D. Yanovskiy. M., 2015) [Where is the stop line? Review of the collection of articles "Role of the museums in information supply of historical science" (Vorontsova, E.A., Borodkin, L.I., Yanovskiy, A.D. (eds). Moscow: 2015). *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 4. pp. 312–314.
25. Gmyzina, E.V. (2017) Rerezentatsiya istorii v epokhu tsifrovyykh media [History representation in the digital media era]. *Interaktivnaya nauka*. 9(19). pp. 17–19.
26. Lapina-Kratasyuk, E. (2015) *Rerezentatsiya istorii v tsifrovuyu epokhu* [History representation in the digital era]. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/video/50343> (Accessed: 27th April 2021).
27. Solovieva, D.Yu. (2018) Novyy istorizm i reprezentatsii istorii v tsifrovoy sfere [New historicism and history representation in the digital space]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 4. pp. 26–54.
28. Lantsa, D. (2019) K voprosu o dokumente kak kommunikatsionnom kanale [On the document as a communication channel]. *Nauchnyy vestnik Kryma*. 3(21). [Online] Available from: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/485/pdf> (Accessed: 27th April 2021).

Сведения об авторе:

Анкушева Ксения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Тюменского музейно-просветительского объединения (Тюмень, Россия). E-mail: ank-kseniya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ankusheva Ksenia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Tyumen Museum-Education Organization (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ank-kseniya@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 24.05.2021; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 947.081.1:373 (571.6)
doi: 10.17223/19988613/93/2

Общеобразовательные школы Тихоокеанской России в контексте реформы 1864 г.

Светлана Борисовна Белоглазова

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения
Российской академии наук, Владивосток, Россия, BeloglazovI@yandex.ru*

Аннотация. Рассмотрена история проведения школьной реформы 1864 г. в Тихоокеанской России, неисследованной в отечественной историографии. Акцентируется влияние нормативных документов 1864 г. на формирование в регионе сети начальных и средних школ. Выявляются «узкие места» в процессе реализации реформы; подчеркивается решающая роль частных инициатив и лидирующие позиции Русской православной церкви в школьном строительстве в рассматриваемый период. В научный оборот введены новые архивные данные.

Ключевые слова: реформа образования, начальная и средняя школа, Тихоокеанская Россия, 1860-е гг.

Для цитирования: Белоглазова С.Б. Общеобразовательные школы Тихоокеанской России в контексте реформы 1864 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 13–24. doi: 10.17223/19988613/93/2

Original article

General education schools of Pacific Russia in the context of the reform of 1864

Svetlana B. Beloglazova

*Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far Eastern Branch
of the Russian Academy of Science, Vladivostok, Russian Federation, BeloglazovI@yandex.ru*

Abstract. This article is devoted to an aspect of the history of education in the Pacific Russia region that has not been studied in Russian historiography – the reform of the general education school in 1864. The appeal to the historical experience of reforming the education system is determined by the active rethinking of the results of the school reform carried out in modern Russia. The retrospective view of this problem confirms the relevance of our research. The reform of the secondary school was an integral part of the modernization processes that took place after the abolition of serfdom. The reform gave impetus to the growth of the educational network, including the appearance of the first women's and men's secondary schools in Pacific Russia, as well as an increase in the number of students in primary public schools, comparable to the schools of the Ministry of Public Education. The opening of 427 new schools in the region is an undoubted success of the reform, which was achieved thanks to the consensus between the government and society. In the course of the study, the author identified at least three regional programs aimed at modernizing the education system in Eastern Siberia, including the Pacific Russia region. In the 1860s, along with the state authorities, such as regional and regional administrators and zemstvo authorities, the subjects of educational policy were Cossack and rural societies, church parishes, merchants and other entrepreneurs. Private initiatives played a crucial role in the reform, actively promoting school construction. At the same time, the vast majority of primary schools in the south of the region were opened on the initiative of the Cossacks. In the north-east of Pacific Russia, the leading position during the reform was occupied by the Russian Orthodox Church. It was the clergy who initiated the opening of rural parochial schools, stood at the origins of general education for the indigenous peoples of the region and adapted the methodology of bilingualism in the teaching process in national schools. Some reduction in the network of schools, recorded in the late 1860s, was associated with the sale of the territory of Russian America, as a result of which the region lost some of its educational institutions. The connection with the dependence on internal and external migrations associated with the specifics of the development of the territories of Pacific Russia, which played a dual role in school construction, is traced.

Keywords: education reform, primary and secondary schools, Pacific Russia, 1860s

For citation: Beloglazova, S.B. (2025) General education schools of Pacific Russia in the context of the reform of 1864. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 13–24. doi: 10.17223/19988613/93/2

Со времени отмены крепостного права и старта Великих реформ в России, положивших начало важным трансформациям практически во всех сферах общественной жизни, включая систему образования, прошло 160 лет. В процессе современной модернизации осуществляется очередная школьная реформа, что не исключает обращения к изучению опыта прошлых лет, так как проблема взаимодействия государства, общества и образования по-прежнему является актуальной. Общероссийский контекст реформы 1864 г. в трудах последнего десятилетия изучен достаточно подробно. Так, Э.Д. Днепров, исследуя политические аспекты истории российского образования, интерпретируемые им как часть общего внутривластного курса правительства, посвятил специальные разделы монографии оценке школьной реформы 1864 г. [1. С. 125–139, 271–293, 465–506]. Традиция рассматривать школу как инструмент реализации экономических и политических задач, стоящих перед обществом и государством, актуализирует обращение к такому аспекту истории образования, как взаимоотношения власти и общества. Данная проблема, в том числе на этапе подготовки и проведения реформы общеобразовательной школы 1864 г., исследована в монографии Е.К. Сысоевой [2. С. 202–360]. В целом авторы дают положительную оценку ее итогам. Региональная историография включает публикации по истории формирования сети ведомственных школ [3–7], а также истории отдельных учебных заведений региона [8–11], в которых акцентированы вопросы организации учебно-методической стороны процесса обучения, дана оценка состояния материальной базы школ. Однако 1860-е гг. представлены в них отдельными фактами. В публикациях по истории формирования образовательного комплекса на юге и северо-востоке Тихоокеанской России проанализированы динамика образовательного пространства, политика центральных и местных властей по отношению к школам региона [12; 13. С. 145–148]. При этом формирование образовательного пространства на юге региона в 1860-е гг. исследовано наиболее полно, на северо-востоке региона фрагментарно, а проблема реализации реформы 1864 г. специально не поднималась.

Данная статья подготовлена с целью заполнения информационного пробела в региональной историографии. Задачи исследования сосредоточены на выявлении основных проблем и специфики проведения школьной реформы в регионе, в научный оборот вводятся новые данные. Хронологические рамки исследования охватывают 1860-е гг., территориальные – районы старой колонизации (Забайкалье, Русская Америка, Якутия, охотско-камчатские округа) и территории Приамурья и Приморья, вошедшие в состав России по Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам. Выбранные рамки позволяют провести сравнительный анализ динамики образовательного комплекса региона до и после выхода нормативных документов 1864 г., законодательно оформивших реформу общего образования.

Основные направления реформы были предложены императору Александру II министром просвещения

А.С. Норовым в докладе от 5 марта 1856 г. [14]. Взяв за основу отечественной системы образования «истины православной веры», он предложил изменить методику преподавания законоучения, усилив нравственно-назидательный аспект в процессе обучения. Наметившийся в средней школе с конца 1840-х гг. «усиленный перевес реальных начал в воспитании» А.С. Норов считал «вредной крайностью», деформирующей умственное и нравственно-эстетическое развитие молодежи, и для приведения учебных курсов гимназий в соответствие «высшим нравственным потребностям общества» предложил восстановить доминирование классического образования в противовес реальному. Для развития женского образования он намечал открытие школ с курсом обучения, приближенным к программе гимназий, и продвигал идею создания единого образовательного пространства путем переподчинения Министерству народного просвещения (МНП) учебных заведений других ведомств [15. С. 353–354, 370]. Отмена крепостного права в перспективе означала наполнение страны миллионами свободных людей, но в докладе не было даже намека на школы для простого народа. В массе своей консервативно настроенные дворяне не могли согласиться с тем, что простой народ уравниют с ними в праве на получение образования. Школы предназначались не для образования народных масс, а для их воспитания, разумеется, в том русле, которое требовалось для сохранения статус-кво правящей элиты.

Между тем прогрессивно настроенную часть российского общества, критически оценивавшую имперскую систему образования, вдохновлял пример стран Европы, запустивших процесс введения всеобщего начального обучения и располагавших числом средних школ, превосходившим число таковых в России. Во Франции закон о бесплатном начальном обучении приняли 15 марта 1850 г. [16]. В Англии при палате лордов работала специальная комиссия, которая отслеживала деятельность публичных школ для последующей ее корректировки [17. С. 175]. В Швейцарии ввели всеобщее для детей в возрасте от 6 до 10 лет независимо от их социального происхождения, активно развивали женское образование [18. С. 2, 30]. В России пересмотрели Устав 1828 г. и к 1860 г. подготовили «Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения», отражавший образ новой школы, основанной на принципах бессловности, бесплатности, всеобщности и обязательности обучения, с оптимальной системой управления, допускавшей частную и общественную инициативу в жизни учебных заведений (подробнее см.: [19]). Именно тогда под влиянием прогрессистского общественно-педагогического движения в России появилась точка зрения на образование как на источник социального и технологического прогресса, а идея введения начального всеобщего стала актуальной повесткой дня [20. С. 15].

Однако проект вызвал протесты со стороны Святейшего Синода, настаивавшего на предоставлении духовенству в начальной школе «естественного законного первенства». Позицию духовного ведомства под-

держивала часть губернаторов, включая генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова, заинтересованных в том, чтобы церковь взяла на себя бремя по открытию и содержанию сельских начальных школ [21. Л. 8 об.]. Конец межведомственным разногласиям положил январский 1862 г. указ императора, благодаря которому церковь подключилась к реформе [15. С. 445]. В рассматриваемый период территория Тихоокеанской России делилась между Иркутской и Камчатской епархиями, при этом Забайкалье оставалось в составе Иркутской епархии. В мае 1861 г. была создана Забайкальская духовная миссия во главе с викарным епископом Вениамином (Благонаравовым) для христианизации бурятов и тунгусов; Камчатской епархией с 1840 г. руководил просветитель коренных народов Русской Америки архиепископ Иннокентий (Вениаминов).

Владыка Иннокентий состоял в личной переписке с обер-прокурором Св. Синода А.П. Толстым и пользовался его расположением. В феврале 1860 г. А.П. Толстой своим указом поддержал его предложение «вмешать в обязанность причтам церквей, находящимся между жилищами якутов, обучать детей их грамоте и Закону Божьему» [22. С. 6]. Тогда же Синод отослал комплект «Букварей» для начальной школы, которые включали «начертание цифр», таблицу умножения, «церковные и гражданские буквы», утренние и вечерние молитвы, краткую священную историю, катехизис и краткое нравоучение [23. Л. 1]. В начале 1860-х гг. в сельских приходах Якутии были открыты первые школы. Достоверные данные сохранились о 8 учебных заведениях, расположенных близ Якутска, Олёкминска и Вилюйска. Из них три школы для мальчиков и девочек находились в селениях русских крестьян, одна – на о-ве Кыллах для русских и тунгусских мальчиков, четыре школы работали в улусах «природных якутов» [24. С. 245]. Также есть сведения, что при церквях в густонаселенных приходах имелись школы грамоты, но документальных подтверждений этому не сохранилось.

Ликвидация Охотского порта и перевод учебных заведений в Петропавловск, последующая во время Крымской войны эвакуация всех учебных заведений отсюда на Амур привела к тому, что образовательный потенциал северо-восточных округов Приморской области пришел в упадок: вплоть до 1860 г. на всей территории Камчатки и Охотского побережья школ не было. Первые две школы для детей казаков из Охотска и Гижиги приходские священники открыли при «содействии здешнего земского начальства» в 1861–1862 гг., в 1863 г. была открыта школа в селении Удском и школа для «камчадалских мальчиков» в селении Дранкинское [13. С. 147; 23. Л. 24, 56, 78; 25. Л. 8 об., 9, 33]. На Нижнем Амуре в селении Мариинско-Успенском при содействии управляющего николаевским округом приходскую школу для крестьянских детей открыли в 1861 г. [26. Л. 1]

В 1862 г. в центре Забайкальской миссии – Посольском монастыре – появилась частная школа «для иноподданных детей и разночинцев». Со следующего года в отчетах миссии она уже фиксируется как миссионерская, а в 1864 г. школы начали работать в Кударинском и Баунтовском миссионерских станах [27. С. 116,

130]. К этому времени в школах миссионеров было 19 учеников из семей бурятов [27. С. 130]. Один из воспитанников Кударинского миссионерского училища И. Мотошкин по желанию родителей-христиан поступил в Иркутское духовное училище для дальнейшего образования, другой ученик стал переводчиком при Селенгинском миссионерском стане [27. С. 131, 157].

В Русской Америке на о-вах Кадьяк, Уналашка, Амля и Беринга, а также в Нушегакской и Квихпакской (Юконской) миссиях продолжали работать шесть миссионерских школ, открытых еще в дореформенный период [28. С. 69]. По неполным данным, в 1862 г. миссионеры учили 135 детей обоего пола из природных алеутов и эскимосов. Заложённая ими традиция грамотности получила наибольшее распространение среди прихожан Атхинского, Уналашкинского и Кадьякского приходов.

Учебный курс начальных школ РПЦ включал чтение по Часослову, письмо, изучение азов христианского вероучения (краткой священной истории, краткого катехизиса и молитв, особенно «Молитвы Господней» («Отче наш») и «Символа Веры» [23. Л. 37 об., 44, 78]. Забайкальские миссионеры инициировали преподавание законоучения в общественных бурятских школах при Степных думах, но встречали при этом активное сопротивление ламайского духовенства и национальной администрации [29. С. 178]. В школах Русской Америки и Якутии благодаря созданной еще в дореформенный период на основе кириллицы национальной письменности обучение вели на русском и родном для учащихся языках. Методика билингвизма делала процесс обучения довольно продуктивным. В отчетных ведомостях из Петропавловского округа знания и поведение учеников оценивались маркерами «хорошо», «порядочно», «не худо» [23. Л. 69 об.]. Обучение было произвольным, так как учащие преподавали в свободное от основных занятий время и без учета учебных программ МНП. Посещение занятий учениками зависело от сезонной загруженности их хозяйственными работами.

В условиях дефицита учебников в Камчатской епархии занимались подготовкой их собственными силами. В 1860 г. член Якутского цензурного комитета по переводу книг на якутский язык священник П.К. Попов завершил перевод «Краткой Священной истории» для детей с издания 1803 г. [22. С. 7–8]. Всего планировали напечатать 3 тыс. экземпляров книги на русском и якутском языках в открытой в 1861 г. стараниями губернатора Ю.И. Штубендорфа местной типографии [22. С. 21]. Комплект учебной литературы дополнял «Указание пути в царство небесное», написанное архиепископом Иннокентием. Миссионерские школы в Забайкалье также нуждались в учебной литературе, за исключением школы при Посольском монастыре, который располагал библиотекой, укомплектованной пособиями по изучению монгольского языка, учебниками и богослужебной литературой, переведенной на монгольский язык. Однако первые переводы считались не очень удачными [27. С. 280]. Хотя тексты были отпечатаны на кириллице, но слова и выражения на монгольском языке в русском произношении буря-

ты не понимали, что сильно затрудняло работу миссионеров.

Сохранились данные об учебниках, которыми пользовались миссионеры в Русской Америке. В 1860–1862 гг. священник креол Л. Саламатов перевел на атхинский диалект алеутского языка тексты Нового Завета и «Сокращенный Катехизис для обучения алеутского юношества». Служивший на Юконе миссионер креол Я. Нецветов подготовил учебник «Краткая Священная история (от сотворения мира до входа в землю обетованную)» с текстами на языке эскимосов (юпик) и русском. В школе на о-ве Уналашка пользовались учебником для алеутов «Начатки христианского учения, или Краткая Священная история и краткий христианский Катехизис» И. Вениаминова и Я. Нецветова издания 1840 г., включавшем введение, Букварь, Молитвы, Священную историю, Катехизис и заключение. На о-ве Кадык учили по «Алеутско-Кадыкскому Букварю» И. Тыжнова, изданному в 1847 г., к которому был добавлен Молитвослов. Известно, что правление Российско-Американской компании отправляло литературу в столицу Русской Америки г. Новоархангельск в 1860, 1862 и 1865 гг., но комплекты учебников предназначались для расположенных там компанейских школ и нужд Новоархангельского Духовного правления. Нехватка литературы вынуждала миссионеров копировать имевшиеся учебные тексты. Так, к примеру, и поступил К. Ларионов, учивший детей по рукописи, сделанной им с учебника И. Тыжнова. Заметим, что недостаток учебных пособий являлся проблемой для школ не только духовного, но и других ведомств. К примеру, известен случай создания войсковым старшиной Р.О. фон Буксгевденом прописей для станичных школ Амурского казачьего войска (АКВ) [30. С. 127].

В 1860 г., рассчитывая на финансовую поддержку от правительства, в Главном Управлении Восточной Сибири составили проект преобразования учебной части, предусматривавший ряд важных для экономического и культурного развития региона мер. В частности, реорганизацию Иркутской гимназии в университет с юридическим и техническим направлениями, открытие реальных училищ и сельских школ [21. Л. 15, 16 об.]. Изначально перспективы реализации этой программы в полном объеме были сомнительными уже потому, что годовое финансирование реформы составляло 100 тыс. рублей, которые распределяли между всеми субъектами Российской империи. По смете МНП в распоряжение генерал-губернатора поступило всего 4 тыс. руб. субсидии для материальной помощи учителям городских приходских школ, заработная плата которых, по общему признанию, была недостаточной [31. Л. 15, 33 об.]. Судя по официальным отчетам, региональным властям пришлось скорректировать свою позицию и искать содействия со стороны городских и сельских обществ. В 1862 г. в Главном Управлении подготовили «Проект систематического распространения первоначальных сельских училищ» в счет налога на проданный алкоголь. Министерство финансов не одобряло такой способ и предлагало ввести подушный налог с сельчан на школы, но против введения подушного налога выступали сельские жите-

ли, считавшие налог на спиртное наиболее удобным для себя способом получения финансовых средств для открытия и содержания школ, о чем и сообщали в своих общественных приговорах [32. Л. 65].

По оценке М.С. Корсакова, успехи продвижения начального образования были «весьма различны по отношению к различным классам местного населения» [32. Л. 61]. Среди городов лидировал Троицкосавск, где градоначальник направлял на нужды народного образования доходы от кяхтинской торговли [32. Л. 61 об.–62]. В 1860–1861 гг. на пожертвования купцов из городов Кяхта и Верхнеудинск открыли шесть начальных школ ведения МНП в г. Троицкосавске, Селенгинском и Верхнеудинском округах [33. С. 121]. В 1864 г. количество новых приходских училищ МНП в Забайкалье выросло до 18, а частных сельских школ, содержащихся крестьянскими обществами, – до 99 [34. Л. 22]. В конце 1850-х гг. на территории Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) работало 18 штатных войсковых школ (полковых и батальонных) и 28 частных; в 1864 гг., согласно данным из официальных отчетов, сеть частных казачьих школ включала 248 учебных заведений, следовательно, с 1860 по 1864 г. было открыто 220 новых школ (подсчитано по: [34. Л. 22; 35. Л. 91; 36. Л. 27 об.]). В процессе переселения забайкальских казаков на Амур в 1859 г. открыли восемь штатных войсковых (сотенных) школ, в 1860 г. – одну штатную (бригадную) и 16 частных (станичных) школ по Амуру и 13 – по Уссури, в которых учились 745 детей обоего пола; в 1864 г. в АКВ работала 41 школа, т.е. за пять лет в общей сложности было открыто 32 станичных школы (подсчитано по: [35. Л. 91 об.; 37. Л. 19; 38. Л. 96 об.; 39. Л. 12; 40. Л. 16 об.]). С 1860 г. в Новоархангельске начало работу Обще-колониальное мужское училище (на правах уездного в Сибири), открытое правлением Российско-Американской компании (РАК) для детей служащих компании [28. С. 65].

Учебный курс Новоархангельского училища включал общие для всех уездных училищ предметы общеобразовательного цикла и специальные дисциплины в зависимости от профориентации выпускников (из курса училища торгового мореплавания, духовного училища, английский язык, бухгалтерию) [28. С. 65]. По такому же образцу строилась программа обучения в казачьих школах, где общеобразовательный цикл элементарной грамоты дополнялся физической и военной подготовкой, необходимой для службы в казачьих войсках. В сельских школах обучали чтению и письму, арифметике и азам христианского вероучения.

В развитие программы 1860 г. МНП поддержало открытие в регионе женских училищ, в том числе повышенного типа. Традиция женского образования в регионе была заложена с открытия в 1805 г. в Русской Америке школы для обучения девушек-креолок. С 1839 г. в Новоархангельске постоянно работало женское училище для девушек из семей рабочих компании и сирот. В азиатской части Тихоокеанской России начальное обучение девочек распространилось с появлением казачьих и сельских школ. В марте 1861 г. на средства купеческих обществ Верхнеудинска в регионе открыли первое среднее учебное заведение –

женское училище 2-го разряда (прогимназию) ведомства МНП; в апреле 1862 г. в Троицкосавске – женское училище 1-го разряда (гимназию) [10. С. 265; 11. С. 92; 41. Л. 9]. Попечительницей прогимназии избрали почетную гражданку А.Н. Курбатову, гимназии – супругу потомственного почетного гражданина С.С. Сабашникову [41. Л. 9]. В апреле 1861 г. император утвердил ходатайство военного губернатора Приморской области П.В. Казакевича об учреждении в Николаевске начального женского училища (с ведомственной принадлежностью морскому министерству), его попечительницей стала Т.С. Урядова [21. Л. 14]. В Новоархангельске в 1862 г. Российско-Американская компания открыла пансион для девушек-креолок, которым управляла супруга служившего в колониях капитан-лейтенанта Гаврищева [42. С. 31]. В год открытия в Николаевском училище было 39 учениц, в Новоархангельском – 18, в Верхнеудинской прогимназии – 31 [10. С. 267; 38. Л. 95 об.; 42. С. 19].

Курс обучения в девичьем пансионе был типичным для низших начальных училищ: Закон Божий, чтение и письмо по-русски, четыре действия арифметики. Девочки учились и в миссионерских школах. В 1860 г. в школе на о-ве Уналашка было 93 ученика, из них 43 девочки [28. С. 69]. Функционирование женских школ на материке до выхода «Устава гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 19 ноября 1864 г. определялось «Положением о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» от 10 мая 1860 г. Общими для мужских и женских гимназий являлись такие предметы, как Закон Божий, русский язык и словесность, арифметика, история, география, естественная история, физика, чистописание, а также европейские языки (немецкий и французский), пение и рисование, которые в женских учебных заведениях относились к категории необязательных. Курс математических дисциплин в мужских средних школах помимо арифметики включал алгебру, геометрию и тригонометрию, расширенный курс физики и космографии, черчение, гимнастику и древние языки (церковно-славянский, греческий, латинский). Специфику женских учебных заведений отражали такие дисциплины, как рукоделие, музыка и танцы, а номенклатура учебных дисциплин составляла 2/3 от учебного курса мужских школ.

В совокупности за период с 1860 по 1864 г. было открыто 390 школ, из них 388¹ начальных и две средних. Из общего числа учебных заведений 37 принадлежали центральным ведомствам: 1 – морскому, 16 – РПЦ, 20 – МНП. По числу открытых учебных заведений и обучавшихся в них учеников доминировали казачьи школы. Наиболее благополучная ситуация складывалась в ЗКВ. В 1863 г. на 116 381 человек войскового населения насчитывалось 6 057 учащихся, т.е. учился каждый 19-й человек² [32. Л. 62 об.]. Стремительному росту сети казачьих школ способствовала работа военного губернатора области генерал-лейтенанта Е.М. Жуковского, понимавшего специфику жизненного уклада казачьего сословия и агитировавшего за открытие школы в каждом казачьем селении. Исполнение служебных обязанностей в казачьих войсках требовало

грамотности и расширенного кругозора, а продвижение по службе не зависело от условностей происхождения, и благодаря полученному образованию простые казаки могли повысить свой социальный статус.

14 июля 1864 г. Александр II утвердил в качестве законодательной основы реформы начальной школы «Положение о начальных народных училищах». Отсутствие в документе позиций об обязательности и бесплатности обучения в начальных школах и сохранение права бюрократического контроля над их деятельностью стали маркерами смены либерального курса образовательной политики государства на консервативный. Примечательно, что ст. 1 Положения акцентировала приоритетное утверждение в народе религиозно-нравственных понятий (воспитание) и только потом – распространение первоначальных знаний (образование) [43. С. 39]. Акцент на концепте воспитания как главной цели деятельности народных школ усилился при Д.А. Толстом, совмещавшем должности министра просвещения и обер-прокурора Св. Синода.

В 1867 и 1869 гг. МНП организовало съезды учителей по вопросам внедрения христианских идей в среду инородцев через школьное воспитание [29. С. 782], повлиявшие на работу Забайкальской миссии. Усилия миссионеров сосредоточились на воспитании детей из христианских семей, учившихся в общественных инородческих школах. К концу 1860-х г. они добились преподавания законоучения и церковного пения во всех этих школах, несмотря на противодействие местной администрации и ламайского духовенства. В 1866 г. в училище при Посольском монастыре создали два отделения и внесли в учебную программу старшего отделения дисциплины из курса духовных училищ (кроме латыни и греческого) с включением монгольского книжного языка [29. С. 784]. При обучении монгольскому языку особое внимание стали уделять грамматике и чтению, постановке произношения, чтобы богослужение было понятным прихожанам-бурятам. В 1866 г. в типографии Св. Синода издали Русско-бурятский букварь, подготовленный миссионером Н. Болдоновым по образцу русского букваря издания 1862 г.; в 1867 г. на бурятский язык перевели Евангелие от Матфея и другие библейские тексты [27. С. 389–390]. В Якутске в 1866 г. отпечатали 500 экз. учебника «Краткая Священная история» на якутском и русском языках [22. С. 21]. В этом же году в миссии на оз. Болонь, открытой для гольдов (нанайцев), миссионер А. Протодиаконов сделал перевод «Начальной беседы» (части текста из «Краткой Священной истории» о сотворении мира и человека. – С.Б.), которым пользовался в процессе обучения [44. Л. 3–8].

После выхода Положения 1864 г. учебные курсы в начальных школах Камчатской епархии привели в соответствие с перечнем дисциплин, установленным ст. 3 данного документа [23. Л. 69 об.]. Курс учебных дисциплин включал Закон Божий (краткий катехизис и Священную историю), чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, арифметику (первые четыре действия) и церковное пение (там, где его преподавание было возможным). Но так как в школах на северо-востоке епархии продолжали практиковать би-

лингвизм, процесс обучения в них противоречил ст. 4, предписывавшей обучение в начальных народных школах на русском языке [23. Л. 69 об.].

В 1865–1868 гг. здесь по Положению 1864 г. открыли приходские училища в Петропавловске и Охотске, а также в селениях Ямск и Тигиль, в которых учились 115 детей обоего пола из семей камчадалов, казаков, купцов, мещан [13. С. 147; 23 Л. 30–31, 33; 26. Л. 10, 17]. Положение 1864 г. возвращало в образовательное пространство империи воскресные школы, уравнившие в правах с народными училищами [43. С. 39]. В 1865–1866 гг. две такие школы появились в г. Петропавловске и селении Мильково Петропавловского округа. Уроки в них вели приходские священники в выходные дни после вечерней службы. Средняя посещаемость занятий, согласно записям в школьных журналах, составляла в Петропавловской школе 23 чел., в Мильковской – 19 чел. [23. Л. 53 об.–61 об.]. В 1867 г. в миссионерском стане на оз. Болонь открылась первая на Амуре миссионерская школа [7. С. 296].

В этом же году в отчетных ведомостях появились сведения о практике обучения детей на дому у приходских священников в селении Иньское Охотского округа и в селениях Горинское и Доле-Троицкое на Нижнем Амуре [23 Л. 26–27; 26. Л. 3, 6]. При отсутствии школ обучение на дому выполняло компенсаторную роль. Наиболее активно его практиковали на юге Приморья, где в 1860-е гг. было несколько военных постов, между которыми сквозь тайгу прокладывали дороги, и не было ни одной школы. Согласно отчетам генерал-губернаторов Восточной Сибири, в первой половине 1860-х гг. в Приморье и Приамурье дороги были вьючными, сообщение осуществлялось в основном по рекам. Из-за нехватки рабочих рук прокладка казенных дорог шла очень медленно, для строительства приходилось употреблять военных чинов. На Амуре на протяжении 700 верст в пределах Амурской области вдоль реки Амур была проложена казенная дорога. В Приморье еще в середине 1870-х гг. продолжалась прокладка казенных дорог между постами Владивосток и Камень-Рыболов, постом Новгородским (Посьет) и станцией Гладкой. Освоение края в те годы являлось монополией Военного ведомства, что давало повод главе Владивостокского прихода иеромонаху Валериану констатировать факт отсутствия школ и обвинять в этом «военное начальство». По его сведениям, обучением детей грамоте в военных постах занимались «знающие» военные чины, но даже самые грамотные солдаты, писари или унтер-офицеры не могли полноценно заниматься обучением детей из-за отсутствия учебников, а неоднократные запросы Валериана в духовную консисторию по данному поводу оставались без ответа [26. Л. 15–15 об.].

В 1866 г. в Забайкалье учредили новые миссионерские станы, увеличившие сеть миссионерских школ до восьми, а число учащихся в них до 41 чел. [27. С. 317]. Число приходских училищ в городах Забайкальской области в 1864–1865 гг. выросло с 18 до 21, частных казенных школ – с 248 до 264 [34. Л. 22; 45. Л. 19 об.–20].

В 1864 г. в Благовещенске на собранные горожанами средства открыли частную школу. Недостаток

средств на ее содержание вынудил замещавшего военного губернатора Амурской области полковника Е.И. Савича инициировать учреждение «правильного народного училища» ведомства МНП, содержимого за счет казны. 14 мая 1865 г. император утвердил ходатайство о его открытии и выделении на его содержание 1 296 руб. в год из капитала в 100 тыс. руб., предназначенных на устройство народных училищ [46. Л. 17 об., 21]. В 1865–1866 гг. в нем занимались 25 мальчиков из семей чиновников, казаков и нижних военных чинов [46. Л. 3].

В том же году в Чите появился 3-классный частный пансион, работавший по плану классической мужской гимназии и бюджетом 15 тыс. руб. в год. Благодаря взносам жертвователей пансион обеспечили средствами вплоть до 1869 г. [47. Л. 7]. Основными спонсорами стали виноторговцы, золотопромышленники, бурятские общества и казаки 2-й конной бригады ЗКВ, причем 70% средств внесли бурятские общества [48. Л. 62 об.–63]. В пансионе было 87 учеников, включая 47 бурятов [47. Л. 10 об.]. В дальнейшем пансион предполагали реорганизовать в гимназию. Проект Читинской мужской гимназии получил поддержку министра внутренних дел, направившего в 1866 г. Д.А. Толстому соответствующее представление [47. Л. 19], но тот ответил отказом, мотивируя его в письме от 27 февраля 1867 г. текущими финансовыми обстоятельствами и несогласием с тем, что в гимназии вместе с православными верующими будут учиться ламаисты [47. Л. 17, 18 об.].

В 1865 г. в Главном Управлении Восточной Сибири приняли новый проект развития системы образования, включавший распространение на регион положения 1864 г., назначение твердых сумм от казны на пособия народным школам и поднятие заработной платы всем служащим по учебному ведомству³, реорганизацию уездных училищ в гимназии или прогимназии и открытие курсов подготовки народных учителей [38. Л. 67]. К концу 1860-х гг. эта программа была частично реализована. 18 декабря 1867 г. правительство учредило должность Главного инспектора училищ Восточной Сибири ввиду отсутствия здесь земств и училищных советов, занимавшихся в губерниях Европейской России, согласно Положению 1864 г., школами. С 5 января 1868 г. эту должность занимал директор училищ Иркутской губернии надворный советник Р.К. Маак, в ведение которого перешли все общеобразовательные школы МНП в регионе [49. Л. 16].

В 1865 г., незадолго до своей отставки, губернатор Приморской области П.В. Казакевич ходатайствовал об открытии при Николаевском женском училище пансиона для иногородних учениц. 2 июля 1865 г. император утвердил решение о его открытии и выделении казенного пособия в 5 520 руб. в год, включая 1 200 руб. на содержание пансиона [50. Л. 64]. В том же году новый губернатор области И.В. Фуругельм инициировал преобразование Николаевского женского училища в прогимназию, но окончательное решение по этому вопросу было принято лишь в 1872 г. [51. Л. 13 об.]. 26 сентября 1868 г. на собранные жителями г. Нерчинска средства открыли Софийскую женскую гимназию

в составе приготовительного и трех основных классов [11. С. 92].

В рассматриваемый период в Тихоокеанской России было три уездных училища МНП в Забайкалье и уездное училище МНП в Якутске. В 1867 г. Р.К. Маак обследовал училища Забайкалья и под предлогом неудовлетворительной постановки учебного процесса вследствие недокомплекта учителей высказался против реорганизации Нерчинского и Верхнеудинского училищ в прогимназии. Перспектива реорганизации в прогимназию могла быть у Троицкосавского уездного училища, но у городского общества не нашлось тогда для этого достаточных средств, а МНП в 1869 г. запретило местным властям корреспондировать на счета прогимназии казенные деньги, ассигнуемые на содержание уездного училища [48. Л. 35 об.]. Что же касается Якутского уездного училища, то 6 июня 1867 г. император утвердил решение Госсовета о преобразовании его в 4-классную классическую мужскую прогимназию по «Уставу гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» от 19 ноября 1864 г., с выделением казенного финансирования в размере 12 520 руб. в год на ее содержание [52. С. 482–483].

Создание единой сети школ МНП происходило и за счет включения в нее перепрофилированных школ других ведомств, функционировавших в регионе. В этом отношении показательна судьба Николаевского штурманского училища. Еще при министре просвещения Е.П. Ковалевском по соглашению МНП с Морским министерством было принято решение о его реорганизации в общеобразовательное учебное заведение. В 1864–1865 гг. этот вопрос рассматривали в Главном Управлении Восточной Сибири, но конкретных решений не принимали из-за сопротивления военного губернатора Приморской области П.В. Казакевича, желавшего сохранить необходимое для региона профессиональное учебное заведение. Заметим, что воспитанником Николаевского училища являлся выдающийся русский флотоводец и ученый адмирал С.О. Макаров, окончивший его в 1865 г. [9. С. 299]. Твердость П.В. Казакевича хотя и продлила жизнь училища, но не смогла спасти его от реорганизации. Решающую роль в этом сыграла позиция великого князя Константина Николаевича, который руководствовался политико-стратегическим концептом о первоочередном укреплении европейских губерний («земской Руси») как главной силы империи, и входившего в его ближайшее окружение и пользовавшегося «его полным расположением и доверием» министра народного просвещения А.В. Головнина [15. С. 395; 53. С. 386]. Оба считали, что для центра важнее назначать в регион специалистов из Европейской России, как этого требуют «политические условия надлежущей зависимости колонии от метрополии» [54. Л. 152, 163]. И.В. Фуругельм, разделявший это мнение, согласился с закрытием училища [51. Л. 89 об.–90]. В итоге борьба региональной администрации за сохранение морского учебного заведения, начатая еще 1850-е гг., завершилась победой центрального правительства, продавшего решение, идущее вразрез с интересами развития Тихоокеанской

России. В конце 1867 г. вместо морского училища открыли по Положению 1864 г. мужское начальное училище с бюджетом 2 896 руб. в год. Из выделенных средств 1 296 руб. были пособием от казны (как и для Благовещенского начального училища), остальные – средства местного бюджета и помощь благотворителей. [51. Л. 29]. 15 декабря 1869 г. император утвердил представление Государственного совета об открытии на базе начального училища классической мужской прогимназии, начавшей работу с 1 июля 1870 г. [51. Л. 60].

Попытка преобразовать специальное учебное заведение в общеобразовательное была предпринята МНП и в отношении Нерчинского горного училища. Обследовавший его в конце 1860-х гг. Р.К. Маак рекомендовал руководству Нерчинского горного округа перепрофилировать его по Уставу 1864 г. либо в классическую прогимназию, либо в реальное училище ведения МНП [5. С. 158]. Хотя необходимый для этого пакет документов был подготовлен, изменить формат учебного заведения на общеобразовательный не удалось, видимо, из-за позиции Министерства императорского двора, в ведении которого находилось Нерчинское горное управление и на которое полномочия великого князя не распространялись. Статус учебного заведения оставался неопределенным вплоть до начала 1870 гг., когда Нерчинское горное управление и начальник Нерчинских заводов М.П. Герасимов пошли по пути восстановления учебного заведения в его изначальном виде как среднего специального горного училища [5. С. 159].

В общей сложности на территории Тихоокеанской России после выхода законодательных актов 1864 г. о начальных и средних школах в 1865–1869 гг. появилось 37 новых школ, включая 34 начальных и 3 средних. Центральные ведомства открыли 20 школ, которые распределялись следующим образом: РПЦ – 12 школ, МНП – 7 (включая 2 средних), морское министерство – 1. Частным порядком было открыто 17 школ, включая одну среднюю. Такое более чем десятикратное по сравнению с 1860–1864 гг. замедление темпов школьного строительства объясняется истощением ресурсов у населения, необходимых для систематической поддержки жизнеспособности учебных заведений.

Финансовая сторона реформы заключалась в том, что казна устранилась от содержания начальных школ, переложив проблему их финансирования на местные общества. Исследователи отмечают, что после выхода Положения 1864 г. сеть их в Российской империи стала сокращаться [20. С. 9]. Недосток финансовых средств стал одной из серьезных проблем в проведении школьной реформы. В Восточной Сибири, по данным отчета М.С. Корсакова, расходы правительства на нужды образования в 1864–1865 гг. составляли 1/200 от всех казенных расходов, что было существенно ниже расходов на образование, выделяемых для внутренних губерний империи [38. Л. 60]. Государственное пособие на все приходские училища Восточной Сибири составляло 2 000 руб. в год. Таким оно оставалось и в конце 1870-х гг. [55. Л. 53 об.]. Фактическая зависимость бюджетов школ от материального достатка местного населения делала их положение крайне неустойчивым.

Большая часть открытых в сельской местности школ собственных помещений не имела и располагалась в служебных помещениях церквей, казачьих войсковых и волостных правлений или в жилых домах, мало приспособленных для учебного процесса, хотя источники упоминают об отдельных случаях пожертвований помещений под школы со стороны прихожан [56. Л. 13]. Более благополучная ситуация складывалась в Русской Америке, где содержанием и снабжением школ занималась компания, а также в городах, где имелись достаточно состоятельные жертвователи и спонсоры.

Вследствие неурожая сеть сельских школ в Забайкальской области в 1865 г. сократилась с 99 до 95, и новых школ не открывали [45. Л. 19 об]. Основу бюджета Забайкальской миссии составляли небольшое пособие от Иркутской епархии и пожертвования от бурятов-прихожан, число которых было незначительно. В 1866 г. на содержание учеников в станах потратили 198 руб. 23 коп., в 1867 г. – немного больше: 242 руб. 29,5 коп. [27. С. 343, 526], но проблема дефицита школьного бюджета не была решена, и в 1869 г. в Забайкальской миссии осталось три школы: две в миссионерских станах, где учились 9 новокрещенных мальчиков, и школа при Посольском монастыре с 23 учениками [29. С. 783–784]. Судя по изменениям в программе обучения в старшем классе и изменившейся цели обучения в школе при Посольском монастыре, сосредоточенной на подготовке к миссионерскому служению, епископ Вениамин пытался трансформировать ее в духовное училище. Таким образом, сложившаяся ситуация объясняется не только отсутствием необходимых средств у миссии на содержание школ, но и личными предпочтениями ее главы, который считал, что школьное обучение не является основной задачей миссионеров, но отвлекает их силы и средства [27. С. 524]. Этим он отличался от архиепископа Иннокентия, придававшего обучению детей в школах важное значение.

По ряду причин ближе к концу 1860-х гг. наметился упадок сети школ и в Камчатской епархии. За период реформы МНП открыло 27 новых школ, духовное ведомство – 28, с учетом шести миссионерских школ в русских колониях здесь функционировало 34 начальных школы ведомства РПЦ. Вследствие миграции крестьянского населения закрылись школы в селениях русских крестьян в Якутии. К примеру, в 1865 г. семьи почти всех школьников из крестьянского селения Усть-Майское переселились частью в Иркутскую губернию, частью на Амур. После продажи Русской Америки в 1867 г. образовательное пространство Тихоокеанской России утратило в общей сложности 9 подведомственных РПЦ школ. На момент продажи компании в русских колониях помимо шести миссионерских школ РПЦ функционировали четыре школы Российско-Американской компании, расположенные в Новоархангельске: пансион для девушек из креольских семей, Общеколонияльное училище, а также мужское и женское училища для детей из семей рабочих и служащих компании «в низших званиях». В итоге число учащихся в церковных школах Камчатской епархии почти срав-

нялось с числом учеников в школах МНП. В 1867 г. в министерских школах учились 219 человек, в церковных – 231 [23. Л. 27, 31, 33, 44, 57–61 об., 69 об.; 57. С. 179]. В начале 1868 г. преосвященный Иннокентий оставил пост главы епархии в связи с избранием его митрополитом Московским и Коломенским, регион потерял авторитетного лидера, курировавшего школьное строительство на территории епархии. Место главы Камчатской епархии занял переведенный в 1868 г. из Забайкалья епископ Вениамин, имевший отличный от своего предшественника взгляд на школы. В 1869 г. вышел указ императора об образовании самостоятельной Якутской епархии, что привело к сокращению числа детей в якутских школах, охваченных начальным обучением, на 45% [58. С. 204, табл. XV]. Между тем МНП с введением должности главного инспектора училищ Восточной Сибири и расширением сети ведомственных школ усилило свои позиции в регионе.

Хроническое недофинансирование обостряло кадровую проблему, обуславливая дефицит профессиональных учителей в начальных школах. Бюджет школ на северо-востоке Камчатской епархии формировался из средств местных обществ, частных пожертвований и казенного пособия в 300 руб. от Министерства госимуществ на выплаты церковным причтам за обучение детей камчадалов. Доходы учащихся разнились по территориям, зависели от материального достатка обществ и величины пожертвований спонсоров, а потому были весьма скромными. В Якутии учителя получали по 1,5 руб. в месяц за ученика [24. С. 246]. При средних показателях (15 учеников на школу) зарплата учителя составляла 22,5 руб. в месяц. В школе Петропавловска учителю доплачивали ставку причетника, но в сельских школах округов духовенство работало безвозмездно [23. Л. 33, 78]. Дефицит профессиональных учителей даже в городах вынуждал местные общества решать проблему обучения детей собственными силами. Наиболее подготовленными к учительскому труду считались священники и миссионеры, имевшие семинарское образование, но в школах Якутии и охотско-камчатских округов работали и младшие члены причтов, улусные писари и грамотные селяне [24. С. 245]. Проблема кадрового обеспечения самой большой группы начальных учебных заведений – казачьих школ – также требовала решения. Поселковые учителя, должности которых исполняли грамотные казаки или отставные чиновники, не имели обеспеченного войсковой казной жалованья и сами собирали плату с родителей своих учеников, которая, например, в ЗКВ составляла от 15 до 30 коп. в месяц с каждого ученика [3. С. 180]. Часто вместо денег им платили продуктами, дровами, мануфактурой или выставляли штоф водки. В станичных школах АКВ учитель получал от общества 3 руб. в месяц (36 руб. в год) «...и ходил обедать по очереди к жителям, как пастух» [30. С. 126].

Уездные и приходские училища МНП имели стабильное финансирование от казны в размере 2 460 руб. в год и были доступными для горожан, но качество обучения в них из-за дефицита хороших учителей удовлетворяло немногих [48. Л. 23], поэтому даже в тех случаях, когда население снимало с властей бремя

содержания учебного заведения, школы толком не работали. Вследствие недостаточного материального вознаграждения за учительский труд текучесть кадров преподавателей в большинстве школ Тихоокеанской России была явлением постоянным. Только в Русской Америке, где правление Российско-Американской компании полностью брало на себя содержание учителей, их материальное положение было устойчивым [28. С. 69–70]. По данным Главного Управления Восточной Сибири дефицит специалистов для администрации и местной промышленности, транспорта, учебных заведений восполнялся переводом на службу в Восточную Сибирь специалистов из внутренних губерний страны [38. Л. 61 об.]. Но эта мера не решала проблему кадрового обеспечения региона, что мешало развитию его экономики, служило основным препятствием к распространению школ и развитию образования. Незадолго до своей отставки генерал-губернатор М.С. Корсаков принял решение направлять в начальные сельские школы выпускниц гимназий, даже если они не имели права выпускать учительниц [59. Л. 29], но при жизни не успел его реализовать. Де-факто это решение воплотил его преемник генерал-губернатор Н.П. Синельников, направивший соответствующее представление по этому важному вопросу в МНП. Несмотря на то, что данное предложение не проходило предварительного согласования с министерством, император поддержал его резолюцией: «Желаю, чтобы дело это не затягивалось» [59. Л. 29 об.], что не только подчеркивает остроту стоявшей кадровой проблемы, но и позволяет нам высказать предположение о частичном возрождении опыта профессиональной ориентации конца 1840-х гг. в старших классах средних школ.

В общей сложности в Тихоокеанской России открыли 427 новых школ. Рост учебной сети, включая появление в регионе первых женских и мужских средних школ, увеличение числа учащихся в начальных школах, сопоставимое с учебными заведениями МНП, является несомненным успехом. Положительных результатов удалось достичь благодаря консенсусу между властью и обществом. В 1860-е гг. наряду с государством в лице региональных и областных администраторов, а также земских властей, подключившихся к процессу возрождения школ в Охотских округах, субъектами образовательной политики стали казацкие и сельские общества, церковные приходы, местные предприниматели. Частные инициативы сыграли решающую роль в реформе, активно содействуя школьному строительству. Указ Александра II, призванный погасить конфликт между МНП и РПЦ, давал простор для самостоятельной деятельности духовенства. Имен-

но духовенство стояло у истоков создания общеобразовательной школы европейского типа для коренных народов северо-востока Тихоокеанской России и адаптировало методику билингвизма в учебном процессе в открытых им школах. Особая роль в период реформы принадлежала архиепископу Иннокентию (Вениаминову), под руководством которого была создана сеть начального образования в Якутии и охотско-камчатских округах.

Отрицательная динамика в школьном строительстве, зафиксированная во второй половине 1860-х гг., связана со спецификой освоения Тихоокеанской России: зависимостью от внутренних и внешних миграций, малочисленностью и бедностью населения, слабо развитой инфраструктурой территории, а также изменением ее конфигурации в связи с продажей Русской Америки. Реформа повлияла на формирование модели начальной народной школы, но вследствие недостатка ресурсов для полноценной модернизации системы образования в регионе остались нерешенные вопросы, такие как обеспечение учебного процесса нужными пособиями, создание устойчивой материальной базы школ и комплектование кадрами учебных заведений. Центральное правительство, относившееся к региону, как к колонии, и опасавшееся регионального сепаратизма, проводило образовательную политику, направленную на сдерживание процесса школьного строительства, и программировало, таким образом, постоянный дефицит необходимых кадров специалистов, что, в свою очередь, тормозило процесс освоения региона и полноценной его интеграции в цивилизационное пространство России.

Принципиальное решение о сокращении участия государства в финансировании начальных школ означало не только пересмотр сложившейся с XVIII в. традиции приоритета государства в системе образования, но и формирование на государственном уровне традиции остаточного финансирования его нужд. Отметим также, что усилия МНП заменить профессиональные школы, адаптированные к структуре экономики региона, только общеобразовательными школами с приоритетом классического направления мало могли помочь решению задачи его модернизации и развития. Несмотря на свои достоинства, классическое образование не ориентировалось на современные достижения в естественно-технических областях. Сосредоточение исключительно на классической парадигме в образовании можно интерпретировать как неготовность правящего класса к индустриальной модернизации, несмотря на поражение в Крымской войне, показавшей технологическую отсталость Российской империи от ее геополитических соперников.

Примечания

- ¹ Штатные войсковые казацкие школы не учитываются, так как их открытие происходило согласно штатному расписанию, а не в связи с реформой.
- ² Для сравнения: в Иркутском и Енисейском казацких полках это соотношение составляло 1:72, на 27 250 человек казацкого населения 378 учащихся.
- ³ Зароботная плата преподавателя уездного училища в Восточной Сибири составляла 350 руб. в год, или 29 руб. с небольшим в месяц.

Список источников

1. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX. М. : Мариос, 2011. Т. I: Политическая история российского образования. 648 с.

2. Сысоева Е.К. Школа в России. XVIII – начало XX вв.: власть и общество. М. : Новый хронограф, 2015. 512 с.
3. Белоглазова С.Б. Начальный этап истории казачьих войск в Забайкалье // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв. : к 120-летию Уссурийского казачьего войска : сб. науч. ст. Хабаровск, 2009. Вып. 2. С. 172–183.
4. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII – начало XX вв.). Благовещенск, 2008. 208 с.
5. Константинова Т.А. История горнозаводского образования в Забайкалье. 1723–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2007. 216 с.
6. Федирко О.П. Очерки истории православного образования в дореволюционном Приамурье (1862–1918). Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. 143 с.
7. Лынша О.Б. Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов Нижнего Амура во второй половине XIX века // Русская Америка : материалы III Междунар. науч. конф. «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007. С. 295–307.
8. Белоглазова С.Б. Из истории Новоархангельской семинарии // Историческая наука и историческое образование на Дальнем Востоке : сб. ст. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 278–281.
9. Гаврилов С.В. Первые учебные заведения морского и рыбохозяйственного профиля на Дальнем Востоке России и Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Изд-во КамчатГТУ, 2005. Вып. 1. С. 275–318.
10. Захарова Е.В. Женское образование в сибирской провинции (на примере Верхнеудинской прогимназии) // Педагогическое образование в России. 2013. № 6. С. 265–268.
11. Мамкина И.Н. Женские гимназии Забайкальской области (по материалам государственных архивов Забайкальского края и Иркутской области) // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 88–96.
12. Белоглазова С.Б. Начальный этап истории образования на юге Дальнего Востока // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 42–53.
13. Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России, XVIII – 30-е годы XX в. Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2001. 516 с.
14. Всеподданнейший доклад о мерах и предположениях по устройству системы народного образования 5 марта 1856 г. // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Изд. 2-е. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1876. Т. III: Царствование императора Александра II, 1855–1864. С. 75–84.
15. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб. : Изд. М-ва народ. просвещения, 1902. 787 с.
16. Бесплатное первоначальное обучение // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1864. Ч. СХХII, отд. VI. С. 79–80.
17. Публичные школы в Англии // ЖМНП. 1864. Ч. СХХII, отд. VII. С. 175–193.
18. Модзалевский Л. Съезд швейцарских учителей в Берне. 9-го и 10-го октября 1863 г. // ЖМНП. 1864. Ч. СХХII, отд. III. С. 1–51.
19. Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1860. Ч. CV, отд. I. С. 83–163.
20. Вахтеров В.П. Всеобщее обучение. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1897. 216 с.
21. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 148. К. 1740.
22. О переводе краткой священной истории на якутский язык, изданной в Якутске в 1867 г. // Якутские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1904. № 1. С. 6–8; № 2. С. 21–23.
23. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3.
24. Краткая историческая записка о церковно-приходских школах за истекшее двадцатипятилетие с 1870–1895 год // ЯЕВ. 1895. № 16. С. 243–251.
25. РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81.
26. РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 36.
27. Труды православных миссий в Восточной Сибири / изд. Иркутского комитета православного миссионерского общества. Иркутск : тип. Н.Н. Сеницына, 1883. Т. 1: 1862–1867 гг. 576 с.
28. Обзор русских колоний в Северной Америке капитан-лейтенанта Головина. СПб. : Тип. Морского министерства, 1862. 194 с.
29. Забайкальская православная миссия в 1870 году // Прибавление к Иркутским епархиальным ведомостям. 1871. № 45. С. 781–791.
30. Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск : Тип. Войскового правления Амурского казачьего войска, 1912. 221 с.
31. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 126. К. 1739.
32. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 227. К. 1742.
33. Менчуков И.А. Несколько слов о народном образовании в Забайкальской области (с приложением таблицы) // Памятная книжка Забайкальской области. Иркутск : Тип. Н.Н. Сеницына, 1871. С. 116–121.
34. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 233. К. 1743.
35. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 111. К. 1738.
36. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 132. К. 1739.
37. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 141. К. 1739.
38. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 247. К. 1743.
39. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 26.
40. РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 11.
41. ГАИО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 543. К. 1477.
42. Отчет Российско-Американской компании за 1862 год. СПб. : Тип. А. Треймана, 1865. 64 с.
43. Положение о начальных народных училищах // ЖМНП. 1864. Ч. СХХIII, отд. I. С. 39–47.
44. РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 18.
45. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 35. К. 1898.
46. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 130. К. 1659.
47. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 715. Оп. 962.
48. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 154. К. 1661. Оп. 809.
49. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 253. К. 1667.
50. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 28. К. 1897.
51. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 16. К. 2099.
52. Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1870. Т. 4: Царствование императора Александра II. 1865–1870. 1017 с.
53. История Русской Америки (1732–1867) : в 3 т. /отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. III: Русская Америка от зенита к закату (1825–1867). 558 с.
54. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 131. К. 1659.
55. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 292. К. 2045.
56. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 213. К. 1665. Оп. 820.
57. Памятная книжка Якутской области за 1867 год / изд. Якут. обл. стат. комитета. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1869. 247 с.
58. Памятная книжка Якутской области за 1871 год / изд. Якут. обл. стат. комитета. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1877. 243 с.
59. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 78. К. 2034.

References

1. Dneprov, E.D. (2011) *Rossiyskoe obrazovanie v XIX – nachale XX* [Russian education in the 19th – early 20th century]. Vol. 1. Moscow: Marios.
2. Sysoeva, E.K. (2015) *Shkola v Rossii. XVIII – nachalo XX vv.: vlast' i obshchestvo* [School in Russia. The 18th – early 20th centuries: Power and society]. Moscow: Novyy khronograf.
3. Beloglazova, S.B. (2009) Nachal'nyy etap istorii kazach'ikh voysk v Zabaykal'e [The initial stage of the history of the Cossack troops in Transbaikalia]. In: Galyamova, L.I. et al. (eds) *Kazachestvo Dal'nego Vostoka Rossii v XVII–XXI vv.: k 120-letiyu Ussuriyskogo kazach'ego voyska* [Cossacks of the Russian Far East in the 17th – 21st centuries: To the 120th anniversary of the Ussuri Cossack army]. Vol. 2. Khabarovsk: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS. pp. 172–183.
4. Kovalenko, A.I. (2008) *Kul'tura kazachestva vostochnykh okrain Rossii (XVII – nachalo XX vv.)* [Cossack culture of the eastern outskirts of Russia (17th – early 20th centuries)]. Blagoveshchensk: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS.
5. Konstantinova, T.A. (2007) *Istoriya gornozavodskogo obrazovaniya v Zabaykal'e. 1723–1917 gg.* [History of mining and metallurgical education in Transbaikalia. 1723–1917]. History Cand. Diss. Chita.
6. Fedirko, O.P. (2003) *Ocherki istorii pravoslav'nogo obrazovaniya v dorevol'yutsionnom Priamur'e (1862–1918)* [Essays on the History of Orthodox Education in the pre-revolutionary Amur Region (1862–1918)]. Blagoveshchensk: Amur State University.
7. Lynsha, O.B. (2007) Deyatel'nost' pravoslavnykh missionerov po razvitiyu shkol'nogo obrazovaniya sredi korennykh narodov Nizhnego Amura vo vtoroy polovine XIX veka [Activities of Orthodox missionaries to develop school education among the indigenous peoples of the Lower Amur in the second half of the 19th century]. *Russkaya Amerika* [Russian America]. Proc. of the 3rd International Conference. Irkutsk, August 8–12, 2007. Irkutsk. pp. 295–307.
8. Beloglazova, S.B. (2009) Iz istorii Novoarkhangel'skoy seminarii [From the history of the Novoarkhangel'sk seminary]. In: *Istoricheskaya nauka i istoricheskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke* [Historical science and historical education in the Far East]. Vladivostok: [s.n.]. pp. 278–281.
9. Gavrilov, S.V. (2005) Pervye uchebnye zavedeniya morskogo i rybokhozyaystvennogo profilya na Dal'nem Vostoke Rossii i Kamchatke [The first educational institutions of maritime and fisheries profile in the Russian Far East and Kamchatka]. *Voprosy istorii Kamchatki*. 1. pp. 275–318.
10. Zakharova, E.V. (2013) Zhenskoe obrazovanie v sibirskoy provintsii (na primere Verkhneudinskoy progimnazii) [Female education in the Siberian province (a case study the Verkhneudinsk progymnasium)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 265–268.
11. Mamkina, I.N. (2012) Zhenskie gimnazii Zabaykal'skoy oblasti (po materialam gosudarstvennykh arkhivov Zabaykal'skogo kraia i Irkutskoy oblasti) [Girls' Gymnasiums of the Trans-Baikal Region (Based on Materials from the State Archives of the Trans-Baikal Territory and the Irkutsk Region)]. *Gumanitarnyy vektor*. 2(30). pp. 88–96.
12. Beloglazova, S.B. (2010) Nachal'nyy etap istorii obrazovaniya na yuge Dal'nego Vostoka [The Initial Stage of the History of Education in the South of the Far East]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 3. pp. 42–53.
13. Sevilgaev, G.F. (2001) *Narodnoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke Rossii, XVIII – 30-e gody XX v.* [Public Education in the Russian Far East, 18th – 1930s]. Barnaul: Alt. poligraf. kombinat.
14. Russia. (1876) Vsepoddannyyshiy doklad o merakh i predpolozheniyakh po ustroystvu sistemy narodnogo obrazovaniya 5 marta 1856 g. [Most humble report on measures and proposals for the organization of the public education system, March 5, 1856]. In: *Sbornik postanovleniy po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education]. Vol. III. St. Petersburg: V.S. Balashev. pp. 75–84.
15. Rozhdestvenskiy, S.V. (1902) *Istoricheskiy obzor deyatelnosti ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1802–1902* [Historical review of the activities of the Ministry of Public Education, 1802–1902]. St. Petersburg: Ministry of Public Education.
16. Anon. (1864) Besplatnoe pervonachal'noe obuchenie [Free initial education]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)*. CXXII. Part. VI. pp. 79–80.
17. Anon. (1864) Publichnye shkoly v Anglii [Public schools in England]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)*. CXXII. Part. VI. pp. 179–193.
18. Modzalevsky, L. (1864) S"ezd shveysarskikh uchiteley v Berne. 9-go i 10-go oktyabrya 1863 g. [Congress of Swiss teachers in Bern. October 9 and 10, 1863]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)*. CXXII. Part. III. pp. 1–51.
19. Ministry of Public Education. (1860) Proekt Ustava nizshikh i srednikh uchilishch, sostoyashchikh v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Draft Charter of Lower and Secondary Schools under the Department of the Ministry of Public Education]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)*. Vol. CV. Part. I. pp. 83–163.
20. Vakhterov, V.P. (1897) *Vseobshchee obuchenie* [Universal schooling]. Moscow: I.D. Sytin.
21. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 148. Paper 1740.
22. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti (YaEV)*. (1904) O perevode kratkoy svyashchennoy istorii na yakutskiy yazyk, izdannoy v Yakutske v 1867 g. [On the translation of a short sacred history into the Yakut language, published in Yakutsk in 1867]. 1. pp. 6–8.
23. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 1009. List 3. File 3.
24. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti (YaEV)*. (1895) Kratkaya istoricheskaya zapiska o tserkovno-prikhodskikh shkolakh za istekshee dvadtsatipyatiletie s 1870–1895 god [Brief historical note about parochial schools over the past twenty-five years from 1870–1895]. 16. pp. 243–251.
25. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 87. List 1. File 81.
26. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 1009. List 3. File 36.
27. Irkutsk Committee of the Orthodox Missionary Society. (1883) *Trudy pravoslavnykh missiy v Vostochnoy Sibiri* [Works of Orthodox missions in Eastern Siberia]. Vol. 1. Irkutsk: N.N. Sinitsyn.
28. Golovin. (1862) *Obzor russkikh koloniy v Severnoy Amerike kapitan-leytenant Golovina* [Review of Russian colonies in North America by captain-lieutenant Golovin]. St. Petersburg: Naval Ministry.
29. *Pribavlenie k Irkutskim eparkhial'nym vedomostyam*. (1871) Zabaykal'skaya pravoslavnaya missiya v 1870 godu [Transbaikal Orthodox mission in 1870]. 45. pp. 781–791.
30. Ivanov, R. (1912) *Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego voyska* [Brief History of the Amur Cossack Army]. Blagoveshchensk: Military Administration of the Amur Cossack Army.
31. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 126. Paper 1739.
32. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 227. Paper 1742.
33. Menchukov, I. A. (1871) Neskol'ko slov o narodnom obrazovanii v Zabaykal'skoy oblasti (s prilozheniem tablitsy) [A Few Words about Public Education in the Transbaikal Region (with an Appendix Table)]. In: *Pamyatnaya knizhka Zabaykal'skoy oblasti* [“Pamatnaya knizhka” of the Transbaikal Region]. Irkutsk: N.N. Sinitsyn. pp. 116–121.
34. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 233. Paper 1743.
35. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 111. Paper 1738.
36. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 132. Paper 1739.
37. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 141. Paper 1739.
38. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 247. Paper 1743.
39. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 704. List 1. File 26.
40. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 704. List 1. File 11.

41. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 1. File 543. Paper 1477.
42. Anon. (1865) *Otchet Rossiysko-Amerikanskoj kompanii za 1862 god* [Report of the Russian-American Company for 1862]. St. Petersburg: A. Treyman.
43. Anon. (1864) *Polozhenie o nachal'nykh narodnykh uchilishchakh* [Regulations on primary public schools]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)*. CXXXIII. Part. I. pp. 39–47.
44. The Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV). Fund 1009. List 3. File 18.
45. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 35. Paper 1898.
46. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 10. File 130. Paper 1659.
47. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 12. File 715.
48. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 10. File 154. Paper 1661.
49. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 10. File 253. Paper 1667.
50. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 28. Paper 1897.
51. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 10. File 16. Paper 2009.
52. Ministry of Public Education. (1870) *Sbornik postanovleniy po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Collection of decrees of the Ministry of Public Education]. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
53. Bolkhovitinov, N.N. (1999) *Istoriya Russkoj Ameriki (1732–1867)* [The History of Russian America (1732–1867)]. Vol. III. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
54. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 10. File 131. Paper 1659.
55. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 292. Paper 2045.
56. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 10. File 213. Paper 1665.
57. Anon. (1869) *Pamyatnaya knizhka Yakutskoj oblasti za 1867 god* [“Pamyatnaya knizhka” of the Yakut region for 1867]. St. Petersburg: V. Bezobrazov and K^o.
58. Anon. (1877) *Pamyatnaya knizhka Yakutskoj oblasti za 1871 god* [“Pamyatnaya knizhka” of the Yakut region for 1871]. St. Petersburg: V. Bezobrazov and K^o.
59. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO). Fund 24. List 9. File 78. Paper 2034.

Сведения об авторе:

Белоглазова Светлана Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Beloglazova Svetlana B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of History of the Russian Far East, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: Beloglazov1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 28.05.2021; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94(47)«20»
doi: 10.17223/19988613/93/3

Институциональные трансформации и когнитивные изменения жителей Луганской области на рубеже XX–XXI вв.

Сергей Юрьевич Белоконев¹, Иван Павлович Грива²

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

² Луганский государственный университет им. Владимира Даля, Луганск, Россия

¹ SYUBelokonev@fa.ru

² Hryvaivan19@mail.ru

Аннотация. На основе данных отечественных источников анализируется генезис политических институтов в Луганской области в конце XX – начале XXI в., выявляются принципы, цели, задачи, методы местной элиты по формированию констант политической культуры. Прослеживается история политического поведения жителей Луганской Народной Республики.

Ключевые слова: эволюция политического поведения, Луганская область, политические институты, политическое поведение избирателей

Благодарности: Статья подготовлена в Луганском государственном университете им. Владимира Даля в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (FREE-2024-0006, «Культурные константы и когнитивные изменения в условиях институциональных трансформаций новых регионов России (опыт ЛНР 1990–2024 гг.)»).

Для цитирования: Белоконев С.Ю., Грива И.П. Институциональные трансформации и когнитивные изменения жителей Луганской области на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 25–30. doi: 10.17223/19988613/92/3

Original article

Institutional transformations and cognitive changes of residents of Luhansk region at the turn of the XX–XXI centuries

Sergey Yu. Belokonev¹, Ivan P. Griva²

¹ State University of Management, Moscow, Russian Federation

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Lugansk State University named after Vladimir Dahl, Lugansk, Russian Federation

¹ SYUBelokonev@fa.ru

² Hryvaivan19@mail.ru

Abstract. The article analyzes the genesis of political institutions in the Luhansk region at the end of the XX – beginning of the XXI centuries on the basis of data from domestic sources, and identifies the prisms, goals, tasks, methods of the local elite to form cultural constants, as well as the political behavior of residents of the Luhansk region.

The aim of the study is to create a holistic picture of its development in 1990–2020, taking into account the definition of the stages of formation of the political institutions of the LPR and its influence on the political behavior of local elites and active citizens of the Luhansk region.

Within the framework of the article, the following tasks are supposed to be solved in order to achieve the goal:

- 1) to analyze the transformations of the political institutions of the Luhansk region;
- 2) to determine the influence of the political elite of Ukraine on the political behavior of Lugansk voters.
- 3) to determine the influence of the Church in the process of shaping the political behavior of residents on the territory of Ukraine.

The subject of the study is the problems of the genesis and evolution of the political behavior of the Luhansk region in 1990–2024 as a set of cultural and ideological values of local elites and residents of the region, as well as as a way of political communication and expression of political will.

Thus, the study of the political behavior of the inhabitants of Luhansk region involves comparing the orientations of social groups to specific political objects, the orientations of individual groups to various objects, as well as models of ori-

entations and behaviors. From a methodological point of view, all empirical political research is comparative, so we should expect to face the problem of comparability of political data, and in particular, the problem of equivalence of averages, in all areas of political research. When comparing cultural data from different countries, the requirements of equivalence of meaning are probably more difficult to fulfill than in any other field.

From a methodological point of view, all empirical political research is comparative, so we should expect to face the problem of comparability of political data, and in particular, the problem of equivalence of averages, in all areas of political research. When comparing cultural data from different countries, the requirements of equivalence of meaning are probably more difficult to fulfill than in any other field.

Conclusions: the study of the genesis and evolution of Luhansk political culture (1990–2024) makes it possible to identify the main trends, processes, patterns that determined the development of Luhansk region, makes it possible to imagine and understand the unique phenomenon of Luhansk political culture and the political behavior of Luhansk residents in a new way.

Keywords: political culture, values, evolution of the political culture of Luhansk region, political institutions of Luhansk region, political behavior of voters, Luhansk region

Acknowledgements: The article was prepared at Lugansk State University named after Vladimir Dahl within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation based on the results of the EISI competitive selection (FREE-2024-0006, “Cultural constants and cognitive changes in the conditions of institutional transformations of new regions of Russia (the experience of the LNR 1990–2024)”).

For citation: Belokonev, S.Yu., Griva, I.P. (2025) Institutional transformations and cognitive changes of residents of Luhansk region at the turn of the XX–XXI centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 25–30. doi: 10.17223/19988613/93/3

Политическое поведение – ключевой элемент политической жизни общества, оно наполняет государственное политическое развитие культурным содержанием и является одной из базовых категорий не только политической науки и политической социологии, но и истории в целом.

Если под политическим поведением понимать исторический и социальный опыт национальной общности, который воздействует на формирование основных институтов политической системы, политических ориентаций, политического поведения индивидов, малых и больших групп, то можно говорить о том, что, изучая историю политической культуры, можно определить ценностные установки и ориентации людей, а также политические нормы поведения, которые обуславливают их стремления и намерения.

Научная актуальность таких исследований заключается в необходимости изучения и выявления основных закономерностей развития, определения процесса формирования характерных черт, традиций и ценностей политической культуры, которая трансформировалась в политическое поведение жителей. По мнению А.И. Соловьева, само по себе политическое сознание, которое составляет основу политического поведения, «отражает все те идеалы, нормы и иные воззрения человека, на которые он ориентируется и которые использует для адаптации к механизмам власти и выполнения в политике присущих ему функций» [1. С. 298].

Анализом факторов формирования политических институтов, политического сознания и политического поведения жителей Луганской области занимались Г.А. Борщевский [2], В.В. Веденская [3], Т.С. Коваленко [4], А.А. Мягкая [5], Е.В. Охотский [6], А.А. Поправко [7]. Они рассмотрели события 2014–2022 гг.: 16 марта 2014 г. общекрымский референдум о воссоединении Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации, 11 и 12 мая того же года – поддержка Акта о государственной самостоятельности Луганской и Донецкой Республик, а также референду-

мы о самоопределении Херсонской и Запорожской областей 23–27 сентября 2022 г. Результатами данных референдумов стали подписание 30 сентября 2022 г. Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии ее в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, формирование новых политических институтов власти.

Изучением феномена политического поведения жителей Украины занимались также В.П. Зиновьев и Е.Ф. Троицкий, которые отметили, что сокращение образования и телерадиовещания на русском языке вызвало протест русских и негативную реакцию российской общественности, привело к формированию политического движения населения в Автономной Республике Крым, Луганской, Донецкой, Запорожской и Херсонской областях [8. С. 209]. В.П. Зиновьев и С.Г. Суляк показали механизм превращения украинского населения в русское на юго-востоке Украины в советский период индустриализации; именно этот процесс предопределил отношение населения востока Украины к государственному перевороту в феврале 2014 г. в Киеве [9].

Объектом настоящего исследования является политическое поведение жителей Луганщины 1990–2024 гг. как историческое явление, ставшее основой трансформации Луганской области в Луганскую Народную Республику. Это первая в историографии проблемы попытка такого рода.

Предметом исследования являются генезис и эволюция политического поведения населения Луганщины в 1990–2024 гг. как совокупности культурных и идейных ценностей местных элит и жителей региона, а также как способ осуществления политической коммуникации и выражения политической воли.

Это предполагает сравнение ориентаций социальных групп на конкретные политические объекты, ориентаций отдельных групп на различные объекты, а также моделей ориентаций и моделей поведения. С мето-

логической точки зрения все эмпирические политические исследования являются сравнительными, поэтому мы должны ожидать, что столкнемся с проблемой сопоставимости политических данных. В сравнении культурных данных разных стран требования эквивалентности смысла, вероятно, сложнее выполнить, чем в любой другой области.

Цель исследования – создание целостной картины политического развития Луганщины в 1990–2020 гг. с учетом определения стадий становления политических институтов ЛНР и их влияния на политическое поведение местных элит и активных граждан.

В рамках статьи для достижения цели предполагается решение следующих задач: осуществить анализ трансформаций политических институтов Луганщины; определить влияние политической элиты Украины на политическое поведение луганских избирателей; определить влияние Церкви в процессе формирования политического поведения жителей на территории Украины.

При анализе трансформации политических институтов Луганщины в 1990–2014 гг. следует учитывать форму территориально-государственного устройства государства, в состав которого входили территории Луганской области и ЛНР. Согласно ст. 2 Конституции Украины, «Украина является унитарным государством». Следовательно, все субъекты были лишены даже частичной самостоятельности, и все решения местных политических элит формально зависели от воли центра.

При подготовке данной статьи было проведено несколько устных интервью с действующими политиками ЛНР, политическая активность которых пришлась на 1990-х гг. Согласно их утверждениям, которые пока что не отражены в проверяемых источниках, местные элиты частично подчинялись интересам бизнес-среды, курируемой различными политическими группировками, приближенными к центральной власти. При этом контроль со стороны Киева во многих сферах, особенно связанных с функционированием инфраструктуры, здравоохранения, образования и предоставлением других общественных благ, оставался слабым.

Данные условия порождали отход от принципов унитарного государства: местная политическая власть принимала самостоятельные решения без расчета на поддержку со стороны центра. Последствием такого «стиля управления» стало постепенное увеличение политического абсентеизма среди луганских избирателей. Причинами абсентеизма (принципиального неучастия в политике) стали апатия общества и недоверие к государственным органам власти, которые после парламентских выборов 1994 г. активизировали антироссийскую политику, умаляющую права русскоязычного населения [5. С. 196].

Для примера: на опросе 27 марта 1994 г., когда весомое большинство жителей Луганской области проголосовало за придание русскому языку статуса государственного и за интеграцию Украины в экономический союз СНГ, явка составила 75%. На первых парламентских выборах Украины в 1990 г. активность проявили 84,69% избирателей [6. С. 40]. А на парламентских выборах 2012 г. явка избирателей Луганской области

составила уже 57,67%; в 2014 г. она упала до 32,87% [6. С. 40]. Показатели свидетельствуют о снижении политической активности жителей региона, утративших веру в демократические процедуры, проводимые из центра квазиунитарного государства.

Осознание жителями Луганской области своих политических прав, борьба за сохранение своих исконно русских корней привели к провозглашению движением Русская Весна на Народном сходе 21 апреля 2014 г. референдума о самоопределении Луганской Народной Республики, который состоялся 11 мая 2014 г. По данным организаторов референдума, «за» высказались 96,2% и «против» – 3,8% голосовавших. 12 мая был провозглашен государственный суверенитет Луганской Народной Республики [10]. 21 февраля 2022 г. Россия признала независимость Донецкой и Луганской народных республик [11].

23–27 сентября 2022 г. прошел референдум по вопросу вхождения регионов в состав России. Явка жителей ЛНР на референдуме составила 94,15%, из них 98,42% проголосовали за вхождение в состав РФ [12]. Стоит отметить, что данные результаты демонстрируют высокий уровень политического сознания жителей ЛНР. 30 сентября 2022 г. были подписаны международные договоры о вхождении новых регионов в состав России [13]. Наименования этих регионов были включены в ч. 1. ст. 65 Конституции РФ [14].

Согласно ст. 1 Конституции РФ Россия есть федеративное государство, которое предоставляет субъектам определенную политическую самостоятельность. За несколько лет жизни в составе РФ политическое поведение луганских избирателей заметно изменилось в положительную сторону: на прошедших выборах Президента РФ (2024) явка в ЛНР составила 87,12% [3. С. 13].

Таким образом, изменение формы территориально-государственного устройства привело к пониманию ценности участия в политической жизни региона среди местных жителей. Политические институты Луганщины претерпели изменения и впервые получили следующие полномочия (согласно ст. 72 Конституции РФ): разграничение государственной собственности, общие вопросы образования, установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления и др. [7. С. 22–23].

Фактическая трансформация территориально-государственного устройства привела к возрождению среди элит и граждан Луганщины такой культурной константы, как реальная причастность к русскому миру и общей судьбе государства, поскольку часть элементов «материального потока» усваивается с помощью некоторых постоянных комплексов восприятия, присущих определенной политической культуре, которые корректируют процесс человеческого восприятия, приводя его в соответствие с культурными рамками. С помощью этих постоянных комплексов объект или явление предстает в сознании человека, т.е. становится артефактом.

При определении влияния политической элиты Украины на политическое поведение луганских избирателей следует выявить культурные и идейные цен-

ности, транслируемые в политической коммуникации этой элитой с 1990 по 2014 г. При подготовке данной статьи были выявлены следующие культурные и идейные ценности политических лидеров государства: антисталинизм (в программе партии «Демократический блок» на парламентских выборах 1990 г.); демократический социализм (идейная основа Социалистической партии Украины на выборах 1994 г.); украинский национализм (фракция блока партий «Наша Украина» на выборах 1998 г.); левый популизм («Партия регионов» на выборах 2002 г. и «Фронт перемен» на местных выборах 2010 г.); европеизм («Народный фронт» в 2014 г.).

При этом на парламентских выборах избиратели долгое время симпатизировали коммунистической партии. Но пропаганда властями страны маргинальных идей (например, антисталинизм и украинский национализм) привели к дискредитации и запрету Коммунистической партии Украины и когнитивным изменениям в сознании украинских избирателей: проевропейская повестка заняла доминирующее место в политическом дискурсе в большей степени в Западной Украине, в меньшей – на Донбассе (боевые действия воспрепятствовали украинским властям запустить избирательную кампанию в регионе) [2. С. 55]. Вышеупомянутая культурная константа и сознательное политическое поведение избирателей Луганщины помогли купировать распространение антисталинских и проевропейских настроений.

Однако после этого различные модели адаптации и интеграции, посредством которых политическая культура Луганщины отвечала на воздействие перемен по различным и иногда контрастным направлениям, получили возможность замедлить дальнейшее повышение значимости региона; и известно, что на относительно поздней стадии развития западных политических систем наблюдалась явная тенденция к снижению значимости политики, особенно в сфере экономической деятельности, среди луганских избирателей.

Таким образом, в ходе исторического развития Луганщины после развала СССР были сформированы ценностно-нормативные характеристики каждой стадии генезиса и эволюции луганской политической культуры. На стадии зарождения (1990-е гг.) главным ценностным проявлением луганской политической культуры стала ценность русского языка, а нормативным – формальная тяга к вопросу об экономической интеграции региона с СНГ. На следующей стадии (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) центральным и новым ценностным проявлением политической культуры стала идея Русского мира [4. С. 91–93].

Кроме того, стоит отметить влияние Церкви в процессе формирования политического поведения жителей Луганщины на территории Украины, несмотря на то что Церковь должна быть отделена от государства. В 1991 г. Верховный Совет Украины принял закон о религиозных объединениях, который напоминал старое советское законодательство, провозгласившее полное отделение Церкви от государства. Однако он был гораздо более демократичным, чем ранее действовавшие законы. Во многом этот закон можно было

назвать декларацией о намерениях государства, а историческая традиция, унаследованная обществом, и повседневные политические обстоятельства подталкивали государственных функционеров к активному вмешательству в дела Церкви. К августу 1991 г., когда Украина провозгласила свою независимость, украинские церкви оказались глубоко вовлечены в политический конфликт. Каждая из них имела своих политических спонсоров, которые, в свою очередь, пользовались поддержкой Церкви в избирательных кампаниях, политической деятельности и т. д.

В настоящее время в стране действует три православных института – Украинская православная церковь (в каноническом подчинении Московскому патриархату), Украинская автокефальная православная церковь (отделилась от Русской православной церкви в 1989 г.) и Украинская православная церковь Киевского патриархата (отделилась от Украинской православной церкви Московского патриархата в 1992 г.). Каждую из этих церквей поддерживают различные политические силы, имеющие противоположные политические ориентации. Ситуация осложняется противостоянием Украинской греко-католической церкви (возникла в 1596 г. в результате Брестской унии на основе православных приходов на территории Западной Украины, входившей в состав Речи Посполитой) и многочисленных протестантских деноминаций. Принадлежность к определенной конфессии (или Церкви) является фактором и признаком политической идентификации человека и религиозной общины. Эта среда позволяет политическим партиям и лидерам, государственным органам манипулировать позициями граждан, принадлежащих к определенной церкви.

Результаты, полученные Международной программой социальных исследований (ISSP), показали, что Украина занимает 5-е место среди европейских стран по уровню религиозности. Учитывая уровень религиозности населения Украины (по данным социологических исследований Украинского центра экономических и политических исследований им. Разумкова, 57,8% граждан Украины относят себя к верующим различных конфессий), можно проследить степень общественной поддержки религиозных институтов.

По данным исследования, проведенного GfK Ukraine (Consulting organization from Ukraine) в марте 2009 г., уровень доверия к Церкви среди украинских граждан весьма значителен: он составил 61,2%. Таким образом, Церковь пользуется наибольшим доверием среди населения страны. Это самый высокий показатель общественной поддержки среди всех государственных институтов Украины. На втором месте по уровню доверия граждан находятся украинская армия (28,7%) и милиция (16,4%). Последнее место в этом рейтинге занимает Верховная Рада с уровнем доверия 2,7% [6. С. 41].

Изучение генезиса и эволюции луганской политической культуры в 1990–2024 гг. позволяет выявить основные тенденции, определившие развитие Луганщины, дает возможность по-новому представить и понять уникальный феномен, каким является луганская политическая культура.

Список источников

1. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2003. 559 с.
2. Борщевский Г.А. Становление систем государственного управления и государственной службы в непризнанных государствах Донбасса // *Право и управление. XXI век.* 2019. № 1 (50). С. 51–60.
3. Веденская В.В. Становление системы органов государственной исполнительной власти Донецкой Народной Республики // *Вопросы российского и международного права.* 2017. Т. 7, № 2А. С. 5–23.
4. Коваленко Т.С. Проблемы формирования правовой системы Луганской Народной Республики // *Признание государств и правительств : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Луганск, 28–29 сентября 2018 г.* Луганск : Акад. внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, 2018. С. 85–95.
5. Мягкая А.А. Законодательное регулирование системы нормативных правовых актов в Луганской Народной Республике // *Актуальные проблемы права: теория и практика.* 2016. № 35. С. 195–208.
6. Охотский Е.В., Борщевский Г.А. Непризнанные Республики Донбасса: правовые основы и особенности организации государственного управления // *Публичное и частное право.* 2019. № 2 (42). С. 38–58.
7. Поправко А.А. Основные этапы становления и развития правовой системы Донецкой Народной Республики // *Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко.* 2022. № 1 (12). С. 13–23.
8. Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф. Российско-украинские отношения на современном этапе // *Русин.* 2015. № 4 (42). С. 205–216.
9. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Урбанизация и этнодемографические процессы на Украине в конце XIX – начале XXI вв. // *Русин.* 2022. № 3 (69). С. 31–52. doi: 10.17223/18572685/69/3
10. В Луганской и Донецкой областях подвели итоги референдума // *РБК.* 2014. 12 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/05/2014/57041c8c9a794761c0ce9c48> (дата обращения: 24.12.2024).
11. О признании Луганской Народной Республики : Указ Президента РФ от 21.02.2022 № 72 // *Официальное опубликование правовых актов.* URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120220220001> (дата обращения: 24.12.2024).
12. Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Главное // *РБК.* 2022. 29 сент. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167> (дата обращения: 24.12.2024).
13. Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта от 30.09.2022 : ратифицирован Федеральным законом от 04.10.2022 № 373-ФЗ // *Официальное опубликование правовых актов.* URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210030002?index=1> (дата обращения: 24.12.2024).
14. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // *Официальный интернет-портал правовой информации.* URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 24.12.2024).

References

1. Soloviev, A.I. (2003) *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskie tekhnologii* [Political Science: Political Theory, Political Technologies]. Moscow: Aspekt Press.
2. Borshchevskiy, G.A. (2019) Stanovlenie sistem gosudarstvennogo upravleniya i gosudarstvennoy sluzhby v nepriznannykh gosudarstvakh Donbassa [Formation of Public Administration and Civil Service Systems in the Unrecognized States of Donbass]. *Pravo i upravlenie. XXI vek.* 1(50). pp. 51–60.
3. Vedenskaya, V.V. (2017) Stanovlenie sistemy organov gosudarstvennoy ispolnitel'noy vlasti Donetskoy Narodnoy Respubliki [Formation of the System of State Executive Bodies of the Donetsk People's Republic]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava.* 7(2A). pp. 5–23.
4. Kovalenko, T.S. (2018) Problemy formirovaniya pravovoy sistemy Luganskoy Narodnoy Respubliki [Problems of Formation of the Legal System of the Lugansk People's Republic]. *Priznanie gosudarstv i pravitel'stv* [Recognition of States and Governments]. Proc. of the 2nd International Conference. Lugansk, September 28–29, 2018. Lugansk: E.A. Didorenko Academy of Internal Affairs.
5. Myagkaya, A.A. (2016) Zakonodatel'noe regulirovanie sistemy normativnykh pravovykh aktov v Luganskoy Narodnoy Respublike [Legislative regulation of the system of normative legal acts in the Lugansk People's Republic]. *Aktual'nye problemy prava: teoriya i praktika.* 35. pp. 195–208.
6. Okhotskiy, E.V. & Borshchevskiy, G.A. (2019) Nepriznannye Respubliki Donbassa: pravovye osnovy i osobennosti organizatsii gosudarstvennogo upravleniya [Unrecognized Republics of Donbass: Legal foundations and features of the organization of public administration]. *Publichnoe i chastnoe pravo.* 2(42). pp. 38–58.
7. Popravko, A.A. (2022) Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya pravovoy sistemy Donetskoy Narodnoy Respubliki [The main stages of the formation and development of the legal system of the Donetsk People's Republic]. *Vestnik Luganskoy akademii vnutrennikh del im. E.A. Didorenko.* 1(12). pp. 13–23.
8. Zinoviev, V.P. & Troitskiy, E.F. (2015) Rossiysko-ukrainskie otnosheniya na sovremennom etape [Russian-Ukrainian relations at the present stage]. *Rusin.* 4(42). pp. 205–216.
9. Zinoviev, V.P. & Sulyak, S.G. (2022) Urbanization and ethnodemographic processes in Ukraine in the late 19th – early 21st centuries. *Rusin.* 3(69). pp. 31–52 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/69/3
10. *РБК.* (2014) V Luganskoy i Donetskoy oblastiakh podveli itogi referendum [The results of the referendum were summed up in the Luhansk and Donetsk regions]. 12th May. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/12/05/2014/57041c8c9a794761c0ce9c48> (Accessed: 24th December 2024).
11. Russian Federation. (2022) *O priznanii Luganskoy Narodnoy Respubliki: Ukaz Prezidenta RF ot 21.02.2022 № 72* [On the recognition of the Lugansk People's Republic: Decree No. 72 of the President of the Russian Federation of February 21, 2022]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/000120220220001> (Accessed: 24th December 2024).
12. *РБК.* (2022) Referendумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Главное [Referendums in the DPR, LPR, Kherson and Zaporozhye regions. Key points]. 29th September. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167> (Accessed: 24th December 2024).
13. Russian Federation. (2022) *Dogovor mezhdru Rossiyskoy Federatsiei i Luganskoy Narodnoy Respublikoy o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo sub'ekta ot 30.09.2022: ratifitsirovan Federal'nym zakonom ot 04.10.2022 № 373-FZ* [Treaty between the Russian Federation and the Lugansk People's Republic on the admission to the Russian Federation of the Lugansk People's Republic and the formation of a new subject within the Russian Federation dated 30.09.2022: ratified by Federal Law No. 373-FZ dated October 4, 2022]. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210030002?index=1> (Accessed: 24th December 2024).
14. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenar. golosovaniem 12 dek. 1993 g. (s izm., odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.* [Constitution of the Russian Federation: adopted by the All-Russian by vote of December 12, 1993 (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020)]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (Accessed: 24th December 2024).

Сведения об авторах:

Белоконов Сергей Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (Москва, Россия); директор Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

Грива Иван Павлович – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Молодежная лаборатория социологических исследований» Луганского государственного университета им. Владимира Даля (Луганск, Россия). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Belokonev Sergey Yu. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration of the State University of Management (Moscow, Russian Federation); Director of the Institute of Global Studies of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

Griva Ivan P. – PhD Graduate Student of the Faculty of Historical and Political Studies of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Senior Researcher of the Research Laboratory “Youth Laboratory of Sociological Research”, Lugansk State University named after Vladimir Dahl (Lugansk, Russian Federation). E-mail: Hryvaivan19@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 17.12.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 94+070.14"1914/1918"

doi: 10.17223/19988613/93/4

Газетные слухи в контексте военно-цензурных и общественных практик периода Первой мировой войны

Валерий Федорович Блохин¹, Вячеслав Вениаминович Шевцов²

¹ *Брянский государственный университет, Брянск, Россия*

² *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *blohin.val@yandex.ru*

² *totleben@yandex.ru*

Аннотация. Представлена интерпретация некоторых слухов времен Первой мировой войны, запечатленных в газетных текстах. Показано отношение военной цензуры к публикациям в периодической печати, способным послужить основой для распространения домыслов, влиявших на массовые настроения населения. В центре исследования находится небольшая заметка из газеты «Вечернее время», послужившая основанием для цензурного взыскания. Посредством привлечения исторических фактов, связанных с отношениями России со странами-союзниками и «нейтралами», произведена реконструкция причин возникшего цензурного преследования.

Ключевые слова: Первая мировая война, военная цензура, периодическая печать, слухи, Совет министров Российской империи, публичная сфера

Благодарности: Статья написана при поддержке гранта РНФ № 25-28-00933 «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны».

Для цитирования: Блохин В.Ф., Шевцов В.В. Газетные слухи в контексте военно-цензурных и общественных практик периода Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 31–37. doi: 10.17223/19988613/93/4

Original article

Newspaper rumors in the context of military censorship and public practices during the First World War

Valery F. Blokhin¹, Vyacheslav V. Shevtsov²

¹ *Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation*

² *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *blohin.val@yandex.ru*

² *totleben@yandex.ru*

Abstract. In conditions of the First World War, rumors regularly appeared on the pages of newspapers, which tried to confirm or deny them. It is difficult to determine the primary and secondary nature of this kind of information: periodicals themselves generated various kinds of speculation, developing them in newspaper publications. Probably, the authors of such publications were confident in their reliability, since they believed that they had received information from “reliable sources.”

Using the example of the note “Ridiculous Rumors” from the newspaper “Vecherneye Vremya” (April 21, 1916), using archival sources, it is shown how the publication of a possible ultimatum from Russia to neutral Sweden caused claims against the newspaper from the censorship department, although this rumor was presented with its refutation. Readers were assured that relations between Russia and neutral Sweden are good.

Indeed, Sweden was dissatisfied with the English naval blockade, which was aimed at the exchange of goods with Germany. Russia had to coordinate with England its exchange of goods with Sweden regarding its supply of raw materials for possible military purposes and food. The situation was therefore of political and economic importance, requiring caution in public statements. That was the reason why the note in “Vecherneye Vremya” attracted the attention of the Petrograd Military Censorship Commission.

Since Petrograd Governorate was under martial law, a preliminary censorship regime was in effect. The note “Ridiculous Rumors” was published without submitting it for preliminary consideration by military censorship, which caused a reprimand to the newspaper.

The attitude of the Petrograd Military Censorship Commission to such “news” was negative. It was supposed to prevent the emergence of secret military information in the press and control public opinion on the domestic front about the war, although the abundance of such “news” made it difficult to censor all published newspapers. At the same time, there was also control over publications by the newspaper editors themselves, to avoid disapproval from the censorship.

Examples of news created based on unreliable rumors allow us to make conclusion that most of them were generated by the lack of genuine information from reliable official sources. In addition, periodicals wanted to attract the reader’s

attention in this way. Sometimes the opposite situation occurred: the newspaper tried to refute the rumor, but its presentation on newspaper pages contributed to increasing the number of assumptions discussed by society.

Keywords: World War I, military censorship, periodicals, rumors, Council of Ministers of the Russian Empire, public sphere

Acknowledgements: The article was written with the support of the RNF grant № 25-28-00933 “Press in the public sphere as an actor of integration and self-organization of the Russian society in the conditions of the First World War”.

For citation: Blokhin, V.F., Shevtsov, V.V. (2025) Newspaper rumors in the context of military censorship and public practices during the First World War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 31–37. doi: 10.17223/19988613/93/4

В условиях Первой мировой войны слухи регулярно проникали на страницы газет, которые пытались подтвердить или опровергнуть их. Сложно определить первичность и вторичность такого рода сведений: периодическая печать сама порождала различного рода домыслы, развивая их в газетных статьях. Вероятно, авторы таких публикаций были уверены в их достоверности, поскольку полагали, что получили информацию из «достоверных источников».

На примере заметки «Нелепые слухи» из газеты «Вечернее время» с помощью привлечения архивных источников показано, каким образом публикация о возможном ультиматуме России нейтральной Швеции вызвала претензии к газете со стороны цензурного ведомства, хотя данный слух приводился с его опровержением: читатели уверялись, что отношения между Россией и нейтральной Швецией хорошие.

Действительно, Швеция была недовольна английской морской блокадой, направленной на товарообмен с Германией. Россия должна была согласовывать с Англией свой товарообмен со Швецией по поводу поставок ей сырья возможного военного назначения и продовольствия. Таким образом, эта ситуация отличалась политической и экономической важностью, требовавшей осторожности в публичных заявлениях. Поэтому заметка в «Вечернем времени» привлекла внимание Петроградской военно-цензурной комиссии.

Поскольку Петроградская губерния находилась на военном положении, в ней действовал режим предварительной цензуры. Заметка «Нелепые слухи» была напечатана без представления ее на предварительное рассмотрение военной цензуры, что вызвало замечание газете.

Отношение к таким «новостям» Петроградской военно-цензурной комиссии было негативным. Она должна была препятствовать появлению в печати секретной военной информации и контролировать общественные настроения в тылу по поводу войны. Однако обилие таких «новостей» делало сложным контроль цензорами над всеми издаваемыми газетами. При этом был контроль публикаций и со стороны самих газетных редакций, чтобы не вызывать неодобрения цензуры.

Примеры новостей, созданных на основе недостоверных слухов, позволяют сделать вывод, что большинство из них было порождено отсутствием надежной информации из официальных источников. Кроме того, периодические издания желали таким образом привлечь внимание читателя. Иногда происходила обратная ситуация: газета пыталась опровергнуть слух, но, приводя его на своих страницах, способствовала увеличению в обществе числа вовлеченных в обсуждение возникших догадок.

Перед самым началом Первой мировой войны действовал принцип контроля над прессой, который с некоторыми ограничениями и оговорками, связанными с использованием властью административного ресурса, можно определить как «двусторонне удовлетворительный». Объясняется это тем, что в тот период система регулирования отношений властных структур и периодической печати имела преимущества по сравнению с предварительной цензурой, а государство сполна оценило роль прессы в формировании общественных настроений и проявляло стремление с ее помощью добиться максимальной мобилизации общественного согласия и лояльности. Даже в условиях начавшейся войны отчасти сохранялась система, основанная на добровольном контроле самими редакциями «повременных» изданий материалов, предназначенных к публикации. Однако действие такого порядка распространялось главным образом на районы, не находившиеся на театре военных действий.

Несколько дней спустя после начала Первой мировой войны военное ведомство обратилось к населению империи с призывом всемерно содействовать сохранению в полной тайне всего, что касалось военных действий. При этом предполагалось, что общество будет мириться с краткостью и вероятной скудностью тех сведений, которые будут доступны, оправдывая эти ограничения военной необходимостью. «Неосторожность в разговорах, письмах и телеграммах может способствовать распространению за пределами России сведений о расположении, передвижениях, составе и численности наших вооруженных сил, чем будет нанесен нашей родине трудно поправимый вред и что может потребовать от нашей армии лишних жертв» [1].

В обращении звучал также призыв относиться с осторожностью ко всякого рода непроверенным слухам, что должно было являться подтверждением доверия к мощи армии. Сам факт их широкого разползания по стране являлся, однако, одним из побочных симптомов действия информационных ограничений.

Степень влияния государства на процесс функционирования массовой коммуникации периода войны до сих пор не получила убедительной научной интерпретации. Целостное осмысление происходивших в тот период процессов недоступно и для авторов представленной статьи, поскольку пока еще не собран достаточный объем фактического материала, при помощи которого возможно дифференцировать официальную политику в области распространения массовой информации на разных этапах Первой мировой войны.

В этой связи уместно согласиться с известным специалистом в области социологии общественных си-

стем немецким ученым Никласом Луманом (Niklas Luhmann): «...нужны, прежде всего, теоретические инструменты, которые были бы достаточно абстрактны, чтобы с их помощью теорию массмедиа можно было встроить в рамки общей теории современного общества» [2. С. 18].

Автор специально подготовленной записки «О роли печати в настоящей войне и меры к введению этой роли в надлежащие рамки», предназначенной для штаба Верховного главнокомандующего, такими теоретическими навыками не обладал и в своих рассуждениях отмечал, что с момента начала военных действий почти непрерывно Петроград волновали тревожные толки, значительная часть которых была почерпнута из периодической печати или навеяна ее сообщениями.

Содержанием этих толков были якобы постоянные неудачи русской армии на фронте, небывалые поражения и неимоверное количество военных, сдавшихся в плен. Даже в начале войны, когда армия добивалась крупных успехов на Юго-Западном фронте, Петроград был преисполнен пессимизма и не верил сообщениям о победах. Дело доходило до того, что «18 августа называлось днем занятия Петрограда немцами» [3. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 32].

Неоднократно распространялся слух, что «сокровища Зимнего дворца, Эрмитажа, Государственный архив и дела центральных учреждений уже отправляются или отправлены в Москву, что наш флот разьединен, и часть его заперта в Рижском заливе, часть скрывается в Финском, что враг господствует на море и не сегодня-завтра высадит десант в Финляндии, что некоторые части нашей армии вооружены дубинами, что наши союзники французы и не могут, и не желают переходить в наступление, что сербы уже давно втихомолку помирились с австрийцами, а итальянцы ведут бутафорскую войну и т.д.» [3. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1484. Л. 32].

Известный социальный психолог Д.В. Ольшанский представил наиболее общую классификацию слухов, среди которых выделил *слух-пугало* с характерными эмоционально негативными настроениями и общественными состояниями, *слух-желание* с типичным для него успокаивающим, но и деморализующим, вызывающим завышенные ожидания эффектом, *слух агрессивный*, со всей очевидностью направленный на поведенческий «ответ», жесткую агрессию. Наконец, *нелепые слухи*, совмещающие желания, страх и даже агрессию, но при этом с доминированием в них очевидной нелепости описываемого. Основой для появления последних чаще всего служит путаница, характерная для обыденного массового сознания, а почвой – растерянность, вызванная сменой систем ценностей, представлений, картин мира [4. С. 276–279]. В нашем контексте очень важен вывод, представленный Ольшанским: «Принято считать, что полностью информационно достоверными слухи практически никогда не бывают, поскольку в самом процессе циркуляции фабула слуха обычно претерпевает психологически закономерные трансформации» [4. С. 276].

Перечисленные в записке начального периода мировой войны слухи дают обильную пищу для размыш-

лений. В документе был представлен довольно широкий спектр псевдоявлений, якобы порожденных периодической печатью и основанных на упрощенном понимании происходивших событий, а также вытекавших из них выводов, отличавшихся ярко выраженной негативной коннотацией.

Уровень недовольства, проявляющийся в публичной сфере, как правило, измеряется степенью доверия к властям. Поскольку речь шла не об отстраненно-развлекательных новостях, а о государственной политике и ее реализации в военной области, можно констатировать уменьшение авторитета властных структур. Традиционно считалось, что объявление о вступлении России в войну и патриотические манифестации, прокатившиеся по стране, являются подтверждением обратного, но даже приведенное содержание небольшого количества слухов способно поколебать это представление.

Известный специалист в области изучения социальной истории В.Б. Аксенов в своей монографии отмечает разную природу патриотических настроений этого периода: «...в отношении власти патриотизм по-разному проявлялся у различных социальных слоев: патриотические концепции русских монархистов явно отличались от патриотических ментальных традиций русского крестьянства» [5. С. 27]. Отметим, что проблема патриотических настроений 1914 г. в контексте столкновения традиционного и гражданского патриотизма рассматривается не только в работе В.Б. Аксенова [6].

Средства печати уже в тот период пытались тщательно отбирать и обрабатывать предназначенную для публикации информацию, поэтому в данной связи следует говорить не о недоверии населения к властям, а о сомнениях в достоверности сведений, почерпнутых из периодических изданий. Ответы на возникавшие вопросы обыватели искали, скорее всего, в межличностной коммуникации, формировавшей искаженные, эмоционально окрашенные факты. Автор записки «О роли печати» явно преувеличивал роль прессы в распространении сведений, которые превращались в невероятные слухи, передаваемые из уст в уста населения, хотя некоторые из приведенных толкований текущих событий наверняка имели газетное происхождение. Например, проблема нежелания и невозможности Франции перейти в наступление вряд ли родилась в ходе обсуждений в рамках межличностных контактов, но, несомненно, обрела искаженный вид в ходе таких пересудов.

Встречались ситуации, когда газеты не только сами пытались распространить тот или иной слух, но и «умело с ним боролись», вызывая читательский интерес к своим публикациям. Например, газета «Петроградский курьер» подготовила для номера, намеченного к выходу 8 сентября 1914 г., сообщение о полученных из «авторитетного источника» сведениях, что «в каких-то петроградских дипломатических кругах» обсуждается вопрос о возможности скорого мира, на том будто бы основании, что державами Тройственного соглашения «не предстоит задача свести на нет существование Германии, что союзникам нужно лишь прекратить

рост милитаризма». «В каких “дипломатических” кругах возможны у нас подобные рассуждения – мы не знаем, – заявлял автор публикации в газете. – Но мы принимаем на себя смелость решительно утверждать, что рассуждения, подобное приведенным, уместные лишь на Фридрихштрассе, лишены всякой почвы и совершенно не выражают взгляда руководящих кругов, ни наших, ни союзников России» [7. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 7 об.]. Впрочем, этот текст не дошел до читателей газеты, поскольку был удален военным цензором Петроградской военно-цензурной комиссии.

Рассмотренный эпизод относится к осени 1914 г., тогда же цензура предотвратила рассуждения на уровне слуха в газете «Полдень» от 8 сентября 1914 г. Цензор удалил следующий отрезок текста: «Ходит слух, что выход оттоманской эскадры в Черное море – решенное дело, и что одновременно с этим турецкая армия двинется к кавказской границе» [7. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 2].

В последующие годы такого рода попытки со стороны редакций газет сохранились и даже, несмотря на бдительность цензурных органов, в виде исключений доходили до читателей. Например, в апреле 1916 г. председатель Петроградской военно-цензурной комиссии докладывал начальнику Петроградского военного округа о публикации в газете «Вечернее время» характерной заметки под названием «Нелепые слухи», которая, судя по названию, должна была противодействовать распространению разного рода домыслов, но на самом деле лишь способствовала увеличению в обществе числа вовлеченных в обсуждение догадок.

Смысл обсуждаемой проблемы сводился к следующему: «За последние дни в Петрограде распространяются слухи относительно будто бы произошедших осложнений между Россией и Швецией. Наши кумушки, не останавливающиеся решительно ни перед чем в своих изобретениях, придумали даже какой-то ультиматум с русской стороны, посланный, по тем же фантастическим слухам, по настоянию Англии» [8], – так выглядело начало публикации.

Небольшой текст газетной заметки имел несколько смысловых значений, требовавших цензурного вмешательства. Во-первых, в ней затрагивалась деятельность, в орбиту которой были вовлечены многочисленные гражданские и военные российские структуры. Речь шла о привлечении на свою сторону государств, занимавших в условиях войны нейтральную позицию и находившихся в сфере политических, военных и экономических интересов противостоящих друг другу блоков.

Шведский парламент, общественность страны единодушно поддерживали политику нейтралитета. Однако в условиях Первой мировой войны нейтралитет некоторых государств имел довольно своеобразные формы. Например, Греция находила возможным предоставить одной из воевавших сторон принадлежащие ей острова, гавани и довольно значительную часть своей территории на материке, и войска Антанты совершенно открыто располагались в Салониках.

Позиция Швеции как нейтральной страны также имела свои особенности, которые Осведомительный отдел российского Министерства иностранных дел

выделил в январе 1916 г. со ссылкой на перевод статьи из немецкой газеты *Hamburger Nachrichten*: «Если Англия воспользуется своим положением на морях, то и Швеция должна будет воспользоваться своим положением между Великобританией и ее союзницей Россией. Если Англия сделает попытку лишить шведский народ пищевых продуктов и промышленного сырья, то и Швеция со своей стороны лишит Англию и Россию некоторых необходимых им продуктов» [9. Ф. 140. Оп. 477. Д. 648. Л. 139]. Впрочем, анализ шведской печати показывает, что официальные круги государства в условиях мировой войны имели очень мало поводов «жаловаться на образ действий или на политику России» [9. Ф. 140. Оп. 477. Д. 648. Л. 140], стремившейся сохранить дружественные отношения между странами. В то же время шведская сторона отмечала, что в годы войны обязательства и соглашения потеряли всякую ценность, поэтому в этих условиях устные заверения государственных деятелей не могли иметь особого значения [9. Ф. 140. Оп. 477. Д. 648. Л. 141].

Недовольство шведской стороны вызывала английская морская блокада, которая была направлена на товарообмен между нейтральными и воевавшими странами и поддерживалась Россией. В случаях, когда возникало подозрение в перевозке товаров во враждебные Антанте государства, дело доходило до захвата судов. Даже в самой Англии, в ее «умеренных кругах», высказывалась критика против крайностей проводимой блокадной политики, отмечался косвенный ущерб, наносимый ею союзникам. Швеция же исходила из своей торговой выгоды и требовала пропуска всех товаров, в том числе и таких, которые явно предназначались для Германии.

В этой ситуации Россия во внешней торговле, связанной с морскими поставками, вынуждена была согласовывать свои действия с союзником, что было вполне естественным, хотя и не всегда выгодным. На это содержался намек в упомянутой заметке из «Вечернего времени». Например, Совет министров в журнале заседания от 5 января 1916 г. записал решение о вывозе в Швецию, Норвегию и Данию минеральных масел из России при контроле со стороны Англии. «При этом само собой разумеется, что указанное количество нефтяных масел должно быть включено в общую норму разрешенного великобританским правительством ввоза продукта в названные страны, с соответственным уменьшением поставки из Америки» [9. Ф. 323. Оп. 617. Д. 8. Л. 33], – указывалось в представлении министерства финансов от 23 декабря 1915 г. по вопросу о вывозе в Швецию, Норвегию и Данию минеральных масел. В документе оговаривалась необходимость следить за тем, чтобы к вывозу не допускались сорта минеральных масел, использовавшиеся немецкими подводными лодками.

В том же январе, 26 числа, Совет министров провел еще одно заседание, вызванное письмом главнокомандующего армиями Северного фронта по вопросу о вывозе в Швецию продовольственных и иных грузов. Предлагалось оказать содействие со стороны гражданских властей к полному прекращению вывоза в эту страну продуктов из России.

Совет министров констатировал, что ему уже неоднократно приходилось обсуждать данную проблему, и в случаях, когда разрешение все же выдавалось, правительственный орган руководствовался единственно желанием сохранения добрососедских отношений.

Полное прекращение вывоза товаров, по мнению Совета министров, неминуемо вызвало бы ответные негативные действия со стороны Швеции, что могло сказаться на поставках из-за границы необходимых для снабжения российской армии припасов. Поэтому Совет министров также отмечал, что вывоз товаров должен осуществляться исключительно при условии предоставления гарантии на ввоз необходимых товаров в Россию. На основании такого подхода приходилось мириться с утечкой предназначенных для Швеции грузов в Германию [З. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 483. Л. 30–30 об]. Таким образом, предложение военного командования фронта было отвергнуто.

Вмешательство Англии в торговлю Швеции отчасти объяснялось поставками шведского коровьего масла, которое до войны ввозилось в Великобританию, а в условиях военных действий отправлялось по высоким ценам в Германию. При этом Швеция пыталась беспрепятственно доставлять на свою территорию сырье, являвшееся основой для изготовления маргарина, также предназначавшегося для вывоза в Германию. Туда же направлялись кожаная обувь, шинели, одеяла военного образца, лошади, высококачественная железная руда, добываемая в северной Швеции и являвшаяся серьезным подспорьем для немецкой военной промышленности [9. Ф. 323. Оп. 617. Д. 8. Л. 37, 51].

Таким образом, ситуация, связанная с поставками сырья в шведские порты, в отличие от торговли с Данией и Норвегией, имевшими устойчивые отношения с Англией, отличалась политической и экономической нестабильностью, требовавшей осторожности в осуществлении внешнеполитических контактов. Формы государственного влияния на циркуляцию информации, связанной с этими проблемами, отличались особой строгостью, поэтому заметка в «Вечернем времени» не могла быть не отмечена военной цензурой.

Вторая причина, вызвавшая особую реакцию со стороны Петроградской военно-цензурной комиссии, была связана с особенностями взаимодействия между цензурой и периодическими изданиями в Петрограде. Введенное в срочном порядке на основе именного Высочайшего указа от 20 июля 1914 г. в порядке ст. 87 основных государственных законов, т.е. без участия Государственной Думы, Временное положение о военной цензуре должно было решить в условиях войны ряд важных задач, среди которых на первом месте находилось сохранение военной тайны, а также создание препятствий для традиционно сопровождавшего любую войну распространения слухов. Государственная Дума и сами средства печати, готовые сотрудничать с правительством, не возражали против реализации этих функций.

Однако военно-цензурные ограничения не исчерпались двумя этими очевидными целями. Более того, еще как минимум одно направление деятельности военно-цензурного ведомства постепенно оттесняло на

второй план все остальные. Статья 31 Временного положения вменяла в обязанность военным цензорам не допускать к опубликованию в печати всякого рода сведений, которые могли быть не предусмотрены правилами, издаваемыми на основании ст. 11 Положения, но, по мнению цензора, могли оказаться вредными для военных интересов государства.

При практической реализации этой статьи задачи конкретизировались следующим образом: «Органы военной цензуры обязаны оценивать поступающие на их просмотр сообщения, статьи и конспекты речей и докладов не с одной лишь узко военной точки зрения, а также и с общеполитической, с целью недопущения таких сведений, статей или докладов, содержание коих способствует нарушению нормального хода внутренней жизни государства и этим вредит его военным интересам. В этих случаях военные цензоры обязаны применять право, предоставленное им статьей 31 Временного положения о военной цензуре» [З. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 121 об.–122].

Таким образом, полномочие цензора допускать определенное уклонение от жестких рамок военно-цензурного закона планомерно переходило в обязанность осуществления контроля над сферами государственной внутренней и внешней политики. Решение задачи сохранения военной тайны не утратило своего значения, но стало оказывать заметно меньшее влияние на циркуляцию информации, уступая место административному воздействию на массовые настроения. В содержание этого пункта Временного положения уже изначально был заложен конфликт, который в дальнейшем в условиях войны определил как деятельность самой военной цензуры, так и ее оценку в рамках развивавшегося конфликта власти.

Эти особенности отмечают отдельные современные исследователи. Например, И.К. Богомолов зафиксировал, что «в годы войны критики власти рассматривали “русскую” цензуру как характерный и, что не менее важно, самобытный пример произвола властей» [10. С. 101]. Более развернутым выглядит высказывание П.В. Батулина: «Согласно Временному положению 1914 г. военная цензура была дополнением к законодательству о печати, т.е. должна была взаимодействовать с ГУП МВД, и поэтому как сама военная цензура приобрела сразу же политический характер, так и вопрос о ее усовершенствовании» [11. С. 145].

Противодействие утечке важной информации точно так же, как и негласное разрешение на распространение определенных сообщений и материалов, становилось обязательной функцией деятельности военных цензоров. Редакции газет, в свою очередь, старались четко определять для себя возможность соблюдения заданных параметров в освещении различных тем, не выходя за пределы установленных границ. Поскольку возможности публичного оповещения общественности в стенах Государственной Думы имели по разным причинам (в том числе и из-за перерывов в ее работе) ограниченные возможности, публикации на страницах газет зачастую выглядели и для союзников России, и для ее врагов как официальный или пока неофициальный, но в перспективе возможный правительственный

подход к решению тех или иных проблем внутренней и внешней политики.

Однако вернемся ко второй части публикации газеты «Вечернее время»: «Из высокопоставленного источника мы можем сообщить, что все эти слухи решительно ни на чем не основаны, – опровергало издание свои собственные высказанные предположения. – Отношения между двумя правительствами вполне хорошие, и нет никаких причин для того, чтобы они омрачились» [8]. В заключение небольшой заметки также упоминались связанные с этой проблемой слухи, «которые, очевидно, с тенденциозными сведениями, распространялись за последние дни в нашей столице» [8].

Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин 24 апреля 1915 г. в своем письме на имя министра внутренних дел Н.А. Маклакова сообщал об обсуждении на заседании, состоявшемся 21 апреля 1915 г., в Совете министров проблем, связанных с периодической печатью. Было высказано пожелание со ссылкой на обстоятельства переживаемого военного времени, чтобы готовившиеся публикации подлежали предварительному просмотру не только военных цензоров, но и чинов ведомства внутренних дел, чтобы разрешение статей было поставлено в зависимость от взаимного соглашения представителей обоих ведомств. Совет министров признал необходимым предложить министру внутренних дел заключить соглашение с военными властями для установления соответствующего порядка. Одновременно, в соответствии с заявлением министра иностранных дел С.Д. Сазонова, Совет считал необходимым привлечь к надзору за периодической печатью и чиновников Министерства иностранных дел [7. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1414. Л. 5–5 об.].

Поскольку Петроградская губерния находилась на военном положении, здесь цензура действовала в полном объеме, т.е. практически была предварительной. Материалы, подлежащие проверке, поступали к председателю Петроградского комитета по делам печати и им распределялись для цензурирования между цензорами, состоявшими в распоряжении этого Комитета, а также дежурным представителям от других ведомств. Публикация «Вечернего времени», затрагивавшая внешнеполитические интересы Российской империи, в обязательном порядке должна была быть представлена в гранках чиновнику Министерства иностранных дел, выполнявшему цензурные функции.

Только после выхода издания в свет выяснилось, что статья под заглавием «Нелепые слухи» в номере от 21 апреля «Вечернего времени» была «напечатана в названной газете без представления ее на предварительное рассмотрение военной цензуры» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 45. Л. 22]. Ситуация усложнялась тем, что на основе циркулярного распоряжения председателя Петроградской военно-цензурной комиссии от 4 января 1916 г. газета «Вечернее время» находилась под «полной цензурой» [7. Ф. 778. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.], т.е. обязана была предоставлять все свои материалы для предварительного цензурного просмотра.

Практика сознательного избегания военной цензуры не имела постоянной основы, но все же время от

времени отмечалась в документах цензурного ведомства. Так, на этом основании была наказана газета «Биржевые новости», отличавшаяся, по словам исполнявшего обязанности председателя Петроградского комитета по делам печати, распространением «самых нелепых сенсаций и составлением в недрах самой редакции телеграмм от так называемых собственных корреспондентов, находившихся будто бы во всех частях света» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 180]. Распоряжением начальника Петроградского военного округа эта ежедневная вечерняя газета была закрыта, но появилась вновь под новым названием «Новости дня».

В середине марта 1916 г. в № 25 этого издания было объявлено, что «румынская армия приведена на военное положение», что в Петрограде уже состоялся спешный «призыв румын» и что Германия и Австрия «уже предъявляют Румынии ультиматум» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 180 об.]. В газете содержался вывод, что «выступление Румынии последует в течение ближайших недель и даже, может быть, нескольких дней, между тем, как известно, ничего подобного в действительности нет» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 180 об.].

Общее собрание военных цензоров по делам печати, рассмотрев в заседании от 29 марта систематическое отступление редакции газеты «Новости дня» от закона, постановило вызвать редактора газеты в военно-цензурную комиссию для строгого внушения и предупреждения, что «в случае повторения в будущем подобных нарушений военно-цензурных правил и представления в цензуру ложных известий о военных событиях будет возбуждено ходатайство перед высшими властями о высылке его из города Петрограда на все время военных действий» [3. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 8. Л. 187 об.]. Газету же предлагалось закрыть на все время войны.

Таким образом, циркулировавшие в обществе слухи в условиях Первой мировой войны регулярно проникали на страницы газет, находя в осуществляемых публикациях подтверждение или опровержение своей достоверности. В сложившейся ситуации сложно было определить первичность и вторичность такого рода сведений: периодическая печать порождала различного рода домыслы или устные измышления становились основой для газетных публикаций. Вероятно, авторы подобного рода информации зачастую сами были уверены в ее достоверности, поскольку получали ее из «достоверных источников».

В статье не идет речь о слухах, носивших масштабный характер и получивших широкое распространение в печати, таких как шпиономания, предательство «инородцев» (даже из числа членов царской фамилии) или зверства противника. Авторов в большей степени интересовало отношение к распространяемым новостям средств печати и военно-цензурных органов, отвечавших как за безвредность публикуемых сведений для военной безопасности страны, так и за общественные настроения в тылу, за восприятие войны населением.

Примеры новостей, послуживших основой недостоверных письменных слухов, позволяют сделать вывод, что большинство из них было порождено от-

существованием надежной информации из официальных источников, желанием периодических изданий привлечь читателя интересной, хотя и не всегда достоверной информацией.

Список источников

1. Речь. 1914. № 193. 22 июля.
2. Луман Нс. Реальность массмедиа. М. : Праксис, 2005. 256 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив.
4. Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с.
5. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М. : Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
6. Леонов С.В. Эволюция массового сознания в России в Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века : материалы науч. конф. М. : Моск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 61–73.
7. Российский государственный исторический архив.
8. Вечернее время. 1916. № 1455. 21 апр.
9. Архив внешней политики Российской империи.
10. Богомолов И.К. Государственная Дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.
11. Батулин П.В. Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-3. С. 141–155.

References

1. *Rech'*. (1914) 22nd July.
2. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Translated from German. Moscow: Praksis.
3. The Russian State Military Historical Archive.
4. Olshanskiy, D.V. (2002) *Psikhologiya mass* [Psychology of the Masses]. St. Petersburg: Piter.
5. Aksenov, V.B. (2020) *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)* [Rumors, Images, Emotions. Mass Moods of Russians During the War and Revolution (1914–1918)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Leonov, S.V. (2002) *Evolutsiya massovogo soznaniya v Rossii v Pervuyu mirovuyu voynu* [Evolution of Mass Consciousness in Russia during the First World War]. In: *Rossiya v mirovykh voynakh XX veka* [Russia in the World Wars of the 20th Century]. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 61–73.
7. The Russian State Historical Archive.
8. *Veчерnee vremya*. (1916). 21st April.
9. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
10. Bogomolov, I.K. (2022) *Gosudarstvennaya Duma i tsenzurnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny* [The State Duma and Censorship Policy during the First World War]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 96–117.
11. Batulin, P.V. (2006) *Voennaya tsenzura v period Pervoy mirovoy voyny i revolyutsii 1917–1918 gg.: problema sushchnosti i preemstvennosti* [Military Censorship during the First World War and the Revolution of 1917–1918: The Problem of Essence and Continuity]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 16-3. pp. 141–155.

Сведения об авторах:

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета (Брянск, Россия). E-mail: blohin.val@yandex.ru

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: totleben@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Blokhin Valery F. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the National History, Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: blohin.val@yandex.ru

Shevtsov Vyacheslav V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: totleben@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 29.01.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94(571.1)"1867/1917"
doi: 10.17223/19988613/93/5

Уездный исправник Сибири в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов

Алексей Николаевич Ермолаев

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, Кемерово, Россия; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, al-ermolaev@yandex.ru

Аннотация. Представлен коллективный портрет уездного исправника Сибири на примере изучения биографий глав полиции Кузнецкого и Мариинского уездов. Для его составления выделены ключевые параметры: происхождение, образование, возраст и чин на момент вступления в должность, предыдущая должность, время нахождения в должности главы полиции, дальнейшая судьба. Проведение исследования базируется на методах просопографии. Основные источники изучения биографий чиновников – личные дела, формулярные списки и приказы о перемещении по службе.

Ключевые слова: уездный исправник, Сибирь, полиция, коллективный портрет

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания (Проект № 124041100076-4. Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII – XX вв. 2024–2025 гг.).

Для цитирования: Ермолаев А.Н. Уездный исправник Сибири в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 38–46. doi: 10.17223/19988613/93/5

Original article

The district police officer of Siberia in 1867–1917: a collective portrait on the example of the Kuznetsk and Mariinsky counties

Alexey N. Ermolaev

The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russian Federation; Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, al-ermolaev@yandex.ru

Abstract. The police chief was a very influential official. He was considered the head of the county and headed not only police structures, but he also was in charge of the medical and educational departments, and participated in the work of many public and collegiate institutions. The purpose of our study is to compile a collective portrait of the district police officer of Siberia on the example of the heads of the Kuznetsk and Mariinsky district police departments. To achieve this goal, biographical information was collected about all police officers who served in these counties. The data was collected for a total of 39 staff members. The compilation of a collective portrait was carried out using prosopographic methods based on the following parameters: a person's background, level of education, age and rank at the time of taking office, previous position, duration of service as a police officer, and further fate.

As a result of the study, it was found that for most of the officials, the appointment to the post of police officer was a promotion (67%). For a significant part of officials, this position was the last in their career (38%). When police officers moved to a new place of service, more than half of them (54%) ended up in an equivalent position. This meant they had no career advancement. In rare cases, there was a demotion or transition to the civil service. A collective portrait based on the above parameters looks like this. By origin, the police officer could equally be either from the nobles of the European part of Russia, or from the Siberian chief officers' children of officials. He received his education in the provincial gymnasium or in the district school in the European or Siberian provinces. Most often he had a secondary or incomplete secondary education. He entered the post of police officer at the age of about 41, while having the rank of titular adviser. Before being appointed to a position, he, as a rule, served in another county or even in another province. He was a district police officer for only about 2.5 years. Most often, the post of police officer was the pinnacle of his career, since after it he either continued to serve in a comparable or similar position in another county (province), or retired

Keywords: county police officer, Siberia, police, group portrait

Acknowledgement: The article was carried out within the framework of the state assignment (Project No. 124041100076-4. Kuzbass as part of the Russian state: socio-economic and socio-political development of the region in the XVII – XX centuries. 2024–2025)

For citation: Ermolaev, A.N. (2025) The district police officer of Siberia in 1867–1917: a collective portrait on the example of the Kuznetsk and Mariinsky counties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 38–46. doi: 10.17223/19988613/93/5

Начальник уездной полиции Сибири – исправник (или капитан-исправник) являлся очень значимой фигурой. Ему не только подчинялись все находящиеся на территории уезда чиновники ведомства министерства внутренних дел (чиновники по крестьянским делам, крестьянские и земские начальники, становые приставы, сотские, десятские и т.д.), в его ведении также находились медицинская и ветеринарная части, некоторые учебные заведения и общественные организации. Неслучайно полицейский исправник входил в состав почти всех коллегиальных органов управления в уезде и нес большую общественно нагрузку. Например, мариинский уездный исправник Ф.В. Горбатов в 1916 г. кроме исполнения своих непосредственных обязанностей являлся председателем следующих организаций: распорядительного комитета, общественной приемной комиссии по изготовлению сапог для армии, Алексеевского комитета, комитета по предоставлению отсрочки военнообязанным, по воинскому налогу присутствию, и председательствующим директором тюремного комитета. Именно поэтому уездный исправник считался главой уезда и самым влиятельным чиновником на подведомственной ему территории.

Истории полиции Сибири посвящено немало работ. Так в диссертации Ю.Н. Москвитина изучены правовая сторона функционирования полиции Томской губернии, социальный состав и численность чинов полиции, их функции [1]. Этот же исследователь сделал попытку комплексного изучения отдельных полицейских управлений Сибири [2]. Роль полиции в системе местного управления раскрыта в ряде работ омского историка И.А. Коновалова [3]. Научно-популярный очерк о деятельности органов полиции на территории современного Кузбасса представлен в монографии А.Н. Ермолаева [4]. Однако, несмотря на значительное количество исследований по данной теме, биографии конкретных начальников полиции изучены недостаточно подробно.

В этой связи целью нашего исследования стало составление коллективного портрета уездного исправника Сибири. Он позволит лучше понять мотивацию действий уездной полиции при решении различных вопросов. Как уже было отмечено, исправник фактически возглавлял уезд, отвечал за многие сферы социальной жизни населения и контролировал многие процессы. Поэтому от профессионального, образовательного уровня, возраста и чиновничьего статуса исправника зависело принятие различных решений, влиявших на социально-экономическое развитие уезда. В качестве объектов изучения выбраны начальники полиции Кузнецкого и Мариинского уездов. Для второй половины XIX – начала XX в. данные уезды можно считать типичными для Сибири. Кузнецкий уезд находился на землях Кабинета Е.И.В., так же как и семь других уездов, располагавшихся в пределах Алтайского и Нерчинского горных округов. Мариинский уезд находился на государственных землях. Через него проходила Транссибирская железная дорога, являвшаяся одним из главных источников развития для двух десятков уездов Сибири, по которым прошел железнодорожный путь. Вдоль Транссиба проживала значи-

тельная часть населения Сибири, на нем находились наиболее крупные города.

Для составления коллективного портрета полицейского чиновника использовались личные дела и формулярные списки. На первом этапе был составлен список окружных (уездных) исправников на основе различных справочных изданий – «Адрес-календарей Всероссийской империи», «Памятных книжек Томской губернии», «Путеводителей по всей Сибири и среднеазиатским владениям России» и т.п. На втором этапе проводился поиск личных дел и формулярных списков выявленных личностей. Большая их часть была найдена в Государственном архиве Томской области, однако некоторые оказались в других архивах – Историческом архиве Омской области и Государственном архиве в г. Тобольске. Поскольку некоторые формулярные списки содержали сведения лишь до момента вступления в должность исправника, дальнейшую судьбу их пришлось восстанавливать по приказам томского губернатора, опубликованным в газете «Томские губернские ведомости». В результате были собраны биографические сведения всех исправников Кузнецкого и Мариинского уездов, что позволило составить коллективный портрет на основе параметров, о которых будет сказано ниже.

Согласно Временным правилам об устройстве полиции в городах и уездах губерний, утвержденным императором 25 декабря 1862 г., было подтверждено слияние городской и уездной полиции в единый состав, объявленное предыдущими законами 1858 и 1859 гг. Таким образом, в каждом уезде создавалось единое полицейское управление, а должность городничего упразднялась. Отныне его функции передавались уездным исправникам. Среднее звено полиции составляли становые и городские приставы, их помощники и полицейские надзиратели. При этом каждый уезд (или город) делился на станы, охватывающие по одной или несколько волостей (или районов города), где функции полиции выполняли становые (городские) приставы. Нижние чины полиции – сотские и десятские – заведовали определенными участками стана. Как правило, они охватывали сто или несколько десятков дворов, откуда и произошло название.

Уездные исправники и их помощники определялись и увольнялись с должности начальниками губерний. Подведомственные полиции дела решались либо единолично исправником, либо общим присутствием полицейского управления. К ведению полицейских управлений относились: 1) обнародование Высочайших указов, манифестов и законов; 2) обсуждение возникающих вопросов о законных препятствиях или важном сомнении в исполнении предписаний губернского начальства; 3) принятие чрезвычайных мер к исполнению законов, восстановлению порядка, спокойствия и безопасности; 4) взыскание с виновных издержек; 5) рассмотрение жалоб частных лиц и присутственных мест; 6) представление губернскому начальству предложений о границах становых участков; 7) изменение состава сотен и частей городов; 8) определение и увольнение сотских и полицейских служителей; 9) временное устранение от должности чинов полиции, если они

совершили уголовные преступления; 10) проверки сумм полицейского управления, а также казенных и частных денег, хранящихся в полиции; 11) командирование сельских заседателей для исполнения поручений; 12) рассмотрение разных дел, которые предлагает исправник [5].

Первоначально все преобразования полиции не касались Сибири. 12 июня 1867 г. император утвердил Штат полицейских управлений Сибири, а спустя четыре дня – мнение Государственного Совета о реформировании полиции Сибири. Согласно новому закону городские полицейские управления и земские суды объединялись в единое окружное полицейское управление, как это было сделано в европейской России по закону от 25 декабря 1862 г. Этому управлению подчинялись все городские и сельские поселения, находящиеся в пределах округа. Исключение было сделано только для губернских и областных центров, а также для некоторых отдельных городов с особой системой управления, где сохранялись самостоятельные городские полицейские управления. Мариинск и Кузнецк не вошли в их число. Шестой пункт закона гласил: «...впредь до окончательного устройства сибирской полиции с отделением от нее следственной части преобразуемые ныне полицейские управления в действиях своих руководствуются теми же постановлениями, какими руководствовались донныне окружные и городские полицейские управления в Сибири». Таким образом, закон предусматривал, что реформа сибирской полиции будет продолжена в будущем. Должности судебных следователей в Сибири пока не вводились. Дополнительное финансирование новых полицейских управлений открывалось с 1 января 1868 г. [6].

Согласно штатам Кузнецкое и Мариинское окружные полицейские управления состояли каждое из 11 человек: 1 исправник (годовой оклад 1 500 руб.), 1 помощник исправника (1 000 руб.), 3 земских заседателя (по 600 руб.), 2 полицейских заседателя (по 400 руб.), 1 секретарь (400 руб.), 2 столоначальника (по 200 руб.), 1 журналист, он же архивариус (200 руб.). Всего на содержание чинов полиции требовалось 6 100 рублей. На канцелярские расходы, наем сторожа, писцов, рассыльных и прочее предусматривалось 3 300 рублей в год. Общий расход государства на содержание Кузнецкого и Мариинского окружных полицейских управлений составлял 9 400 рублей на каждое. Мариинское и Кузнецкое окружные полицейские управления были типичными для Сибири. Состав чинов и расходы на содержание подобных полицейских управлений в других окружных городах как Западной, так и Восточной Сибири был примерно таким же и колебался в пределах 9–10 тыс. рублей в год [7].

По подсчетам Ю.Н. Москвитина, увеличение окладов чиновникам полиции в Томской губернии по реформе 1867 г. составило около 68% по отношению к дореформенному периоду, а отпуск средств на канцелярские расходы был увеличен более чем в 2 раза. Для поднятия престижа полиции всем исправникам, их помощникам, полицеймейстерам в городах, участковым заседателям, приставам и их помощникам повысили чин на один ранг согласно «Табели о рангах» [1. С. 45].

Назначение на должности окружных исправников в Томской губернии состоялось приказом генерал-губернатора Западной Сибири от 23 декабря 1867 г. Первым кузнецким окружным исправником стал бывший земский исправник Иван Петрович Киселев, а его помощником – бывший городничий Иван Иванович Янов. Мариинским окружным исправником был назначен бывший земский исправник Александр Федорович Петров, а его помощником – бывший непременный заседатель Прокопий Федорович Кожевников. Бывший мариинский городничий М.М. Устюжанин был назначен отдельным заседателем в Алтайский край [8]. Однако неожиданно 5 января 1868 г. мариинский окружной исправник А.Ф. Петров умер. Вместо него приказом генерал-губернатора от 26 января был определен в должность в качестве временно исполняющего М.М. Устюжанин [9. Л. 11].

В результате архивных поисков удалось собрать полные биографические данные о 18 кузнецких и 21 мариинском исправнике, которые находились в должности с момента учреждения окружных (уездных) полицейских управлений в 1867 г. до их ликвидации в 1917 г. При этом надо учитывать, что один из начальников Е.А. Звенигородский дважды занимал должность мариинского окружного исправника с перерывом в 12 лет. Кстати, этот человек оказался самым сложным в плане сбора биографической информации. Не удалось найти ни его личного дела, ни формулярного списка. Как оказалось, его документы находились в розыске еще в 1870 г. Их передали из Бийска в Томск, но туда они по неизвестной причине не поступили [10. Л. 482]. В результате служебную деятельность этого человека пришлось реконструировать исключительно на основе приказов томского губернатора, опубликованных в газетах. Личные дела полицейских и формулярные списки позволяют представить их биографии по следующим параметрам: происхождение, образование, возраст и чин на момент вступления в должность, предыдущее место службы, продолжительность нахождения в должности, дальнейшая судьба. Собранные данные представлены в таблице.

Биографические данные Кузнецких и Мариинских окружных (уездных) исправников

№ п/п	ФИО	Происхождение	Образование	Возраст (лет)	Чин на момент вступления	Предыдущая служба	Продолжительность службы в должности	Дальнейшая судьба	Источники информации
Кузнецкий уезд									
1	Киселев Иван Петрович	Обер-офицерский сын	Иркутская губернская гимназия (не окончил)	57	Титулярный советник	Непременный заседатель Барнаульского земского суда	23 декабря 1867 г. – декабрь 1869 г.	Неизвестно	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1057. Л. 1065–1076

Продолжение таблицы

№ п/п	ФИО	Происхождение	Образование	Возраст (лет)	Чин на момент вступления	Предыдущая служба	Продолжительность службы в должности	Дальнейшая судьба	Источники информации
2	Тюшев Василий Евграфович	Обер-офицерский сын	Томская губернская гимназия	31	Коллежский секретарь	Полицейский пристав Сузунского горнозаводского селения	20 декабря 1869 г. – 10 июля 1874 г.	Умер в должности	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1210. Л. 1–4
3	Казанцев Михаил Иванович	Потомственный почетный гражданин	Томская губернская гимназия (не окончил)	26	Не имел чина	Помощник Томского уездного исправника	17 июля 1874 г. – 1 сентября 1881 г.	Вышел в отставку по болезни	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2 Д. 2141. Л. 590–597
4	Паршенников Аполлон Калистратович	Мещанин г. Томска	Томская губернская гимназия	28	Титулярный советник	Начальник 1-го отделения Томского общего губернского управления	24 сентября 1881 г. – 26 июня 1884 г.	Бийский окружной исправник	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3 Оп. 12. Д. 2351. Л. 1–7
5	Окорок Матвей Евгеньевич	Сын священника	Томское духовное училище	33	Не имел чина	И.д. Барнаульского окружного исправника	26 июня 1884 г. – 11 марта 1886 г.	Кольванский полицеймейстер	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2277. Л. 1–14
6	Селивани Михаил Иванович	Дворянин	Днепропетровское уездное училище	40	Надворный советник	В.и.д. помощника Александровского уездного исправника Херсонской губернии	11 марта 1886 г. – 23 ноября 1887 г.	Каинский окружной исправник	Переписка о назначении Селивани каинским исправником, 1885–1889 гг. // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2549. Л. 1–46
7	Ляпустин Александр Дмитриевич	Сын священника	Тобольская духовная семинария (не окончил)	32	Коллежский секретарь	Помощник Кузнецкого окружного исправника	23 ноября 1887 г. – 27 февраля 1890 г.	Каинский окружной исправник	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2209. Л. 1–6
8	Паперный Лавр Васильевич	Дворянин Черниговской губ.	Аудиторское училище военного ведомства	50	Коллежский советник	Верхнеуральский уездный исправник. Находился в отставке	27 февраля 1890 г. – 1 июня 1892 г.	Вышел в отставку по болезни	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2295. Л. 1–15
9	Лучшев Федор Панфилович	Сын урядника	Барнаульское окружное училище	31	Коллежский регистратор	И.д. Каинского окружного исправника	1 июня 1892 г. – 23 июня 1893 г.	Барнаульский окружной исправник	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 21. Л. 1–210
10	Остржинский Яков-Людвиг Викентьевич	Дворянин	Благородный пансион	56	Надворный советник	Барнаульский окружной исправник	23 июня 1893 г. – 26 апреля 1899 г.	Вышел в отставку по болезни	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 226. Л. 1–84
11	Зеленский Александр Александрович	Дворянин Волынской губернии	Варшавское пехотное училище	43	Коллежский асессор	Бийский окружной исправник	26 апреля 1899 г. – 21 февраля 1901 г.	Мариинский окружной исправник	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 131. Л. 1–200
12	Козинцев Яков Максимович	Дворянин Полтавской губернии	Херсонская губернская гимназия	53	Не имел чина	В.и.д. Мариинского уездного исправника	22 февраля 1901 г. – 4 августа 1903 г.	Вышел в отставку	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 257. Л. 1–73
13	Халтурин Николай Николаевич	Дворянин	Рижское пехотное юнкерское училище	39	Коллежский асессор	И.д. Томского полицеймейстера	4 августа 1903 г. – 1 сентября 1905 г.	Вышел в отставку	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3 Оп. 12. Д. 2515. Л. 1–8; ТГВ. 1903. № 32 от 14 авг.; ТГВ. 1905. № 33 от 8 сент.
14	Донорский Иван Николаевич	Потомственный почетный гражданин	Тульское духовное училище	48	Надворный советник	Помощник Барнаульского уездного исправника	1 сентября 1905 г. – 20 сентября 1908 г.	Горный исправник частных золотых промыслов Алтайского округа	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 985. Л. 1–173
15	Гонилов Павел Петрович	Из мещанин Мариинска	Домашнее образование	41	Коллежский секретарь	И.д. помощника Томского уездного исправника	20 сентября 1908 г. – 1 октября 1910 г.	И.д. Барнаульского уездного исправника	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 22. Л. 1–190

Продолжение таблицы

№ п/п	ФИО	Происхождение	Образование	Возраст (лет)	Чин на момент вступления	Предыдущая служба	Продолжительность службы в должности	Дальнейшая судьба	Источники информации
16	Поляков Илья Васильевич	Из мещан Кронштадта	Мещовское уездное училище (Калужская губ.)	42	Коллежский секретарь	Помощник Каинского уездного исправника	1 октября 1910 г. – 1 сентября 1911 г.	Бийский уездный исправник	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 47. Л. 1–351
17	Загарин Иван Иванович	Из мещан Мариинска (отец ссыльный)	Томское уездное училище	40	Надворный советник	Помощник Томского уездного исправника	1 сентября 1911 г. – 1 марта 1916 г.	Томский уездный исправник	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 141. Л. 1–160
18	Липский Николай Емельянович	Личный почетный гражданин	Дисненское двухклассное училище (Черниговская губ.)	55	Надворный советник	Помощник начальника Томского исправительного арестантского отделения	20 марта 1916 г. – 22 марта 1917 г.	Уволен в отставку	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2178. Л. 1–7; ТГВ. 1916. № 21 от 16 марта; ТГВ. 1916. № 23 от 23 марта; ТГВ. 1916. № 37 от 22 мая; Голос свободы. 1917. № 23 от 27 апр.
Мариинский уезд									
1	Петров Александр Федорович	Из канцеляристов	Казанское уездное училище	41	Титулярный советник	Находился в отставке. До этого секретарь Семипалатинской городской думы	23 декабря 1867 г. – 16 января 1868 г.	Умер в должности	Формулярный список // ИАОО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 7272. Л. 310–317; ТГВ. 1867. № 25 от 30 июня; ТГВ. 1868. № 2 от 12 янв.; ТГВ. 1868. № 3 от 19 янв.
2	Устюжанин Михаил Михайлович	Из обер-офицерских детей	Домашнее образование	45	Титулярный советник	Отдельный заседатель Алтайского края	26 января 1868 г. – 18 декабря 1869 г.	Смотритель Томского тюремного замка	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1526. Л. 367–382
3	Звенигородский Евгений Александрович	?	?	?	Коллежский секретарь	И.д. участкового заседателя Бийского земского суда	18 декабря 1869 г. – 28 июля 1870 г.	И.д. Каинского окружного исправника	ТГВ. 1869. № 51 от 26 декабря; ТГВ. 1870. № 30 от 1 авг.; ТГВ. 1871. № 48 от 4 дек.; ТГВ. 1872. № 18 от 6 мая
4	Стоцкий Фелициан Игнатьевич	Польский дворянин	Подольское уездное училище (не окончил)	54	Надворный советник	Томский окружной исправник	28 июля 1870 г. – 24 июля 1875 г.	Уволен в отставку	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1493. Л. 587–602
5	Воронцов Аполлон Михайлович	Из семьи чиновника	Тарское уездное училище	31	Губернский секретарь	Помощник Томского окружного исправника	24 июля 1875 г. – 28 февраля 1878 г.	Уволен от службы, позже – Красноярский полицмейстер	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1438. Л. 1–10; ТГВ. 1877. № 16 от 23 апр.; ТГВ. 1878. № 9 от 4 марта; ТГВ. 1878. № 28 от 22 июля
6	Смирнов Михаил Александрович	Из обер-офицерских детей	Томское уездное училище	26	Коллежский регистратор	Помощник Мариинского окружного исправника	28 февраля 1878 г. – 16 ноября 1879 г.	Уволен с должности. Позже – Верхнеудинский окружной исправник	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1908. Л. 346–348; ТГВ. 1878. № 9 от 4 марта; ТГВ. 1879. № 27 от 14 июля; ТГВ. 1879. № 46 от 24 нояб.

Продолжение таблицы

№ п/п	ФИО	Происхождение	Образование	Возраст (лет)	Чин на момент вступления	Предыдущая служба	Продолжительность службы в должности	Дальнейшая судьба	Источники информации
7	Смирнов Василий Александрович	Из обер-офицерских детей	Тобольская губернская гимназия	41	Надворный советник	Томский окружной исправник	16 ноября 1879 г. – 29 декабря 1880 г.	Уволен от службы	Формулярный список // ИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11877. Л. 152–163
8	Доманский Ромуальд Николаевич	Сын губернского секретаря	Университет св. Владимира (Киев), юридический факультет	26	Чина не имел	Помощник Бийского окружного исправника	29 декабря 1880 г. – 1 сентября 1881 г.	Чиновник особых поручений Томского общего губернского управления	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2141. Л. 211–214
9	Савинский Александр Николаевич	Из приказно-служительских детей	Барнаульское окружное училище	37	Титулярный советник	Помощник Барнаульского окружного исправника	1 сентября 1881 г. – 27 октября 1882 г.	Заседатель 2-го участка Тобольского окружного полицейского управления	Формулярный список // Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-686. Оп. 2. Д. 13. Л. 118–126 об.
10	Звенигородский Евгений Александрович	?	?	?	Коллежский секретарь	Начальник Томского исправительного отделения	17 ноября 1882 г. – 10 мая 1883 г.	Чиновник особых поручений Томского общего губернского управления	ТГВ. 1882. № 20 от 20 мая; ТГВ. 1882. № 47 от 25 нояб.; ТГВ. 1883. № 20 от 26 мая; ТГВ. 1883. № 28 от 21 июля
11	Дрягин Петр Гаврилович	Из обер-офицерских детей	Омское духовное училище (не окончил)	42	Коллежский асессор	И.д. начальника 2-го отделения Томского общего губернского управления	20 мая 1883 г. – 30 мая 1890 г.	Бийский окружной исправник	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3091. Л. 1–76
12	Паршенников Аполлон Калистратович	Мещанин города Томска	Томская губернская гимназия	37	Надворный советник	Кузнецкий окружной исправник	30 мая 1890 г. – 29 января 1891 г.	Чиновник по крестьянским делам Тобольской губернии	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3 Оп. 12. Д. 2351. Л. 1–7
13	Путвинский Иван Юлиан Людвигов	Из обер-офицерских детей	Ачинское уездное училище	60	Надворный советник	Помощник Кузнецкого окружного исправника	29 января 1891 г. – 25 сентября 1891 г.	Уволен от службы	Формулярный список // ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 2363. Л. 1–20
14	Коренев Александр Николаевич	Из дворян Рязанской губернии	Первое Павловское военное училище	42	Подполковник	Офицер 2-го лейб-Драгунского Псковского Её Величества полка	25 сентября 1891 г. – 27 июля 1896 г.	Зайсанский уездный начальник	Послужной список // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 14220. Л. 16–21
15	Щербачев Николай Сергеевич	Из дворян Харьковской губернии	Третье военное Александровское училище	46	Надворный советник	Из отставных. До этого был неперменным членом Екатеринбургского уездного по крестьянским делам присутствия	25 июля 1896 г. – 26 апреля 1899 г.	Служба контроля Уссурийской железной дороги	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 139. Л. 1–55
16	Попов Николай Михайлович	Из дворян Пензенской губернии	Санкт-Петербургская военная гимназия	42	Капитан	Кольванский полицеймейстер	26 апреля 1899 г. – 7 августа 1899 г.	Горный исправник Алтайского округа	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 213. Л. 1–141
17	Козинцев Яков Максимович	Из дворян Полтавской губернии	Херсонская губернская гимназия	51	Чина не имел	Из отставных. До этого был мировым судьей Днепровского округа	5 октября 1899 г. – 22 февраля 1901 г.	Кузнецкий уездный исправник	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 257. Л. 1–73
18	Зеленский Александр Александрович	Дворянин Волынской губернии	Варшавское пехотное училище	45	Надворный советник	Кузнецкий уездный исправник	22 февраля 1901 г. – 28 мая 1908 г.	Уволен от службы	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 131. Л. 1–200
19	Николаев Виталий Павлович	Из обер-офицерских детей	Томское уездное училище	52	Надворный советник	Помощник Мариинского уездного исправника	6 сентября 1908 г. – 15 октября 1912 г.	Уволен от службы	Формулярный список // ГАКО. Ф. Д-41. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–7; ТГВ. 1908. № 27 от 27 апр.; ТГВ.

Окончание таблицы

№ п/п	ФИО	Происхождение	Образование	Возраст (лет)	Чин на момент вступления	Предыдущая служба	Продолжительность службы в должности	Дальнейшая судьба	Источники информации
									1908. № 39 от 15 июня; ТГВ. 1908. № 60 от 10 сент.; ТГВ. 1912. № 77 от 17 окт.
20	Оржеховский Борис Григорьевич	Из потомственных дворян	Тифлисская гимназия (не окончил)	33	Губернский секретарь	И.д. пристава 2-го участка г. Томска	15 октября 1912 г. – 1 декабря 1914 г.	Уволен от должности. Позже перешел на военную службу	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1127. Л. 1–181
21	Горбатов Федор Васильевич	Мещанин г. Самара	Самарское городского 4-классное училище	36	Коллежский регистратор	И.д. пристава 4-го участка г. Томска	1 декабря 1914 г. – 26 марта 1917 г.	Уволен с должности и службы	Дело о службе // ГАТО. Ф. 3. Оп. 70. Д. 1024. 156 л.

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, подавляющее большинство уездных исправников были *гражданскими чиновниками*. Лишь двое – А.Н. Коренев и Н. М. Попов – были военными и имели соответствующие воинские чины. При этом военное образование имели семь человек. Во-вторых, сразу три человека – А.К. Паршенников, А.А. Зеленский и Я.М. Козинцев – побывали в должности уездного исправника и в Кузнецком, и в Мариинском уезде. В-третьих, при назначении на должность уездного исправника преемственность по службе практически отсутствовала. Это означает, что помощник уездного исправника, т.е. его заместитель, крайне редко сам становился исправником в этом же уезде. Известны всего три случая такой преемственности: в Мариинском уезде такими чиновниками были М.А. Смирнов и В.П. Николаев, в Кузнецком уезде – А.Д. Ляпустин. В большинстве случаев исправником становился чиновник из другого уезда или даже другой губернии.

Происхождение. Из 39 исправников удалось установить происхождение 37 человек. Полные данные неизвестны только по Е.А. Звенигородскому, который дважды был исправником в одном и том же уезде. 13 исправников (35%) были дворянами. При этом почти все они приехали в Сибирь из европейской части страны. Среди полицейских исправников были дворяне Волынской, Полтавской, Пензенской, Харьковской, Рязанской и Черниговской губерний. Еще столько же – 13 человек (35%) – происходили из обер-офицерских детей, семей урядников, канцеляристов и т.п. По всей вероятности, все они были сибиряками, так как обучались именно в сибирских учебных заведениях. Мещанское происхождение имели 6 человек (16%). При этом все, кроме одного (И.В. Полякова), были мещанами Томска и Мариинска. Почетных граждан (личных и потомственных) было 3 (8%), детей священников – 2 (6%).

Образование. Важным служебным показателем является образование. Из 39 человек установлено образование у 37 чиновников. Всех можно разделить на лиц, получивших светское (24 человека), военное (7 человек), духовное образование (4 человека) и не имеющих образования (2 человека имели только домашнее обра-

зование). Из лиц, получивших светское образование, только один имел высшее образование, это был Р.Н. Доманский, окончивший юридический факультет университета Святого Владимира (Киев). Полный курс губернской гимназии окончили 7 человек, из них один закончил элитную гимназию – Благородный пансион (Я.Л.В. Остржинский). Еще 3 человека обучение в гимназиях не завершили. Уездные (городские) училища закончили 13 человек, причем большая половина (7 человек) закончили сибирские уездные училища (Томское, Барнаульское, Ачинское, Тарское). 6 человек учились в европейских училищах (Днепровское, Мещовское, Дисненское, Казанское, Подольское). Наконец, 2 человека имели лишь домашнее образование. Исправники, получившие военное образование, обучались в самых разных учебных заведениях. Это Первое Павловское училище, третье Александровское, Варшавское пехотное училище, Рязанское юнкерское училище, Рижское пехотное училище, Санкт-Петербургская военная гимназия, аудиторское училище военного ведомства. Из числа лиц, получивших духовное образование, только один закончил семинарию, а остальные трое – духовное училище.

Если обратить внимание на уровни образования (высшее, среднее и начальное) всех трех профилей (светское, военное, духовное), то можно отметить, что из 37 человек только один (3%) имел высшее образование, 12 человек (32%) – полное или неполное среднее образование, 22 человек (59%) закончили уездное, городское (или военное) училище, т.е. занимали промежуточное положение между начальным и средним образованием; 2 человека (6%) имели домашнее образование. География учебных заведений весьма разнообразна. В учебных заведениях, находящихся в Сибири, учились 16 человек (43%). Образование в европейской части страны получили 19 человек (51%). Напомним, что 2 человека (6%) вообще учились дома.

Возраст и чин при вступлении в должность. В формулярных списках, как правило, не указывалась точная дата рождения. Обычно там писали возраст чиновника на момент составления списка. Точную дату рождения можно найти только в личных делах, где обычно имелись выписки из метрических книг. Поэтому мы вы-

нуждены округлять данные, полученные из формулярных списков. Из 39 человек есть сведения о 37 личностях. Средний возраст вступления в должность уездного исправника оставлял 41 год. При этом самыми молодыми были 26-летние М.И. Казанцев, М.А. Смирнов и Р.Н. Доманский. Самым пожилым являлся 60-летний И.Ю.Л. Путвинский.

При определении среднего показателя чина, в котором находился исправник, мы ввели дополнительный параметр к Табели о рангах – не имеющий чина. В результате подсчета получилось, что при назначении на должность уездный исправник в среднем имел чин титулярного советника. Правда, разброс чинов был довольно большим: от не имеющего чина до коллежского советника. Если брать абсолютные показатели, то больше всего было чиновников, имеющих чин надворного советника (12 человек), далее – коллежского секретаря (6 человек), титулярного советника (5 человек), не имеющих чин (5 человек), коллежского асессора и коллежского регистратора (по 3 человека), губернского секретаря (2 человека), и один был коллежским советником. Два человека (А.Н. Коренев и Н.М. Попов) имели воинское звание подполковника и капитана соответственно.

Продолжительность службы в должности исправника. Назначение и увольнение с должности оформлялись приказами Томского губернатора, в редких случаях – приказами генерал-губернатора Западной Сибири (должность упразднена в 1882 г.). Губернское руководство старалось, чтобы дата увольнения предыдущего чиновника совпадала с датой назначения нового. Однако это не всегда получалось. В результате образовывался временной разрыв между назначениями, который, как правило, не превышал одного месяца. Приезд чиновника на новое место службы почти никогда не совпадал с датой приказа. Дело в том, что вновь назначенный чиновник часто ехал издалека, иногда из другой губернии или даже из европейской части России. Переезд мог занять несколько месяцев. С конца XIX в. в связи с развитием дорожной сети это время сократилось до нескольких дней или недель. Проследить время реального вступления в должность у всех уездных исправников не представляется возможным, поэтому мы будем опираться исключительно на формальный приказ о назначении и перемещении с должности с округлением срока до месяца.

Итак, из 39 исправников Кузнецкого и Мариинского уездов самое короткое время в должности находился мариинский чиновник А.Ф. Петров. На должность он был назначен 23 декабря 1867 г., а уволен 16 января 1868 г. в связи со смертью. В должности он находился менее одного месяца. Самое продолжительное время в должности находился мариинский исправник А.А. Зеленский: срок его службы составил 7 лет и 3 месяца, с 22 февраля 1901 г. по 28 мая 1908 г. Также около 7 лет в должности находились кузнецкий исправник М.И. Казанцев (17 июля 1874 г. – 1 сентября 1881 г.) и мариинский исправник П.Г. Дрягин (20 мая 1883 г. – 30 мая 1890 г.). Подсчеты показали, что средняя продолжительность нахождения в должности составляла 30 месяцев, или 2,5 года. Перевод на новое место

службы осуществлялся либо по воле начальства, либо по желанию чиновника. Невысокая продолжительность службы в должности наблюдается в течение всего рассматриваемого периода.

Теперь обратимся к карьерной ситуации. При сравнении должностей мы будем определять четыре категории: повышение по службе; занятие равнозначной должности; понижение по службе; отставка (смерть). Анализируя данные таблицы, можно заметить, что из 39 уездных исправников 26 человек получили эти должности из более низких, т.е. для них это было повышение по службе. Для 13 чиновников такое назначение было перемещением на равнозначную должность, т.е. параллельным перемещением. При сопоставлении должностей присутствует некоторая условность. Например, должность городского полицеймейстера мы приравниваем к должности уездного исправника, хотя они были не совсем равнозначны.

Что же касается завершения службы в должности исправника, то тут наблюдается другая картина. Для 21 из 39 человек (54%) было перемещение на равнозначную должность, как правило, в другом уезде. Для 15 из 39 (38%) это была полная отставка от должности и службы (либо смерть). Для одного чиновника увольнение от должности обернулось понижением по службе. В 1882 г. мариинский исправник А.Н. Савинский был назначен на должность заседателя 2-го участка Тобольского окружного полицейского управления. Перемещение его было связано с тем, что против него было заведено уголовное дело о нарушениях по службе в должности помощника Барнаульского исправника. Впоследствии он был оправдан [11. Л. 118–126 об.]. Из оставшихся двух исправников судьба одного неизвестна (кузнецкий исправник И.П. Киселев), а второй (мариинский исправник Н.С. Щербачев) перешел на работу в гражданское ведомство (служба контроля Уссурийской железной дороги).

Заметим, что для большей части чиновников назначение на должность исправника было повышением по службе (67%). При этом для значительной части эта должность оказывалась последней в карьере (38%), либо их переводили на равнозначные должности (54%), что также не означало карьерного роста. В редких случаях было понижение в должности либо переход в гражданскую службу.

Таким образом, просопографический портрет сибирского уездного исправника выглядит следующим образом. В равной степени он мог происходить либо из дворян европейской части России, либо из сибирских обер-офицерских детей чиновников. Образование получил в губернской гимназии или уездном училище в европейских или сибирских губерниях, т.е. чаще всего он имел среднее или неполное среднее образование. В должность исправника он вступал в возрасте около 41 года, имея при этом чин титулярного советника. До назначения на должность он, как правило, служил в другом уезде или даже в другой губернии. Уездным исправником он являлся всего около 2,5 лет. Чаще всего должность исправника являлась вершиной карьеры, так как после нее он либо продолжал службу в сопоставимой или аналогичной должности в другом уезде (губернии), либо выходил в отставку. Невысокий

уровень образования и социального происхождения наводит на мысль о том, что одним из главных критериев при назначении на должность уездного исправника были преданность Короне, безупречность службы и чинопочитание. В изученных личных делах полицейских имеется немного нареканий по службе. Чаще всего они возникали по жалобам различных лиц. Ни

одного из уездных исправников не отдали под суд за служебные или финансовые нарушения. Чаще всего после проверки выяснялось, что жалобы были необоснованными. Если начальство все же усматривало какие-либо нарушения по службе, то чиновника переводили на аналогичную должность в другой уезд.

Список источников

1. Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867–1917 гг. (устройство, численность и материальное обеспечение служащих) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 234 л.
2. Москвитин Ю.Н. Полицейское управление в Кузнецком, Барнаульском и Бийском округах (уездах) во второй половине XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 1. С. 48–57.
3. Коновалов И.А. Роль и место общей полиции в системе местного управления Сибири (XVIII – начало XX века). М. : ИНФРА-М, 2022. 311 с. (Научная мысль).
4. Ермолаев А.Н. Полиция Кузбасса: наша история – наши судьбы : становление органов правопорядка Кемеровской области XVIII – начала XX в. Кемерово : Красный квадрат, 2018. 187 с.
5. Высочайше утвержденные временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1862. Т. 37, ч. 2. № 39087. С. 588–593.
6. Высочайше утвержденный штат полицейских управлений Сибири, 12 июня 1867 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 42, ч. 1. № 44681. С. 879–880.
7. Высочайше утвержденный 12 июня 1867 года штат полицейских управлений в Сибири // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1867. Т. 42, ч. 2. С. 453–454.
8. Томские губернские ведомости (ТГВ). 1868. 12 янв. № 2.
9. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 121.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1558.
11. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И-686. Оп. 2. Д. 13. Л. 118–126 об.

References

1. Moskvitin, Yu.N. (2004) *Politsiya Tomskoy gubernii v 1867–1917 gg. (ustroystvo, chislennost' i material'noe obespechenie sluzhashchikh)* [Police of the Tomsk province in 1867–1917 (the structure, number and material support of employees)]. History Cand. Diss. Barnaul.
2. Moskvitin, Yu.N. (2020) *Politseyskoe upravlenie v Kuznetskom, Barnaul'skom i Biyskom okrugakh (uezdakh) vo vtoroy polovine XIX v.* [Police department in the Kuznetsk, Barnaul and Biysk districts (counties) in the second half of the 19th century]. *Vestnik Kemeroovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22(1), pp. 48–57.
3. Kononov, I.A. (2022) *Rol' i mesto obshchey politzii v sisteme mestnogo upravleniya Sibiri (XVIII – nachalo XX veka)* [The role and place of the general police in the local government system of Siberia (18th – early 20th century)]. Moscow: INFRA-M.
4. Ermolaev, A.N. (2018) *Politsiya Kuzbassa: nasha istoriya – nashi sud'by: stanovlenie organov pravoporyadka Kemeroovskoy oblasti XVIII – nachala XX v.* [Kuzbass Police: Our History – Our Destinies : The Formation of Law Enforcement Agencies in the Kemerovo Region in the 18th – Early 20th Century]. Kemerovo: Krasnyy kvadrat.
5. Russia. (1862) *Vysochayshe utverzhdennye vremennye pravila ob ustroystve politzii v gorodakh i uездakh guberniy* [The Supremely Approved Temporary Rules on the Organization of the Police in the Cities and Districts of the Provinces]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 37(2). № 39087. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 588–593.
6. Russia. (1867a) *Vysochayshe utverzhdenny shtat politseyskikh upravleniy Sibiri, 12 iyunya 1867 goda* [The Supremely Approved Staff of the Police Departments of Siberia, June 12, 1867]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42(1). № 44681. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 879–880.
7. Russia. (1867b) *Vysochayshe utverzhdenny 12 iyunya 1867 goda shtat politseyskikh upravleniy v Sibiri* [The staffing of police departments in Siberia, approved by the Supreme Commander on June 12, 1867]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 42(2). St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 453–454.
8. *Tomskie gubernskie vedomosti (TGV)*. (1868) 12th January.
9. The State Archives of Kuzbass (GAK). Fund D-44. List 1. File 121.
10. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 1558.
11. The State Archives in Tobolsk. Fund I-686. List 2. File 13. pp. 118–126 ob.

Сведения об авторе:

Ермолаев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия); профессор кафедры истории России и основ российской государственности Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: al-ermolaev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ermolaev Aleksey N. – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Laboratory of the History of Southern Siberia of the Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation); Professor of the Department of the History of Russia and the Foundations of Russian Statehood of the Kemerovo State University (Kemerovo Russian Federation). E-mail: al-ermolaev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 29.05.2023; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 352/354-1(09)(571.121)

doi: 10.17223/19988613/93/6

«Ведомственность» в хозяйственном освоении Северных районов Тюменской области в советскую эпоху: составляющая практик или «фигура речи»

Галина Юрьевна Колева¹, Жеко Милков Колев²

^{1, 2} Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

¹ kolevagalina@rambler.ru

² jackkolev@gmail.com

Аннотация. Отражен поиск в практиках хозяйственного освоения советского периода такого явления, упоминаемого в исследованиях по истории ЗСНГК, как «ведомственность». Территорией исследования явления выступают северные районы Тюменской области, соотносимые с сухопутной зоной Арктики. Авторы приходят к выводу, что термин, взятый из западных исследований, рядом историков был перенесен на деятельность министерств в зоне нефтегазового освоения. На основе базовых документов эпохи раскрывается содержание понятий «ведомство», «ведомственность», дается оценка «ведомственности» и правомерности использования термина.

Ключевые слова: ведомства, ведомственность, Северные районы Тюменской области (СРТО), управление, государство, правительство, освоение, газовая промышленность

Для цитирования: Колева Г.Ю., Колев Ж.М. «Ведомственность» в хозяйственном освоении Северных районов Тюменской области в советскую эпоху: составляющая практик или «фигура речи» // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 47–55. doi: 10.17223/19988613/93/6

Original article

“Departmental approach” in the economic development of the Northern districts of Tyumen Region of the Soviet era: a component of practices or a “figure of speech”

Galina Yu. Koleva¹, Jeko M. Kolev²

^{1, 2} Tyumen Industrial University, Tyumen, Russian Federation

¹ kolevagalina@rambler.ru

² jackkolev@gmail.com

Abstract. The study of the practices of the Soviet period in the areas of a new economic development of Tyumen region led some the researchers of the history of WSOGC to such a phenomenon as "departmental approach". The authors set a goal based on the analysis of basic documents of the Soviet era, including those that shaped the development process, to determine whether "departmental approach" was a reality, or just a "figure of speech". The territory of consideration of the phenomenon is "the Northern districts of Tyumen Region", correlated with the land zone of the Arctic. The source base of the study is a set of documents from the funds 814, 2101 of the State Archive of the Tyumen region. The methods applied in this study include both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization) and historical. A significant place is given to the historical and genetic method, which allows for insight into causality, and at the same time, into the essence of the developing development processes. The methods of reconstruction and structuring of the phenomena have been used as well. The systemic method, combined with the structural one, has been important in the study of interrelated elements that ensure the stability and effectiveness of existing structures. The authors have concluded that the term "departmental approach" was taken by historians from western researches used for indicating individual features of the process of the development, and had a negative connotation. The term referred to the activities of departments of ministries that allegedly showed uncontrolled independence. According to the 1977 Constitution, the departments were the Main Departments, Commissions in the system of the Council of Ministers of the USSR. The name "department" did not refer to ministries. At the same time, the concentration of departments of a significant number of ministries in the development zone was associated with the phenomenon of "departmental approach". However, such practice was due to the scale of the work. The activity of the ministries was not a voluntary activity. The areas of responsibility of ministries were laid down in party-governmental and government resolutions. The supplements to the resolutions specified the types of work. Each ministry was assigned a certain area of responsibility, both in the production sector and in the provision sector. Some issues were finalized by joint decisions of the party, Soviet and economic bodies of the region. First of all, it concerned the development of cities and towns. The city was divided into separate districts, the construction of which was assigned to individual ministries. This also concerned construction of healthcare facilities, social and cultural facilities, etc. The guiding and controlling role of all activities was carried out

by the government of the country, with constant attention from the highest party bodies. "Departmental approach", from the point of view of the authors, is mainly a "figure of speech", which arose with little knowledge of the sources.

Keywords: institutions, departmental approach, the Northern districts of Tyumen Region (NDTR), management, state, government, development, gas industry

For citation: Koleva, G.Yu., Kolev, J.M. (2025) "Departmental approach" in the economic development of the Northern districts of Tyumen Region of the Soviet era: a component of practices or a "figure of speech". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 47–55. doi: 10.17223/19988613/93/6

При изучении истории становления и развития Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района (ЗСНГДР) отдельные исследователи в обозначении негативных черт практик транспортного, градостроительного, социального освоения региона использовали понятие «ведомственность». При этом содержание термина «ведомственность» не подвергалось конкретизации, а сами «ведомства» отождествлялись с отраслевыми органами управления. Так как стратегически-тактическая линия поведения отраслевых структур, ведомств в хозяйственном, социокультурном, градостроительном становлении нового облика Тюменской области определялась в правительственных и партийно-правительственных постановлениях, в них, как нам представляется, и нужно искать ответ относительно происхождения «ведомственности» в практиках освоения. В качестве территории рассмотрения проблемы взята зона СРТО. Понятие СРТО было применено в правительственном документе по созданию газовой промышленности на Севере Тюменской области – Постановлении Совета Министров СССР от 9 июля 1966 г. за № 512 «Об усилении геологоразведочных работ на газ и освоении выявленных крупных газовых месторождений в северных районах Тюменской области» [1. Д. 1215. Л. 16–19]. Оно означало «Северные районы Тюменской области». С учетом называемых в нем месторождений для освоения СРТО соотносились с территорией ЯННО (Ямало-Ненецкого национального округа, с 1978 г. – Ямало-Ненецкого автономного округа), принадлежавшей в тот период к районам Крайнего Севера, в современных условиях – к Арктической зоне Российской Федерации (АЗ РФ).

В историографии ЗСНГК первыми явление «ведомственность» как негативную черту освоенческих практик стали отмечать Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов. Н.Ю. Гаврилова рассматривала ведомственность «сдерживающим фактором в комплексном развитии социальной инфраструктуры» ЗСНГК [2. С. 37], но не раскрывала суть понятия. В.П. Карпов, анализируя стратегию освоения, видел в ведомственном подходе препятствие на пути к комплексности и причину «конфликтов между ведомствами и территорией» [3. С. 56]. Ведомства у В.П. Карпова – министерства, выступавшие исполнителями программы освоения [4. С. 227]. Ведомства порождали «конфликты интересов центра, территории, министерств, задействованных в создании ЗСНГК». В конфликты «был включен и Тюменский обком КПСС, а мирил тех и других – ЦК КПСС» [4. С. 236]. Исследователь С.И. Веселов «ведомственность» усмотрел в автодорожном строительстве «нефтяников» [5]. Он не просто употребил это понятие, но и обозначил источник его происхождения – работу американского

экономиста П. Грегори «Политическая экономия социализма» [6]. П. Грегори считал, что «ведомственность» в советской экономике появилось еще в 1920–1930-е гг. [5. С. 63].

Обращаясь к книге Грегори читаем, что у истоков «ведомственности» стоял «диктатор» (т.е. И.В. Сталин), передававший часть полномочий «своим подчиненным», чаще всего тем, которые были членами или кандидатами в члены Политбюро. Они курировали важные сферы экономики, возглавляли наркоматы и реализовывали свои «частные интересы» [6. С. 175, 176]. Частные интересы и есть «ведомственные интересы» [6. С. 176]. Они могли появляться и у предприятий [6. С. 182], желавших «спокойной жизни». Грегори выделял «функциональные ведомства» с уточнением, что это плановые органы, и «ответственные ведомства, возглавляемые членами Политбюро», с проявившимися частными интересами [6. С. 239], что выступало в качестве *определяющей черты ведомственности*. Для ее укрепления осуществлялось формирование горизонтальных связей [6. С. 332].

Возвращаясь к точке зрения С.И. Веселова, обращаем внимание на его объяснение возникновения «ведомственности» у «нефтяников», стремившихся к «ускорению транспортного освоения», но «автодорожники» (Минтрансстрой СССР) не успевали «за потребностями нефтяников». Нефтяники создавали предприятия по ремонту и строительству дорог, строили заводы по производству асфальта, вели строительство дорог общего пользования, в том числе в пределах населенных пунктов, что становилось частью ведомственной застройки городов и поселков [5. С. 67, 69].

И.Н. Стась ввел словесную конструкцию «ведомственные города нефтедобывающих районов». Ведомствами автор называл «главки в подчинении министерств». Они сосредоточивали «всю полноту власти», почему-то «в сфере исполнения *политических решений* в нефтедобывающих районах» [7. С. 64]. Если есть «политические решения», не расшифрованные автором, должны же быть и политические цели. Но в чем они заключались? Далее узнаем, что «ведомства боролись с региональными элитами» «за выбор концепции градостроительного освоения» [7. С. 65], «самовольно и бесконтрольно застраивали города», «не считались с генпланами городов», «стремились создавать города вблизи месторождений» [7. С. 66–67]. Исходя из этого, возникает вопрос, не в борьбе ли с региональными элитами нужно видеть политическую цель ведомств? Примером ведомственного города у автора выступает Сургут, «застраивавшийся 23 заказчиками», состоявший в начале 1970-х гг. «из обособленных поселков нефтяников, энергетиков, строителей, геологов, желез-

нодорожников», при «разобщенной архитектурно-планировочной структуре». «Ведомственно застраивались и промышленные зоны» [7. С. 67]. Начало преодоления ведомственной разобщенности автор относит к 1980-м гг.

Подводя итог обсуждениям, отметим, что в историографии по проблемам ЗСНГК «ведомственность» связывалась с негативными факторами в развитии региона, без анализа сути, причин явления и раскрытия содержания понятия. Происхождение термина можно связывать с западными исследованиями. При том что в постсоветской российской историографии было распространено стремление следовать западным наработкам в критике советского режима, пригодилась и схема, найденная у П. Грегори. Был взят на вооружение термин «ведомственность», его содержание не расшифровывали, при использовании придавали негативную окраску и соотносили с министерствами. Такой подход соответствовал идее, возникшей в эпоху М.С. Горбачева, о виновности министерств за все состояние советской экономики в условиях развала фундамента существовавшего режима. Идея была подхвачена историками как удобная «теоретическая» конструкция.

Источниковой базой исследования выступает совокупность архивных документов фондов ГАТО, прежде всего 814, 2101. Методы, применявшиеся в исследовании, включали как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение), так и исторические. Значительное место отводилось историко-генетическому методу, позволившему осуществить проникновение в причинность, а вместе с этим и в суть развивавшихся процессов освоения. Реконструкция явлений, выводившая свершившееся на современность, позволяла дать оценку явлению из настоящего, обращаемого в прошлое. Метод структурирования помог выявить отдельные компоненты процессов, оценить управленческую и контролирующую роль центра на региональном уровне. Системный метод, соседствующий со структурным, приобретал значимость в исследовании при изучении взаимосвязанных элементов, обеспечивающих устойчивость и эффективность действующих структур.

Цель данного исследования – на основе анализа базовых документов советской эпохи, в том числе тех, что определяли процесс освоения, попытаться *определить*, была ли «ведомственность» реальностью или это просто «фигура речи».

Итак, что же такое ведомство? У П. Грегори – наркоматы и Госплан – ведомства. У вышеназванных российских историков ведомства чаще всего отождествляются с министерствами. Попытаемся понять, что такое «ведомство» в рамках эпохи нефтегазового освоения и в системе государственного управления. Первоначально обратимся к Постановлению Совета Министров СССР от 20 ноября 1980 г. № 948 «Об усилении и координации работ по созданию ЗСНГК». В документе ставилась задача «усиления взаимодействия министерств, ведомств и других организаций, участвующих в становлении ЗСНГК». Постановлением была создана Комиссия Президиума Совета Министров СССР по ЗСНГК. Приводился перечень представленных в Комиссии лиц – это семь заместителей министров семи министерств. Но есть еще *предста-*

вители Госплана, Госстроя, Госснаба. Исходя из этого документа, эти структуры и следует считать собственно ведомствами. *Госплан, Госстрой, Госснаб являлись государственными комитетами в составе Совета Министров СССР* [1. Д. 892. Л. 190]. Таким образом, собственно ведомствами, согласно документу, являлись государственные комитеты в составе правительства страны. Обратимся к тому же Постановлению в части, где говорилось о создании в ведении Госплана СССР на правах отдела с местонахождением в г. Тюмени Междуведомственной территориальной комиссии по вопросам развития ЗСНГК – ЗапСибМВТК. В нее входили представители «соответствующих *территориальных организаций министерств и ведомств, научно-исследовательских организаций*» [1. Д. 892. Л. 190 об.]. То есть и здесь названы министерства и ведомства, но не сами, а их территориальные организации. Комиссия названа Междуведомственной, охватывавшей представителей территориальных организаций министерств и ведомств. Комиссия действовала в составе Госплана, относилась к ведомству – Госплану СССР, также находившемуся в структуре Совета Министров СССР.

Вывод, который можно сделать на основании проведенного анализа, сводится к тому, что в постановлении в одном случае проводится четкое различие между министерствами и ведомствами как высшими структурами управления, а когда речь идет о территориальных организациях на местах министерств и ведомств, различие нивелируется, но через название созданной структуры. Если обратиться к Конституции СССР 1977 г., в ней в главе 16 «Совет Министров СССР» в ст. 135 было прописано, что «Совет Министров СССР объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских министерств и государственных комитетов СССР, других подведомственных ему органов» [8]. В п. 7 ст. 134 этой же главы можно найти уточнения относительно ведомств: «Совет Министров СССР образует в случае необходимости комитеты, главные управления и *другие ведомства* при Совете Министров СССР по делам хозяйственного, социально-культурного и оборонного строительства» [8]. То есть, если учитывать эти две статьи Конституции, все-таки ведомства – это не министерства, ведомства – «комитеты и главные управления», как «и другие ведомства, создаваемые правительством». Но если «ведомства» – не министерства, то и «ведомственность» не должна соотноситься с деятельностью министерств.

Что же есть «ведомственность»? Из сложившихся подходов в литературе по истории ЗСНГК, при полном упрощении сути подходов, она выступает некоей *неконтролируемой самостоятельностью или даже самодеятельностью «ведомств»* (или территориальных органов министерств и ведомств) в районе нового промышленного освоения. В одном из архивных документов говорилось о действиях проектных институтов – их «ведомственной разобщенности» [9. Д. 1027. Л. 69].

Двигаясь к пониманию «ведомственности», вновь обратимся к Конституции СССР 1977 г., согласно ко-

торой в структуре Совета Министров СССР им и создавались ведомства. Статья 128 главы 16 определяла суть властных полномочий правительства: «Совет Министров СССР – Правительство СССР – высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти СССР». Согласно ст. 134 той же главы он был правомочен решать «*все вопросы государственного управления: обеспечивать руководство народным хозяйством, социально-культурным строительством... предприятиями и объединениями... организациями и учреждениями союзного подчинения*». Он же разрабатывал и вносил в Верховный Совет СССР текущие и перспективные государственные планы экономического и социального развития СССР... принимал меры по осуществлению государственных планов и бюджета» [8]. Деятельность Совета Министров СССР по управлению народным хозяйством осуществлялась через подчиненные ему структуры. Согласно ст. 133 «Совет Министров СССР на основе и во исполнение законов СССР... издавал постановления и распоряжения и проверял их исполнение». Постановления и распоряжения Совета Министров СССР были обязательны к исполнению на всей территории СССР. По ст. 135, «...союзно-республиканские министерства и государственные комитеты СССР **руководят порученными им отраслями управления** или осуществляют межотраслевое управление, как правило, через соответствующие министерства, государственные комитеты» [8].

Таким образом, Совет Министров СССР создавал в своем ведении министерства и ведомства. Ведомствами являлись госкомитеты, главные управления. Деятельность министерств и иных структур в ведении правительства им инициировалась, ему подчинялась, им контролировалась и направлялась. В основе деятельности лежали народно-хозяйственные планы, которые фактически являлись законами. В развитие положений планов принимались постановления или распоряжения Совета Министров СССР. Исполнение народно-хозяйственного плана, выполнение в его развитие принятых постановлений и распоряжений контролировалось правительством. Так гласила Конституция СССР. Могли ли структуры, подведомственные Совету Министров СССР, в районах нового освоения делать нечто, не согласованное с правительством страны?

При обращении к истории создания газовой промышленности Тюменского Севера с выведением на приоритетное место практик в системе управления первое, на чем фокусируется внимание, – это исключительно активная роль органов управления газовой сферой страны (Главгаз – 1956–1963 гг.; Газпром СССР – 1963–1965 гг., Мингазпром СССР – с 1965 г.) как в инициировании процесса создания базы газодобычи на севере Тюменской области, так и в возложении на себя функций генерального подрядчика по выполнению строительных работ в этом регионе. Исходная постановка проблемы связана с руководителем выше-названных структур А.К. КОРТУНОВЫМ. Далее прослеживается, что идея А.К. КОРТУНОВА получила поддержку правительства страны. Поддержка нашла отражение в принятии Постановления Совета Министров СССР

от 9 июля 1966 г. за № 512 «Об усилении геологоразведочных работ на газ и освоении выявленных крупных газовых месторождений в северных районах Тюменской области» [1. Д. 1215. Л. 16–19]. Визиты в 1968, 1970 гг. в Тюменскую область главы правительства СССР А.Н. КОСЫГИНА показали возраставшее внимание к СРТО со стороны государства при увеличении плановых показателей по добычи газа в Тюменской области [10. С. 82]. Визиты состоялись в условиях завершения сооружения экспортного магистрального газопровода «Братство», создавшего возможность увеличения поставок природного газа из СССР в Европу [11]. Под влиянием этих обстоятельств Мингазпром СССР превращался в исполнителя ставившихся правительством страны задач, с сужением функций стратегического планирования в развитии газовой отрасли в зоне СРТО, но при получении решительной поддержки – финансовой, организационной, технической – в реализации планов, ставившихся перед ним [12. С. 716–720]. Таким образом, инициатива отраслевой структуры была поддержана высшим органом исполнительной власти (заметим, иногда при огромных усилиях на этом пути А.К. КОРТУНОВА) при создании условий для ее воплощения в жизнь. Внимание государства к СРТО устойчиво возрастало, закреплялось в решениях партийных съездов, направленных на расширение сферы применения газа в экономике страны, экспортной политике.

С середины 1970-х гг. государственный интерес к процессам в зоне СРТО еще более усилился. По вопросам развития газовой отрасли стали преимущественно приниматься постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР [1. Д. 835. Л. 150–157], что указывало на возрастающую в рассматриваемом явлении роль партии. Все чаще давались отсылки к «указаниям Л.И. Брежнева о дальнейшем ускоренном развитии в Западной Сибири промышленного комплекса по добыче нефти и газа» [9. Д. 959. Л. 126, 127]. Нефтегазовую сферу Западной Сибири непосредственно стал курировать руководитель отдела тяжелой промышленности с сектором нефтегазовой промышленности в ЦК КПСС В.И. Долгих, кандидат в члены Политбюро, а это означало, что руководство нефтегазовой сферой находилось в зоне контроля и постоянного внимания высшего органа страны – Политбюро ЦК партии. Проявились новые черты в руководстве ЗСНГК со стороны правительства – Совета Министров СССР. В 1979 г. была введена должность представителя Президиума Совета Министров СССР по контролю за развитием ЗСНГК (В.Э. Дымшиц) [13. С. 24], в 1981 г. для контроля над ходом выполнения решений партии и правительства была создана Комиссия при Президиуме Совета Министров СССР по развитию ЗСНГК. Руководство газовой сферой, как и нефтяной, ЗСНГК вышло на уровень Президиума Совета Министров СССР [13. С. 24]. Следующим шагом стало создание в Тюмени Междуведомственной территориальной комиссии по вопросам развития ЗСНГК – ЗапСибМВТК Госплана СССР, с функциями разработки перспективных программ, пятилетних и годовых планов развития ЗСНГК, контроля за их реализацией, подготовки пред-

ложений по пропорциональному развитию отраслей. Действовала она с 1981 по 1990 г. [14. С. 42]. В Госплане ее работу курировал заместитель председателя Госплана [13. С. 24].

Итак, встает вопрос: а как же в этих условиях – при исключительной контролирующей роли высших партийных и правительственных структур над процессом создания и развития ЗСНГК – была возможна «ведомственность», если под ней понимать некую самостоятельность или самодеятельность министерств (как считало большинство историков, использовавших понятие «ведомственность») или же ведомств (если следовать статьям Конституции СССР).

На протяжении рассматриваемого периода 1960–1980-х гг. программа освоения региона, его отдельных отраслей, в том числе и газовой отрасли, вырабатывалась многочисленными постановлениями партии и правительства. Можно ли при анализе этих документов по развитию ЗСНГК выявить положения, сравнение которых с практиками освоения приведет к выводу о проявлении «самостоятельности», «самодеятельности» «ведомств», или, по терминологии П. Грегори, их «частных интересов»? На 1960-е гг. приходились правительственные постановления [1. Д. 835. Л. 150–157; 12. С. 716–720]. С последней трети 1970-х гг. программные документы в основном имели статус партийно-правительственных постановлений [1. Д. 835. Л. 150–157; Д. 1799. Л. 3–115] и т.д. Постановления чаще всего конкретизировали решения партийных съездов, принимаемых на них директив по развитию народного хозяйства, как и заявления меняющихся глав государства по стратегическим направлениям развития газовой отрасли Тюменской области. В постановлениях по развитию определенной сферы ЗСНГК устанавливалась зона ответственности каждого министерства в решении задач как по основной деятельности по соответствующему производственному профилю, так и *вне основной производственной деятельности*. Вид деятельности вне основной сферы можно условно определять как вспомогательный, обеспечивающий успешное выполнение задач в производственной сфере. Вспомогательная сфера могла быть очень широкой и включала строительное производство, формирование баз строительной индустрии, систем связи, транспортной сети, энергетической базы, условий кадровой стабильности и комфортности (сюда входила деятельность по обеспечению жильем, созданию городской и поселковой среды, вводу объектов образования, культуры, спорта, здравоохранения, общественного питания и т.д.). Сделаем примечание, что вспомогательные сферы постепенно становились самостоятельными составляющими развития ЗСНГК.

Все направления деятельности каждого из министерств были определены в постановлениях и конкретизированы в приложениях к ним, детализированы в дополнительных решениях коллегий министерств, планах тех или иных организаций на местах. Зоны ответственности министерств, закладывавшиеся в правительственные и партийно-правительственные постановления, становились стратегически-тактической линией поведения того или иного министерства, исхо-

дили из общих подходов для всех министерств, действовавших в рамках ЗСНГК, как и в СРТО.

Уже в Постановлении Совета Министров СССР от 9 июля 1966 г. за № 512 [1. Д. 1215. Л. 16–19] наряду с задачами по добыче газа прослеживается возложение на Мингазпром СССР функций генподрядного министерства по строительству городов и поселков в пределах Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района, задач восстановления, совместно с Министерством путей сообщения, Минтрансстроем, Мингео СССР, железнодорожных путей от ст. Лабитнанги до пос. Надым, сооружения совместно с Минсвязи СССР объектов связи в населенных пунктах Новый порт, Тазовский, Тарко-Сале, Уренгой, Надым, Салехард, Тюмень, совместно с Министерством лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности и Мингео СССР – осуществления производства передвижных вагон-домов для работников геологоразведочных партий и строителей газопроводов, как и создания *собственной* производственной базы строительства, сооружения объектов жилищно-коммунального и культурно-бытового назначения, здравоохранения за счет средств по статье «Газовая промышленность» [1. Д. 1215. Л. 16–19].

Таким образом, начиная с 1966 г. правительство страны определило для Мингазпрома СССР вне сферы его основной деятельности, связанной с подготовкой условий и проведением добычи газа, огромный круг проблем. Конкретизация задач распространялась и на другие министерства, привлекаемые для проведения работ в зоне СРТО.

Дальнейшее формирование *новых зон ответственности* министерств и их предприятий в ЗСНГДР отразило постановление Совета Министров СССР от 21 декабря 1971 г. № 919 «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области» [1. Д. 1470. Л. 104–109]. В нем ставились задачи восьми министерствам, в том числе и Мингазпрому СССР, по сооружению в 1971–1975 гг. городов и поселков в районах добычи нефти и газа. Определялись объемы строительства жилых домов, школ, детских дошкольных учреждений, учреждений культуры и здравоохранения, предприятий торговли и общественного питания, объектов связи, коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения. Мингазпром определялся заказчиком по проектированию и строительству в пос. Надым, Лабитнанги, Харп [1. Д. 1470. Л. 104]. При этом Мингазпром являлся генеральным подрядчиком по комплексной застройке городов и поселков в районах добычи нефти и газа в Тюменской области, кроме пос. Нижневартовского, застройка которого возлагалась на Минпромстрой СССР. Министерством-заказчиком должны были выделяться необходимые объемы капитальных вложений и лимиты подрядных СМР, трем министерствам – Мингазпрому, Минпромстроительных материалов и Минпромстрою СССР – ставились задачи по строительству объектов строительной индустрии, промышленности строительных материалов, деревообработки, необходимых для застройки городов и поселков в районах нефте- и газодобычи в Тюменской области.

В приложениях к постановлению Мингазпрому, Миннефтепрому и Мингео устанавливались конкретные задания по строительству объектов жилищно-бытовой и культурной сфер, здравоохранения, спортивных сооружений, предприятий торговли, общественного питания [1. Д. 1470. С. 107, 108], а также связи, водозаборных и очистных сооружений, магистральных водоводов, канализационных коллекторов, городских магистральных дорог с твердым покрытием, гостиниц, бань, прачечных.

Такой же подход отмечался при определении заданий по сооружению и вводу хлебозаводов, пивоваренных заводов с цехами безалкогольных напитков, холодильников для скоропортящихся продуктов, овощехранилищ, автобусных гаражей. Мингазпром должен был за счет средств «Газовая промышленность» осуществить сооружение 13 объектов стройиндустрии и строительных материалов, из них 5 – в Сургуте, 2 – в Надыме, по одному – в Локосово, Воронино, по 2 – в Букино и на Харпе [14. Л. 42–60].

В последующем принцип определения конкретных зон ответственности для каждого министерства, как и для Мингазпрома, прослеживался в каждом постановлении и к ним относящимся приложениям. Так, в партийно-правительственном постановлении от 16 мая 1977 г. «О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири» [1. Д. 835. Л. 150–157] наряду с задачами по добыче нефти и газа большое внимание было уделено застройке городов Нижневартовска, Сургута, Надыма. В нем приводился перечень объектов жилищного, социально-бытового назначения, торговли, сельскохозяйственного производства, машиностроения, ремонтных и производственных баз. Такой же подход сохранился в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в 1986–1990 гг.» [1. Д. 1799. Л. 3–114].

С изъятием у Мингазпрома СССР в 1972 г. функции генподрядчика по строительству объектов нефтяной и газовой промышленности в стране, как и в Западной Сибири, в связи с образованием Министерства строительства объектов нефтяной и газовой промышленности – Миннефтегазостроя, за головным подразделением Мингазпрома в Тюменской области – «Тюменгазпромом», прежде всего в силу огромного дефицита строительных мощностей в регионе и с учетом сложившейся производственной базы строительства у подразделений этого министерства, правительство страны сохранило *обязанности развития собственного строительного производства, наращивания строительных мощностей и баз строительной индустрии*. Остались за ним и задачи застройки городов и поселков в СРТО, в том числе *поселков при компрессорных станциях* (КС) по протяжению газопроводных систем. Получила распространение практика создания территориальными подразделениями министерств ремонтно-строительных баз, перерабатывающих и машиностроительных предприятий.

У *Мингазпрома* необходимость решать нерешаемые своевременно задачи основными строительными

организациями министерств, закрепленных за тем или иным профилем работ, обуславливалась:

- невероятно высокими темпами наращивания объемов добычи основных видов сырья;
- высокими темпами прироста числа работающих;
- *нехваткой строительных мощностей* в районе проведения работ у таких министерств, как Минэнерго, Минсвязи, Минтрансстрой и др.

Выполнение работ вне основной производственной сферы по всему и расценивалось исследователями как проявление «ведомственности». Не учитывалось при этом лишь, что все это планировалось в рамках базовых документов создания ЗСНГК, регламентировалось со стороны государства. И суть того, что условно называют «ведомственностью», сводилась к созданию неких объектов определенного профиля своими силами, для потребностей своих предприятий и работников своих предприятий. Возникало все это в результате строительных работ, в отчетности эти работы определялись словосочетанием «собственными силами».

Работы, выполняемые собственными силами предприятиями разных министерств, возможно, и понимались как «ведомственность». При этом в практиках хозяйственного освоения северо-западной части Западной Сибири и эти виды работ определялись партийно-правительственными и правительственными постановлениями, представляли собой устанавливаемые зоны ответственности министерств вне сферы основной производственной деятельности, в основном касавшиеся сфер обеспечения производственных баз строительства, строительства предприятий промышленности строительных материалов, сооружения ремонтно-механических, машиностроительных предприятий, линий связи, транспортных артерий – автомобильных дорог, флота, сооружения вертолетных площадок, энергетических мощностей, строительства определенных районов городов или в целом городов, поселков, в том числе при КС, их благоустройство и т.д.

Привлечение большого числа министерств в зону освоения позволяло решать задачи значительно более быстрыми темпами, что диктовалось необходимостью выполнять одновременно в короткие сроки огромный, без преувеличения, не имевший аналогов объем работ. Среди факторов, влиявших на процессы и осложнявших создание баз обеспечения, было то, что масштаб производственной деятельности был связан с вводом в зоне СРТО в советский период месторождений, являвшихся самыми крупными (гигантскими) из открытых. Месторождения первоначально вводились на минимальный объем с последующим увеличением добычи (примеры: Медвежье было введено в 1972 г. на объем добычи в 2 млрд. м³, в 1977 г. выведено на проектную мощность с объемом в 60 млрд. м³; Уренгойское в 1978 г. введено на добычу 11 млрд. м³, к концу 1980 г. выросшую до 300 млрд. м³). Рост объемов добычи сопровождался наращиванием в короткие сроки производственных мощностей: числа пробуренных и подготовленных скважин, построенных и введенных УКПГ, промысловых трубопроводов, автомобильных дорог, водоводов, энергетических мощностей, невиданными темпами возростающей протяженностью магистраль-

ных газопроводов и т.д. Масштабы работ были таковы, что над проектами для газовой отрасли СРТО работали несколько десятков государственных проектных организаций [13. С. 34]. Производственные объемы диктовали потребность в выполнении все больших объемов СМР по жилищно-гражданскому строительству для кадрового обеспечения как производственной сферы, так и обеспечения. С ростом объемов добычи менялась численность населения городов, поселков, которую трудно было определить изначально. Трудностей было много. Принимались все необходимые меры по устранению негативных явлений. На собраниях партийно-хозяйственного актива ВПО «Тюменгазпром» анализировались факторы, сдерживающие развитие производственного процесса, в числе которых были и кадровая ситуация, нехватка жилья, отставание в жилищном строительстве. Учитывался прирост работающих, текучесть кадров, дефицит жилья, анализировался ввод жилья, обеспеченность строительными материалами, мощности региональных заводов по производству строительных материалов, поставка технической документации, объемы производства работ, в том числе собственными силами, уровень обеспеченности жильем, детскими садами, школами, больницами [9. Д. 1023. Л. 100; Д. 865. Л. 30]. Возникавшие проблемы, вне предусмотренного в постановлениях, решались на региональном уровне (в зоне СРТО) совместно с партийными и советскими органами.

Анализ архивных документов не дал оснований для выводов о конфликтах предприятий министерства-заказчика с региональными партийными, советскими структурами. Приведем пример. Переносимые сроки ввода Уренгойского месторождения завершились вводом месторождения в апреле 1978 г. Процесс подготовки к эксплуатации занял 12 лет. Но в 1978 г. потребовалась срочная постановка вопроса о строительстве г. Новый Уренгой, хотя закладка города состоялась в 1973 г. Вопрос был поставлен на обсуждение 4 апреля 1978 г. в Тюменском обкоме партии при втором секретаре Г.И. Шмале. Из протокола заседания ясно, что инициирована проблема ВПО «Тюменгазпром», который обращал внимание на задержку технической документации на строительство жилья, отсутствие генерального плана застройки города [9. Д. 1027. Л. 58]. Совещание 4 апреля 1978 г. объединило представителей Ямало-Ненецкого окружкома партии, Надымского горкома партии, главков – Главсибтрубопроводостроя, Главтюменнефтегазостроя, объединений – ВПО «Тюменгазпром», ПО «Уренгойгаздобыча», дирекции по обустройству Уренгойского месторождения [9. Д. 790. Л. 26]. На заседании определялись задачи и сроки работ для представителей организаций Мингазпрома и Миннефтегазостроя. Требовалось уже в мае 1978 г. представить в обком партии «предложения по строительству первоочередных объектов города» [9. Д. 790. Л. 27]. Акцентировалось внимание на первоочередности строительства и ввода хлебозавода, овощехранилища, цеха по восстановлению сухого молока. Мингазпрому была поставлена задача строительства жилья для геологов с возложением на ВПО «Тюменгазпром» вместе с главками Миннефте-

газостроя. Пунктом 7 принятого совещанием решения ставилась задача *«предусмотреть разбивку города по микрорайонам для ведомств»*, а ВПО «Тюменгазпром» совместно с Главтюменнефтегазостроем должны были *«распределить между ведомственными организациями участки обслуживания всех дорог и проездов на Уренгойском ГКМ»*. Поставка продуктов питания для прибывающего комсомольского отряда распределялась между структурами Мингазпрома и Миннефтегазостроя, т.е. Тюменгазпромом и Главтюменнефтегазостроем [9. Д. 790. Л. 28].

Таким образом, документ совещания от 4 апреля 1978 г. показывает объединение усилий региональных структур вокруг возникшей проблемы, инициативную роль «Тюменгазпрома», координирующую роль Тюменского обкома партии, *постановку задач по вводу объектов первоочередной важности, а также поставленную обкомом партии задачу по разбивке города по микрорайонам для ведомств.* Далее вопросы застройки города Уренгоя рассматривались в 1980 г. в Москве у председателя Госгражданостроя с присутствием представителей Госстроя РСФСР, затем в Мингазпроме, в 1981 г. – в Комиссии Президиума Совета Министров СССР. Для улучшения ситуации с застройкой города созданы специальный трест «Уренгойстройгаздобыча», два СМУ, специальный отдел градостроительства, занимавшийся вопросами технического контроля над строительством города. Контролировалось строительство объектов торговли и сельского хозяйства. Совместно с Миннефтегазостроем Мингазпром согласовал ускорение строительства Надымского ДСК, выдачу СибНИПИгазстроем проектно-сметной документации, повышение темпов сооружения объектов инженерного обеспечения в Новом Уренгое. ЦК КПСС и Совет Министров СССР специальными постановлениями требовали осуществления контроля над жилищно-гражданским строительством в Новом Уренгое, контроля соотношения плана и ввода жилья, детских дошкольных учреждений, общеобразовательных школ, больниц, поликлиник, кинотеатров, дома культуры, плавательного бассейна, хлебозавода [9. Д. 1027. Л. 61–62]. По документам прослеживаются запросы центральных структур управления по представительному анализу состояния дел по выполнению постановлений [9. Д. 1027. Л. 63, 64] с конкретизацией данных по каждому подразделению, занятому на строительстве жилищно-гражданских объектов, отдельно – вводу жилья по городам: Надыму, Новому Уренгою. Анализу подлежало состояние дел в сфере энергоснабжения Нового Уренгоя. Конечно, в зоне особого внимания было выполнение планов по производственным объектам [9. Д. 1027. Л. 77].

Проблемные зоны и их устранение. К наиболее проблемным зонам относились: разобщенность деятельности проектных институтов, нехватка энергетических мощностей из-за задержки работ предприятиями Министерства энергетики и электрификации СССР по вводу ЛЭП и подстанций [9. Д. 1027. Л. 68], строительство мелких теплоэнергетических объектов, слабость водозабора, составлявшая 50% от потребности, задержка строительства водоочистных сооружений [9.

Д. 1027. Л. 69]. Нельзя снимать со счетов, что город первоначально был ориентирован на население, которое будет обеспечивать работу месторождения при добыче в 30 млрд. м³ (1978), а в 1989 г. объем добычи уже определялся в цифровых показателях, в 10 раз больших. Возникла необходимость корректировки всей застройки на иную численность населения, что влияло на генпланы города, объемы жилья, мощность объектов здравоохранения, соцкультбыта и т.д.

В заключение делаем вывод, что «ведомство», согласно Конституции 1977 г., – подведомственная Совету Министров СССР структура, обозначаемая отдельно от органов центрального управления – министерств. В партийно-правительственных постановлениях учитывалось различие министерств и ведомств. В документах территориальных производственных организаций, партийных органов эпохи нефтегазового освоения термин «ведомство» встречался крайне редко (единично), употреблялся в основном во множественном числе, отражал некую проблему, связанную с деятельностью министерств, как, например, *задачу по «разбивке города по микрорайонам для ведомств»*. Это обстоятельство – застройка городов отдельными микрорайонами для определенных организаций определенных министерств – и будоражило умы историков, изучавших проблемы ЗСНГДР. Термин «ведомство» стали переносить на министерства и их территориальные организации. Министерства, согласно статьям Конституции СССР 1977 г., главы 16 «Совет Министров СССР», ведомствами не являлись.

Сложнее дело обстоит с понятием «ведомственность», которое историки стали использовать для обозначения негативного явления в деятельности подразделений министерств в зоне освоения. Представляется, что термин был заимствован из западной литературы и понимался как самостоятельная деятельность министерств. Анализ партийно-правительственных и правительственных постановлений, приложений к ним показал, что в них содержалось строгое определение обязанностей и зон ответственности министерств в производственной и непроизводственной сферах. По архивным документам прослеживается возрастающая в масштабах контролирующая деятельность Совета Министров СССР и ему подчиненных органов центрального управления по выполнению постановлений,

исключавшая самостоятельность министерств в зоне освоения.

Исходя из этого, термин «ведомственность» выступает просто «словесной конструкцией». Объединение усилий разных министерств в выполнении работ как в рамках районов нефтедобычи, так и в зоне СРТО было необходимостью. За период с середины 1960-х до конца 1980-х гг. объемы СМР в Тюменской области выросли в 126,7 раза. Значительная часть работ выполнялась собственными силами, за счет создаваемых строительных организаций. В целом создание газовой промышленности в СРТО – результат деятельности Мингео, Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Минэнерго, Минтрансстроя, Министерства путей сообщения СССР. Наиболее сложное взаимодействие организаций министерств проявилось в становлении городов и поселков. В зоне СРТО в рассматриваемый период строилось 5 городов и 7 крупных поселков. Население ЯНАО за период нефтегазового освоения росло очень высокими темпами, прежде всего городское [15. С. 348, 357]. ЯНАО был зоной интенсивного развития, с созданной в нем базой для добычи газа в 66,4% от общесоюзной [15. С. 342]. Этих результатов, при не включении в перечень еще многих уникальных показателей, можно было достигнуть в столь короткий период времени только за счет высокой концентрации усилий многих организаций разных министерств.

Не удалось выявить конфликты на региональном уровне между организациями министерств и партийно-советскими органами региона. Архивные документы отразили совместную работу всех региональных структур по решению сложных производственных и градостроительных задач. Процесс активно контролировал и Тюменский обком партии. Разделение строившихся городов на районы застройки для организаций разных министерств было распространенной практикой. В постановлениях и приложениях к ним планировались основные объемы объектов городской застройки, привязка к конкретному месту строительства жилья для подразделений министерств осуществлялась при участии советских, партийных органов, представителей министерств-заказчиков. Все это привело авторов предложенной работы к выводу о том, что термин «ведомственность» – «фигура речи» с неправомерно вложенной в его содержание негативной окраской.

Список источников

1. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 814. Тюменский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 5.
2. Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие районов нового промышленного освоения Севера западной Сибири (1964–1985 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09. Екатеринбург, 2003. 41 с.
3. От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / под ред. В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. 180 с.
4. Карпов В.П. Почему «триумф» обернулся «трагедией»: возможности и ограничения советской модели индустриализации Тюменского Севера // Мобилизационная роль Советского государства в хозяйственном освоении Сибири (1920–1980-е гг.): сб. науч. тр. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2012. С. 222–247.
5. Веселов С.И. Влияние ведомственных интересов нефтяников на проектирование, строительство и эксплуатацию сети автодорог Ханты-Мансийского округа (конец 1970-х – начало 1980-х гг.) // Северный регион: наука, образование культура. 2022. № 4 (52) С. 63–75.
6. Грегори П. Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. 2-е изд. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. 400 с.
7. Стась И.Н. Урбанизация как хозяйство: ведомственные города нефтедобывающих районов Западной Сибири (1960-1980 гг.) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 1. С. 64–71.
8. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 9-го созыва 7 октября 1977 г. // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#16> (дата обращения: 24.08.2024).

9. ГАТО. Ф. 2101. Главное производственное управление «Тюменгазпром» Министерства газовой промышленности СССР. Оп. 1.
10. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. Ч. 1. 152 с.
11. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Начальный период формирования советского газового экспорта в Европу. 1944–1967 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 107–116.
12. О развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в 1977–1980-х гг. : постановление Совета Министров СССР от 17.05.1968 № 392 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М. : Политиздат, 1972. Т. 6: 1966 – январь–июнь 1968 гг. С. 716–720.
13. Колева Г.Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2006. 184 с.
14. ГАТО. Ф. 2240. Междудомственная территориальная комиссия по развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Оп. 1. Д. 1.
15. Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 : В 2 т. Тюмень, 2007. Т. 1. 373 с.

References

1. The State Archives of the Tyumen Region (GATO). *Tyumenskiy oblastnoy Sovet narodnykh deputatov i ego ispolnitel'nyy komitet* [Tyumen Regional Council of People's Deputies and its Executive Committee]. Fund 814. List 5.
2. Gavrilova, N.Yu. (2003) *Sotsial'noe razvitiye rayonov novogo promyshlennogo osvoeniya Severa zapadnoy Sibiri (1964–1985 gg.)* [Social development of the regions of new industrial development of the North of Western Siberia (1964–1985)]. Abstract of History Dr. Diss. Ekaterinburg.
3. Karpov, V.P. & Koleva, G.Yu. (eds) (2011) *Ot Berezovo do Yamburga: 45 let gazovoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri* [From Berezovo to Yamburg: 45 years of the gas industry in Western Siberia]. Tyumen: TyumGNGU.
4. Karpov, V.P. (2012) Pochemu "triumph" obrnulsya "tragediyey": vozmozhnosti i ogranicheniya sovetskoy modeli industrializatsii Tyumenskogo Severa [Why the "triumph" turned into a "tragedy": The possibilities and limitations of the Soviet model of industrialization of the Tyumen North]. In: *Mobilizatsionnaya rol' Sovetskogo gosudarstva v khozyaystvennom osvoenii Sibiri (1920–1980-e gg.)* [The mobilization role of the Soviet state in the economic development of Siberia (1920–1980s)]. Novosibirsk: Sib. nauch. izd-vo. pp. 222–247.
5. Veselov, S.I. (2022) Vliyaniye vedomstvennykh interesov neftyanikov na proektirovaniye, stroitel'stvo i ekspluatatsiyu seti avtodorog Khanty-Mansiyskogo okruga (konets 1970-kh – nachalo 1980-kh gg.) [The influence of departmental interests of oil workers on the design, construction and operation of the road network of the Khanty-Mansiysk Okrug (late 1970s – early 1980s)]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie kul'tura*. 4(52) pp. 63–75.
6. Gregory, P. (2008) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [Political economy of Stalinism]. 2nd ed. Translated from English by I. Kuznetsov, A. Makarevich. Moscow: ROSSPEN.
7. Stas, I.N. (2014) Urbanizatsiya kak khozyaystvo: vedomstvennye goroda nefte dobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1960–1980 gg.) [Urbanization as an economy: departmental cities of oil-producing regions of Western Siberia (1960–1980)]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 1. pp. 64–71.
8. USSR. (1977) *Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: prinyata na vnoocherednoy sessii Verkhovnoy Soveta SSSR 9-go sozyva 7 oktyabrya 1977 g.* [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted at the extraordinary session of the Supreme Soviet of the USSR of the 9th convocation on October 7, 1977]. [Online] Available from: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#16> (Accessed: 24.08.2024).
9. The State Archives of the Tyumen Region (GATO). *Glavnoye proizvodstvennoye upravleniye "Tyumengazprom" Ministerstva gazovoy promyshlennosti SSSR* [Main Production Directorate "Tyumengazprom" of the USSR Ministry of Gas Industry]. Fund 2101. List 1.
10. Koleva, G.Yu. (2005) *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya* [West Siberian oil and gas complex: History of formation]. Vol. 1. Tyumen: TyumGNGU.
11. Koleva, G.Yu. & Kolev, Zh.M. (2021) The initial period of formation of Soviet gas exports to Europe. 1944–1967. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 107–116. (In Russian).
12. The Council of Ministers of the USSR. (1972) O razvitiye neftyanoy i gazovoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri v 1977–1980-kh gg.: postanovleniye Soveta Ministrov SSSR ot 17.05.1968 № 392 [On the development of the oil and gas industry of Western Siberia in the 1977–1980s: Resolution No. 392 of the Council of Ministers of the USSR of May 17, 1968]. In: Chernenko, K.U. & Smirtyukov, M.S. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the party and government on economic issues]. Vol. 6. Moscow: Politizdat. pp. 716–720.
13. Koleva, G.Yu. (2006) *Dobyyayushchie otrasli Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1977–1989 gg.)* [Extractive industries of the West Siberian oil and gas complex (1977–1989)]. Tyumen: TyumGNGU.
14. The State Archives of the Tyumen Region (GATO). *Mezhduvedomstvennaya territorial'naya komissiya po razvitiyu Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa* [Interdepartmental territorial commission for the development of the West Siberian oil and gas complex]. Fund 2240. List 1. File 1.
15. Koleva, G.Yu. (2007) *Sozdaniye Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa v praktike khozyaystvennogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (1964–1989 gg.)* [Creation of the West Siberian oil and gas complex in the practice of economic development of Western Siberia (1964–1989)]. History Dr. Diss. Vol. 1. Tyumen.

Сведения об авторах:

Колева Галина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук института менеджмента и бизнеса Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: kolevagalina@rambler.ru

Колев Жеко Милков – кандидат технических наук, доцент кафедры разработки и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Института геологии и нефтегазодобычи Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: jackkolev@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Koleva Galina Ju. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities at the Institute of Management and Business of Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: kolevagalina@rambler.ru

Kolev Zheko M. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Development and Operation of Oil and Gas Fields at the Institute of Geology and Oil and Gas Production of Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: jackkolev@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 11.09.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 328; 94

doi: 10.17223/19988613/93/7

Санкции и их преодоление в России в разные исторические периоды

Владимир Викторович Моисеев

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород, Россия, din_prof@mail.ru

Аннотация. Представлена историческая ретроспектива санкций недружественных государств, которые применялись в разные исторические периоды в отношении нашей страны. Показан процесс минимизации антисоветских санкций, проанализирован его положительный опыт, который можно творчески использовать в преодолении антироссийских санкций США и их союзников, начавших экономическую и информационную войну после воссоединения Крыма с Российской Федерацией и усиливших санкционное давление на нашу страну с началом специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г.

Ключевые слова: санкции, экономика, государственное управление, исторический опыт

Для цитирования: Моисеев В.В. Санкции и их преодоление в России в разные исторические периоды // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 56–64. doi: 10.17223/19988613/93/7

Original article

Sanctions and their overcoming in Russia in different historical periods

Vladimir V. Moiseev

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation, din_prof@mail.ru

Abstract. The author, dealing with the problems of the socio-economic development of modern Russia, in recent years has paid close attention to anti-Russian sanctions, their goals and objectives, as well as measures to minimize the consequences of their impact on the economy and social sphere of our country. On the basis of the research, the author has found that the sanctions imposed by Western countries pursue the same main goal as during industrialization and the Cold War: to weaken the country's economy as much as possible, to cause discontent of the masses with the policies implemented by President V. Putin and thereby influence the decisions on Ukraine. The analysis shows that a sharp increase in sanctions pressure occurred after the start of a special military operation in Ukraine, announced by the President of Russia on February 24, 2022. The greatest emphasis in the anti-Russian sanctions is placed on the oil and gas sector of the economy, thanks to which the state budget is largely filled, the military-industrial complex is financed, and funds are invested in other sectors of the real economy and in the social sphere of the country. A number of sanctions packages contained measures aimed at weakening the Russian banking system. This is evidenced by the freezing of almost half of the international (gold and foreign exchange) reserves, the disconnection of the leading banks of our country from the SWIFT payment system and the denial of their lending by the banks of the United States, the European Union and other countries.

The President, the Government, the State Duma of the Russian Federation, adequately responding to the sanctions of the Western countries, have been implementing effective measures to minimize their impact on the socio-economic development of our country. This is convincingly evidenced by the facts which the author presents in this article.

A historical retrospective of the sanctions of unfriendly states that were applied in different historical periods against our country is presented. The process of minimizing anti-Soviet sanctions is shown, its positive experience is analyzed, which can be creatively used in overcoming anti-Russian sanctions imposed by the United States and its allies, who started an economic and information war after the reunification of Crimea with the Russian Federation and increased sanctions pressure on our country with the start of a special military operation in Ukraine in February 2022. The study of the historical experience of overcoming sanctions, its creative use in modern conditions is not only of great importance, but also has a certain practical significance for public administration in the context of the sanctions policy applied against the Russian Federation by unfriendly countries.

Keywords: sanctions, economics, public administration, historical circumstances

For citation: Moiseev, V.V. (2025) Sanctions and their overcoming in Russia in different historical periods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 56–64. doi: 10.17223/19988613/93/7

В XX в. наша страна установила мировой рекорд по темпам роста народного хозяйства: в 1929–1940 гг. он был самым высоким в мире и составлял в этот исторический период, по подсчетам российских экономистов, 14,5% в год [1. С. 23]. Практика показала, что никакие санкции не могут остановить поступательное развитие страны при правильной экономической стратегии и организации. Это был поистине трудовой подвиг нашего народа, в короткий исторический срок создавшего военно-промышленный потенциал, позволивший одержать Великую Победу над фашизмом.

Известно, что масштабная индустриализация началась на довольно шатком экономическом фундаменте: семь лет войны и как результат – хозяйственная разруха, массовый отток за границу инженерных и технологических кадров, не принявших новые порядки, подавляющая неграмотность населения, ограниченные государственные финансы и западные санкции. В результате к концу 1920-х гг. в стране отсутствовал целый ряд отраслей, которые были созданы в развитых странах. Отсталая экономика, устаревшие технологии, нехватка инженерно-конструкторских кадров – все это указывало на то, что о современных станкостроении, автомобильной и авиационной промышленности, судостроении, а также отечественном производстве средств производства можно было только мечтать.

Индустриализация, создание новых современных отраслей экономики, строительство передовых предприятий тяжелой и легкой промышленности, оснащенных по последнему слову науки и техники, требовали (помимо невиданного финансирования) привлечения десятков тысяч инженерно-технических специалистов: конструкторов, технологов, механиков и других носителей «ноу-хау». Известный лозунг «кадры решают все» следовало воплотить в жизнь, и как можно скорее, чтобы покончить с экономической отсталостью.

Партия и правительство понимали, что на подготовку собственных инженерно-технических кадров из имевшегося в то время человеческого капитала для масштабной индустриализации, строительства девяти тысяч промышленных предприятий, намеченных предвоенными пятилетними планами, уйдут долгие годы. Выход был найден в привлечении опытных кадров из-за рубежа. 11 августа 1925 г., в год утверждения курса на индустриализацию, Совнарком СССР издает специальное постановление о мерах пополнения советской промышленности высококвалифицированными специалистами. В дополнение к нему 15 февраля 1927 г. было принято секретное постановление Совнаркома СССР «О привлечении специалистов из-за границы». В документе устанавливался порядок импорта зарубежных кадров для индустриализации. «Допускается приглашение из-за границы, – подчеркивалось в постановлении правительства, – лишь высококвалифицированных специалистов для постановки новых видов производства или частей их, а также для усовершенствования имеющихся производств» [2].

Этими правительственными постановлениями было положено начало масштабному импорту человеческого капитала, привлечению лучших мировых специалистов, непосредственных носителей «ноу-хау» – современ-

ных и оригинальных технологий в различных отраслях экономики: промышленности, транспорте, строительной индустрии и др.

Здесь уместно напомнить, что экономические санкции как вид давления на нашу страну были впервые введены бывшими российскими союзниками по Антанте после национализации предприятий и отказа от выплат по долгам Российской империи бывшим российским союзникам по Антанте. Франция и Великобритания, а позднее Германия, США, Италия, Румыния, Канада и другие государства ввели полный запрет своим компаниям и предприятиям на все экономические отношения с молодой советской республикой. Эти санкции просуществовали до 1925 г. Причиной введения экономических санкций против РСФСР и позднее СССР, по мнению некоторых исследователей, стало «разочарование лидеров западных стран в возможности военно-силовым путем свергнуть советскую власть». Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж прямо заявил: «Мысль подавить большевизм военной силой – чистое безумие... и надеяться на них (Деникина, Колчака, чехов и поляков) – значит строить на сыпучем песке» [3].

Действовавшие в тот исторический период санкции Запада устанавливали запрет на поставку в советскую Россию современных (для того времени) технологий и товаров двойного назначения. В этих условиях наше государство сделало ставку на импорт человеческого капитала и технологий. Если не удавалось напрямую договориться с зарубежными компаниями о техническом или технологическом сотрудничестве и закупке за границей новейшего оборудования, агрегатов и комплектующих, то принимались меры по покупке в этих или иных фирмах специалистов – носителей экономических секретов. Правительство согласовало список должностей иностранных специалистов высшей квалификации и прописало вопросы их мотивации: высокая оплата труда, хорошие бытовые условия; также предусматривалось обязательное условие – установление нормальных и деловых взаимоотношений с отечественными специалистами. В 1928 г. при Строительном комитете ВСНХ было образовано Центральное бюро иностранной консультации (ЦБИК), которое решало практические вопросы, связанные с привлечением иностранных конструкторов, инженеров и техников в тресты, строительные и проектные организации [1. С. 140–142].

Одновременно органы государственной власти и управления нашей страны принимают меры по формированию собственного инженерно-технического корпуса и подготовке квалифицированных рабочих-станочников: токарей, фрезеровщиков, шлифовальщиков и др. Так, программа первой пятилетки, рассчитанная на 1928–1932 гг., предусматривала подготовку 500 тыс. квалифицированных рабочих. В резолюции V Съезда Советов СССР отмечалось, что использование новейших достижений мировой науки и техники, как и подготовка кадров для народного хозяйства, – необходимые условия успешного выполнения пятилетнего плана. В связи с этим съезд поручал правительству обеспечить «решительную борьбу с неграмотностью, широкое развитие профессионально-

технического и экономического образования, широкое и плановое развитие научно-исследовательских институтов и научно-исследовательской работы, подготовку новых, рациональное использование и переподготовку существующих технических кадров всех специальностей и квалификаций, привлечение лучших иностранных специалистов» [4. С. 155–156].

Во исполнение решений V Съезда Советов в 1930 г. на правительственном уровне решаются вопросы, связанные с подготовкой кадров для отечественной промышленности и повышением их квалификации. Перед соответствующими руководителями министерств и ведомств ставилась задача перенести в нашу страну лучшие достижения мировой науки и техники. Благодаря подобным установкам и успешной реализации в годы первых пятилеток создаются новые современные отрасли народного хозяйства: станкостроение, авиастроение, автостроение, кораблестроение, химическая промышленность, цветная металлургия и др.

В условиях современных жесточайших антироссийских санкций предлагается творчески использовать отечественный опыт, накопленный в период индустриализации с ее невиданными ранее темпами ежегодного роста экономики. В ситуации, когда коллективный Запад наложил запрет на экспорт в Россию современных технологий, товаров и комплектующих, наряду с так называемым параллельным импортом стоит организовать импорт человеческого капитала, носителя «ноу-хау». Начать следует с ученых, высококвалифицированных специалистов, уехавших из нашей страны в «лихие 90-е» в поисках лучшей доли и пополнивших русскую диаспору в США, Великобритании, Канаде и других государствах мира. По утверждению бывшего вице-премьера российского правительства Ольги Голодец, куривавшей социальный блок, более 1,5 миллиона граждан с российскими паспортами работают в настоящее время за пределами Российской Федерации. По признанию Билла Гейтса, американского миллиардера, основателя компании Microsoft, самого богатого человека планеты (с 2009 по 2016 г.), в его компьютерной империи почти четверть всех разработчиков – выходцы из России. Их зарплата превышает оплату труда в Российской Федерации многократно.

Проблем с удержанием в капиталистической России IT-специалистов, талантливых ученых еще немало. Главные из них – низкая оплата труда и отсутствие условий для карьерного роста. Ученые, живущие и работающие в современной России, не номинировались на Нобелевскую премию почти два десятилетия подряд (с 2003 г.). Бывшие россияне Андрей Гейм (ныне подданный Нидерландов) и Константин Новоселов из Великобритании стали Нобелевскими лауреатами по физике за 2010 г. Им принадлежит открытие мирового значения, связанное с графеном, уникальным углеродным материалом, имеющим огромные перспективы использования [5. С. 267]. Об уникальности этого открытия можно судить по такому факту: по состоянию на июль 2020 г. только К.С. Новоселов имеет более 200 000 цитирований своих работ.

Начало специальной военной операции на Украине по ее демилитаризации и денацификации вызвало но-

вую волну «утечки умов» из России, в том числе программистов, других IT-специалистов. Так, по данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, только в феврале–марте 2022 г. нашу страну покинули около 50–70 тыс. человек, работающих в сфере информационных технологий. В апреле 2022 г. их примеру были готовы последовать еще 100 тыс. специалистов [6], несмотря на многочисленные меры поддержки IT-отрасли со стороны государства. Президент ГК InfoWatch Наталья Касперская отметила, что их отток усилился в тот период, когда в стране обвалился рубль, а десятки иностранных IT-компаний покинули российский рынок.

Проблема оттока программистов назревала в период пандемии коронавируса, когда многие россияне лишились работы или потеряли в оплате труда. Еще в начале 2021 г. в нашей стране ощущалась нехватка IT-кадров. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации подсчитало, что в стране по состоянию на февраль 2021 г. уже не хватало около 1 млн таких специалистов, и проблему осложняет то обстоятельство, что бюджетных мест в российских вузах явно недостаточно: на IT-специальности их всего 80 тыс. [6].

В сложившихся обстоятельствах было бы правильным предпринять действенные меры по резкому сокращению «утечки мозгов» и возвращению на родину ученых и специалистов, в разные исторические периоды уехавших за рубеж в поисках лучших условий для труда и отдыха. Российское правительство знает об этих проблемах и предпринимает меры по исправлению ситуации. Так, ставка налога на прибыль для IT-компаний с января 2022 до конца 2024 г. снижена до 0%. Страховые взносы за работников в IT-сфере перечисляют по пониженным тарифам: вместо 30% от фонда оплаты труда (ФОТ) работодатель перечисляет государству только 7,6% (6% – на пенсионное страхование; 1,5% – на социальное страхование, 0,1% – на медицинское страхование (пп. 8 п. 2 ст. 427 НК РФ)). Освободившиеся налоговые платежи могут быть направлены на повышение оплаты труда ключевым специалистам отрасли.

Чтобы удерживать IT-специалистов в стране в условиях антироссийских санкций, правительство выделило 1,5 млрд рублей на субсидирование льготной ипотеки для этой категории работников. Предполагается, что ею воспользуются около 50 тыс. человек. Кроме того, работники IT-компаний, оформленные по трудовому договору, при определенных условиях могут получить отсрочку от призыва в армию до достижения ими 27 лет.

Президент России В. Путин своим указом поручил правительству принять дополнительные меры поддержки отрасли информационных технологий. В Указе главы государства перечислены следующие преференции:

– ежегодные ассигнования из федерального бюджета на выдачу грантов для перспективных разработок отечественных решений в IT-области;

– льготные кредиты по ставке не более 3% на обеспечение текущей деятельности аккредитованных организаций и реализацию новых проектов;

– освобождение от налогового, валютного и других видов государственного и муниципального контроля на срок до трех лет;

– упрощение порядка проведения закупок для IT-компаний;

– упрощение процедуры трудоустройства работников-иностранцев и получения ими вида на жительство в Российской Федерации [7].

Таким образом, президент и правительство принимают меры по минимизации последствий западных санкций в этом сегменте российской экономики.

Антироссийские санкции начиная с 2014 г. (после присоединения Крыма к России) были направлены на ослабление многих секторов нашей экономики с конечной целью изменить существующий режим правления. США для достижения этих далеко идущих политических целей призвали союзников к полной экономической и политической изоляции Российской Федерации.

Изначально антироссийские санкции имели ярко выраженное экономическое давление: американским и европейским компаниям было запрещено любое экономическое сотрудничество с нашей страной. Российским банкам было отказано в получении кредитов на срок более 90 дней. Был наложен запрет на длинный перечень современных технологий и комплектующих, что значительно осложнило выпуск промышленной продукции отечественными предприятиями, пристрастившимся к импорту.

Одновременно с попытками заставить Россию отказаться от действий на Украине на окружение российского президента оказывалось давление, в основном путем отказа в визах лицам, включенным в санкционные списки. Под санкции одними из первых попали В.И. Матвиенко, С.Ю. Глазьев, Д.О. Рогозин, В.Ю. Сурков и другие официальные лица. Ограничительные меры также были приняты в отношении некоторых компаний и банков. С этой целью в ряде стран предпринимателям Ю.В. Ковальчуку, Г.Н. Тимченко, А.Р. и Б.Р. Ротенбергам, ставшим долларовыми миллиардерами при поддержке первого лица государства, были предприняты попытки заморозить банковские счета, наложить арест на другие их зарубежные активы, считая, что это повлияет на президента В. Путина и его решения.

Когда эти ограничительные меры не принесли инициаторам антироссийских санкций желаемых результатов, США и их союзники начали оказывать давление на наше государство политическими методами: исключать из состава международных организаций, сокращать дипломатические представительства в США и других государствах, критиковать внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации в ООН, Европарламенте, средствах массовой информации и т.д.

Таким образом, приведенные выше факты свидетельствуют, что введение антироссийских санкций осуществлялось с постоянным нарастанием, начиная с ограничения въездных виз официальным лицам и крупным бизнесменам Российской Федерации и заканчивая санкциями в отношении ключевых отраслей российской экономики. При этом усилилось политическое давление на наше государство с целью заставить

его отказаться от помощи Донбассу и вернуть Крым Украине.

После воссоединения Крыма с Россией отечественные банки и предприятия, столкнувшиеся с ограничениями доступа на международные рынки капитала, технологий и комплектующих, были вынуждены снижать свою инвестиционную активность, в результате чего, по мнению Всемирного банка, «в российской экономике будет длительный спад» [8].

В этой экономической и финансовой ситуации, вызванной западными санкциями, правительство и Центральный банк принимают ряд мер по повышению ликвидности коммерческих банков, выделяя им под льготные проценты финансовые ресурсы для покрытия кассовых разрывов и кредитования реального сектора экономики. Благодаря этой своевременной мере денежные ресурсы, направленные на поддержание банковской системы и отраслей экономики, способствовали преодолению негативных последствий от новых западных санкций.

Евросоюз, увидев, что введенные ограничения практически не затрагивают макроэкономику России, 12 мая 2014 г. предпринял попытку нарастить экономическое воздействие на Россию. 30 июля Евросоюз ввел санкции против Российского национального коммерческого банка, концерна «Алмаз-Антей» и авиакомпаний «Добролет», дочерней компании «Аэрофлота». Страны ЕС закрыли доступ к российским банкам и ключевым компаниям для рынка кредитования, где наши бизнесмены раньше могли брать на свои акции дешевые валютные кредиты, которые были гораздо выгоднее внутренних заимствований. В то же время Евросоюз запретил инвестиции в российскую экономику, в том числе в энергетику, нефть, газ и другое сырье; было запрещено поставлять оборудование для этих секторов. Это был серьезный удар по стратегическим отраслям нашей экономики.

Уязвимость российской экономической стратегии заключается, как известно, в ставке на экспорт энергоносителей и другого сырья за рубеж. Поэтому США стремились с помощью санкций нарушить объемы и стабильность экспорта энергоносителей из России. С этой целью 6 августа 2014 г. администрация США приступила к нанесению удара по наиболее уязвимому месту российской сырьевой экономики – по ее нефтегазовому сектору, приносящему основные доходы в государственный бюджет. Она запретила поставки в Россию оборудования для добычи нефти, а также буровых установок и платформ, насосов высокого давления, морской техники для работы в Арктике. Кроме того, США ввели обязательную проверку того, чтобы Россия не смогла приобретать уникальную технику через третьи страны (параллельный импорт).

Болгария, бывший союзник СССР по Варшавскому договору, член Совета экономической взаимопомощи, через который она получала финансовую и иную помощь от Советского Союза, присоединилась к санкциям ЕС, введенным против России. В 2014 г. Болгария приостановила работы над проектом газопровода «Южный поток», который был построен для поставок российского газа в Европу в обход Украины. Это стало

одним из болезненных ударов для нашей газотранспортной системы и страны в целом.

Однако полностью сломать сырьевой экспорт России в Европу администрации Обамы не удалось из-за экономической заинтересованности европейских государств в российской нефти. Россия поставляла в Европу в то время более 2/3 своей экспортной нефти, а в США только 6% [9. С. 158]. Исходя из этих и других обстоятельств, Евросоюз не стал в 2014 г. объявлять эмбарго и тем самым лишать себя львиной доли потребляемых энергоресурсов, несмотря на давление со стороны США.

Тем не менее следует признать, что в результате введенных экономических санкций Запада коллективный Запад в какой-то степени достиг поставленных целей: от введенных ограничений и запретов заметно пострадали банковский, энергетический и оборонный секторы российской экономики, хотя некоторые российские СМИ всячески делали вид, что коллективный Запад не добился нужного эффекта. Это неправда. Достаточно сказать, что только упущенная выгода российских банков исчисляется сотнями миллиардов долларов. Потеря доступа к дешевым западным кредитам значительно снизила прибыль кредитных структур, которые брали финансовые средства и инструменты под очень низкие проценты – от 2 до 5% годовых, а своим заемщикам выдавали их уже с большей маржой – под 15–20% годовых. От запрета на импорт технологий и оборудования для нефтяной и газодобывающей промышленности снизилась результативность геологоразведки и добычи в труднодоступных районах, включая Арктику.

Министерство финансов США законом от 2 августа 2017 г. получило право налагать санкции на российские госкомпании. Новые экономические санкции касались ограничений на передачу американских технологий российским компаниям, занимающимся разведкой и добычей нефти на арктическом шельфе, в глубоководных районах, а также в сланцевых пластах. Санкции запрещали американским компаниям поставлять товары, услуги или технологии госкорпорациям «Газпром», «Газпром нефть», «Роснефть», а также частным нефтяным компаниям «Лукойл» и «Сургутнефтегаз». Закон от 2 августа 2017 г. позволяет президенту США вводить санкции, связанные с поставкой энергоносителей из России в Европу [10].

Администрация Соединенных Штатов во главе с президентом Д. Трампом выступала против введения в эксплуатацию магистрального российского газопровода «Северный поток-2», грозя России и ее партнерам в Евросоюзе, выступавшим за увеличение поставок природного газа по трубопроводам из нашей страны, жесткими финансовыми и иными санкциями.

Здесь уместно напомнить, что США всячески препятствовали строительству и введению в эксплуатацию других магистральных трубопроводов из России в Европу: нефтепровода «Дружба» и газопровода «Северный поток-1». Так, в 1958 г. Вашингтон выступил против поставок для советского нефтепровода «Дружба» труб большого диаметра сталелитейными компаниями ФРГ, Великобритании, Италии и Франции и

через Совет НАТО в ноябре 1962 г. (во время Карибского кризиса) добился аннулирования заключенных контрактов. В 2006 г. Вашингтон попытался сорвать строительство «Северного потока», поскольку он лишал антироссийскую «оранжевую коалицию» в Киеве важных доходов от транзита газа [11. С. 44, 50].

Страны Запада, обвинив Россию в аннексии Крыма и поддержке сепаратистов на Донбассе, действовали практически в том же ключе и теми же методами, что и во времена холодной войны. В новых исторических условиях их основной акцент был сделан на запрет современных технологий, товаров и инвестиций, импортируемых Россией в больших объемах.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на многочисленные заявления о необходимости импортозамещения, зависимость нашей страны от импорта в настоящее время чрезвычайно высока. По данным Минпромторга России, доля импорта в станкостроении сегодня превышает 90%, в тяжелом машиностроении – 60–80%, в легкой промышленности – 70–90%, в радиоэлектронной промышленности – 80–90%, в фармацевтике и медицинской промышленности – 70–80%. [12. С. 14].

Наша страна импортирует машины и оборудование, автомобили и тракторы, металлорежущие станки и кузнечнопрессовое оборудование, компьютеры и телефоны, телевизоры и видеомэгафоны, медицинские приборы и медикаменты, мясо и молочные продукты, алкогольные и безалкогольные напитки, одежду и обувь, мебель и многое другое. Вследствие этого формируется сильнейшая экономическая зависимость России от других стран, в частности от Европейского союза и США.

Таким образом, в ведущих секторах российской экономики доля импорта превышает допустимые пределы обеспечения национальной и экономической безопасности страны.

Проблема технологического отставания России сформировалась не сегодня, а на протяжении трех последних десятилетий. Одним из свидетельств нашей технологической зависимости от стран Запада является то, что в товарной структуре импорта из стран дальнего зарубежья на долю машин и оборудования приходится свыше 50%. По количеству выпускаемой продукции без привлечения иностранных технологий и комплектующих многие отрасли остались еще в прошлом веке. Этот вывод относится не только к машиностроению, но и к приборостроению, автостроению, судостроению, авиастроению, другим секторам нашей экономики.

Формат журнальной статьи не позволяет проанализировать состояние всех отраслей российской экономики и их импортозависимость, поэтому рассмотрим имеющиеся проблемы на примере отечественного авиастроения.

Санкции в отношении российских перевозчиков, сделавших много лет назад ставку не на отечественные, а на зарубежные авиалайнеры, оказались одни из самых болезненных и действенных. Более шестисот «боингов» и «аэрбасов», которые до американских и европейских санкций находились в лизинге у наших

авиаперевозчиков и были зарегистрированы на Бермудских островах, в марте 2022 г. лишились лицензии; 78 иностранных воздушных судов, выполнявших полеты на день ввода санкций, были арестованы в зарубежных аэропортах, остальные, лишённые регистрации и права полетов за границу, застыли на российских аэродромах. В начале марта 2022 г. компания Boeing, следуя санкционным указаниям своего правительства, отказалась поставлять в Россию запчасти и обслуживать американские самолеты. Евросоюз также объявил о запрете продаж, лизинга, передачи или экспорта самолетов и любых компонентов в Российскую Федерацию. Вся надежда возлагалась на отечественный авиапром.

Полностью заменить «боинги» и «аэрбасы» в полетах за рубеж могли только дальнемагистральные широкофюзеляжные Ил-96, но их отечественный авиапром способен производить не более... двух самолетов в год. Нарастить серийное производство среднемагистральных самолетов типа разрабатываемых SukhoiSuperjet-100 и MC-21 после наложения запрета на экспорт комплектующих в Россию стало невозможным по понятной причине: доля импортных деталей в обоих отечественных авиалайнерах превышает 50%. В целях снижения зависимости от американских, французских, итальянских, английских и швейцарских комплектующих для отечественных воздушных судов приказом Минпромторга России от 2 августа 2021 г. № 2914 был утвержден специальный план мероприятий, рассчитанный до 2024 г. [12. С. 191].

Здесь уместно отметить, что подобные планы Минпромторга принимались и в кризисные 2008–2009, и в 2014–2015 гг., и в другие исторические периоды, но наладить массовый выпуск отечественных авиалайнеров так и не удалось. Согласно данным Росстата, производство отечественных самолетов в 2005 г. составляло всего шесть, а в 2010 г. – девять самолетов. Призыв главы государства о поддержке отечественного производителя российскими авиаперевозчиками во главе с Минтрансом не был услышан. Они усиленно закупали иностранные воздушные суда, игнорируя инвестиции в российский гражданский флот. Как результат – серийное производство пассажирских и транспортных самолетов на всех российских авиазаводах в 2021 г. не превысило 20 штук

Для сравнения: на воздушных линиях СССР не было ни единого авиалайнера зарубежного производства, а отечественные Ту-134, Ту-154 и другие самолеты экспортировались во множество стран мира. По утверждению российских исследователей отечественного авиапрома, из сборочных цехов 250 советских авиазаводов каждый год отправлялось в эксплуатацию более 150 магистральных, региональных и грузовых самолетов (без учета боевой авиации), почти столько же, сколько их выпускали все остальные страны мира, вместе взятые [12. С. 191; 13; 14].

В жестких условиях ограничения на импорт в Россию высоких технологий и комплектующих для сборки воздушных судов использовать советский опыт производства гражданских самолетов – актуальная задача, решив которую, можно наладить серийный выпуск

авиалайнеров для полетов внутри огромной страны и за ее пределами.

Положение в авиапроме и других стратегических отраслях российской экономики осложнилось из-за санкций США и их союзников, которые лишили нашу страну доступа к 300 млрд долларов – почти половине золотовалютных (международных) резервов, сформированных государством. Этот факт подтвердил министр финансов Антон Силуанов [15].

Судя по высказываниям высокопоставленных чиновников из США и Евросоюза, идея конфискации замороженных российских валютных резервов в пользу Украины завладела умами евроатлантического политического бомонда. Так, Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель в интервью британской газете Financial Times подтвердил намерения о конфискации заблокированных российских резервов в сотни миллиардов долларов и направлении их на восстановление разрушенных украинских городов и населенных пунктов [16].

Российское правительство и Центральный банк, оставшись из-за санкций без значительной части финансовых валютных резервов, предприняли ряд ответственных мер по минимизации создавшихся проблем, в том числе по предотвращению технического дефолта.

В конце июня 2022 г. Минфин предложил сформировать в Государственном фонде неприкосновенный запас (НЗ) из золота, платины, сапфиров и бриллиантов для нужд мобилизации. Соответствующий законопроект опубликован на официальном портале нормативных правовых актов. Подразумевается, что в случае чрезвычайной ситуации драгоценности, обладающие высокой ликвидностью, можно будет легко продать, а вырученные средства пустить на решение возникших проблем. Однако с их реализацией за границей могут возникнуть проблемы: Евросоюз планирует включить российское золото в седьмой пакет санкций [17].

Предыдущий, шестой пакет санкций, подготовленный недружественными России странами, делал ставку на эмбарго российской нефти – сначала на морские поставки, а затем и по нефтепроводу «Дружба». Напомним, что поставки сырой нефти в Европу – это весомая составляющая доходов федерального бюджета России. Вместе с экспортом природного газа сырая нефть и нефтепродукты дают примерно половину всей доходной части госбюджета РФ. Поэтому неслучайно США с союзниками обсуждают возможность закупок российской нефти по ценам ниже рыночных, чтобы лишить Россию сверхприбыли. Об этом неоднократно заявлял президент США Дж. Байден.

Подсчитано, что наша страна поставляла Евросоюзу не менее 67% потребностей в сырой нефти и нефтепродуктах. Из-за введенного эмбарго пришлось перенаправлять их потоки в Китай, Индию и другие страны. Россия, чтобы завоевать новые рынки сбыта для своих природных ресурсов, уже сейчас продает нефть в азиатские страны с большим дисконтом. Это вызвано тем, что большинство импортеров, включая Китай и Индию, опасаются введения вторичных ограничительных мер Запада в их отношении. В таких условиях наша страна вынуждена идти на уступки. На сего-

дняшний день дисконт в ряде случаев достигает \$30–38 за баррель. Индия, например, настаивает на подобной скидке за свой риск, чтобы покупать российскую нефть по цене ниже \$70 за баррель. Китай, воспользовавшись благоприятной для него ситуацией, уже закупил у нас десятки миллионов тонн по сниженной цене [18]. Привыкшую к санкциям Россию уже трудно удивить какими-то новыми ограничениями. Москва на все находит зеркальный или ассиметричный ответ.

Достойный ответ правительство и Центробанк РФ нашли в отношении отключения ведущих банков страны от мировой платежной системы SWIFT. Задолго до введения этой санкции в нашей стране была разработана и внедрена платежная система МИР, получившая одобрение десятков миллионов россиян.

Пятый пакет санкций Евросоюза содержал запрет на работу российских и белорусских грузоперевозчиков, которые везли в нашу страну технику, оборудование, технологические товары [19]. Тем самым Европа фактически вводила торговую блокаду для России, несмотря на то что она является полноправным членом Всемирной торговой организации (ВТО). Эту проблему также пришлось решать.

На помощь призвали так называемый параллельный импорт, который способен не только наладить новую логистику, но и ввезти в нашу страну недостающие товары и комплектующие.

Параллельный импорт – это импорт товаров без разрешения правообладателя. Однако здесь не все так гладко, как кажется на первый взгляд. Нужно учитывать законы об интеллектуальной собственности правообладателя, который может предъявить солидные иски нарушителям своего права. Поэтому в целях безопасного занятия российскими бизнесменами параллельным импортом в условиях жесточайших санкций Госдума приняла в конце июня 2022 г. законопроект, ограждающий предпринимателей от гражданской, административной и уголовной ответственности [20].

В помощь российским бизнес-структурам Минпромторг в начале мая 2022 г. опубликовал перечень товаров для параллельного импорта. В него вошли товары и материалы сотен известных иностранных компаний, которые отказались поставлять в Россию свою продукцию. Только за два года объем товаров, ввезенных в Россию по параллельному импорту, превысил \$70 млрд [21].

Итоги проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Вследствие недостаточной эффективности государственного управления социально-экономическим развитием Россия сегодня значительно отстала в экономическом и социальном плане от ведущих стран мира. По количеству произведенных товаров и услуг Российская Федерация уступает сегодня не только США, бурно развивающемуся Китаю, Германии, Франции, Великобритании, но даже Южной Корее и ряду других государств, занимая по номинальному ВВП среди эко-

номик мира место во втором десятке. Даже до кризиса на ее долю приходилось менее 2% мирового ВВП.

2. Причиной такой импортозависимости стала неверная промышленная стратегия, проводимая в постсоветский период. Достаточно сказать, что результатом такой, с позволения сказать, «стратегии» стало падение объема выпуска станков и кузнечно-прессового оборудования, являющихся основой промышленного производства, по сравнению с 1991 г. более чем в 25 раз. В СССР станкостроение как основа технологической независимости и технологической производственной базы ОПК привилегированно получало ресурсы: необходимое оборудование, сырье и материалы. Научно-исследовательские институты отрасли были приравнены к НИИ оборонной промышленности по категориям оплаты научных сотрудников и инженеров, по обеспечению финансирования НИОКР и т.п.

Если на момент распада СССР у российской экономики еще оставались производственные и технические мощности, то спустя четверть века производственный потенциал российской экономики значительно сократился, было навсегда утеряно множество наукоемких технологий.

Жесткие ограничения на импорт в Россию высоких технологий, которые являются критически важными для стратегических отраслей российской экономики, могут нанести непоправимый урон России, отбросить ее развитие назад, сделать отсталой страной в техническом и технологическом отношении.

Вот почему на экстренном совещании правительства 1 марта 2022 г. премьер-министр России Михаил Мишустин призвал активизировать имеющиеся инструменты импортозамещения в целях противодействия санкциям. Он пояснил, что из-за постоянно нарастающих экономических санкций это направление в деятельности исполнительной власти считается приоритетным [22].

3. Курс на международную изоляцию России, ограничение ее доступа к мировым финансовым рынкам, современным технологиям может увеличить и без того значительный технологический отрыв России от стран Запада.

4. Практика показала, что иностранные инвесторы, даже если они не согласны с политикой санкций против нашей страны, не идут на конфронтацию с властями. Это еще раз со всей очевидностью продемонстрировал уход из Российской Федерации сотен иностранных компаний после 24 февраля 2022 г. Поэтому России приходится больше полагаться на собственные финансовые и материальные ресурсы.

4. Для преодоления санкционного давления, его минимизации Россия может творчески использовать советский опыт, накопленный нашей страной и народом в различные исторические периоды, в том числе в период масштабной индустриализации, успешно осуществленной в сравнительно короткий срок и сыгравшей решающую роль в достижении Великой Победы.

Список источников

1. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста к российскому экономическому чуду. М. : Наше завтра, 2021. 360 р.
2. О привлечении специалистов из-за границы : постановление СНК СССР (Протокольное) от 15.02.1927 // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/28823/> (дата обращения: 21.06.2022).

3. Ситников А. Первые санкции против России // Свободная Пресса. 2014. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/100726/> (дата обращения: 21.06.2022).
4. Съезды Советов Союза Советских Социалистических республик : сборник документов : 1917–1936 гг. : в 3 т. / сост.: Д.А. Гайдуков, А.М. Давидович, С.Л. Ронин. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. Т. III: 1922–1936. 399 с.
5. Моисеев В.В. Власть и бизнес: актуальные проблемы взаимодействия в России. 2-е изд., испр. и доп. М. : Директ-Медиа, 2021. 424 с.
6. IT-специалисты десятками тысяч уезжают из России // Snews. 2022. 22 марта. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-22_poslableniya_ne_pomogayut (дата обращения: 22.06.2022).
7. Льготы для IT компаний // Regberry.ru. 2023. 22 нояб. URL: <https://www.regberry.ru/maly-biznes/igoty-dlya-it-kompaniy> (дата обращения: 23.06.2022).
8. Всемирный банк прогнозирует длительную рецессию в России в случае усиления геополитических рисков // ТАСС. 2014. 24 сент. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1463540> (дата обращения: 23.06.2022).
9. Моисеев В.В. Россия в глобальном кризисе. М. : Директ Медиа, 2014. 803 с.
10. Трамп подписал закон об антироссийских санкциях // РИА Новости. 2017. 2 авг. URL: <https://ria.ru/world/20170802/1499630941.html> (дата обращения: 21.06.2022).
11. Боровский Ю.В. Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция? // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 3 (66). С. 42–60.
12. Моисеев В.В. Импортзамещение в экономике России. 2-е изд., испр. и доп. М. : Директ-Медиа, 2022. 304 с.
13. Харалужный А. Гражданское авиастроение: советское и постсоветское // Военное обозрение. 2020. 24 марта. URL: <https://topwar.ru/169354-kogda-ja-vizhu-slomannye-kryljaaviastroenie-sovetskoe-i-postsovetskoe.html> (дата обращения: 22.06.2022).
14. Михайлова Д. Гражданский сектор авиационной промышленности России в 2021 г. // LiveJournal. 2022. URL: <https://diana-mihailova.livejournal.com/7465987.html> (дата обращения: 22.06.2022).
15. Анисимова Н. Минфин заявил о заморозке \$300 млрд золотовалютных резервов из-за санкций // РБК. 2022. 13 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/03/2022/622dd6ee9a7947081b63341c> (дата обращения: 23.06.2022).
16. Фурсеев И. Боррель призвал передать Украине замороженные в ЕС резервы России // РБК. 2022. 9 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/05/2022/6278949b9a794754a7db2a67>. (дата обращения: 23.06.2022).
17. Александрова Л. Минфин решил выделить запас драгоценных металлов и камней на крайний случай // Московский комсомолец. 2022. 21 июня. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/06/21/minfin-reshil-vydelit-zapas-dragocennykh-metallov-i-kamney-na-krayniy-sluchay.html> (дата обращения: 23.06.2022).
18. Чуприн В. Нефтяное эмбарго: кому Россия будет продавать углеводороды в условиях санкций // Московский комсомолец. 2022. 5 мая. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/05/05/neftyanoe-embargo-komu-rossiya-budet-prodavayt-uglevodorody-v-usloviyakh-sankciy.html/> (дата обращения: 23.06.2022).
19. Александрова Л. Названа главная неприятность пятого пакета санкций Евросоюза // Московский комсомолец. 2022. 9 апр. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/04/09/nazvana-glavnaya-nepriyatnost-pyatogo-paketa-sankciy-evrosoyuza.html> (дата обращения: 23.06.2022).
20. Пашкова Л. Госдума приняла закон о легализации параллельного импорта // РБК. 2022. 21 июня. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2022/62b1a5f59a7947b2fc18c233> (дата обращения: 23.06.2022).
21. Ермакова С. Белоусов оценил объем параллельного импорта за два года в \$70 млрд // Ведомости. 2023. 21 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/21/1012361-obem-parallelnogo-importa> (дата обращения: 22.08.2023).
22. Мишустин призвал активизировать импортзамещение как способ противодействия санкциям // Газета.ру. 2022. 1 марта. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/01/17363251.shtml> (дата обращения: 23.06.2022).

References

1. Galushka, A.S., Niyazmetov, A.K. & Okulov, M.O. (2021) *Kristall rosta k rossiyskomu ekonomicheskomu chudu* [Crystal of growth to the Russian economic miracle]. Moscow: Nashe zavtra.
2. USSR. (1927) *O privilechenii spetsialistov iz-za granitsy: postanovlenie SNK SSSR (Protokol'noe) ot 15.02.1927* [On attracting specialists from abroad: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR (Protocol) of February 15, 1927]. [Online] Available from: <https://istmat.org/node/28823> (Accessed: 21st June 2022).
3. Sitnikov, A. (2014) *Pervye sanktsii protiv Rossii* [First sanctions against Russia]. [Online] Available from: <http://svpressa.ru/politic/article/100726/> (Accessed: 21st June 2022).
4. Gaydukov, D.A., Davidovich, A.M. & Ronin, S.L. (1960) *S'ezdy Sovetov Soyuzov Sovetskikh Sotsialisticheskikh respublik: sbornik dokumentov: 1917–1936 gg.* [Congresses of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics: collection of documents: 1917–1936]. Vol. 3. Moscow: [s.n.], pp. 155–161.
5. Moiseev, V.V. (2021) *Vlast' i biznes: aktual'nye problemy vzaimodeystviya v Rossii* [Power and business: Topical problems of interaction in Russia]. 2nd ed. Moscow; Berlin: Direkt-Media.
6. *Cnews.* (2022) IT-spetsialisty desyatkami tysyach uezhayut iz Rossii [IT specialists are leaving Russia by the tens of thousands]. 22nd March. [Online] Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-22_poslableniya_ne_pomogayut. (Accessed: 22nd June 2022).
7. *Regberry.ru.* (2023) L'goty dlya IT kompaniy [Benefits for IT companies]. 22nd November. [Online] Available from: <https://www.regberry.ru/maly-biznes/igoty-dlya-it-kompaniy> (Accessed: 22nd June 2022).
8. *TASS.* (2014) *Vsemirnyy bank prognoziruet dlitel'nyuyu retsessiyu v Rossii v sluchae usileniya geopoliticheskikh riskov* [World bank predicts a long-term recession in Russia in the event of increased geopolitical risks]. 24th September. [Online] Available from: <http://itar-tass.com/> (Accessed: 23rd June 2022).
9. Moiseev, V.V. (2014) *Rossiya v global'nom krizise* [Russia in a Global Crisis]. Moscow: Direkt Media.
10. *RIA Novosti.* (2017) *Tramp podpisal zakon ob antirossiyskikh sanktsiyakh* [Trump signs the law on anti-Russian sanctions]. 2nd August. [Online] Available from: <https://ria.ru/world/20170802/1499630941.html> (Accessed: 21st June 2022).
11. Borovskiy, Yu.V. (2019) *Sovetskii i rossiyskii TEK kak ob'ekty zapadnykh sanktsiy: politicheskoe sopernichestvo ili ekonomicheskaya konkurentsia?* [Soviet and Russian fuel and energy complex objects of Western sanctions: Political rivalry or economic competition?]. *Vestnik MGIMO-Universiteta.* 3(66). pp. 42–60.
12. Moiseev, V.V. (2022) *Importozameshchenie v ekonomike Rossii* [Import substitution in the Russian economy]. 2nd ed. Moscow: Direkt-Media.
13. Kharaluzhnyy, A. (2020) *Grazhdanskoe aviastroenie: sovetskoe i postsovetskoe* [Civil aircraft industry: Soviet and post-Soviet]. *Voennoe obozrenie.* 24th March [Online] Available from: <https://topwar.ru/169354-kogda-ja-vizhu-slomannye-kryljaaviastroenie-sovetskoe-i-postsovetskoe.html> (Accessed: 22nd June 2022).
14. *Mikhaylova, D.* (2022) *Grazhdanskiy sektor aviapromyshlennosti Rossii v 2021 g.* [The Civil Sector of the Russian Aviation Industry in 2021]. [Online] Available from: <https://diana-mihailova.livejournal.com/7465987.html>. (Accessed: 22nd June 2022).
15. Anisimova, N. (2022) *Minfin zayavil o zamorozke \$300 mlrd zolotovalyutnykh rezervov iz-za sanktsiy* [The Ministry of Finance announced the freezing of \$ 300 billion of gold and foreign exchange reserves due to sanctions]. *RBC.* 13th March. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/13/03/2022/622dd6ee9a7947081b63341c> (Accessed: 23rd June 2022).

16. Furseev, I. (2022) Borrel' prizval peredat' Ukraine zamorozhennyye v ES rezervy Rossii [Borrell called for the transfer of Russia's reserves frozen in the EU to Ukraine]. *RBK*. 9th May. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/09/05/2022/6278949b9a794754a7db2a67> (Accessed: 23rd June 2022).
17. Aleksandrova, L. (2022) Minfin reshil vydelit' zapas dragotsennykh metallov i kamney na krayniy sluchay [The Ministry of Finance decided to allocate a reserve of precious metals and stones as a last resort]. *Moskovskiy komsomolets*. 21st June. [Online] Available from: <https://www.mk.ru/economics/2022/06/21/minfin-reshil-vydelit-zapas-dragocennykh-metallov-i-kamney-na-krayniy-sluchay.html> (Accessed: 23rd June 2022).
18. Chuprin, V. (2022) Neftyanoe embargo: komu Rossiya budet prodavat' uglevodorody v usloviyakh sanktsiy [Oil embargo: to whom Russia will sell hydrocarbons under sanctions]. *Moskovskiy komsomolets*. 5th May. [Online] Available from: <https://www.mk.ru/economics/2022/05/05/neftyanoe-embargo-komu-rossiya-budet-prodat-uglevodorody-v-usloviyakh-sanktsiy.html/> (Accessed: 23rd June 2022).
19. Aleksandrova, L. (2022) Nazvana glavnyaya nepriyatnost' pyatogo paketa sanktsiy Evrosoyuza [The main problem of the fifth package of EU sanctions has been named]. *Moskovskiy komsomolets*. 9th April. [Online] Available from: <https://www.mk.ru/economics/2022/04/09/nazvana-glavnaya-nepriyatnost-pyatogo-paketa-sanktsiy-evrosoyuza.html> (Accessed: 23rd June 2022).
20. Pashkova, L. (2022) Gosduma prinyala zakon o legalizatsii paralelnogo importa [The State Duma adopted a law on the legalization of parallel imports]. *RBK*. 21st June. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2022/62b1a5f59a7947b2fc18c233> (Accessed: 23rd June 2022).
21. Ermakova, S. (2022) Belousov otsenil ob"em paralelnogo importa za dva goda v \$70 mlrd [Belousov estimated the volume of parallel imports over two years at \$70 billion]. *Vedomosti*. 21st December. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/21/1012361-obem-parallelnogo-importa> (Accessed: 23rd June 2022).
22. *Gazeta.ru*. (2022) Mishustin prizval aktivizirovat' importozameshchenie kak sposob protivodeystviya sanktsiyam [Mishustin called for more active import substitution as a way to counter sanctions]. 1st March. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/business/news/2022/03/01/17363251.shtml> (Accessed: 23rd June 2022).

Сведения об авторе:

Моисеев Владимир Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры социологии и управления факультета экономики и менеджмента Белгородского государственного технического университета (Белгород, Россия). E-mail: din_prof@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Moiseev Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Management, Faculty of Economics and Management, Belgorod State Technical University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: din_prof@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.08.2022; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 14.08.2022; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/93/8

Проекты переустройства государственной продовольственной системы в позднеимперский период

Ангелина Сергеевна Рогожина

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия. E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена правительственной кампании, организованной в 90-е гг. XIX в. с целью пересмотра Продовольственного устава. Проанализированы проекты переустройства государственной продовольственной системы, авторами которых выступили участники губернских продовольственных совещаний, государственные и общественные деятели. Их характеристика приводит к выводу, что правительственная кампания по пересмотру продовольственного законодательства оказалась неэффективной, поскольку не повлияла на основные принципы государственной продовольственной системы.

Ключевые слова: неурожай, голод, государственная продовольственная система, проекты, продовольственные совещания

Для цитирования: Рогожина А.С. Проекты переустройства государственной продовольственной системы в позднеимперский период // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 65–73. doi: 10.17223/19988613/93/8

Original article

Projects of re-construction of the state food system in the late imperial period

Angelina S. Rogozhina

Orel State University, Orel, Russian Federation, rogozhinaas@yandex.ru

Abstract. The aim of the work is to analyze the government campaign organized in the 90s. 19th century to revise legislation in the field of food supply for the population in case of crop failure and famine.

As a result of the study, a retrospective review of government measures aimed at overcoming food shortages in the Russian countryside was carried out. A comparative analysis of the projects for the reorganization of the state food system.

From 1822 until the end of the 19th century, the main mechanisms of the state food system were grain stores and monetary food capital. The basic principle underlying the food policy was the principle of self-help, according to which loans in kind and in cash were issued to obviously insolvent borrowers. This led to the accumulation of multimillion-dollar arrears and further upset the peasant farms, whose welfare was undermined by the peasant reform of 1861. The imperfection of the Russian food system was catalyzed by the famine of 1891–1892, which exposed the shortcomings of the current Food Charter. A government campaign to revise food regulations has been carried out at various levels of government. The article analyzes the projects for the reorganization of the state food system, the authors of which were the participants of the provincial food conferences, statesmen and public figures. As part of the study of projects, issues related to the advantages and disadvantages of the natural and monetary system for collecting and storing stocks, with the possibility of organizing elevators and specialized granaries, a system for distributing food duties and issuing food benefits were considered.

The characteristics of the projects lead to the conclusion that the government campaign to revise the food legislation was timely, covered the general public, but turned out to be ineffective, since it did not lead to the transformation of the basic principles of the state food system. The changes touched upon the issues of local food management, as well as the revision of some quantitative characteristics of the norms for filling natural reserves and the issuance of food loans. The author comes to the conclusion that the changes in the state food system, connected with the removal of local governments from managing the food supply of the population and enshrined in the "Temporary Rules" of 1900, were evidence of the government's unwillingness to allow the liberal opposition to organize the solution of national issues. This policy of the government was more of a political nature, rather than aimed at the real improvement of the Food Charter.

Keywords: crop failures, famine, state food system, projects, food meetings

For citation: Rogozhina, A.S. (2025) Projects of re-construction of the state food system in the late imperial period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 65–73. doi: 10.17223/19988613/93/8

Последнее десятилетие XIX столетия ознаменовалось кризисными явлениями в сфере аграрного развития Российской империи, имевшими глубокие социально-экономические последствия. Голод 1891–1892 гг., распространившийся на значительную территорию Европейской части России, вынудил правительство основательно задуматься о необходимости реформирования всех отраслей народного хозяйства, и прежде всего государственной продовольственной системы.

Несмотря на значимость проблемы, она до сих пор не получила должного отражения в научной литературе. В отечественной и зарубежной историографии эта проблематика изучалась лишь фрагментарно и никогда не была предметом фундаментального исследования. Реформирование государственной продовольственной системы, как правило, рассматривалось в контексте изучения последствий голода 1891–1892 гг., а также в работах по истории земских учреждений [1–6]. Бурная дискуссия в отечественной историографии по вопросу ревизии устоявшихся представлений о постоянном снижении жизненного уровня крестьянства и эффективности продовольственной политики правительства показала принципиальное значение исследований с привлечением массива архивных документов.

В настоящей статье впервые в отечественной историографии проанализирована деятельность губернских продовольственных совещаний 1892 г. как регионального субъекта реформирования государственной продовольственной системы.

Обеспечение народного продовольствия во время недорода вошло в область государственных интересов начиная со второй четверти XVIII в. Государство принимало участие в снабжении продовольствием населения и раньше, но прежде эти меры были стихийными, применялись по мере возникновения нужды и не носили системного характера. Цельное оформление государственной продовольственной системы получила лишь в XIX в., когда продовольственными правилами 1822 и 1834 гг. были определены источники обеспечения населения на случай неурожая и голода, нормы и правила их составления. Базовыми элементами установленной системы стали натуральные запасы, которые можно было заменять общественными и сословными капиталами, а также губернские продовольственные капиталы (позднее начал составляться и общеимперский продовольственный капитал). Основным принципом, заложенным в Уставе 1834 г., стал принцип самопомощи, который допускал возможность выдачи краткосрочных беспроцентных ссуд наименее кредитоспособным должникам, поскольку правом на получение продовольственных пособий могли воспользоваться только действительно нуждающиеся члены сельского общества. Это вносило противоречие во всю государственную продовольственную систему. Возврат ссуды ложился на плечи пострадавшего, что еще более усугубляло его экономическое положение, лишь оттягивая полное разорение. Таким образом, получивший продовольственную ссуду помогал сам себе, не имея потенциальной возможности в срок вернуть заимствованные ресурсы. Это неизбежно приводило к истощению продовольственных запасов. Кроме того,

закрепленная продовольственными правилами передача всех организационных и надзорных функций местным структурам и отсутствие фактического правительственного контроля приводили к различного рода злоупотреблениям на местах и сильной бюрократизации помощи нуждающимся.

Земское положение 1864 г. и последующее законодательство передали продовольственное обеспечение органам местного самоуправления – земствам. Однако институциональный статус последних был ограничен, а Продовольственный устав не учитывал условия пореформенного времени, что создавало препятствия для его эффективной реализации на местах. Противоречия между органами местного самоуправления и коронной администрацией по вопросам продовольственной политики стали одной из причин краха действовавшей системы и, как следствие, голода 1891–1892 гг.

Возникновение продовольственного кризиса 1891–1892 гг. было напрямую связано с неурожаем, традиционно произошедшим вследствие неблагоприятных атмосферных явлений. Вместе с тем неурожай случался в истории России весьма часто, в среднем раз в семь лет, и, как правило, не оказывались явлением чрезвычайным. Однако неурожай 1891–1892 гг. повлек за собой обострение глубинных противоречий пореформенной российской деревни, в его контексте проявились пагубные последствия крестьянской и других реформ 60-х гг. XIX в. В то же время неудачи продовольственной кампании 1891–1892 гг. были связаны с системными принципами, заложенными в основу государственной продовольственной политики. Прежде всего речь шла о принципе самопомощи, который предусматривал выдачу краткосрочных продовольственных ссуд заведомо некредитоспособным заемщикам. По мнению американского специалиста по истории пореформенной России Р. Роббинса, система помощи голодающим, сформировавшаяся в эпоху «Великих реформ», была, безусловно, самой всеобъемлющей среди когда-либо разработанных имперским правительством, но и она оказалась лишь чуть более эффективнее прежних [7. Р. 23]. Примечательно, что причины краха пореформенной продовольственной системы историк видел в крестьянской бедности, слабости земских учреждений и неадекватности государственного административного аппарата в деревне [7. С. 24].

«Всероссийское разорение» 1891–1892 гг. и последующая продовольственная кампания поставили правительство перед необходимостью радикального реформирования государственной продовольственной системы. В связи с этим на протяжении 90-х гг. XIX в. был реализован комплекс мер по пересмотру действующего законодательства, включающий сбор и обработку сведений о состоянии продовольственного дела на местах и определение начал, впоследствии заложенных в основу «Временных правил» 1900 г. К разработке нового продовольственного законодательства были привлечены государственные органы различных уровней – губернские продовольственные совещания, комиссии министерств и ведомств. Особое место в кампании по пересмотру продовольственного Устава за-

нимали записки и проекты разных лиц о способах переустройства продовольственного дела в России, свидетельствующие о подлинной заинтересованности и искреннем сочувствии общества к нуждам русского крестьянства.

В начале 1892 г. по инициативе Министерства внутренних дел под председательством губернаторов, вице-губернаторов, предводителей дворянства и председателей управ соответственно были образованы губернские и уездные продовольственные совещания в составе представителей отдельных ведомств, органов местного самоуправления и частных лиц [8. С. 179]. Вопросы, поставленные на обсуждение продовольственных совещаний, носили комплексный характер и были направлены на выработку современных правил выбора наиболее предпочтительной системы продовольственного обеспечения, порядка засыпки зерна, образования натуральных запасов и денежного сбора, образования продовольственных капиталов, выдачи натуральных и денежных ссуд, уничтожения круговой поруки при возврате недоимок и др. Одним из центральных был вопрос о степени участия органов местного самоуправления в организации продовольственного дела на местах.

Большинство губернских продовольственных совещаний отдавало предпочтение продовольственной системе, основанной на составлении натуральных хлебных запасов [9. Л. 1 об.–2 об.]. Лишь некоторые совещания и отдельные лица оставались сторонниками системы денежных капиталов, среди них необходимо выделить Рязанское губернское продовольственное совещание. Целый ряд губерний ходатайствовал об устройстве смешанной системы продовольственного обеспечения, когда в разных местностях одной и той же губернии могли осуществляться как натуральная засыпка, так и денежный сбор. Запасы зерном планировалось составлять в губерниях и уездах Центрально-Черноземного региона, где производство хлебных культур являлось основной экономической деятельностью. Продовольственные капиталы рекомендовалось формировать в местностях, где население потребляло преимущественно покупной хлеб. Такой вид обеспечения был предложен в Нижегородской, Орловской, Смоленской и Херсонской губерниях. Некоторые совещания рассматривали даже единовременное составление как хлебных, так и денежных запасов: хлебные служили для обсеменения полей, а денежные шли на нужды населения [9. Л. 25 об.–26, 62, 145–145 об., 202, 230 об., 236 об.–237, 263; 10. Л. 49, 111–111 об., 137–137 об., 249 об.–250, 268, 310; 11. Л. 11–15 об., 39 об.–40].

Один из проектов переустройства продовольственного дела, поступивший на рассмотрение в Министерство внутренних дел, был построен на принципах «общенародности» продовольственных ресурсов, а потому обязанность его обеспечения должны были исполнять все категории населения. Согласно проекту, жители империи делились на две части в зависимости от экономической специализации районов их проживания и хозяйственной рентабельности земли: население, «экономический быт которого вызывал потребность для его благосостояния устройства хлебных, семенных

и кормовых запасов», и остальных, для которых необходимость составления запасов лишь косвенно затрагивала интересы быта [12. Л. 10–25]. Степень участия населения в составлении продовольственных запасов проект определял количеством и стоимостью владеемой земли, а затем установлением определенного процента со стоимости каждой обрабатываемой десятины или со всей стоимости обрабатываемой земли. Взнос зерна для категории «остальных» заменялся денежным взносом на пополнение продовольственных и семенных запасов.

Что касается вопросов содержания и хранения натуральных продовольственных запасов, а равно и всей системы сельских хлебозапасных магазинов, большинство губернских продовольственных совещаний признавало необходимость их устройства для более обширных районов, т.е. предлагало заменить сельские магазины на центральные или же допустить их параллельное функционирование. Видный государственный деятель В.А. Остроумов в письме К.П. Победоносцеву развивал идею о необходимости учреждения запасных государственных магазинов на средства, возвратившиеся от казенных ассигнований нуждающимся [13. Л. 23–26 об.]. По его мнению, «обширнейшие продовольственные склады» должны были устраиваться на путях водных сообщений, в узлах и конечных пунктах железных дорог, а также в глухих, удаленных от удобных путей местах, откуда окрестное население могло получать продовольствие и семена. При магазинах могли создаваться специальные отделы для хранения зерна высокого качества, а также сушилки для предотвращения порчи хлеба. Освежение зерна могло производиться как путем раздачи ссуд населению, так и отправкой избытков на продажу во внутренние губернии или за границу, а также отпуском военному ведомству на продовольственное снабжение войск. «А между тем ныне, когда отыскиваются работы для голодающих, почему не занять свободные руки приготовлением материалов для построек магазинов, изготовлением мешков, брезентов, тачек, лопат и прочего инвентаря» [13. Л. 23–26 об.], – добавлял В.А. Остроумов.

В контексте полемики о трудностях, связанных с содержанием и хранением натуральных продовольственных запасов, нередко поднимался вопрос о необходимости создания системы зернохранилищ-элеваторов как альтернативы хлебозапасным магазинам. В связи с этим интерес представляют мнение правительственного чиновника А.Н. Козловского по поводу устройства зернохранилищ в губерниях, пострадавших от неурожая, и статья архитектора С. Серебровского «Сельские зернохранилища-элеваторы и их роль в поднятии сельской промышленности», опубликованная в журнале «Сельский хозяин» за 1893 г. [12. Л. 52–62 об.]

А.Н. Козловский рассуждал о необходимости сооружения простых, дешевых и общедоступных складов, притом расположенных в таких пунктах, куда мелкий производитель мог привозить свой хлеб на продажу. «В них формировались бы партии зерна для дальнейшей отправки на рынки, – писал хлебный инспектор, – очищались бы ручными и конными аппаратами и затем сортировались бы, а не портились сме-

пением зерен разного вида и качества, о чем именно так серьезно заботится наше правительство, чтобы обеспечить верный сбыт нашим хлебным товарам на иностранных рынках в борьбе с прекрасно приготовленными американскими хлебами». По своему типу зернохранилища должны были строиться в виде небольших одноэтажных амбаров со светлым чердаком вместимостью 30–40 тыс. пудов (до 100 тыс.) [12. Л. 46 об.–47].

С. Серебровский рассматривал устройство зернохранилищ как необходимую предпосылку рациональной организации кредита под крестьянский и частновладельческий хлеб, придания ему должной кредитоспособности и обеспечения безопасного хранения и сбыта [12. Л. 52–62 об.]. Для этой цели требовалось особое помещение, которое бы давало возможность мягкого контроля, осмотра и ухода. По мнению С. Серебровского, таким помещением могло быть только хранилище-элеватор, стоящее в центре хлебного производства конкретного района, т.е. в ближайшем торговом пункте – селе, железнодорожной станции. Зернохранилище должно было иметь элеваторные приспособления – сортировку, весы, отдельные помещения для различных сортов хлеба, легкий и удобный подъем и передвижение зерна. Такие запасы хлеба, хранящегося в зернохранилище, помимо прочего, могли служить регуляторами хлебных цен при местных неурожаях. Постройка необходимой сети волостных зернохранилищ для каждой губернии должна была обойтись казне примерно в 1,5 млн рублей [12. Л. 52–62 об.]. При этом подобные зернохранилища-элеваторы уже функционировали в Санкт-Петербурге, Ельце, Ряжске, Козлове, Лебедяни, Данкове, Виннице, Николаеве, Ревеле и на станциях Юго-Западной железной дороги.

Свое видение реорганизации хлебозапасной системы обозначали и представители института земских начальников. Одним из самых серьезных неудобств, возникающих в среде крестьянства во время недорода, начальник Михайловского уезда Рязанской губернии граф Г.Д. Толстой называл отдаленность мест выдачи ссуд от крестьянских поселений. В связи с этим крестьяне, часто в период распутицы, должны были ездить за выдачей в соседние губернии, за 30 и более верст, понапрасну расходуя время и деньги на перевозку хлеба. «Все эти неудобства могли быть легко устранены, если были бы устроены в каждой волости волостные амбары для засыпки хлеба на продовольственные нужды населения данной волости», – заявлял граф Г.Д. Толстой [12. Л. 41–42]. При существовании волостных амбаров земский начальник, заведующий 3–4 волостями, всегда имел бы возможность наблюдать за целостностью хлеба и исправностью его поступления и хранения. Вместе с тем существование волостных амбаров, согласно проекту, позволило бы развить «столь желательную» деятельность Государственного банка по выдаче крестьянам ссуд под обеспечение хлебом. По этим же причинам граф Г.Д. Толстой предлагал устроить и волостные хлебозапасные магазины, которые при существовании закона о ссудах под хлеб оказали бы крестьянам значительную помощь [12. Л. 43–43 об.].

Возвращаясь к обсуждению Продовольственного устава в губернских совещаниях, отметим, что порядок выдачи ссуд из хлебных магазинов не вызвал острого спора: совещания единогласно высказались за выдачу пособий зерном или мукой в соответствии со списком нуждающихся. Критерии определения «нуждающихся» при этом обозначены не были. Примечательно, что Р. Роббинс в своей работе, посвященной голоду 1891–1892 гг., указывал на отсутствие должной коммуникации между земствами и уездной администрацией, с одной стороны, и российской деревней – с другой, как на одну из причин поступления ложных сведений о количестве нуждающихся и степени их нужды. По мнению историка, ни земства, ни государство не имели связи с деревней [7. Р. 24]. Он отмечал, что деятельность земств простиралась только до уровня уезда, а случайные визиты сборщиков налогов и полиции не представляли собой реального проникновения правительства в деревенскую жизнь.

В рамках губернских продовольственных совещаний высказывались различные предложения о способах составления и выдачи продовольственных ссуд. Так, российский банкир и меценат И.С. Блюх считал «весьма полезным сделать какой-либо практический шаг для получения точных данных на местах о том, каким образом сведения собираются и какие из них делаются выводы». В качестве «практического шага» он предлагал «произвести в самом скорейшем времени обзор положения дел на местах, избрав для того известное число уездов (разных губерний), находящихся в разных общих экономических условиях, причем непосредственной целью было бы – собрать сведения о самих способах или системе, употребляемых в разных местностях для определения нужды» [13. Л. 3–9]. Такой обзор давал возможность выбрать наиболее рациональные методы и применить их ко всем местностям однообразного типа. Сведения должны были собираться под контролем доверенных лиц, «знающих Россию» и специально для этого избранных. Крестьянские управления могли оказывать в этом деле вспомогательную помощь.

Один из вопросов, обсуждаемых в губернских совещаниях, был связан с необходимостью сохранения круговой поруки. Стоит отметить, что все продовольственные совещания оценивали ее влияние весьма отрицательно. Однако целесообразность отмены круговой поруки порождала противоречия. Например, Вятская, Казанская, Нижегородская, Орловская, Тамбовская, Тульская и Херсонская губернии высказывались за отмену круговой поруки. Вместо нее они предлагали установить личную ответственность крестьян, воспользовавшихся ссудой [9. Л. 50 об., 112, 203 об., 228 об.–231 об., 270 об.; 10. Л. 140 об., 254–255]. Воронежская, Курская, Пензенская, Пермская, Самарская, Уфимская губернии, напротив, полагали, что круговую поруку необходимо сохранить как единственно верный способ обеспечения возврата продовольственных ссуд [9. Л. 64, 150, 248 об.–250; 10. Л. 271 об., 312 об.; 11. Л. 11–15 об.]. В объектив дискуссии попали также недостатки общинного зем-

лепользования (переделы, чересполосица и т.д.) [14. Л. 14].

Управляющий делами Императорской главной квартиры генерал-адъютант О.Б. Рихтер, рассуждая о неурожае в России, видел их основную причину в общинном землевладении и круговой поруке: «Сторонники общинного землевладения утверждали, что эта форма присуща славянской расе, которая якобы к ней привыкла и в ней одной находит правильное и справедливое распределение земли. Но это не подтверждает история. Общинное землевладение было достоянием всех народов и указывает только на низкую степень культуры» [15. Л. 1 об.–2]. Устранение этих причин О.Б. Рихтер видел в переходе к подворному землевладению, осуществляемом постепенно при помощи Дворянского и Крестьянского банков. По его мысли, из оставшихся за Дворянским банком имений должны были выделяться крестьянские наделы от 30 до 60 десятин в одном в зависимости от качества земли. В это количество входила земля под всеми постройками, огородом, полем, сенокосом, выгоном и кустарниками. Такие наделы могли покупаться или арендоваться только крестьянами при помощи Крестьянского поземельного банка, который для этого выдавал им ссуду. В размер выдаваемой ссуды входили расходы на «первоначальное обзаведение», т.е. возведение необходимых построек и приобретение живого и мертвого инвентаря, необходимых для обработки и удобрения земли. При этом более предпочтительным вариантом, по мнению О.Б. Рихтера, являлась аренда, поскольку земля оставалась в собственности государства, которое устанавливало определенный процент погашения и оставляло за собой контроль над способом ведения хозяйства [15. Л. 3–4].

Переходя к вопросу, вызвавшему наиболее острые дискуссии в среде продовольственных совещаний, напомним, что поводом для их организации были, прежде всего, неудачи продовольственной кампании 1891–1892 гг., непосредственное ведение которой было возложено на земские учреждения. Для более объективного понимания роли органов местного самоуправления в развитии продовольственного дела целесообразно проследить эволюцию их участия в государственной продовольственной системе. Как уже было отмечено, реформа органов местного самоуправления 1864 г. передала общее заведование продовольственным делом в руки земских учреждений, которые первоначально были ограничены лишь правом надзора за ненарушением сельскими сходами установленных продовольственных правил, поскольку после отмены крепостного права именно органы крестьянского самоуправления начали ведать вопросами взноса, хранения и расходования хлебных запасов. Однако уже в 1867 г. выдача ссуд из сельских хлебных запасных магазинов была поставлена в зависимость от разрешения земских управ: уездных – в размере половины запасов, и губернских – в большем количестве. В том же году земства получили право выдавать ссуды из средств, ассигнованных из общего по империи продовольственного капитала, и отвечать за их возврат к назначенному сроку. Вскоре ссуда до половины

наличных запасов стала допускаться с разрешения уездных управ, а свыше этого количества – с утверждения губернских управ. Правила 1883 г. окончательно закрепляли за уездными земствами право заведования сословными и общественными продовольственными капиталами, а положение Комитета министров 1886 г. подтверждало ответственность губернских земств за исправный возврат ссуд из общего по империи продовольственного капитала. Кроме того, замена натуральной засыпки денежным сбором могла производиться сельскими обществами также только с разрешения земских учреждений. Таким образом, попытки реформирования государственной продовольственной системы во второй половине XIX в. увеличивали роль органов местного самоуправления в решении вопросов продовольственного обеспечения на местах, а вместе с тем и их ответственность за эту отрасль хозяйственного управления.

Историки и современники по-разному оценивали роль земских учреждений в продовольственной политике правительства в целом и кампании 1891–1892 гг. в частности. Большинство из них оправдывали неудачи земств их ограниченным институциональным статусом, отсутствием мелкой земской единицы и единого координирующего центра [16–19]. Правительство считало, что земства в данной ситуации оказались неспособны решать возникавшие проблемы, вследствие чего устранение органов земского самоуправления от заведования продовольственным делом стало вопросом времени. Р. Роббинс, в свою очередь, конкретизировал причины продовольственных неудач нежеланием правительства создавать мелкую земскую единицу и национальную земскую организацию, а также интегрировать их в государственный механизм, результатом традиционного недоверия, которое российская бюрократия испытывала ко всем формам местного самоуправления [7].

Поэтому изучение мнения губернских продовольственных совещаний и отдельных представителей российской общественности способствует пониманию значимости роли земских учреждений в государственной продовольственной системе. Большая часть совещаний пришла к заключению о возможности оставить продовольственное дело в ведении земств, мотивируя это наличием «опыта прежних лет», в том числе в вопросах статистических исследований [11. Л. 98 об.]. В одной из записок непосредственно на имя В.К. Плеве от 18 декабря 1891 г., например, содержится положительная оценка земской статистики, благодаря которой «явилась возможность почти безошибочно наметить признаки большей или меньшей нуждаемости каждого отдельного селения из числа достигнутых неурожаем, а продовольственные расчеты могли быть сделаны с большим приближением» [13. Л. 33 об.–34]. Вместе с тем земская статистика была, пожалуй, наиболее устойчивым объектом критики правительства. А.С. Минаков, анализирувавший взаимоотношения губернаторов и центральной власти, утверждает, что «по признанию самих губернаторов, земские статистики имели репутацию антиправительственных элементов» [20. С. 323–325]. При этом главное опасе-

ние губернаторов состояло в том, что на фоне малодеятельности губернских статистических комитетов «земства могли взять в свои руки всю статистическую работу в губернии» [20. С. 324–325]. Поэтому очевидно, что «земская статистика раздражала местную администрацию не только своим «неблагонадежным» кадровым составом» [20. С. 324–325].

Отдельные совещания настаивали на безоговорочной реорганизации продовольственной системы на местах. Например, Касимовское совещание и ряжский исправник Рязанской губернии видели решение проблемы в создании в каждом уезде Особой комиссии в составе представителя от земств, земского начальника, уездного исправника и податного инспектора под председательством уездного предводителя дворянства, на которую было необходимо возложить устройство продовольственного обеспечения в уезде [11. Л. 98 об.–99]. Скопинское совещание той же губернии предлагало создать специальный орган – административное заседание уездного съезда [11. Л. 98 об.–99].

Еще одно предложение высказывали дворяне Егорьевского уезда. В случае неурожая и голода они предлагали усилить спрос и надзор со стороны сельского старосты, контролируемого земским начальником [11. Л. 98 об.–99]. В одной из записок, присланных в Министерство внутренних дел, содержался проект тотального переустройства продовольственной системы, согласно которому управление государственным продовольствием должно было быть сосредоточено в отдельном самостоятельном учреждении, именуемом Главным Управлением государственного продовольствия [14. Л. 10–32]. Его региональными звеньями должны были стать губернские и уездные продовольственные комитеты или соответствующие им учреждения.

Напомним, что поводом для постановки вопроса об отстранении органов местного самоуправления от заведования продовольственным делом послужили неудачные закупочные операции земств. Действительный статский советник И.И. Кабат, оценивая роль земств в продовольственной кампании 1891–1892 гг. именно в контексте осуществления ими хлебных закупок и перевозки купленного хлеба к нуждающимся местностям, полагал, что в дальнейшем «все расчеты не могут быть осуществлены при сохранении существующего порядка, когда каждое земство, действуя самостоятельно, закупает и направляет свои хлебные грузы по своему усмотрению, не соображаясь вовсе ни с провозоспособностью дорог, ни с интересами других земств». Для оптимизации закупочных операций он предлагал ограничить самостоятельность земств в этом процессе, чтобы иметь возможность с наибольшей полнотой использовать предоставляемые железными дорогами перевозочные средства и обеспечить безостановочное и равномерное снабжение всех голодающих губерний. Возможность достижения поставленной цели И.И. Кабат видел в создании при Министерстве внутренних дел Особой комиссии под председательством директора Хозяйственного департамента из представителей от МВД, а также министерств финансов и путей сообщения. В обязанности Особой комиссии

должны были входить: выработка плана закупки хлеба, учитывая положение продовольственного дела каждой губернии и все местные климатические и дорожные особенности, с последующей передачей губернаторам; наблюдение за хлебными ценами и состоянием хлебных рынков с последующим направлением земств в наиболее благоприятные для закупки продовольственного хлеба местности; аккумуляция сведений о ходе хлебных перевозок и образующихся залежах и задержках, а также направление земских грузов, установление очереди перевозок и принятие чрезвычайных мер, необходимых для безостановочного снабжения населения хлебом [13. Л. 13–19]. Комиссии должны были предоставляться широкие права и полномочия, позволяющие взаимодействовать со всеми должностными лицами, общественными учреждениями, железнодорожными управлениями и другими предприятиями, участвующими в перевозке. Такими мерами хлебные закупки по-прежнему оставались бы на ответственности земств, а правительство лишь руководило бы их деятельностью в качестве единого координирующего центра.

Некоторые совещания высказывались о целесообразности возложения ответственности за реализацию государственной продовольственной программы исключительно на органы губернской администрации. Другие размышляли о возможности наделения соответствующими полномочиями также и органы общественного управления. Последнее мыслилось путем создания специальных продовольственных структур со смешанным составом – как от местного самоуправления, так и от администрации. Подобное мнение в 1892 г. высказывал и пермский губернатор В.В. Лукошков [11. Л. 11–15 об.]. Он предлагал создать особые волостные продовольственные комитеты, а в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств губернаторы получали право созывать членов специальных Соединенных присутствий. В их состав должны были входить земские деятели, представители сельской администрации, съезда земских начальников, исправник и податный инспектор.

Контролировать решение продовольственных вопросов, по мнению большинства губернских продовольственных совещаний, должно было правительство в лице губернской администрации и земских начальников [11. Л. 98 об.–99]. Также рассматривались варианты сохранения контроля земских учреждений и использования гласности земских постановлений и распоряжений в качестве механизма, позволяющего влиять на незаконные действия и пресекать злоупотребления. Надзор над содержанием сельских хлебозапасных магазинов в части взноса, хранения и расходования натуральных запасов предлагалось возложить либо на земских начальников, либо на государственного чиновника, подотчетного губернатору [11. Л. 99].

Отдельные продовольственные совещания рассматривали возможность построения помощи населению на основе частной благотворительности. Для реализации поставленной задачи они предлагали в крупных селах, церковных приходах и волостях организовать специальные благотворительные попечительства.

Весьма оживленная дискуссия возникла вокруг обсуждения еще одного элемента государственной продовольственной системы – общественных работ [8. С. 193–194]. Их организацию большинство совещаний предлагало возложить на органы самоуправления, для чего земства должны были образовать специальный капитал из отчислений со всех земских сборов. Другие совещания предлагали возложить устройство общественных работ на счет запасных мирских капиталов, составлявшихся от продажи избытка хлеба после наполнения хлебозапасных магазинов до установленной законом нормы. Однако, рассматривая ретроспективу развития хлебозапасной системы в России, можно заключить, что подобное предложение было весьма утопично, поскольку полной засыпки запасных магазинов практически никогда не производилось. Часть продовольственных совещаний полагала возможным возложить заведование общественными работами на администрацию, а материальные расходы – на общегосударственные средства.

Рассматривая различные проекты переустройства российской продовольственной системы в 90-е гг. XIX в., необходимо отметить предложенный земствами, а впоследствии и видными государственными деятелями, способ продовольственного обеспечения населения, построенный на началах страхования. Идеи о необходимости обязательного страхования посевов от градобитий, вредных насекомых и других неблагоприятных природных и климатических явлений высказывались начиная с 1888 г. Наиболее цельное оформление получили два: проект казанского вице-губернатора А.П. Энгельгардта и проект председателя Казанского окружного суда Л.И. Грасса. Правда, по окончании их рассмотрения Министерство внутренних дел, учитывая мнение губернских совещаний, признало реализацию подобных проектов категорически невозможной, мотивируя это отсутствием критериев для оценки качества и количества труда страхователя и обстоятельств, прямо на него влияющих, несоответствием страховых премий страховым вознаграждениям. Кроме того, содержание системы страхования наряду с действующей системой хлебозапасных магазинов и продовольственных капиталов на деле могло оказаться весьма обременительным для крестьянства.

К концу 1892 г. губернские продовольственные совещания завершили свою работу. Был собран громадный фактический материал, позволявший в целом составить представление о наиболее уязвимых и требующих реформирования аспектах государственной продовольственной системы. Результатом анализа сведений, собранных на местах, явился новый Продовольственный устав. Однако ввиду многочисленных споров и дискуссий вокруг его принципов он остался действительным только на бумаге. А уже в 1893 г. правительством была собрана новая Комиссия для пересмотра продовольственных законоположений в составе ведущих государственных деятелей из различных министерств и ведомств. Ее председателем стал видный государственный деятель, товарищ министра внутренних дел, сенатор В.К. Плеве [9. Л. 1–1 об.]. В 1895 г. они завершили проект нового Продовольственного устава,

в котором пришли к заключению, что действующая продовольственная система, построенная на принципах самопомощи и реализуемая через организацию хлебных запасов и денежных капиталов, должна быть сохранена и впредь как «привычная, вошедшая в обиход российского крестьянства» [8. С. 205]. Комиссия признавала необходимость скорейшего пересмотра действующего Продовольственного устава с целью устранения многих недостатков его осуществления, выявленных на практике. Главным образом речь шла о деятельности земских учреждений, поскольку именно в их компетенции находилось продовольственное дело на местах.

В 1897–1898 гг. Россию постигли сильные неурожай и голод, уступавшие бедствию 1891–1892 гг. только обширностью охваченной неурожаем территории. Эти события вызвали новую волну общественных дискуссий вокруг реформирования системы продовольственного обеспечения населения. В связи с этим пролежавший «в столе» более четырех лет проект Продовольственного устава 12 марта 1899 г. был внесен на обсуждение в Государственный Совет. К тому времени он уже подвергся значительной переработке и отличался от прежних продовольственных правил. Принципиальные изменения касались порядка исполнения продовольственной повинности: продовольственный сбор распространялся на всех лиц, занимавшихся хлебопашеством, устанавливался денежный поземельный сбор и учреждались общественные запашки. Полномочия земств в заведовании продовольственным делом были существенно ограничены. Земские управы занимались лишь хозяйственными распоряжениями и делопроизводством продовольственных присутствий.

Согласно представлению Министерства внутренних дел, проект Продовольственного устава «должен был предупреждать лишь появление голода в населении и предусматривать меры по обсеменению полей, могущих в результате дать земледельцам средства к существованию из будущего урожая» [21. С. 20]. При этом И.Л. Горемыкин подчеркивал, что «никаких других задач при проектировании нового Устава Министерство внутренних дел не преследовало», что должно было снять вопросы относительно несовершенства его отдельных положений.

Однако в октябре 1899 г. в правительстве произошли кадровые перестановки, и главой Министерства внутренних дел стал Д.С. Сипягин. Проект Продовольственного устава, не дождавшись одобрения Государственного Совета, был передан для заключения ему и министру финансов С.Ю. Витте, вообще считавшему, что «в последние годы в положении продовольственного дела произошли существенные изменения», требующие очередного пересмотра продовольственных правил [22. С. 82].

В ноябре того же года С.Ю. Витте совместно с министром земледелия и государственных имуществ А.С. Ермоловым подвергли критике статьи проекта Устава, связанные с правилами хранения хлебных запасов, ответственностью сельского населения по продовольственным ссудам, общественными запашками и учреждениями, заведующими продовольственным

делом. Принципиальные возражения С.Ю. Витте и А.С. Ермолова вызывала сама хлебозапасная система, как «изымающая из товарного обращения несоразмерно большое количество хлеба». Вместе с тем министром финансов были сформулированы предложения по усовершенствованию механизма продовольственного обеспечения. Они заключались в уничтожении привычных натуральных и денежных запасов сельских обществ и замене их на общеимперский и губернские продовольственные капиталы.

При этом С.Ю. Витте осознавал, что система продовольственных капиталов в чистом виде могла применяться лишь к местностям, в которых были достаточно развиты пути сообщения, позволяющие в течение короткого времени доставить в нуждающиеся местности необходимое количество продовольствия. Пополнение продовольственных капиталов должно было происходить путем установления специального сбора, взыскиваемого по аналогии с государственными и земскими. При этом суды населению предполагалось выдавать хлебом, а не деньгами. Практика выдачи безвозвратных пособий прекращалась, а взыскание недоимок происходило деньгами соответственно заготовительной цене отпущенного хлеба. По мнению министра финансов, сохранение натуральных запасов было возможно лишь в количестве, необходимом для удовлетворения первой потребности и в тех местностях, где могли возникнуть затруднения в доставке хлеба.

Министерство внутренних дел во главе с Д.С. Сипягиным также внесло свои коррективы в проект Устава. При этом в письме, адресованном В.К. Плеве, С.Ю. Витте сообщает о полном согласии с министром внутренних дел по всем вопросам, как общим, так и частным, по существу продовольственных правил [11. Л. 245–246]. Вследствие этого согласия 30 января 1900 г. С.Ю. Витте и Д.С. Сипягин внесли в Государственный Совет общее представление с приложением нового проекта Продовольственного устава.

Проект Устава был одобрен и вступил в законную силу 1 января 1901 г. под общим названием «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей». Их выход знаменовал начало нового этапа в государственной продовольственной политике, который не предусматривал участие в ней органов местного самоуправления. Выбранная

правительством тактика в отношении совершенствования государственной продовольственной системы в целом и устранения от заведования продовольственным делом земских учреждений в частности еще раз свидетельствовала о его нежелании допускать к власти либеральную оппозицию. Правительство прекрасно осознавало, что желание губернских продовольственных совещаний относительно оставления в земских руках продовольственного обеспечения российской деревни выходит далеко за рамки собственно нравственных устремлений. Действительно, свою несостоятельность в решении продовольственных проблем земства объясняли как раз несовершенством своего институционального статуса и отсутствием политических прав. В этой ситуации, оглядываясь на опыт всего XIX в., правительство встало в позицию оправданного консерватизма, осознавая, что существующий политический режим позволяет ему принимать самостоятельные решения, не всегда считаясь с общественным мнением.

В то же время встает вопрос: кого в России конца XIX в. мы называем обществом? Чье мнение определял либеральный режим, выразителями которого выступали в том числе земские деятели? Так или иначе консерваторы, устранившие земства от продовольственного дела как одного из путей достижения политических прав, были убеждены в том, что для России самой верной формой правления является самодержавная монархия, и любой иной режим губителен для ее будущего. И, вероятно, они были правы, поскольку, как показали дальнейшие события российской истории, либеральная модель управления государством не работала. В этом отношении решение правительства об отстранении земских учреждений от продовольственной системы, возможно, вообще не было связано с желанием совершенствования этой самой системы, а носило исключительно политический характер. В целом правительственная кампания, организованная в последнее десятилетие XIX в. для пересмотра государственной продовольственной системы, оказалась неэффективной, а успех оптимизации продовольственного обеспечения населения зависел от улучшения экономического положения российского крестьянства и пересмотра базовых принципов государственной продовольственной политики.

Список источников

1. Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России. М.: Хронограф, 1998. 179 с.
2. Книга М.Д., Плаксин В.Н. Проблемы сельскохозяйственного производства и голод 1891–1892 гг. в России. Воронеж: Центр.-Черномор. кн. изд-во, 2000. 245 с.
3. Королева Н.Г. Основные направления хозяйственно-экономической деятельности земств в XIX – начале XX века // Земское самоуправление в России, 1864–1918. М.: Наука, 2005. С. 294–364.
4. Демина Ю.В. Голод 1891–1892 гг. в Екатеринбургском уезде: причины, последствия (на материалах журналов уездных земских собраний) // Одиннадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2015. С. 108–120.
5. Акульшин П.В. Голод 1891–1892 гг. в Рязанской губернии // История, философия, педагогика, психология, право: сб. науч. ст. с международным участием к 100-летию Российской революции 1917 г. Рязань: Союз социально активной молодежи «Созвездие», 2017. С. 7–12.
6. Батыршин Р.Р. Голод 1891–1892 гг. в Казанской губернии: причины и последствия // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории / отв. ред. А.Г. Иванов, А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2018. С. 257–263.
7. Robbins R.G. Famine in Russia. New York; London: Columbia University Press, 1975. 259 p.
8. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1909. Т. 1. 599 с.
9. По пересмотру правил о народном продовольствии. Ч. 1 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2160.
10. По пересмотру правил о народном продовольствии. Ч. 2 // РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2161.
11. По пересмотру правил о народном продовольствии. Ч. 3 // РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2162.
12. Записки и статьи разных лиц о проектах переустройства продовольственного дела в России // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 79.

13. Инструкция волостным продовольственным комитетам, записи и письма разных лиц Плеве В.К. и другим лицам о положении в губерниях, пострадавших от неурожая и об оказании им помощи // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 70.
14. Записки разных лиц Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности о мерах, необходимых для подъема сельского хозяйства в России // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 417.
15. Записка генерал-адъютанта Рихтера о причинах неурожая в России // ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 426.
16. Сухоплюев И.К. Почему продовольственное дело было изъято из ведения земства? Чернигов : тип. Губ. земства, 1906. 38 с.
17. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб. : Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 2. 703 с.
18. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. : исторический очерк. Москва : Задруга, 1917. 120 с.
19. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 442 с.
20. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел : Орлик, 2011. 487 с.
21. Филимонов В.Я. «Новый продовольственный закон» : пособие к применению Временных правил 1900 г. по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей. М. : Ф.В. Бусыгин, 1902. 177 с.
22. Рогожина А.С. С.Ю. Витте и продовольственный вопрос в России // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 75–88.

References

1. Zhukova, L.A. (1998) *Zemskoe samoupravlenie i byurokratiya v Rossii* [Zemstvo self-government and bureaucracy in Russia]. Moscow: Khronograf.
2. Kniga, M.D. & Plaksin, V.N. (2000) *Problemy sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva i golod 1891–1892 gg. v Rossii* [Problems of agricultural production and the famine of 1891–1892 in Russia]. Voronezh: Tsent.-Chernozem. kn. izd-vo.
3. Koroleva, N.G. (2005) Osnovnye napravleniya khozyaystvenno-ekonomicheskoy deyatel'nosti zemstv v XIX – nachale XX veka [Main directions of economic activity of zemstvos in the 19th – early 20th centuries]. In: *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918* [Zemstvo self-government in Russia, 1864–1918]. Moscow: Nauka. pp. 294–364.
4. Demina, Yu.V. (2015) Golod 1891–1892 gg. v Ekaterinburgskom uезде: prichiny, posledstviya (na materialakh zhurnalov uездnykh zemskikh sobraniy) [Famine of 1891–1892 in the Yekaterinburg district: Causes, consequences (based on the materials of the journals of district zemstvo assemblies)]. *Odinadtsatye Tatishchevskie chteniya* [The Eleventh Tavrda Readings]. Ekaterinburg: UMTs UPI. pp. 108–120.
5. Akulshin, P.V. (2017) Golod 1891–1892 gg. v Ryazanskoj gubernii [The Famine of 1891–1892 in the Ryazan Province]. In: *Istoriya, filosofiya, pedagogika, psikhologiya, pravo* [History, Philosophy, Pedagogy, Psychology, Law]. Ryazan: Union of Socially Active Youth “Sozvezdie.” pp. 7–12.
6. Batyrshin, R.R. (2018) Golod 1891–1892 gg. v Kazanskoj gubernii: prichiny i posledstviya [The Famine of 1891–1892 in the Kazan Province: Causes and Consequences]. In: Ivanov, A.G. & Ivanov, A.A. (eds) *Rossiyskoe krest'yanstvo i sel'skoe khozyaystvo v kontekste regional'noy istorii* [Russian Peasantry and Agriculture in the Context of Regional History]. Yoshkar-Ola: Mari State University. pp. 257–263.
7. Robbins, R.G. (1975) *Famine in Russia*. New York; London: Columbia University Press.
8. Ermolov, A.S. (1909) *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros* [Our crop failures and the food issue]. Vol. 1. St. Petersburg: V. Kirshbaum.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po peresmotru pravil o narodnom prodovol'stvii* [To revise the rules on national food]. Vol. 1. Fund 1287. List 4. File 2160.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po peresmotru pravil o narodnom prodovol'stvii* [To revise the rules on national food]. Vol. 2. Fund 1287. List 4. File 2161.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). *Po peresmotru pravil o narodnom prodovol'stvii* [To revise the rules on national food]. Vol. 3. Fund 1287. List 4. File 2162.
12. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Zapiski i stat'i raznykh lits o proektakh pereustroystva prodovol'stvennogo dela v Rossii* [Notes and articles by various persons on projects for the reorganization of food supplies in Russia]. Fund 586. List 1. File 79.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Instruktsiya volostnym prodovol'stvennym komitetam, zapisi i pis'ma raznykh lits Pleve V.K. i drugim litsam o polozhenii v guberniyakh, postradavshikh ot neurozhaya i ob okazanii im pomoshchi* [Instructions to volost food committees, notes and letters by various persons to V.K. Plehve and other persons on the situation in the provinces affected by crop failure and on providing them with assistance]. Fund 586. List 1. File 70.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Zapiski raznykh lits Osobomu soveshchaniyu o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti o merakh, neobkhodimyykh dlya pod"ema sel'skogo khozyaystva v Rossii* [Notes by various persons to the Special Conference on the needs of the agricultural industry on measures necessary to boost agriculture in Russia]. Fund 586. List 1. File 417.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Zapiska general-ad'yutanta Rikhtera o prichinakh neurozhaev v Rossii* [Note by Adjutant General Richter on the Causes of Crop Failures in Russia]. Fund 586. List 1. File 426.
16. Sukhopyuev, I.K. (1906) *Pochemu prodovol'stvennoe delo bylo iz'yato iz vedeniya zemstva?* [Why Was the Food Matter Removed from the Zemstvo Jurisdiction?]. Chernigov: tip. Gub. zemstvo.
17. Veselovskiy, B.B. (1909) *Istoriya zemstva za sorok let* [History of the Zemstvo for Forty Years]. Vol. 2. St. Petersburg: O.N. Popova.
18. Kizevetter, A.A. (1917) *Mestnoe samoupravlenie v Rossii IX–XIX st.: istoricheskiy ocherk* [Local Self-Government in Russia in the 9th–19th Centuries: A Historical Essay]. Moscow: Zadruha.
19. Zayonchkovskiy, P.A. (1970) *Rossiyskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)* [Russian autocracy in the late 19th century (political reaction of the 1980s – early 1990s)]. Moscow: Mysl'.
20. Minakov, A.S. (2011) *Gubernatorskiy korpus i tsentral'naya vlast': problema vzaimootnosheniy (po materialam guberniy Chernozemnogo tsentra vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.)* [The governor's corps and the central government: the problem of relationships (based on the materials of the provinces of the Black Earth Center of the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ore: Orlik.
21. Filimonov, V.Ya. (1902) *“Novyy prodovol'stvennyy zakon”: posobie k primeneniyu Vremennykh pravil 1900 g. po obespecheniyu prodovol'stvennykh potrebnoy sel'skikh obyvatel'ey* [“New Food Law”: a guide to the application of the Provisional Rules of 1900 to meet the food needs of rural residents]. Moscow: F.V. Busygin.
22. Rogozhina, A.S. (2016) S.Yu. Vitte i prodovol'stvennyy vopros v Rossii [S.Yu. Witte and the food issue in Russia]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 75–88.

Сведения об авторе:

Рогожина Ангелина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (Орел, Россия). E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rogozhina Angelina S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Orel State University (Orel, Russian Federation). E-mail: rogozhinaas@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 25.01.2022; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/19988613/93/9

Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Люблинской губернии по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Юрий Владимирович Семенов

Томский государственный университет, Томск, Россия, semen_sbp@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается национальный состав вооруженных сил и казачьих войск Российской империи в Люблинской губернии по результатам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. для выявления зависимости дислокации, мест проживания, несения военной службы воинских соединений от их национального состава и особенностей местного населения. Этот типичный приграничный регион империи позволяет наметить общие принципы размещения войск по границам государства.

Ключевые слова: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., вооруженные силы, войсковые казаки, Привислинский край, Люблинская губерния

Для цитирования: Семенов Ю.В. Этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в Люблинской губернии по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 74–79. doi: 10.17223/19988613/93/9

Original article

The ethnic composition and features of the deployment of military formations in the Lublin province according to the results of the First General population census of the Russian Empire in 1897

Yuri V. Semenov

Tomsk State University, Tomsk, Russia, semen_sbp@rambler.ru

Abstract. This report continues the research on the ethnic and national composition of the Armed Forces and Cossack formations of the Russian Empire according to the results of the First All-Russian Census of 1897, this issue has been little studied both in pre-revolutionary Russian historiography and in subsequent works by historians of the Soviet and post-Soviet period. The purpose of this study is to show the ethnic (national) composition of the armed forces and Cossack troops of the Russian Empire in the Lublin province based on the results of the First General Population Census of 1897; An attempt has been made to identify patterns and cause-and-effect relationships (dependence of dislocation, places of residence, military service on their national composition and socio-political qualities and characteristics of the local population). Also, the goal is not only show the management system of national policy in the military sphere of tsarist Russia, but also to preliminarily analyze the causes of its occurrence using the example of the western Lublin province.

The analysis of the data obtained from the 1897 census makes it possible to fully assess the dependence of the national composition of army and Cossack units in the territory of the Lublin province on deployment in accordance with operational plans and plans for the strategic deployment and mobilization of the General Staff of the Russian Empire.

The Lublin province was one of the administrative fragments of the Kingdom of Poland, which was actually transformed after the Polish uprising of 1863-64 into one of the 10 provinces of the Privilinsky Region with an external border – Austria. Rather mild climate, fertile lands, abundance of water resources and the colossal centuries-old habitation of the province territory contributed to the formation of a multi-confessional, Europeanized in cities and historically stable Russophobic society. It was characterized by fairly well-developed road network (including a railway) and a water network with 10 counties, a high population density of 78.49 people per square mile.

Favorable conditions for the population and a high level of well-being, coupled with a high percentage of literacy - 50.4% and the border with Austria, preserved and "warmed up" Greater Poland sentiments. The national composition of the province is typical for the Privilinsky region and differs only in a fairly large percentage of Little Russians and Jews, which is explained by the historical proximity to Volhynia and the assimilation policy of Poland in the "sovereign" years (lack of a residence permit, free religion, etc.). So, at the time of the provincial census, the total population was 1160,662 people, of whom the share of Poles was 62.86%, Great Russians – 4.1%, Little Russians – 16.93%, Jews – 13.4%.

The tables below have distributed quantitative indicators for the categories the author is considering:

- according to the armed forces: the total number of the population in the provinces, the number of amateur ("leading an independent household") men (in the armed forces and in the Cossacks in the "combat" number at that time, only men were taken into account) of the population, members of their families of both sexes, the percentage ratio for comparative analysis-the indicator of the share of the armed forces of the total the amateur population of the province;

- for military Cossacks: the Cossack population of men and women, the total number of the Cossack population and the percentage ratio for comparative analysis-the indicator of the share of the Cossack population not from the amateur male population, but from the total population of the province (since the tables did not indicate amateur military Cossacks, but only male and female population – that is, calculate the number Cossacks of military age is not possible).

The Lublin province was part of the Warsaw Military District - the largest, most staffed, and best equipped of all the districts of the empire. The commanders of the district's troops usually consisted of Warsaw governors-general at the same time. The situation in the Lublin province in the counties bordering Austria, as mentioned above, in the sphere of national relations and historical memory of the population, was not easy - Germans lived on these lands, following the Great Russians in number, historically immigrants from the border areas of Austria and Prussia – 2.5% of the population of the province, which also caused tension in the social sphere and socio-political life.

Thus, the national composition of the troops in the province and in general in the Privilinsky region (Warsaw military district) fully corresponds to the described situation. All staffing on a national basis was carried out based on the provisions of the Charter on Military Service of 1874 (the draft of 1896-97 was analyzed in detail and scheduled up to each military district by province, nationality, religion and estates in the materials of the annual report of the Ministry of War to the Head of State).

In our case, the territory of all the Privilinsky provinces was considered by St. Petersburg as extremely unstable and dangerous from the point of view of the internal political situation, as well as from a military-strategic point of view, based on Plans for strategic deployment against possible actions of the opposing border countries (Austria). Hence there was large number of troops in the province (the fifth largest in the Russian Empire) and the high density of deployment of armed formations in the province near the border. All of the above factors were completely natural for the internal policy of the Russian Empire in terms of ensuring its security from external and internal threats.

Keywords: The First general population census of the Russian Empire in 1897, armed forces, military Cossacks, Privilinsky Krai, Lublin province

For citation: Semenov, Yu.V. (2025) The ethnic composition and features of the deployment of military formations in the Lublin province according to the results of the First General population census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 74–79. doi: 10.17223/19988613/93/9

Настоящая публикация продолжает исследование по теме этнического и национального состава вооруженных сил и казачьих формирований Российской империи по результатам Первой всероссийской переписи 1897 г.

Анализ данных, полученных по материалам переписи 1897 г., позволяет в полной мере оценить определенную зависимость национального состава армейских и казачьих частей на территории Люблинской губернии от дислокации в соответствии с оперативными планами и планами стратегического развертывания и мобилизации Генерального штаба Российской империи.

Сама по себе Люблинская губерния – один из административных фрагментов Царства Польского, фактически преобразованный после польского восстания 1863–1864 гг. в одну из 10 губерний Привислинского края с внешней границей с Австрией [1]. После преобразования в губернию вошли части Люблинского, Руссакого, Бельзского (часть Галиции) и Сандомирского воеводств Царства Польского (с 1866 г.) и Речи Посполитой (до первого раздела Польши 1772 г.). Достаточно мягкий климат, плодородные земли, обилие водных ресурсов и колоссальная многовековая обжитость территории губернии способствовали формированию разноконфессионального, европеизированного в городах и исторически устойчивого русофобского общества.

Достаточно хорошо развитая дорожная (в том числе и железная дорога) и водная сеть с 10 уездами, вы-

сокая плотность населения – 78,49 чел. на кв. версту (для сравнения: Московская и Киевская губернии – по 83,14 чел. на кв. версту, Петроковская губерния – 130,43, Томская губерния (самая густонаселенная в Сибири) – 2,59 чел. на кв. версту). В губернии был большой для среднероссийского уровня показатель городского населения – 13,89% [2]. Благоприятные условия для населения и сравнительно высокий уровень благосостояния вкупе с высоким процентом грамотности – 50,4%, границей с Австрией и вышеопи-санной историей создания губернии сохраняли и «подогревали» великопольские настроения. Местных уроженцев в губернии было 81,7%, уроженцев же других губерний – 7,9%, в основном это были военнос-лужащие и казаки с членами семей (Тамбовская, Волын-ская и Рязанская губернии, Область Войска Донского) [3. С. IV–V].

Национальный состав губернии типичен для При-вислинского края и отличается лишь достаточно большим процентом малороссов и евреев, что объяс-няется историческим соседством с Волынью и асси-милиационной политикой Польши в «суверенные» годы (отсутствие ценза на проживание, свободное вероис-поведание и пр.). Так, на момент переписи по губер-нии общее население составляло 1 160 662 человек, из них доля поляков составляла 62,86%, великорусов – 4,1%, малороссов – 16,93%, евреев – 13,4%. «Распре-деление этих народностей отдельно по городам и по уездам без городов представляется несколько в ином виде: большая разница в расселении по губернии евре-

ев: в городах евреи составляют половину всех жителей (45,55%), а в уездах и местечках только 8,24%. Малороссы, наоборот, населены в уездах (18,89%), чем в городах (4,86%). Великорусы, наибольшая часть которых состоит в войсках, расположенных в городах, составляют 16,25% городских жителей и только 2,19% – деревенских. Также в религиозном составе населения губернии замечается преобладание римско-католиков – 68%, затем православные – 21,27%, и иудеи – 8,68%. Большинство поляков – католики, великорусов и малороссов – православные, из иудеев – 0,3% христиане – все военнослужащие...» [3. С. VII–XII].

В таблицах, составленных по результатам переписи, представлены распределенные количественные показатели по рассматриваемым мной категориям:

– **по вооруженным силам:** общее количество населения по губерниям, количество самостоятельного («ведущего самостоятельное хозяйство») мужского (в вооруженных силах) населения, члены их семейств обоих полов, процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли вооруженных сил от общего самостоятельного населения губернии;

– **по войсковым казакам:** казачье население мужского и женского пола, общее количество казачьего населения (в казачестве в «боевую» численность на то время учитывались только мужчины служивых возрастов и категорий) и процентное соотношение для сравнительного анализа-показателя доли казачьего населения не от самостоятельного мужского населения, а от общего населения губернии (так как в таблицах не указывались самостоятельные войсковые казаки, а только мужское и женское население, то вычислить число казаков служивых возрастов не представляется возможным).

Данные по вооруженным силам взяты из таблицы XXII Люблинского губернского тома переписи «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании знания родного языка» [3. С. 162–225]; данные по войсковым казакам взяты из таблицы XXIV губернских томов переписи «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [3. С. 236–251]. И по вооруженным силам, и по войсковым казакам все цифры выбираются по национальностям, которые присутствуют в графах: «вооруженные силы» – таблица XXII, «войсковые казаки» – таблица XXIV (в том числе члены семей и женский пол казачьего населения). Сравнительный анализ-показатель доступен для каждой национальности по обоим видам военного населения и членов семей как внутри любой группы, так и в общих губернских показателях. Для проверки показателей в общем по губернии в случае возможных расхождений использовались таблицы Люблинского губернского тома переписи, а именно: таблица I «Наличное население и постоянное» [3. С. 4–5], таблица VIII «Распределение населения по сословиям (по городам и уездам)» [3. С. 52–53], таблица XXI «Распределение населения по группам занятий» [3. С. 154–161]. Доля арифметических ошибок и ошибок форматирования достаточно велика, поэтому основные расчеты делаются только по таблицам XXII и XXIV губернских томов.

К сожалению, могут быть также и мои личные ошибки при подсчетах, так как качество печатных знаков архивных материалов, в большинстве оцифрованных, нечеткое, в особенности в цифрах; шрифты Эфрон&Брокгауз не могут дать уверенность в правильности подсчета, особенно после запятой. Однако показатели состояния населения Российской империи по всем параметрам, в частности по национальному (этническому) составу и размещению вооруженных формирований и казачьих войск в период 1897–1905 гг., полностью достоверны, что и подтверждается постоянно проводимыми мной при работе с архивными источниками сравнительными проверками количественных показателей из разных источников (например, ежегодные Всеподданнейшие отчеты Морского и Военного Министерств на имя Императора Всероссийского).

Состав и дислокация вооруженных сил России на территории Люблинской губернии (Варшавский военный округ) по состоянию на 1897 г. по отчетам военных ведомств [4] таковы:

Вооруженные силы

Всего в губернии – 37 298 чел., членов семейств военнослужащих – 1 998 чел.

По местам основной дислокации, составу и предназначению:

1. Город Люблин, Люблинский уезд – штаб 14-го Армейского корпуса, штаб 17-й пехотной дивизии, штаб 18-й пехотной дивизии и 1-й пехотной бригады этой же дивизии с 69-м Рязанским Генерал-Фельдмаршала Князя Александра Голицина пехотным полком.

2. Город Замостье, Замостский уезд – штаб 2-й пехотной бригады 17-й пехотной дивизии с 67-м Тарутинским Великого Герцога Ольденбургского пехотным полком и с 68-м Бородинским Императора Александра III лейб-пехотным полком.

3. Город Янов, Яновский уезд – 70-й Рязский пехотный полк 18-й пехотной дивизии.

4. Город Холм, Холмский уезд – штаб 1-й пехотной бригады 17-й пехотной дивизии с 65-м Его Величества пехотным полком и 66-м Бутырским пехотным полком.

5. Посад Ново-Александрия, Ново-Александрыйский уезд – штаб 2-й пехотной бригады 18-й пехотной дивизии с 71-м Билевским пехотным полком и с 72-м Тульским пехотным полком.

6. Город Грубешов, Грубешовский уезд – 20-й Ольвиопольский драгунский полк 7-й кавалерийской дивизии.

7. Город Томашев, Томашевский уезд – Томашевская бригада Отдельного корпуса Пограничной стражи (ОКПС), Калишского таможенного округа.

При средней штатной численности пехотного полка мирного времени 2-, 3-батальонного состава до 2 000 человек при 80–100 офицерах.

При средней штатной численности кавалерийского полка мирного времени 6-эскадронного состава до 1 100 человек при 30–40 офицерах.

Отдельный корпус Пограничной стражи по роду войск, званиям и принадлежности по службе считался «от кавалерии» [5. С. 35]. Бригада ОКПС приравнялась к кавалерийскому полку.

Казачье население (войсковые казаки, в том числе соединения и части)

Всего в губернии – 3 504 чел. населения с учетом 53 женщин.

Наибольшее количество войсковых казаков сосредоточено по местам размещения своих частей и подразделений, а также несения службы в Белгородском, Замостском, Томашевском и Яновском уездах.

По основной дислокации, составу и предназначению:

1. Город Томашев, Томашевский уезд – штаб 2-й кавалерийской бригады 1-й Донской казачьей дивизии с 15-м Донским казачьим полком.

2. Город Белгорай, Белгорайский уезд – 13-й Донской казачий полк.

3. Город Замостье, Замостский уезд – штаб 1-й Донской казачьей дивизии, штаб 1-й кавалерийской бригады с 10-м Донским казачьим полком.

4. Город Янов, Яновский уезд – 9-й Донской казачий полк.

При средней штатной численности казачьего полка 6-сотенного (дивизионного) состава мирного времени до 1 000 человек при 30–35 офицерах.

Общие данные подсчетов по вооруженным силам и казакам приведены в таблице.

Национальный состав вооруженных сил и казаков Российской империи, Люблинская губерния по данным переписи 1897 г.

Округа, города и национальный состав (по знанию родного языка и группам языков)	Население все	Самодельное мужское население	Из них вооруженные силы и формирования (в том числе казаки)							
			Военнослужащие			Войсковые казаки				
			Военно-служащие	Члены семейства	Военнослужащие % от самодельного мужского населения	Казачье население, в том числе			Казачье население в % от всего населения	
						муж.	жен.	всего		
По губернии в целом	1 160 662	270 965	37 298	1 998	13,76	3 451	53	3 504	0,30	
Русские в том числе	великорусский	47 912	31 414	25 034	1 602	79,69	3 216	30	3 246	6,77
	малорусский	196 476	41 398	5 264	39	12,72	176	9	185	0,09
	белорусский	525	259	174	2	67,18	1		1	0,19
Польский и остальные славяне (чехи и пр.)	729 529	154 069	717	249	0,47	12	14	26	0,00	
Литовско-латышские	284	240	195	2	81,25					
Романские (молдаване и пр.)	561	500	495	5	99,00					
Немецкий и остальные германские	25 398	5 707	143	34	2,51	1		1	0,00	
Остальные индоевропейские	149	66	19	3	28,79					
Еврейский	155 398	33 940	2 439	93	7,19	1		1	0,00	
Картвельские	3	3	3		100,00					
Кавказских горцев	4	2	1		50,00					
Финские (эсты, мордва и пр.)	2 659	2 652	2 206	68	83,18	2		2	0,08	
Турецко-татарские (татары и пр.)	524	430	463		107,67	1		1	0,19	
Монголо-бурятские	43	40	40	3	100,00	41		41	95,35	
Северных племен	1	1	1		100,00					
Не указавшие языка	126	71	50		70,42					

Примечание. В начале таблицы XXII присутствуют представители языковых групп: литовско-латышской, картвельской и кавказских горцев, а также северных племен, однако ни в одной таблице тома по уездам и городам их нет в указанных количествах. Уточнить их количество по уездам и городам не представляется возможным, поэтому их количество, скорее всего, входит в графу «Прочие» и «Не указавшие народности», других вариантов, даже в арифметическом счислении, нет. Однако поуздно появляются «Прочие» и «Не указавшие народности / языка», которые в сумме поуздно практически сравнивают количественный результат по военным служащим (расхождение по подсчетам не составляет большой цифры: по каждому уезду не более 10 человек – менее 0,01% в целом), не влияет на общий результат и не меняет тенденцию по национальному комплектованию. Разница по военным служащим по разным таблицам и частям таблиц в губернии – 48 человек, что составляет приблизительно 0,12% и не входит даже в статистическую погрешность.

Люблинская губерния входила в Варшавский военный округ – самый большой, укомплектованный, оснащенный лучше всех округов империи. Командующие войсками округа обычно одновременно состояли Варшавскими генерал-губернаторами. «Уже издавна этот округ считался передовым в русской армии в смысле военно-теоретической работы... Офицеры округа могли регулярно обмениваться мнениями по вопросам военного дела, чему способствовало наличие единственного в русской армии особого собрания офицеров Генерального штаба. Здесь происходили доклады, военные игры, дружеские встречи. При штабе округа издавался небольшой военный журнал. Выходила и своя газета «Офицерская жизнь», причем

взгляды ее на тактические и оперативные вопросы военного дела, как отмечал Б. Шапошников, не совпадали со взглядами «Русского инвалида» и «Военного сборника», отличавшихся консерватизмом» [6]. Округ руководствовался Планом стратегического развертывания 1890 г. и мобилизационным предписанием № 17 1897 г. императорского Генерального штаба, по которым войскам, в том числе и расквартированным в Люблинской губернии, рубеж развертывания главных сил Северо-Западной (Неманской) армии был вынесен на левый берег Немана, на линию Кальвария, Сувалки, Августов. Отрядом, расположенным у Августова, она сближалась с Белостокским отрядом Западной (Привислинской) армии. Частный резерв ее (две

резервные дивизии) сосредоточивался у Вильно. Такое изменение, сблизившее районы расположения двух армий, обращенных в сторону Германии, позволило снова (в 1897 г.) перенести сосредоточение общего резерва от Вельска к Бресту, т.е. ближе к австрийско-му фронту [7. С. 60–96].

Обстановка в Люблинской губернии в уездах, граничащих с Австрией, как было сказано выше, в сфере национальных отношений и исторической памяти населения была непростая. «Нужно помнить, что мы жили на окраине [государства] среди польского, в большинстве враждебного населения...» – писал А.А. Брусиллов [8. С. 43]. Кроме того, на этих землях проживали немцы, следующие по численности после великороссов, исторически выходцы из приграничных районов Австрии и Пруссии – 2,5% населения губернии, что тоже вызывало напряжение в социальной и общественно-политической жизни.

Таким образом, национальный состав войск в губернии и в целом по Привислинскому краю (Варшавскому округу) полностью соответствует описываемой ситуации. Все укомплектование по национальному признаку производилось, исходя из положений Устава о воинской повинности 1874 г. (призыв 1896–1897 гг. подробно проанализирован и расписан вплоть до каждого военного округа по губерниям, национальностям, вероисповеданию и сословиям в материалах ежегодного отчета Военного министерства Главе государства [9]). Вооруженные силы по процентному составу военных формирований (совместно с членами семейств): великорусские – 68%, малороссы – 12%, евреи – 6%, мордва и прочие – 5,9%, поляки – 0,5% от общего числа военного населения. Малороссы в составе вооруженных сил в губернии – призывники не из местных бывших польских губерний, а из российской Малороссии. Даже распределение солдат-евреев по воинским частям приходится на уезды с наименьшим процентом еврейского населения [10].

Основная масса войск дислоцировалась в крупных и уездных городах, в двух эшелонах в глубину от границы с Австрией: I линия – Янов, Белгорай, Томашев; II линия – Замостье, Красноштан, Грубешев, Холм. Это подтверждается расположением штабов и органов военного управления (г. Люблин).

Набор и количество вооруженных формирований – 13,76% от населения губернии и развернутые по мирным штатам, а не резервные или местные части – позволял держать ситуацию под контролем властей. Кроме того, наличие Томашевской пограничной бригады, (что было не в каждой губернии Привислинского края) позволяло обеспечить контроль и охрану границы. В комплектовании Отдельного Корпуса Пограничной

стражи законодательно применялось правило службы «как можно далее от родных мест и особо благонадежных» [11]. В губернии были дислоцированы следующие казачьи части – 9-й, 10-й, 13-й и 15-й Донские казачьи полки. Национальный состав казачьего населения в губернии (только служилые казаки и семьи) типичен для Донского казачества: основная масса – великорусы (91,5%), с небольшим количеством малороссов (7,5%), монголо-буряты (калмыки) – 1,5%, 0,5% остальных славян (поляков, сербов, словаков, в том числе члены семей), что обусловлено местом призыва из различных по этническому составу отделов Области Войска Донского [12]. Кроме того, исторически именно донские казачьи полки совместно с Запорожской Сечью воевали еще с XVI в. с Речью Посполитой, участвовали во всех русско-польских войнах и подавляли все три польских мятежа.

Состав (соотношение мужского и женского родов) и численность семейств говорит о том, что это в основном семьи командного (кадрового) состава (офицеров и некоторых унтер-офицеров, которые могли позволить себе по закону обзаводиться на службе семьями и, самое главное, – материально содержать их) [13. С. 533–544].

На основе анализа сведений о военном населении Люблинской губернии можно сделать вывод, что этнический состав и особенности дислокации воинских формирований в ней являются классическим для Привислинских губерний Российской империи и войск Варшавского военного округа. Отсутствие численного и экономического доминирования титульного этноса – русских, исторические традиции местного населения и менталитет не предусматривали по самому своему наличию лояльность к власти на фоне явной внешней военной угрозы и реваншистских настроений. Поэтому, в том числе и на основании вышеназванных причин, планировалось количество войск и казачества, их национальный состав, ключевые пункты дислокации на территории Люблинской губернии.

Территория всех Привислинских губерний рассматривалась Петербургом как крайне нестабильная и опасная с точки зрения внутривосточной обстановки и в военно-стратегическом отношении, исходя из планов стратегического развертывания на основании возможных действий пограничных стран-противников (Австрия). Отсюда – большое количество войск в губернии (пятое по численности в Российской империи) и высокая плотность дислокации вооруженных формирований по губернии у границы. Все вышеперечисленные факторы являлись совершенно естественным для внутренней политики Российской империи с точки зрения обеспечения своей безопасности от внешних и внутренних угроз.

Список источников

1. Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб.: Тип. «Бережливость», 1913. 286 с.
2. Мордасова А.С. Население Российской империи по данным всеобщей переписи населения 1897 г. // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2023. № 3 (50). С. 117–120.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. LV: Люблинская губерния. XII, 260 с.
4. Краткое расписание сухопутных войск : исправлено на 1 мая 1896 г. СПб.: Военная тип., 1896. 132 с.
5. Вестник русской конницы. 1911. 28 февр. № 4.

6. Киселев А.Н. Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы Великой Отечественной войны. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kiselev-a-n/polkovodci-i-voenachaljniki-velikoj-otechestvennoj-2/1> (дата обращения: 20.09.2024).
7. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М. : Наука, 1976. 387 с.
8. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Посмертное изд. М. : Гос. изд-во, 1929. 249 с.
9. Всеподданнейший отчет военного министерства за 1897 год. СПб. : Военная тип., 1899. 1316 с.
10. Лапин В.В. Армия империи – империя в армии: организация и комплектование Вооруженных Сил России в XVI – начале XX вв. // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 109–140.
11. Парсуков В.А. Комплектование Отдельного корпуса пограничной стражи российской империи нижними чинами // *Юридическая наука*. 2014. № 1. С. 24–28.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. XII: Область Войска Донского, 255 с.
13. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи в XIX – в начале XX века. М. : Новый хронограф, 2010. 752 с.

References

1. Ryabchenko, A.E. (1913) *Rossiia. Geograficheskoe opisaniie Rossiiskoy imperii po guberniyam i oblastyam s geograficheskimi kartami* [Russia. Geographical description of the Russian Empire by provinces and regions with geographical maps]. St. Petersburg: Berezhlivost'.
2. Mordasova, A.S. (2023) *Naselenie Rossiiskoy imperii po dannym vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g.* [Population of the Russian Empire according to the general population census of 1897]. *Studencheskiy elektronnyy zhurnal "StRIZh,"* 3(50). pp. 117–120.
3. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoy Imperii 1897 g.* [The first general population census of the Russian Empire of 1897]. Vol. LV. St. Petersburg: [s.n.].
4. Russia. (1896) *Kratkoe raspisanie sukhoputnykh voysk: ispravleno na 1 maya 1896 g.* [Brief description of ground forces: corrected as of May 1, 1896]. St. Petersburg: Voennaya tip.
5. *Vestnik russkoy konnitsy.* (1911) 28th February.
6. Kiselev, A.N. (n.d.) *Marshal Sovetskogo Soyuza Boris Shaposhnikov* [Marshal of the Soviet Union Boris Shaposhnikov]. [Online] Available from: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kiselev-a-n/polkovodci-i-voenachaljniki-velikoj-otechestvennoj-2/1> (Accessed: 20th September 2024).
7. Rostunov, I.I. (1976) *Russkiy front Pervoy mirovoy vojny* [Russian Front of the First World War]. Moscow: Nauka.
8. Brusilov, A.A. (1929) *Moi vospominaniya. Posmertnoe izd* [My Memories. Posthumous edition]. Moscow: Gos. izd-vo.
9. Ministry of War, Russia. (1899) *Vsepoddanneyshey otchet voennogo ministerstva za 1897 god* [The most humble report of the Ministry of War for 1897]. St. Petersburg: Voennaya tip.
10. Lapin, V.V. (2001) *Armiya imperii – imperiya v armii: organizatsiya i komplektovanie Vooruzhennykh Sil Rossii v XVI – nachale XX vv.* [The army of the empire – the empire in the army: the organization and staffing of the Armed Forces of Russia in the 16th – early 20th centuries]. *Ab Imperio*. 4. pp. 109–140.
11. Parsukov, V.A. (2014) *Komplektovanie Otdel'nogo korpusa pogranichnoy strazhi rossiiskoy imperii nizhnimi chinami* [Staffing of the Separate Corps of Border Guards of the Russian Empire with lower ranks]. *Yuridicheskaya nauka*. 1. pp. 24–28.
12. Troynitsky, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoy Imperii 1897 g.* [The first general census of the Russian Empire in 1897]. Vol. XII. St. Petersburg: [s.n.].
13. Ivanova, N.A. & Zheltova, V.P. (2010) *Soslovnnoe obshchestvo Rossiiskoy imperii v XIX – v nachale XX veka* [Class society of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Novyy khronograf.

Сведения об авторе:

Семенов Юрий Владимирович – соискатель кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Semenov Yuri V. – Candidate of the degree of Candidate of Historical Sciences of the Department of Russian History Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: semen_sbp@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 30.09.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 908

doi: 10.17223/19988613/93/10

Деятельность Императорского Института слепых (1807–1868 гг.) – первого специализированного учебного заведения для слепых в Российской империи

Никита Сергеевич Скляренко

Томский государственный университет, Томск, Россия, Nik_sklyarenko@mail.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность Императорского Института слепых в составе Министерства народного просвещения и Императорского человеколюбивого общества, а также особенности его функционирования в периоды правления императоров Александра I и Николая I. Сделан вывод, что в зависимости от общественно-настроения и политики правительства на Институт возлагались различные функции: учебное заведение для слепых, затем богадельня и вновь школа. Только общественный подъем на фоне либеральных реформ Александра II окончательно разрешил дискуссию, связанную со смыслом и предназначением Института слепых как учебного заведения.

Ключевые слова: благотворительность, инклюзия, образование

Для цитирования: Скляренко Н.С. Деятельность Императорского Института слепых (1807–1868 гг.) – первого специализированного учебного заведения для слепых в Российской империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 80–85. doi: 10.17223/19988613/93/10

Original article

Activities of the Imperial Institute for the Blind (1807–1868) – the first specialized educational institution for the blind in the Russian Empire

Nikita S. Sklyarenko

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Nik_sklyarenko@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to examine the activities of the Imperial Institute of the Blind as part of the Ministry of Public Education and the Imperial Humane Society. In addition, an analysis of the features of its functioning during the reign of Emperors Alexander I and Nicholas I is carried out – the period of the emergence of specialized education for the blind in the Russian Empire. Published and unpublished sources were used in conducting the research. The unpublished sources include the funds of the Russian State Archive (RGIA). The published sources of the study were reports on the activities of the Imperial Humane Society of different years. It is worth noting that the period of the reign of Alexander I in the life of the Institute is associated with the formation and flourishing of this educational institution. With the support of the talented typhlopedagogue Valentin Haüy, the Institute of the Blind has initially set itself the task of socializing people with special needs (the blind) into society. Therefore, the Institute taught not only the basic general educational subjects of that time, singing and music, but also tried to teach crafts that were feasible for the blind (basket making and brush making). However, the situation changed after the accession to the throne of Nicholas I, when there was a gradual reduction in funding, a cut in the educational program and a gradual transfer of the Institute to the actual category of almshouses. Thus, in the course of the study, the author comes to the conclusion that, depending on the public mood and government policy, the Institute was assigned various functions: an educational institution for the blind, then an almshouse, and again a school for the blind. Only the social upsurge against the backdrop of the liberal reforms of Alexander II finally resolved the debate related to the meaning and purpose of the Institute for the Blind in society.

Keywords: charity, inclusion, education

For citation: Sklyarenko, N.S. (2025) Activities of the Imperial Institute for the Blind (1807– 1868) – the first specialized educational institution for the blind in the Russian Empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 80–85. doi: 10.17223/19988613/93/10

В последнее время вопросу деятельности государственных благотворительных организаций уделяется большое внимание. Особенно это касается деятельности Императорского человеколюбивого общества – одного из крупнейших и долго функционирующих (1816–

1917) благотворительных ведомств под покровительством дома Романовых. Однако стоит отметить, что изучавшиеся ранее вопросы, касающиеся Общества, в основном затрагивали либо общие принципы его создания и функционирования [1–3], либо аспекты, опо-

средовано связанные с его деятельностью [4]. При этом не было уделено должного внимания исследованию структурных подразделений Человеколюбивого общества. Интересным предметом такого исследования является Императорский Институт слепых, созданный еще в 1807 г. и являющийся первым подобным учебным заведением в Российской империи. После передачи в ведение Человеколюбивого общества в 1819 г. Институт оставался в нем вплоть до прекращения деятельности Общества.

Проблема зарождения и развития специализированных учреждений в Российской империи является мало разработанной, хотя изучение данного направления позволяет проследить тенденции развития филантропии в первой половине XIX в. Дело в том, что деятельность и роль социального института менялась в зависимости от перехода от одного государственного учреждения к другому: если в ведомстве Министерства народного просвещения Императорский Институт слепых выполнял образовательные функции, то переход под управление Императорского Человеколюбивого общества постепенно превратил его на продолжительное время из образовательного учреждения в богадельню.

Первый Институт слепых был создан в Санкт-Петербурге по указу императора Александра I в 1806 г. Активную поддержку в его создании оказал один из первых тифлопедагогов Валентин Гаюи (Hauy), приехавший в Российскую империю из-за противоречий с Наполеоном Бонапартом. Стоит также отметить, что это было не единственное учебное заведение для слепых в Российской империи, основанное в годы правления Александра I. Так, через два года после дарования Царству Польскому конституции в 1817 г. в Варшаве открывается «Институт для глухонемых и слепых» [5. С. 69]. На основе этого можно предположить, что у Александра I и его сторонников, а также прогрессивной общественности были планы по дальнейшему развитию специального образования в Российской империи. Однако сменивший Александра I его брат Николай I, опасаясь возможной антиправительственной деятельности в данных учреждениях, не поддержал инициативу [5. С. 69]. Об этом может свидетельствовать тот факт, что после учреждения «Института для глухонемых и слепых» вплоть до Великих реформ Александра II специализированные учреждения основываться не будут. Кроме того, опасения Николая I о чрезмерной благотворительной активности Общества посещения бедных в период революционных событий в Европе 1848–1849 гг. поставили Человеколюбивое общество под контроль государства [4].

Для выполнения задачи по социализации людей с особенностями здоровья (слепых) в Институте не только преподавались общеобразовательные предметы (Закон Божий, история и др.), пение и музыка, но и велось обучение ремеслам, в основном изготовлению корзин и щеточному ремеслу [5. С. 69]. Кроме того, обучение производилось на французском и русском языках. Для обучения слепых чтению Валентин Гаюи разработал рельефно-линейный шрифт «унциал» – крупные ровные буквы, выдавленные рельефом на

плотной бумаге. Шрифт был передвижной, и это помогало слепым делать набор нужного текста [6. С. 4].

Несмотря на наименование Института, его образовательная программа была схожа со слегка переработанной под возможности слепых программой уездного училища, в которую входили общеобразовательные предметы – Закон Божий, арифметика и начала геометрии, естествознание, история, рисование, а также азы правил технологии, связанной с местной промышленностью [7. С. 95].

При основании Института закладывалось ежегодное содержание 14 150 руб. (с 1816 г. к обозначенной сумме было прибавлено еще 7 000 руб.). Первоначально из этой суммы 6 800 руб. отводилось на жалованье лиц профессорско-преподавательского состава следующим образом [8. Л. 6]:

- 1) профессору (преподавателю. – Н.С.) – 4 000 руб.;
- 2) помощнику – 800 руб. (также предполагалась дополнительная прибавка в размере 200 руб. за управление хозяйственной частью);
- 3) педагогу, следящему за поведением воспитанников, – 600 руб.;
- 4) учителю музыки – 600 руб.;
- 5) воспитаннику и помощнику Валентина Гаюи из Парижа Шарлю Фурнье – 600 руб.

Для поддержания чистоты и порядка в доме, а также для ведения различной черной работы предполагалось трудоустроить четырех человек, которым выплачивалось жалование по 120 р. в год.

Остальная сумма в размере 7 350 (6 870) руб. предназначалась на содержание и обучение 15 принятых слепых, а также на наем для них жилого помещения [9. С. 1].

Стоит отметить, что годовое и месячное содержание рассчитывалось как на всех воспитанников, так и на одного человека. Например, на питание одного воспитанника выделялось 6 руб. 50 коп. в месяц, или 78 руб. в год, а общая сумма на всех призываемых составляла 1 170 руб. в год соответственно [8. Л. 6]. Издержки на одежду закладывались на один и два года с учетом предполагаемого износа казенного имущества. Так, предполагалось, что воспитаннику на один год пребывания в Институте было достаточно 3 рубах, 3 галстуков, 3 пар чулок, 2 летних курточек и панталон. На два года ученику выдавались по одному суконному сюртуку и жилету и 3 суконных панталон, а также одна суконная курточка для зимы.

Отдельного внимания достоин проект учебного заведения («института») для слепых, который В. Гаюи предлагал в переписке с Александром I в качестве возможной реализации, прежде чем приехать в Россию. Так, по мысли автора проекта ежегодное содержание «института» должно было составлять 54 700 франков и распределяться на покрытие следующих статей:

- 1) содержание 50 учеников обоего пола – 25 000 фр.;
- 2) белье и одежда для учеников – 7 500 фр.;
- 3) содержание пяти служителей – 4 000 фр.;
- 4) плата 1-му наставнику (директору) – 6 000 фр.;
- 5) плата 2-му наставнику (помощнику) – 4 000 фр.;
- 6) учительнице женских рукоделий – 2 000 фр.;
- 7) заведующему обучением ремеслам – 2 000 фр.;

8) учителю музыки – 3 000 фр.;

9) заведующему типографией – 1 200 франков [10. С. 14–15]

Можно отметить, что (с учетом валютного курса) у В. Гаюи были грандиозные и широкомасштабные планы по развитию тифлопедагогике в Российской империи, которые он пытался реализовать на основе своего опыта работы во Франции. Он искренне считал, что в России будет возможность создать учебное заведение по примеру Парижского института для слепых, которое благодаря налаженной системе реализации продукции, производимой воспитанниками, могло бы не только покрывать расходы на содержание в размере 50 000–60 000 фр., но и получать прибыль [10. С. 28].

Отдельного внимания заслуживает воспитанник Валентина Гаюи Шарль Фурнье, которого просил включить в статью расходов сам профессор. Логика такого поступка можно легко объяснить, если обратиться к письму Гаюи императору Александру I, в котором говорится, что этот юноша, несмотря на свои физические особенности, помимо ремесленных занятий способен «читать, писать, вычислять, объяснять географию» [8. Л. 15]. С помощью своего подопечного Гаюи стремился показать императору предполагаемые результаты работы в России, а также подготовить новое поколение тифлопедагогов для продолжения деятельности в Институте.

Изначально Институт находился в ведении Министерства народного просвещения, однако в 1819 г. происходит его передача в ведение Императорского Человеколюбивого общества [5. С. 69]. Причиной передачи являлось убеждение, что Институт представляет собой скорее благотворительное, нежели учебное заведение [6. С. 4]. Вместе с тем причины передачи могли быть более прагматичными. Дело в том, что с увеличением количества призываемых уже с 1810 г. выделяемых средств на содержание Института не хватало, что приводило к появлению задолженности, которая с 1810 по 1815 г. была следующей: 1810–1811 гг. – 1 800 руб.; 1812 г. – 2 656 руб. 49 коп.; 1813 г. – 2 136 руб. 23 коп.; 1814 г. – 2 354 руб. 50½ коп.; 1815 г. – 4 000 руб. [8. Л. 244].

Таким образом, за 6 лет сумма долга составила 12 947 руб. 22½ коп., что равнялось почти годовому содержанию учебного заведения. Для решения этой проблемы уже с 1814 г. предлагалось увеличить содержание Института на 7 000 руб. [8. Л. 245], однако окончательное решение было принято только к 1816 г. [8. Л. 251].

Вместе с тем в это время в Министерстве народного просвещения начинаются попытки передачи данного учебного заведения в другое ведомство. Причиной служило понимание, что в дальнейшем содержать Институт без дополнительного увеличения сметы было крайне затруднительно, а сократить количество воспитанников было невозможно в силу их изначальной малочисленности (16 человек) [8. Л. 247–248, 270].

Процесс передачи Института слепых вступил в активную фазу 21 февраля 1817 г., когда Департамент Министерства народного просвещения вынес постановление о проведении ревизии состояния данного

учебного заведения [8. Л. 266]. В ходе проведенной проверки были выявлены некоторые интересные факты [8. Л. 267]:

1. В канцелярии попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, который входил в состав Департамента Министерства народного просвещения, не нашлось никаких бумаг, подтверждающих принятие Института слепых в данное ведомство.

2. Также в архиве не нашлось никаких актов об условиях, на которых профессор Валентин Гаюи был приглашен в Россию. Единственное, на что могли опираться в данном вопросе, – слова бывшего министра народного просвещения (одновременно попечителя Института слепых) графа Петра Васильевича Завадовского, которому «данные условия были известны».

3. С момента своего основания Институт слепых сначала находился в непосредственном подчинении попечителя (графа Завадовского), затем на некоторое время его передали под надзор директора училищ Санкт-Петербургской губернии барона Дольвета. Только в 1811 г. Институт перешел в непосредственное подчинение Министерства народного просвещения, в котором оставался с 1811 по 1817 г.

На основе данных фактов можно проследить парадоксальную ситуацию. С одной стороны, де-факто институт «числился» в составе Министерства народного просвещения, получал от него средства на свое существование, но с другой – отсутствовали законные основания причисления учебного заведения к ведомству. Кроме того, первое время подчинение происходило не напрямую ведомству, а его «первым лицам» (министру народного просвещения, затем директору училищ Санкт-Петербургской губернии), и только после этого Институт перешел в подчинение Министерства народного просвещения. Стоит отметить, что административная неразбериха не оказывала влияния на деятельность Института.

Одновременно с проводившейся ревизией 8 октября 1818 г. в Совете Императорского человеколюбивого общества происходит рассмотрение вопроса о передаче Императорского Института слепых в его ведомство, члены общества соглашаются принять его под свое покровительство, мотивируя это их схожими благотворительным и просветительским целями [8. Л. 302].

Процесс перехода завершился в начале 1819 г. Помимо передачи Института были утверждены новые правила и штат сотрудников, согласно которым основная функция Института сводилась к «христианскому призрению слепцов, лишенных средств к пропитанию, в комплекте 30 и более, если позволит помещение» [9. С. 4]. При этом указанная выше сумма в размере 21 150 руб. распределялась по следующим образом:

- 1) директору института – 2 000 руб.;
- 2) помощнику директора – 1 000 руб.;
- 3) эконому – 1 000 руб.;
- 4) письмоводителю – 600 руб.;
- 5) писцу – 250 руб.;
- 6) на канцелярские материалы и содержание сторожа – 350 руб.;
- 7) на содержание призываемых – 12 500 руб.;
- 8) остаток – 3 450 руб. [11. С. 319].

При этом заслуживает внимания одно обстоятельство, связанное с содержанием Императорского Института слепых в 1819–1829 гг. Несмотря на факт передачи Института слепых в подчинение Императорского Человеколюбивого общества с подачи князя Александра Николаевича Голицына, который был министром духовных дел и народного просвещения с 1816 по 1824 г., Министерство народного просвещения обязывалось сохранять содержание Института в прежнем объеме (21 150 руб.). Такое положение продолжалось до 1829 г., когда по указанию нового министра народного просвещения князя Карла Андреевича Ливена (1828–1833) содержание Института было передано напрямую Императорскому Человеколюбивому обществу [12. Л. 150–152].

Поскольку у Общества не имелось необходимой суммы на содержание Института, ему приходилось постепенно сокращать содержание учебного заведения и изыскивать дополнительные средства. Так, в 1832 г. правление Общества решилось выставить на продажу «ветхих платьев, белья и обуви». Однако, как следует из доклада, состояние этого «белья» было таким, что оно уже прошло стадии починки, кухонной и половой ветоши. При этом обговаривалось, что на продажу будет выставлено не все. Самого «лучшего качества вещи» планировалось оставить для дальнейшего употребления [12. Л. 211].

Обучению при этом стали придавать второстепенное значение. Новое руководство признавалось, что обучение предназначалось только для тех, кто «окажется к тому способным». При этом уделялось большое внимание религиозному и нравственному воспитанию, для чего в отдельной статье Устава Института слепых от 16 ноября 1819 г. прописывалось: «Образование призренных слепых должно состоять не в развитии в них человеческой хитрости (при этом авторы не объясняют содержания «человеческой хитрости», а также в чем именно она заключалась. – С.Н.), но в просвещении ума их познанием истинного Бога, Творца и Спасителя мира и обращении сердца к исполнению святых заповедей Его» [11. С. 316–317]. Поэтому, по мысли руководства Человеколюбивого общества, «для нравственного надзора за слепыми, для назидания их полезными чтением и разговорами, а притом и для прислуги им должны безотлучно находиться при них верные, благочестные служители и дядьки» [9. С. 2].

Такое положение привело к тому, что в период с 1819 по 1863 г. Институт слепых перестал выполнять свои изначальные функции, а со временем произошел процесс трансформации из учебного специализированного заведения в слегка расширенную богадельню, где небольшое «способное» меньшинство могло рассчитывать на получение минимального образования. Более того, прослеживается тенденция к нерациональному использованию сокращающихся выделяемых на Институт денежных средств. Это мы можем увидеть на примере отчетов Императорского Человеколюбивого общества от 1844 и 1850 гг. Так, на содержание Института слепых в 1844 г. поступило:

1) 6 016 руб. 59 коп. от Государственного Казначейства;

2) 880 руб. 85 коп. – проценты от вкладов, «экономического дохода» и «содержания пансионеров».

Данная сумма в размере 6 897 руб. 44 коп. скромно распределялась между двумя статьями расходов:

1) 3 546 руб. 71¼ коп. – на содержание воспитанников пищей, одеждой, а также на учебные пособия;

2) 3 575 руб. 11 коп. – на жалованье и пособия чиновникам, учителю, лекарю, дядькам и служителям. [13. С. 25].

Поскольку расходы превышали доходы, Обществу приходилось использовать дополнительные внутренние резервы для полного покрытия содержания. При этом стоит отметить, что ситуация почти не изменилась и спустя 5 лет. Так, согласно отчету Общества за 1850 г., на содержание Института слепых поступило:

1) 6 016 руб. 59 коп. от Государственного Казначейства;

2) 1 435 руб. 74 коп. процентов по билетам кредитных установлений и других сумм.

Всего получилось 7 452 руб. 33 коп., которые были использованы по следующему образом:

1) 3 618 руб. 11½ коп. – на содержание 35 воспитанников пищей и одеждой, медицинские услуги и учебные пособия;

2) 2 977 руб. 18 коп. – на содержание преподавателей, дядек и прислуги;

3) 775 руб. – на пособия служащим;

4) 390 руб. 21½ коп. – на содержание («пенсии») сына бывшего директора Института слепых в Санкт-Петербургском университете, а также трех его дочерей [14. С. 18].

Кроме того, прослеживается еще одна интересная деталь. Увеличение количества воспитанников приводило к уменьшению ресурсов, затраченных на одного человека, что неудивительно, учитывая сокращение ассигнованных средств. Следует отметить также, что достаточно большая часть финансовых поступлений (более 1 тыс. рублей, или 1/7 всех расходов) перераспределялась на материальную помощь сотрудникам, что не совсем соотносится с первоначальными задачами Института слепых.

Таким образом, произошла «двойная благотворительность»: по отношению к слепым и по отношению к сотрудникам Института. Такие же проблемы были и в других учреждениях Императорского Человеколюбивого общества. Например, при доходе в 10 371 руб. 70 коп. Медико-филантропический комитет израсходовал за 1850 г.:

1) 4 073 руб. 97½ коп. – на лекарства для больных бедных и на пособия некоторым из них, для улучшения пищи во время болезни;

2) 191 руб. – на заготовление белья для неимущих родильниц;

3) 442 руб. 58 коп. – на покупку бинтов для страждущих грыжей и очков для слабых зрением;

4) 5 335 руб. 43 коп. – на содержание врачей для бедных с помощниками и повивальных бабок;

5) 1 153 руб. 8 коп. – на содержание канцелярии Комитета [14. С. 8].

Можно заметить, что при больших затратах на помощь и лечение бедных, а также на содержание врачей

и их помощников, существенная часть средств также выделяется на администрацию Комитета.

Ситуация стала меняться к лучшему только с началом либеральных преобразований Александра II, позволивших провести экономические и социальные реформы, что привело к новому витку общественной активности. Все началось с того, что на фоне подобных процессов в европейских странах (Франция, Германия, Дания и др.) произошло осознание ошибочности «богадельного призрения». Все четче стала вырисовываться мысль, что человек с проблемами зрения может быть полезным членом общества и ему необходимо обеспечить хотя бы минимальное образование для профессиональной и социальной самореализации. Это привело к тому, что в 1863 г. заведующий Институтом слепых В.И. Эссин сообщил Совету Императорского Человеколюбивого общества, что богадельное состояние Института больше не должно оставаться в таком виде, необходимы коренные преобразования с целью «образовать из слепцов полезных работников» [9. С. 2].

В результате проведенной работы в 1868 г. были осуществлены некоторые преобразования, улучшившие положение заведения:

1) Институту слепых был предоставлен статус образовательного учреждения с составлением обязательной образовательной программы с учетом возможностей воспитанников (Закон Божий, чтение и письмо, основы арифметики, мер и весов, географии, истории, естествознания). Кроме того, вернулись практико-ориентированные предметы (изготовление корзин и щеточное ремесло), которые давали воспитаннику после окончания учебного заведения возможность для минимального самообеспечения;

2) определены возрастные рамки для принимаемых на обучение детей (7–13 лет);

3) пребывание воспитанников было ограничено периодом совершеннолетия, когда они получали достаточно практических навыков для ведения самостоятельной жизни (если человеку не удавалось освоить необходимый минимум, его помещали в одну из богаделен Императорского Человеколюбивого общества);

Таким образом, происходит возвращение Императорскому Институту слепых статуса, который изна-

тельно закладывался при его основании – специализированного образовательного учреждения для слепых.

В Институте взрослые слепые были отделены от малолетних. Те взрослые, которые соглашались вести преподавательскую деятельность, оставались на правах преподавателей и репетиторов; для них было организовано квартирное отделение, а также выплачивалось жалование. В 1872 г. в институте обучались 30 детей и находились 16 взрослых-квартирантов [7. С. 7].

Забегая вперед, отметим, что по инициативе Человеколюбивого общества в 1871 г. было открыто женское отделение Института слепых, которое стало носить имя императрицы Марии Александровны, что привело к разделению слепых по гендерному признаку.

Таким образом, уже в начальный период своей деятельности Петербургскому Императорскому Институту слепых в составе Министерства народного просвещения и Императорского Человеколюбивого общества – первому специализированному учебному заведению для слепых в Российской империи – пришлось столкнуться с рядом затруднительных ситуаций. Создаваясь как учебное заведение, Институт в силу потери интереса со стороны прогрессивной общественности на долгое время перешел в разряд богадельни.

Однако либеральные реформы Александра II, а также рост и расширение интереса к вопросам филантропии и попечительства позволили Институту в ходе проведенных преобразований вернуть себе статус учебного заведения.

При этом необходимо признать тот факт, что произошедшие преобразования, повысив качественную составляющую деятельности Института, не способствовали его количественному расширению (за исключением разделения по половому признаку на два разных «Института слепых»). Занимаясь воспитанием строго ограниченного количества детей и взрослых, Институт не стремился расширять сеть своих филиалов далее Санкт-Петербурга. Возможной причиной этому могла служить организация в 1881 г. попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых, на которое правительство Александра II решило возложить почетную обязанность по народному просвещению «слепцов».

Список источников

- Егорышева И.В., Гончарова С.Г. К 200-летию Императорского Человеколюбивого общества (1816) // Здравоохранение РФ. 2016. № 6. С. 325–328.
- Лобанов Д. Благотворительная деятельность Императорского человеколюбивого общества в XIX – начале XX в. // Богословско-исторический сборник. 2021. № 4 (23). С. 64–79.
- Евланова К.Д. Императорское Человеколюбивое общество // Нравственно-патриотическое воспитание: исторические ретроспективы и изучение проблем современности: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Ростов-на-Дону, 9 декабря 2021 г. Ростов н/Д: Рост. гос. мед. ун-т, 2022. С. 281–287.
- Гривастова А.Н. Государственная политика в отношении частной благотворительности в середине XIX века: отношения Императорского Человеколюбивого общества и общества посещения бедных // Человеческий капитал. 2021. № 3 (147). С. 11–24.
- Общественное и частное призрение в России / Гл. упр. по делам местного хоз-ва. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. 296 с.
- Человеколюбивого общества институты слепых 1872 года: очерк. СПб., 1872. 16 с.
- Сысоева Е.К. Школа в России. XVIII – начало XX в.: власть и общество. М.: Новый хронограф, 2015. 512 с.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 20. Д. 56.
- Полежаев А. Записка Попечителя Института слепых Императорского Человеколюбивого общества о необходимости безотлагательного преобразования Института. СПб., 1878. 24 с.
- Скребицкий А.И. Валентин Гаюи, создатель методов обучения слепых, в Петербурге. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1886. 89 с.
- Журнал Императорского Человеколюбивого общества, издаваемый Комитетом оного по ученой части. СПб.: тип. Карла Крайя, 1819. Ч. 10 (октябрь–декабрь 1819 г.).
- РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 42.

13. Отчет о действиях Совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему учреждений, всеподданнейше представленный Его Императорскому Величеству, за 1844 г. СПб. : в тип. Департамента военных поселений, 1845. 35 с.
14. Всеподданнейший отчет Императорского Человеколюбивого общества за 1850 год. СПб. : В тип. Имп. акад. наук, 1851. 35 с.

References

1. Egorysheva, I.V. & Goncharova, S.G. (2016) К 200-летию Императорского Человеколюбивого общества (1816) [On the 200th Anniversary of the Imperial Philanthropic Society (1816)]. *Zdravookhranenie RF*. 6. pp. 325–328.
2. Lobanov, D. (2021) Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Imperatorskogo chelovekolyubivogo obshchestva v XIX – nachale XX v. [Charitable Activities of the Imperial Philanthropic Society in the 19th – Early 20th Centuries]. *Bogoslovsko-istoricheskiy sbornik*. 4(23). pp. 64–79.
3. Evlanova, K.D. (2022) Imperatorskoe Chelovekolyubivoe obshchestvo [Imperial Philanthropic Society]. *Nravstvenno-patrioticheskoe vospitanie: istoricheskie retrospektivy i izuchenie problem sovremennosti* [Moral and Patriotic Education: Historical Retrospectives and Study of Modern Problems]. Proc. of the Conference. Rostov on Don, December 9, 2021. Rostov on Don: Rostov State Medical University. pp. 281–287.
4. Grivastova, A.N. (2021) Gosudarstvennaya politika v otnoshenii chastnoy blagotvoritel'nosti v seredine XIX veka: otnosheniya Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva i obshchestva poseshcheniya bednykh [State policy towards private charity in the mid-19th century: relations between the Imperial Philanthropic Society and the Society for Visiting the Poor]. *Chelovecheskiy kapital*. 3(147). pp. 11–24.
5. Main Administration for Local Economy Affairs. (1907) *Obshchestvennoe i chastnoe prizrenie v Rossii* [Public and private charity in Russia]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Anon. (1872) *Chelovekolyubivogo obshchestva instituty slepykh 1872 goda* [Philanthropic Society Institutes for the Blind of 1872]. St. Petersburg: [s.n.].
7. Sysoeva, E.K. (2015) *Shkola v Rossii. XVIII – nachalo XX v.: vlast' i obshchestvo* [School in Russia. The 18th – early 20th century: Power and society]. Moscow: Novyy khronograf.
8. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 733. List 20. File 56.
9. Polezhaev, A. (1878) *Zapiska Popечителя Instituta slepykh Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva o neobkhodimosti bezotlagatel'nogo preobrazovaniya Instituta* [Note of the Trustee of the Institute for the Blind of the Imperial Philanthropic Society on the Need for the Urgent Reorganization of the Institute]. St. Petersburg: [s.n.].
10. Skrebitskiy, A.I. (1886) *Valentin Gayui, sozdatel' metodov obucheniya slepykh, v Peterburge* [Valentin Gäyü, Creator of Methods of Teaching the Blind, in St. Petersburg]. St. Petersburg: A. Transhel.
11. Imperial Philanthropic Society. (1819) *Zhurnal Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva, izdavaemyy Komitetom onogo po uchenoy chasti* [Journal of the Imperial Philanthropic Society, published by the Committee on Academic Affairs thereof]. Vol. 10. St. Petersburg: Karl Kray.
12. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 768. List 2. File 42.
13. Council of the Imperial Philanthropic Society. (1845) *Otchet o deystviyakh Soveta Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva i podvedomstvennykh onomu uchrezhdeniy, vsepoddanneyshe predstavlennoy Ego Imperatorskomu Velichstvu, za 1844 g.* [Report on the actions of the Council of the Imperial Philanthropic Society and institutions subordinate to it, most humbly submitted to His Imperial Majesty, for 1844]. St. Petersburg: Department of Military Settlements.
14. Imperial Philanthropic Society. (1851) *Vsepoddanneyshiy otchet Imperatorskogo Chelovekolyubivogo obshchestva za 1850 god* [Most humbly report of the Imperial Philanthropic Society for 1850]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Сведения об авторе:

Скляренко Никита Сергеевич – лаборант Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nik_sglyarenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sklyarenko Nikita S. – Laboratory Assistant at the Problematic Research Laboratory of History, Archeology and Ethnography of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nik_sglyarenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 05.07.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94:33:004
doi: 10.17223/19988613/93/11

К вопросу об источниковой базе по истории цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.)

Игорь Сергеевич Соловенко

Томский политехнический университет, Томск, Россия, solovenko71@mail.ru

Аннотация. Рассматривается источниковая база по истории цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.). Выделяются группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственная документация, периодика, личного происхождения. Значительный вклад в формирование содержания темы внесли документы федеральных и региональных архивов. К проблемам источниковой базы относятся дефицит статистических материалов и ограничительные меры архивных учреждений. Делается вывод, что извлеченная информация позволяет довольно полно и качественно раскрыть заявленную тему.

Ключевые слова: Российская Федерация, топливно-энергетический комплекс, цифровизация, исторические источники

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

Для цитирования: Соловенко И.С. К вопросу об источниковой базе по истории цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России (рубеж XX–XXI вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 86–93. doi: 10.17223/19988613/93/11

Original article

On the issue of the source base for the history of digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 20th–21st centuries)

Igor S. Solovenko

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, solovenko71@mail.ru

Abstract. The view of Russian historical science on the digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia in the late 20th – early 21st centuries is only being formed. Obviously, weak attention to this topic is due to insufficient source base, which is only beginning to form, and which has become the subject of the study. The relevance of the topic also lies in the transfer of valuable experience to historians who connect their scientific activities with technical, technological and economic topics. The purpose of the work is to show the mechanism for collecting historical sources and determining their classification type. The article shows the features and results of the search for historical sources on the topic on the Internet, in federal and regional archives and libraries, as well as among direct participants in the events under consideration. The author emphasizes that the corpus of discovered sources has a wide range of types: regulatory and legal, office documentation, periodicals, sources of personal origin. A comprehensive analysis made it possible to identify the information value of each group, their common features and distinctive characteristics. Based on the use of comparative analysis, it can be argued that the source base played a key role in identifying specific examples of digitalization and determining its main actors. At the same time, the main contribution to the formation of the topic's content was made by documents from federal and regional archives. These are, first of all, the state archives of the Russian Federation, Tyumen and Tomsk regions, as well as the Russian State Archive of Economics. At the same time, there is an obvious shortage of statistical materials, which can be explained by the lack of methodological requirements for production reports of fuel and energy enterprises. The main problem in the process of searching for the necessary sources was the restrictive measures of access to some documents by archival institutions. The final conclusion is that the extracted information allows us to quite fully and qualitatively reveal the main issues of the history of digitalization of the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 20th – 21st centuries – these are causes, dynamics, forms, methods, results and significance.

Keywords: Russian Federation, fuel and energy complex, digitalization, historical sources

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

For citation: Solovenko, I.S. (2025) On the issue of the source base for the history of digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia (the turn of the 20th–21st centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 86–93. doi: 10.17223/19988613/93/11

Цифровизация предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в конце XX – начале XXI в., как и других отраслей народного хозяйства, не так давно стала предметом исследовательского интереса со стороны представителей исторической науки. Данная ситуация характерна и для других социальных наук: например, ученые-экономисты проявили акцентированный интерес к данной теме только с 2020 г. [1]. Однако даже та литература, которая освещает вопросы цифровизации предприятий ТЭК России в рассматриваемое время, характеризуется частым дублированием схожей информации из-за ссылок на одни и те же исследовательские источники. Очевидно, что слабое внимание к данной теме – следствие только начинающей формироваться источниковой базы. Между тем отсутствие должного внимания к сложным вопросам технико-технологического развития в не столь отдаленное время может безвозвратно оставить науку без ряда ценных исторических источников, например воспоминаний участников тех событий, редких артефактов, документов личных и текущих архивохранилищ и т.д. «Пропадает» важная информация (в том числе статистического характера) и с официальных сайтов, а некоторые страницы в Интернете полностью прекращают свое функционирование. Актуальность данного вопроса состоит и в передаче ценного опыта историкам, которые связывают свою исследовательскую деятельность с технико-технологической и экономической тематикой, тем более периода конца XX – начала XXI в. Низкая популярность как данной тематики, так и выбранного исторического периода находит свое убедительное подтверждение в очень незначительном использовании документов и материалов федеральных и региональных архивов учеными-историками.

В наши дни поиск любой информации, в том числе научного характера, почти всегда начинается с Интернета и его поисковых систем (Яндекс, Гугл и пр.). Они выдают много сведений, чаще всего ссылки на литературные источники, однако встречаются упоминания и документальных. В нашем случае это, как правило, официальные сайты с документами нормативно-правового характера. Наиболее значимыми из них являются документы и материалы, опубликованные интернет-представительствами Президента и Правительства Российской Федерации, Минэнерго России и др. Они позволяют понять стратегию и тактику цифровизации как на макроуровне, так и в отраслях ТЭК, провести сравнительный анализ межотраслевого характера, определить результаты рассматриваемого явления. На основе данных документов можно сделать вывод, что цифровизация как действенный инструмент научно-технологического развития стала активно продвигаться с 2002 г. [2]. Уже в следующем десятилетии появляется немало программных документов, где не только присутствуют задачи дальнейшей цифровизации топливно-энергетического комплекса России, но и показаны объективные результаты прошлых лет. Не вызы-

вает сомнения то, что на рубеже XX–XXI вв. в стране была проведена масштабная работа по созданию нормативно-правовой базы развития цифровизации. Она способствовала росту количества отечественных разработок, а также расширила возможности использования зарубежных технологий. Слабыми местами данных источников является то, что, во-первых, они содержат очень мало конкретной информации по цифровизации предприятий ТЭК в 1990-е гг., во-вторых, сведения носят общий, малоинформативный для исследуемого сегмента экономики характер.

Кроме интернет-представительств федеральных органов исполнительной власти исследовательский интерес вызывают и официальные сайты известных предприятий и компаний ТЭК. Однако возможности использования их текущих архивов сегодня очень затруднены по объективным причинам. При этом сведения исторического характера здесь либо совсем отсутствуют [3], либо имеют очень краткое содержание [4]. Имеются корпоративные сайты, где все-таки встречается большой пласт исторической информации крупных компаний (например, «Газпром», «Лукойл»), но она почти вся носит бюрократический характер (открыли, добыли, подписали и т.п.) [5, 6]. Но даже эти скудные сведения указывают на широкое международное сотрудничество, которое сыграло значительную роль в привлечении значительного спектра цифровых продуктов иностранного производства. Это подтверждается и другими историческими источниками.

В наше время почти все периодические издания имеют свои официальные сайты. Топливо-энергетический комплекс является очень важным сегментом народного хозяйства, поэтому внимание к нему со стороны корреспондентов, журналистов и исследователей высоко. Несмотря на то, что интернет-издания в основном стали появляться в XXI в., информация исторического характера (в том числе за 1990-е гг.) присутствует во многих публикациях газет и журналов. Особый интерес вызывают публикации ученых-экономистов, которые, в отличие от коллег, имеющих техническое образование, доносят информацию по интересующим нас вопросам в более доступной для исторического анализа форме. Получили свое отражение здесь и некоторые вопросы государственной политики в сфере цифровизации ТЭК страны [7]. Содержание интернет-изданий четко показывает доминирование в инновационной сфере топливно-энергетического комплекса предприятий и компаний нефтегазовой отрасли.

Сведения по истории цифровизации встречаются и на других всевозможных сайтах. На мой взгляд, следует доверять тем, которые напрямую связаны с научно-образовательной политикой. Например, интересные и объективные сведения по данной проблеме встречаются на официальном сайте Государственного университета управления (Москва) [8] и др. Однако сайтов с исторической информацией, которым можно доверять, не так много.

В силу объективных причин не все журналы и газеты присутствуют в электронном виде в интернет-пространстве. Период 1990-х гг. здесь фактически полностью отсутствует, так как данная практика не имела технико-технологических возможностей. Поэтому исследовательская деятельность по заданной теме объективно привела в фонды федеральных и региональных библиотек, где был использован материал и документального характера. В основном это отраслевая статистика, в которой показана динамика основных экономических показателей [9], в том числе в сфере инновационной деятельности [10], к которой относится и цифровизация. Ее анализ позволяет утверждать, что в начале 2000-х гг. стала вырабатываться государственная концепция инновационного развития ТЭК.

К историческим источникам, на мой взгляд, принадлежат и научные публикации по техническим специальностям. Они содержат существенную фактическую базу по достижениям в области цифровой техники и технологий рассматриваемого периода, которая требует своего исторического анализа [11]. Значительный справочный материал сосредоточен также в журналах, связанных с технической тематикой. Весьма полезными были сведения, например, из журнала «Информационные технологии». На его страницах представлена эволюция достижений российских специалистов в области интеллектуальных систем, нейросетей, нейрокомпьютеров и др., а также их внедрения в различные отрасли экономики. Работа с данными источниками сыграла значительную роль в определении динамики и критериев этапов цифрового перехода в топливно-энергетическом комплексе, а также в оценке влияния информационных технологий на укрепление энергетической безопасности страны [12].

Одним из недостатков сведений вышеуказанных источников является их несистемный характер. В связи с этим высокую степень актуальности приобретает информация непосредственных участников рассматриваемых событий. Она представлена двумя видами – письменными и устными воспоминаниями, прежде всего управленцев и инженеров. Письменные воспоминания не всегда дают полную картину по интересующим нас вопросам, поэтому личная беседа позволяет выявить наиболее значимые для ученого-историка моменты. Согласен и с тем, что «естественные лагуны в описании событий легко заполняются мифами, обретающими самостоятельную жизнь» [13. С. 56]. Поэтому воспоминания участников рассматриваемых событий оказались наиболее полезной информацией для выявления особенностей эволюции разных форм цифровизации – автоматизации, информатизации и компьютеризации. Они позволяют утверждать о доминировании в 1990-х гг. на предприятиях ТЭК России средств автоматизации, а в начале XXI в. – продуктов и услуг в области информатизации и компьютеризации. При этом процесс внедрения цифровых продуктов, по мнению непосредственных участников событий [14], часто встречал противоречивую реакцию среди инженерно-технического персонала.

Информация участников событий подтверждается, дополняется, а где-то корректируется архивными до-

кументами. Надо признать, что коэффициент полезности многих архивных дел весьма низок. Главная причина – узкий характер темы. На это в том числе указывает и тот факт, что термин «цифровизация» в архивных документах за 1990-е гг. встречается весьма редко. Чаще приходилось встречать тексты с упоминанием таких неотъемлемых процессов цифровизации, как автоматизация, информатизация и компьютеризация [15. Л. 24–27]. Поэтому пришлось рассматривать большое количество фондов, описей и дел, собирать информацию «по крупницам». Важнейшими из них являются те, что были обнаружены в федеральных архивохранилищах – Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Документальная база данных архивохранилищ дает масштабную и комплексную картину рассматриваемого явления. Видовое разнообразие изученных документов представлено в основном отчетами и планами (программами), в меньшей степени – протоколами, докладами, деловой перепиской и т.д. При этом с точки зрения информативности своей содержательностью выделяются протоколы, особенно заседаний научно-технических советов, например ОАО «Газпром» [16. Л. 7–20].

Основной массив полезной информации был обнаружен в Госархиве РФ, и причин этому несколько. Во-первых, здесь в большом количестве сосредоточены документы различных уровней власти и управления, в том числе отраслевых. Это позволяет видеть ключевые документы и материалы политики государства, которая реализовывалась в экономике, инновационной деятельности, а некоторых случаях – и в сфере цифровизации. Топливо-энергетический комплекс был в центре внимания Президента и Правительства РФ в силу своей экономической мощи, а также серьезного воздействия не только на хозяйственные, но и на политические процессы в стране и за рубежом. В содержании некоторых документов очевидна природа многих достижений [17. Л. 25 об.], декларативных заявлений [18. Л. 38] и проблем в данном сегменте народного хозяйства [19]. Во-вторых, Госархив РФ содержит федеральные отраслевые документы (в основном отчеты), в которых отражены значимые процессы и результаты внедрения цифровых продуктов и услуг. В-третьих, документы имеют как макроэкономическое, так и отраслевое содержание, позволяющее видеть особенности, тенденции и закономерности рассматриваемого явления. На основании этого во многом строился сравнительный анализ исследовательского материала.

В ходе научной деятельности в Госархиве РФ было обследовано 16 фондов. Выделю наиболее значимые по избранной теме: фонд 10200 – Правительство Российской Федерации», фонд 10342 – ФГБУ «Аналитический центр при Правительстве РФ», фонд 10288 – Министерство экономического развития Российской Федерации, фонд 10240 – Министерство энергетики Российской Федерации, фонд 10255 – Федеральное агентство по науке и инновациям. Каждый из них интересен и полезен в силу своей специфики. При этом самым содержательным является фонд 10200 (Прави-

тельство РФ), в документах которого раскрываются многие важные вопросы цифровизации, хотя и часто в контексте инновационной и энергетической политики государства. Большое значение имеют сведения о формах и методах цифровизации, участии в формировании основ ее концептуальной политики разных органов власти и управления. Содержание документов данного фонда указывает и на то, что в течение 1990-х гг. Правительством РФ систематически принимались меры государственной поддержки инновационной деятельности в промышленности страны [20]. Подобная информация в исторической литературе просматривается слабо. Вместе с тем информация архивных дел [21. Л. 27] (как и других источников [8]) прямо указывает на то, что с 2008 г. берет свое начало государственная политика создания информационного общества в России. Разрабатываются основы государственно-частного партнерства с ведущими предприятиями и компаниями ТЭК. Это положительно отразилось как на усилении динамики цифровизации данного сегмента экономики, так и на увеличении информации по данному процессу в документах, отложившихся в Госархиве РФ. Недостатком документов данного архивохранилища является слабое наличие каких-либо конкретных статистических сведений по цифровизации предприятий ТЭК. Это указывает на недооценку в то время цифровизации как важного направления научно-технической модернизации экономики со стороны государства и бизнеса.

Содержание документов Госархива РФ гармонично дополняется информацией источников, обнаруженных в Российском государственном архиве экономики, так как его фондообразующие организации имели прямое подчинение Правительству РФ, федеральным министерствам и ведомствам. Всего было обследовано семь фондов, наиболее значимыми из которых оказались фонд 898 – Министерство топлива и энергетики РФ, фонд 799 – Государственный газовый концерн «Газпром», фонд 801 – АО «Российская угольная компания» и его предшественники, фонд 977 – Российское акционерное общество «Газпром» (РАО «Газпром») и его предшественники, 2 октября 1965 г. – 26 июня 1998 г., фонд 1077 – Российская государственная нефтегазовая корпорация «Роснефтегаз». Наиболее информативными оказались документы и материалы фондов 799 и 1077. Данное обстоятельство еще раз указывает на доминирование предприятий нефтегазовой отрасли в общей результативности, связанной с цифровизацией ТЭК России на рубеже XX–XXI вв. При этом некоторые архивные документы содержат конкретные результаты цифровизации, а также меры по их совершенствованию, в том числе по видам производственной деятельности, уже за 1992 г. [22. Л. 30]. Такую уникальную информацию, тем более начала 1990-х гг., найти больше нигде не удалось. В фондах РГАЭ были обнаружены примеры отечественных технико-технологических разработок, которые имели высокую степень международной конкурентоспособности [23. Л. 5]. Еще важнее то, что данные документы подтверждают информацию из Госархива РФ о выстраивании целенаправленной и системной работы Правительства РФ, а также отрасле-

вых организаций по разработке стратегии модернизации экономики страны в 1990-е гг.

Для любого историка важно хорошо ориентироваться в предыстории исследуемого вопроса. С целью определения важных моментов экономической и технико-технологической политики 1980-х – начала 1990-х гг. были обследованы фонды Российского государственного архива социально-политической истории: фонд 17 – Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991), фонд 71 – ИМЛ при ЦК КПСС. Отдел филиалов и координации научно-исследовательской работы, фонд 653 – Рыжков Николай Иванович (р. 1929 г.). Надо признать, что фактически в каждом обследованном фонде полезными оказались не более одного дела. Тем не менее анализ документов данных фондов позволяет утверждать о снижении в то время уровня технико-технологической оснащенности отечественного топливно-энергетического комплекса. Многие достижения и проблемы в области цифровизации в дальнейшем получили свое развитие и на рубеже XX–XXI вв., например большой временной интервал между созданием и внедрением новой технологии. Содержание архивных документов показывает серьезную обеспокоенность руководства Советского Союза в отставании по некоторым направлениям модернизации научно-технологического комплекса страны, в том числе и в области автоматизации. В качестве примеров фигурируют ссылки на опыт научно-технического развития Японии и США [24]. Социально-экономический и политический кризис не позволил решить многие задачи, которые намечались руководством страны в области научно-технической политики в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Информация федеральных архивохранилищ сориентировала по такому важному вопросу, как поиск в региональных архивах документов наиболее значимых субъектов научно-технической и экономической деятельности, которые были вовлечены в исследуемый процесс. С этой целью были обследованы архивохранилища наиболее значимых для топливно-энергетического комплекса регионов – Тюменской, Томской и Иркутской областей, а также Кузбасса. Данные субъекты РФ чаще других упоминаются и в литературных источниках. Региональные архивные документы имеют такие же разновидности – отчеты, планы и т.д. Однако здесь чаще встречаются пояснительные записки, в которых содержатся отчеты перед вышестоящим руководством [25. Л. 48]. Самой богатый и значимый потенциал источников был обнаружен в Государственном архиве Тюменской области (ГАТюмО). По некоторым характеристикам его документы оказались даже более представительными, нежели федеральных архивов, так как в них дается более подробная информация по нашей теме. К ним относятся те, что показывают изменения, связанные с цифровизацией, в системе управления предприятий, деятельность иностранных компаний по продвижению импортных цифровых товаров и услуг, перечень передовых технологий и уровень их коммерциализации в компаниях нефтегазовой промышленности и т.д. [26. Л. 29]. Всего было обследовано восемь фондов. Большая их часть принадлежит научно-исследовательским институтам, ра-

ботавшим в сфере добычи нефти и газа. Таким образом, заложенная в советское время тесная связь предприятий нефтегазовой отрасли и НИИ сохранялась и в рассматриваемый период.

Наиболее полезным оказался фонд Р2338 – Открытое акционерное общество «Интегра-Геофизика» г. Тюмень, так как его цифровая продукция отличалась высоким уровнем инновационности и была очень востребована предприятиями российского ТЭК. При этом документы имеют широкую разновидность. Наиболее содержательным являются протоколы, особенно заседаний научно-технического совета (НТС). В содержании протоколов встречаются факты практического применения средств автоматизации и информатизации данного ОАО. Нельзя обойти вниманием фонд Р2403 – Общество с ограниченной ответственностью «ТНК-Уват» с. Уват Тюменской области, в котором представлены документы производственной деятельности известной тогда нефтяной компании. Их анализ позволяет утверждать, что данная компания была весьма хорошо обеспечена цифровыми продуктами, имела высокую степень привлекательности для иностранного капитала и активно поддерживала научные исследования, связанные с цифровой тематикой.

«Второе место» по значимости среди региональных архивов по избранной теме занимает Государственный архив Томской области (ГАТО). Здесь был обследован один фонд Р-2023 – Открытое акционерное общество «Восточная нефтяная компания» (ОАО «ВНК»), г. Томск (1994–2003 гг.). Однако общее количество использованных дел немало – 15. При этом почти все они весьма информативны. На это указывает и широкая разновидность документов. Некоторые из них уникальны и фактически больше нигде не встречаются. Например, «Справка о выполнении программы научно-технического перевооружения ОАО «ВНК»» [27], «Информация о научно-техническом обеспечении ОАО «ВНК» за 1996 год» [28], «Документы об участии ОАО «ВНК» в международной выставке «Нефть и газ – 97», г. Москва (информации, каталог, газетная публикация)» [29] и др. Содержание документов данного фонда еще раз подчеркивает доминирование предприятий нефтяной промышленности по уровню обеспеченности цифровыми продуктами на фоне других отраслей ТЭК России, особенно с 2006 г. Однако в силу недостаточно сформированных институтов рыночной экономики российские компании и предприятия отставали от развитых стран.

Многообещающими выглядели фонды Государственного архива Кузбасса (ГАК), которые содержат сведения о производственной деятельности предприятий угольной и энергетической промышленности. Однако в реальности искомой информации оказалось очень мало, что объясняется следующими причинами. Во-первых, заявленные документы некоторых фондов так и не доставлены организациями до места назначения. Во-вторых, интересующие по избранной теме сведения весьма скупы, что еще раз подчеркивает слабое включение тогда предприятий угольной и энергетической промышленности в процесс цифровой трансформации. Используемые документы четырех

фондов (Р-1324 – Филиал «Беловоуголь» ОАО «Угольная компания Кузбассуголь», Р-787 – Кемеровская ТЭЦ и др.) все-таки показывают более динамичное внедрение цифровых решений на предприятиях энергетической промышленности в сравнении с угольной отраслью [30. Л. 22]. Очевидно и то, что в начале 2000-х гг. благодаря окончанию основного этапа реструктуризации угольной промышленности, а также благоприятной конъюнктуре цен на шахтах и разрезах сложились хорошие условия для внедрения инновационной продукции, в том числе цифровой.

Меньше всего информации удалось найти в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО). Главная причина – ограничительные меры доступа исследователям. Документы предприятий за период 1990-х – начала 2000-х гг. фактически недоступны. Максимум, что удалось найти, – это сведения о внедрении цифровых решений в отечественном ТЭК накануне рассматриваемых событий (Фонд Р-3463 – Иркутский центр научно-технической информации (ЦНТИ) Российского объединения информационных ресурсов научно-технического развития Министерства науки и технологий РФ). В этом направлении производственно-научной деятельности лучше выглядели предприятия угольной промышленности данного региона [31. Л. 1; 32. Л. 44]. Сравнительный анализ позволяет утверждать, что меры цифровизации на предприятиях угольной промышленности России в 1990-е гг. выглядели слабее, нежели в 1980-е гг.

В целом документы региональных архивохранилищ позволили значительно обогатить исследовательский материал, определить поиск необходимой литературы, а также вернуться к фондам федеральных архивов, так как расширились представления об исторической базе исследования. Содержание многих архивных документов позволяет утверждать о не всегда обоснованной критике научно-технической политики государства и бизнеса рубежа XX–XXI вв., которая популярна в научной литературе [33. С. 138]. В конце рассматриваемого периода большинство предприятий ТЭК России имели высокий уровень цифровой оснащенности и конкурентоспособности, что еще больше подтверждается документами федеральных архивохранилищ, воспоминаниями участников событий и т.д. Не вызывает сомнения и решение такого стратегически важного вопроса, как укрепление энергетической безопасности государства. Предприятия топливно-энергетического комплекса внесли серьезный вклад в построение инновационной модели макроэкономического развития. Вместе с тем все источники указывают на такую серьезную слабость цифровой модернизации ТЭК России, как рост зависимости от импорта технологий и оборудования.

Таким образом, корпус обнаруженных источников имеет разную природу происхождения, а также широкий видовой спектр: нормативно-правовые, делопроизводственная документация, периодика, источники личного происхождения. Извлеченная информация позволяет довольно полно и качественно раскрыть основные вопросы истории цифровизации топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–

XXI вв. – это причины, динамика, формы, методы, результаты и значение. Ключевую роль источниковая база сыграла в выявлении конкретных примеров цифровизации и определении его главных акторов. Основной вклад в формирование содержания темы внесли документы федеральных и региональных архивохранилищ. При этом очевиден дефицит статистических материалов, который можно объяснить отсутствием методических требований к производственным отчетам предприятий ТЭК. Сохраняются также ограничи-

тельные меры доступа к некоторым документам со стороны архивных учреждений. Вместе с тем вполне заметна тенденция на увеличение источниковой базы, что позволит в будущем формировать более комфортные условия для дальнейшего раскрытия вопросов истории цифровизации топливно-энергетического комплекса, так же как и любой другой технико-технологической темы. Обязательно появятся новые архивные документы, воспоминания, специализированные отделы в исторических музеях и т.п.

Список источников

- Кузнецова Д.Ю., Борисова В.В. Цифровизация газовой отрасли РФ // Цифровая трансформация промышленности: тренд или необходимость : сб. ст. М. : РУСАЙНС, 2021. С. 144–148.
- О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 г. // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3> (дата обращения: 13.08.2023).
- Сибирская угольная энергетическая компания (СУЭК). URL: https://suek-krasnoyarsk.ru/o_kompanii/inform (дата обращения: 18.09.2024).
- ПАО «Распадская». URL: <https://raspadsкая.com/ru/> (дата обращения: 18.09.2024).
- ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/about/history/chronicle/2011/> (дата обращения: 18.09.2024).
- Лукойл. URL: <https://lukoil.ru/Company/history> (дата обращения: 18.09.2024).
- Завальный П. Что такое цифровизация российской энергетики. Удастся ли нам создать принципиально новое качество отрасли // Независимая газета. 2018. 12 нояб. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2018-11-12/9_7436_week.html (дата обращения: 14.07.2023).
- История развития цифровой экономики России // Государственный университет управления. URL: <https://guu.ru/история-развития-цифровой-экономики/> (дата обращения: 11.09.2024).
- Топливо-энергетический комплекс России 2000–2006 гг. : справочно-аналитический обзор. М. : ИАЦ «Энергия», 2007. 478 с.
- Газпром в цифрах 2002–2006 гг. : справочник. М., 2007. 60 с.
- Жуков Ю.Н. Электронная модель предприятия сотовой угледобычи (в порядке обсуждения) // ТЭК и ресурсы Кузбасса. 2007. № 4. С. 66–69.
- Ратманова И.Д., Коровкин С.Д., Железняк Н.В. Информационная модель топливно-энергетического комплекса как основа анализа энергетической безопасности региона // Информационные технологии. 2009. № 9. С. 9–15.
- Баранец Н.Г., Веревкин А.Б. Образ кибернетики в памяти отечественной науки // История и педагогика естествознания. 2018. № 3. С. 52–56.
- Воспоминания В.Н. Лифшица. Стенограмма беседы от 27 марта 2023 г.
- Информатизация топливно-энергетического комплекса, 1994 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10240. Оп. 1. Д. 966.
- Протокол заседания Научно-технического Совета ОАО «Газпром», 2–5 ноября 1998 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 977. Оп. 1. Д. 1579.
- Результаты важнейших работ Минтопэнерго России по межотраслевым научно-техническим программам в 1994 г. : сб. Минтопэнерго России // ГА РФ. Ф. 10240. Оп. 1. Д. 966.
- Письмо Председателю Совета Министров – Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдину, 09.09.1993 г. // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 5767.
- Документы по развитию электронной, энергетической и электротехнической промышленности (справки, предложения, письма и др.), 2 апреля 1992 – 25 июня 1992 // ГА РФ. Ф. 10062. Оп. 1. Д. 776.
- Дело о первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке инновационной деятельности в промышленности. Т. 2: 25 сентября 1995 – 26 декабря 1995 // ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3651.
- Переписка с Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации по вопросам подготовки проекта плана реализации Концепции развития профессиональной подвижной радиосвязи и стратегии развития информационного общества в Российской Федерации за 2008 год, 19 марта 2008 – 24 марта 2008 // ГА РФ. Ф. 10216. Оп. 1. Д. 527. Л. 27.
- Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы ДАО «Газавтоматика», 1993 г. // РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 71.
- Опыт создания и внедрения систем сертификации, средств измерений и устройств автоматизации, разработанных и поставляемых для газовой промышленности, 07 декабря 1993 г. // РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 206.
- Справки министерств, ведомств, комитетов, научных организаций, отделов ЦК КПСС и др., отложившиеся у Рыжкова Н.И. в связи с подготовкой и проведением совещания в ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу. Август–ноябрь 1983 – ноябрь 1984 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 653. Оп. 1. Д. 57.
- Пояснительная записка к годовому отчету о финансово-хозяйственной деятельности ЦДО (целевое дочернее общество) «ТНК-Уват» (перспективы развития общества, результаты работы общества по основной и вспомогательной деятельности за год, сравнение с предыдущими) // Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 2403. Оп. 1. Д. 129.
- Развитие автоматизированного картопостроения и оснащение камеральных групп ПЭВМ, ДАООТ «Тюменнефтегеофизика», 1994 г. // ГАТюмО. Ф. 2338. Оп. 1. Д. 18.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318.
- ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 108.
- ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 226.
- Отчет о работе электростанции по основной деятельности за 1996 г. // Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 807.
- Пакет прикладных программ по автоматизации проектирования виброзащитных систем // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3463. Оп. 1. Д. 365.
- Автоматизация шахтных печей // ГАИО. Ф. Р-3463. Оп. 1. Д. 365.
- Барнинова В.А., Девятова А.А., Ломов Д.Ю. Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16, № 4. С. 126–145.

References

- Kuznetsova, D.Yu. & Borisova, V.V. (2021) Tsifrovizatsiya gazovoy otrasli RF [Digitalization of the gas industry of the Russian Federation]. In: *Tsifrovaya transformatsiya promyshlennosti: trend ili neobkhodimost'* [Digital Transformation of Industry: Trend or Necessity]. Moscow: RUSAYNS. pp. 144–148.

2. Russian Federation. (2016) *O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2016 № 642 g.* [On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree No. 642 of the President of the Russian Federation of December 1, 2016]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3> (Accessed: 13th August 2023).
3. *Siberian Coal Energy Company (SUEK)*. [Online] Available from: https://suek-krasnoyarsk.ru/o_kompanii/inform (Accessed: 18th September 2024).
4. *PAO Rospadskaya*. [Online] Available from: <https://raspadskaya.com/ru/> (Accessed: 18th September 2024).
5. *PAO Gazprom*. [Online] Available from: <https://www.gazprom.ru/about/history/chronicle/2011/> (Accessed: 18th September 2024).
6. *Lukoil*. [Online] Available from: <https://lucoil.ru/Company/history> (Accessed: 18th September 2024).
7. Zavalnyy, P. (2018) Chto takoe tsifrovizatsiya rossiyskoy energetiki. Udastya li nam sozdat' printsipial'no novoe kachestvo otrasli [What is the digitalization of the Russian energy sector. Will we be able to create a fundamentally new quality of the industry]. *Nezavisimaya gazeta*. 12th November. [Online] Available from: https://www.ng.ru/ng_energiya/2018-11-12/9_7436_week.html (Accessed: 14th July 2023).
8. The State University of Management. (n.d.) *Istoriya razvitiya tsifrovoy ekonomiki Rossii* [History of the Development of the Digital Economy of Russia]. [Online] Available from: <https://guu.ru/istoriya-razvitiya-ekonomiki/> (Accessed: 11th September 2024).
9. Bushuev, V.V. & Gromov, A.I. (eds) (2007) *Toplivno-energeticheskiy kompleks Rossii 2000–2006 gg.: spravochno-analiticheskiy obzor* [Fuel and energy complex of Russia 2000–2006: A reference and analytical review]. Moscow: IATs “Energiya.”
10. Gazprom. (2007) *Gazprom v tsifrah 2002–2006 gg.: spravochnik* [Gazprom in numbers for 2002–2006: A reference book]. Moscow.
11. Zhukov, Yu.N. (2007) Elektronnaya model' predpriyatiya sotovoy ugledobychi (v poryadke obsuzhdeniya) [Electronic model of a cellular coal mining enterprise (for discussion)]. *TEK i resursy Kuzbassa*. 4. pp. 66–69.
12. Ratmanova, I.D., Korovkin, S.D. & Zheleznyak, N.V. (2009) Informatsionnaya model' toplivno-energeticheskogo kompleksa kak osnova analiza energeticheskoy bezopasnosti regiona [Information model of the fuel and energy complex as a basis for analyzing the region's energy security]. *Informatsionnye tekhnologii*. 9. pp. 9–15.
13. Baranets, N.G. & Verevkin, A.B. (2018) Obraz kibernetiki v pamyati otechestvennoy nauki [The image of cybernetics in the memory of Russian science]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya*. 3. pp. 52–56.
14. Lifshits, V.N. (2023) *Vospominaniya V.N. Lifshitsa. Stenogramma besedy ot 27 marta 2023 g.* [Memories of V.N. Lifshitz. Transcript of conversation from March 27, 2023]. [Transcript]
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Informatizatsiya toplivno-energeticheskogo kompleksa, 1994 g.* [Informatization of the fuel and energy complex, 1994]. Fund 10240. List 1. File 966.
16. The Russian State Archives of Economics (RGAE). *Protokol zasedaniya Nauchno-tekhnicheskogo Soveta OAO “Gazprom”, 2–5 noyabrya 1998 g.* [Minutes of the meeting of the Scientific and Technical Council of OAO Gazprom, November 2–5, 1998]. Fund 977. List 1. File 1579.
17. Ministry of Fuel and Energy of Russia. (n.d.) *Rezultaty vazhneyshikh rabot Mintopenergo Rossii po mezhotraslevym nauchno-tekhnicheskim programmam v 1994 g.* [Results of the most important works of the Ministry of Fuel and Energy of Russia on intersectoral scientific and technical programs in 1994]. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 10240. List 1. File 966.
18. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Pis'mo Predsedatelyu Soveta Ministrov – Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii V.S. Chernomyrdinu* [Letter to the Chairman of the Council of Ministers – Government of the Russian Federation V.S. Chernomyrdin, September 9, 1993]. September 9, 1993 g. Fund 10200. List 4. File 5767.
19. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Dokumenty po razvitiyu elektronnoy, energeticheskoy i elektrotekhnicheskoy promyshlennosti (spravki, predlozheniya, pis'ma i dr.), 2 aprelya 1992 – 25 iyunya 1992* [Documents on the development of the electronic, energy and electrical engineering industries (references, proposals, letters, etc.), April 2, 1992 – June 25, 1992]. Fund 10062. List 1. File 776.
20. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Delo o pervoocherednykh merakh po razvitiyu i gosudarstvennoy podderzhke innovatsionnoy deyatel'nosti v promyshlennosti* [Case on priority measures for the development and state support of innovative activities in industry]. Vol. 2. Fund 10200. List 5. File 3651.
21. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Perepiska s Ministerstvom informatsionnykh tekhnologiy i svyazi Rossiyskoy Federatsii po voprosam podgotovki projekta plana realizatsii Kontseptsii razvitiya professional'noy podvizhnoy radiosvyazi i strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2008 god, 19 marta 2008 – 24 marta 2008* [Correspondence with the Ministry of Information Technology and Communications of the Russian Federation on the preparation of a draft plan for the implementation of the Concept for the Development of Professional Mobile Radio Communications and the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2008, March 19, 2008 – March 24, 2008]. Fund 10216. List 1. File 527. p. 27.
22. The Russian State Archives of Economics (RGAE). *Nauchno-issledovatel'skie i opytно-konstruktorskije raboty DAO “Gazavtomatika”, 1993 g.* [Research and development work of DAO Gazavtomatika, 1993]. Fund 977. List 1. File 71.
23. The Russian State Archives of Economics (RGAE). *Opyt sozdaniya i vnedreniya sistem sertifikatsii, sredstv izmereniy i ustroystv avtomatizatsii, razrabotannykh i postavlyaemykh dlya gazovoy promyshlennosti, 07 dekabrya 1993 g.* [Experience in the creation and implementation of certification systems, measuring instruments and automation devices developed and supplied for the gas industry, December 7, 1993]. Fund 977. List 1. File 206.
24. The Russian State Archives of Socio-Political History. (1984) *Spravki ministerstv, vedomstv, komitetov, nauchnykh organizatsiy, otdelov TsK KPSS i dr., otlozhivshiesya u Ryzhkova N.I. v svyazi s podgotovkoy i provedeniem soveshchaniya v TsK KPSS po nauchno-tekhnicheskomu progressu. Avgust–noyabr' 1983 – noyabr' 1984 g.* [Certificates from ministries, departments, committees, scientific organizations, departments of the Central Committee of the CPSU, etc., deposited with Ryzhkov N.I. in connection with the preparation and holding of a meeting of the Central Committee of the CPSU on scientific and technological progress. August–November 1983 – November 1984]. Fund 653. List 1. File 57.
25. The State Archives of the Tyumen Region (GATyumo). *Poyasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu o finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti TsDO (tselevoe dochernee obshchestvo) “TNK-Uvat” (perspektivy razvitiya obshchestva, rezultaty raboty obshchestva po osnovnoy i vspomogatel'noy deyatel'nosti za god, sravnenie s predydushchimi)* [Explanatory note to the annual report on the financial and economic activities of the Central Department (target subsidiary) “TNK-Uvat” (development prospects of the company, results of the company's work in primary and auxiliary activities for the year, comparison with previous ones)]. Fund 2403. List 1. File 129.
26. The State Archives of the Tyumen Region (GATyumo). *Razvitie avtomatizirovannogo kartopostroyeniya i osnashchenie kameral'nykh grupp PEVM, DAOOT “Tyumenneftegeofizika”, 1994 g.* [Development of automated mapping and equipping office groups with PCs, DAOOT Tyumenneftegeofizika, 1994]. Fund 2338. List 1. File 18.
27. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-2023. List 1. File 318.
28. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-2023. List 1. File 108.
29. The State Archives of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-2023. List 1. File 226.
30. The State Archives of Kuzbass (GAK). *Otchet o rabote elektrostantsii po osnovnoy deyatel'nosti za 1996 g.* [Report on the operation of the power plant on the main activities for 1996]. Fund R-787. List 1. File 807.
31. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). *Paket prikladnykh programm po avtomatizatsii proektirovaniya vibrozashchitnykh sistem* [Package of applied programs for automation of design of vibration protection systems]. Fund R-3463. List 1. File 365.
32. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). *Avtomatizatsiya shakhtnykh pechey* [Automation of Shaft Furnaces]. Fund R-3463. List 1. File 365.

33. Barinova, V.A., Devyatova, A.A. & Lomov, D.Yu. (2021) Rol' tsifrovizatsii v global'nom energeticheskom perekhode i v rossiyskoy energetike [The Role of Digitalization in the Global Energy Transition and in the Russian Energy Sector]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 16(4). pp. 126–145.

Сведения об авторе:

Соловенко Игорь Сергеевич – доцент, доктор исторических наук, доцент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: solovenko71@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Solovenko Igor S. – Associate Professor, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 16.10.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/19988613/93/12

Формирование образов радикалов в революционной периодической печати Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Владислав Андреевич Строкольский

Томский государственный университет, Томск, Россия, kemerovo40@gmail.com

Аннотация. Выявляется специфика формирования образов российских революционеров-террористов в нелегальных газетах «Народная воля» и «Революционная Россия». Конструирование образа русского радикала во второй половине XIX – начале XX в. происходило на основе апеллирования к христианской традиции. Публицисты сравнивали террористов с известными личностями, а также мифическими героями. Радикалы стремились выстроить идеальную линию жизненного пути террористов от рождения до смерти, отмечая их индивидуальность и стремление к высшим нравственным идеалам, с целью последовать их примеру «самоотвержения».

Ключевые слова: информационное поле, образ русского революционера, революционный террор, периодическая печать

Для цитирования: Строкольский В.А. Формирование образов радикалов в революционной периодической печати Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 94–102. doi: 10.17223/19988613/93/12

Original article

Formation of the images of radicals in the revolutionary periodicals of Russian Empire in the second half of the 19th century and in the early 20th century

Vladislav A. Strokolskiy

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kemerovo40@gmail.com

Abstract. This article aims to determine the specifics of forming the image of Russian revolutionary (radicals) in the illegal newspapers «Narodnaya Volya» and «Revolutionary Russia». The unique informational sources include many different materials – policy documents, letter of the revolutionary (Narodnik's and Esers), testimony at the trial, publicity material about recent events all over the country.

In the second half of the 19th century and in the early 20th century, the image of revolutionary was influenced by Christian tradition. The radical publicists appealed to stories from the Scriptures and early Christianity and draw parallels with modern realities. Russian terrorists have been compared to the tyrannies and radicals of recent and distant history. This was done in order to legitimate the terroristic activity. It was a definite character: the revolutionaries were involved in the "course of history" that would lead to revolution.

The Socialist-Revolutionaries' publicists compared terrorists with the image of legendary heroes from ancient and medieval mythology and modern poetry. They also appealed to images of «martyrs» (revolutionary of Narodnaya Volya). Therefore, the image was literary character and not real. The heroic image was to represent the peasantry and proletariat because the terrorists were from the lower classes. The audience connected their life with difficult situation of revolutionary and felt compassion for them. The populace became influential social support of Socialist-Revolutionary Party and Combat Organization.

Publicists of «Narodnaya Volya» sought to create an ideal line of revolutionary life from birth to death. Autobiographies of the Socialist-Revolutionaries were to become very popular in «Revolutionary Russia». They marked the individuality of revolutionaries and their desire for a moral ideal. Terrorists accepted their death with confidence and were sure of the right path. The way of the terrorist was permanent «wandering» in which he eventually chooses between joining the Social Revolutionary Party or the Combat Organization. The use of personal sources was necessary for objectivity of the images of radicals and their ideas and thoughts.

The image of ideal revolutionary was created for inspiring the like-minded people and supporters of the terror to follow «self-sacrifice» model. The image also had an impact on the collective memory of people, in which revolutionaries would remain in a positive tone.

Keywords: information field, image of Russian revolutionary, revolutionary terror, periodical press

For citation: Strokolskiy, V.A. (2025) Formation of the images of radicals in the revolutionary periodicals of Russian Empire in the second half of the 19th century and in the early 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 94–102. doi: 10.17223/19988613/93/12

Актуальность исследования и обзор источников

Актуальность исследования данной темы вызвана значительным влиянием информации в современном обществе. Информационное поле постоянно пополняется новыми каналами распространения источников. Средства массовой информации не только отражают мнение общества по различным вопросам, но и наращивают его, оказывая влияние на мировоззрение людей. Происходит формирование устойчивых взглядов на определенные проблемы, процессы, оценки личностей через активное тиражирование публицистических и аналитических статей. Кроме того, в современном мире нередки случаи совершения террористических актов. Поэтому различные государства и общественные группы также воспринимают данную проблему и публично дискутируют над ней.

Изучение феномена политического радикализма стало популярно в исторической науке с конца XX в. Проблема террора стала самостоятельным научным полем, до сих пор вызывая среди исследователей дискуссии [1, 2]. Историки ставят вопрос об истоках и предпосылках революционного терроризма, размышляя о том, что стало фактором формирования общественного запроса на террор. В немалой степени это вызвано созданием героического образа революционера, который привлекал народные массы. В целом образ революционера-террориста – это результат восприятия личности сторонника радикальных мер, формирующийся в различных информационных потоках. Кроме того, это и идеальная форма отражения революционера со стороны радикалов, которые создавали его в революционной публицистике. К исследованию образа террориста сегодня обращаются многие специалисты в области изучения революционного движения и общественного мнения.

Ведущим исследователем является Анна Гейфман, которая изучала развитие революционной ситуации в годы правления Николая II. Дав характеристику эсеровскому террору, она заявила, что у общества было особое отношение к террористам как к героям, готовым к самопожертвованию [3. С. 22–23]. М. Могильнер выдвинула гипотезу о существовании так называемой «подпольной России» в противовес легальной России. Подпольная Россия – это «нелегальное» пространство, где сосуществуют леворадикальные деятели, задача которых – создать положительный образ радикального интеллектуала. Автором делается вывод, что процесс мифологизации шел не только в среде революционной интеллигенции, но и в низах. Общество поддерживало действия террористов, что подталкивало радикалов распространять образ героя в публичном поле [4]. Ю.А. Сафронова, изучая общественное мнение о радикализме, делает вывод о существенном различии в понимании обществом террора после терактов народовольцев. Терроризм вызвал среди российского общества широкую дискуссию, которая велась через разные каналы коммуникации [5].

Цель данной статьи – определить специфику формирования образов российских революционеров (радикалов) в нелегальных газетах «Народная воля» и

«Революционная Россия». Выбор источников неслучаен: это одни из самых крупных и тиражируемых нелегальных революционных изданий Российской империи.

«Народная воля» – периодическое издание, публикуемое одноименной революционной организацией. Газеты издавались большими тетрадями в тайных типографиях Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. Всего народовольцы с 1879 по 1885 г. выпустили 12 номеров. Параллельно с газетой организация публиковала «Листки “Народной воли”», которые выходили с 1880 по 1886 г. Главными редакторами газеты были видные деятели народничества – Л.А. Тихомиров, Н.А. Морозов (1879–1881) и Г.А. Лопатин (1881–1885). Тираж достигал 3 тыс. экземпляров. Каждый номер газеты вбирал в себя продолжительный период деятельности организации. Около трети всех издаваемых газетой материалов составляли программные документы. «Народная воля» также печатала корреспонденции из разных городов Российской империи о политических процессах и героическом поведении революционеров на судебных заседаниях и в заключении. Ю.А. Сафронова указывает, что читательская аудитория «Народной воли» была выше, чем у иных российских нелегальных изданий того времени [5. С. 175]. Она отмечает широту распространения газеты. Народовольцы рассылали свою публицистику по губерниям на почты самых разных лиц – от высокопоставленных чиновников до сельских старост. Кроме того, революционеры отправляли свои материалы по редакциям легальных изданий. Поэтому, как пишет Ю.А. Сафронова, «Народную волю» читала не только революционно настроенная молодежь, которая была основной целевой аудиторией газеты, но и представители высших эшелонов власти [5. С. 175–176]. Несмотря на строгие наказания за изготовление, хранение и распространение нелегальной литературы, российское общество было знакомо с революционными изданиями, которые распространялись народовольцами [5. С. 44].

«Революционная Россия» – нелегальная революционная газета, основанная в 1900 г. А.А. Аргуновым, одним из лидеров эсеров. Издаваемое Союзом социалистов-революционеров издание с 1902 г. стало центральным печатным органом Партии эсеров. В 1900 по 1902 г. номера газеты выпускались в Финляндии (Куоккала) и Томске, а с 1902 г. – в Париже и Женеве. В разные годы «Революционная Россия» выходила с различной периодичностью (от одного до нескольких раз в месяц). Всего было выпущено 77 номеров за 1900–1905 гг. Можно говорить о больших тиражах газеты в сравнении с «Народной волей». Если в 1901 г. тираж «Революционной России» составлял 500 экземпляров, то в 1904–1905 гг. он достигал уже от 12 до 15 тыс. По территории Российской империи газета распространялась нелегальным способом и имела широкое хождение. В редакцию «Революционной России» в разное время входили М.Р. Гоц, В.М. Чернов, Л.Э. Шишко. В работе газеты активное участие принимал и лидер Боевой организации Г.А. Гершуни. Периодическое издание вбирает в себя самые разные материалы – программные документы, письма революционеров, стихотворения, следственные показания,

публицистику с оценкой происходящих в стране событий. «Революционная Россия» была очень богата фактическими корреспонденциями из России. Основная читательская аудитория включала в себя революционно настроенную молодежь и низшие слои общества – крестьянство и наемных рабочих.

В связи с этим использование данных источников для исследования проблематики создания образов революционеров-террористов релевантно.

Особенности радикального информационного поля

Информационное поле – это «информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленное репертуаром тем» [6. С. 40]. В информационном поле радикалов образ революционера формировался с помощью различных источников, основным из них была периодическая печать. Периодика как ключевой канал распространения информации получила широкое распространение во второй половине XIX в. Газеты оказывали влияние на мировоззрение российского общества, отражая представления различных социальных групп по насущным социально-экономическим и политическим проблемам. В том числе там зафиксированы устойчивые образы прошлого. Поэтому информационное поле можно рассматривать как сферу, где происходила борьба за общественное мнение, поскольку каждая из сторон стремилась оказать воздействие на общество.

Особенность периодической печати была и в том, что она аккумулировала совокупность разных источников. Например, на страницах нелегальной радикальной периодической печати размещались агитационные материалы (прокламации, листовки) и источники личного происхождения (судебные речи и письма). Все они решали вполне конкретные задачи. При этом публикуемые материалы носили избирательный характер: редакторы старались не допускать неприглядные факты из жизни русских революционеров, чтобы сформировать положительный образ радикала у народных масс. Происходило своего рода конструирование образа, в процессе которого выстраивался идеальный портрет «героя-борца».

В публичном пространстве наблюдалась общественно-идеологическая полемика между публицистами радикальной и легальной периодики, каждая из которых формировала свой взгляд на террор и образ революционера. Народовольцы критиковали те штампы, которыми их наделили в консервативной или либеральной периодической печати. Например, отвергая обвинения в безнравственности, радикалы заявляют, что именно на их стороне «и нравственность, и справедливость, и мысль, и вообще все самые могущественные двигатели человеческого духа» [7]. Радикалы оппонировали и характеристике народников как «недоучек», указывая на большое количество изобретений, произведенных за подготовку теракта и заявляя, что «знание и изобретательность – несомненно на стороне “недоучек”» [8]. При этом народовольцы заявляют о всемерной поддержке террористов народными массами,

оппонируя, например, «Московским ведомостям», которые заявляли об узкой социальной базе революционеров.

В начале XX в. также разворачивались дискуссии по поводу оценки «идеального образа», но уже между представителями революционных изданий. Вызвано это было возрастанием на рубеже XIX–XX вв. количества социалистических организаций, которые по-разному относились к террору. Основным оппонентом «Революционной России» выступала «Искра», издаваемая РСДРП в 1900–1905 гг. Споры между ними возникали по самым разным вопросам, не только касавшимся оценки личностей террористов. Поэтому эсеровские публицисты, стремившись утвердить «истинную» точку зрения на образ революционера-террориста, прибегали к анализу и корректировке тех образов, которые возникали на страницах других газет.

Формирование образа революционера-террориста в газете «Народная воля»

Нелегальная пресса 1870–1880-х гг. в основном апеллировала к христианству через идею мученичества во имя блага человечества: «Картина последних казней невольно переносит наше воображение в эпоху первых христианских мучеников, и недаром Лизогуб, Чубаров и Давиденко, отказавшись от последних напутствий священника, взяли все-таки из его рук крест и поцеловали его как символ, воплощающий в себе страдание человека за идею» [9]. На суде революционер всегда заявлял единомышленникам о необходимости трагической жертвы, воодушевляя их встать на путь террора.

В «Народной воле» мы встречаем обращение к сюжетам Священного Писания. Революционеры заявляют о непоколебимой «вере и стойкости убеждений» перед казнью, показывая готовность принять мученическую смерть. Публицистами отмечаются твердость и спокойствие радикалов перед лицом неминуемой гибели. Такая стойкость духа побуждает сподвижников совершить подобный «подвиг». Делая такой шаг, радикал, например, апеллирует к судьбе Иисуса Христа: «Высший пример человеколюбия самопожертвования был, без сомнения, Спаситель» [10]. Судебное заседание, на котором оглашается приговор преступникам, тоже помещается в контекст раннехристианской эпохи. Так, например, народник М.П. Овчинников сравнивает судей с «евангельскими фарисеями, которые обвиняли Христа за то, что он не избегал общения с блудницами и мытарями» [11].

Народовольцы сопоставляют путь достижения социализма с историей распространения христианства, отождествляя социалистическое общество с «царством небесным» [11]. Сам факт ареста революционера является «неопровержимым свидетельством святости и силы этой [социалистической] идеи, <...> чудотворная сила которой равна разве сила *апостольской проповеди*» [11]. Достичь царства небесного возможно только через акт самопожертвования. В целом образ рая, куда, несомненно, попадут все террористы, неоднократно встречается в «Народной воле» при описании жиз-

ненного пути радикалов. Аресты представителей народничества сравниваются с преследованиями последователей учения Христа. На страницах газеты прослеживается нарратив о продолжении борьбы до тех пор, пока справедливое мироустройство не будет установлено: «Всякая новая идея всегда преследовалась, и чем могущественнее была эта идея, тем сильнее были преследования; но также известно, что эти преследования ни к чему не приводили, разве только делали борьбу ожесточеннее» [11]. Поэтому террор рассматривается «как историческая необходимость», поскольку «весь ход истории ведет к революции» [12], что говорит о том, что весь путь радикалов предопределен. Преследуя цель оставить след в истории, радикальные публицисты создают «мартиролог борцов, павших за свободу русского народа», состоящий из казненных революционеров-террористов. «Каждая черта из жизни этих людей теперь есть достояние истории» [13].

Социализм предлагает совершенно иную с нравственной точки зрения систему ценностей, как бы противопоставляя ее существующей общественной морали. Радикалы заявляют о некотором просветлении и трансформации революционеров под влиянием социалистического учения. Овчинников, например, отмечает: «Прежде я пренебрегал нравственностью, был эгоистичен, готов был принести все в жертву своей личной выгоде, теперь я решил посвятить свою жизнь на служение правде и народному делу, отречься от всяких личных выгод, все личное пожертвовать этому делу. Счастье и благо народное, торжество света и правды – вот теперь единственная цель моей жизни» [11]. Здесь тоже можно выявить определенные параллели с идеями христианства, которые противопоставляли себя господствовавшим ценностям, связанными с политеизмом.

Самым распространенным способом конструирования образа радикала стало создание идеальных биографий некоторых героев-революционеров, которые походили на жизнеописания святых или жития. Жизненный путь в таких биографиях протекает по схожей схеме: герой на пути достижения своей цели преодолевает неудачи, борется со своими страхами и сомнениями, находится в постоянном поиске себя. В период так называемого «просветления» он попадает под влияние социалистов и становится членом «русской социальнo-революционной партии» [14].

В качестве примера приведем жизненный путь Валериана Осинского, выходца из небогатой крестьянской семьи. «Идеальные» качества (по сути, христианские добродетели) революционера, согласно радикальной печати, формировались у него с самого детства, например гуманность и любовь к ближнему: «[Он] всюду находил случай применять свои гуманные наклонности, любовь свою ко всему страждущему и угнетенному» [14]. Юный Валериан поддерживал смертельно больного отца: «Старик плакал от умиления, когда увидел Валериана; несколько дней последний не отходил от постели больного, с любовью исполняя обязанности сиделки» [14]. Отмечается, что будущий революционер выделялся среди своих сверстников, в частности «уже в детские годы в харак-

тере Валериана лежала черта неустрашимой храбрости» [14].

В жизнеописании прослеживается нарратив о том, что встать на путь террора молодого человека подтолкнули тяжелые условия жизни, а именно отсутствие законной возможности поднимать политические вопросы: «...если легальная деятельность поставлена в нелепые и бессмысленные условия, то необходима деятельность насильственная – это положение становилось ясным, как день» [14]. Правительство как будто своими действиями вынудило перешагнуть через мораль «людей, глубоко гуманных и неспособных к кровопролитию» [5. С. 178]. Довольно типичным объяснением террора в радикальной среде стала так называемая «самозащита»: «Мы уклоняемся от политической борьбы; убийства же имеют просто характер самозащиты: нам мешают шпионы – и мы их устраняем, нас теснят Мезенцевы¹ – и мы платим *кровью за кровь*» [5. С. 178]. В этой связи довольно любопытно видеть противопоставление радикальных кругов правительства и террористов. Так, в «Народной воле» нередко встречается оппозиция «красный террор Исполнительного комитета» – «белый террор правительства» [12], которая характеризует ответные меры насилия радикалов на охранительную политику самодержавия. Кроме того, революционеры представляются «высшей культурной расой», которая противопоставляется «диким ордам правительства» [8]. Данная оппозиция встречалась гораздо реже в «Народной воле», в отличие от растиражированного «красного и белого террора».

Финальный отрезок пути террориста – это всегда судебное заседание, определяющее его судьбу. Через процесс казни читателям демонстрируется героический образ радикала. Участие террориста в процессе, несомненно, поражает присутствующих на суде: «Его молодость, его привлекательная наружность, полная достоинства речь его расшевелили великосветскую публику, собравшуюся посмотреть на борцов и страдальцев за народное дело» [8]. Как отмечал Н.А. Троицкий, судебные заседания являлись для революционеров площадкой высказывания своих политических взглядов перед судьями, выступая своеобразным «актом революционной борьбы» [15. С. 5]. Поэтому неудивительно, что именно они тиражировались публицистами «Народной воли».

Важным элементом создания образа радикала становится описание страданий, которые испытывают революционеры, находясь в тюрьме, что также отсылает нас к христианским страдальцам за веру. Любопытно различное отношение революционеров к приговору. Для Окладского смягчение приговора (например, замена смертной казни каторгой) было подобно «оскорблению» [12]. Скорее всего, это считалось несправедливым в отношении тех товарищей, которым была уготована более суровая мера наказания. Для Бильчанского каторга воспринималась как еще одна понесенная жертва, ее важность оценивалась не менее, чем значение казни: «Вечная каторга – та же смерть, только более мучительная, более медленная» [10].

Нередко публицисты «Народной воли» при описании образа революционера рефлексировали на тему

террора, сравнивая русских революционеров с европейскими радикалами настоящего и прошлого: «Те же фигуры, характеры мы видим и в годы польских восстаний, в годы французской коммуны и в годы нидерландской борьбы за независимость» [16]. Также газета приводит в пример Великую Французскую революцию в качестве катализатора революционных настроений по всему миру, в том числе и в России [16]. Мы видим, что народовольцы словно претендовали на место в мировой или европейской истории революционных движений. В другом номере журналисты заявляют, что террор не является чем-то уникальным для народников и поэтому их можно поставить в один ряд с другими тираноубийцами: «Это просто особый род политической борьбы, к которому прибегают и аристократы, и клерикалы, и либералы, и просто интриганы: Равальяки, Анкарстрёмы, Шарлотты Корде, Лувели, русские сиятельные убийцы Петра III и Павла», вспоминая чистый образ Засулич, которой было «тяжело поднять руку на человека» [17].

При всей шаблонности биографий и избирательности фактов, содержащихся в них, радикальные публицисты как будто не отрицают существования неидеальных революционеров, которые не вписываются в данную парадигму. Например, в контексте покушения А.К. Соловьева на Александра II в 1879 г. публицисты «Народной воли» заявляют, что не все «социалисты-революционеры поголовно и без исключения существа идеально-нравственные и что все действия их безусловно нравственны <...> Есть между нами малодушные, увлекающиеся и больше всего невыработанные люди» [7]. Неидеальные революционеры, на взгляд публициста, привержены принятым в обществе ценностям и взглядам. В то же время он отмечает, что таких людей все же меньшинство, поскольку большая часть народовольцев ведет себя героически: «Это какие-нибудь два-три-пять случаев, которые никаким образом не могут дискредитировать и марать партию, явившую так много примеров великодушия, самопожертвования и высочайшей нравственности» [7]. Сами же «неидеальные» примеры не приводятся.

Таким образом, в данный период происходила христианизация образа революционера. Радикалы при конструировании образа ссылались на сюжеты из Священного Писания и апеллировали к периоду раннего христианства, проводя параллели с современностью. Обращение к религии было логичным, поскольку российское общество того времени было достаточно верующим, ему были знакомы библейские тексты, и они улавливали те образы, которыми наделяли радикалы революционеров. В целом это довольно распространенный штамп, который был узнаваем и близок людям и не подразумевал под собой никаких негативных коннотаций. Радикальные тексты пронизаны идеей борьбы «добра и зла», где «доброе» выступают народнические организации, а «злом» – правительство и те, кто препятствует «торжеству революции». Поэтому неслучайно публицисты использовали всевозможные антитезы, чтобы противопоставить радикализм правящему режиму.

Публицисты «Народной воли» стремились выстроить идеальную линию жизненного пути террористов

от рождения до смерти, отмечая их индивидуальность и стремление к высшим нравственным идеалам. Они, словно «мученики», спокойно принимают свою гибель, будучи уверенными в правильном, на их взгляд, пути. Создание образа идеального радикала решало несколько задач. Первая – воодушевление единомышленников последовать их примеру «самоотвержения». Вторая – оказание влияния на коллективную память людей, чтобы остаться у потомков в положительном свете: «Но не доблесть их станем мы разбирать: их оценят потомки» [18]. Именно с помощью биографических источников данная цель достигалась наиболее эффективно, поскольку они формировали целостный образ.

Возвращение к идеальному образу в «Революционной России»

После покушения на Александра II радикальная периодика на два десятилетия прекратила просветление образа революционеров в связи с усилением правительственной реакции и существенным снижением общественного запроса на террор. Конструирование идеального образа в русской радикальной прессе возобновилось с 1900 г., после создания нелегальной газеты «Революционная Россия». Террор в Российской империи возобновился с покушением социал-демократа П.В. Карповича на министра просвещения Н.П. Боголепова. Карпович, несмотря на иную партийную принадлежность, воспринимался эсерами «своим», поскольку разделял террор как метод революционной борьбы. Так же воспринимался эсерами и террорист-одиночка Н. Лаговский, совершивший покушение на К.П. Победоносцева. Оба террориста ставятся радикалами в один ряд с народницей Верой Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова. Покушения Лаговского и Карповича стали определенной точкой невозврата, поскольку озаменовали возвращение левых сил к террористическим мерам. Аргументировали возвращение к террору социалисты-революционеры неким общественным запросом: «Всякий акт революционеров проходит при сильном сочувствии различных общественных групп, при могучей поддержке поднимающегося пролетариата» [19].

Эсеры использовали привычные для радикалов прошлой эпохи приемы конструирования идеального образа. Во-первых, это публикация писем революционеров, в которых они заявляют о своих мотивах совершения преступления. Например, в письме Степана Балмашева, адресованном родителям, он заявляет, что встать на путь террора его подтолкнули «неумолимые, беспощадные условия русской жизни» [20]. Убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина воспринимается террористом как «долг гражданина», как «жертва великому делу облегчения участи трудящихся и угнетаемых», поэтому Балмашев не раскаивается в преступлении. Террорист считает, что совершил жестокость не столько самим фактом убийства, сколько последующим причинением страданий «горячо любимым и уважаемым родителям» [20]. Радикалам было важно вызвать сострадание у прочитавшей письмо

публики, поэтому перед нами Балмашев представляется как эмпатичный человек, которого заботит судьба родителей после преступления и казни революционера. Стоит сказать, что для радикалов личность Балмашева также имела ключевое значение, поскольку после его покушения «революционная Россия почувала возрождение борьбы Народной Воли» [20]. В целом апеллирование эсеров к «героям, отдающим свою жизнь за благо народа и за лучший мир и свободу», т.е. к народолюбцам, довольно типично при формировании ими идеального образа радикала. Вновь жертвенность и стойкость являются ключевыми характеристиками формируемого образа [21].

Популярность в «Революционной России» приобретает жанр автобиографий, отсутствующий в газете «Народная воля». Биографии народолюбцев были написаны после судебных процессов над ними публицистами газеты и в целом демонстрируют весь их жизненный путь с детства до казни или ссылки. Здесь же революционеры заявляют о себе еще до окончания своего революционного пути. Важно сказать, что автобиографии были написаны от лица непосредственного исполнителя террористического акта. В период «Народной воли» биографии были посвящены второстепенным деятелям революционного движения, которые лишь принимали участие в подготовке терактов. В целом автобиографии отличаются схематизмом, присущим биографиям народолюбцев.

Свое отражение в конструировании образа нашла идеологическая борьба между социал-демократами и эсерами. Классическим нарративом в биографиях террористов становится процесс осознания принадлежности себя именно к *эсерам*. Так, если сначала многие социалисты-революционеры, увлекшись революционной литературой, примыкали к партии большевиков, то затем, под влиянием образов народолюбцев и эсеров, решили связать свой жизненный путь с партией эсеров и террористической деятельностью. По большому счету этой цели и достигали радикалы, создавая идеальные образы.

При создании образа эсеров делается акцент на их происхождение из «низов». Ранее в биографиях не было акцента на социальной принадлежности террористов – они могли быть выходцами из совершенно разных слоев. Делался акцент на всеобщности дела, тогда как эсеры оказались нацелены на более узкую социальную базу. В биографиях эсеры улавливают потребности представителей рабочих и крестьян, чувствуют несправедливость по отношению к ним, на себе испытав эти самые «тяжелые условия». Публика из социальных низов, по замыслу радикалов, должна была отождествлять себя с социалистом, который шел на террористические меры, считая такие действия правильными, поскольку они в долгосрочной перспективе сыграют им на пользу. Так как возвращение террора было некой реакцией на сохранение социально-экономических проблем, радикалы ставили своей целью скорейшее их решение путем построения справедливого общества, что подкупало публику. Рабочее происхождение революционеров сопровождало их стремлению получить высшее образование и выйти в люди,

найти ответы на вопросы мироустройства и выйти из сложившегося положения. При всем этом мы можем полагать, что автобиографии корректировались редакторами, которые нарочно не раскрывали всей полноты картины.

В целом обоснование террора строится на основе других известных образов, как религиозно-мифологических, так и реальных. В автобиографиях радикалы использовали традиционные для народолюбцев ссылки на Новый Завет. Например, эсер Фома Качура сравнил социалистов-революционеров с Иисусом Христом и его последователями, поскольку все они стремились к созданию государства, «народного и свободного, в котором существует равенство и братство и любовь к ближнему, где жизнь и радость» [22]. Библейские ссылки также присутствуют в стихотворениях Григория Гершуни, который сравнивал Балмашева с Христом, предвещая ему, словно Иисусу, «воскресение» после «суда народного» [21. С. 3]. Тем самым история Христа была рассказом не только о муках во имя идеи, но и о торжестве воскресения [5. С. 191]. Судебное заседание также помещается в контекст раннехристианской истории. Например, судебный процесс над Г.А. Гершуни преподносится как Суд Пилата, где судья – это Пилат, а Гершуни словно воплощает образ Христа [23. С. 7]. Раскрывая образ «героев», один из публицистов заявляет, что «сам Иегова [то есть Бог] позавидовал их мощи, Люцифер – силе их ненависти, Давид – красоте их отваги» [24. С. 7].

В радикальной публицистике встречается также сравнение «светлых образов» эсеров со средневековым мифическим героем Роландом, «который, истекая кровью, не хотел бежать и скрываться; окруженный врагами – не сдавался» [24. С. 7]. Таким описанием делалась явная отсылка к поведению террористов при покушении. При этом автором отмечается, что люди, изначально скептически относясь к революционерам, после их «подвига» начинают ими вдохновляться. Социальные слои, за чьи права борются террористы, – «страдальцы, скованные [как] Прометей» [25. С. 3], что отсылает нас к известному древнегреческому герою. Также радикальные литераторы апеллируют к творчеству современных русских поэтов, например к стихотворениям Максима Горького. Карпович сравнивается со «смелым соколом», а Сазонов – со «смелым буревишником» [25. С. 2–3]. Облик террориста тем самым приобретал литературный эмоционально окрашенный характер. Революционер становился объектом мифотворчества, черпая элементы образов различных культур.

Кроме того, террористы сравниваются и с реальными деятелями прошлого. Например, встречается сопоставление с Франсуа Равальяком, убийцей французского короля Генриха IV. Это один из классических примеров «тираноубийства». Апеллирование к этому покушению неслучайно. Равальяк осуществил покушение в столице, среди бела дня. Подобными методами русские террористы осуществляли покушения на высокопоставленных лиц. Пример Равальяка, скорее, выделяется среди прочих, поскольку в классическом понимании тираноубийство производилось тайно, в результате заговора. Радикальными публицистами

он воспринимается как «герой», с которого ведется отсчет современных образов сторонников радикальных мер. Уже упомянутый Степан Балмашев ставится в один ряд с российскими противниками самодержавия – декабристом Бестужевым и народницей-террористкой Софьей Перовской. Имя Веры Фигнер также «так дорого и близко, так свято для каждого из революционеров» [26. С. 10]. В этом можно уловить некие параллели с формированием образа народовольцев, которые также апеллировали к известным деятелям революционного движения.

Изменения в механизмах формирования образа коснулись и традиционных для народников речей террористов с судебных заседаний. Радикалам было важно продемонстрировать аудитории реакцию оппонентов революционеров – судей, которые испытывали к ним разные чувства – страх и злобу, восхищение и сострадание. Аудитория становилась зрителем такого театрального действия. Воспринимая представленные образы подсудимых, она как бы вставала на место судей и тоже начинала восхищаться террористами или сострадать им. Кроме того, демонстрируются контрастные качества и поведение революционеров на судебном заседании, которые не всегда являются «героическими». Например, это касается «незаметного героя», лидера эсеров-боевиков Г.А. Гершуни, человека со «слабостями» [23. С. 8]. В «Революционной России» публиковались речи революционеров, которые совершили «неудавшиеся» покушения. Например, Ф.М. Фрумкина не осуждалась эсерами, напротив, в ее речи раскрываются мотивация террориста (те самые тяжелые условия) и опора на авторитет народовольцев, чья «мученическая смерть глубоко врезалась в душу» и стала стимулом к покушению [27. С. 5].

В боевой организации эсеров участились случаи предательства, или «рenegатства», которые оказалось невозможно скрыть из-за публичных судебных заседаний, в которых вскрывались компрометирующие эсеров факты. Например, это касается личностей Качуры и «четы Григорьевых»², которые давали показания против партии эсеров. В связи этим радикальные публицисты делают попытки регероизации образа террориста, заявляя о неприемлемости подобного поведения предателей. В противовес предателям приводится идеальный портрет Гершуни, «романтика революции» [23. С. 7], образ которого апеллирует к предшествующей традиции создания образа радикалов. Предатели же ассоциировались с «именем Иуды, которое не для одних христиан стало синонимом отвратительной низости, заклеянной вековечным, ничем неизгладимым позором» [23. С. 7]. Радикалы, цитируя М.Е. Салтыкова-Щедрина, подводят итог, что «логический законный результат предательства» – это смерть [23. С. 7]. Ключевые недостатки, которые характерны для таких революционеров, – это малодушие, трусость и легкомысленность. Они препятствуют осуществлению террористической деятельности, так как начинают воспринимать свои намерения как добродетели. Радикалы при описании такого типа революционера ссылаются на образы героев-трусов, которые сформулировал Степняк-Кравчинский, назвав

предателей «попустителями и укрывателями» [23. С. 7]. Напротив, «идеальных» революционеров характеризует обдумывание решения перед осуществлением теракта.

В целом любые попытки как-либо пересмотреть идеальный образ революционера со стороны враждующего лагеря критиковались в «Революционной России». Например, радикалы упрекают легальные периодические издания в том, что их взгляд на террор является «единодушным <...> и смешно было бы думать, чтобы в этой прессе мог быть поднят какой-нибудь одинокий голос против» [28. С. 11]. Эсеры иронично относились и к описанию покушений: «Зверски обставленное событие... дни святотатственных злодеяний и грозного внутреннего недуга – охает и вздыхает в глубочайшей меланхолии бедная вдовица “Петербургские ведомости”» [28. С. 11]. В то же время они стремятся показать неискренность оценки террора консервативной печатью: «Словесно они хотят опровергать [целесообразность террора] и тут же сообщают факты, способные только соблазнить неверующих в террор перспективой крайней легкости внесения паники, сумятицы и растерянности <...>» [28. С. 11]. Публицисты также критикуют и сообщения о сокращении числа террористов, что, на их взгляд, играет на руку террористам-новобранцам: «Представьте себе, что и на самом деле, а не только в сонном видении вашем, “последние члены боевой организации” наконец переловлены. Ведь вашим неосторожным признанием вы, неровен час, многих революционеров толкнете на то, чтобы приложить все усилия и воскресить “так называемую”» [29. С. 1]. Поэтому в информационном поле было важно быстро реагировать на поступающие сведения о террористах, чтобы опровергнуть данную оценку и показать отсутствие кризиса в боевой организации и то, что террор до сих пор актуален.

Заключение

Итак, конструирование образа радикалов во второй половине XIX – начале XX в. строилось на апеллировании к христианской традиции. Делались ссылки на широко известные библейские сюжеты, а реальные деятели сопоставлялись с новозаветными героями. Кроме того, террористы сравнивались с тираноубийцами и радикалами недавнего прошлого или далекой истории, чтобы легитимировать свои действия и показать определенную преемственность с современностью. Деятельность русских радикалов тем самым принимала детерминированный характер: они вклинивались в общий «ход истории», который так или иначе приведет к революции. Эсеровские публицисты, кроме обращения к христианским сюжетам, сопоставляли террористов с образами героев из древней и средневековой мифологии, а также современной поэзии. Также они апеллируют к образам мучеников-народовольцев, идейных предшественников социалистов-революционеров. Поэтому образ носил скорее литературный и мифический характер, нежели реальный. Такой революционер обладал высоконравственными качествами: самоотверженностью, самопожертвованием, стойкостью, состраданием, аскетизмом, альтруизмом. Образы ре-

волюционера-террориста создавались с целью воодушевления единомышленников, побуждения встать на путь террора.

Героизированный образ эсера был нацелен в первую очередь на выходцев из низшего социального класса – рабочих и крестьян, откуда происходили сами террористы. Аудитория связывала собственные условия жизни с тяжелым положением революционеров, испытывая сочувствие к ним, становясь социальной опорой партии и Боевой организации.

В «Революционной России» приобретает популярность жанр автобиографий, написанных от лица самих террористов. Путь террориста представлял собой «скитание», в ходе которого он выбирает «верный» путь – вступление в Боевую организацию. Задача тиражирования автобиографий и иных источников личного происхождения состояла в повышении объективности идей и высказываний радикалов, чтобы заполучить доверие читателей. В «Народной воле» о террористах

чаще писали в третьем лице. Тогда образ конструировался на основе биографий радикалов, которые не имели отношения к покушениям напрямую, не являлись исполнителями, а, скорее, оказывали второстепенную поддержку народолюбцам.

Эсеровские публицисты, чтобы сохранить в сознании масс идеальный облик революционера, стремились нивелировать неприглядные оценки образа террористов, которые встречались в информационном поле. Речь идет не только о критических оценках в консервативной и социал-демократической прессе. До людей доходили сведения о судебных заседаниях над эсерами, которые раскрывали свою мотивацию и взгляды революционеров. И время от времени на них вскрывались случаи предательства (дача показаний против своих сподвижников), которые компрометировали идеальный образ. Поэтому партийные деятели всячески стремились реабилитировать «светлые» образы террористов, которых оклеветали предатели.

Примечания

¹ Мезенцевы – русский дворянский род. Н.В. Мезенцев являлся главным начальником Третьего отделения Канцелярии и шефом жандармов в 1876–1878 гг. Занимался политическим сыском революционеров-террористов. Был убит в 1878 г. в результате террористического акта, организованного «Землей и Волей».

² Речь идет об эсере Григорьеве и его спутнице Юрковской. Они планировали осуществить покушение на К.П. Победоносцева в 1902 г., однако в последний момент отказались совершать теракт, отойдя от деятельности Боевой организации. Позже в 1904 г. они дали показания на судебном процессе против эсеров.

Список источников

1. Троицкий Н.А. Друзья народа или бесы // Родина. 1996. № 2. С. 67–72
2. Левандовский А. Бомбисты // Родина. 1996. № 4. С. 59–76.
3. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 446 с.
4. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 207 с.
5. Сафронова Ю.А. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.
6. Виноградов С.И., Платонова О.В. и др. Культура русской речи. М. : Норма : ИНФРА-М, 1999. 271 с.
7. На чьей стороне нравственность? // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
8. 25 декабря 1879 г. // Народная воля. 1880. № 3. 1 янв.
9. Одесса // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
10. Письмо Виттенберга // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
11. Речь Овчинникова // Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
12. По поводу процесса 16-ти // Народная воля. 1880. № 4. 5 дек.
13. Памяти А. Квятковского // Народная воля. 1880. № 4. 5 дек.
14. Биографические заметки о Валериане Осинском // Народная воля. 1879. № 2.
15. Троицкий Н.А. «Народная воля» пред царским судом (1880–1894). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 426 с.
16. Народная воля. 1879. № 1. 1 окт.
17. Письмо одного из французских социалистов // Народная воля. 1880. № 3. 1 янв.
18. Листок Народной Воли. 1880. № 1. 1 июля.
19. Знаменательная годовщина // Революционная Россия. 1902. № 4. С. 3–4.
20. Письмо Степана Балмашева к родителям // Революционная Россия. 1902. № 7. С. 2.
21. Письмо к крестьянам. Из песен борьбы // Революционная Россия. 1902. № 10. С. 2–3.
22. Жизнь рабочего-революционера // Революционная Россия. 1902. № 11. С. 1–2.
23. Дело о Г.А. Гершуни и других. О предательстве и предателях // Революционная Россия. 1904. № 43. С. 7–15.
24. Революционная Россия. 1904. № 46. 24 с.
25. К оружию! // Революционная Россия. 1905. № 58. С. 2–4.
26. В.Н. Фигнер // Революционная Россия. 1904. № 54. С. 9–16.
27. Дело Ф. Фрумкиной // Революционная Россия. 1904. № 39. С. 4–9.
28. Пресмыкающаяся пресса о гибели Плева // Революционная Россия. 1904. № 51. С. 11–15.
29. Революционная Россия. 1905. № 64. 16 с.

References

1. Troitskiy, N.A. (1996) Druz'ya naroda ili besy [Friends of the People or Demons]. *Rodina*. 2. pp. 67–72
2. Levandovskiy, A. (1996) Bombisty [Bombers]. *Rodina*. 4. pp. 59–76.
3. Geyfman, A. (1997) *Revolutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917]. Moscow: KRON-PRESS.
4. Mogilner, M. (1999) *Mifologiya "podpol'nogo cheloveka": radikal'nyy mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the "Underground Man": Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the Twentieth Century as a Subject of Semiotic Analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

5. Safronova, Yu.A. (2014) *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879–1881 gody* [Russian Society in the Mirror of Revolutionary Terror. 1879–1881]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Vinogradov, S.I., Platonova, O.V. et al. (1999) *Kul'tura russkoy rechi* [The Culture of Russian Speech]. Moscow: Norma: INFRA-M.
7. *Narodnaya volya*. (1879a) Na ch'ey storone nravstvennost'? [On Whose Side Is Morality?]. 1st October.
8. *Narodnaya volya*. (1880a) 25 dekabrya 1879 g. [December 25, 1879]. 1st January.
9. *Narodnaya volya*. (1879b) Odessa. 1st October.
10. *Narodnaya volya*. (1879c) Pis'mo Vittenberga [Wittenberg's Letter]. 1st October.
11. *Narodnaya volya*. (1879d) Rech' Ovchinnikova [Ovchinnikov's Speech]. 1st October.
12. *Narodnaya volya*. (1880b) Po povodu protsesssa 16-ti [Regarding the Trial of the Sixteen]. 5th December.
13. *Narodnaya volya*. (1880c) Pamyati A. Kvyatkovskogo [In Memory of A. Kvyatkovsky]. 5th December.
14. *Narodnaya volya*. (1879e) Biograficheskie zametki o Valeriane Osinskom [Biographical Notes on Valerian Osinsky]. 2.
15. Troitskiy, N.A. (1983) "*Narodnaya volya*" pred tsarskim sudom (1880–1894) ["*Narodnaya Volya*" before the Tsar's Court (1880–1894)]. Saratov: Saratov State University.
16. *Narodnaya volya*. (1879f) 1st October.
17. *Narodnaya volya*. (1880d) Pis'mo odnogo iz frantsuzskikh sotsialistov [Letter from a French Socialist]. 1st January.
18. *Listok Narodnoy Voli*. (1880) 1st July.
19. Anon. (1902) Znamenatel'naya godovshchina [Significant Anniversary]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 4. pp. 3–4.
20. Anon. (1902) Pis'mo Stepana Balmasheva k roditelyam [Letter from Stepan Balmashev to His Parents]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 7. p. 2.
21. Anon. (1902) Pis'mo k krest'yanam. Iz pesen bor'by [Letter to the Peasants. From Songs of Struggle]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 10. pp. 2–3.
22. Anon. (1902) Zhizn' rabochego-revolyutsionera [Life of a Revolutionary Worker]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 11. pp. 1–2.
23. Anon. (1904) Delo o G.A. Gershuni i drugikh. O predatel'stve i predatelyakh [The Case of G.A. Gershuni and Others. On Betrayal and Traitors]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 43. pp. 7–15.
24. *Revolyutsionnaya Rossiya*. (1904) 6.
25. Anon. (1905) K oruzhiyu! [To Arms!]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 58. pp. 2–4.
26. Anon. (1904) V.N. Figner. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 54. pp. 9–16.
27. Anon. (1904) Delo F. Frumkinoy [The Case of F. Frumkina]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 39. pp. 4–9.
28. Anon. (1904) Presmykayushchayasya pressa o gibeli Pleve [The Reptilian Press on the Death of Plehve]. *Revolyutsionnaya Rossiya*. 51. pp. 11–15.
29. *Revolyutsionnaya Rossiya*. (1905) 64.

Сведения об авторе:

Строкольский Владислав Андреевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kemerovo40@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Strokolskiy Vladislav A. – Graduate Student of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kemerovo40@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 15.11.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 93/94(908)
doi: 10.17223/19988613/93/13

Девиантное поведение сельского духовенства и его влияние на крестьянскую общину во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Тобольской губернии)

Сергей Георгиевич Федоров¹, Игорь Валентинович Неупокоев²

¹Курганский государственный университет, Курган, Россия

²Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Курган, Россия

¹serg-georg@mail.ru

²neupokoev_i_v@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются различные виды девиантных правонарушений духовенства Тобольской губернии. Доказывается, что девиантное поведение сельского духовенства повлияло на развитие религиозного индифферентизма среди крестьянской общины. Причину этого авторы видят в процессах модернизации российского общества.

Ключевые слова: девиантное поведение, сельское духовенство, крестьянская община, правовая культура, Тобольская губерния

Для цитирования: Федоров С.Г., Неупокоев И.В. Девиантное поведение сельского духовенства и его влияние на крестьянскую общину во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Тобольской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 103–112. doi: 10.17223/19988613/93/13

Original article

Deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the second half of the 19th – early 20th century (in the Tobolsk governorate)

Sergey G. Fedorov¹, Igor V. Neupokoev²

¹Kurgan State University, Kurgan, Russian Federation

²Kurgan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Kurgan, Russian Federation

¹serg-georg@mail.ru

²neupokoev_i_v@mail.ru

Abstract. The article is aimed to assess deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the Tobolsk governorate in the second half of the 19th-early 20th century. Archives of the State Archive of the Kurgan region such as the Fund of the Tobolsk Consistory and funds of churches of the Kurgansky uyezd as well as the information published in “Tobolskie eparhialnye vedomosti” [Tobolsk Eparchial Journal] were used as a source of research. It sets the following objectives: to make analysis of the main deviations in the rural clergy behavior and to identify effects of these deviations on the relationship between the clergy and rural community. The modernization of Russia had a serious impact on the rise of official misconduct, delinquency and even crimes among the country clergymen. Drinking was the main type of deviation among rural clergy, though the clergy was the least drinking estate as compared to other estates of the Russian Empire. However, the archival documents provide evidence that the main subject of litigation in the Tobolsk Consistory were proceedings related to insobriety. The reasons for the spread of drunkenness among the clergy were very different: from material insecurity and personal family troubles to ordinary illness and the impact of the rural life. The article proves evidence that all other deviations of legal behavior of the clergy were largely due to their insobriety. It had a serious negative impact on the church authority and prestige, both in general and in relations with the rural community. However, in the second half of the 19th – early 20th century, in the period of destroying traditional values, the peasant community very often sought a solution in alcohol abuse. The authors cite a quite significant number of examples of misconduct and abuse by the rural clergymen, both in the clergy and in education, controlled by the church. The authors also note that a judicial system of the church was subjective, defective and prone to conceal deviations of the clergy. The deviant behavior of the rural clergy made the relationship between the “shepherds” and the “flocks” more complicated and resulted in an increased number of conflict situations between them.

In conclusion, the authors consider that secularization, one of modernization components, along with the deviations of the clergy had a significant effect on the growth of religious indifferentism of the peasantry in the Russian Empire. During the 1920s and 1930s, the Russian Orthodox Church lost its leadership in the spiritual development of Soviet society largely because of this indifference.

Keywords: deviant behavior, rural clergy, peasant community, legal culture, Tobolsk governorate

For citation: Fedorov, S.G., Neupokoev, I.V. (2025) Deviant behavior of the rural clergy and its effects on peasant community in the second half of the 19th – early 20th century (in the Tobolsk governorate). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 103–112. doi: 10.17223/19988613/93/13

Во второй половине XIX в. модернизационные процессы, происходившие в России, имели не только положительные, но и отрицательные последствия. Среди них – уничтожение традиционных духовных ценностей и православных «скреп» общества, что не могло не сказаться на правовом поведении и взаимоотношениях консервативных российских сословий – православного сельского духовенства и русского крестьянства.

В последнее время в отечественной историографии наблюдается серьезный интерес к истории православной церкви, различным сферам ее деятельности в жизни государства и общества. Достаточно беглого взгляда на новейшую историографию. В центре внимания региональных историков оказывались экономические, политические, социальные, культурные проблемы русской православной церкви и приходского духовенства [1–9]. В меньшей степени в историографии рассматривались проблемы правового поведения духовенства в период поздней империи, девиантные правонарушения, проступки и преступления духовных лиц, влияющие на взаимоотношения с приходом [10–15]. Проблема девиантного поведения православного духовенства, особенно в пореформенный период, по нашему мнению, требует серьезного изучения на основе привлечения широкого круга источников, так как священнослужители были представителями сословия, игравшего в истории России одну из ключевых ролей. В правовом поведении духовенства отразились те изменения, которые произошли в имущественном и социальном положении, нравственных установках и мировоззрении его представителей в период модернизационных процессов.

В основу написания данной статьи легли неопубликованные материалы фондов Государственного архива Курганской области (ГАКО), который является хранителем собрания документов, связанных с деятельностью Русской православной церкви в Tobolskской губернии со второй половины XVIII в. по настоящее время. Сюда следует отнести фонды учреждений религиозного культа, среди которых наиболее объемным по количеству дел и информативным по содержанию является фонд И-235 – Tobolskская духовная консистория (ТДК). Консистория являлась центральным органом Tobolskского епархиального управления и находилась в ведении Святейшего Синода. Она ведала личным составом духовенства епархии, строительством, финансами и хозяйством церквей и монастырей, церковно-приходскими школами и школами грамоты, руководила миссионерской деятельностью среди местного коренного населения. Отдельное место в работе Консистории было посвящено осуществлению епархиального суда по делам о преступлениях и проступках служителей культа. Кроме того, значительное число примеров девиантного поведения духовенства и реак-

ции на него епархиального начальства находится в материалах фондов церквей Курганского уезда Tobolskской епархии: И-32 – Алексеевская церковь села Белозерского (1827–1918 гг.), И-67 – Богородице-Казанская церковь села Суловского (1875–1921 гг.), И-94 – Введенская церковь села Черновского (1854–1916 гг.), И-95 – Покровская церковь села Чесноковского (1805–1924 гг.), И-101 – Казанская церковь села Лопатинского (1851–1922 гг.), И-112 – Власо-Модестовская церковь села Чинеевского (1822–1921 гг.), И-196 – Спасо-Преображенская церковь села Скопинского (1859–1918 гг.). Общая особенность всех этих неизданных материалов – отсутствие дел, выделенных только по признаку девиаций служителей культа.

Другим источником стали открытые и опубликованные сведения из «Тобольских епархиальных ведомостей» – официального издания Tobolskской и Сибирской епархии, выходившего в 1882 по 1919 г. В разделах «Епархиальные известия» и «Уведомления епархиального начальства» (и его подразделах «Вакансии», «Замещение вакансий», «Открытие и замещение вакансий», «Служебные перемены») содержится подробная информация о кадровой мобильности членов причта: священников, псаломщиков и дьяконов. При перечислении кадровых изменений (например, перемещение в другой приход или епархию, увольнение за штат, увольнение из духовного звания или от церковной службы) в данном источнике не всегда указаны причины этого процесса. В ряде случаев отмечаются как житейские причины (по прошению, по болезни), так и вызванные конкретной девиацией («за предосудительные поступки», «за неодобрительное поведение»). «Замалчивание» отклоняющегося от нормы поведения духовенства вполне можно объяснить нежеланием епархиальных властей «выносить сор из избы» и подрывать в глазах верующих прихожан авторитет церкви и его представителей.

Русское православное духовенство как сословие занимало особое положение в социальной структуре Российской империи. Это выражалось, во-первых, в его сословной замкнутости (как попасть в него, так и выйти из сословия было довольно сложно). Во-вторых, для священнослужителей существовало особое судопроизводство. Духовенство подчинялось исключительно епархиальным властям и было подсудно чаще всего церковным судам – Духовным консисториям. «Люди духовного звания подлежат светскому суду в установленных присутственных местах: а) в делах между собою и с светскими лицами тяжёбных и исковых по неисполненным договорам и обязательствам и по взысканиям за нарушением прав ущербными, убытками и самоуправным завладением; б) в случаях нарушения государственных постановлений, по которым существуют особые правила о судопроизводстве

и взысканиях, как-то: в пристанодержательстве и укрытельстве беглых, в нарушении Устава о Питейном Сборе, в порубке лесов, в исполнении карантинных и таможенных постановлений и, в) в тяжких уголовных преступлениях» [16. С. 57–58]. В-третьих, в освобождении лиц духовного звания от телесных наказаний, духовенство не платило податей, освобождалось от воинских повинностей. В-четвертых, православное приходское (белое) духовенство играло особую роль. Именно оно, будучи проводником государственной идеологии и духовно-нравственных основ, выполняя свои культурно-просветительские функции, часто являлось посредником между властью и простым народом [12. С. 93]. Все это вело к превращению духовного сословия в сословие изолированное, со своими традициями и менталитетом, оторванным от крестьянской общины. В результате возникали конфликтные ситуации между крестьянским миром и духовным клиром, и в определенной степени это способствовало росту девиаций в правовом поведении в среде духовенства.

Благодаря архивным документам можно установить отношения между представителями причта и сельского общества, которые начали существенно изменяться в пореформенные годы. Так, например, в 1863 г. в ТДК рассматривалось прошение 29 крестьян Курганского округа Шмаковской и Усть-Суерской волостей от 9 октября 1862 г., в котором утверждалось следующее: «Мы, нижеподписавшиеся <...> государственные крестьяне, прихожане Романовской единоверческой церкви, просим Его Высокопреосвященство об удалении от нашей церкви дьячка Ивана Паникаровского по неспособности его к отправлению причетнической должности как по малограмотности, сварливости характера и не владению правой рукой от паралича, так и по склонности его к сутяжничеству» [17. Л. 13–14]. На наш взгляд, подобные прошения носили не единичный характер и во многом зависели от личных качеств деревенских священников.

Рассмотрим еще один аналогичный пример. В сентябре 1917 г. 78 крестьян села Ново-Иковской церкви Курганского уезда просят Его Преосвященство об отставке священника Артемия Юрченко, обвиняя его в разных проступках: «Он всюду сеет рознь и вражду между пасомыми. Он отказался приобщать Святых Тайн умирающую, заявив, что она больна холерой. <...> Отпел заочно младенца, хотя в этом не было никакой необходимости, так как их приход состоит из одного села, чисто православного <...>. Не совершал богослужение 1 августа, когда совершался крестный ход на воду, и 20 августа (воскресение), хотя был дома и никаких причин более или менее уважительных не было. Он просто издевается над прихожанами, нередко заявляя им, что намерен затворить на замок церковь на 1, 2, 3 месяца. Весьма грубо относится к прихожанам, и бывали случаи, когда он гнал, чуть ли не в шею, просителей. Способен лгать при каждом удобном случае <...>. Совокупность всех этих недостатков и многих других ни в коем случае не подходит к нравам и обычаям нашего православного населения, а особенно теперь, в такое переживаемое время, когда верующему люду нужна горячая, теплая молитва. А священник

Юрченко распускает слухи, что Петроград взят – агитация чисто погромного характера, давая возможность вспыхнуть контрреволюции и этим самым, угрожая дарованной свободой. <...> Все эти факты настолько оттолкнули нас от храма Божия, что мы не можем смотреть равнодушно и от души желали бы снова слышать с церковной кафедры проповедь согласно завету Христа о всепрощении, мире, любви между нами, а посему единогласно постановив: предложить местному священнику Артемию Юрченко немедленно искать другой приход, объявив ему, что всякие насилия в данном случае неуместны и на таковые мы будем реагировать самым энергичным образом <...>. Если же почему-либо Епархиальное Начальство не пойдет к нам навстречу, то мы примем самые репрессивные меры по отношению к священнику Юрченко <...>. В чем и подписуемся» [18. Л. 1–3]. В данном прошении не только перечисляются недостатки священника, но и приводятся прямые угрозы сельского мира на оставление без внимания их просьбы со стороны епархиального архиерея.

Преобладающим видом девиации среди священнослужителей были пьянство, связанные с ним правонарушения и плохое исполнение своих обязанностей. В редкий год начиная со второй половины XIX в. ТДК не рассматривала подобные дела. Так, например, в июле 1857 г. Курганское духовное правление обратило внимание благочинного священника Михаила Иваницкого, что дьячок Троицкой церкви Василий Бардаков «остриг себе волосы в кружок и обрил бороду, оставя усы, что вообще неприлично духовному лицу, то воспретить ему употребление стихаря, покуда не отрастит волос своих и бороды, как это издревле принято в православной церкви <...>». На этом основании появилась резолюция архиепископа: дьяка Бардакова «за грубость и непокорность к старшим членам причта, за хождение в питейный дом пьянствовать, с трубкою в зубах по улицам, за ссоры и драки обязать строгою подпиской, вести себя сообразно и прилично своему званию, под опасением в противном случае исключения из духовного звания, а как он остриг себе волосы в кружок по-мещански или по-мужицки обрил бороду, оставя усы, то воспретить ему ношение стихаря, пока не отрастит волос и бороды» [19. Л. 314].

В нашем исследовании важную роль играют рапорты и доклады благочинных священников. В июльском рапорте 1869 г. причта Введенской церкви села Чернавского на имя благочинного священника Николая Розанова говорилось «о продолжительном пьянстве дьячка Семена Андреева и слухах о том, что он, Андреев, при том еще и безобразничает, таскается по питейным лавочкам и по улицам села с шумом и ругательствами». В ответе благочинный предписал «взять его с понятиями, посадить под арест за караулом, вытрезвлять постепенно, и о последующем донести мне» [20. Л. 610]. В ноябрьском 1869 г. докладе благочинного священника говорилось, что священник села Песчанского Дмитрий Поникаровский «вел жизнь не всегда трезвую» и «помер от нетрезвой жизни» в возрасте 24 лет [21. Л. 245]. В июньском 1870 г. письме благочинного священника причту села Чесноковского

говорилось: «Из отзыва Вашего и жалобы семейства пономаря Варлакова видно, что он “постоянно упивается хмельными напитками до такой степени, что семейство свое оставляет без пропитания и необходимого содержания”. Предписывается Вам “часть дохода выдавать его жене на пропитание семейства”» [22. Л. 447]. 22 мая 1891 г. на имя благочинного поступило сообщение о том, что «дьякон Серебренников Троицкой церкви прихода Мокроусовского, напившись, бегал с топором по деревне за Мокроусовским крестьянином Дмитрием Рожковым из деревни Грязнова». Этот же дьякон в ноябре месяце пьяный плясал на квартире мещанина Некрасова. И опять же Серебренников «живет по несколько дней в деревне Семискульской и пьянствует с поселенцами» [23. Л. 2].

Конечно, не стоит утверждать, что пьянство в среде духовенства было поголовным и только в Тобольской губернии. Пьянство среди священнослужителей зафиксировано во многих губерниях Российской империи, об этом свидетельствуют и многие региональные историки [9, 10, 14, 15, 24]. В то же время следует согласиться с мнением вологодского историка А.В. Камкина, что «ни одно российское сословие так жестоко и публично не контролировалось, как приходское духовенство, ни к одному из них не предъявлялись столь жесткие требования» [25. С. 145] в отношении табакокурения и употребления алкоголя. Это подтверждает и исследовательница из Нижневартовска А.В. Спичак: «В Тобольском архиве проблеме пьянства посвящено 716 дел за 1777–1985 гг., из них 673 дела были заведены ТДК в 1749–1893 гг., остальные 43 дела не относятся к борьбе РПЦ с алкоголизмом в духовной среде, они включают документы более позднего периода – 1921–1985 гг.» [11. С. 134].

Причины пьянства были самыми разнообразными: от объективных до субъективных. В первую очередь – это среда, в которой происходили воспитание и формирование священнослужителя, будущего духовного наставника паствы. Уже в духовных семинариях отмечается употребление алкоголя воспитанниками. Так, в феврале 1904 г., Правление Тобольской духовной семинарии сообщало в ТДК «о распространенном между воспитанниками семинарии злоупотреблении спиртными напитками» [26. Л. 49]. В приведенном факте обратим внимание на формулировку: не употребление, а «злоупотребление»! Данное явление встречается не только в стенах Тобольской духовной семинарии. Многие русские писатели XIX в., учившиеся в духовных семинариях или училищах, в своих воспоминаниях пишут об употреблении алкоголя учащимися. Среди них – писатель Н.Г. Помяловский: «Пьянство, нюханье табаку, самовластные отлучки из училища, драки, шум, разные нелепые игры – все это было запрещено начальством, и все это нарушалось товариществом» [27. С. 12]. Об аналогичном явлении писал и литератор С.И. Сычугов: «Великовозрастные, а глядя на них, и малыши при случае напивались до скотства. Настоящего регулярного пьянства если не было, то лишь по безденежью. Зато пили редко да метко. Особенно безобразно напивались у ставленников – родственников при посвящении их в попы или

дьяконы. Тут уж даже и совсем непьющие, за редкими исключениями, нализывались, как свиньи. Но так как случаи для выпивки были редки, то и число пьяных было ничтожно и потому нехарактерно для бурсы. Будь у бурсаков побольше случаев да побольше денег, и пьянство приняло бы широкие размеры» [28. С. 114]. Подобный феномен зафиксировал и автор очерков и повестей Н.В. Успенский: «В конце концов, по примеру многих своих собратий, я стал искать *veritas in vino*» [29. С. 113].

На протяжении всей жизни сельское духовенство сталкивалось с проблемой потребления алкоголя со стороны своей паствы. Так, например, в 1891 г. священник П. Пудовиков писал: «В 1889 году при вступлении в Баян-Аульский приход мне резко бросилось в глаза, что водка и вино употребляются прихожанами весьма часто и в значительных размерах. В каждый семейный праздник, в свадьбу, в каждые крестины, именины, по случаю приезда родственников, по выходе казака из отряда и даже в будничные дни устраивается попойка. По принятому обычаю, каждый из гостей должен непременно отпочивать у себя всю кампанию. Таким образом, ходят из дома в дом, напиваясь до бесчувствия <...>. Женщины пьют водку или наливку, не отставая от мужчин» [30. С. 122].

При вступлении в должность сельского священника кандидат нередко был должен обязательно «проставиться» перед сельским миром, и тогда он становился «своим». С этого момента общество ему доверяло. А если такого не происходило, то общество, напротив, отдалялось от подобных священников, и между ними могли возникнуть и конфликтные ситуации, и враждебные отношения. Об этом идет речь в воспоминаниях одного из сельских священников, которого поселили в 1882 г. в церковную сторожку: «Сторожка была маленькая, старая, холодная, покосившаяся, мрачная, темная и гнилая избушка, жить в которой не было возможности; кроме черного хлеба, кислой капусты и пшена нельзя было найти ничего для стола. Жена моя не вынесла такой жизни и через неделю заболела. И она едва не умерла. Я позвал к себе сельского старосту и умолял его дать мне сносное помещение; но я не знал, что при этом должен был напоить его допьяна; я не поил, он осерчал и – потом никакие уже просьбы не могли его тронуть. После долгих просьб моих и обещания старосты дать мне квартиру ко мне в сторожку стали ходить старики чуть не каждый день. Я должен был поить их чаем и, стоя перед ними, просить о квартире. Наконец крестьяне вызывают меня на сход. Долго я просил тут всех, почти, по одиночке; долго ломались они надо мною. Здесь вполне высказалась и сила прихода, и мое бессилие. Наконец квартиру мне хотя и дали, но в одной избе с хозяевами. Через несколько времени ко мне пришел староста с требованием, чтобы я звал к себе всех крестьян поздравлять меня с новосельем и поил их вином; при этом он сказал мне самым внушительным тоном, что если я не позову и не угощу всех, то мир велит мне сейчас же уходить с этой квартиры и запретит всем остальным крестьянам принимать меня <...>. Когда пришли ко мне крестьяне, то они заставили меня подносить им вино и в то же время

выслушивать их внушения и угрозы, что если я не буду делать все по их желанию и не буду сейчас из своих рук угощать их, то они сей же час велют мне убираться в сторожку» [31. С. 233–234].

Следует отметить, что возникали и прямо противоположные ситуации, «когда прихожане, выведенные из терпения безобразным поведением причта, жалуются епархиальному начальству. Последнее обыкновенно назначает дознание, или следствие. Вот тут иногда стараются спрятать концы в воду. Все свидетельские показания не в пользу обвиняемого весьма часто либо “к делу не относятся”, либо под видом литературно-стилистической отделки так отшлифовываются, что заведомый “алкоголик” является оклеветанным трезвенником» [32. С. 65].

О субъективности и пристрастности духовного суда, его недостатках в сравнении со светским, необходимости его реформы общественность и сами священнослужители заговорили еще в 1864 г., когда планировалось преобразовать церковный суд по образцу светской судебной системы. Это вызвало возмущение епархиального духовенства и приостановило дальнейшую реформу. В начале XX в. в церковной и светской печати вновь заговорили о реформах в русской православной церкви, в том числе и церковного суда. В Тобольских епархиальных ведомостях за 1906 г. писалось, какие преступления священнослужителей чаще всего рассматривал церковный суд: «Вот они: по поводу пьянства и сопутствующем ему дебоширстве, по поводу безнравственной жизни, незаконно совершенных браков, обидных выражений и действий по отношению к другим, по доносам о богослужениях, отправляемых в непозволительном виде, о мздоимстве, торгашестве и т.д., в меньшинстве – уголовные преступления» [33. С. 420].

В этих же Ведомостях за 1906 г. отмечаются недостатки духовного судопроизводства: «По правилам на должность духовных следователей должны выбираться священники, вполне честные и добросовестные, но бывают такие случаи, когда честность и беспристрастие следователей не могут устоять против разного рода испытаний и соблазнов <...>. Духовный следователь при производстве следствий может злоупотреблять, и злоупотребление это нет возможности обнаружить <...>. Поэтому следственное дело благочиннического следователя должно контролироваться и проверяться высшей духовной судебной инстанцией» [34. С. 182–183].

Вот один из примеров духовного следствия ТДК и его «объективности». В июне 1903 г. в ТДК рассматривалось дело об обольщении крестьянской девицы (дочери поселенцев) А.И. Чуриковой псаломщиком Челноковской церкви Ишимского уезда Алексеем Козяшевым. Из показаний свидетелей выяснилось, что Анна Чурикова распутничает с 15 лет, с 1900 г. жила в публичном доме города Ишима. Хотя Чурикова по ходу следствия указывала, что следователь-священник Овечкин допрашивал только свидетелей со стороны Козяшева, с которыми он днем и ночью пьет «вотку», тем не менее ТДК по окончании следствия вынесла решение: «Псаломщика Козяшева по оговору в лю-

бовной связи его с крестьянской девицею как не сознавшегося и ни кем не уличенного в означенном преступлении считать оправданным» [35. Л. 55]. Чурикова была предана четырехлетней епитимии при своей приходской церкви. Оправданный псаломщик, по словам Чуриковой, «над ней насмехается и оскорбляет прилюдно, ставит ей “шиши” и говорит: если ребенок от меня, не угодно ли ей другого» [35. Л. 36].

Одним из распространенных видов правонарушений сельского духовенства были небрежное исполнение треб и завышенная плата за них. Сельское духовенство нередко старалось увеличить плату за священнодействия, чаще всего оправдываясь своим тяжелым материальным положением. В любом случае это приводило к серьезным осложнениям во взаимоотношениях между причтом и сельским миром. Вот лишь несколько случаев. В 1862 г. священник Романовской церкви Шмаковской и Усть-Суерской волостей Никон Радионов обвинялся в том, что «брал за браки от 10 до 16 руб. серебром, а в доходный реестр записывал от 3 до 3 руб. 50 коп.» [17. Л. 1]. Или: в сентябре 1863 г. в Курганском духовном правлении слушалось прошение крестьянина Чимеевской волости Николая Трошина с общественным приговором Чимеевских прихожан «о поборах за свадьбы» священника Петра Серебренникова. На этом основании архиепископ вынес следующую резолюцию: переместить из Чернавского села священника Лебедева как более образованного и подающего надежды <...>; священника же Серебренникова как больного переместить в село Чернавское на 2-е священническое место» [36. Л. 199 об.]. В подобном обвинялся и священник Чередовского прихода Тарского округа Аевской волости Афиноген Пантелеев. В 1892 г. ему вменялось в вину вымогательство за венчание крестьянина Алексея Васильева с девицей Маврой Зензиной, за которое он потребовал 32 руб. наличными деньгами, 5 пудов пшеницы, 3 пуда солоду и на 2 руб. рыбы. Не имея в наличности выпрошенных Пантелеевым денег, отец жениха вынужден был продать 100 пудов ржи по 30 коп., тогда как цена на эту рожь в то время была 50 коп. Но даже и после выполненных условий священник чуть было не сорвал венчание в назначенный день, когда потребовал с венчающихся в церкви еще 3 руб. Васильев вынужден был занять деньги у приглашенных на свадьбу. По возвращении домой, не имея денег, чтобы возратить долг, крестьянин продал корову, стоящую 10 руб., за 3 руб. [23. Л. 5–6].

Но самый трагичный случай, связанный с исполнением треб, произошел в феврале 1916 г. «<...> в с. Налобинском, Ишимского у., в храме был опасно ранен настоятель местной церкви священник Владимир Деков. Преступником оказался временно проживающий в приходе крестьянин Тульской губ. Григорий Меркулов. Последний просил священника Декова о выдаче предбрачного документа на свою дочь, желая повенчать ее с солдатом, опущенным на побывку. Разрешения военного начальства на вступление в брак у жениха не было, поэтому о. Деков, ссылаясь на существующие узаконения, в выдаче документа отказал. Раздраженный отказом Меркулов выхватил из рукава кинжал и нанес о. Декову две раны – в левую челюсть

и в спину. Положение раненого священника тяжелое» [37. С. 165].

Очень часто на рассмотрение ТДК поступали дела, связанные с несоблюдением своих обязанностей духовенством, срывом им несения церковной службы, грубым обращением с прихожанами, нарушением канонического поведения и т.д. 29 декабря 1869 г., находившиеся под следствием ТДК дьякон Иван Иконников и причетник Александр Кокшарский Чимеевской церкви по подозрению в воровстве на призыв священника Алексея Лебедева явиться к утренней службе отвечали, что «им некогда, так как они изволят кушать пермени» [38. Л. 25]. В декабре 1872 г. выходит Приказ ТДК: «...многие священники Тобольской епархии употребляют в официальных бумагах очень резкие, неприличные и оскорбительные в отношении своих противников выражения, чем обнаруживают свою неблагоприятность и грубый нрав <...>. В отношении членов причта говорят: “дьякон ни тяти, ни мамы не вяжет”; “дьякон, как полусонный, едва шипя от засоренного табаком носу и едва движущийся, бродит между народом, глупо то тому, то другому ухмыляясь”. Приказ: не употреблять в официальных бумагах выражения резкие, неприличные и оскорбительные по отношению к частным и должностным лицам» [39. Л. 110–110 об.].

О неканоническом поведении духовенства шла речь в следственном деле ТДК от мая 1882 г.: «О нанесении и.д. псаломщика прихода Сычевского Гавриила Торопова оскорблений словами священнической вдове Ольге Родионовой, о нетрезвости и других неблагоприятных поступках его же, Торопова». И.д. обязанности псаломщика Торопов оговаривается «во 1-х, в нетрезвости, во 2-х, в нанесении оскорблений священнической вдове Ольге Родионовой». Об этом приводятся отзывы свидетелей: церковных караульных Козлова и Москвина, трапезных, церковного старосты и крестьян. «За его пьянством в праздник Покрова Пресвятыя Богородицы 1881 года не было ни утрени, ни литургии; <...> 15 мая 1881 года, будучи выпивши, назвал вдову священническую жену Родионову убийцею своего мужа и поносил ее другими словами не пристойными и не употребляемыми на письме» [40. Л. 74].

В сентябре 1900 г. благочинный священник Александр Сосунев донес епархиальному начальству, что «один из псаломщиков вверенного ему благочиния дозволяет себе отлучаться для охоты на уток с огнестрельным оружием в неурочное время, так что местный священник вынужден бывает отправлять богослужения и требоисправления с посторонними лицами» [41. Л. 106–106 об.].

В феврале 1909 г. ТДК вынесло решение священника Николая Тихомирова, псаломщика Шмаковской церкви Тимофея Савицкого, «за обнаруженную нетрезвость, грубость, не соответствующее званию псаломщика поведение и небрежность к служебным обязанностям», на основании ст. 187 и 191 Устава Духовной Консistorии, послать в Тюменский монастырь на послушание на три месяца с перемещением его по отбытии епитимии в другой приход по усмотрению Епархиального начальства» [42. Л. 5].

На священников в сельской местности была возложена обязанность по заведованию начальными церковными школами и преподаванию в них Закона Божия. Однако не все служители культа добросовестно выполняли эти функции. Так, в ноябрьском 1894 г. журнале епархиального наблюдателя церковных школ отмечалось, что священник села Гладковского Иван Юрьевский «не обнаруживает достаточной заботливости об именуемой в его приходе церковно-приходской школе. Школьное помещение при чрезвычайной тесноте, не позволяющей принимать всех желающих учеников, не имеет никаких приспособлений для освежения воздуха; классная мебель ветхая, крайне неудобного устройства и имеется в недостаточном количестве, так что часть учеников во время уроков должна стоять на ногах; учебных пособий и письменных принадлежностей имеется слишком мало, причем некоторые из необходимых классных принадлежностей учительница Полякова покупала на свой счет. Несмотря на такие вопиющие нужды школы, священник Иван Юрьевский не принимал в течение своего пятилетнего служения в с. Гладковском никаких мер к изысканию местных средств на удовлетворение школьных потребностей, не употреблялись для этого в сколь-нибудь значительном количестве церковные деньги и не ходатайствовал об отпуске суммы на расширение школьного помещения из средств Епархиального училищного Совета» [43. Л. 164–164 об.]. Или: в 1896 г. Русаковский священник Петр Тверитин «поступил неблагородно и не совсем честно» при служебном переводе в церковь села Смирновского: при сдаче церковного имущества с прежнего места службы «не сдал школьных денег, коих следует получить с него 111 руб. 6 коп. (60 руб. жалование учительницы за текущее полугодие и 51 руб. 6 коп. остаточных от прошлого учебного года сумм), не сдал и попечительские деньги, полученные по заявлению попечителя и старосты от продажи хлеба, и уехал к новому месту своего служения» [44. Л. 316]. Подобные факты встречаются и в январском 1901 г. путевом журнале архиепископа Тобольского и Сибирского: в слободе Викуловской младший священник Михаил Калмыков «продолжает вести нетрезвую жизнь и весьма нерадив по должности заведующего и законоучителя в церковных школах Викуловской и Калининской» [45. Л. 9]. В мае 1906 г. священнику Петру Невскому резолюция архиепископа: «...псаломщику Адрианову делается выговор за нерадение о преподавании церковного пения в Головинской школе» [46. Л. 201].

Священнослужители совершали не только должностные проступки, но и преступные деяния. В ГАКО хранится дело, в котором ряд духовных лиц подозревался в совершении уголовного преступления. Суть дела такова. 28 декабря 1869 г. церковный староста Никита Рыбин приехал в село Чимеевское к исполняющему должность благочинного священника Алексею Лебедеву для сдачи денег от продажи свеч в Усть-Суерской церкви на сумму 228 руб. 11 коп. Но священник принимать деньги сразу отказался и просил старосту его подождать, так как он отправлялся на трубу. Ожидание показалось скучным, поэтому Рыбин

пошел в гости в сопровождении Семена Попова, «лишенного священнического сана за разные противузаконные дела». За ночь «погостили» у дьякона Иконникова, затем у дьячка Кокшарского и крестьянина Михаила Соколова. Гостевание сопровождалось обильным возлиянием алкоголя. Примечательно, что «ходячую сию компанию из дому в дом во всю ночь дополнял лишенный всех прав и состояния поселенец Василий Назаров». Во время пирушки Иконников и Кокшарский старались более угощать вином Рыбина, отчего он сделался сильно пьян и не помнил, как очутился у ворот дома священника Лебедева уже под утро и, естественно, без денег. Подозрение в воровстве денег, по заявлению Рыбина, пало на дьякона Иконникова и причетника Кокшарского в силу следующих причин. Во-первых, потому что уже был случай, когда два каких-то крестьянина, гуляя также с Иконниковым и Кокшарским, потеряли деньги. Во-вторых, через несколько дней кредитный билет 100 руб. достоинства (заблаговременно с переписанными номерами Рыбиным) открыт был Чимеевским волостным правлением у солдатки Ольги Кузнецовой зазорного поведения. Ольга Кузнецова приходилась родной сестрой Александру Кокшарскому. На следствии Кузнецова заявила, что эти деньги нашла. Так как прямых доказательств совершения кражи не было, то в Курганском окружном суде Иконников и Кокшарский были оправданы, а Кузнецова посажена на восемь месяцев в тюрьму. В то же время ТДК вынесла свои решения по этому делу. Священник Алексей Лебедев за бездействие от должности благочинного был уволен. Иван Иконников и Александр Кокшарский «за обнаруженное пьянство и неблагоповедение были посланы в Тобольский монастырь сроком на три месяца с наложением на них епитимии и после отбывания срока наказания с повелением приискать себе другие приходы» [38. Л. 1–77].

Несомненно, что происходившие в России экономические и общественно-политические процессы оказывали заметное влияние и на духовенство во многих областях его жизни, в том числе и на его религиозное мировоззрение. В архивных документах указываются и факты отступничества священнослужителей от православной веры. Известно дело псаломщика села Пьянковского Курганского уезда Дмитрия Задорина за 1905–1906 гг. Псаломщик обвинялся в распространении противохристианского учения. Любопытны показания свидетелей на следствии. Крестьянин Александр Бажуков: «<...> Задорин, сидя за столом и будучи, как и все мы, выпимши, начал материться. Я заметил ему, что ругаться по матерному за хлебом и солью нехорошо. Бог за это накажет. Задорин мне ответил: “Какой еще там бог. Ничего нет”. Потом в дальнейшем разговоре, когда речь зашла об иконах, Задорин говорил, что почитать иконы не следует <...>. “Вы, иконы сами малюете (Бажуков – маляр и иконописец). Вы иконы делаете, все равно как делаете ребят”. Офицерская вдова Мария Тимкина: «Задорин говорил: “Человек пропадает, как скотина. Выйдет из него пар, и он сдохнет. Никакой души нет у человека. Нет поэтому и никакого страшного суда. Это все выдумки”. Крестьянин Степан Гребенщиков: «Задорин так отозвался о святых

мощах: “Взяли, вырвали кусок мяса или костей, да ему и кланяются. Или навьдумывали новых святых чудотворцев вроде Серафима Саровского и других, а они такие же обыкновенные люди, как и мы”. Священник Вениамин Кротков: «Псаломщик Задорин и ранее вел себя неблагочинно в храме Божиим за богослужениями: разговаривал, смеялся и даже читал газеты во время чтения часов. Резко я его за это не обличал, стесняясь тем, что и сам вышел из псаломщиков <...>». Священник Василий Арзамасов: «Ввиду современного крайне тревожного настроения умов народонаселения подобная неправославная проповедь со стороны православного псаломщика может в одних крестьянах усилить народные волнения и беспорядки, в других ослабить и даже вовсе поколебать веру в сии догматы православной церкви. Принимая во внимание совершенное возбужденное состояние крестьян, из коих многие же слышали подобную же болтовню еврей-агитатора в г. Кургане. Я заключаю это из того, что сват Задорина крестьянин Петр Гребенщиков уже порождает связи с церковью, и я его уже не замечал в оной очень давно» [47. Л. 17–24].

По делу Задорина ТДК вынесла решение: покрыть судебные издержки и наложить на него шестимесячную епитимию в Тюменском Троицком монастыре с последующим предложением перевести на должность псаломщика в северные уезды Тобольской губернии. «Если же Задорин будет упорствовать в своих противохристианских взглядах, то передать его гражданскому суду» [47. Л. 53]. В 1910 г. в Тобольских епархиальных ведомостях в официальной части помещено объявление о том, что «заштатный псаломщик Дмитрий Задорин уволен из духовного ведомства согласно прошению» [48. С. 115]. Примечательна формулировка – не «за отпадение от веры», а «согласно прошению».

В заключение статьи можно сделать следующие выводы. Модернизационные процессы в России во второй половине XIX в. повлияли на все слои общества, затронули все сферы его жизнедеятельности. Особенно сильно модернизация повлияла на консервативные слои населения: духовенство и крестьянство, несмотря на их обычную сословную закрытость. Следует согласиться с известным историком Б.Н. Мирновым, что одним из важных проявлений модернизации является ослабление религиозных традиций и мировоззрения, утверждение мирской системы ценностей во всех сословиях империи, в том числе крестьянском и духовном [49. С. 348]. В результате утрачивалось толерантное отношение мирского общества к церковным институтам и их служителям. Девиантное поведение духовных лиц в определенной мере вызывало в обществе сомнение в церкви как в религиозно-государственном учреждении и в истинности самих религиозных православных догматов.

Не следует, однако, считать, что сельское духовенство только занималось пьянством, нарушало церковные установления, не соблюдало свои обязанности и придерживалось неканонического поведения. Нет, большинство представителей сельского духовенства исправно служило церкви, государству и обществу. Многие из них были истинными подвижниками пра-

вославленной веры, несли в мирское общество идеалы христианства и просвещения. Девиантное поведение в среде сельского духовенства не идет ни в какое сравнение с его ростом в российском обществе среди других сословий, в том числе и крестьянского.

В то же время одно из главных проявлений девиации – пьянство – серьезно коснулось и православного духовенства. Причины распространения пьянства среди причта были самыми разными: от материальной необеспеченности и личных семейных неурядиц до заразной болезни и воздействия мира деревни. Во многом от пьянства происходили и другие девиации в поведении духовенства, которые серьезно влияли на взаимоотношения с крестьянской общиной и оказывали на них разлагающее действие. Из растерянности и потерянности как духовенства, так и крестьянства перед новыми

явлениями и процессами в обществе часто вырастали взаимное недоверие, неуважение и даже враждебность по отношению друг к другу. В начале XX в. в Тобольских епархиальных ведомостях в неофициальной части нередко попадаются объявления о воровстве, мошенничестве, насилии, драках и хулиганстве (новое явление сельской жизни как результат модернизации) по отношению к священникам, поджоге сельских церквей. Кризис сказался на многих сторонах жизни и взаимоотношениях между крестьянством и сельским причтом. Результатом этого кризиса стал религиозный индифферентизм крестьянского сословия по всей Российской империи, в том числе и в Тобольской губернии. Во многом благодаря этому безразличию к религии в годы советской власти так легко были порушены церковные, православные каноны и религиозные институты.

Список источников

1. Андреева Л.А., Элбакян Е.С. Отношение к духовенству сословий и социальных групп Российской империи (начало XX в.) // Социологические исследования. 2011. № 10 (330). С. 69–80.
2. Безгин В.Б., Лисионин В. Церковь, государство, общество в эпоху модернизации: проблемы взаимоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23) ч. 1. С. 225–229.
3. Белоус П.В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2018. 288 с.
4. Земцов Л.И. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2008. № 1 (41). С. 73–79.
5. Карнишина Н.Г. Государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 5 (31). С. 16–22.
6. Минеева Т.В., Романовская В.Б., Савченко И.В. Церковное судопроизводство в Российской империи. Чебоксары : Среда, 2020. 104 с.
7. Миронов Б.Н. Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Научные исследования. 2015. № 1. С. 65–80.
8. Смокотин С.В. Православная церковь и крестьянство в Томской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 34–40.
9. Терскова А.А. Общественная деятельность приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Енисейской епархии) // Эпоха науки. 2015. № 4. С. 610–614.
10. Иконников С.А. О некоторых аспектах правового положения приходского духовенства Православной Российской церкви во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам центрально-черноземных губерний) // Научный диалог. 2019. № 4. С. 239–255.
11. Спичак А.В. Отражение борьбы с пьянством духовных лиц в делах Тобольской духовной консистории во второй половине XVIII – XIX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 133–138.
12. Фот А.Г. Правовой статус приходского православного духовенства во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2015. № 2 (14). С. 92–103.
13. Ершов Б.А. Государственно-правовое регулирование деятельности русской православной церкви в губерниях центрального Черноземья в XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18), ч. 2. С. 75–78.
14. Лысенко Ю.А., Сюе-Скурихина Н.В. Нравственный облик православного духовенства на примере Омской епархии в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета, 2015. № 4/2 (88). С. 112–115.
15. Скутнев А.В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 63–78.
16. Устав духовных консисторий : утв. 9 апр. 1883 г. СПб. : Синод. тип., 1883. VI, 200 с.
17. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. И-235. Оп. 1. Д. 104.
18. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 197.
19. ГАКО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 1.
20. ГАКО. Ф. И-94. Оп. 1. Д. 4.
21. ГАКО. Ф. И-32. Оп. 1. Д. 81.
22. ГАКО. Ф. И-95. Оп. 1. Д. 19.
23. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 176.
24. Садырова М.Ю., Маслова И.И. Православное духовенство в системе социальных представлений российского крестьянства в XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 569.
25. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России : очерки истории до 1917 г. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1992. 164 с.
26. ГАКО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 6.
27. Помяловский Н.Г. Очерки бursы. М. : Гослитиздат, 1958. 174 с.
28. Сычугов С.И. Записки бурсака. М.–Л. : Academia, 1933. 353 с.
29. Успенский Н.В. Из прошлого. М. : Рус. кн. маг., 1889. 249 с.
30. Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 6-7.
31. Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 11-12.
32. Тобольские епархиальные ведомости. 1912. № 3.
33. Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 10.
34. Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 9.
35. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 143.
36. ГАКО. Ф. И-26. Оп. 1. Д. 24.
37. Тобольские епархиальные ведомости. 1916. № 10.
38. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 129.

39. ГАКО. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 22.
40. ГАКО. Ф. И-34. Оп. 1. Д. 36.
41. ГАКО. Ф. И-196. Оп. 1. Д. 36.
42. ГАКО. Ф. И-33. Оп. 1. Д. 24.
43. ГАКО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 10.
44. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 154.
45. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 6. Д. 306.
46. ГАКО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 13.
47. ГАКО. Ф. И-235. Оп. 1. Д. 101.
48. Тобольские епархиальные ведомости. 1910. № 8.
49. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1.

References

1. Andreeva, L.A. & Elbakyan, E.S. (2011) Otnoshenie k dukhovenstvu sosloviy i sotsial'nykh grupp Rossiyskoy imperii (nachalo XX v.) [Attitudes of estates and social groups of the Russian Empire towards the clergy (early 20th century)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 10(330). pp. 69–80.
2. Bezgin, V.B. & Lisyunin, V. (2012) Tserkov', gosudarstvo, obshchestvo v epokhu modernizatsii: problemy razvitiya [Church, state, society in the era of modernization: problems of relationships]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 9(23). pp. 225–229.
3. Belous, P.V. (2018) *Tobol'skaya eparkhiya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1918)* [The Tobolsk diocese during the First World War (1914–1918)]. Tyumen: Tyumen State University.
4. Zemtsov, L.I. (2008) Krest'yanstvo i prikhodskoe dukhovenstvo v nachale XX veka [The peasantry and parish clergy at the beginning of the twentieth century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya*. 1(41). pp. 73–79.
5. Karnishina, N.G. (2014) State-church relations in Russia in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 5(31). pp. 16–22. (In Russian).
6. Mineeva, T.V., Romanovskaya, V.B. & Savchenko, I.V. (2020) *Tserkovnoe sudoproizvodstvo v Rossiyskoy imperii* [Church proceedings in the Russian Empire]. Cheboksary: Sreda.
7. Mironov, B.N. (2015) Zhiznenny uroven' Rossiyskogo prikhodskogo pravoslavnogo dukhovenstva v imperskoy Rossii [The standard of living of the Russian parish Orthodox clergy in Imperial Russia]. *Nauchnye issledovaniya*. 1. pp. 65–80.
8. Smokotin, S.V. (2017) The Orthodox Church and the Peasantry in Tomsk Province in the 19th – Early 20th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 47. pp. 34–40. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/47/4
9. Terskova, A.A. (2015) Obshchestvennaya deyatelnost' prikhodskogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh vv. (na primere Eniseyskoy eparkhii) [Social Activities of the Parish Clergy in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (a case study of the Yenisei Diocese)]. *Epokha nauki*. 4. pp. 610–614.
10. Ikonnikov, S.A. (2019) O nekotorykh aspektakh pravovogo polozheniya prikhodskogo dukhovenstva Pravoslavnoy Rossiyskoy tserkvi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov (po materialam tsentral'no-chernozemnykh guberniy) [On some aspects of the legal status of the parish clergy of the Orthodox Russian Church in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Central Black Earth provinces)]. *Nauchnyy dialog*. 4. pp. 239–255.
11. Spichak, T.V. (2019) Fight Against Drunkenness of Clergy in the Affairs of Tobolsk Spiritual Consistory in the Second Half of the 18th and in the 19th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 133–138. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/18
12. Fot, A.G. (2015) Pravovoy status prikhodskogo pravoslavnogo dukhovenstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Legal status of parish Orthodox clergy in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2(14). pp. 92–103.
13. Ershov, B.A. (2012) Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie deyatelnosti russkoy pravoslavnoy tserkvi v guberniyakh tsentral'nogo Chernozem'ya XIX – nachale XX veka [State and legal regulation of activities Russian Orthodox Church in the provinces of the central Black Earth Region in the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4-2(18). pp. 75–78.
14. Lysenko, Yu.A. & Syue-Skurikhina, N.V. (2015) Nravstvennyy oblik pravoslavnogo dukhovenstva na primere Omskoy eparkhii v kontse XIX – nachale XX v. [Moral character of the Orthodox clergy on the example of the Omsk diocese in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4/2(88). pp. 112–115.
15. Skutnev, A.V. (2007) Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Parish clergy: mentality features and non-canonical behavior (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2(16). pp. 63–78.
16. Russia. (1883) *Ustav dukhovnykh konsistoriy: utv. 9 apr. 1883 g.* [The Charter of the Spiritual Consistories: approved April 9, 1883]. St. Petersburg: Sinod. tip.
17. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 104.
18. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 197.
19. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-101. List 1. File 1.
20. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-94. List 1. File 4.
21. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-32. List 1. File 81.
22. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-95. List 1. File 19.
23. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 176.
24. Sadyrova, M.Yu. & Maslova, I.I. (2014) Pravoslavnoe dukhovenstvo v sisteme sotsial'nykh predstavleniy Rossiyskogo krest'yanstva v XIX – nachale XX v. (po materialam Srednego Povolzh'ya) [Orthodox clergy in the system of social representations of the Russian peasantry in the 19th – early 20th centuries (based on the materials of the Middle Volga region)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2. p. 569.
25. Kamkin, A.V. (1992) *Pravoslavnaya tserkov' na Severe Rossii: ocherki istorii do 1917 g.* [Orthodox Church in the North of Russia: essays on history before 1917]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute.
26. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund 67. List 1. File 6.
27. Pomyalovskiy, N.G. (1958) *Ocherki bursy* [Essays on the Seminary]. Moscow: Goslitizdat.
28. Sychugov, S.I. (1933) *Zapiski bursaka* [Notes of a seminarist]. Moscow; Leningrad: Academia.
29. Uspenskiy, N.V. (1889) *Iz proshlogo* [From the past]. Moscow: Rus. kn. mag.
30. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1891) 6–7.
31. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1882) 11–12.
32. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) 3.

33. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1906a) 10.
34. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1906b) 9.
35. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List 1. File 143.
36. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-26. List 1. File 24.
37. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1916) 10.
38. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). F-235. List 1. File 129.
39. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-101. List1. File 22.
40. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-34. List1. File 36.
41. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-196. List1. File 36.
42. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-33. List1. File 24.
43. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-115. List1. File 10.
44. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List1. File 154.
45. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-235. List6. File 306.
46. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund I-117. List1. File 13.
47. The State Archives of the Kurgan Region (GAKO). Fund-235. List 1. File 101.
48. *Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1910) 8.
49. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*. *Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social History of Russia during the Empire Period (18th – Early 20th Century). Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Сведения об авторах:

Федоров Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета (Курган, Россия). E-mail: serg-georg@mail.ru

Неупокоев Игорь Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Курган, Россия). E-mail: neupokoev_i_v@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Fedorov Sergey G. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Documentation of Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: serg-georg@mail.ru

Neupokoev Igor V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Kurgan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Kurgan, Russian Federation). E-mail: neupokoev_i_v@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 20.04.2021; accepted for publication 15.01.2025

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/19988613/93/14

Влияние пандемии на миграцию в странах Юго-Восточной Азии

Шафина Джуни Азракаила¹,

Михайловна Погорельская²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ kylazraa@gmail.com

² pogorelskaya@mail.tsu.ru

Аннотация. Анализируются особенности влияния пандемии на миграционную ситуацию в Юго-Восточной Азии. Цель статьи – определение подходов стран региона к миграции в период пандемии. Исследование включает обзор изменений миграционного регулирования в странах региона в период пандемии, выявление общих черт и различий в их подходах, оценку перспектив сотрудничества в рамках АСЕАН для восстановления миграции в регионе.

Ключевые слова: пандемия, Юго-Восточная Азия, миграция, политика, АСЕАН

Для цитирования: Азракаила Ш.Дж., Погорельская А.М. Влияние пандемии на миграцию в странах Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 113–120. doi: 10.17223/19988613/93/14

Original article

The influence of COVID-19 pandemia on migration and state policies of South-Eastern Asia

Syafina Juni Azrakhaila¹, Anastasia M. Pogorelskaya²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ kylazraa@gmail.com

² pogorelskaya@mail.tsu.ru

Abstract. The article covers the peculiarities of Southeastern Asian countries measures taken to counter the spread of coronavirus in the region. The research is based mainly on the World Bank statistics concerning economic indexes of the countries in the region, the analysis of measures taken by the countries concerned as well as the documents taken within the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) format.

It is argued that most measures taken by the countries were identical, however, the success of their implementation was different. Thus, Singapore, Thailand and Vietnam were relatively successful in countering the spread of coronavirus. The ways Malaysia and Cambodia countered coronavirus is criticized as well as measures taken by Indonesia did not seem to be very effective.

However, each country had to prioritize its own citizens' health, thus, making such vulnerable groups as labour migrants and asylum seekers even more endangered. Countries of South-Eastern Asia depend a lot on international migration both inside the region and from the region to other countries of the world. Travel restrictions adopted worldwide complicated life of international labour migrants originating from South-Eastern Asia as well as their households relying on remittances. Thus, the faster host economies recover, the faster recovery in countries of origin is possible. Therefore, relatively optimistic forecasts on GDP changes in South-Eastern Asian countries within the following years provides the chance for the region to recover rather quickly, unless new restrictions are adopted due to virus mutations.

Travel restrictions also made it more difficult for asylum seekers to reach safe territories. The receiving countries were blamed for governing their borders in the excessively strict way causing even the breaches of human rights. However, the pandemic situation provides a temporary excuse for the states they take advantage of.

Current situation with vaccination against coronavirus is different in the countries of the region, thus, impeding complete restoration of regional migration flows. Countries of South-Eastern Asia used to have different initial economic and so-

cial conditions before the pandemia making them complementary and to a certain extent interdependent via international migration. Although the initial responses to pandemia were national ones, there is also the need to cooperate in ASEAN as well to guarantee the aims of the Association are still being achieved.

Keywords: pandemic, Southeast Asia, migration, politics, ASEAN

For citation: Azrakhaila, S.J., Pogorelskaya, A.M. (2025) The influence of COVID-19 pandemia on migration and state policies of South-Eastern Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 113–120. doi: 10.17223/19988613/93/14

Актуальность

В 2020 г. весь мир столкнулся с беспрецедентной ситуацией, которая не обещала закончиться в течение нескольких месяцев, а наоборот, становилась нормой жизни. Пандемия повлияла на все стороны жизни человека и обострила многие экономические и социальные проблемы. Первые ответные меры многих стран на распространение коронавируса по планете были аналогичны: сокращение количества межличностных контактов, ограничение въезда в страну, меры поддержки для самых уязвимых групп населения и т.п. Однако большинство мер сосредоточивалось на преодолении текущего воздействия и снижении скорости распространения вируса, гораздо сложнее было предсказать развитие ситуации, разработать и реализовать планы долгосрочного восстановления экономик.

Почти все страны мира сталкиваются с необходимостью временного ограничения мобильности людей. При этом глобальных и универсальных правил управления международной миграцией не выработано, и перспективы их создания, особенно в период кризиса, пока туманны. Так, последняя глобальная инициатива, обсуждавшаяся под эгидой Организации Объединенных Наций, не имеющая, однако, обязательной юридической силы, – Глобальный договор по миграции – не получила полной поддержки США, Австралии и некоторых стран Европы.

Миграция и мобильность – факторы, ускорившие распространение вируса COVID-19. В Китае по состоянию на 23 января 2020 г. – до того, как Ухань ввел статус изоляции – большинство сообщений о первых случаях COVID-19 поступало из провинции Хубэй (81% всех случаев на тот момент) [1], в то время как большинство зарегистрированных случаев произошло за городом. Ухань характеризуется высоким уровнем исходящей мобильности [2]. Время, необходимое для появления симптомов и идентификации человека, инфицированного COVID-19, дает возможность вирусу передаваться от человека к человеку беспрепятственно. В результате коронавирус быстро распространился из Китая в другие страны.

Актуальность исследования влияния пандемии на политику по управлению миграцией и ее последствиями в странах Юго-Восточной Азии связана с тем, что в свое время именно миграция и мобильность людей стали одним из основных триггеров пандемии. Однако в связи с быстрым распространением коронавируса по планете первой реакцией государств было сокращение возможностей для международной миграции, что вызвало как возвращение части мигрантов на родину, где им пришлось реинтегрироваться в сложных экономических условиях, так и ухудшение положения в от-

дельных отраслях, зависящих от труда мигрантов и свободы перемещения людей (сферы туризма, обслуживания и т.д.). Другими словами, если изначально миграция способствовала пандемии, последняя, в свою очередь, изменила направления и динамику международной миграции населения, значительно сократив возможности для международной миграции.

Страны Юго-Восточной Азии на протяжении последних десятилетий стабильно были отправляющими международных мигрантов странами. По данным Международной организации по миграции (МОМ), количество эмигрантов из стран региона еще в 1990 г. составляло 7,7 млн человек, в 2000 г. – уже 12,1 млн, в 2010 г. – 18,1 млн, в 2020 г. – 23,6 млн человек. Во многом миграционные коридоры связывали эти страны между собой: за период с 2005 по 2010 г. массовые миграционные переливы шли из Индонезии в Малайзию (322,03 тыс. человек), из Малайзии в Индонезию (94,88 тыс.), из Лаоса в Таиланд (85,97 тыс.), из Таиланда в Лаос (76,29 тыс.), из Мьянмы в Малайзию (271,03 тыс.), из Мьянмы в Таиланд (850,02 тыс.), из Таиланда в Мьянму (123,58 тыс.), из Таиланда в Камбоджу (62,89 тыс.), из Камбоджи в Таиланд (136,21 тыс.) [3]. Таким образом, большинство стран региона оказались связаны миграционными мостами, за исключением Филиппин, ориентированных на миграционные связи с США и Ближним Востоком. В этой связи исследователи констатируют пока отсутствие сформировавшейся миграционной системы в регионе Юго-Восточной Азии [4. С. 84]. Тем не менее существующие различия в демографических показателях, уровне экономического развития, степени модернизации обществ, наличие этно-конфессиональных и социально-политических разногласий в регионе и некоторые другие факторы способствуют укреплению миграционных связей между странами Юго-Восточной Азии [4. С. 74–76].

Страны Юго-Восточной Азии, как и многие другие государства мира, в качестве упреждающих действий по предотвращению и замедлению распространения COVID-19, согласно отчету Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от 11 апреля 2020 г., приняли дополнительные меры, направленные на ограничение миграции и мобильности людей, включая ограничения на въезд из стран, затронутых COVID-19, приостановку полетов, визовые ограничения, закрытие границ и карантин для прибывающих в страну [2]. Осуществление этих мер влияет на устоявшиеся миграционные потоки на региональном и международном уровнях. Между тем на внутреннем уровне правительства в различных странах также начали проводить политику изоляции, которая направлена на ограничение возможностей для передвижения людей. В этой связи ниже будут рассмотрены примеры национальных под-

ходов к противодействию распространению коронавирусной инфекции в отдельных странах Юго-Восточной Азии, определены общие и различные черты этих подходов, а также даны оценки эффективности сотрудничества государств в формате АСЕАН для сокращения негативного влияния пандемии на международную миграцию в регионе.

Политика по противодействию распространению коронавируса в странах Юго-Восточной Азии

Пандемия COVID-19 ограничила мобильность людей в регионе Юго-Восточной Азии, которая ранее была высока, особенно по основным миграционным коридорам, указанным выше. Тем не менее, учитывая масштабы незаконной иммиграции в странах региона и волнообразное распространение коронавируса, была вероятность, что регион Юго-Восточной Азии может стать следующей горячей точкой COVID-19, в связи с чем государства региона предприняли меры по ограничению контактов как в каждой из стран между ее жителями, так и с внешним миром.

Правительство Индонезии приняло ряд мер: от закрытия границ и запретов на въезд в страну, широкомасштабных социальных ограничений (PSBB) до запрета на возвращение на родину из-за границы. Программа общественного вещания в Индонезии стала активно озвучивать призывы к обучению, работе и богослужению из дома, к ограничениям на деятельность в общественных местах, ограничениям на социально-культурную деятельность, а также к ограничениям использования общественного транспорта. Реализация такой политики была призвана снизить распространение коронавируса при условии должной реализации. Тем не менее строгих санкций в отношении тех, кто нарушает указанные меры, предусмотрено не было, что снижало степень соблюдения их обществом в целом. В результате принимаемые меры оказались менее эффективными, чем планировалось [5]. В этой связи Индонезия продолжила политику, нацеленную на ограничение мобильности людей: на период Рождества и Нового 2022 года формально были введены ограничения – запрет на массовые мероприятия, включая культурные и спортивные; кроме того, официально введен запрет на традиционное посещение родного города в период рождественских каникул.

Правительство Малайзии в ответ на распространение коронавируса постановило усилить пограничный контроль, а также стало проводить политику социальных ограничений, утвержденную приказом о контроле за перемещениями. Следует отметить, что реализация подобной политики в Малайзии оказалась более эффективной, чем в Индонезии, поскольку за нарушение введенных ограничений жителям страны грозил штраф [5].

Одновременно ужесточились меры по препятствованию незаконной иммиграции в Малайзию [6]. Поскольку Малайзия была центром притяжения трудовых мигрантов (как легальных, так и нелегальных) из соседних стран, действия страны по ограничению возможностей для иммиграции поставили под удар значительное

количество домохозяйств в соседних странах, усугубив тем самым в них экономический кризис, вызванный пандемией. Однако принятие подобных жестких мер было призвано обеспечить работой и средствами к существованию на родине малазийских граждан: как тех, кто конкурировал с иностранными работниками до пандемии, так и тех, кто был вынужден вернуться с заработков в других странах и регионах мира из-за пандемии. Правозащитные организации утверждают, что трудовые иммигранты, оставшиеся в Малайзии, как подвергаются рискам экономического характера (потеря работы, например), так и ставят под угрозу свое здоровье в связи с ограниченным доступом к тестированию на коронавирус и медицинским учреждениям [7].

Критику правозащитных организаций вызывает превалирование соображений безопасности над необходимостью защиты прав человека в политике Малайзии по отношению к беженцам. На протяжении многих лет остается актуальным этно-конфессиональный конфликт в штате Ракхайн в Мьянме, ставшем источником лиц в поисках убежища из числа мусульман-рохинджа в соседних с Мьянмой странах, прежде всего Таиланде и Малайзии [4. С. 75]. Однако в стремлении ограничить количество пересечений малазийской границы, формально для противодействия распространению коронавируса, отказ получают и лица в поисках убежища. Так, в апреле 2020 г. при попытке попасть в территориальные воды Малайзии была задержана лодка, где, по некоторым оценкам, находилось порядка 200 мусульман-рохинджа, желавших получить статус беженцев. Лодка была перехвачена и выдворена под предлогом существующих ограничений на въезд в страну [8].

Сингапур, выделяющийся из ряда остальных стран Юго-Восточной Азии значительно более высоким уровнем жизни, динамичным экономическим развитием и старением населения, что повышало спрос на иностранную рабочую силу в стране до пандемии, в целях противодействия распространению коронавируса закрыл свои границы для краткосрочных визитов. В стране также были введены меры для ограничения контактов между людьми путем самоизоляции. В Сингапуре относительно просто было введено онлайн-обучение, удалось наладить контролируемый и ограниченный доступ в места скопления людей, перевести часть работников на дистанционный режим работы и / или ввести повышенные меры безопасности на рабочих местах, которые не могли быть переведены в дистанционный режим [9]. Как и в Малайзии, нарушители ограничений подвергались штрафам, что повысило дисциплину в обществе и сделало принятые меры относительно эффективными. Эффективность таких мер, однако, невелика в местах концентрированного проживания трудовых мигрантов в Сингапуре, где скорость распространения коронавирусной инфекции оказалась в разы выше из-за невозможности соблюдения социальной дистанции [10]. В конце ноября 2021 г. Сингапур разрешил въезд гражданам некоторых стран, включая Индонезию, Индию и Малайзию, прошедших полную вакцинацию от коронавируса [5].

Филиппины также объявили об отмене внутренних и международных рейсов, а также о введении социаль-

ных ограничений до конца апреля 2020 г. Последние включали рекомендации оставаться дома, выходя только для покупки товаров первой необходимости и / или получения медицинской помощи. Поскольку регионом с наибольшей концентрацией населения является Лусон – центр экономической активности страны, то там контроль за соблюдением принятых мер был особенно жестким [11]. Филиппины сохраняли ограничения на въезд из отдельных стран. В 2022 г. планировали запустить вакцинацию детей возрастом 5–11 лет.

Бруней ввел ограничения на пересечение границ и определил список стран, с которыми прерывает сообщение в целях противодействия распространению коронавируса. С 2022 г. планировалось приступить к вакцинации детей с 5 лет. Однако изначально в стране были запрещены массовые мероприятия в целях ограничения контактов [5].

Мьянма формально ввела ограничения до конца 2021 г., однако с ноября стали открываться границы с отдельными странами, и режим самоизоляции постепенно снимался в отдельных регионах страны [5].

В Таиланде долгое время продолжался режим чрезвычайной ситуации, который был продлен до 31 января 2022 г., однако в конце ноября 2021 г. был отменен комендантский час. Кроме того, Таиланд стимулировал разработку собственной национальной вакцины, которая проходит испытания [5].

Согласно международным оценкам, успешно борьбу с распространением коронавируса провели Таиланд, Вьетнам и Камбоджа. Успех первых двух объясняли преобладанием относительно молодого населения и значительной международной помощью, а успех Камбоджи – тем, что она граничит с указанными странами [12]. Однако некоторые эксперты выразили сомнения относительно реальности публикуемых камбоджийскими властями официальных цифр в период коронавируса. Тем не менее в марте 2021 г. в Камбодже был принят закон, устанавливавший реальные тюремные сроки за нарушение карантина в одиночку (до 3 лет тюрьмы) или группой лиц (до 20 лет тюрьмы). При этом непоследовательность властей, объявивших, например, жесткий карантин в столице страны Пномпене буквально за несколько дней до его установления, привела к ажиотажу в продуктовых магазинах и последовавшему дефициту, поставившему отдельные группы населения города на грань голода [12].

Степень вакцинации населения от коронавирусной инфекции очень неравномерна в регионе: самые высокие показатели уровня вакцинации по данным на декабрь 2021 г. достигнуты в Сингапуре (89,3%), Малайзии (81,4%), Брунее (81,4%), Камбодже (83,8%). Однако в Мьянме этот показатель составляет только 21,8%, на Филиппинах – 35,6%, в Лаосе – 42,1% [5]. С учетом количества населения, сосредоточенного в регионе (по прогнозам ООН, 675,6 млн человек в 2021 г. [13]), странам приходится массово закупать вакцины от разных производителей в разных странах, что не так просто, поскольку очередь за ними большая и на первых местах чаще всего оказываются развитые страны, хотя политика фармацевтических гигантов по выполнению заказов и распределению вакцин далеко не прозрачна [14],

что повышает уязвимость развивающихся стран в борьбе с пандемией.

В целом можно отметить, что страны Юго-Восточной Азии, как и государства в других регионах мира, вводили в период пандемии ограничения на миграцию населения и меры по сокращению количества контактов между людьми, чтобы предотвратить передачу инфекции. Однако разная степень обязательности следования данным мерам в разных странах региона обусловила и разную степень эффективности их реализации. Учитывая масштабы миграции в регионе, скорейшее открытие границ и возобновление трудовой миграции соответствуют интересам всех государств региона. Поэтому страны Юго-Восточной Азии оказываются особенно заинтересованы в повышении уровня вакцинации своих граждан с целью упрощения международной трудовой миграции хотя бы в пределах региона.

Несмотря на некоторые послабления, вводимые в странах Юго-Восточной Азии, ожидать полноценного открытия границ и возобновления международной миграции как внутри региона, так и за его пределы в ближайшей перспективе сложно, поскольку любое изменение ситуации заставляет быстро возвращать прежние ограничения (например, в связи с выявлением нового вируса омикрона).

Влияние пандемии на социально-экономическую и миграционную ситуацию в Юго-Восточной Азии

Закрытие границ и социальные ограничения, введенные рядом стран Юго-Восточной Азии оказали влияние как на граждан соответствующих стран, так и на представителей наиболее уязвимых групп населения, в том числе трудовых мигрантов и беженцев.

Правозащитные организации регулярно привлекают внимание мировой общественности к ситуации лиц в поисках убежища, мусульман-рохинджа, вынужденных покинуть Мьянму и направляться в другие государства региона Юго-Восточной Азии. Ситуация закрытия границ ввиду распространения коронавируса привела к тому, что лица в поисках убежища либо были вынуждены отказаться от идеи покинуть свою страну, либо временами оказывались в опасном положении, будучи заблокированными в море на границах государств, использующих пандемию как оправдание для отказа в приеме этих лиц [8].

По оценкам ООН, уровень незаконной иммиграции в странах Юго-Восточной Азии был высоким и до пандемии. Традиционно Камбоджа выступала источником незаконных иммигрантов в Таиланд и Малайзию. По оценкам властей Таиланда, от 41 до 151 тыс. человек они задерживают ежегодно в попытках незаконно пересечь камбоджийско-тайландскую границу. Индонезия как является страной-донором незаконных иммигрантов в Малайзию и Сингапур, так и сама служит транзитным пунктом для незаконных иммигрантов, направляющихся в Австралию, Таиланд и Малайзию. Вьетнам также служит транзитной территорией на пути в Таиланд, как и Мьянма – на пути в другие страны Юго-Восточной и Южной Азии. В Таиланд, в частности, ежегодно со стороны Мьянмы пытаются

попасть от 75 до 132 тыс. незаконных иммигрантов. В целом Таиланд сталкивается с большим притоком незаконных иммигрантов из бассейна Меконга. Мотивы незаконной иммиграции в основном экономические: в первую очередь зависимость домохозяйств от денежных переводов мигрантов, которые нуждаются в любой работе, как легальной, так и нет [15. Р. 69–75]. В этой связи закрытие границ и ухудшение экономического положения в странах их происхождения могут привести к нарастанию попыток незаконного пересечения границ, заставляя государства назначения выделять все больше ресурсов на их патрулирование, несмотря на ограниченность таких ресурсов в период пандемии.

Введение ограничений вынудило множество промышленных предприятий временно остановить производство, заставляя рабочих уйти в отпуск с отдаленной перспективой возвращения на свои рабочие места. Поэтому многие трудовые мигранты, особенно те, что оставались в пределах региона, стали возвращаться на родину. В связи с непростой внутренней ситуацией, а также возвращением части трудовых мигрантов из-за границы уровень безработицы повысился во многих странах региона в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом. Даже учитывая рост уровня неформальной занятости, официальные цифры свидетельствовали о росте безработицы. Больше всего ее уровень вырос в Сингапуре (с 3,1% в 2019 г. до 5,2% в 2020 г.), чуть меньше – на Филиппинах (с 2,2% в 2019 г. до 3,4% в 2020 г.), Брунее (с 6,9% в 2019 г. до 8,4% в 2020 г.), Малайзии (с 3,3% в 2019 г. до 4,5% в 2020 г.), Мьянме (с 0,5% в 2019 г. до 1,8% в 2020 г.) [16]. Учитывая, что большинство указанных стран, кроме Сингапура, являются странами происхождения мигрантов, такое повышение уровня безработицы было для них значительным.

В результате несколько упал приток денежных переводов мигрантов в страны региона, что осложнило ситуацию внутри отправляющих стран и усугубило кризис. Среди стран Юго-Восточной Азии есть несколько мировых лидеров по объемам получаемых денежных переводов мигрантов: Филиппины (на 4-м месте в мире в 2018 г.) и Вьетнам (на 10-м месте) [17]. По данным Всемирного банка, в последние 15–20 лет отмечался рост притока денежных переводов мигрантов в страны Юго-Восточной Азии, однако в 2020 г. по сравнению с 2019 г. приток переводов значительно снизился для таких стран, как Индонезия (с 11,7 млрд долл. в 2019 г. до 9,7 млрд долл. в 2020 г.), меньшее падение отмечалось в других странах региона, например на Филиппинах (с 35,2 млрд долл. в 2019 г. до 34,9 млрд долл. в 2020 г.), в Камбодже (с 1,5 млрд долл. в 2019 г. до 1,27 млрд долл. в 2020 г.); увеличился приток денежных переводов только во Вьетнаме (с 17 млрд долл. в 2019 г. до 17,2 млрд долл. в 2020 г.) [18].

Суммарный мировой ВВП в 2020 г. значительно упал: со 129 589,7 до 125 253,3 млрд долл. (по ППС в ценах 2017 г.) [19]. Среди стран Юго-Восточной Азии ВВП в 2020 г. по сравнению с 2019 г. упал в большинстве стран, вырос только во Вьетнаме (с 775,7 в 2019 г. до 798,2 млрд долл. в 2020 г.), незначительно изменился объем ВВП в Брунее, Камбодже и Восточном Тимо-

ре. В связи с пандемией прогнозы по объемам ВВП стран Юго-Восточной Азии были скорректированы, при этом после относительно заметного падения ВВП в 2020 г. в дальнейшем ожидалось восстановление экономик большинства стран [5]. При условии открытия границ восстановление национальных экономик стран-реципиентов международных мигрантов в регионе Юго-Восточной Азии позволит относительно быстро восстановиться и донорам трудовых мигрантов.

Подходы стран АСЕАН к координации миграционной политики: до и после пандемии

Во всем мире отреагировать на пандемию первыми пришлось государствам. Многосторонние усилия по противодействию распространению коронавируса предпринимались, но достаточной координации политики государств достичь не удалось в большинстве регионов мира. Страны Юго-Восточной Азии не стали исключением. Большая часть мер по противодействию распространению коронавируса принималась на национальном уровне в зависимости от ситуации.

Ранее странами, входящими в региональное объединение – Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), предпринимались усилия по упрощению передвижения между участниками объединения, поэтому изменения в их национальной повестке в связи с коронавирусом могли повлиять и на данный аспект сотрудничества. На сегодня в АСЕАН официально входят 10 государств Юго-Восточной Азии, т.е. все государства региона, кроме Восточного Тимора, имеющего статус наблюдателя.

Согласно подписанному в 2015 г. Уставу АСЕАН, одной из целей объединения было создание единых рынка и производственной базы с эффективным воздействием торговле и инвестициям, где будут действовать свобода передвижения товаров, услуг и инвестиций, а также с упрощенными правилами передвижения для предпринимателей, высококвалифицированных кадров, «танантов» и других видов работников (п. 5 ст. 1). Для координации политики предполагалось проведение совещаний министров труда, а также имплементация Декларации о защите и продвижении прав трудящихся мигрантов [20].

В период кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции, в апреле 2020 г. в рамках АСЕАН был собран специальный саммит, по итогам которого была принята декларация, утверждавшая необходимость совместного контроля и борьбы с распространением коронавируса в регионе. Кроме того, в декларации подтверждалась приоритетность обеспечения благополучия людей в регионе и граждан стран АСЕАН, в том числе тех, кто оказался за пределами страны своего гражданства в другой стране АСЕАН [18. Р. 3]. Вдобавок государства-члены призывались к сотрудничеству в обеспечении социальной стабильности в период пандемии, в том числе для самых уязвимых групп населения, к которым зачастую относятся и трудовые мигранты.

В ответ на проявления кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции, и ухудшение

социального положения как граждан стран АСЕАН, так и трудовых мигрантов, в октябре 2021 г. в ходе 38-го саммита АСЕАН были утверждены стратегические направления создания в АСЕАН толерантного сообщества с общерегиональной повесткой. В них были поставлены цели как содействия толерантности между народами стран АСЕАН, так и развития среди них чувства сопричастности, понимания общих интересов и целей. Вполне возможно, что развитию такого направления сотрудничества способствовало не только наличие платформы АСЕАН для согласования позиций государств-участников и обсуждения самых актуальных проблем, но и обострившаяся в странах в связи с пандемией социально-экономическая обстановка [21].

Заключение

Пандемия COVID-19 привела к изменениям в миграционных потоках по всему миру, в том числе в Юго-Восточной Азии. Принимаемые большинством государств меры были направлены в основном на снижение количества контактов между людьми для сокращения риска передачи инфекции. Однако внимание национальных правительств чаще всего сосредоточивалось на гражданах своих стран, что сделало рабочих-мигрантов и беженцев уязвимыми группами населения, особенно во времена кризисов. Пандемия повлияла и на ключевые направления потоков трудовой и вынужденной миграции в Юго-Восточной Азии. В результате распространения COVID-19 количество рабочих-мигрантов, возвращающихся в свою страну, увеличивалось, а беженцам становилось все труднее получить защиту в иностранных государствах. Страновые ограничения, которые приводили к закрытию многих предприятий, вызывали рост безработицы неравномерно по странам региона. Однако благоприятные прогнозы по ВВП

стран Юго-Восточной Азии вселяют некоторую надежду как на восстановление трудовой миграции в регионе, так и на преодоление других кризисных явлений в экономической и социальной сферах.

Трудовая миграция из региона Юго-Восточной Азии обусловлена экономическими мотивами и ранее несла выгоду как принимающим государствам, где иммигранты занимали невостребованные ниши на рынке труда, так и отправляющим государствам, где эмиграция снижала нагрузку на национальные системы образования, здравоохранения, отчасти решала проблему безработицы. Однако в условиях введенных ограничений международной миграции, обусловленных пандемией, страны Юго-Восточной Азии столкнулись с ростом безработицы и падением доходов, источником которых ранее служили денежные переводы мигрантов из-за рубежа. Пандемия также осложнила возможности для лиц в поисках убежища найти его в странах Юго-Восточной Азии. Те из них, кто рисковал предпринять опасное путешествие из Мьянмы в другие государства региона, оказывались заблокированными в море, поскольку необходимость охраны границ в целях противодействия распространению коронавируса использовалась принимаемыми государствами в том числе как повод не впускать вынужденных мигрантов.

Все это стало новым вызовом для народов Юго-Восточной Азии, включая обеспечение устойчивости экономического сообщества АСЕАН, в рамках которой декларируется необходимость укрепления сотрудничества, в том числе по вопросам трудовой миграции. Однако от АСЕАН потребовались более конкретные усилия и меры, которые позволят не только бороться с последствиями пандемии в краткосрочной перспективе, но и содействовать развитию объединения в будущем.

Список источников

1. Kraemer et al. The effect of human mobility and control measures on the COVID-19 epidemic in China // *Science*. 2020. URL: <https://www.science.org/doi/10.1126/science.abb4218> (accessed: 07.12.2021).
2. Coronavirus disease 2019 (COVID-19) Situation Report 88 // World Health Organization/ 2021. URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200417-sitrep-88-covid-191b6ccd94f8b4f219377bff55719a6ed.pdf?sfvrsn=ebe78315_6 (accessed: 01.12.2021).
3. Total number of emigrants at mid-year 2020 // Migration Data Portal, IOM. 2021. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_origin&t=2020&m=2&sm49=35 (accessed: 07.12.2021).
4. Преображенская А.А., Князев П.Ю. Формирование миграционной системы в Юго-Восточной Азии // *Международная торговля и торговая политика*. 2018. № 4 (16). С. 71–89.
5. National Responses to COVID-19 in Southeast Asia // Center for Strategic International Studies. 2021. URL: <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/projects/southeast-asia-covid-19-tracker> (accessed: 07.12.2021).
6. MCO: Immigration halts operations against illegal immigrants // Malay mail. 2020. 22 Apr. URL: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2020/04/22/mco-immigration-halts-operations-against-illegal-immigrants/1859235> (accessed: 01.12.2021).
7. Impact of COVID-19 on migrant workers in South East Asia – Update 3 // Institute for Human Right and Business. 2021. URL: <https://www.ihrb.org/focus-areas/covid-19/covid-19-migrant-workers-south-east-asia-update-3> (accessed: 07.12.2021).
8. Malaysia: Allow Rohingya refugees ashore // Human Rights Watch. 2021. URL: <https://www.hrw.org/news/2020/04/18/malaysia-allow-rohingya-refugees-ashore> (accessed: 01.12.2021).
9. Circuit Breaker extension and tighter measures: What you need to know. URL: <https://www.gov.sg/article/circuit-breaker-extension-and-tighter-measures-what-you-need-to-knowb> (accessed: 01.12.2021).
10. Ratcliffe R. We're in a prison: Singapore's migrant workers suffer as Covid-19 surges back // *The Guardian*. 2020. 23 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/23/singapore-million-migrant-workers-suffer-as-covid-19-surges-back> (accessed: 01.12.2021).
11. Philippines extends lockdown of main island until end of April // *Bloomberg*. 2020. 6 Apr. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-06/philippine-president-likely-to-extend-lockdown-to-april-30> (accessed: 01.12.2021).
12. Chorn A., Stromseth J. COVID-19 comes to Cambodia // *The Brookings Institution*. 2021. 19 May. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/05/19/covid-19-comes-to-cambodia/> (accessed: 07.12.2021).
13. Annual Total Population at Mid-Year by region, subregion and country, 1950–2050 (thousands) // United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2018. URL: <https://population.un.org/wup/Download/> (accessed: 07.12.2021).

14. 'Absolutely Unacceptable' COVID-19 Vaccination Rates in Developing Countries. The Development Podcast // The World Bank. 2021. 3 Aug. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/podcast/2021/07/30/-absolutely-unacceptable-vaccination-rates-in-developing-countries-the-development-podcast> (accessed: 07.12.2021).
15. Migrant Smuggling in Asia and the Pacific: Current Trends and Challenges. Vol. II // UNODC. 2018. URL: https://www.unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2018/MiAR_IL_July_2018.pdf (accessed: 07.12.2021).
16. Unemployment, total (% of total labor force) // International Labour Organization, the World Bank. 2021. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=LA-KH-MY-MM-TH-BN-SG-VN-PH-ID> (accessed: 07.12.2021).
17. World Migration Report 2020 // International Organization for Migration. 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (accessed: 07.12.2021).
18. Personal remittances, received (current US\$) – Brunei Darussalam, Vietnam, Indonesia, Cambodia, Lao PDR, Malaysia, Myanmar, Singapore, Thailand, Philippines, Timor-Leste // The World Bank. 2020. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?end=2020&locations=BN-VN-ID-KH-LA-MY-MM-SG-TH-TL-PH&start=1975&view=chart> (accessed: 07.12.2021).
19. ASEAN Charter // Association of Southeast Asian Nations Secretariat. 2007. 20 Nov. URL: <https://asean.org/about-asean/asean-charter/> (accessed: 07.12.2021).
20. Declaration on the Special ASEAN Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) // ASEAN. 2020. 14 Apr. URL: <https://asean.org/declaration-of-the-special-asean-summit-on-coronavirus-disease-2019-covid-19/> (accessed: 07.12.2021).
21. ASEAN Strategic Policy Framework on Promoting an Adaptive ASEAN Community of Greater Understanding, Tolerance and a Sense of Regional Agendas Among the Peoples of ASEAN // ASEAN Secretariat. 2021. 26 Oct. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/9.-Strategic-Policy-Framework-on-Promoting-an-Adaptive-ASEAN-Community.pdf> (accessed: 07.12.2021).

References

1. Kraemer, M. et al. (2020) The effect of human mobility and control measures on the COVID-19 epidemic in China. *Science*. 368. pp. 493–497(2020). DOI: 10.1126/science.abb4218
2. World Health Organization. (2021) *Coronavirus disease 2019 (COVID-19) Situation Report 88*. [Online] Available from: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200417-sitrep-88-covid-191b6cccd94f8b4f219377bff55719a6ed.pdf?sfvrsn=ebe78315_6 (Accessed: 1st December 2021).
3. Migration Data Portal, IOM. (2021) *Total number of emigrants at mid-year 2020*. [Online] Available from: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_origin&t=2020&m=2&sm49=35 (Accessed: 7th December 2021).
4. Preobrazhenskaya, A.A. & Knyazev, P.Yu. (2018) Formirovanie migratsionnoy sistemy v Yugo-Vostochnoy Azii [Formation of the migration system in Southeast Asia]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. 4(16). pp. 71–89.
5. Center for Strategic International Studies. (2021) *National Responses to COVID-19 in Southeast Asia*. [Online] Available from: <https://www.csis.org/programs/southeast-asia-program/projects/southeast-asia-covid-19-tracker> (Accessed: 7th December 2021).
6. *Malay mail*. (2020) MCO: Immigration halts operations against illegal immigrants. 22nd April. [Online] Available from: <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2020/04/22/mco-immigration-halts-operations-against-illegal-immigrants/1859235> (Accessed: 1st December 2021).
7. Institute for Human Right and Business. (2021) *Impact of COVID-19 on migrant workers in South East Asia – Update 3*. [Online] Available from: <https://www.ihrb.org/focus-areas/covid-19/covid-19-migrant-workers-south-east-asia-update-3> (Accessed: 7th December 2021).
8. Human Rights Watch. (2021) *Malaysia: Allow Rohingya refugees ashore*. [Online] Available from: <https://www.hrw.org/news/2020/04/18/malaysia-allow-rohingya-refugees-ashore> (Accessed: 1st December 2021).
9. Singapore. (n.d.) *Circuit Breaker extension and tighter measures: What you need to know*. [Online] Available from: <https://www.gov.sg/article/circuit-breaker-extension-and-tighter-measures-what-you-need-to-knowb> (Accessed: 1st December 2021).
10. Ratcliffe, R. (2020) We're in a prison: Singapore's migrant workers suffer as Covid-19 surges back. *The Guardian*. 23rd April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/23/singapore-million-migrant-workers-suffer-as-covid-19-surges-back> (Accessed: 1st December 2021).
11. *Bloomberg*. (2020) Philippines extends lockdown of main island until end of April. 6th April. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-06/philippine-president-likely-to-extend-lockdown-to-april-30> (Accessed: 1st December 2021).
12. Chorn, A. & Stromseth, J. (2021) COVID-19 comes to Cambodia. *The Brookings Institution*. 19th May. [Online] Available from: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/05/19/covid-19-comes-to-cambodia/> (Accessed: 7th December 2021).
13. United Nations Department of Economic and Social Affairs. (2018) *Annual Total Population at Mid-Year by region, subregion and country, 1950–2050 (thousands)*. [Online] Available from: <https://population.un.org/wup/Download/> (Accessed: 7th December 2021).
14. *The World Bank*. (2021) 'Absolutely Unacceptable' COVID-19 Vaccination Rates in Developing Countries. The Development Podcast. 3rd August. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/en/news/podcast/2021/07/30/-absolutely-unacceptable-vaccination-rates-in-developing-countries-the-development-podcast> (Accessed: 7th December 2021).
15. UNODC. (2018) *Migrant Smuggling in Asia and the Pacific: Current Trends and Challenges*. Vol. II. [Online] Available from: https://www.unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2018/MiAR_IL_July_2018.pdf (Accessed: 7th December 2021).
16. International Labour Organization, the World Bank. (2021) *Unemployment, total (% of total labor force)*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?locations=LA-KH-MY-MM-TH-BN-SG-VN-PH-ID> (Accessed: 7th December 2021).
17. International Organization for Migration. (2020) *World Migration Report 2020*. [Online] Available from: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (Accessed: 7th December 2021).
18. The World Bank. (2020) *Personal remittances, received (current US\$) – Brunei Darussalam, Vietnam, Indonesia, Cambodia, Lao PDR, Malaysia, Myanmar, Singapore, Thailand, Philippines, Timor-Leste*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?end=2020&locations=BN-VN-ID-KH-LA-MY-MM-SG-TH-TL-PH&start=1975&view=chart> (Accessed: 7th December 2021).
19. *Association of Southeast Asian Nations Secretariat*. (2007) ASEAN Charter. 20th November. [Online] Available from: <https://asean.org/about-asean/asean-charter/> (Accessed: 7th December 2021).
20. ASEAN. (2020) *Declaration on the Special ASEAN Summit on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19)*. 14th April. [Online] Available from: <https://asean.org/declaration-of-the-special-asean-summit-on-coronavirus-disease-2019-covid-19/> (Accessed: 7th December 2021).
21. *Association of Southeast Asian Nations Secretariat*. (2021) ASEAN Strategic Policy Framework on Promoting an Adaptive ASEAN Community of Greater Understanding, Tolerance and a Sense of Regional Agendas Among the Peoples of ASEAN. 26th October. [Online] Available from: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/10/9.-Strategic-Policy-Framework-on-Promoting-an-Adaptive-ASEAN-Community.pdf> (Accessed: 7th December 2021).

Сведения об авторах:

Азракаила Шафина Джуни – магистрант Института экономики и менеджмента Томского государственного университета (Томск, Россия). Email: kylazzraa@gmail.com

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). Email: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Azrakaila Shafina Juni – Master Student at the institute of Economics and Management of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: kylazzraa@gmail.com

Anastasia M. Pogorelskaya – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Politics at the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Email: pogorelskaya@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 09.12.2021; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 327

doi: 10.17223/19988613/93/15

Формирование общего рынка вооружений и военной техники Европейского союза

Кирилл Владимирович Сероштанов

АО «Новосибирский приборостроительный завод», Новосибирск, Россия, seroshtanov.kirill@gmail.com

Аннотация. Анализируется внутренний рынок вооружений и военной техники Европейского союза, который в силу уровня развития оборонно-промышленного комплекса характеризуется высокой степенью автономности: импорт продукции обусловлен либо внутренними поставками, либо поставками из США. Формирование единого рынка вооружений и военной техники Европейского союза является важной частью интеграции в сфере обороны и безопасности. При этом, несмотря на действие отдельных директив, существуют проблемы с доступом компаний оборонно-промышленного комплекса на национальные рынки государств-членов.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, Европейский союз, единый рынок вооружений и военной техники, Директива по оборонным закупкам

Для цитирования: Сероштанов К.В. Формирование общего рынка вооружений и военной техники Европейского союза // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 121–128. doi: 10.17223/19988613/93/15

Original article

Development of the European Union single arms market

Kirill V. Seroshtanov

Novosibirsk Instrument-Making Plant Joint stock company, Novosibirsk, Russian Federation, seroshtanov.kirill@gmail.com

Abstract. The European Union is one of the leading arms producers in the world. Defence industry of the EU has a capability to produce wide range of arms systems, therefore there is a high demand for these systems both on the internal and external market. For defence companies in the EU the internal market is considered to be the main one, however now the EU arms market can be described as fragmented market of the member states. The integration of the EU in defence sphere is also connected with the development of the EU single arms market that should increase competition, efficiency of arms development and production and reduce the duplication.

The goal of this paper is to analyze the process of the EU single market development. This issue has a limited coverage in the works of foreign and, above all, Russian researches. The volume of sources, especially on the states internal arms procurement is also limited, so it is only possible to analyze the import/export data prepared by SIPRI.

According to SIPRI data, the EU states are not among the leaders in arms import, but even existing arms import volume is mainly of the other EU states or of the US origin. So, this confirms that the EU has the developed defence industry and the only state that is able to compete with internal arms producers is the US which is also the one of the main EU partners in this sphere.

However, for the internal arms producers there are some difficulties with the access to the all-national arms markets of the EU member states. Due to the protectionism of the member states applied to the national arms producers they have advantages in states arms procurement. The EU tried to solve this issue by the introduction of Defence Directive and Transport Directive that would open member states markets and simplify procedures connected with arms procurement. Nevertheless, member states still have the opportunity to ignore these Directives, mainly Defence Directive that obliges countries to hold tenders for the arms procurement, by using 346 Article of the Treaty on Functioning of the EU. This article allows not sharing information on arms tenders as this information is related to essential interests of their security. Together with this activity the EU applied another approach – to promote joint arms development and production through different programs including European Defence fund. The expectation is that states will be more willing to buy the arms produced in other countries, if these arms are the result of joint efforts.

To sum it up at this moment the single arms market of the EU is not developed, despite the efforts of the EU. It seems that the success of the EU activities in this direction depends on the willingness of the member states to establish the priority to the EU interests in the sphere of defence and security rather than national ones.

Keywords: defence industry, the European Union, single arms market, Defence Directive

For citation: Seroshtanov, K.V. (2025) Development of the European Union single arms market. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 121–128. doi: 10.17223/19988613/93/15

Для государств существует два основных варианта обеспечения собственных вооруженных сил (ВС) необходимыми вооружениями и военной техникой (ВВТ) – импорт или поставки за счет собственного оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Пропорция между импортом и закупкой ВВТ у собственных производителей зависит от уровня развития ОПК, а также политики государства в отношении снабжения ВС. При этом для предприятий ОПК именно внутренний рынок является ключевым, соответственно, его развитие является важным для развития ОПК в целом.

Протекционистская политика государств в отношении своего ОПК может привести как к положительным, так и к отрицательным результатам. В случае развитого ОПК она обеспечивает необходимый уровень загрузки заказами от ВС государства, в котором он располагается, а совершенствование продукции происходит в том числе и в рамках конкуренции на внешнем рынке. Если ОПК недостаточно развит, уровень внутренней конкуренции не в полной мере обеспечивает стремление предприятий к улучшению своей продукции. Однако конкуренция на внутреннем и внешнем рынках в условиях глобализации и появления новых акторов на мировом рынке ВВТ имеет высокое значение для обеспечения развития ОПК и его продукции.

Государства Европейского союза (ЕС), в первую очередь Франция, Германия, Италия, Испания и Нидерланды, занимают ключевые позиции на мировом рынке ВВТ, при этом в целом развитие ОПК государств ЕС достаточно неоднородно, соответственно, существуют определенные различия в подходах к развитию национальных ОПК. Однако интеграционные процессы ЕС в сфере обороны и безопасности направлены в том числе и на формирование единого подхода в развитии ОПК, а также создание единого рынка ВВТ Европейского союза, где все государства имеют равный доступ к рынкам друг друга.

Активизация процессов интеграции ЕС в сфере ОПК начинается в 2000-х гг., а наибольшей степени достигает в середине 2010-х гг., когда был запущен целый ряд соответствующих программ, направленных также и на совместную разработку и производство ВВТ. С учетом реализации данных программ, которые финансируются за счет бюджета ЕС, проблема равного доступа к национальным рынкам ВВТ становится все более актуальной, так как ЕС заинтересован в продвижении и реализации ВВТ, разработанных в результате совместных усилий государств-членов на территории всего союза.

В связи с этим актуальность работы заключается в том, что развитие интеграции в сфере обороны и безопасности Европейского союза обеспечивает запрос на формирование единого рынка ВВТ, что напрямую влияет на направление и перспективы развития ОПК Европейского союза в целом. Кроме того, анализ подходов ЕС, которые применяются для его реализации, позволяют на примере одного из лидеров сферы торговли ВВТ выделить основные аспекты, необходимые для формирования конкурентоспособного ОПК. Таким образом, цель работы – рассмотрение процесса формирования единого рынка ВВТ Европейского союза и оценка его промежуточных результатов. Для этого в про-

цессе работы будут рассмотрены следующие вопросы: общая характеристика рынка ВВТ Европейского союза; импорт ВВТ государствами ЕС; действия ЕС, направленные на формирование единого рынка ВВТ.

Вопросы, связанные с формированием единого рынка ВВТ Европейского союза, несмотря на актуальность, освещены в литературе недостаточно. Отдельные аспекты данного вопроса затрагиваются в работе Р. Вишневецкого [1], который рассматривает единый европейский рынок, а также единый трансатлантический рынок как часть стратегии развития ОПК Европейского союза. К. Хартли [2] анализирует отдельные экономические аспекты единого рынка ВВТ в контексте повышения эффективности ОПК Европейского союза. В работе Д. Занди и М. Дрента [3] формирование единого рынка ВВТ рассматривается, как часть общего процесса интеграции ЕС в сфере обороны и безопасности. Конкретно процессу формирования единого рынка ВВТ посвящены работы Г. Ира [4] и Д. Кеохане [5], в которых авторы оценивают деятельность ЕС в данном направлении. Из анализа литературы следует, что наиболее непроработанным видятся вопросы, связанные с функционированием рынка ВВТ Европейского союза, также отдельные аспекты формирования единого рынка ВВТ и промежуточные результаты этого процесса. Также стоит отметить, что данная проблематика практически не освещена в работах российских исследователей, хотя рассмотрение функционирования рынка ВВТ одного из ключевых акторов на мировом рынке ВВТ позволяет выделить отдельные особенности данного процесса, спроецировать их на рынок ВВТ России и, по возможности, составить соответствующие рекомендации с целью развития ОПК России.

Для анализа рынка ВВТ Европейского союза будет привлечен ряд источников. Во-первых, статистика по импорту и экспорту ВВТ от Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ). В связи с тем, что сфера торговли ВВТ является довольно закрытой, именно данные СИПРИ, который формирует базу данных на основании разрозненной статистики государств, являются наиболее полными и обеспечивающими целостную картину данной сферы. Так, для статистики экспорта и импорта ВВТ вводится показатель Trend Indicated Value (TIV), который отражает не финансовую стоимость определенной единицы вооружения, а ее стоимость как «военного ресурса», что позволяет проводить адекватное сравнение экспорта и импорта ВВТ, особенно при рассмотрении этих показателей для разных государств. Во-вторых, для рассмотрения деятельности ЕС, направленной на формирование единого рынка ВВТ, будут использованы официальные документы ЕС: директивы, отчеты о реализации директив и другие законодательные акты. Эти документы в совокупности с литературой позволят дать объективную оценку процессу формирования единого рынка ВВТ Европейского союза.

В первую очередь для понимания контекста внутреннего рынка ВВТ Европейского союза обратимся к статистической информации, касающейся торговли ВВТ. Нужно отметить, что поиск информации о внутренних закупках ВВТ государствами ЕС сопряжен с рядом

сложностей, так как в открытых источниках такие данные практически не публикуются, а с учетом того, что подобная статистика относится к национальной, ее систематизация также в значительной степени усложняет задачу подготовки материала для проведения анализа. Наиболее доступными источниками являются статистические данные по экспорту / импорту ВВТ, составляемые СИПРИ. С учетом того, что в работе анализируется вопрос внутреннего рынка ВВТ Европейского союза в целом, а эти данные включают в себя необходимую информацию о поставках ВВТ внутри ЕС, их использование полностью соответствует цели работы. Таким образом, перейдем к рассмотрению статистических показателей торговли ВВТ внутри Европейского союза.

В рейтинге 10 крупнейших импортеров ВВТ за период с 2000 по 2020 г., на который приходится активизация интеграционных процессов в ЕС, государства Европейского союза практически не представлены на постоянной основе. В разные годы в него входили Греция, Великобритания, Италия и Польша. Также стоит отметить, что объем импорта ВВТ за этот период государствами ЕС значительно меньше объема лидеров рейтинга, например Индии, Китая и Саудовской Ара-

вии [6]. Эта информация коррелирует с тем фактом, что ЕС обладает одним из наиболее развитых ОПК в мире, а значит, имеет высокий потенциал по разработке и производству современных ВВТ, которые будут востребованы не только на внутреннем, но и на внешнем рынке.

Для более детального рассмотрения импорта ВВТ государствами ЕС сведем эту информацию воедино. Будем придерживаться следующей методологии: проанализируем данные по импорту ВВТ для каждого из государств, выделим основные источники поставок ВВТ, а также для оценки уровня развития ОПК сравним общий объем экспорта и импорта ВВТ (этот показатель отражает то, насколько ВВТ, произведенные в том или ином государстве, покрывают потребности внутреннего рынка, а также конкурентоспособны на внешнем). В процессе анализа импорта ВВТ государствами ЕС было выявлено, что он практически полностью осуществлялся либо из США (44%), либо из других государств ЕС (46%), т.е. 90% всего импорта ВВТ обеспечивается за счет поставок из ЕС и США; соответственно, в таблицу внесем показатели импорта только из этих государств. Также разделим государства по принципу преобладания экспорта или импорта.

Импорт ВВТ государствами ЕС [6]

<i>Государства с преобладающим экспортом</i>										
	Чехия	Великобритания	Франция	Италия	Бельгия	Швеция	Германия	Испания	Нидерланды	Словакия
Импорт из государств ЕС, млн. TIV	607	2 222	649	2 350	748	668	1 219	2 755	1 551	44
Импорт из США, млн. TIV	138	8 101	688	3 683	172	698	1 412	1 254	2 577	71
Соотношение импорта ЕС / США	4,40	0,27	0,94	0,64	4,35	0,96	0,86	2,20	0,60	0,62
Общий импорт, млн. TIV	1 036	11 316	1 544	6 327	1 044	1 542	2 904	4 408	4 322	173
Общий экспорт, млн. TIV	1 093	23 444	37 669	12 147	1 233	8 038	35 865	13 008	10 994	273
Соотношение экспорт / импорт	1,06	2,07	24,40	1,92	1,18	5,21	12,35	2,95	2,54	1,58
<i>Государства с преобладающим импортом</i>										
	Польша	Португалия	Австрия	Болгария	Венгрия	Греция	Дания	Ирландия	Кипр	Латвия
Импорт из государств ЕС, млн. TIV	2 237	1 609	953	508	585	6 399	906	238	98	213
Импорт из США, млн. TIV	2 401	673	66	14	83	4 832	658	6	0	89
Соотношение импорта ЕС / США	0,93	2,39	14,44	36,29	7,05	1,32	1,38	39,67	–	2,39
Общий импорт, млн. TIV	5 215	2 324	1 080	542	734	12 009	1 777	336	373	341
Общий экспорт, млн. TIV	1 217	450	606	470	166	115	285	227	0	0
Соотношение экспорт / импорт	0,23	0,19	0,56	0,87	0,23	0,01	0,16	0,68	0	0
<i>Государства с преобладающим импортом</i>										ИТОГ по ЕС
	Литва	Люксембург	Мальта	Румыния	Словения	Финляндия	Хорватия	Эстония		
Импорт из государств ЕС, млн. TIV	382	382	36	1 214	125	1 424	139	332	30 593	
Импорт из США, млн. TIV	159	159	23	336	1	890	101	25	29 310	
Соотношение импорта ЕС / США	2,40	2,40	1,57	3,61	125,00	1,60	1,38	13,28	1,04	
Общий импорт, млн. TIV	617	617	58	1 849	166	2 798	340	370	66 162	
Общий экспорт, млн. TIV	63	63	15	289	0	1 133	5	0	148 868	
Соотношение экспорт / импорт	0,10	0,10	0,26	0,16	0	0,40	0,01	0	2,25	

Рассмотрим подробно информацию, приведенную в таблице. Лидерами по импорту ВВТ среди государств ЕС в целом за период с 2000 по 2020 г. являются Великобритания, Италия, Испания, Нидерланды, Польша и Греция, что в первую очередь обусловлено высоким уровнем их военных расходов и необходимостью закупать отдельные виды ВВТ, которые не производятся на их территории. Из 28 государств только у 10 экспорт выше импорта, однако в целом по ЕС объем экспорта превосходит объем импорта в 2,25 раза, т.е. востребованность ВВТ из таких государств, как Франция, Германия, Великобритания, Испания, Италия, Швеция и Нидерланды, подтверждает, что их ОПК наиболее развиты среди государств ЕС. У 8 государств, включая Великобританию, Францию, Италию, Швецию, Германию и Нидерланды, импорт из США превосходит импорт из ЕС, что, вероятно, связано с высоким уровнем развития ОПК этих государств, а значит, на их рынке востребованными могут стать только импортные ВВТ, производимые другими лидерами сферы, в первую очередь США. Также это может быть обусловлено взаимодействием с США в рамках НАТО, в том числе в части совместных проектов по разработке и производству ВВТ.

Таким образом, можно сделать вывод, что внутренний рынок ВВТ Европейского союза в основном формируется за счет внутренних поставок, а также поставок из США. Это позволяет утверждать, что государства ЕС обладают сильным ОПК, который обеспечивает лидирующие позиции как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Соответственно, основная конкуренция происходит между внутренними поставщиками и США. Как отмечает Р. Вишнеvский, у ЕС существует два пути развития внутреннего рынка ВВТ – формирование единого европейского рынка или трансатлантического [1]. В связи с этим при рассмотрении вопросов формирования внутреннего рынка ВВТ Европейского союза необходимо учитывать поставки ВВТ из США и их значение для государств ЕС.

Значение трансатлантического рынка ВВТ все возрастает как для государств, так и для компаний ОПК. Правительства по обе стороны Атлантического океана сталкиваются со снижением военных расходов, даже в США из-за дефицита федерального бюджета и перераспределения расходов в другие сферы. Так, по данным СИПРИ, в период с 2016 по 2020 г. экспорт ВВТ в Европу составлял 15% от общего объема экспорта ВВТ Соединенных Штатов [7]. Американские компании на протяжении долгого времени получают контракты на поставку ВВТ в ЕС, например на вооружении многих государств ЕС стоят истребители F-16, и эти компании все увеличивают свою активность. Европейский рынок является важным экспортным рынком для производителей ВВТ из США. Например, в настоящее время многие члены НАТО, включая государства Европы, работают в направлении модернизации парка истребителей с постепенным внедрением истребителей пятого поколения. Одним из вариантов является закупка истребителей F-35 Lightning у США, для которых соблюдение баланса внутренних и внешних поставок является крайне важным, так как обеспе-

чивает оптимизацию производственных затрат. Соответственно, в интересах США продвигать свои системы, особенно в условиях ограниченной конкуренции, когда научные и производственные возможности потенциального рынка сбыта значительно меньше таковых у США.

При этом с поставками ВВТ из США в государства ЕС существуют определенные сложности. Например, в 2018 г. министр обороны Франции Ф. Парли подкрепила свою позицию в вопросе снижения зависимости от США следующими примерами: блокирование Соединенными Штатами продажи Египту французских крылатых ракет «Скальп», в производстве которых используются американские компоненты, и необходимость запрашивать у конгресса США разрешение на установку вооружений на американские БПЛА «Рипер», которые Париж покупает для борьбы с террористическими группировками. Причем причины этих трудностей Парли отнесла как к геополитическим соображениям, так и к факторам коммерческой конкуренции [8].

Другой формой взаимодействия между США и Европейским союзом в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС) является кооперация. Компании ОПК Европейского союза и США имеют устойчивые научные и производственные связи, кроме того, существует целый ряд компаний, как европейских, так и американских, которые имеют отделения как в ЕС, так и в США. Также стоит отметить и высокий уровень взаимных инвестиций. Приведем соответствующие примеры. Компания Lockheed Martin организовала 8 совместных предприятий с компаниями из ЕС и участвовала в ряде совместных программ с европейскими партнерами, включая Joint Strike Fighter и систему ПРО MEADS. С 2001 по 2003 г. компания General Dynamics купила три европейские компании – Santa Barbara (Испания), EKW (Германия) и Steyr (Австрия). Кроме закупок и совместных программ американцы инвестируют в компании из ЕС. В 2002 г. американский фонд One Equity Partner (OEP) приобрел 75% акций немецкой верфи Howaldtswerke Deutsche Werft (HDW). В 2003 г. фонды Carlyle Kohlberg Kravis Roberts & Co приобрели два европейских производителя авиационных двигателей – FiatAvio и MTU Aero Engines. До настоящего времени европейские компании ограничено инвестировали в компании из США из-за определенных законодательных и политических барьеров, но ситуация начинает меняться. С 2001 по 2005 г. европейские компании приобрели 67 компаний в США общей стоимостью 7 млрд евро. В 2008 г. Leonardo выкупила компанию DRS Technologies за 4 млрд долл. США [5].

Соответственно, высокий уровень ВТС между США и ЕС обуславливает проблему выстраивания правильного баланса между продвижением интересов ОПК Европейского союза и обеспечением связей с США. Государства ЕС заинтересованы в продвижении своих систем, поэтому домашний рынок ЕС является важным направлением продаж. В связи с этим в условиях, когда многие европейские члены НАТО используют системы, произведенные в США, ряд производителей государств ЕС, обладающих соответствующими произ-

водственными возможностями, настаивает на развитии и продвижении национальных или общеевропейских систем ВВТ. Например, Франция и Швеция имеют собственные возможности по производству истребителей (Rafale и Gripen), а Германия, Италия, Испания и Великобритания совместно производят Eurofighter. Причины разработки, производства и продвижения европейских систем предельно ясны – это обеспечивает конкурентоспособность, технологическое и промышленное развитие, а также «стратегическую автономность». Именно это является одним из важных опасений США, так как позволит ВС европейских государств быть менее зависимыми от Соединенных Штатов [9].

Таким образом, с учетом высокого объема поставок ВВТ из США и наличия аналогичных систем, производимых компаниями из ЕС, одной из точек роста для компаний-производителей ВВТ из ЕС видится развитие внутренних поставок путем замещения импорта из США. Это может быть реализовано за счет упрощения выхода производителей из ЕС на рынки всех государств-членов, которое может быть обеспечено формированием единого рынка ВВТ Европейского союза.

Перейдем к рассмотрению вопросов, связанных с формированием внутреннего рынка ВВТ Европейского союза. Несмотря на снижение военных расходов, основным рынком для предприятий ОПК является внутренний рынок государства, в котором они располагаются. Например, общий оборот компаний ОПК Европейского союза в 2019 г. составил 116 млрд евро, общий объем продукции, поставленной на экспорт, – 40 млрд евро, т.е. доля внутренних поставок составляет 66% [10]. С учетом такого объема внутреннего рынка его функционирование будет оказывать существенное влияние на ОПК, а также процессы, происходящим в нем, в том числе и на интеграционные процессы.

В настоящее время внутренний рынок ВВТ Европейского союза фактически отсутствует, в ЕС функционируют отдельные рынки государств-членов. Соответственно, основными поставщиками на национальные рынки ВВТ являются предприятия ОПК, расположенные непосредственно в тех же государствах. Доступ зарубежных компаний, в том числе и компаний из ЕС, на национальные рынки ВВТ ограничен. В рамках протекционистской политики целый ряд государств ЕС не осуществляет закупки ВВТ у зарубежных компаний, в том числе и у компаний из других государств ЕС, за исключением тех систем, которые их ОПК не способен произвести.

Многие государства все еще отдают предпочтение собственным поставщикам, даже несмотря на цену, технологичность и качество ВВТ, которые ими производятся. Подобная ситуация возможна, так как ВВТ исключены из правил ЕС в отношении единого рынка. При этом слабое развитие международной конкуренции внутри ЕС увеличивает стоимость европейских систем ВВТ [5]. По оценке К. Хартли, развитие единого рынка ВВТ Европейского союза позволило бы государствам-членам сэкономить до 20% закупочного бюджета [2].

Развитие единого внутреннего рынка ВВТ Европейского союза является важной частью общей интеграции в сфере обороны и безопасности. Равный доступ компаний ОПК к национальным рынкам ВВТ способствует развитию конкуренции, снижению дублирования, оптимизации расходов на закупку ВВТ, а также транспарентности сферы торговли ВВТ. Кроме того, единый рынок ВВТ обеспечивает оптимизацию ОПК Европейского союза в целом, так как неэффективные компании, существующие только за счет продаж ВВТ на внутреннем рынке своего государства, будут вынуждены конкурировать с лидерами рынка на равных условиях, что потребует совершенствования производимой ими продукции. Поэтому государства с менее развитым ОПК, которые имеют высокие амбиции на более значительную роль в сфере обороны и безопасности ЕС, например Польша, заинтересованы в развитии и поддержке собственного ОПК. Однако для ЕС в целом создание единого рынка ВВТ является ключевой задачей для развития конкурентоспособного единого ОПК Европейского союза.

В связи с этим Европейский парламент и Европейский совет разработали ряд директив, направленных на устранение барьеров, препятствующих развитию единого рынка ВВТ Европейского союза, в том числе за счет введения открытых процедур по закупке ВВТ государствами-членами с равным доступом к ним всех компаний ОПК из ЕС.

13 июля 2009 г. была принята Директива Европейского парламента и Европейского совета 2009/81/ЕС о согласовании процедур по закупке определенных работ, продукции и услуг соответствующими учреждениями в сфере обороны и безопасности (далее – Директива по оборонным закупкам). Данная директива устанавливает правила проведения закупок на тендерной основе в сфере обороны и безопасности [11]. Данная директива – инструмент ЕС, разработанный для регулирования соответствующей сферы закупок на внутреннем рынке ЕС. Ее цель – формирование единого внутреннего рынка ВВТ Европейского союза.

Также в 2009 г. была принята Директива Европейского парламента и Европейского совета 2009/43/ЕС об упрощении процедур транспортировки продукции военного назначения (ПВН) внутри ЕС (далее – Директива по транспортировке) [12], целью которой было установление общих правил для лицензий на транспортировку ВВТ и их упрощение.

Обе Директивы должны способствовать созданию единого рынка ВВТ Европейского союза за счет увеличения конкуренции, стимулирования международной торговли, а также за счет снижения дублирования и административных затрат, связанных с лицензированием. Однако реализация данных Директив государствами-членами ЕС все еще недостаточна, так как Договор о функционировании Европейского союза (ДФЕС) все еще позволяет игнорировать установленные в них процедуры [4].

Статья 346 ДФЕС позволяет государствам-членам не раскрывать свои закупки ВВТ, не выводя их на тендерные процедуры, тем самым исключая межгосударственную конкуренцию, из-за соображений обороны и

безопасности [13]. При этом очевидно, что данная статья используется не из-за соображений обороны и безопасности, а в силу экономических причин, обеспечивая протекционистскую политику в отношении собственного ОПК. Европейская комиссия уже направила на рассмотрение в Европейский суд несколько подобных случаев с целью поиска решения, однако для завершения процедур потребуется, даже если не учитывать внесение поправок в Директиву по оборонным закупкам, довольно много времени. Соответственно, в обозримом будущем ожидать формирования единого рынка ВВТ Европейского союза не стоит [3].

По состоянию на 2018 г. единый рынок ВВТ Европейского союза все еще отсутствует. Существуют препятствия для всеобъемлющей и правильной реализации Директивы по оборонным закупкам:

- систематическое использование государствами исключительных положений Директивы по оборонным закупкам и ст. 346 ДФЕС, которые обеспечивают возможность проведения закупок закрытого формата в случае, если они касаются обороны и безопасности государства;

- недостаточный объем межгосударственных поставок и низкая вовлеченность в них предприятий малого и среднего бизнеса;

- низкий уровень кооперации, совместного планирования, общего понимания направления развития военного потенциала [14].

Реализация Директивы по транспортировке также затруднена: транспортировка ВВТ государствами все еще сопряжена с рядом бюрократических барьеров, которые препятствуют упрощению процедур.

Усилия Европейской комиссии по устранению национального протекционизма ОПК не увенчались успехом. Реализация Директивы по оборонным закупкам не позволила устранить соответствующие барьеры. В 2016 г. сама Комиссия подтвердила, что доля межгосударственных поставок осталась на том же уровне, что и до вступления Директивы в силу (около 10%). В большинстве случаев правительства применяли Директиву по оборонным закупкам в отношении контрактов на обслуживание и ремонт ВВТ, а также закупку ВВТ с низкой стратегической ценностью. Большая часть контрактов на поставку основных видов ВВТ, даже после введения в действие Директив, заключалась без проведения тендера на уровне ЕС [15].

При этом Комиссия сосредоточила свои усилия на создании финансовых стимулов для совместных межгосударственных разработок и производства ВВТ за счет соответствующих программ, например Европейский оборонный фонд (ЕОФ) [3]. На средства ЕОФ будет финансироваться разработка новых систем, покрывающих потребности ВС государств ЕС, которые в настоящее время ОПК удовлетворить не может. В этом же направлении действует и Европейское оборонное агентство (ЕОА), которое способствует интеграции Европейского союза в сфере ОПК. В настоящее время ЕОА реализует ряд крупных проектов, включая «План развития потенциала» (КДП; Capability Development Plan – CDP), «Скоординированный ежегодный обзор по обороне» (КАРД; Coordinated Annual Review on

Defence – CARD), «Постоянное структурированное сотрудничество» (ПЕСКО, Permanent Structured Cooperation – PESCO), Европейский оборонный фонд (ЕОФ, European Defence Fund – EDF) и «Долгосрочный обзор» (Long Term Review), а также 58 отдельных инициатив, из которых 40 относится к сфере ОПК [16]. Эти проекты направлены на разработку и производство новых ВВТ, модернизацию существующих, обеспечение финансирования предприятий ОПК и их проектов, развитие кооперации между государствами, поддержание функционирования предприятий ОПК, включая обеспечение безопасности цепочек поставки и поддержку предприятий малого и среднего бизнеса. Развитие интеграции в сфере ОПК и включение государств-членов ЕС в единую систему смогут поспособствовать готовности государств открывать свои рынки ВВТ, так как их ОПК будет включен в общую систему.

В перспективе усилия ЕС, направленные на формирование единого рынка ВВТ, должны дать положительные результаты, но только при условии готовности государств-членов к дальнейшей интеграции в сфере обороны и безопасности и отказа от продвижения национальных интересов в сфере ОПК в пользу интересов союза в целом. При этом, как показывает анализ, даже с учетом продвижения интересов ОПК Европейского союза, в дальнейшем должен приниматься во внимание фактор конкуренции. Конечно, единый рынок ВВТ должен способствовать развитию внутренней конкуренции, а значит, консолидации усилий предприятий ОПК из разных государств и снижению дублирования, но развитие единого рынка не должно стать препятствием для конкуренции извне. Другими словами, он не должен ограничить доступ зарубежных поставщиков, в первую очередь США.

Конкуренция с мировым лидером сферы ОПК для ЕС, который также имеет возможности для разработки современных, технологичных и востребованных ВВТ, заставляет предприятия ОПК Европейского союза совершенствовать продукцию, адаптировать ее к нуждам ВС и, соответственно, обеспечивать развитие ОПК. Кроме того, уровень кооперации между предприятиями из ЕС и США снижает возможности применения ограничительных мер в отношении компаний из США. Также стоит отметить, что помимо вопросов взаимодействия с США перед ЕС встает проблема сотрудничества с Великобританией, которая в 2020 г. вышла из ЕС. Конечно, для самой Великобритании импорт ВВТ из ЕС значительно меньше импорта из США. Однако уровень поставок ВВТ из Великобритании в государства ЕС достаточно высок, и, кроме того, она в значительной степени вовлечена в промышленную и научную кооперацию с ними. Соответственно, помимо развития единого внутреннего рынка ВВТ Европейского союза требуется гармоничное развитие трансатлантического рынка, в который также входят США и ЕС. Сотрудничество в таком формате при этом не должно отрицательно влиять на перспективы компаний из ЕС, у которых должен быть приоритет в случае поставки систем, аналогичных системам, произведенным в США и Великобритании.

Развитие общего рынка ВВТ Европейского союза с постепенным устранением национальных рынков и обеспечением равного доступа к ним для всех компаний из ЕС является важной частью общей интеграции ЕС в сфере обороны и безопасности. Однако к настоящему моменту внутренний рынок ВВТ Европейского союза все еще представляет собой совокупность практически невзаимосвязанных национальных рынков ВВТ, доступ к которым для компаний из других государств в значительной степени ограничен. ЕС реализует два подхода к развитию единого внутреннего рынка ВВТ:

1. Подготовка и реализация соответствующих законодательных инициатив, которые должны способствовать сотрудничеству в сфере ВВТ (Директива по оборонным закупкам и Директива по транспортировке).

2. Продвижение инициатив по совместной разработке и производству ВВТ.

Как показал анализ реализации Директив, несмотря на то что концептуально положения этих документов должны были обеспечить увеличение объема поставок ВВТ между государствами ЕС, а также упростить процедуры, с ними связанные, фактически их действие

оказалось крайне ограниченным из-за возможности их игнорирования в силу ст. 346 ДФЕС. Инициативы ЕС по развитию ОПК к настоящему моменту все еще находятся в стадии реализации, а реальных результатов в части совместной разработки и производства ВВТ пока немного. Возможно, именно разработанные совместно системы должны быть полностью выведены из-под действия ст. 346 ДФЕС.

Можно предположить, что главной проблемой формирования единого рынка ВВТ Европейского союза является протекционистская политика государств-членов союза. При этом наличие ст. 346 ДФЕС само по себе не является ограничением для развития единого рынка ВВТ, ее использование опционально и зависит только от политики того или иного государства. Соответственно, для более эффективной политики ЕС в сфере обороны и безопасности, в том числе и в части формирования единого рынка ВВТ, требуется более активная вовлеченность государств в интеграционные процессы, а также продвижение приоритета интересов ЕС в сфере обороны и безопасности над интересами отдельных государств.

Список источников

1. Wisniewski R. Defence Industry in the European Union – Challenges and Opportunities in Times of Economic Crisis. // *Przegląd Strategiczny*. 2012. Т. 2. S. 95–113.
2. Hartley K. The future of European defence policy: an economic perspective // *Defence and Peace Economics*. 2003. Vol. 14, № 2. P. 107–115.
3. Zandee D., Drent M. More European defence cooperation: the road to a European defence industry? *Netherlands Institute of International Relations Clingendael*, 2018. 12 p.
4. Ira G. The European Union Defence Procurement Towards a Unified European Defence Equipment Market // *Finabel*. URL: https://finabel.org/wp-content/uploads/2021/02/11.-The-European-Union-Defence-Procurement-2_compressed.pdf (accessed: 12.07.2021).
5. Keohane D. Towards a European Defence Market // *Chailot Papers*. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp113.pdf> (accessed: 12.07.2021).
6. SIPRI Arms Transfers Database // SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (accessed: 12.07.2021).
7. Trends in International Arms Transfers, 2020 // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020_v2.pdf (accessed: 12.07.2021).
8. Громько А.А. Дилеммы Европейского оборонного союза // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. № 12 (2). С. 6–28.
9. Fiott D. Defence industry, industrial cooperation and military mobility // *The EU and NATO : The Essential Partners*. Rome : NATO Defense College, 2019. P. 44–51.
10. The Aerospace and Defence Industries Association of Europe. Facts and Figures // ASD. URL: https://asd-europe.org/sites/default/files/atoms/files/ASD_FactsFigures_2020.pdf (accessed: 25.05.2021).
11. Directive 2009/81/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of procedures for the award of certain works contracts, supply contracts and service contracts by contracting authorities or entities in the fields of defence and security // *EUR-lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0081&from=EN> (accessed: 25.05.2021).
12. Directive 2009/43/EC of the European Parliament and of the Council of 6 May 2009 simplifying terms and conditions of transfers of defence-related products within the Community // *EUR-lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0043&from=EN> (accessed: 25.05.2021).
13. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // *EUR-lex*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (accessed: 25.05.2021).
14. Report on the implementation of Directive 2009/81/EC, concerning procurement in the fields of defence and security, and of Directive 2009/43/EC, concerning the transfer of defence-related products (2019/2204(INI)) // *The European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0025_EN.pdf (accessed: 25.05.2021).
15. Besch S. The European Commission in EU Defense Industrial Policy // *Carnegie Europe*. URL: <https://carnegieeurope.eu/2019/10/22/european-commission-in-eu-defense-industrial-policy-pub-80102> (accessed: 25.05.2021).
16. All Activities // *European Defence Agency*. URL: <https://eda.europa.eu/what-we-do/all-activities> (accessed: 25.05.2021).

References

1. Wisniewski, R. (2012) Defence Industry in the European Union – Challenges and Opportunities in Times of Economic Crisis. *Przegląd Strategiczny*. 2. pp. 95–113.
2. Hartley, K. (2003) The future of European defence policy: an economic perspective. *Defence and Peace Economics*. 14(2). pp. 107–115.
3. Zandee, D. & Drent, M. (2018) More European defence cooperation: the road to a European defence industry? *Netherlands Institute of International Relations Clingendael*. 5th June
4. Ira, G. (n.d.) *The European Union Defence Procurement Towards a Unified European Defence Equipment Market*. [Online] Available from: https://finabel.org/wp-content/uploads/2021/02/11.-The-European-Union-Defence-Procurement-2_compressed.pdf (Accessed: 12th July 2021).
5. Keohane, D. (n.d.) *Towards a European Defence Market*. [Online] Available from: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp113.pdf> (Accessed: 12th July 2021).
6. SIPRI. (n.d.) *SIPRI Arms Transfers Database*. [Online] Available from: <https://www.sipri.org/databases/armstransfers> (Accessed: 12th July 2021).

7. SIPRI. (2020) *Trends in International Arms Transfers, 2020*. [Online] Available from: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020_v2.pdf (Accessed: 12th July 2021).
8. Gromyko, A.A. (2019) Dilemma Evropeyskogo oboronnoogo soyuza [Dilemmas of the European Defense Union]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 12(2). pp. 6–28.
9. Fiott, D. (2019) Defence industry, industrial cooperation and military mobility. In: *The EU and NATO: The Essential Partners*. Rome: NATO Defense College. pp. 44–51.
10. ASD. (n.d.) *The Aerospace and Defence Industries Association of Europe. Facts and Figures*. [Online] Available from: https://asd-europe.org/sites/default/files/atoms/files/ASD_FactsFigures_2020.pdf (Accessed: 25th May 2021).
11. EUR-lex. (n.d.) *Directive 2009/81/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of procedures for the award of certain works contracts, supply contracts and service contracts by contracting authorities or entities in the fields of defence and security*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0081&from=EN> (Accessed: 25th May 2021).
12. EUR-lex. (2009) *Directive 2009/43/EC of the European Parliament and of the Council of 6 May 2009 simplifying terms and conditions of transfers of defence-related products within the Community*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0043&from=EN> (Accessed: 25th May 2021).
13. EUR-lex. (n.d.) *Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (Accessed: 25th May 2021).
14. The European Parliament. (2009) *Report on the implementation of Directive 2009/81/EC, concerning procurement in the fields of defence and security, and of Directive 2009/43/EC, concerning the transfer of defence-related products (2019/2204(INI))*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0025_EN.pdf (Accessed: 25th May 2021).
15. Besch, S. (2019) *The European Commission in EU Defense Industrial Polic*. [Online] Available from: <https://carnegieeurope.eu/2019/10/22/european-commission-in-eu-defense-industrial-policy-pub-80102> (Accessed: 25th May 2021).
16. European Defence Agency. (n.d.) *All Activities*. [Online] Available from: <https://eda.europa.eu/what-we-do/all-activities> (Accessed: 25th May 2021).

Сведения об авторе:

Сероштанов Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, заместитель руководителя отдела внешнеэкономических связей и военно-технического сотрудничества АО «Новосибирский приборостроительный завод» (Новосибирск, Россия). E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Seroshtanov Kirill V. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of the Department of Foreign Economic Relations and Military-Technical Cooperation of Novosibirsk Instrument-Making Plant JSC (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: seroshtanov.kirill@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.07.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 12.07.2021; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94(520).033.55
doi: 10.17223/19988613/93/16

Влияние США на проблему принадлежности островов Сенкаку (2010–2020)

Иван Петрович Ягницын

Томский государственный университет, Томск, Россия, ygnivan1994@yandex.ru

Аннотация. Исследуется внешнеполитический курс администраций Барака Обамы (2009–2017) и Дональда Трампа (2017–2020) в отношении Японии и ее территориального спора с КНР в Восточно-китайском море. Выделяются наиболее существенные различия подходов между двумя администрациями. Приводятся важнейшие заявления руководства администраций США по вопросу островов Сенкаку, японо-американского союза и КНР и на их основе делаются выводы, во-первых, о степени вовлеченности США в территориальный спор, во-вторых, о влиянии США на ход спора.

Ключевые слова: Япония, США, Китай, Сенкаку

Для цитирования: Ягницын И.П. Влияние США на проблему принадлежности островов Сенкаку (2010–2020) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 129–133. doi: 10.17223/19988613/93/16

Original article

America's influence on the Senkaku islands territorial dispute (2010–2020)

Ivan P. Iagnitcyn

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ygnivan1994@yandex.ru

Abstract. The Senkaku islands territorial dispute between People's Republic of China and Japan has already been in place for several decades. Despite the fact that China and Japan are the main parties in this case, there are several other parties that are somehow involved. For example, it is Taiwan (Republic of China) that plays a minor role in the dispute. Besides that, The United States of America, Japan's biggest and closest ally, has always directly or indirectly participated in this conflict. The situation surrounding this territorial dispute constitutes a challenge for the US-Japan defensive alliance. It is also the same territorial dispute that became a kind of test of its effectiveness as well as its reliability. The chronological framework of the article represents the period of time during which the most significant changes regarding the dispute took place. Nevertheless, the earlier periods of history which determined, for instance, the positions of the parties or the current state of the problem will also be considered for a full disclosure of the dispute. Territorial scope is limited to the East China sea and those countries that are somehow related to the dispute (People's Republic of China, Japan, Taiwan and the USA).

Therefore, the purpose of the article is to research in detail and characterize the impact that the US has on the progress of resolving this particular territorial dispute, as well as to determine its level of engagement in the conflict. To achieve these goals, an analysis of the key treaties, such as the Treaty of San Francisco, Japan/United States Security Treaty as well as the speeches and statements of the United States high-level officials has been made. In addition, materials taken from major mass media resources were actively used in the article, since they can be used to understand the current state of the problem and the recent events that took place in the East China Sea. Brief information, such as short history of the territorial dispute, is also provided in the article.

As a result of researching the materials mentioned above, it became possible to realize what actions had been taken by the United States and also to determine the extent of any change in the Trump's foreign policy regarding the Senkaku Islands territorial dispute comparing to similar foreign policy of Barack Obama's administration, so we can certainly answer the question whether their position on the Senkakus dispute was consistent. The article also draws a conclusion whether Japan is receiving any kind of substantial support from the United States and also what kind of support it is – military or diplomatic.

Keywords: Japan, USA, China, Senkaku Islands

For citation: Iagnitcyn, I.P. (2025) America's influence on the Senkaku islands territorial dispute (2010–2020). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 129–133. doi: 10.17223/19988613/93/16

В настоящее время в Азии существует достаточно большое количество территориальных споров. Япония, будучи главным союзником США в АТР, имеет неразрешенный территориальный спор по поводу островов Сенкаку, на которые с 1971 г. также претендуют КНР и Китайская Республика [1].

Несмотря на географическую удаленность от Азии, США в последние десятилетия ведут все более активную политику в данном регионе. Именно этот спор особенно актуален для США, поскольку одной из его сторон является Китай, курс на противостояние с которым был начат при президентстве Д. Трампа. При анализе данного кейса можно оценить, какое влияние на внешнюю политику Японии может оказать оборонный союз с США, поскольку именно в данном случае спорные территории контролируются Японией. Стороны регулярно предпринимают различные действия в связи с данным спором, и он потенциально, хотя и с небольшой вероятностью, может перерасти в горячую фазу.

Сенкаку – группа островов в Восточно-Китайском море, которые расположены примерно в 170 км от о. Тайвань. Архипелаг включает в себя острова Китакодзима, Куба, Окинокитаива, Тобисэ, Минамикодзима, Тайсё и Уоцури. Все эти острова, за исключением о. Куба, находятся в государственной собственности Японии и контролируются ею.

В 1968 г. Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока (ЭКАДВ) провела ряд научных исследований в Восточно-Китайском море, результаты которых указывали на вероятность наличия довольно богатых запасов нефти в водах, прилегающих к островам. Как уже было сказано ранее, впервые территориальные претензии со стороны Пекина и Тайбэя были озвучены вскоре после опубликования результатов данных исследований, в 1971 г.

Существенная разница в позициях стран заключается в трактовке ст.ст. 2 и 3 Сан-Францисского мирного договора 1951 г., согласно которым Япония отказывалась от притязаний на Тайвань и Пескадорские острова (см. 2(b)). В ст. 3 мирного договора говорилось о согласии Японии с любыми предложениями в ООН о передаче в управление США островов Нансэй Сёто (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сёто (включая острова Бонин, Розарио и Волкано) и островов Парес Вела и Маркус. До момента принятия такого предложения и его дальнейшего утверждения Соединенные Штаты будут иметь право осуществлять все и любые полномочия администрации, законодательства и юрисдикции над территорией и жителями этих островов, включая их территориальные воды [2]. Таким образом, острова Сенкаку как часть архипелага Нансэй фактически были под управлением США вплоть до их возвращения Японии в 1972 г. Об этом свидетельствует история ранее названного острова Куба, который являлся одним из островов, принадлежащих японскому предпринимателю Коге Тацусиро. Ряд островов был передан ему в безвозмездную аренду сроком на 30 лет [3].

КНР и Китайская Республика же утверждают, что острова Сенкаку являются частью прилегающих к Тайваню и Пескадорским островам территорий, от которых

согласно ст. 2(b) Сан-Францисского мирного договора Япония отказалась. КНР в данном случае поддерживает притязания Тайваня, но лишь с той оговоркой, что Тайвань, частью которого должны стать острова Сенкаку, сам является одной из провинций КНР [1].

Учитывая факт передачи островов Сенкаку под управление США, можно сделать вывод, что США в данном территориальном споре являются не просто наблюдателем, а стороной, так или иначе вовлеченной в проблему. Более того, США являются наиболее влиятельным союзником Японии, что, несомненно, оказывает определенное влияние на процесс разрешения спора. Политическая элита Японии долгое время исходила из того, что их выбор в пользу военно-политического союза с Соединенными Штатами был единственно правильным. К тому же ст. 9 Конституции Японии провозглашает отказ от войны как способа разрешения международных проблем и, как следствие, от создания собственных сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил. Данный факт сделал Японию особенно зависимой от военно-политического союза с США.

Говоря о влиянии США на ход территориального спора вокруг островов Сенкаку, нельзя забывать о заключенном в 1960 г. оборонном союзе между США и Японией. Согласно ст. V Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности, Соединенные Штаты признали, что вооруженная атака на подконтрольные Японии территории представляет опасность для США. Данный договор также оговаривал присутствие американского контингента на японской территории [4].

Таким образом, острова Сенкаку, хотя и являются предметом территориального спора между тремя странами, все же контролируются именно Японией, а это означает, что США, согласно договору безопасности, обязаны выступить на стороне своего союзника.

Однако не все так просто. США, как и Япония, совершенно не хотят эскалации данного конфликта. Хотя официальные политические отношения между США и КНР, особенно в период президентства Д. Трампа, переживают не лучшее время, КНР все же является ключевым экономическим партнером как для США, так и для Японии.

Тем не менее, несмотря на существование ряда проблем, японо-американский союз все же отвечает целям поддержания баланса сил и военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также способствует укреплению роли Японии как региональной державы.

Данный союз не только предусматривает механизмы отражения прямой военной агрессии, направленной против Японии, но также выступает как структура, которая может взять на себя ответственность по решению гуманитарных и прочих проблем.

Стоит отметить, что до 2009 г., в период президентства Дж. Буша мл., состояние военно-политического союза США и Японии вполне можно было охарактеризовать как надежное. Это можно объяснить личной дружбой двух лидеров – Дж. Буша мл. и Дз. Коидзуми, меньшей степенью угрозы военного конфликта с КНР из-за спора в Восточно-Китайском море, а также ря-

дом успешных шагов японской стороны по обеспечению собственной безопасности. Так, в 2001 г. были приняты поправки к Закону о силах самообороны, фактически разрешающие Японии принимать ограниченное участие в зарубежных операциях, которые бы не попадали под категорию миротворческих [5. С. 22]. Таким образом, в данный период произошли изменения, направленные на приобретение Японией статуса «полноценного» военного союзника США.

Считается, что Пекин начал активизировать свою внешнюю политику в Азии с начала 2000-х гг. Именно с этого времени в Восточно-Китайском море достаточно часто стали происходить различные инциденты, связанные то с рыбацкими, то с военными судами из Китая, а также антияпонские протесты в городах Китая. Однако эти инциденты не были масштабными, и именно поэтому, несмотря на почти полное взаимопонимание двух стран и отличное состояние американо-японского военного союза, проблема территориальной принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао) не занимала столь важного места в повестке курса внешней политики США. Одновременно с этим становилось очевидно, что данный территориальный спор в обозримом будущем станет более актуален и на него необходимо будет дать ответ.

Существенные изменения во внешнеполитическом курсе США в отношении проблемы островов Сенкаку начались вскоре после победы Б. Обамы на президентских выборах, в январе 2009 г. По мнению ряда американских ученых, в японских дипломатических и военных кругах прореспубликанские позиции были довольно сильны. Более того, сильны были опасения, что демократическая администрация Б. Обамы будет настроена более прокитайски по сравнению с предыдущей республиканской [6]. Так, можно было вспомнить, например, о визите Б. Клинтона в Китай без заезда в Японию в 1998 г. Демократы также демонстрировали меньшую поддержку Японии в вопросах урегулирования актуальных для нее вопросов. К ним можно было отнести, например, вопрос о судьбах похищенных КНДР японских граждан [5. С. 23].

Фактически же, хотя администрация Б. Обамы действительно не уделяла слишком большого внимания проблеме принадлежности островов Сенкаку, в ходе ряда встреч подчеркивалось, что ст. 5 Договора о гарантиях безопасности также распространяется на них, поскольку США признают Японию законным владельцем данных территорий. Это, например, было отмечено госсекретарем США Х. Клинтон во время совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Японии в 2010 г. [6]. В ходе эскалации данного территориального спора официальные лица из Вашингтона также делали заявления о желании США взять на себя роль посредника между конфликтующими сторонами и начать трехсторонние переговоры [7].

Тем не менее во время первого президентского срока Б. Обамы эта тема на официальном уровне поднималась нечасто. Несмотря на отдельные редкие заявления официальных лиц, среди которых не было самого президента, вполне могло показаться, что США, хотя и подтверждали свои гарантии безопасно-

сти в случае вооруженного конфликта между сторонами, все же старались взять на себя, скорее, нейтральную или посредническую роль. Это можно объяснить меньшим уровнем эскалации данного территориального спора, а также нежеланием США лишиться раз вызвать недовольство КНР на официальном уровне в связи с тесным экономическим сотрудничеством.

Существенные прояпонские изменения в политике США в отношении проблемы принадлежности островов Сенкаку начались во время второго президентского срока Б. Обамы. Это можно объяснить тем, что с 2012 г. территориальный спор начал довольно серьезно накаляться. Если до этого случаи нарушения морской границы в районе островов Сенкаку были единичными, и каждый подобный инцидент заслуживал определенного внимания, то после опубликования Токио плана по приобретению у частных лиц ряда островов и последующих за этим антияпонских протестов в КНР подобные нарушения стали происходить почти на регулярной основе.

Более того, в 2013 г., с получением Си Цзиньпином поста председателя КНР, министерство обороны Китая объявило о создании новой идентификационной зоны воздушной обороны в Восточно-китайском море [8]. В соответствии с требованиями Пекина все воздушные суда, входящие в данную зону ПВО, заранее обязаны были предоставить идентифицирующую информацию о себе и своем маршруте. В случае отказа от предоставления информации китайская сторона оставляла за собой право на применение мер оборонительного характера. Проблема состояла в том, что данная зона ПВО также включает острова Сенкаку.

Подобные действия Пекина не могли не сказаться негативно на американо-китайских отношениях. В первую очередь стоит отметить официальное заявление Б. Обамы во время визита в Японию в апреле 2014 г. о том, что острова Сенкаку действительно подпадают под действие ст. 5 американо-японского договора по безопасности [9]. Хотя этот тезис и озвучивался ранее госсекретарем Х. Клинтон, подобное заявление впервые было сделано на уровне президента. Данное заявление Б. Обамы также стало своеобразным ответом на появившиеся в Токио сомнения по поводу приверженности США Японии как своему военно-политическому союзнику. В заявлении президента, помимо слов об островах Сенкаку, также можно было найти слова о том, что Япония по-прежнему имеет статус основного союзника США в Азии.

Более того, президент Б. Обама сделал подобное заявление также в апреле 2015 г. во время совместной пресс-конференции с С. Абэ [10]. Был снова озвучен тезис о гарантиях безопасности островов Сенкаку. Президент также выразил опасения по поводу территориальных притязаний КНР в Южно-китайском море. В целом можно сделать вывод, что с началом эскалации территориального спора в 2012 г. отношения в треугольнике США–КНР–Япония начали стремительно портиться. К тому же президент Б. Обама своими заявлениями впервые за долгое время выказал однозначную поддержку одной из сторон в территориальном споре в АТР.

Что касается администрации Д. Трампа, здесь, несмотря на большое количество расхождений по множеству вопросов, в том числе партийной принадлежности, курс на поддержку Японии в территориальном споре с Китаем кардинально не поменялся. Более того, поддержка Японии только усилилась. Это можно объяснить более критичным отношением к действиям КНР со стороны самой администрации Трампа. Еще в ходе своей предвыборной кампании он открыто выражал недовольство состоянием торговых отношений с КНР в связи с довольно серьезным торговым дефицитом.

Им же было инициировано расследование о краже интеллектуальной собственности США Китаем, а в начале 2018 г. и вовсе фактически началась торговая война с КНР [11]. Таким образом, более активная поддержка Японии в данном территориальном споре с Китаем могла быть способом повлиять на Пекин. С этой же целью администрация Д. Трампа, вероятно, несколько активизировала свои контакты с Тайванем вопреки его официальному непризнанию. Так, Д. Трамп стал первым за очень долгий срок президентом США, который напрямую сделал звонок президенту Тайваня после своего избрания на пост [12]. Подобный шаг более чем наверняка был воспринят в Пекине как недружественный.

В феврале 2017 г., во время совместной пресс-конференции с премьер-министром С. Абэ в Вашингтоне, Д. Трамп заявил, что сотрудничество США и Японии является основой мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Также было сделано очередное заявление о распространении на острова Сенкаку ст. 5 договора безопасности [13]. Главным отличием от точно таких же заявлений Б. Обамы является тот факт, что в данном случае оно вошло в текст совместного заявления Д. Трампа и С. Абэ по итогам встречи. Подобный шаг был сделан впервые.

Аналогичное заявление в администрации Трампа делал также глава Пентагона Мэттис. В нем говорилось о подтверждении информации о распространении договора о безопасности на острова Сенкаку и что США по-прежнему готовы противостоять любым односторонним действиям, которые ставят под угрозу управление островами Японией [14].

Вторым существенным отличием внешнеполитического курса администрации Трампа от Обамы стало

фактическое начало военного сотрудничества с Японией по вопросам безопасности в Восточно-китайском море. Согласно сообщениям ряда СМИ, Токио и Вашингтон в конце 2018 г. планировали составить совместный план действий по реагированию вооруженных сил на угрозу со стороны КНР островам Сенкаку [15]. Подобные планы свидетельствуют о более активной роли США в решении данного территориального спора. Не исключено, что подобные темы и ранее обсуждались военными двух стран, однако впервые об этом было заявлено открыто.

К настоящему времени ситуация вокруг данного территориального спора изменилась мало. Морские суда, прибывающие из КНР, по-прежнему регулярно вторгаются в территориальные воды в районе островов Сенкаку. Япония, признавая их своими территориальными водами, регулярно высказывает протест на высоком правительственном уровне. Например, последний зарегистрированный подобный случай произошел в начале октября 2020 г. [16]. Тем не менее по различным причинам сторонам удается не допустить более серьезной эскалации данного спора.

В заключение отметим, что США, вероятно, оказывают довольно большое влияние на ход территориального спора в Восточно-китайском море, поскольку своим военно-политическим союзом с Японией нивелируют огромную разницу в военном и геополитическом потенциале между Пекином и Токио. Что же касается внешнеполитического курса США в отношении данной проблемы, за время президентства Б. Обамы, а затем и Д. Трампа, он прошел путь от избегания проблемы на высшем уровне до однозначного занятия прояпонской позиции во время второго президентского срока Обамы. В администрации Трампа лишь логически продолжили этот курс, официально подтвердив в письменной форме гарантии безопасности Японии в случае захвата островов Сенкаку КНР или другим государством. Таким образом, вполне можно утверждать, что позиция США в отношении вопроса о территориальной принадлежности островов Сенкаку, несмотря на изменение курса внешней политики администрации Трампа в сторону конфронтации с КНР, принципиально не изменилась. Хотя США по-прежнему не позиционируют себя напрямую как третья сторона спора, дипломатическая поддержка Японии в связи с данной проблемой постепенно усиливается.

Список источников

1. Full Text: Diaoyu Dao, an Inherent Territory of China // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/diaodao_665718/t973774.shtml (accessed: 15.04.2020).
2. No. 1832. Treaty of Peace with Japan. Signed at San Francisco, on 8 September 1951 // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (accessed: 15.04.2020).
3. Koga Tatsushiro's Development of the Senkaku Islands from 1884 // The Sasakawa Peace Foundation. URL: https://www.spf.org/islandstudies/info_library/senkaku-islands-5-industry--05_industry002.html (accessed: 15.04.2020).
4. Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan // Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP07-00469R000100950001-2.pdf> (accessed: 15.04.2020).
5. Добринская О.А. Внешняя политика Б. Обамы: новая страница японо-китайских отношений // Ежегодник Японии. 2010. № 39. С. 21–36.
6. Joint Press availability with Japanese Foreign Minister Seiji Maehara // U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150110.htm> (accessed: 15.04.2020).
7. Clinton urges Japan and China to return to talks over disputed islands // CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/10/30/vietnam.clinton.visit/index.html> (accessed: 15.04.2020).
8. Air Defense Identification Zone Intended to Provide China Greater Flexibility to Enforce East China Sea Claims // U.S.-China Economic and Security Review Commission. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China%20ADIZ%20Staff%20Report.pdf> (accessed: 15.04.2020).

9. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan // the White House President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan> (accessed: 15.04.2020).
10. Remarks by President Obama and Prime Minister Abe of Japan in Joint Press Conference // The White House. President Barack Obama. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/28/remarks-president-obama-and-prime-minister-abe-japan-joint-press-confere> (accessed: 15.04.2020).
11. USTR Announces Initiation of Section 301 Investigation of China // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/august/ustr-announces-initiation-section> (accessed: 15.04.2020).
12. Trump's phone call with Taiwan president risks China's wrath // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/03/trump-angers-beijing-with-provocative-phone-call-to-taiwan-president> (accessed: 15.04.2020).
13. Joint Statement from President Donald J. Trump and Prime Minister Shinzo Abe // The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-prime-minister-shinzo-abe/> (accessed: 15.04.2020).
14. Joint Press Briefing by Secretary Mattis and Minister Inada in Tokyo, Japan. // The U.S. Department of Defense. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1071436/joint-press-briefing-by-secretary-mattis-and-minister-inada-in-tokyo-japan/> (accessed: 15.04.2020).
15. Japan and U.S. to formulate armed response to China threat to Senkakus: sources // The Japan Times. 2018. 4 Nov. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/11/04/national/japan-u-s-plan-armed-forces-response-china-threat-senkakus/#.Xpbh2P0zbc> (accessed: 15.04.2020).
16. Japan protests after Chinese ships approach fishing boat near Senkakus // The Japan Times. 2020. 12 Oct. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/10/12/national/japan-protests-chinese-government-ships-approach-fishing-boat-senkakus/> (accessed: 16.10.2020).

References

1. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. (n.d.) *Full Text: Diaoyu Dao, an Inherent Territory of China*. [Online] Available from: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/diaodao_665718/t973774.shtml (Accessed: 15th April 2020).
2. UNO. (1951) *United Nations Treaty Collection No. 1832. Treaty of Peace with Japan. Signed at San Francisco, on 8 September 1951*. [Online] Available from: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (Accessed: 15th April 2020).
3. The Sasakawa Peace Foundation. (n.d.) *Koga Tatsushiro's Development of the Senkaku Islands from 1884*. [Online] Available from: https://www.spf.org/islandstudies/info_library/senkaku-islands-5-industry--05_industry002.html (Accessed: 15th April 2020).
4. CIA. (n.d.) *Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States of America and Japan*. [Online] Available from: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP07-00469R000100950001-2.pdf> (Accessed: 15th April 2020).
5. Dobrinskaya, O.A. (2010) *Vneshnyaya politika B. Obamy: novaya stranitsa yaponno-kitayskikh otnosheniy* [Foreign Policy of B. Obama: A New Page in Japanese-Chinese Relations]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 39. pp. 21–36.
6. U.S. Department of State. (n.d.) *Joint Press availability with Japanese Foreign Minister Seiji Maehara*. [Online] Available from: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150110.htm> (Accessed: 15th April 2020).
7. CNN. (2010) *Clinton urges Japan and China to return to talks over disputed islands*. [Online] Available from: <http://edition.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/10/30/vietnam.clinton.visit/index.html> (Accessed: 15th April 2020).
8. U.S.-China Economic and Security Review Commission. (n.d.) *Air Defense Identification Zone Intended to Provide China Greater Flexibility to Enforce East China Sea Claims*. [Online] Available from: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China%20ADIZ%20Staff%20Report.pdf> (Accessed: 15th April 2020).
9. USA. (2014) *Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan*. [Online] Available from: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan> (Accessed: 15th April 2020).
10. USA. (2015) *Remarks by President Obama and Prime Minister Abe of Japan in Joint Press Conference*. [Online] Available from: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/28/remarks-president-obama-and-prime-minister-abe-japan-joint-press-confere> (Accessed: 15th April 2020).
11. Office of the United States Trade Representative. (n.d.) *USTR Announces Initiation of Section 301 Investigation of China*. [Online] Available from: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/august/ustr-announces-initiation-section> (Accessed: 15th April 2020).
12. *The Guardian*. (2016) Trump's phone call with Taiwan president risks China's wrath. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/03/trump-angers-beijing-with-provocative-phone-call-to-taiwan-president> (Accessed: 15th April 2020).
13. The White House. (n.d.) *Joint Statement from President Donald J. Trump and Prime Minister Shinzo Abe*. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-prime-minister-shinzo-abe/> (Accessed: 15th April 2020).
14. The U.S. Department of Defense. (n.d.) *Joint Press Briefing by Secretary Mattis and Minister Inada in Tokyo, Japan*. [Online] Available from: <https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1071436/joint-press-briefing-by-secretary-mattis-and-minister-inada-in-tokyo-japan/> (Accessed: 15th April 2020).
15. *The Japan Times*. (2018) Japan and U.S. to formulate armed response to China threat to Senkakus: sources. 4th November. [Online] Available from: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/11/04/national/japan-u-s-plan-armed-forces-response-china-threat-senkakus/#.Xpbh2P0zbc> (Accessed: 15th April 2020).
16. *The Japan Times*. (2020) Japan protests after Chinese ships approach fishing boat near Senkakus 12th October. [Online] Available from: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/10/12/national/japan-protests-chinese-government-ships-approach-fishing-boat-senkakus/> (Accessed: 16th October 2020).

Сведения об авторе:

Ягницын Иван Петрович – аспирант кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ygnivan1994@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yagnitsyn Ivan P. – Graduate Student of the Department of Oriental Studies at the Faculty of Historical and Political Sciences of the National Research Tomsk University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ygnivan1994@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.05.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 18.05.2021; accepted for publication 15.01.2025

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 930

doi: 10.17223/19988613/93/17

«Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обзрений

Александр Васильевич Антощенко

Петрозаводской государственной университет, Петрозаводск, Россия, antoshchenko@yandex.ru

Аннотация. Изучаются рецензии на последнюю книгу известного русского историка-эмигранта. Они рассматриваются как средство коммуникации в научном сообществе по поводу исследовательских новинок. Автор раскрывает их социоморфный смысл и показывает, каким образом обзрения задавали определенное восприятие научного исследования по истории. Следование выработанной структуре обзоров ограничивало рецензентов в восприятии ростков новой, выходящей за рамки позитивистской парадигмы исследовательской концепции Г.П. Федотова.

Ключевые слова: Г.П. Федотов, русская религиозность, рецензии

Для цитирования: Антощенко А.В. «Русская религиозность» Г.П. Федотова в зеркалах обзрений // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 134–142. doi: 10.17223/19988613/93/17

Original article

“The Russian Religious Mind” by George Fedotov in mirrors of the reviews

Aleksandr V. Antoshchenko

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, antoshchenko@yandex.ru

Abstract. The article examines reviews of the latest book written by the famous Russian historian-expat George P. Fedotov. They are considered as a means of communication in the academic community of research novelties. Along with the analysis of their content, the author reveals their sociomorphic role, which they performed through the statement of the principles for evaluating the results of the work done by the historian. To reach this goal, the author of the article identifies the main elements of the reviews, each of which gave one or another characteristic of the mandatory component of the historical study of the past. Such elements were, first, characteristic of novelty of the subject of study, secondly, confirmed the adequacy of the chosen method, thirdly, gave an assessment of completeness of the original basis of research, as well as knowledge of the scientific research literature on the topic. Critical remarks and the style of writing were also defined. The first five elements assumed compliance with the positivist canons of historical research. They acted as norms accepted in the academic community and approved by reviews. The key among them was criticism, which is a system-forming element. The use of these elements limited the reviewers in the perception of the germs of a new research concept of G.P. Fedotov, which was based on the principles of understanding (*verstehen*). Unexpectedly, a lot of attention was paid to the style of writing because the book was written in a non-native language for its author – English. Most of the reviews were positive in content, although they contained rare criticisms implicitly determined by the national, political or research characteristics of individual reviewers. The only negative in essence, but quite benevolent in form, was the review of the Catholic Jesuit, who expressed a different vision of the research subject and the possibilities of its study, conditioned by his faith. The critic questioned not the professional skills of the Russian historian, but his religious identity and his ability to provide Orthodox implied readers with an adequate basis for their cultural-historical identification. Thus, he demonstrated the limits of the cumulative idea of the development of historical knowledge as scientific one, which was characteristic of positivism, since he completely denied the research approach of G.P. Fedotov, and therefore allowed a gap in the development of knowledge about the past, i.e. its discreteness. As a result, the author of the article recognizes the conventional character of truth in historical knowledge as an expression of intersubjectivity and defines the principle of objectivity, still asserted by some historians, as a simulacrum.

Keywords: George P. Fedotov, Russian religious mind, reviews

For citation: Antoshchenko, A.V. (2025) "The Russian Religious Mind" by George Fedotov in mirrors of the reviews. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 134–142. doi: 10.17223/19988613/93/17

Книга *The Russian Religious Mind* Георгия Петровича Федотова (наиболее точный перевод, соответствующий авторскому замыслу, – «Русская религиозность») стала последней из вышедших в свет при его жизни. Задуманная автором в конце 1930-х гг. во время командировки в Англию, она была написана уже в США, куда историк перебрался из Франции в начале Второй мировой войны. Моральную и финансовую поддержку при ее написании и издании он получил от президента Гуманитарного фонда Б.А. Бахметьева и его референта М.М. Карповича [1]. В общении с ними была уточнена задача исследования и определены возможности публикации. Первоначально Г.П. Федотов планировал написать пяти-шеститомный исторический обзор русской религиозности, но потом под влиянием Б.А. Бахметьева согласился на однотомную работу обобщающего характера, однако в конце концов опять вернулся к идее пятитомной истории, первым томом которой стало исследование формирования христианства в киевский период.

Книга сразу же писалась на английском языке, поскольку задумывалась как обращенная к американским читателям, среди которых интерес к прошлому народа-союзника по борьбе с гитлеровской Германией значительно возрос в годы Второй мировой войны. Это и факт публикации ее в 1946 г. престижным издательством Гарвардского университета определили внимание к ней со стороны рецензентов. Именно их отклики на издание будут проанализированы в данной статье. Однако следует уточнить, что речь будет идти не только в привычном для традиционных историографических исследований русле – интерпретации их содержания, но и с учетом новых перспектив рассмотрения рецензии как одного из средств научной коммуникации [2]. Как справедливо заметил И. Климов, «рецензия – ритуальный жанр, наполненный не только содержательным, но также и социоморфным (воспроизводящим сообщество) смыслом» [3. С. 116], что открывает возможности для более объемной характеристики изучаемого материала.

Источники для исследования были выявлены с помощью поисковой системы базы журнальных публикаций JSTOR, а также в ходе изучения материалов Архива колледжа г. Амхерста, созданного при Центре русской культуры в этом учебном заведении небольшого американского городка. В архиве в коллекции Ю.П. Иваска, которому Г.П. Федотов помог после войны перебраться из Германии в США и которого опекал в его первые годы жизни на новом месте, отложились собранные Ю.П. Иваском рецензии, как журнальные, так и одна газетная – из литературного приложения к «Таймс». Это одиночество на фоне многочисленных газетных вырезок обзоров составленной Г.П. Федотовым антологии под названием *Treasure of Russian spirituality* («Сокровище русской духовности»), вышедшей несколько позже его книги о русской религиозности, довольно показательны. Журнальные

рецензии, помещенные в большинстве своем в специализированных периодических изданиях, посвященных или славянским, или религиозным исследованиям, были обращены в первую очередь к представителям научного сообщества.

Неудивительно поэтому, что большинство рецензентов являлись специалистами по истории религии и были хорошо осведомлены в истории христианства и его ветви – православия. Даже краткая характеристика рецензентов-иностранцев, основанная на данных интернет-энциклопедий и справочников, подтверждает это. Английский богослов Д. Атуотер, перешедший из англиканства в католицизм, был известным переводчиком на английский язык произведений Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева и сборника «Христианство и классовая борьба», автором популярнейшего «Словаря святых», издававшегося престижным издательством «Пингвин», специалистом по литургике. Американский священник Э.Р. Харди окончил Колумбийский университет, где получил степени MA и PhD, а после обучения в Общей богословской семинарии в Нью-Йорке прибавил к ним магистерскую и докторскую степени по богословию. В то время он был профессором церковной истории богословской школы Беркли в Йельском университете, участвовал в экуменическом движении и стал членом Всемирного совета церквей в 1947 г., являлся знатоком вопросов христологии и истории церкви. Выпускник богословской школы Гарвардского университета Р.П. Кейси в нем же получил сначала степень бакалавра искусств, а затем и богословия. После Первой мировой войны он стал в Кембридже доктором богословия, был профессором истории и философии религии в Цинциннати и профессором библейской литературы и истории Брауновского университета. Во время Второй мировой войны он увлекся русской историей и в 1946 г. выпустил в Нью-Йорке книгу «Религия в России». Иезуит, иеромонах католической церкви Й. Леди родился во Франции, но учился в США, ездил в Россию в 1926 г. Впоследствии он окончил Папский Восточный институт, инициировал создание при «Руссикуме» антикоммунистического центра. Во время Второй мировой войны он стал одним из католических миссионеров среди русских эмигрантов. Американский специалист по позднесредневековому мистицизму Р. Петри был автором книг о христианской эсхатологии и социальной мысли, долгое время профессорствовал в Дюкском университете, а историк М. Спинка не только хорошо знал положение церкви в СССР и на Балканах, но и написал ряд статей о Н.А. Бердяеве, о хронике Иоанна Малалы, о Никоне.

Если обобщить отличительные черты авторов из числа российских эмигрантов, то ими можно назвать широкий кругозор и укорененность в русской культуре, что характеризует и М.М. Карповича, окончившего Московский университет и преподававшего русскую историю и литературу в Гарвардском университете, и выпускника Оксфордского университета литерату-

роведа Г.П. Струве, преподававшего долгое время в Лондонском университете, а в 1947 г. перебравшегося в Калифорнийский университет в г. Беркли, и социолога и правоведа Н.С. Тимашева, окончившего курс в Петербургском университете, а в США преподававшего в Гарвардском и Фордемском университетах. Строго специалистами по проблематике русской религиозности среди рецензентов-эмигрантов можно назвать только начинающего исследователя А.Д. Шмемана, окончившего в 1945 г. Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже и ставшего его преподавателем, и преподававшую в Оксфорде докторалитературоведа Н.Д. Городецкую, написавшую книгу об образе уничиженного Христа в русской литературе.

Практически все рецензенты-эмигранты были в той или иной мере связаны с Г.П. Федотовым. Наиболее тесные отношения с ним были у М.М. Карповича, в летнем доме которого в Вест Вардборо (штат Вермонт) Георгий Петрович неоднократно отдыхал и с которым он постоянно переписывался по вопросам написания и публикации книги «Русская религиозность» и статей в «Новом журнале», редактируемом М.М. Карповичем [4]. Достаточно прочные связи объединяли с Г.П. Федотовым и Н.С. Тимашева, причем в вопросе о положении Русской православной церкви в Америке они были соратниками, вместе с М.М. Карповичем, Г.И. Новицким и П.П. Зубовым составившими «Записку пяти профессоров», определившую решения VII Всеамериканского собора в Кливленде в 1947 г. по вопросу об отношениях с Московской патриархией [5]. Хорошо был знаком с творчеством историка Г.П. Струве. Они переписывались некоторое время после Второй мировой войны [6]. Можно предположить, что такой характер взаимоотношений обусловил практически полное отсутствие критических замечаний в их рецензиях. Была знакома с Г.П. Федотовым по участию в деятельности англикано-православного Братства св. Албания и преп. Сергия Радонежского Н.Д. Городецкая. Судя по письмам Георгия Петровича из Англии в 1939 г., называвшего ее Наденькой, у нее были доверительные отношения с семьей Федотовых [7. С. 262–264, 267]. Неслучайно Г.П. Федотов предполагал пригласить ее в планируемый во время его конфликта с правлением Свято-Сергиевского института Союз защиты христианской свободы [7. С. 344–345]. Не мог не знать о профессоре этого института и поступивший в него в 1939 г., т.е. незадолго до отъезда Георгия Петровича из Франции в США, А.Д. Шмеман, хотя документально их личное общение не подтверждено. Памятуя о том, что некоторые современные исследователи подчеркивают субъективный характер рецензии как жанра [2. С. 88–89], следует заметить, что для двух последних из упомянутых рецензентов-эмигрантов личное отношение к автору книги было, скорее, мотивом написания рецензии, но не определяло характера ее содержания и направленности. Наконец, из иностранцев знали Г.П. Федотова Э.Р. Харди и В. Гурьян. Знакомство с Э.Р. Харди, очевидно, состоялось во время подготовки Г.П. Федотовым проекта преобразования Свято-Владимирской богословской семинарии в академию, в ходе которой он неоднократно посещал Объединен-

ную богословскую семинарию в Нью-Йорке, где в это время Э.Р. Харди был тьютором. В. Гурьян, издававший журнал *Review of Politics*, предложил опубликовать в нем английский перевод статьи Г.П. Федотова «Россия и свобода», что и было сделано [8].

Авторы рецензий отчетливо осознавали, что представляли читателю незнакомого им автора, работы которого на русском языке были неизвестны большинству подписчиков даже специализированных журналов. Как заметил по этому поводу А.Д. Шмеман, «*Rus-sica non legantur*» [9. Р. 131]. Первым маркером его профессиональной квалификации для них становилось указание на образовательные учреждения, где он учился и преподавал – Петербургский университет, Свято-Сергиевский богословский институт в Париже и Свято-Владимирская семинария в Нью-Йорке [9. Р. 131; 10. Р. 85; 11. Р. 612; 12. Р. 196; 13. Р. 123].

Не менее важным способом представления читателю научного положения автора стал способ, «подсказанный» самим Г.П. Федотовым, – идентификация с представителями существующей научной традиции, т.е. определение известных предшественников. В качестве такого предшественника большинство рецензентов вслед за Георгием Петровичем называли известного французского историка А. Бремона, положившего начало исследованию религиозных чувств на французском материале [9. Р. 131; 12. Р. 198; 14. Р. 367; 15. Р. 181]. В данном случае указание на предшественника было одновременно и помещением в контекст мировой историографии, рассматриваемой как единая научная традиция, в рамках которой сосуществовали, подчиняясь единым правилам исследовательской работы, национальные школы историописания. Понятно, что такой подход, свойственный и рецензентам-эмигрантам, учитывал специфику «предполагаемого читателя» (по терминологии У. Бута), который должен был ориентироваться в научной литературе, написанной, прежде всего, на европейских языках. Однако это не означало игнорирования российской (или шире – русскоязычной) историографии. Правда, здесь у рецензентов-эмигрантов были некоторые особенности: ни один из них не упомянул исследования советских ученых. А.Д. Шмеман, обращаясь к франкоязычному читателю, предпочел сопоставить (точнее – противопоставить) наблюдениям Г.П. Федотова о влиянии язычества на формирование христианства на Руси выводы французского историка П. Паскаля [9. Р. 132]. Н.С. Тимашев сравнивал федотовское понимание причин незначительного византийского влияния на древнерусскую культуру с выводами известного бельгийского историка-медиевиста А. Пирена [13. Р. 124]. А писавший об этом же по-русски М.М. Карпович поместил Г.П. Федотова между мэтрами российской дореволюционной историографии П.Н. Милюковым и Е.Е. Голубинским, отметив несогласие с ним приобретших признание уже в эмиграции ученых – Г.В. Вернадского и Р.О. Якобсона [16. С. 302–303]. В эмигрантский научный контекст помещает книгу Г.П. Федотова и Д. Атуотер [10. Р. 85].

Для рецензентов-эмигрантов обращение к советской историографии было нехарактерно. Отчасти в этом

проявлялся скрытый субъективизм, определяемый их антибольшевизмом, т.е. политическими взглядами. Это в большей степени относится к представителям старшего поколения эмиграции. Среди упоминаемых рецензентов к ним можно отнести всех, кроме А.Д. Шмемана, который был более аполитичен и лоялен к промосковски настроенным богословам в эмиграции. Иностранцы же рецензенты были действительно беспристрастны в этом отношении. Свободно ориентировавшийся в российской историографии Й. Леди ссылаясь в рецензии как на публикации дореволюционных русских исследователей, так и на статьи тех, кто остался в советской России и продолжил свою работу в СССР; не забывал он, конечно, при этом и об иностранных специалистах [15. Р. 183–185]. Другой, довольно критически настроенный по отношению к книге Г.П. Федотова рецензент, Р.П. Кейси, при оценке ее положений ориентировался на новейшие советские исследования [17. Р. 230]. При этом он не замечал ставшую очевидной для Г.П. Федотова уже во второй половине 1930-х гг. национально-патриотическую тенденцию в советской историографии [18], усилившуюся после Второй мировой войны. Поэтому отнесение автором рецензии Г.П. Федотова к эмигрантской литературе, продолжающей «старую и высоко чтимую традицию», несмотря на внешне позитивное звучание, может быть прочитано негативно: автор книги отстал от современной советской исторической науки.

Последнее положение ведет к таким важным для рецензентов характеристикам научного труда, как новизна и оригинальность исследования, которые определялись в их обзорах прежде всего предметом исследования. Его подробное рассмотрение в рецензируемой книге [19. Р. IX–XIV] облегчало их задачу: большинство рецензентов указывали на обращение Г.П. Федотова к «субъективной стороне религии», что расширяло предмет церковной истории, связывая ее с духовной и культурной историей [9. Р. 132; 10. Р. 85; 14. Р. 367; 20. Р. 108], другие просто прибегали к цитированию соответствующего определения [11. Р. 612; 13. Р. 123; 21. Р. 66], некоторые же ограничивались перечислением исследовательских тем [17. Р. 230; 22. Р. 114]. Наиболее развернутое и в то же время точное и оригинальное определение предмета исследования Г.П. Федотова дал, пожалуй, Э.Р. Харди. Указывая, как и большинство рецензентов, вслед за Г.П. Федотовым, что это не внешняя история церкви, он в то же время отметил, что исследование выявляло «качество религии, которой ее лидеры учили и которую духовенство и миряне стремились практиковать», что являлось «более деликатной и менее вознаграждаемой» задачей. «Это приводит к постановке вопросов, – продолжал Э.Р. Харди, – на которые исторические источники явно не склонны отвечать» [12. Р. 197]. Такое исследование, по мнению рецензента, минуя епископов и теологов (вполне понятный и приемлемый для протестанта подход), вело к жизни обычных людей и при верном рассмотрении раскрывало «истинную силу и действительную слабость рассматриваемых религиозных сил» [12. Р. 197]. В итоге он переносил результаты исследования Г.П. Федотова в еще более широкий контекст:

«Такой подход становится важной частью церковной истории в целом и в значительной степени помогает увидеть правильно то место, которое религия занимает в *социальной истории* (курсив мой. – А.А.)» [12. Р. 197]. Тем самым Э.Р. Харди в своей оценке смещал акцент с привычного позитивистского расширения (или даже углубления) знаний, раскрывающих новые аспекты изучаемого предмета, на его качественное изменение. Думается, что это вполне соответствовало теоретическому обоснованию нового видения предмета исследования Г.П. Федотовым. Акцент на субъективной стороне религии был важен для обоснования нового представления о характере религиозной истории, в которой на первый план выдвигались не церковные догматы, каноника, литургика, развитие церковной организации и т.д., а ответ человека на Божественную благодать. И здесь возникала возможность существенных расхождений, ведущих к полному отрицанию этой теоретической предпосылки, а значит, и к пониманию «разрывов» в развитии исторического познания, о чем будет подробно сказано ниже.

В отличие от характерного для всех обзоров обсуждения предмета исследования его метод рассматривался только несколькими рецензентами. Отчасти это было результатом того, что сам Г.П. Федотов наметил лишь контур методологического подхода, основу которого составлял «предварительный, четкий и провокативный синтез» [19. Р. XV], поскольку время анализа еще не пришло. В результате большинство рецензентов сосредоточили свое внимание на соотношении анализа и синтеза. Причем характеристика этого соотношения в рецензиях свидетельствует, что их авторы подходят к вопросу с позитивистских позиций, считая, что теоретические обобщения должны быть результатом изучения фактического материала. Наиболее последовательно эту мысль выразил Д. Атуотер: «...профессор Федотов в последней части стремится *объединить свидетельства*, которые он *предварительно уже проанализировал* (курсив мой. – А.А.); он суммирует чувство религиозного значения сотворенного мира и красоты, важность, придаваемую истории с ее эсхатологической тенденцией, умеренный идеал аскетизма и отсутствие мистической созерцательности, этический дуализм суровости и мягкости, страха и любви, акцент на социальную этику, роль государства и религиозного национализма» [10]. Намеченная в книге лишь в самом общем виде идея, что теория представляет собой инструмент познания, а потому гипотетический синтез должен предшествовать анализу, не была замечена. Тем более нет в рецензиях представления о том, что исследование – это фальсификация теоретического знания, в зачаточном и не оформленном еще четко виде содержащегося во введении к книге Г.П. Федотова. Очевидно, что время «понимающей социологии» ушло вместе с М. Вебером, а время «неовеберизма» еще не наступило. В англоязычной литературе, рассматривавшей вопросы эпистемологии, понятие *understanding* (как эквивалент немецкому *verstehen*) стало распространяться лишь с 1960-х гг. в связи с зарождающейся в рамках аналитической философии истории нарратологией.

Однако наиболее пронизательный рецензент книги Э.Р. Харди заметил те черты в исследовательской манере Г.П. Федотова, которые отличали познавательную концепцию «понимания». Сосредоточив свое внимание на технике исследования, он четко улавливал различие жанров литературы, произведения которой являлись источниками для Г.П. Федотова. Это позволило ему идти вслед за автором в рассмотрении того, как воспринималась религия мирянами, отделяя идеалы, пропагандируемые византийскими монахами, и восприятие их, скажем, Владимиром Мономахом, черпавшим свое вдохновение в псалмах. Поэтому Э.Р. Харди позволял себе уточнить оценку Мономаха, данную Г.П. Федотовым, усилив ее указанием на «легализм», а не «ритуализм» его этики. Столь же глубоким оказывалось и восприятие рецензентом интерпретации Г.П. Федотовым «Слова о полку Игореве», в которой большинство рецензентов совершенно неосновательно усматривали подчеркивание «двоеверия» автора «Слова»: «Он откажется видеть в авторе необращенного язычника или приверженца “двоеверия”, но предполагает, что его (автора “Слова”. – А.А.) иносказательное использование языческой образности следует интерпретировать на той основе, что для него (автора “Слова”. – А.А.) язык язычника был романтическим и поэтическим, а христианская терминология не являлась таковой» [12. Р. 198]. Вполне логично такое внимание к исследовательской технике приводило Э.Р. Харди к более адекватному определению значения обобщений в исследовании. «Читатель, ожидающий от всякой книги четко сформулированного тезиса, может почувствовать определенную незавершенность работы Федотова, – заканчивал свою рецензию Э.Р. Харди. – Он позволяет себе несколько частичных обобщений, а не полный синтез, даже его глава-заключение состоит из ряда наблюдений о киевском благочестии и социальной этике. Такого рода незавершенность в такой работе является признаком авторского *успеха* в решении такой сложной задачи, как сообщить то, что источники *говорят нам* (курсив мой. – А.А.)» [12. Р. 199].

Если в рецензии Э.Р. Харди при внимательном чтении можно заметить *ощущение* «концепции понимания», то у М.М. Карповича содержится конкретное указание на принципиальную особенность этой познавательной концепции – интуицию. И здесь личное знакомство рецензента с автором обуславливает субъективность рецензии: доверие М.М. Карповича Г.П. Федотову, которым определяется готовность принять его наблюдения и выводы. «Скептики могут заподозрить Г.П. Федотова в некоторой модернизации древнерусской истории, – завершал свою рецензию историк. – Но здесь уже вступает в свои права историческая интуиция автора, и я могу сказать только, что *для меня* (курсив мой. – А.А.) она убедительна» [16. С. 303].

В отличие от Э.Р. Харди многие рецензенты уделяли внимание не технике изучения источников, а самой источниковой базе книги Г.П. Федотова. Поскольку Георгий Петрович отметил в ее начале, что не имел возможности работать в советских архивах, постольку свойственная для позитивистски настроенных историков характеристика оригинальности исследования как

результата «введения в научный оборот новых источников» не могла использоваться и заменялась полной источниковой базой. Замечание Р. Петри о том, что автор «разрабатывает богатые залежи оригинальных источников» [21. Р. 66], наиболее точно выражало такой подход. «Исчерпывающее изучение *всех* доступных литературных источников, как религиозных, так и светских (курсив мой. – А.А.)», – отметил Н.С. Тимашев [13. Р. 123]. Н.Д. Городецкая же посетовала, что книга не имеет справочного аппарата с указанием выходных данных используемых опубликованных источников. В сочетании с указанием на «хорошо отобранные цитаты из источников» [11. Р. 613] такой подход свидетельствовал, что ее больше убеждало буквальное подтверждение при помощи источников выдвигаемых положений, а не их интерпретация автором. Р.П. Кейси, отметивший «свежий и независимый подход к источникам» автора, упрекнул его в том, что он «бесцеремонно отвергает источники, находящиеся в нашем распоряжении» (правда, какие – не указывалось), и «уделяет внимание поклонению Матери-Земле, о котором нет прямых свидетельств» [17. Р. 230]. Наиболее же информативная часть книги, в его оценке, – об «обычных христианах», которая «особенно хороша благодаря использованию литургической и дидактической литературы, совершенно неизвестной английскому читателю» [17. Р. 230].

Принцип полноты распространялся и на исследовательскую литературу. Г.П. Струве заметил лишь два пропуска в завершающей исследовании библиографии – книг Н.Д. Городецкой об образе уничиженного Христа в русской мысли и литературе и А. Мазона, выражавшего сомнение в аутентичности «Слова о полку Игореве» [20. Р. 109]. Сама же Н.Д. Городецкая к имени А. Мазона добавила достаточно длинный список российских и иностранных авторов, особо выделив книги по украинской истории [11. Р. 613–614], что было нехарактерно для рецензентов-эмигрантов, критически относившихся к распространению украинского сепаратизма в эмигрантской среде. Об упреках рецензентов-иностранцев в отношении полноты использования исследовательской литературы уже говорилось выше.

Наконец, еще одним обязательным элементом критически всех обзоров являлась критика, диапазон которой в рассматриваемых рецензиях колебался от незначительных замечаний до расхождения во мнениях по значительным проблемам и даже принципиального несогласия со всей концепцией в целом. Если Г.П. Струве заметил несколько стилистических огрехов, а М. Спинка – неточности в транслитерации некоторых славянских имен, то многие рецензенты-эмигранты критиковали достаточно схематичное изображение Г.П. Федотовым характера христианства в Византии, а также недооценку ее влияния на древнерусскую религиозную культуру [9. Р. 132; 11. Р. 613; 16. С. 302–303]. Впрочем, эти недостатки отмечаются и современным чешским исследователем [23. С. 251], а А.А. Войченко достаточно убедительно раскрывает причины такого отношения Г.П. Федотова к «византизму» [24].

Наиболее последовательным критиком книги Федотова оказался католик-иезуит Й. Леди. Его обзор на

фоне кратких публикаций других рецензентов выглядит достаточно объемным, что позволяло рецензенту не только подробно приводить опровержения, но и четко выстраивать собственную аргументацию. Начало рецензии было явно хвалебным и чуть ли не поэтичным: «...освежающая новизна, освещающее прикосновение, прекрасная интеллектуальная утонченность, которая время от времени вспыхивает яркими блестящими, помещают эту книгу среди тех, которые хочется читать» [15. Р. 181]. Указание на то, что книга написана с любовью к тем, «в чьи мысли и сердца он пытается проникнуть», можно вполне воспринимать как образное выражение «концепции понимания» автора исследования, направленного на раскрытие субъективной стороны религии, что подкреплялось цитатой. Однако здесь внешнее восхищение Й. Леди книгой Г.П. Федотова заканчивалось, поскольку последний, с точки зрения католика, ошибочно называл А. Бремона модернистом, «так как аббат Бремон умер как католический священник в подлинном смысле слова» [15. Р. 181]. Рецензент считал, что русский историк пошел значительно дальше французского исследователя, и «мы задаемся вопросом, насколько он воспринимает объективность откровения» [15. Р. 181]. Развивая свою критическую аргументацию, Й. Леди предлагал реконструкцию объективного и субъективного отношения к Божественному откровению, из которого читателю становилось очевидно, что субъективное отношение не только неверно, но и грешно [15. Р. 182]. Так малая посылка о неточности в характеристике предшественника становилась основанием для отвержения общего методологического подхода к проблеме. Более того, обвинение в модернизме вменялось самому Г.П. Федотову со ссылкой на осуждение преподавателей Свято-Сергиевского института карловацким Архиерейским собором. Казалось бы, смягчающее это обвинение указание на политическую мотивацию решения собора на самом деле было утверждением преимущества принципа «непогрешимости» (*infallibilitas*) римского папы, т.к. указанному соборному осуждению, не имеющему общего для Русской православной церкви значения, противопоставлялась признаваемая всеми католиками энциклика *Pascendi Dominici Gregis*, обнародованная в 1907 г.

Развивая мысль о модернизме Г.П. Федотова, рецензент озадачивал читателя вопросом о том, насколько далеко Г.П. Федотов отходит от традиционного православия. Его «опасения» вызывало противопоставление исследователем книг священного писания (Старого и Нового Заветов). «Можно задаться вопросом, – продолжал Й. Лиде, – до какой степени он верит, что Писание есть слово Божье. Семь вселенских соборов были верховенством веры в православии. Его замечания о Кирилле Александрийском и Льве Великом, о Халкидоне и Эфесе смущают традиционного богослова» [15. Р. 183].

Указание на время Вселенских соборов было неслучайным. Оно создавало перспективу, в рамках которой можно было оспаривать тезис о синтезе языческих и византийских начал в древнерусском восприятии христианства, противопоставляя ему идею об исход-

ной общности Восточной и Западной церковью (с чем Г.П. Федотов, несомненно, согласился бы), а главное – в большем значении для Древней Руси западного, католического влияния. Хорошо ориентируясь в российской дореволюционной и советской историографии, Й. Леди и делал это на протяжении нескольких страниц, наполненных указаниями на «упущенные» факты и проигнорированную литературу, не смущаясь в ряде случаев неосновательностью собственной аргументации. Например, в рецензии совершенно не объяснялось, каким образом «женитьба рюриковичей на невестах из “западных семей”» могла влиять на восприятие христианства или почему более точный, по мнению рецензента, подсчет Н.А. Баумгартеном числа митрополитов-греков делал его концепцию западного религиозного влияния на Русь более достоверной, чем концепция незначительного византийского влияния Г.П. Федотова. Впрочем, при указании на публикации переводов «духовных документов латинского Запада» на церковнославянский язык Й. Лиде называл их «не очень важными». Но тогда опять же возникает вопрос: зачем упоминать о них? (см.: [15. Р. 184–185]).

В конечном итоге Й. Лиде противопоставил концепции Г.П. Федотова «более адекватную картину русского примитивного христианства», представленную Вл. Соловьевым в его *L'Idée Russe* (Paris, 1888) и *Saint Vladimir et l'Etat Chrétien* (Paris: L'Univers, Aug. 5, 18; Sept. 2, 1888), который, как и многие, «кто любят Россию», в интерпретации рецензента, видел в расколе с Западом трагедию России. Заключительный пассаж рецензии, очевидно, можно считать образцом иезуитского стиля: «Профессор Федотов не видит вещи в таком свете. Это не удерживает нас от глубокого восхищения его талантом, его эрудицией, яркостью его мысли – все еще *находящейся в кандалах* (курсив мой. – А.А.), мы полагаем, чего-то, с чем он еще не столкнулся лицом к лицу: что же это, что удерживает Православие и Католичество порознь?» [15. Р. 186]. Таким образом, рецензент-иезуит подвергал сомнению не профессиональные качества автора исследования, а его религиозную идентичность и, как следствие, его способность предложить в книге адекватную основу для культурно-исторической идентификации его верующих православных читателей.

Очевидно, несколько необычной для рецензий того времени была характеристика стиля изложения результатов исследования в книге. Но в данном случае это было важно, поскольку работа была написана на неродном языке. Сам Г.П. Федотов в предисловии к книге указывал на то, что «мисс М.Н. Шелли и Рут А. Уитман потрудились придать литературную форму моему несовершенному английскому языку» [19. Preface]. В оценке этой стороны книги важно признание носителей языка – англоязычных рецензентов, заявлявших, что книга *erudite and readable* (при этом также имелось в виду, что она будет понятна не только специалистам, но и «простым» читателям [10. Р. 87; 16. Р. 124–125; 20. Р. 109; 21. Р. 66]). Но определенное преимущество для оценки стиля было и у рецензентов-эмигрантов, для которых русский язык был родным, и они могли указать на различие русскоязычных работ Г.П. Федотова,

отличавшихся «блестящим стилем» [20. Р. 109] (*incisive brilliance* – штамп!), что становилось очевидным при сравнении с его написанной по-английски книгой. Эта оценка, снижающая, в общем-то, качество представления материала на иностранном языке, отнюдь не ущемляла достоинства автора, прекрасно владевшего родным языком.

Обращение рецензентов к вопросу о стилистических изъянах книги Г.П. Федотова дает право высказать некоторые замечания относительно стилистики самих обзоров. Характерно, что она существенно не отличается у носителей языка и эмигрантов. Более того, есть ряд типических выражений, которые, очевидно, стали уже расхожими штампами, среди которых в англоязычных рецензиях сразу же бросаются в глаза *stimulating* и *provocative* [11. Р. 614; 20. Р. 109]. Причем что в написанной по-русски рецензии М.М. Карповича есть эквивалентное устойчивое русское выражение – «будящие мысль» [16. Р. 302], а в рецензии Г.П. Струве – буквальный английский перевод этой фразы: *thought-provoking* [20. Р. 109]. Конечно, незначительное число рассматриваемых рецензий не позволяет последовательно провести контент-анализ и обоснованно увеличить результаты такого рода наблюдений. Но относительно рецензируемой книги, учитывая специфику ее замысла (напомню, что первоначально она задумывалась как многотомная, и это было зафиксировано в предисловии [19. Preface]), следует отметить еще одно – указание на ожидание продолжения с неожиданным экспрессивным (на фоне привычного *eagerly* [14. Р. 368; 22. Р. 115]) подчеркиванием *anxiously* [13. Р. 125]. Понятно, что такого рода ожидание характеризовало качество уже проделанной работы.

Наконец, необходимо сказать о единственной отложившейся в архивной коллекции Ю.П. Иваска газетной рецензии [25]. Понятно, что в отличие от рецензий в специализированных журналах у нее был иной «предполагаемый читатель», что четко осознавалось обозревателем. Если клише для журнальных статей основывалось на глаголе *study* (*student, studying*) и различалось лишь разным выражением их общего охвата – *all, every, everyone*, то безымянный автор газетной заметки обращался ко всем «интересующимся» русской историей. В соответствии с этим никаких упоминаний о предмете или методе исследования, источниках или аргументированности выводов в литературном приложении к «Таймс» не содержалось. Для автора, ориентирующегося на то, что в английском языке называют *common sense*, важно было ярко и привлекательно представить самые общие идеи, что и было сделано.

Заканчивая статью, можно сделать следующие выводы. В русле традиционного написания историографических работ они будут выглядеть так. Книга известного в эмиграции историка Г.П. Федотова вызвала живой отклик коллег, среди которых были не только бывшие соотечественники, но и иностранцы, что неудивительно, так как она была написана на английском языке и издана издательством уже тогда престижного Гарвардского университета. Подавляющее большинство из них дали высокую оценку результатам исследования, отметив оригинальное определение

предмета, разносторонне изученного благодаря выбору адекватного метода и обращению к обширному кругу источников, знанию исследовательской литературы по теме. Отдельные замечания не снижали общего положительного впечатления от труда, а расхождения по некоторым вопросам сохраняют свой спорный характер до настоящего времени. Единственный отзыв, подвергавший сомнению исследовательский подход Г.П. Федотова, не изменял общей положительной картины, так как обуславливался иной религиозной догматикой, издавна чуждой православию.

Однако материал статьи позволяет представить выводы иначе. Рассмотренные рецензии дали возможность выявить основные элементы рецензий, структурирующие их содержание: предмет и метод изучения, источники и исследовательская литература. Они представляли собой целостную систему, системообразующей связью для которой являлась критика. Парадигмальную основу системы составляли представления о данности объекта изучения – прошлого, независимого от субъективных пристрастий ученых историков, которые должны использовать метод, соответствующий особенностям той части объекта, которая становится предметом их исследовательского внимания. Доказательность выдвигаемых положений и выводов обеспечивала полнота привлекаемых источников и корректность их интерпретации. Последнее предполагало знание исследовательской традиции, выраженной в научной литературе по изучаемому вопросу. Само историческое познание представлялось как эволюционный процесс накопления проверенных истинных знаний, носящих универсальный характер, т.е. кумулятивных по характеру и всеобщих по содержанию. Строгое следование этой системе (и ее закрепление в результате постоянного повторения) в рецензиях препятствовало восприятию нового, может быть, не всегда еще четко сформулированного и до конца осмысленного подхода к историческому познанию, содержащегося в итоговой книге Г.П. Федотова. Тем самым рецензии, подчеркивая новизну исследования, в то же время консервировали устоявшиеся теоретико-методологические представления, препятствующие на деле появлению качественно нового видения прошлого.

Правда, эта эксплицитно выраженная позитивистская парадигма осложнялась имплицитно присутствующими в обзорах национальными, политическими и конфессиональными отличиями рецензентов. Наиболее важными из них оказывались именно последние. Конфессиональная принадлежность обуславливала склонность рецензентов, придававших им особое значение, к их явной манифестации. Отрицая принцип субъективного рассмотрения истории религии, католик-иезуит в то же время парадоксальным образом признавал профессиональные качества историка-эмигранта, а значит, и научную состоятельность его исследования. Это позволяет определить рецензию как средство формирования такой характеристики истинного научного знания, как конвенциональность. Но утверждаемая в рецензиях конвенция являлась согласием экспертов. Поэтому указание некоторых современных исследователей на субъективность рецензий как признак их несовершенства

не вполне корректно. В данном случае речь идет не о субъективном произволе, а о нормах, выработанных и утвержденных (или утверждаемых теми же рецензентами) в научном сообществе, т.е. об интересубъектив-

ности, которая в гуманитарных и социальных дисциплинах может трактоваться как симулякр «объективности», от которой все еще никак не могут отречься многие воспитанные в позитивистском духе коллеги.

Список источников

1. Письма Г.П. Федотова к Б.А. Бахметьеву и сопутствующие материалы // Мир историка : историографический сборник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2014. Вып. 9. С. 405–440.
2. Степанов Б.Е. «Кризис жанра»: книжные рецензии в перспективе исследований научной коммуникации // *Laboratorium*. 2016. № 8 (1). С. 82–106.
3. Климов И. «Сырое и приготовленное», или К апологии рецензий // Социальная реальность. 2008. № 1. С. 111–116.
4. «Теперь я спокоен за свое будущее и могу спокойно работать». Из переписки Г.П. Федотова и М.М. Карповича // Исторический архив. 2013. № 5. С. 114–136.
5. Курков Н.В. Всеамериканский православный церковный собор 1946 г. и «Записка пяти профессоров» // Американский ежегодник. 1999. М., 2001. С. 252–269.
6. Письма Г.П. Федотова Г.П. Струве. 1931–1950 гг. // Мир историка : историографический сборник. Омск : Изд-во ОмГУ, 2019. Вып. 12. С. 331–339.
7. Федотов Г.П. Собрание сочинений. М. : Тэтис Паблишн, 2008. Т. XII. 504 с.
8. Fedotov G.P. Russia and freedom // *Review of Politics*. 1946. Vol. 8 (1). P. 12–36.
9. Schmemmann A. [Rev.] George P. Fedotov, *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. Cambridge, Harvard University Press, Ma USA, 1946. XVI + 435 pp. in-8°, \$6.00 // *Erasmus*. P. 131–133. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
10. Attwater D. [Rev.] *Russian Religious Mind: Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. (Harvard University Press; London, Cumberledge; 32 s. 6 d.) // *Life of the Spirit*. 1947. Vol. 2 (14). P. 85–87.
11. Gorodetzky N. [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. Harvard University Press (London: Geoffrey Cumberledge), 1946, In-8, pp. xvi + 438, 32 s. 6 d. // *Slavonic and East European Review*. 1948. Vol. 26 (67). P. 612–614.
12. Hardy E.R. [Rev.] George P. Fedotov. *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. xiv, 438. \$6.00 // *American Slavic and East European Review*. 1947. Vol. 6. Nos. 3/4. P. 196–199.
13. Timashev N.S. [Rev.] Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind*. Cambridge; Mass, Harvard University Press Publ., 1946. 438 p. // *Russian Review*. 1947. Vol. 7 (1). P. 123–125.
14. Gurian W. [Rev.] *Russia: Past and Present* // *Review of Politics*. 1948. Vol. 10 (3). P. 367–368.
15. Ledit J. [Rev.] *The Russian Religious Mind*. By George P. Fedotov, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00 // *Thought*. [March 1948]. P. 180–186. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
16. Карпович М.М. [Рец.] George P. Fedotov. *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*: Harvard University Press, 1946. Pp. 438. \$6.00 // *Новый журнал / New Review*. 1947. Т. XVI. С. 301–303.
17. Casey R.P. [Rev.] *The Russian Religious Mind*. By George P. Fedotov. Cambridge: Harvard University Press. 1946. XVI + 438. \$6.00 // *Journal of Religion*. 1949. Vol. 29 (3). P. 230.
18. Федотов Г.П. Александр Невский и Карл Маркс // Федотов Г.П. Собрание сочинений. М. : Sam & Sam, 2014. Т. VII. С. 70–73.
19. Struve G. [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. (Cambridge: Harvard University Press. 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00 // *The American Historical Review*. 1947. Vol. 53 (1). P. 108–109.
20. Fedotov G.P. *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries*. New York : Harper and Brothers, 1960. [First published by Harvard University Press in 1946.]. XIV, 431 p.
21. Petry Ray C. [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1946. xvi + 438 pages. \$6.00 // *Journal of Bible and Religion*. 1947. Vol. 17 (1). P. 66–67.
22. Spinka M. [Rev.] *The Russian Religious Mind*. By George P. Fedotov. Cambridge; Mass.; Harvard University Press Publ., 1946. Vol. XIV. 438 p. // *Church History*. 1947. Vol. 16 (2). P. 114–115.
23. Řoutil M. Georgij Petrovič Fedotov jako historik ruské svatosti // Fedotov G.P. *Svatí staré Rusi*. Červený Kostelec : Pavel Mervart, 2011. S. 243–253.
24. Войтенко А.А. «Перед Богом справедливости». Антивизантизм Г.П. Федотова // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2017. № 3. С. 53–64.
25. *The Christians of Kiev* // *Times Literary Supplement*. 1948. Jan. 10. P. 26. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].

References

1. Fedotov, G.P. (2014) Pis'ma G.P. Fedotova k B.A. Bakhmet'evu i soputstvuyushchie materialy [Letters from G.P. Fedotov to B.A. Bakhmetev and related materials]. *Mir istorika*. 9. pp. 405–440.
2. Stepanov, B.E. (2016) "Krizis zhanra": knizhnye retsenzii v perspektive issledovaniy nauchnoy kommunikatsii ["Crisis of the Genre": Book Reviews in the Perspective of Scientific Communication Research]. *Laboratorium*. 8(1). pp. 82–106.
3. Klimov, I. (2008) "Syroe i prigotovlennoe", ili K apologii retsenziy ["Raw and Cooked", or Towards an Apology for Reviews]. *Sotsial'naya real'nost'*. 1. pp. 111–116.
4. Fedotov, G.P. & Karpovich, M.M. (2013) "Teper' ya spokoen za svoe budushchee i mogu spokoyno rabotat'." Iz perepiski G.P. Fedotova i M.M. Karpovicha ["Now I am calm about my future and can work in peace." From the correspondence between G.P. Fedotov and M.M. Karpovich]. *Istoricheskiy arkhiv*. 5. pp. 114–136.
5. Kurkov, N.V. (2001) Vseamerikanskiy pravoslavnyy tserkovnyy sobor 1946 g. i "Zapiska pyati professorov" [All-American Orthodox Church Council of 1946 and "Note of Five Professors"]. In: *Amerikanskiy ezhegodnik. 1999* [American Yearbook. 1999]. Moscow: [s.n.]. pp. 252–269.
6. Fedotov, G.P. (2019) Pis'ma G.P. Fedotova G.P. Struve. 1931–1950 gg. [Letters from G.P. Fedotov to G.P. Struve. 1931–1950]. *Mir istorika*. 12. pp. 331–339.
7. Fedotov, G.P. (2008) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 12. Moscow: Tetis.
8. Fedotov, G.P. (1946) Russia and freedom. *Review of Politics*. 8(1). pp. 12–36.
9. Schmemmann, A. (1946) [Rev.] George P. Fedotov, *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. Cambridge, Harvard University Press, Ma USA. XVI + 435 pp. in-8°, \$6.00. *Erasmus*. pp. 131–133. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
10. Attwater, D. (1947) [Rev.] *Russian Religious Mind: Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. (Harvard University Press; London, Cumberledge; 32 s. 6 d.). *Life of the Spirit*. 2(14). pp. 85–87.
11. Gorodetzky, N. (1948) [Rev.] *The Russian Religious Mind. Kievan Christianity*. By George P. Fedotov. Harvard University Press (London: Geoffrey Cumberledge), 1946, In-8, pp. xvi + 438, 32 s. 6 d. *Slavonic and East European Review*. 26(67). pp. 612–614.

12. Hardy, E.R. (1947) [Rev.] George P. Fedotov. The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. xiv, 438. \$6.00. *American Slavic and East European Review*. 6(3/4). pp. 196–199.
13. Timashev, N.S. (1947) [Rev.] Fedotov G. P. The Russian Religious Mind. Cambridge; Mass, Harvard University Press Publ., 1946. 438 p. *Russian Review*. 7(1). pp. 123–125.
14. Gurian, W. (1948) [Rev.] Russia: Past and Present. *Review of Politics*. 10(3). pp. 367–368.
15. Ledit, J. (1948) [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00. *Thought*. [March 1948]. pp. 180–186. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].
16. Karpovich, M.M. (1947) [Rev.] George R. Fedotov. The Russian Religious Mind. Kievan Christianity: Harvard University Press, 1946. Rr. 438. \$6.00. *Novyy zhurnal*. XVI. pp. 301–303.
17. Casey, R.P. (1949) [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge: Harvard University Press. 1946. XVI + 438. \$6.00. *Journal of Religion*. 29(3). p. 230.
18. Fedotov, G.P. (2014) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. VII. Moscow: Sam & Sam. pp. 70–73.
19. Struve, G. (1947) [Rev.] The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. By George P. Fedotov. (Cambridge: Harvard University Press. 1946. Pp. xvi, 438. \$6.00. *The American Historical Review*. 53(1). pp. 108–109.
20. Fedotov, G.P. (1960) *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. The Tenth to the Thirteenth Centuries*. New York: Harper and Brothers.
21. Petry Ray, C. (1947) [Rev.] The Russian Religious Mind. Kievan Christianity. By George P. Fedotov. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1946. xvi + 438 pages. \$6.00. *Journal of Bible and Religion*. 17(1). pp. 66–67.
22. Spinka, M. (1947) [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge; Mass.; Harvard University Press Publ., 1946. Vol. XIV. 438 p. *Church History*. 16(2). pp. 114–115.
23. Řoutil, M. (2011) Georgij Petrovič Fedotov jako historik ruské svatosti. In: Fedotov, G.P. *Svatí staré Rusi*. Červený Kostelec: Pavel Mervart. pp. 243–253.
24. Voytenko, A.A. (2017) “Pered Bogom spravedlivosti”. Antivizantinizm G.P. Fedotova [“Before the God of Justice”. Anti-Byzantinism of G.P. Fedotov]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki*. 3. pp. 53–64.
25. *Times Literary Supplement*. (1948) The Christians of Kiev. 10th January. p. 26. [Amherst College Archives. Yurii (George) P. Ivask Papers. B. 2. F. 57].

Сведения об авторе:

Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antoshchenko Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History of Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: antoshchenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.03.2022; accepted for publication 15.01.2025

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; принята к публикации 15.01.2025

Научная статья

УДК 930.2:314.148 + 94(34) + 94(479.25)

doi: 10.17223/19988613/93/18

Остров Тапробана в «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»)

Акоп Жораевич Арутюнян

Ереванский государственный университет, Ереван, Республика Армения, hakobharutyunyan@ysu.am

Аннотация. «Ашхарацуйц» уделяет особое внимание о. Тапробана. Изучая армянский раннесредневековый источник, можно прийти к выводу, что под названием Тапробана античные авторы (Страбон, Птолемей, Помпоний Мела и др.) имели в виду современный о. Шри-Ланка. Источник содержит не только физическую географию острова, но и сведения о населении, урбанистике, полезных ископаемых, флоре и фауне. Можно констатировать, что этот труд дополняет сведения ранних авторов.

Ключевые слова: Тапробана, «Древнеармянская география» («Ашхарацуйц»), Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, античные историки, Индийский океан

Для цитирования: Арутюнян А.Ж. Остров Тапробана в «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц») // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 143–149. doi: 10.17223/19988613/93/18

Original article

Island Taproban in “Ancient Armenian Geography” (“Ashkharatsuyts”)

Hakob Zh. Harutyunyan

Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia, hakobharutyunyan@ysu.am

Abstract. The question of studying the ancient island of Taprobana (now Sri Lanka) is of great scientific interest. About this remote island located in the Indian Ocean we find very little information from ancient (Greco-Roman) authors (Strabo, Pomponius Mela, Pliny, Ptolemy etc.). At present, its history, as well as the problem of localization by ancient historians is of great interest. And now the debate about the question continues: which island did the ancient historians-geographers mean when they mentioned Taproban. There is an opinion that Taproban is the island of Sumatra or Kalimantan. In the course of our research using a comparative analysis of the sources as well as applying a hermeneutical approach to the material under study we tried to prove that the early medieval Armenian source refers to the territory of the modern state of Sri Lanka. It should be noted that the "Ancient Armenian geography" ("Ashkharatsuyts") is not limited to the description of the geographical location of the island, which is mentioned in the source in the list of Asian countries as the thirty-sixth (the 35th country mentioned is India, and the 37th is Syunikia, which, as we have established, is the northern part of China; located in the Yellow River Basin region).

With minor errors and omissions, the Armenian source defines the parameters of the island, which was known not only for its bread (millet), but also for mushrooms, as well as non-rotting firewood (probably, we are talking about solid wood); this information is of particular importance, since this is probably one of the first mentions of this kind of firewood), mention precious stones (gems, gold, silver, pearls, diamond, ruby, etc.). In addition to millet, the islanders grew bread (wheat, in Arm. hats). We confidently name this particular crop, since in the Armenian language the first meaning of the word *hats* is wheat. It is interesting to learn about the names of two tribes called Atsatsanami, Aatsainami, who were the main suppliers of this most important product.

Special attention in the source is paid to the mountains of Daliuba, Malia and Gailase, from which all six major rivers of the island originate.

The authors of the source give a brief description of two cities (Manacor and Royan); there were more cities, and this gap was filled by Ptolemy.

It is important to know about the beliefs of the inhabitants of Taprobana, who considered the Moon to be their main God, since this celestial body played a crucial role in night navigation. Based on the information of Ptolemy "Ancient Armenian Geography" mentions that the main temple of the island was dedicated to the Moon.

Among all the references to the Armenian source, the information about the islands around Taprobana seems incredible. According to "Ashkharatsuyts" the island is surrounded by 1,377 small islands, which is clearly exaggerated. Probably, this information has misled modern researchers who have Taprobana in the Indonesian archipelago, where there are almost 18 thousand islands, of which almost 9700 are unnamed.

Summarizing the results of our research we can conclude: the text of the "Ancient Armenian Geography" ("Ashkharatsuyts") is a kind of encyclopedia of the study of Taprobana, since it does not only present a historical and geographical description of this territory, but also discusses the problems of socio-economic development of the country, the ethnic map (tribes), hydrography, orography, flora and fauna, minerals, urbanization etc., which are of great interest to scientists.

Keywords: Taprobana, «Ancient Armenian geography» («Ashkharatsuyts»), Movses Khorenatsi, Ananias of Shirak, antique historians, Indian Ocean

For citation: Harutyunyan, H.Zh. (2025) Island Taproban in “Ancient Armenian Geography” (“Ashkharatsuyts”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 143–149. doi: 10.17223/19988613/93/18

«Древнеармянская география» («Ашхарацуйц») – уникальный литературный памятник на древнеармянском языке (грабар), в котором представлено историко-географическое описание стран мира, т.е. известной для людей того времени ойкумены. Памятник состоит из пяти глав, разделенных на параграфы. Первые две главы написаны в ракурсе введения, в третьей излагается описание стран Европы (перечислено 12 стран от Испании до Греции), в четвертой упомянута Либия / арм. Ըրրիս (Африка представлена 8 странами – от Мавритании до Эфиопии); наконец, в пятой главе названа Азия (перечислено 38 стран от Вифинии (арм. Бётания) до Китая (арм. Чинастан). В общей сложности в источнике упомянуто 58 стран, некоторые из которых в период написания рукописи уже не существовали на политических картах мира V–VII вв. (к примеру, Фракия (Θράκη, Thracia), Вторая Мавритания (Mauretānia, Maurītānia), Киренаика (Κυρηναϊκή, Cyrenaica), Вифиния (Βιθυνία, Bithynia), Большая и Маленькая *Мёзии* (лат. Moesia, Moisía), Собственная Азия (ή ἰδίως καλουμένη Ἀσία), Ликия (Λυκία, Lycia), Фригия (Φρυγία, Phrygia). Этот список можно продолжить. Следуя примеру трех известных историков-географов античности (Страбон (Στράβων; ок. 64/63 гг. до н.э. – ок. 23/24 гг. н.э., автор «Географии» (Γεωγραφικά)), Плиний Старший, или Секунд (Plinius Maior, Gaius Plinius Secundus; между 23/24 – 24 или 25 августа 79 г. н.э. автор «Естественной истории» (Historia naturalis)), и Птолемей (Κλαύδιος Πτολεμαῖος, Claudius Ptolemaeus, ок. 100 – ок. 170 г., автор книги «Руководство по географии» (Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις), армянские авторы написали свою «Географию», назвав ее «Ашхарацуйц» (буквальный пер. с арм. – «Карта мира», «Показ мира»). А краеугольный камень этого труда был заложен в V в. отцом армянской историографии Мовсесом Хоренаци. Впоследствии, уже в VII в., источник был дополнен армянским естествознателем Ананией Ширакаци.

Государства, перечисленные в «Ашхарацуйц», можно условно разделить на две группы: страны, которые с течением времени исчезли с политической карты мира (некоторые из них упомянуты выше); страны, которые продолжают существовать и в настоящее время. К сонму таких стран в Европе относятся Испания, Британия, Франция (в «Ашхарацуйц» Галия (Gallia)), Германия, Греция, Македония, в Африке – Мавритания, Египет, Эфиопия, в Азии – Грузия (западная Колхида, или Эгриси (Ἔγρις; Κολχίς, Colchis, арм. Кохчис / Կոլքիս) и Восточная Иберия (груз. ქართველი, Իβηրία, Iberia, арм. Вирк / Վիրք)), Иудея (совр. Израиль), Аравия, Иран, Индия, Китай, Великая Армения и остров Тапробана, которому и посвящена наша статья.

Итак, в «Древнеармянской географии» среди 38 стран азиатского континента 36-м упомянут остров Тапро-

бан(а) / Тапробания (Ταπροβάνη, Ταπροβανᾶ, Taprobana), который в настоящее время известен как Шри Ланка (на сингальском и тамильском Цейлон – Ceilão, от порт; так называли остров до 1972 г.) [1. P. 15]. 35-й в ашхарацуйцовском списке упоминается Индия [2, 3], что говорит о северной ориентации армянского раннесредневекового источника V–VII вв., равно как и трудов вышеуказанных античных историков-географов [4]. Затем «Ашхарацуйц» описывает страны, начиная с Южной Азии и далее, продвигаясь по территории современного Дальнего Востока, упоминает два Китайских государства (37-я – страна Сюникая, 38-я – Страна Синайцев) [5].

В настоящее время споры относительно локализации о. Тапробан(а) продолжаются. Данная проблема весьма подробно рассмотрена российским ученым академиком РАН РФ М.Д. Бухариным, который пришел к справедливому выводу: индонезийский о. Суматра и о. Тапробана не имеют друг к другу никакого отношения [6. С. 193–195, примеч. 307, 308; 7. С. 136–137; 8; 9. P. 66–68]. В «Перипл» (Περίπλους τῆς Ἐρυθρᾶς Θαλάσσης), изданном М.Д. Бухариным, упоминается: «В областях же за ними Λιμιρικὴ (Лимирики – А.А.), в настоящее время – самый южный штат Индии Тамилнад), где курс поворачивает уже на восток, лежит остров, называемый Палайсимунду древними же его обитателями (называвшимися) <Та>пробана. Его области, обращенные к северу – мирные... и тянется почти до области, лежащей напротив самой Азии. Встречается же на нем жемчуг и прозрачные камни, и полотно, и черепаха» [10. XX, 61; 11. VII, I, 8–9, 85]. Эти сведения дополняются Плинием Старшим, который пишет: «До сих пор мы передавали древние предания, однако при императоре Клавдии (Tiberius Claudius Caesar Augustus Germanicus. прав. 41–54 гг. – А.А.) мы получили более точные сведения об о. Тапробане, и даже послы с этого острова прибыли в Рим. Вот как это случилось. Анний Плокам собирал для казны пошлину на Красном море; один из его вольноотпущенных, плывший в Аравию, был занесен бурей дальше Кармании. Он прибыл на пятнадцатый день в Гиппур, порт на Тапробане. Принятый с радушием царем и изучив за шесть месяцев местный язык, он рассказал царю о римлянах и императоре. Царь, решив завязать с ними дружбу, отправил в Рим четырех послов во главе с Рахией. От них мы узнали, что на острове 500 городов, порт на южной стороне, близ города Палезимунда, самого прекрасного и [являющегося] царской резиденцией с 200 000 жителей» [12. VI, 86].

Идентичную информацию мы находим в самом начале текста армянского источника: «Гридцать шестая страна всеобщей Азии Тапробания. Это индийский остров, самый большой во всем мире. Длина острова с севера на юг тысяча сто миль, а ширина с во-

стока на запад – пятьсот десять миль. [Тапробания] находится рядом с Индией и со всех четырех сторон окружена Индийским морем» [13. V, 454–456].

Армянский текст дополняет античных авторов, поскольку сообщает параметры острова. Если сравнить сведения Птолемея со сведениями его современника Помпония Мела (Pomponius Mela, 15–60 гг. н.э.), можно заключить, что уже на протяжении 50 лет историки / географы того времени были достаточно хорошо осведомлены об этом острове. Помпоний пишет: «Что касается Тапробана, то эту землю можно считать островом, но можно, следуя Гиппарху, предположить, что это – начало другого мира. Такое предположение вполне допустимо: Тапробан обитаем, и нет сведений о том, чтобы кто-нибудь обогнул эту землю на корабле» [10. III, VI, 60]. Однако сведения старшего современника Помпония Страбона говорят совершенно об ином. Еще во время восточного похода Александра Македонского один из его «адмиралов» Онесикрит (Ὀνησίκριτος; 360–290 гг. до н.э.) в своих отчетах полководцу представил общее описание этого острова. Поэтому точка зрения, согласно которой во времена Гиппарха (Гиппарх Никейский, ок. 190–120 гг. до н.э., Ἴππάρχος) Тапробана была *terra incognita*, не соответствует исторической действительности. Об этом острове можно узнать из труда Онесикрита «Как воспитывали Александра» (Πῶς Ἀλέξανδρος ἤχθη; см. [14. VI, 84]). Не обошел вниманием данный участок суши и грек Страбон, который упоминает: «Перейдем к области, которая возвышается против Страны корицы (область в Ливии. – А.А.) и лежит к востоку на той же параллели. Это – область Тапробаны. Тапробана, как **мы хорошо знаем** (выделено нами. – А.А.), является большим островом в открытом море к югу от Индии. Он простирается в длину по направлению к Эфиопии (как говорят) более чем на 5 000 стадий; с этого острова привозят много слоновой кости, черепах и другие товары на рынки Индии. Если мы определим ширину соответственно его длине и прибавим, кроме того, морское пространство между ним и Индией, то получим расстояние не менее 3 000 стадий, т.е. не более расстояния, установленного нами от пределов обитаемого мира до Мерое (если только оконечности Индии возвышаются прямо против Мерое); однако правдоподобнее считать это расстояние большим 3 000 стадий» [15. II, I, 14]. Следует подчеркнуть, что сведения Страбона в основном касаются расчетов расстояний удаленности Тапробаны от разных стран Азии и Африки, а также географических параметров острова. Таким образом, можно констатировать, что почти все его скудные упоминания о Тапробане являют собой повторение одних и тех же мыслей в разных вариантах. В другой части своей «Географии» греческий историк пишет: «Так, например, Онесикрит сообщает о Тапробане, что ее величина составляет 5 000 стадий, не различая длины и ширины острова, отстоящего, по его словам, от материка на 20 дней пути; корабли здесь плавают с трудом, так как несут слабое парусное вооружение и построены по обеим сторонам без шпангоута в трюмах. Есть и другие острова между Тапробаной и Индией, но Тапробан – самый южный из них.

В окрестностях Тапробаны водятся земноводные чудовища, одни похожие на быков, другие – на лошадей, третьи – на прочих земных животных» [15. XV, I, 15]. Добавим, что еще в двух местах своего труда Страбон также говорит об этих расстояниях (см.: [15. I, IV, 2, II, I, 17]). Из-за подобных разногласий в свидетельствах и возникали неверные представления о Великой Тапробане уже в те времена.

Можно предположить, что Помпоний своими знаниями либо уступал Страбону, либо по непонятным причинам не хотел более подробно говорить об этом загадочном острове. Древнеармянское (грабар) название острова чуть отличалось от греко-римского, однако можно уверенно констатировать, что речь идет об одном и том же отрезке суши. В «Ашхарацуйц» приводятся очень важные сведения о параметрах острова. Приведенная в армянском источнике ширина острова 510 миль – это почти ровная половина от 1 000. Согласно современным параметрам, ширина острова составляет 218 км, а его длина – 430 км, т.е. и сейчас первая цифра является почти половиной второй. Как сообщает армянский естествовед и второй автор «Ашхарацуйц» Анания Ширакаци, древнеармянская миля равна 7 аспарезам, т.е. греческим стадиям (στάδιον), и составляет 178 м. По «Ашхарацуйц» параметры острова больше, чем они есть на самом деле: 635 и 1 370 км – данные в три раза превышают реальные размеры Шри-Ланки. Поэтому в армянском источнике данный отрезок суши представлен как «...самый большой во всем мире» остров [13. V, 454] (для сравнения см.: [15. II, I, 14]). «Ашхарацуйц» знает два из четырех океанов (Индийский и Атлантический), однако называет их морями [16; 17. С. 108; 18. Р. 102–103]. Вероятно, здесь имеет место определенное влияние на авторов «Ашхарацуйц» одно упоминание Страбона: «В Южном море перед Индией лежит остров Тапробана, по величине не меньше Бреттании» [15. II, IV, 32]. Что касается Британии (Britannia), история ее хорошо известна [19. С. 46, 52, 88–90, 100–101, 103–106, 119, 163; 20].

«В средней части острова есть две горы, одна из которых называется Далиуба, из которой берут начало две реки, а другая – Малия, из которой берут начало три реки» [13. V, 459]. В данном случае армянский источник почти аккомпанирует Птолемею, поскольку упоминает о Галибских (Γάλιβα ὄρη) и Малейских (Μαλέα ὄρη) горах (см.: [11. VII, IV, 8]). Авторы «Ашхарацуйц» в разных фрагментах своего труда неоднократно повторяют, что основным источником, на который они опирались при изложении, была именно «География» Птолемея, о чем свидетельствует упоминание вышеупомянутых гор [13. II, 81]. В обоих случаях первая гора находится в северной, а вторая – в южной части острова. В «Ашхарацуйц» упоминается (эти же сведения мы находим и у Птолемея), что от Галибских гор берут начало реки Ганг (Гангес-Ganges; см.: [11. VII, IV, 6]) и Фасис (Phasis; см.: [11. VII, IV, 7]), а от Малейских – Соан (Соанас-Soanas; см.: [11. VII, IV, 8]), Барак (Баракес-Barakes; см.: [11. VII, IV, 8]), Азан (Азанос-Azanos; см.: [11. VII, IV, 8]). Органическим продолжением данного сведения являются упоминания в параграфах 461–462: «Говорят, что [на острове]

есть два города, которые находятся друг от друга на расстоянии сто пятьдесят миль, один из которых называется Манакор, а другой – Роян. Между ними находится гора, называемая Гайласе, из которой берет начало одна река и в которой находится самый драгоценный камень бриллиант» [13. V, 461–462]. Упоминание о Гайласе для нас имеет ориентировочную ценность в вопросе определения локализации двух вышеупомянутых городов. Гайласе (слово *gail* на арм. означает *волк*) у Птолемея превратился в Γάλεβοι (Γάλβοι). Автор размещает эту гору на крайней северной части острова (в направлении восток–запад). На крайнем северо-западе находится мыс Галебой – Гайласе). Восточнее находится город Талакори (см.: [11. VII, IV, 7]), Ταλάκορι, Ταρακόρι, имеющий координаты 126°20', 11°40' – ρκς°γ', ια°γο'), который в «Ашхарацуйц» превратился в Манакор. Относительно расположения г. Рояна у нас сложилось мнение, что это г. Йогана (Ιωγάνα πόλις; см.: [11. VII, IV, 3], координаты 123°20', 8°50' – ρκυ°γ', η°Λγ'), который находится на северо-западе острова. Птолемей, в отличие от «Ашхарацуйц», называет чуть больше 20 городов и населенных пунктов этого острова, в том числе и столицу Мааграммон (Μαάγραμμων – 127°, 7°20', ρκζ°, ζ°γ') [21; 22. P. 34]. Об этой части острова Плиний упоминает: «Самый близкий от острова мыс Индии называется Колиакум, в четырех днях пути, а посередине находится остров Солнца. Море там светло-зеленого цвета и полно растений, которые цепляются за рулевые весла» [12. VI, 86].

Большой интерес представляет сведение: «На северной стороне [Тапробании] проживают двенадцать народов. Здешние люди свои головы венчают наподобие женских волос. Один из двух местных народов именуется Ацацанами (арм. *hacatsan*. – А.А.), а другой – Ацаинами (арм. *hacain*. – А.А.)» [13. V, 463–465]. Тапробана, как и древняя Индия, всегда отличилась пестротой населения. Для нас представляют большой интерес названия Ацацан и Ацаин. Слово *hac* на армянском языке означает *хлеб*, а глагол ЦАН-эль переводится *сеять*. В слове Ацаин опять повторяется корень *hac*, а окончание ИННЕР указывает, что именно они владели львиной долей запасов хлеба и поставляли это добро людям или угощали (т.е. были хлебобольными). Также можно предположить, что если Ацацани – это пахари, то Ацаини – это верхушка общества (для сравнения можно привести пример скифов, которых делили на Пахарей и Царских [23. IV, 6, 23]). О большом количестве хлеба на острове упоминается и в другой части «Ашхарацуйц»: «На острове есть зерно, т.е. просо, а также грибы...» [13. V, 457]. Здесь можно предположить, что, вероятно, помимо хлеба одним из продуктов питания были также грибы. Об изобилии хлеба в Тапробане прямо упоминает и Птолемей, когда пишет: «...цены на хлеб всегда одинаковы...» [12. VI, 86], что говорит о том, что на острове имелись большие запасы этого продукта.

Основываясь на этом сведении, с большой долей вероятности можно заключить, что в социально-экономическом аспекте северная часть Тапробаны была более развита, чем ее южная половина, поскольку

именно там, согласно приведенному сведению, было развито сельское хозяйство. Это можно объяснить влиянием древнеиндийского общества. Такое заключение можно сделать, если сравнить вышеупомянутое сведение со следующим упоминанием «Ашхарацуйц»: «В южной части острова есть поля, где живут слоны. Говорят, что жители этой области самки; некоторое время года рядом со слонами ходят собаки, совокупляются с женщинами, которые беременеют, рожают близнецов, один из которых – самец-тигренок (арм. *корюн*; так называют детеныша тигра, медведя или льва. – А.А.), а другая – самка: тигрята-самцы проходят через реку к своим отцам, а самки остаются у матерей. Но это я считаю аллегорией, как и та [аллегория], которая рассказывает об амазонках в книге Александра (арм. Агхександр. – А.А.), которая стремительно передавалась из уст в уста» [13. V, 466–468].

Конечно, это аллегория, однако из рассматриваемого фрагмента можно заключить, что жители южных районов жили еще в эпоху первобытности. Поэтому и Плиний упоминает: «Они говорили, что их богатства больше наших, но у нас больше [частные] состояния. У них нет рабов». И в этом же параграфе историк, как бы дополняя сам себя, пишет: «...нет ни судей, ни наказаний» [12. VI, 86]. Конечно, с этими свидетельствами можно поспорить: неужели они хотели практически всем жителям других стран представить неизвестную страну в ракурсе «каким может быть идеальное общество и государство в целом»? Любопытно, что об этих чудовищах поверхностно упоминает и Страбон: «...в окрестностях Тапробаны водятся земноводные чудовища, одни похожи на быков, другие – на лошадей, третьи – на прочих земных животных» [15. XV, I, 15]. Невозможно дать однозначный и окончательный ответ на вопрос, находился ли греческий историк под влиянием предшествующих мыслителей или это общее мнение о стране, которую многие авторы и не видели. Ответ на этот вопрос мы можем найти у Плутарха, который описывает встречу Македонского с гимнософистом (γυμνοσοφισταί, «нагие философы») Каланом: «Калан принял его (Онесикрита. – А.А.) сурово и надменно, велел ему снять хитон и вести беседу нагим, так как иначе, дескать, он не станет с ним говорить... Калана Таксил уговорил явиться к Александру. Этого философа звали, собственно, Сфин, но так как он приветствовал всех встречаемых по-индийски – словом “кале”, греки прозвали его Калан. Рассказывают, что Калан воочию показал Александру, что представляет собой его царство. Бросив на землю высохшую и затвердевшую шкуру, Калан наступил на ее край, и вся она поднялась вверх. Обходя вокруг шкуры, Калан наступал на нее с краю в разных местах, и всякий раз повторялось то же самое. Когда же он встал на середину и крепко прижал ее к земле, вся шкура осталась неподвижной. Этим Калан хотел сказать, что Александр должен утвердиться в середине своего царства и не слишком от нее удаляться» [24. Alex. 65]. По всей вероятности, основываясь на подобных свидетельствах появились упоминания о чудовищах Востока (в том числе и в «Ашхарацуйц»), о которых мы говорили выше.

Помимо этого ценного сведения, армянский источник свидетельствует о том, что там живут слоны. Об этом говорит также Птолемей, когда пишет о южной окраине *θαλάσσης ελεφάντων νομίαι* (южнее Малейских гор [11. VII, IV, 8]. Данная часть Индийского океана называлась Слоновым морем. Там, согласно «Ашхарацуйц» и Птолею, находилось капище луны: «Птолемей говорит, что на юге этого острова находится капище Луны» [11. VII, IV, 5; 13. V, 469] – *πόλις ἱερά Σελήνης*). Капище Луны характерно для народов, именуемых в истории мореплавания и цивилизации *та-лассократи*. Луна играла большую роль в жизни почти всех древних народов, принадлежавших морской цивилизации. Сияние луны в экваториальной части света было ярче, чем созвездие Большой Медведицы (*Ursa Major*). Мореплаватели, ориентируясь на Большую Медведицу, плыли в северную сторону [25. С. 51], а Луна приобретала первостепенное значение в экваториальных водах. Культ Луны играл важнейшую роль у всех тех народов, которые проживали близко к экватору [26. С. 78–80]. О том, что Тапробана находилась рядом с экватором, упоминает армянский источник: «Тропический пояс (арм. *обжигающий / айрециал*. – А.А.) проходит по южной части этого большого острова» [13. V, 472] и со всех сторон окружен многими островами. Об этом упоминает также Плиний: «Послы любовались у нас на Большую Медведицу и Плеяды, небо для них было как бы ново. Они уверяли, что и Луна у них видна над землей только с восьмого по шестнадцатый день [месяца]. Они рассказывали, что у них ночью блесит Канопа – большая звезда с ярким светом; но что их удивляло больше всего, так это то, что тень от их тел падала в сторону нашего, а не их неба, и что Солнце подымалось слева и заходило справа, вместе того чтобы проделывать это в обратном порядке...» [12. VI, 86].

Здесь остается непонятным другое упоминание «Ашхарацуйц»: «Тапробания вокруг себя имеет тысячу триста семьдесят семь маленьких островов, среди которых есть такие, которые необитаемы. Из этих островов имена имеют девятнадцать» [13. V, 470–471]. Возникает правомерный вопрос: откуда у авторов такая осведомленность относительно численности островов и откуда известно, что только 19 островов имеют названия? Однако цифра 1 377 почти совпадает с данными современных исследований. Достаточно сказать, что только Мальдивы имеют почти 1 200 островов, севернее находятся *Лаккадивские острова* (27 островов), а восточнее *Тапробаны* расположены *Андаманские и Никобарские острова* (соответственно 204 и 22 ост-

рова) и *Адамов мост* (39 островов), общее число почти 1 500) [27. Р. 15]. На наш взгляд, первостепенным фактом является не число островов, а то, что авторы «Ашхарацуйц» были отлично осведомлены об этом далеком для них уголке земного шара. Тапробана имела международную известность в эпоху эллинизма, а большую известность приобрела во время доминирования Римской империи [12. VI, 12; 24. Alex. 65].

В разных частях «Ашхарацуйц» упоминается также о природных богатствах Тапробаны. Так, в источнике мы находим сведения о кристалле, ковыли, самоцветах, также о драгоценных камнях, серебре и золоте, жемчуге и драгоценном камне супербриллианте [13. V, 457, 460, 462]. И сейчас некоторые виды перечисленных ископаемых добывают на о. Шри Ланка: графит, известняк, драгоценные и полудрагоценные камни (сапфир, рубин, топаз, лунный камень и др.). Огромным богатством Тапробаны можно считать негниющее дерево (негниющие дрова). Об этом сообщает также Плиний: «Они говорили, что их богатства больше наших, но у нас больше [частные] состояния. У них нет рабов. У них не спят утром допоздна или в течение дня, дома невысоки, цены на хлеб всегда одинаковы, нет ни судей, ни наказаний. Почитают они Геракла, в цари выбирают старца, отличающегося мягким характером» [12. VI, 86].

Итак, сопоставляя сведения «Ашхарацуйц» / «Древнеармянской географии» со сведениями античных историков, особенно Птолемея, мы смогли достаточно четко определить роль и место о. Тапробана в древнем мире.

«Ашхарацуйц» своими сведениями дополняет Птолемей, что способствует более легкому и доступному изучению «темных» страниц истории этого загадочного острова, притягивающего внимание не только ученых, но и поэтов и писателей. Достаточно сказать, что о. Тапробана упоминается в поэме португальского автора Л. Де Камонса (70-гг. XVI в.) *Os Lusíadas*:

Назначенное оружие и бароны,
Пляж западной части Луситаны,
За моря никогда не плавал раньше,
Они вышли за пределы Тапробаны,
В борьбе с опасностями и войнами,
Больше, чем обещала человеческая сила.
As armas e os barões assinalados,
Que da ocidental praia Lusitana,
Por mares nunca de antes navegados,
Passaram ainda além da Taprobana,
Em perigos e guerras esforçados,
Mais do que prometia a força humana [28].

Список источников

- Weerakkody D.P.M.W. Taprobane: Ancient Sri Lanka As Known by Greeks And Romans (Indicopleustoi). Brepols Pub., 1997. 283 p.
- Вигасин А.А. Карта Индии в «Естественной истории» Плиния Старшего // Вестник древней истории. 1999. № 1. С. 20–41.
- Арутюнян А.Ж. Древняя Индия согласно данным «Древнеармянской географии», или «Ашхарацуйц» // Уральское востоковедение. 2019. Вып. 9. С. 27–36.
- Арутюнян А.Ж. Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 3. С. 88–94.
- Арутюнян А.Ж. Древний Китай согласно данным «Древнеармянской географии» или «Ашхарацуйц» // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2017. Вып. 9. С. 367–374.
- Бухарин М.Д. Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, пер., коммент., исследования. СПб.: Алетей, 2007. 440 с.
- Шифман И.Ш. К вопросу о датировке § 19 «Перипла эритрийского моря» // Палестинский сборник. 1978. Вып. 26/89. С. 136–139.

8. Eggermont P.H.L. The Date of the Periplus of the Erythraean Sea // Papers on the Date of Kaniška. 1968. P. 94–96.
9. Fussman G. The Periplus and the Political History of India // Crossings. 1996. P. 66–71.
10. Pomponius Mela's description of the world / transl. with an introduction by F.E. Romer. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 165 p.
11. Ptolemaios Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch: Einleitung, Text und Übersetzung, Index / Hrgb. von A. Stuckelberger, G. Grabhoff. Basel : Schwabe Verlag, 2006. 2. Teil, Bücher 5–8. S. 476–1018.
12. Pliny. Natural History / transl. by H. Rackham. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1957. Vol. 2, books III–VII. 270 p. (Loeb Classical Library).
13. Ашхарапуїц (Армянская география) V–VII вв. / Мовсеса Хоренаци и Анания Ширакаци; предисл., пер. и коммент. А.Ж. Арутюняна. Белгород : Зебра, 2023. 184 с.
14. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1986. 574 с.
15. Strabo. The Geography of Strabo. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1960. Vol. 6. 416 p. (Loeb Classical Library).
16. Петросян Г.Б. Система линейных мер по армянским источникам VII века и их взаимосвязь с мерами эпохи эллинизма // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 2. С. 104–107.
17. Гурштейн А.А. Значение армянских источников VII века для установления протяженности греческого стадия // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. № 2. С. 107–108.
18. Nicholson E. Men and Measures: a History of Weights and Measures, Ancient and Modern. London, 1912. 330 p.
19. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. 3-е изд. М. : Просвещение, 1982. Т. 1: Географические открытия народов Древнего мира и Средневековья (до плаваний Колумба). 286 с.
20. Шифман И.Ш. Из истории стран красноморского бассейна (по материалам библейской традиции) // Мероэ. М. : Наука, 1985. Вып. 3: История, история культуры и языка стран Северо-Восточной Африки красноморского бассейна. С. 253–263.
21. Ascher E.J. The Timetables of the Periplus Maris Erythraei and of Pliny's Voyage to India // Journal of Transport Geography. 1974. Vol. 34. P. 1–7.
22. Vopelarachchi O. From Bactria to Taprobane. Manohar Publishers & Distributors, 2015. Vol. I: Central Asian And Indian Numismatics. 701 p.
23. Herodoti Historiae. Libri I–IX. Oxford : Oxford University Press, 2015. 879 p.
24. Plutarch Lives. Vol. VII, Demosthenes and Cicero. Alexander and Caesar. Harvard : Harvard University Press, 1919. 640 p.
25. Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Щетников А.И. Античный космос. Очерки истории античной астрономии и космологии. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. 403 с.
26. Мифы народов мира / гл. ред. С.А. Токарев. М. : Сов. энцикл., 1982. Т. 2. 720 с.
27. Alpers E.A. The Indian Ocean in World History. Oxford : Oxford University Press, 2013. 172 p. (New Oxford World History).
28. Камões Л. Лузиады (Os Lusíadas) / пер. с португ. М.И. Травчетова. М. : Центр книги Рудомино, 2014. 432 с.

References

1. Weerakkody, D.P.M.W. (1997) *Taprobane: Ancient Sri Lanka As Known by Greeks And Romans (Indicopleustoi)*. Brepols Pub.
2. Vigin, A.A. (1999) Karta Indii v "Estestvennoy istorii" Pliniya Starshego [A Map of India in Pliny the Elder's "Natural History"]. *Vestnik drevney istorii*. 1. pp. 20–41.
3. Harutyunyan, H.Zh. (2019) Drevnyaya Indiya согласно dannym "Drevnearmyanskoy geografii", ili "Ashkharatsuyts" [Ancient India According to the Data of "Ancient Armenian Geography", or "Ashkharatsuyts"]. *Ural'skoe vostokovedenie*. 9. pp. 27–36.
4. Harutyunyan, H.Zh. (2013) Orientatsiya drevnearmyanskoy karty "Ashkharatsuyts" [Orientation of the Ancient Armenian Map "Ashkharatsuyts"]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 3. pp. 88–94.
5. Harutyunyan, H.Zh. (2017) Drevniy Kitay согласно dannym "Drevnearmyanskoy geografii" ili "Ashkharatsuyts" [Ancient China according to the data of the "Ancient Armenian Geography" or "Ashkharatsuyts"]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 9. pp. 367–374.
6. Bukharin, M.D. (2007) *Neizvestnogo avtora "Peripl Eritreyskogo moray"* [Unknown author "Periplus of the Erythraean Sea"]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Shifman, I.Sh. (1978) K voprosu o datirovke § 19 "Peripla eritriyskogo moray" [On dating § 19 of the "Periplus of the Erythraean Sea"]. *Palestinskiy sbornik*. 26/89. pp. 136–139.
8. Eggermont, P.H.L. (1968) The Date of the Periplus of the Erythraean Sea. *Papers on the Date of Kaniška*. pp. 94–96.
9. Fussman, G. (1996) The Periplus and the Political History of India. *Crossings*. pp. 66–71.
10. Pomponius Mela. (1998) *Pomponius Mela's description of the world*. Transl. by F.E. Romer. Ann Arbor: University of Michigan Press.
11. Stuckelberger, A. von & Grabhoff, G. (eds) (2006) *Ptolemaios Handbuch der Geographie*. Griechisch-Deutsch: Einleitung, Text und Übersetzung, Index. 2. Teil, Bücher 5–8. Basel: Schwabe Verlag. S. 476–1018.
12. Pliny. (1957) *Natural History*. Transl. by H. Rackham. Vol. 2(III–VII). Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
13. Khorenatsi, M. & Shirakatsi, A. (2023) *Ashkharatsuyts (Armyanskaya geografiya) V–VII vv.* [Ashkharatsuyts (Armenian Geography) of the 5th–7th centuries]. Belgorod: Zebra.
14. Diogenes Laërtius. (1986) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [About the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers]. Moscow: Mysl'.
15. Strabo. (1960) *The Geography of Strabo*. Vol. 6. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
16. Petrosyan, G.B. (1983) Sistema lineynykh mer po armyanskim istochnikam VII veka i ikh vzaimosvyaz' s merami epokhi ellinizma [The System of Linear Measures Based on Armenian Sources of the 7th Century and Their Relationship with Measures of the Hellenistic Era]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2. pp. 104–107.
17. Gurshteyn, A.A. (1983) Znachenie armyanskikh istochnikov VII veka dlya ustanovleniya protyazhennosti grecheskogo stadiya [The Significance of Armenian Sources of the 7th Century for Establishing the Length of the Greek Stage]. *Voprosy istorii este-stvoznaniya i tekhniki*. 2. pp. 107–108.
18. Nicholson, E. (1912) *Men and Measures: a History of Weights and Measures, Ancient and Modern*. London: [s.n.].
19. Magidovich, I.P. & Magidovich, V.I. (1982) *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy* [Essays on the history of geographical discoveries]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Prosveshchenie.
20. Shifman, I.Sh. (1985) Iz istorii stran krasnomorskogo basseyna (po materialam bibleyskoy traditsii) [From the history of the countries of the Red Sea basin (based on the biblical tradition)]. *Meroe*. 3. pp. 253–263.
21. Ascher, E.J. (1974) The Timetables of the Periplus Maris Erythraei and of Pliny's Voyage to India. *Journal of Transport Geography*. 34. pp. 1–7.
22. Vopelarachchi, O. (2015) *From Bactria to Taprobane*. Vol. I. Manohar Publishers & Distributors.
23. Herodoti Historiae. (2015) *Libri I–IX*. Oxford: Oxford University Press.
24. Plutarch. (1919) *Plutarch Lives*. Vol. VII. Harvard: Harvard University Press.
25. Afonasin, E.V., Afonasina, A.S. & Shchetnikov, A.I. (2016) *Antichnyy kosmos. Ocherki istorii antichnoy astronomii i kosmologii* [Ancient Space. Essays on the History of Ancient Astronomy and Cosmology]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
26. Tokarev, S.A. (ed.) (1982) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Sov. entsikl.
27. Alpers, E.A. (2013) *The Indian Ocean in World History*. Oxford: Oxford University Press.
28. Camões, L. (2014) *Luziady (Os Lusíadas)* [The Lusíads (Os Lusíadas)]. Translated from Portugal M.I. Travchetov. Moscow: Tsentr knigi Rudomino.

Сведения об авторе:

Арутюнян Акоп Жораевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории исторического факультета Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения). E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Harutyunyan Hakob Zh. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History Faculty of History Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 20.02.2022; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 929.522.1
doi: 10.17223/19988613/93/19

Воспоминания выпускников историко-филологического (исторического) факультета Томского государственного университета как исторический источник

Владимир Петрович Бойко¹, Марина Евгеньевна Савинцева²

^{1,2} *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия*

² *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *vpbojko@yandex.ru*

² *msavintseva@yandex.ru*

Аннотация. Исследована история возникновения и эволюции информации, содержащейся в воспоминаниях историков, обучавшихся на историко-филологическом (историческом) факультете Томского государственного университета в разные годы второй половины XX и начале XXI в. Отмечается, что образ выпускника представляет собой совокупность ментальных, психологических и социальных черт современного интеллигента гуманитарной направленности.

Ключевые слова: Томский университет, исторический факультет, воспоминания

Для цитирования: Бойко В.П., Савинцева М.Е. Воспоминания выпускников историко-филологического (исторического) факультета Томского государственного университета как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 150–158. doi: 10.17223/19988613/93/19

Original article

Memories of graduates of the Faculty of History and Philology (History) of Tomsk State University as a historical source

Vladimir P. Boiko¹, Marina E. Savintceva²

^{1,2} *Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russian Federation*

² *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vpbojko@yandex.ru*

² *msavintseva@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to provide a brief overview of published memoirs of domestic researchers who studied at the Faculty of History and Philology and the Faculty of History of TSU in different years and at the beginning of the XXI century. The aim is to characterise the image of a graduate as a set of mental, psychological and social traits of a modern humanitarian intellectual. The favourable coverage of the selected topic provides additional material for the study and comprehension of the personalities of graduates, the peculiarities of their character, and allows us to highlight the facts that demonstrate the culture and specificity of the perception of events by the authors of memoirs.

Considering scholarly importance of the subject, the authors aimed to provide a concise overview of published memoirs, enabling the reader to gain insight into the author's linguistic style, worldview, communication style, social interactions, and the psychological portrait of that time.

The study's source base was comprised of a diverse range of materials, including collective monographs of Russian historians, scientific articles, and conference proceedings. The principal sources are the published memoirs of graduates of the Faculty of History and Philology and the Faculty of History of TSU (N.V. Blinov, V.P. Zinoviev, L.I. Galliamova, V.P. Boiko, Yu.A. Sorokin, etc.).

The methodology employed in this research adheres to the principles of objectivity and historicism. The source study, historical-comparative, historical-genetic and bibliographic methods were employed in order to achieve the desired results.

The research conducted by the authors revealed the existence of two distinct types of memoirs. The first type is characterised by an emphasis on the anniversaries of the authors themselves (V.P. Zinoviev, V.P. Boiko). The second type, in contrast, focuses on the authors' lives and work, serving as a testament to the passed away (N.V. Blinov, A.M. Sagalaev, A.Kh. Ehlert). One of the key points addressed in the memoirs is the review of the conditions of education and living conditions of students in dormitories. The memoirs provide a comprehensive account of the lives of students, their interactions with teachers and their peers.

Nevertheless, most of memoirs focus on significant events occurring within the country and internationally. Memoirs by N.V. Blinov provide insight into the events of the Great Patriotic War, particularly the final stage in the Far East.

Memoirs by V.P. Zinoviev and V.P. Boiko offer a multifaceted perspective on the process of collectivization and dekulakization. Memoirs by S.I. Anufriev document the experiences of undergraduate and graduate students at the end of the XX century, exploring both everyday and ideological aspects of their lives.

Keywords: Tomsk State University, Faculty of History, memoirs

For citation: Boiko, V.P., Savintceva, M.E. (2025) Memories of graduates of the Faculty of History of Tomsk State University as a historical source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 150–158. doi: 10.17223/19988613/93/19

В начале XXI в. в томских издательствах было опубликовано несколько десятков воспоминаний, принадлежащих выпускникам исторического факультета ТГУ. Они содержат не только ценную информацию о факультете, программах обучения, условиях студенческой и преподавательской жизни, но и субъективные характеристики самих авторов мемуаров. Источники личного происхождения, а именно к ним относятся воспоминания, являются носителями такой ценной информации, которой в других видах источников не хватает, как бытовые и психологические детали жизни, окружавших автора людей, их культурные и социальные особенности, привычки, привнесенные из довузовской жизни и приобретенные во время учебы на факультете, и многое другое. Такого рода информация позволяет воссоздать ситуацию, фон эпохи, атмосферу, которые все вместе и порознь формируют специалиста-историка и интеллигентного человека. Стоит сказать, что, как правило, автор мемуаров «созревает» для их написания, уже достигнув «степеней известных», т.е. став доктором наук и профессором и достигнув, естественно, солидного возраста, когда детям и внукам нужно не только рассказывать, но и в письменном и печатном виде передавать свой опыт и свою уже родовую и семейную историю.

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью включения в исторические исследования источников личного происхождения, которые современными исследователями рассматриваются достаточно редко, хотя и несут массу новой, свежей информации. Кроме того, эти источники создают исторический фон, на котором и разворачиваются основные события, что является особо ценным и актуальным направлением исторической науки.

Новизна данной статьи объясняется тем, что история отдельных факультетов Томского университета редко становилась объектом исследования. Исторический факультет в этом плане – значимый предмет изучения гуманитарного образования в нашем университете. Студентами и преподавателями историко-филологического (исторического) факультета являются многие выдающиеся личности. Итогам их педагогической и научной деятельности могут быть посвящены отдельные исследования. Их краткое упоминание в данной статье дает возможность продолжить личностную и коллективную характеристику истории Томского университета.

Воспоминания Николая Васильевича Блинова (1929–2015), одного из выдающихся профессоров исторического факультета, представляют собой чрезвычайно интересный и поучительный опыт. Его мемуары «Вспоминая молодость» написаны в последние годы жизни по настоятельной просьбе детей и внуков [1. С. 9].

Начинаются они, как и записки некоторых других авторов, с воспоминаний о родителях. Подобно большинству сибирских деревенских жителей, отец Блинова отправился в Сибирь на поиски счастья еще в молодые годы неженатым парнем к старшему брату, который осел в таежной деревне Покровка в 30 км от станции Тайга. Было ему тогда 17 лет, и первоначальный капитал он получал через «поденщину», т.е. ежедневную работу за гроши у местных мужиков. Те уже обжились и ходили в фабричной добротной одежде и обуви, а отец и мать Н.В. Блинова носили домотканую одежду и лапти, за что получили прозвища «Иисус и Богородица». Только благодаря неимоверным усилиям им за 10 лет удалось построить собственный дом, лучший в деревне, завести собственную лошадь и хозяйство, но, как пишет Н.В. Блинов, «колхоз и тут их накрыл». Дом и лошадку «обобществили», а родителям пришлось заниматься «наемной работой». [1. С. 11]. Тем не менее отцу Н.В. Блинова удалось получить специальность счетовода, что позволяло стать «советским служащим», как и некоторым отцам других историков, выпускников исторического факультета. Например, у В.П. Зиновьева и В.П. Бойко, также авторов воспоминаний, отцы, дети репрессированных родителей, стали бухгалтерами, что никаких привилегий им не сулило, кроме облегчения условий труда, однако причисляло их к работникам умственного труда и открывало более широкие перспективы для их детей, заставляло их получать, в свою очередь, образование и достойную профессию учителя, медработника, инженера, ученого и т.д.

Н.В. Блинов со знанием дела описывает «школу выживания», которую он прошел в детстве и юности, когда нужно было с 12 лет (отец ушел на фронт) помогать матери поднимать детей (себя и двух сестер), заниматься хозяйством и лесными промыслами. Все это было привычным делом для детей довоенного, военного и послевоенного поколений и стало для них неизбежной вехой биографии. Однако Н.В. Блинов как будущий исследователь выделяет главную причину своего выбора в сторону гуманитарного образования, в сторону творчества. Как и у многих русских писателей, начиная с Горького и кончая Шукшиным, Распутиным, Беловым и Астафьевым, – это чтение. Николай Васильевич в те годы не только много читал, но даже составил небольшую библиотеку в 200 томов из художественной и научно-популярной литературы. Пристрастие к самообразованию в самых тяжелых условиях борьбы за существование закалило волю будущего «народного профессора», как его называли некоторые друзья и ученики, стало залогом его будущих научных достижений.

Позже, после того как Н.В. Блинов оставил родной дом и отправился на Дальний Восток, на войну с Япо-

нией, он стал воспринимать историю через глобальные события, через участие в высадке военно-морского десанта, учебу на подготовительных курсах военно-морского училища, скитание по военным эшелонам, службу в бригаде морской пехоты и прочие приключения. Обладая превосходной памятью и мастерски владея хорошим литературным языком, мемуарист образно, а иногда и художественно передает свои юношеские впечатления, своеобразную «школу жизни», которую он прошел в молодости. Однако после этой «скоротечной, но очень жестокой войны», Н.В. Блинов попал в военное училище, где, как он писал, «...к середине второго курса я понял, что не смогу всю жизнь терпеть военную дисциплину, офицерская служба – не для меня» [1. С. 20].

Интересно, что и среди учеников профессора Блинова оказались те, кому военная служба, учеба в престижных военных училищах, перспективная военная карьера и безбедная жизнь именно на втором курсе обучения показались невыносимыми, и они добились исключения из училищ в Ленинграде и Москве, послужили по году в Советской Армии и поступили в конце концов на ИФ ТГУ. Это В.П. Бойко и П.Ф. Никулин, будущие доктора наук и профессора, руководители научных направлений по изучению сибирского купечества и крестьянства.

Снова начались приключения у Н.В. Блинова, когда он поступал в ТГУ и в первые годы обучения, когда он, по его словам, «вертелся как уж на сковороде», но все постепенно наладилось. Главное, что молодой человек с богатым жизненным опытом шел в университет «с целью получить знания и разобраться, почему у нас жизнь такая, а не другая» [1. С. 22]. В конце своего пребывания в Томске Николай Васильевич признал, что на кафедре истории СССР он «стал превращаться в историка», преодолевая последствия своего 6-летнего пребывания на кафедре истории КПСС: «Я не верил партийной идеологии, не считал историю КПСС учебным предметом и вообще всю идеологию, как и ее применение, считал фальшивым охмурением... Как я потом через много лет оказался доцентом и профессором университета – это особый рассказ. Сказались наличие семьи и ответственность за нее» [1. С. 25].

Таким образом, воспоминания Н.В. Блинова представляют собой оригинальный источник для изучения истории Сибири в период коллективизации предвоенного и военного времени, воссоздающий трудное становление советского человека в эту сложную и противоречивую эпоху.

Становление крупного и оригинального ученого освещено в воспоминаниях его наиболее успешного и талантливого ученика В.П. Зиновьева, научный стиль которого отличается аргументированностью и логичностью, что позволило ему кратко охарактеризовать главные достижения своего учителя как университетского профессора, крупного ученого и организатора науки. Главным достижением Н.В. Блинова Зиновьев считает его борьбу с иллюстративными методами изложения истории, которые были удобны для аргументации любых априорных положений. В условиях, когда подгонка фактов под цитаты классиков была обычной

практикой среди историков, такая позиция имела значительную ценность. Постоянно находясь на грани идеологического фола, Н.В. Блинов способствовал расширению творческого поля историков [2. С. 72–73].

Другая ученица и последовательница Н.В. Блинова Л.И. Галлямова, профессор Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, представила более пространные и эмоционально окрашенные воспоминания. Они включают в себя студенческие впечатления об историческом факультете и его профессорах, их преподавательской и научной деятельности, особенно кафедре истории СССР досоветского периода. Среди маститых профессоров и доцентов выделялся Н.В. Блинов, «спокойно сосредоточенный и очень серьезный преподаватель», который хорошо владел материалом и фактически не пользовался конспектами [3. С. 75]. Особенно запомнились Л.И. Галлямовой спецсеминары профессора Блинова по источниковедению, где происходило становление историка-профессионала: «Он был прост, демократичен, держался с нами на равных, не допускал никакого менторства, никакой назидательности. Мы быстро освоились, чувствовали себя достаточно раскованно, много рассуждали, спорили... На занятиях царила творческая атмосфера, располагавшая к поиску истины и уходу от поверхностной описательности и иллюстративности» [3. С. 75–76]. Неслучайно Людмила Ивановна приняла предложение Николая Васильевича о вступлении в состав творческой группы по изучению рабочего класса в Сибири и затем самостоятельно продолжила это дело на Дальнем Востоке, добившись выдающихся результатов.

Воспоминания другого, более молодого выпускника исторического факультета Юрия Алексеевича Сорокина, ныне профессора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, отличаются большой информативностью и теплотой. Он так же, как и Л.И. Галлямова и десяток других студентов, начал свою научную биографию в спецсеминаре Н.В. Блинова, где поначалу числились только два человека: он сам и один из авторов данной статьи В.П. Бойко. Больше желающих не нашлось, пришлось включать административный ресурс (пресловутый «кнут и пряник») для привлечения еще трех студентов. Рабочая группа, сформированная Н.В. Блиновым, состояла из студентов третьего курса, молодых кандидатов наук и начинающих исследователей истории рабочего класса и предпринимательства. Как метко заметил Ю.А. Сорокин, учиться в спецсеминаре Н.В. Блинова «было интересно до сердечной дрожи» [4. С. 81].

Преодолевая трудности, студенты получали уроки, способствующие их становлению как исследователей-профессионалов. Для этого необходимо было поверить в свои силы и обрести чувство собственного достоинства и товарищества между студентами и младшими научными сотрудниками. Обо всем этом образно и поэтично пишет мемуарист Сорокин, на счету которого не только кандидатская и докторская диссертации, но также статьи и монографии, получившие всероссийскую известность [5. С. 5–21]. Особенно академична и оригинальна книга «Российский абсолютизм в послед-

ней трети XVIII в.», где в полной мере проявились исследовательские качества Ю.А. Сорокина, полученные в Томском университете в целом и на спецсеминаре Н.В. Блинова в частности [6. С. 3–13].

Не отнять у Ю.А. Сорокина и собственные таланты: хороший литературный язык, образно описываемые события и личности, которые окружали его в Томском и Омском университетах. Стоит надеяться, что в скором времени Юрий Алексеевич соберется с силами и напишет полноценные объемные воспоминания, объединит их в целую книгу, как это сделал к своему 70-летию один из его учителей В.П. Зиновьев, чей многолетний опыт научной работы, незаурядные таланты дотошно исследователя позволили ему создать мемуарную литературу под многообещающим названием «Не подводя итогов». Книга включает в себя биографическую справку о юбиляре, написанную профессором Алтайского государственного университета В.А. Скубневским, где даются основные вехи жизни В.П. Зиновьева и анализируются его многие научные труды. В первых двух главах автор с уважением и любовью рассказывает о своих предках по отцовской (Зиновьевы) и материнской линиям (Вяткины).

С любовью и уважением вспоминая своих родителей, В.П. Зиновьев отмечает, что у его отца и деда было две родины – Воронежская губерния и Алтай, а у матери только одна – Алтай. В 1881 г. с большой партией воронежских крестьян их предки двинулись в Сибирь, где на каждую податную мужскую душу давали по 15 десятин надельной земли, т.е. в 10 раз больше того, что они имели на родине [7. С. 19]. Первым поселенцам было нелегко устроиться на новых землях: все выгодные участки по берегам рек были уже заняты; часть отведенных земель была малоприспособленной для пашни – солончаки, а из положенных 15 десятин на душу отводили всего 11 десятин. Однако упорство и трудолюбие поселенцев, их мастерство не только в земледелии, но и в промыслах (катать валенки, шить шубы, сбивать масло и др.) стали основой их благополучия.

Обращает на себя внимание большая работа В.П. Зиновьева над генеалогическим древом своих предков с указанием близких и дальних родственных связей среди односельчан. Перед глазами встает картина вполне мирного и сытого благополучия, достигнутого тяжелым, по словам В.П. Зиновьева, «каторжным трудом», с одной мечтой, чтобы только не мешали жить и работать, да и налогов бы брали не слишком много [7. С. 29].

Но не могло состояться «мужичье счастье» в Стране Советов. Сначала душили непомерными налогами, а затем вообще ограбили и выслали в гибельные места в Нарым. Раскулачиванию семьи и своих родственников В.П. Зиновьев посвятил целый раздел, назвав его трогательно «10 гусенят». В архиве Алтайского края он нашел опись изъятого «богатства» семьи Зиновьевых, где скрупулезно были учтены многие вещи, изъятые в пользу государства, в колхоз. Однако этот список был неполным, в нем не учли имущество, которое односельчане расхищали в свою пользу, в том числе 10 гусят, которые были спрятаны в кузнице от хищных собак, кошек и коршунов. Их, естественно, в описи

нет, потому что власти «сквозь пальцы» смотрели на воровство активистов из бедных слоев сибирской деревни и даже выделяли в их пользу часть расхищаемого добра [7. С. 32–33].

В.П. Зиновьев подробно рассказывает и о женской составляющей своего рода: его бабушка по материнской линии была из зырян – большого северного племени охотников-оленоводов. Зыряне строили вместе с русскими Березов, Нарым и Томск, часто между ними устанавливались семейные и родственные отношения. По словам В.П. Зиновьева, его бабушку называли цыганкой за смуглую кожу и черные волосы. Гены бабушки Марии хорошо заметны в «облике ее некоторых правнучек», отмечает мемуарист [7. С. 43].

Другие предки по материнской линии также были замечательными людьми. Прабабка Арина прожила 96 лет и родила 16 детей, могла жать хлеб, родить ребенка, завернуть его в платок и продолжать работу. Долголетием отличались и многие ее родственники, но об их потомках в семье В.П. Зиновьева «не говорили совсем, как обрезали, потому что не без помощи родни раскулачили деда Иллариона. Точно не знаю, но догадываюсь» [7. С. 44]. О разделении крестьянского мира в период коллективизации мы уже говорили.

Как маститый исследователь В.П. Зиновьев выделяется широким и тщательно подобранным составом источниковой базы: устные рассказы его ближайших и дальних родственников сочетаются с архивными данными о жителях деревень, их имуществе, в том числе реквизируемом во время коллективизации, картах-схемах населенных пунктов, деталях деревенского быта и многом другом, что было включено в повседневную жизнь людей давнего и недавнего прошлого. Эти главы объединены в раздел под названием «Родословная для внуков», который обширней и обстоятельнее другого раздела – «Студенчество и научное детство» [7. С. 89–99]. Со свойственной ему скромностью он вспоминает историю своего поступления на историко-филологический факультет ТГУ, впечатления от первых уроков, полученных им на полевых работах в колхозах, студенческих аудиториях и общежитиях. Живость и остроумие сменяются перечислением своих научных трудов, книг, которые он редактировал, научных диссертаций, которыми руководил. Интересно отметить, что первым защитил докторскую диссертацию один из авторов данной статьи В.П. Бойко, который вскоре также написал и выпустил в свет свои воспоминания, схожие по структуре и изложению событий с воспоминаниями своих учителей В.П. Зиновьева и Н.В. Блинова [8. С. 43–51].

Главное внимание в воспоминаниях В.П. Бойко уделяет месту своего рождения и детства, когда впечатления свежи и навечно врезаются в память. Как преподаватель вспомогательных исторических дисциплин, включая генеалогию, он подробно рассматривает происхождение своих предков. По материнской линии это была известная в Сибири фамилия Сваровских, старожилы этих мест, переселившиеся в Томск в начале XVII в. и получивших за службу землю в 50 верстах от этого города. Несмотря на польское происхождение, первые в Сибири Сваровские были ортодоксальными

верующими греко-православной церкви и назвали свою деревню, а затем и село – Богородским, а не по фамилии первопоселенцев, как это было в большинстве населенных пунктов освоенного ими края.

Выходец из Польши Остафий Сваровский служил еще в XVII в. в Томске городским казаком, а после службы получил земельный надел. Два его сына, оба носивших имя Иван, основали в 1671 г. село Богородское. Согласно семейным преданиям и архивным сведениям, Сваровские из поколения в поколение были крестьянами, хотя не пренебрегали и отходными промыслами: мужчины строили речные суда и ходили на них по Оби и ее притокам, перевоза купеческие грузы, а женщины занимались сбором ягод на продажу, выделкой льняного полотна и иногда нанимались служанками и горничными в Томск. Были и исключения из этих правил, когда мужчины становились плотниками, столярами, рыбаками. Один из них, по прозвищу Бес, красил церковные купола без лесов, повисая на них на нескольких веревках. Среди Сваровских также были заядлые охотники, любители рискованной медвежьей охоты, получавшие в результате такой охоты серьезные раны. Один из Сваровских даже получил прозвище Нащёк из-за увечья на лице, которое ему нанес якобы сороковой по счету медведь. От этого прозвища пошло название сначала заимки (хутора), а потом и деревни Нащёково, которая располагалась на Горе, около деревни Мельниково, в отличие от самого Богородска, расположенного на затопляемом весной левом берегу реки Оби.

Тесно связанным со Сваровскими был род Карагановых, известных томских купцов и благотворителей. Основа их богатства состояла в торговле хлебом, который закупали в Колывани-на-Оби и доставляли водным путем на барках в Нарым. Изначально это были простые барки – прямоугольные суда из тесаных бревен, которые могли ходить только вниз по течению. Позже появился небольшой 30-сильный пароход «Самоход», который буксировал баржи с хлебом вниз по течению, а обратно перевозил рыбу, меха, кедровый орех и другие товары. Конкуренцию ему составлял 80-сильный пароход В.А. Горохова «Мельник». Пассажирские перевозки осуществляли мощные двух- и трехпалубные пароходы «Любимець», «Товарищи» и «Евгений» томских и барнаульских купцов В.Е. и Е.В. Ельдештейнов, 100-сильный пароход купчихи Е.И. Мельниковой «Кормилец» и др. В конце XIX в. в Обь-Иртышском бассейне курсировало 102 парохода различных мощности и видов: от древней деревянной посудины с ветхим двигателем до мощных многопалубных пароходов иностранного производства.

Основатель рода М.Ф. Караганов вскоре построил солидный дом около пароходной пристани в Знаменском приходе, много жертвовал на Знаменскую церковь и другие богоугодные и просветительские цели. Он также позаботился об образовании своих детей. Старший сын Петр Михайлович в 1899 г. окончил Томскую гимназию с серебряной медалью и в том же году поступил на медицинский факультет Томского университета. Достаточно подробная его биография приведена во втором томе биографического словаря

«Профессора Томского университета (1917–1945)», изданного в Томске в 1998 г. группой авторов во главе с профессором С.Ф. Фоминых. Там можно найти список основных работ П.М. Караганова, его достижения в судебно-медицинской практике, которые позволяли определять происхождение и состав «кровяных пятен», что значительно упрощало работу следователей. Криминальная обстановка в Томске и его окрестностях была напряженной, поэтому приводится несколько случаев, когда сыворотки Караганова давали возможность превратить следы преступлений в неопровержимые улики. Как отмечают авторы статьи, профессор Караганов читал курс на медицинском и юридическом факультетах, и его лекции пользовались популярностью среди студентов и врачей. Умер он в 1922 г. от двустороннего воспаления легких, полученного на заготовке дров для нужд университета. Как отмечено в некрологе, обладал спокойным, уравновешенным характером и отличался исключительным трудолюбием. Надо сказать, что с 1920 г. профессор Караганов был заведующим кафедрой судебной медицины Томского университета, ему было 42 года и, конечно, при желании, он мог легко от работ на лесоповале «увильнуть», но это было не в его жизненных правилах.

Другой путь внедрения в сибирскую жизнь был у родителей отца В.П. Бойко: они прибыли сюда в конце XIX в. из Полтавской губернии в село Поперечное близ Камня-на-Оби на Алтае. Получив по 15 десятин надельной земли на каждую податную мужскую душу, как и предки В.П. Зиновьева, они начали осваивать землю и трудиться для достижения своего «мужицкого» счастья. Однако после 1930 г. их ограбили и отправили в Бакчарские болота, где половина семьи погибла.

Повествование в воспоминаниях В.П. Бойко охватывает период до начала XXI в. – до наших дней, до детей и внуков мемуариста. Прежде чем стать ученым, историком и профессором, он прошел большую жизненную школу Советской Армии, был курсантом Ленинградского высшего общевойскового училища, успешно проучился там два года, но, как и Н.В. Блинов, преодолел искушение быть офицером, иметь довольно высокое положение в обществе, хорошую зарплату и перспективы карьерного роста. В этом он был солидарен со своим учителем Н.В. Блиновым, хотя разница в этих выводах составляет более полувека.

Принято считать, что с возрастом память становится причудливой: все события детства и молодости вспоминаются более четко, чем происходившие недавно. Острота эмоциональных переживаний ранней молодости, влюбленность в выбранное дело – все это создает почву для восприятия и сохранения памяти о своей жизни и жизни людей, тебя окружавших, на всю оставшуюся жизнь. Так и случилось с окружением Н.В. Блинова. Его сокурсник Евгений Викторович Пономарев из Хабаровска в деталях вспоминает детство и юность, которые закончились поступлением в 1948 г. в Томский университет на исторический факультет, где он и познакомился со своими друзьями на всю последующую жизнь. Описывая будни обучения на историческом факультете ТГУ, он передает такие детали, которые неизвестны студентам младших поколений.

Например, они при подготовке к экзамену по археологии ночевали в археологическом музее под стеллажами и витринами, в которых находились черепа, скелеты, украшения и другие «антиквариаты». Укрывались географическими картами [9. С. 87]. Трудно представить такое небрежное отношение к ценным музейным экспонатам в наши дни.

Более реально предстает в описании Е.В. Пономарева студенческий опыт, который сильно напоминал казарму: «Вечером перед сном раздавался зычный голос Коли Блинова: “День прошел и слава Богу! Дневные раны сном лечи! Отбой!” – и гасил свет... Одежда у нас общая. Я ношу его, он – мою. Коле особенно нравилась моя армейская шинель, носил он ее зимой года два». Общим для Н.В. Блинова и Е.В. Пономарева оказалось увлечение спортом. Отдавая в этом пальму первенства своему товарищу, Евгений Викторович тем не менее отмечает, что в университете шесть лет занимался греблей и другими видами спорта. В итоге объем легких у него вырос с 3,6 до 5,6 литров. Многие из спортивных привычек в жизни дали ему отменное здоровье. «На девятом десятке лет ГИБДД продлило водительское удостоверение еще на 10 лет. Спасибо тебе, дружище! Вечная тебе память!» – так заканчивает свои воспоминания его однокурсник [9. С. 88].

На два года младше Н.В. Блинова училась А.Н. Жеравина, которая многие десятки лет преподавала на историческом факультете ТГУ и дала путевку в научную и преподавательскую жизнь сотням выпускников этого факультета. Как водится, студенты младших курсов с почтением смотрят снизу вверх на старших студентов, тем более мужчин, тем более имевших уже богатый жизненный и даже фронтовой стаж. А группа 128, в которой учился Н.В. Блинов, была знаменитой: 13 из 25 студентов этой группы закончили университет с красным дипломом. «Именно эта группа стала куратором нашей 120-й группы. Благодаря тому, что мы, первокурсники, каждодневно тесно общались со студентами из сто двадцать восьмой, мы хорошо знали всех старшекурсников факультета, что много позднее перестало быть нормой», – писала через несколько десятков лет профессор Жеравина [10].

Особенно восхищались ее успехи Н.В. Блинова в спорте и таланты организатора и руководителя. Кроме побед на лыжне, он занимал первые места в беге на тысячу и три тысячи метров, участвовал в баталиях по волейболу и баскетболу, площадки для которых он и Ю.В. Куперт устроили за главным корпусом университета.

А.Н. Жеравина высоко оценивала выдающиеся результаты профессора Блинова в его научной и педагогической деятельности. Его широкая эрудиция и глубокое осмысление пути рабочего класса страны и отдельных ее регионов дали жизнь целому направлению отечественной историографии, воспитали целую плеяду благодарных учеников. Особенно ярко проявились, по мнению А.Н. Жеравиной, нравственные и моральные качества Н.В. Блинова, его преданность друзьям, которая особенно проявилась в отношениях с Л.В. Алякринским, безвременно и трагически погибшим. Мемуаристку поражали глубокая порядочность и удивительная прямота, с которой он высказывал свое непри-

ятие подлости и хамства знакомых и коллег. В то же время Жеравина отмечает особую чуткость и умение высказать сочувствие близкому человеку в сложных и даже трагических психологических ситуациях. В своих мемуарах А.Н. Жеравина проявляет себя как умный и талантливый автор, умеющий выделить главные черты характера описываемого человека и ситуации, в которой он оказался, а также подметить его особенности и таланты, в результате чего человек перед читателем предстает как живой, выпукло и четко.

Ценные штрихи к портрету Н.В. Блинова добавляет профессор Е.Я. Слепцов, историк, получивший образование на историческом факультете ТГУ на десяток лет позже него. Слепцов отмечает, что демократические отношения между преподавателями и студентами, сложившиеся в университете, помогли им сблизиться и подружиться. Особое место в жизни студентов и преподавателей занимала научная библиотека, где на втором этаже этого «храма науки» находились студенческий (огромный, высоченный и с хорами вверху) и уютный преподавательский читальные залы. «Работа в библиотеке была наполнена какой-то особой атмосферой, необъяснимо тихой, погружала сначала в чтение, а потом в осмысление исследовательских задач. Одним словом, без “научки”, как кратко называли библиотеку, жизнь была бы уже не совсем полноценной», – отмечал Е.Я. Слепцов, под словами которого могли бы подписаться многие состоявшиеся профессора, доценты и простые учителя из школ области, еще долго приезжавшие сюда из сельской глубинки.

Отметим, что курилка, оборудованная мощным и шумным вентилятором, служила излюбленным местом для традиционных встреч и острых дискуссий, хотя и не могла полностью устранить облака табачного дыма. В настоящее время немногочисленные курильщики предпочитают уединяться на крыльце или на скамейках во дворе под переходом [11].

Еще одним местом встреч Н.В. Блинова и Е.Я. Слепцова была проблемная лаборатория истории, археологии и этнографии, которую одно время возглавлял профессор Блинов. Лаборатория быстро разрасталась, и по мере увеличения численности сотрудников до сорока человек ему понадобился заместитель. Слепцов с удовольствием занял эту должность. Решение научных и административных задач сблизило этих творческих людей. После переезда в Москву Николай Васильевич и Евгений Яковлевич приобрели участки земли, дачи в Тверской области близ Рыбинска, рядом с Рыбинским водохранилищем, где занялись активным отдыхом – огородничеством, садоводством, рыбалкой и другими увлечениями рабоче-крестьянской интеллигенции.

И в этом месте Н.В. Блинов проявил свои способности: перевез из Томска моторную лодку, занялся строительством погреба и подсобных помещений, а также завел обширный и урожайный огород. Е.Я. Слепцов описывает его следующим образом: «На первый взгляд казалось, что поле заросло сплошной травой. Николай Васильевич спокойно заходил на участок и через некоторое время, как факир в цирке, выносил арбуз, морковь, помидоры и т.д.» [11. С. 157]. Трудно

не согласиться с заключительными словами мемуариста о своем наставнике, что в его памяти Н.В. Блинов «будет вечно как учитель и друг, замечательный, мудрый и душевный человек» [11. С. 157].

Другими поводами для написания мемуаров наряду с юбилеями стали некрологи и посмертные записки. Один из таких поводов – безвременная кончина Андрея Марковича Сагалаева (1953–2002). На это печальное событие отреагировали сокурсники А.М. Сагалаева по историко-филологическому факультету. Некоторые из них после окончания университета стали философами, другие поэтами и филологами, что отразилось на их воспоминаниях. Например, С.И. Ануфриев оформил свои мысли в эссе со стихотворным заглавием: «И живем мы в этом мире послами не имеющей названия державы...», где акцентировал внимание не столько на фактах из жизни своего друга Андрея, сколько на духовной близости, возникшей между ними [12. С. 266].

Воспоминания В.М. Крюкова о А.М. Сагалаеве отличаются лиричностью и личным подходом; они включают замечательные стихи и постоянные переключки с ушедшим человеком: «Ты помнишь, Андрей?..» Эта переключка создает фон воспоминаний, подкрепленных выдержками из личной переписки, особенно когда А.М. Сагалаев находился в заграничных командировках [13. С. 290–291]. Свои впечатления об А.М. Сагалаеве изложил и его близкий друг юности Саша Элерт. Они проживали вместе в общежитии на Ленина, 49, а затем в одной квартире в Новосибирском Академгородке, часто выезжая в северную резиденцию Элертов – село Новоникольское Александровского района – для отдыха от городской суеты.

Мемуары А.Х. Элерта насыщены не только описаниями их совместного времяпрепровождения, но также историческими, этнографическими, топонимическими фактами о той местности, где они проводили время с пользой и удовольствием. Так называемые «чворы» (острова) вблизи Никольского в его описаниях обретают реальные черты природного чуда, однако вскоре после этого они выгорели «благодаря немногим оставшимся в деревне добрым людям» [14. С. 339].

Книга О.Б. Беликовой [15] подводит итог литературе об А.М. Сагалаеве. Эта работа стала результатом упорного труда ученого в течение двух десятков лет, основой послужили фрагменты воспоминаний А.М. Сагалаева, начатые им, по словам О.Б. Беликовой «неожиданно» в конце его жизни [15. С. 10]. Стремление к созданию исчерпывающей характеристики жизни и творческого наследия ученого и общественного деятеля – А.М. Сагалаева, побудило О.Б. Беликову обратиться ко всему комплексу источников: личному архиву Сагалаева, архивам Томского университета и Томского областного краеведческого музея (ТОКМ), устным и письменным свидетельствам родных, друзей, коллег и учеников, обширному архиву фотодокументов и другим редким оригинальным источникам.

В результате автору удалось создать монографию о выдающемся исследователе, где теплые и искренние воспоминания о нем были дополнены фактами из дру-

гих видов источников, что позволило создать практически полную, информационно насыщенную биографию А.М. Сагалаева и описать его научный вклад в историческую науку.

С течением времени выпускники исторического факультета, писавшие воспоминания о своих ушедших друзьях, сами уходят неожиданно и безвременно, и теперь уже о них приходится писать в прошедшем времени. А.Х. Элерт (1954–2022) был не только выдающимся исследователем-источниковедом, но и прекрасным товарищем и семьянином. Воспоминания о нем опубликованы в 42-м выпуске сборника статей и материалов серии «Археология и источниковедение Сибири». У истоков этого направления исторической науки стоял великий ученый академик Н.Н. Покровский. А.Х. Элерт оправдал его надежды и в скором времени из начинающего исследователя, аспиранта превратился в серьезного исследователя общероссийского и международного масштаба.

Старшая сестра Александра Элерта Фрида Христиановна с любовью рассказывает о начале его карьеры. Как и у многих советских детей послевоенного времени, у семьи репрессированных и сосланных на север Томской области Элертов жизнь складывалась нелегко, однако дружная и многодетная семья преодолела все трудности с честью. В воспитании и становлении детей проявлялись не только социальные факторы, но и природные. Фрида Христиановна пишет: «Солнце в этих северных краях садится летом поздно, и мы с нашего знаменитого широкого крыльца наблюдали потрясающей красоты закаты. В июне вообще не темнело – стояли белые ночи, можно было всю ночь читать без света, еще во все времена эти ночи были для душевных разговоров про жизнь и любовь» [16. С. 391].

Любовь окружала Сашу и его сестер с младенчества, что всегда важно для становления любого человека. Другим моментом этого сложного процесса было раннее взросление детей: с 14 лет они отправлялись в школу-интернат в райцентре в селе Александровском. Потом в общежитиях истфака ТГУ им уже было привычно и комфортно, хотя, обретая семью, приходилось искать квартиры в частном секторе г. Томска. Таким образом, как отмечают другие мемуаристы, А.Х. Элерт естественно вписался в ряды студенчества исторического факультета ТГУ и достиг там определенных успехов, ставших впоследствии основой его академических достижений. Об этом упоминается в воспоминаниях его однокурсника В.П. Бойко [17] и земляка-нарымчанина В.П. Зиновьева [18].

В заключение выделим несколько характерных черт воспоминаний выпускников историко-филологического (исторического) факультета ТГУ.

1. Воспоминания делятся на две части: одна посвящена юбилеям их авторов (В.П. Зиновьев, В.П. Бойко), другая освещает их жизнь и творчество уже как память об ушедших (Н.В. Блинов, А.М. Сагалаев, А.Х. Элерт).

2. Обязательным элементом всех мемуаров является довольно пространная и емкая характеристика условий обучения и проживания студентов в общежитиях, их взаимном общении с преподавателями и между собой.

3. Важным моментом для всех авторов является начало их научной карьеры, выбор научного руководителя, темы исследования, первые успехи и неудачи на этом долгом пути.

4. Большинство авторов мемуаров обучались на кафедре истории СССР досоветского периода, что объясняется, вероятно, творческой атмосферой этой кафедры, небольшим количеством сотрудников и сплоченностью коллектива кафедры.

5. В большей или меньшей степени воспоминания касаются глобальных событий, происходивших в стране и мире. Мемуары Н.В. Блинова касаются Великой Отечественной войны, ее заключительного этапа на Дальнем Востоке; воспоминания В.П. Зиновьева и В.П. Бойко ярко и выпукло рисуют процессы коллективизации и раскулачивания, в воспоминаниях-эссе С.И. Ануфриева – обыденная и идейная жизнь студентов и аспирантов в конце XX в.

Список источников

1. Блинов Н.В. Вспоминая молодость // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 9–26.
2. Зиновьев В.П. Н.В. Блинов в Томском университете // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 69–74.
3. Галлямова Л.И. Памяти учителя // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 74–79.
4. Сорокин Ю.А. Ремесло историка: учительство и ученичество // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 80–86.
5. Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск : Изд-во ОмГУ, 1996. 210 с.
6. Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск : Изд-во ОмГУ, 1999. 322 с.
7. Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с.
8. Бойко В.П. Воспоминание о селе Богородское и моей жизни. Томск : Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с.
9. Пономарев Е.В. Наша эпоха. Воспоминания // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 87–89.
10. Жеравина А.Н. Вспоминая Николая Васильевича Блинова // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 89–92.
11. Слепцов Е.Я. Памяти учителя и друга // В поисках истины : сб. ст. и воспоминаний памяти проф. Н.В. Блинова / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2016. С. 155–157.
12. Ануфриев С.И. И живем мы в этом мире послами не имеющей названия державы... // Зеркала культур : памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 261–268.
13. Крюков В.М. Андрей // Зеркала культур : памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 286–295.
14. Элерт А.Х. Никишкин чвор // Зеркала культур : памяти А.М. Сагалаева. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 329–339.
15. Беликова О.Б. Андрей Маркович Сагалаев: жизнь и творческое наследие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2022. 480 с.
16. Сагалаева Ф.Х. Фамилия // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Петров. Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 2023. С. 390–403.
17. Бойко В.П. Вспоминая однокурсника и друга А.Х. ЭлERTA // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Петров. Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 2023. С. 403–407.
18. Зиновьев В.П. Об Александре ЭлERTE // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Г. Петров. Новосибирск : Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, 2023. С. 408–409.

References

1. Blinov, N.V. (2016) Vspominaya molodost' [Remembering youth]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 9–26.
2. Zinoviev, V.P. (2016) N.V. Blinov v Tomskom universitete [N.V. Blinov at Tomsk University]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 69–74.
3. Gallyamova, L.I. (2016) Pamyati uchitelya [In memory of the teacher]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 74–79.
4. Sorokin, Yu.A. (2016) Remeslo istorika: uchitel'stvo i uchenichestvo [The Craft of a Historian: Teaching and Apprenticeship]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 80–86.
5. Sorokin, Yu.A. (1996) *Pavel I. Lichnost' i sud'ba* [Pavel I. Personality and Destiny]. Omsk: OmSU.
6. Sorokin, Yu.A. (1999) *Rossiyskiy absolyutizm v posledney treti XVIII v.* [Russian Absolutism in the Last Third of the 18th Century]. Omsk: OmSU.
7. Zinoviev, V.P. (2019) *Ne podvodya itogov* [Without Summing Up]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Boyko, V.P. (2021) *Vospominanie o sele Bogorodskoe i moey zhizni* [Memories of the village of Bogorodskoye and my life]. Tomsk: TSUAB.
9. Ponomarev, E.V. (2016) *Nasha epokha. Vospominaniya* [Our era. Memories]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 87–89.
10. Zheravina, A.N. (2016) *Vspominaya Nikolaya Vasil'evicha Blinova* [Remembering Nikolai Vasilyevich Blinov]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 89–92.
11. Sleptsov, E.Ya. (2016) *Pamyati uchitelya i druga* [In Memory of a Teacher and Friend]. In: Shelokhaev, V.V. (ed) *V poiskakh istiny* [In search of truth]. Moscow: ROSSPEN. pp. 155–157.
12. Anufriev, S.I. (2019) *I zhivem my v etom mire poslami ne imeyushchey nazvan'ya derzhavy...* [And We Live in This World as Ambassadors of a Nameless Power...]. In: *Zerkala kul'tur : pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 261–268.
13. Kryukov, V.M. (2019) *Andrey*. In: *Zerkala kul'tur : pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 286–295.
14. Elert, A.Kh. (2019) *Nikishkin chvor*. In: *Zerkala kul'tur : pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. pp. 329–339.
15. Belikova, O.B. (2022) *Andrey Markovich Sagalaev: zhizn' i tvorcheskoe nasledie* [Andrey Markovich Sagalaev: Life and Creative Heritage]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Sagalaeva, F.Kh. (2023) *Familiya* [Family]. In: Petrov, S.G. (ed.) *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv.* [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 390–403.

17. Boyko, V.P. (2023) Vspominaya odnokursnika i druga A.Kh. Elerta [Remembering classmate and friend A.Kh. Elert]. In: Petrov, S.G. (ed.) *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv.* [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 403–407.
18. Zinoviev, V.P. (2023) Ob Aleksandre Elerte [About Alexander Elert]. In: Petrov, S.G. (ed.) *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv.* [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 408–409.

Сведения об авторах:

Бойко Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: vrbjko@yandex.ru

Савинцева Марина Евгеньевна – старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации Томского государственного университета (Томск, Россия); аспирант Томского государственного архитектурно-строительного университета (Томск, Россия). E-mail: msavintseva@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Boiko Vladimir P. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Theory and History of Architecture, Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: vrbjko@yandex.ru

Savintseva Marina E. – Senior Lecturer of the Department of International Business Communication, Tomsk State University (Tomsk, Russia); PhD Student at Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russia). E-mail: msavintseva@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 07.10.2024; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья

УДК 821.161.1(092)Пушкин:94(470.344)"183"

doi: 10.17223/19988613/93/20

А.С. Пушкин и Чувашия

Андрей Анатольевич Данилов¹, Маргарита Гавриловна Данилова²,
Валерий Петрович Комиссаров³, Анатолий Порфирьевич Данилов⁴,
Амин Мухамад Эшкерат⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

¹ danilov.andrey@mail.ru

² danilova1956@gmail.com

³ valerijkomissarov134@gmail.com

⁴ anatoliy.p.danilov@gmail.com

⁵ eshkeratamin@gmail.com

Аннотация. Воссоздается ретроспектива значения и роли деятельности А.С. Пушкина как историка, анализируется путь поэта из Нижнего Новгорода до Казани. Отмечены важность той роли, которую сыграл выходец из Чувашии Н.Я. Бичурин в его работе над «Историей Пугачева», роль творчества поэта в развитии чувашского литературного языка, литературы, теории и методики перевода с русского языка на чувашский. Несмотря на имеющиеся источники о поездке А.С. Пушкина по Пугачевским местам Поволжья, мало информации о его пребывании в Чувашии.

Ключевые слова: Пушкин, Чувашия, история, Казань, Пугачев

Для цитирования: Данилов А.А., Данилова М.Г., Комиссаров В.П., Данилов А.П., Эшкерат А.М. А.С. Пушкин и Чувашия // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 159–166. doi: 10.17223/19988613/93/20

Original article

A.S. Pushkin and Chuvashia

Andrey A. Danilov¹, Margarita G. Danilova², Valery P. Komissarov³,
Anatoliy P. Danilov⁴, Amin Muhamad Eshkerat⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} Ulianov Chuvash State University, Cheboksary. Russian Federation

¹ danilov.andrey@mail.ru

² danilova1956@gmail.com

³ valerijkomissarov134@gmail.com

⁴ anatoliy.p.danilov@gmail.com

⁵ eshkeratamin@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to trace the poet's path from Nizhny Novgorod to Kazan, to note the importance of the role played by a native of Chuvashia N.Ya. Bichurin in his work on the "History of Pugachev", about the role of the poet's creativity in the development of the Chuvash literary language, literature, theory and methodology of translation from Russian into Chuvash. The empirical basis of the research is the archival documents of the Chuvash State Institute of Humanities (Cheboksary, Russian Federation) found by the authors and introduced into scientific circulation. These materials contain information about individual historical details of A.S. Pushkin's activities in the chronological period under consideration. The documents held in these archives are the most important historical information carriers. In addition, the systematized collections, translated literature containing archival documents, important additional information are a significant source for disclosure of the stated topic. A.S. Pushkin's creative work went far beyond literary activity. The research work of A.S. Pushkin in the work "The History of Pugachev" has not been widely reflected in historical science. There are few sources that have preserved data on the research activity of A.S. Pushkin on the "History of Pugachev". A.S. Pushkin is not only a great national poet but also a talented historian, critic and journalist, editor and publisher of the magazine. His creative research left a deep mark in the national history. Pushkin, a journalist, has written more than 100 literary-critical, journalistic articles and articles written in the genre of polemics. 50 of them were published in the periodical press during his lifetime. He managed to prove himself in a new capacity as an outstanding

historian-researcher and made a huge contribution to historical science with his works "The History of Pugachev", "The Captain's Daughter".

The great genius of Russian poetry A.S. Pushkin and Chuvashia are connected by the poet's arrival in Chuvashia, his works about the Chuvash, translations of creativity into the Chuvash language by Chuvash poets and writers, his friendship with N.Ya. Bichurin, an outstanding world-class scientist, the founder of Russian Oriental studies. A.S. Pushkin's trip to collect material for the historical novel "The Story of Pugachev" through Cheboksary to Kazan, his meeting with the Fuchs couple, correspondence with them contributed to the development of A.A. Fuchs' creativity. The creative heritage of A.S. Russian Russian, translations of his works into the Chuvash language played a huge role in the origin and formation of Chuvash literature and literary language, theory and practice of translation from Russian into the Chuvash language. A.S. Pushkin is one of the most translated and read Russian poets in the Chuvash Republic.

Keywords: Pushkin, Chuvashia, history, Kazan, Pugachev

For citation: Danilov, A.A., Danilova, M.G., Komissarov, V.P., Danilov, A.P., Eshkerat A.M. (2025) A.S. Pushkin and Chuvashia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 159–166. doi: 10.17223/19988613/93/20

В современных условиях реализации масштабного проекта «Пушкинская карта» историческая ретроспектива значения и роли деятельности А.С. Пушкина как историка представляется актуальной. В настоящее время Чувашия вошла в число лучших регионов по реализации данного проекта, который позволяет детям и молодежи бесплатно посещать учреждения культуры Чувашской Республики. По данным Минкультуры России, Чувашия находится на 7-м месте среди 85 регионов страны в рейтинге реализации «Пушкинской карты». Со старта программы в республике приобретено почти 120 тыс. билетов на сумму почти 43 млн рублей. Это говорит о востребованности проекта, в том числе и в сельской местности. Учреждения культуры Чувашии (театры, музеи) регулярно выезжают в районы со спектаклями, концертными программами и выставочными проектами. На стационарных площадках учреждений проводятся специальные показы для организованных групп «пушкинцев». Включение кинотеатров и кинозалов в проект «Пушкинская карта» дает возможность сельским клубам, на базе которых открыты кинозалы, привлечь дополнительные финансовые средства в свой бюджет [1]. Актуальность темы исследования подтверждается тем, что координационный совет Общероссийской общественной организации «Ассоциация учителей литературы и русского языка» поддержал обращение Чувашской Республики о проведении в Чебоксарах ежегодной Международной образовательно-просветительской акции «Пушкинский диктант-2022: Пушкин и народы России», приуроченной к Году культурного наследия народов России, объявленному Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в 2022 г.

Эмпирической основой исследования стали найденные авторами и введенные в научный оборот архивные документы Чувашского государственного института гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация), содержащие сведения об отдельных исторических деталях деятельности А.С. Пушкина в рассматриваемый хронологический период. Документы официального делопроизводства, находящиеся на хранении в указанных архивах, являются важнейшими носителями исторической информации. Кроме того, важные источники при раскрытии заявленной темы – систематизирован-

ные сборники, переводная литература, содержащие архивные документы, важную дополняющую информацию.

Методологической базой данного исследования является современный научно-методологический инструментарий, принципы историзма, системность и целостное изучение. Они позволили проанализировать общие закономерности рассматриваемых историко-культурных процессов. Изучение особенностей рассматриваемых вопросов, их связи с социально-политической и культурной обстановкой в обществе на различных исторических этапах проводилось на основе историко-типологического метода. Используемый междисциплинарный подход на стыке различных наук позволил более комплексно изучить рассматриваемые события и явления. Адекватный подход к анализируемым явлениям прошлого подразумевал использование сравнительно-исторического, историко-генетического, проблемно-хронологического, системно-структурного и других методов исследования.

Творчество А.С. Пушкина выходило далеко за рамки литературной деятельности. Исследовательская работа А.С. Пушкина в труде «История Пугачева» не нашла широкого отражения в исторической науке. Источники, сохранившие данные об исследовательской деятельности А.С. Пушкина над «Историей Пугачева», малочисленны. Преимущественно они нашли отражение в различных изданиях серии «Полное собрание сочинений А.С. Пушкина», в большей степени в IX томе большого академического издания сочинений А.С. Пушкина. Исторические источники, в которых сохранились сведения о данном исследовании А.С. Пушкина, включают также официальную переписку поэта с А.Х. Бенкендорфом, друзьями, близкими, письма жене во время исследования мест, связанных с Пугачевским восстанием.

Среди исследователей, раскрывающих данную тематику, необходимо выделить таких отечественных авторов, как Г.П. Блок, А.В. Западов, Г.Н. Волков, Р.В. Овчинников, В.А. Сбоев, Л.В. Черепнин, А.И. Чхидзе. С подробностями пребывания А.С. Пушкина в Чувашии знакомят чувашские авторы Ю.М. Артемьев, Е.В. Владимиров, С.М. Михайлов, Ю.Л. Славянский, В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Н.И. Ашмарин.

В представленной литературе исследуются исторические труды А.С. Пушкина, предпосылки его работы над темой Пугачевского восстания, обстановка, сопровождавшая создание «Истории Пугачева», предметно анализируются процессы становления автора в роли историка-профессионала. Отмечается, что он в числе первых среди российских историков стал использовать устные свидетельства современников исследуемых исторических событий. Отмечается его исследовательское мастерство.

В трудах чувашских исследователей прослеживается путь А.С. Пушкина по Пугачевским местам Чувашии. Несмотря на имеющиеся источники о поездке А.С. Пушкина по Пугачевским местам Поволжья, мало информации о его пребывании в Чувашии. Поэтому цель нашего исследования – проследить путь поэта из Нижнего Новгорода до Казани, отметить важность той роли, которую сыграл выходец из Чувашии Н.Я. Бичурин в его работе над «Историей Пугачева», о роли творчества поэта в развитии чувашского литературного языка, литературы, теории и методики перевода с русского языка на чувашский.

А.С. Пушкин – не только великий национальный поэт. Помимо этого, он был талантливым историком, критиком и журналистом, редактором и издателем журнала «Современник», который в 1880-х гг. был одним из лучших журналов современности, объединил лучших авторов – В.А. Жуковского, В.Ф. Одоевского, П.А. Вяземского, молодых литераторов Н.А. Дурову, А.В. Кольцова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фукс и др. [2. С. 149]. Его творческие изыскания оставили глубокий след в отечественной истории. А.С. Пушкин написал более 100 литературно-критических, публицистических статей и статей в жанре полемики, 50 из них было опубликовано в периодической печати при его жизни. Его журнальная биография начинается с 1824 г. В 1825 г. он сотрудничал в «Московском телеграфе». В «Литературную газету» пришел как критик, рецензент, острый полемист, вел борьбу с продажными «желтыми» буржуазными средствами массовой информации в России. Успел проявить себя в новом качестве незаурядного историка-исследователя и внес в историческую науку огромный вклад своими историческими трудами «История Пугачева», «Капитанская дочка».

«Он создал нас, он воспитал наш пламень...» [2. С. 101] – писал А.С. Пушкин об одном из передовых людей современности, ученом и публицисте, успешном педагоге Царскосельского лицея А.П. Куницыне. Отсюда его дружба с декабристами, публикации в альманахе «Полярная звезда». С середины 1820-х гг., преимущественно в 1830-е гг., А.С. Пушкин тщательно изучал массовые народные движения в России, все больше понимая их значение и причины. Отчасти и поэтому он навсегда связал свое имя с событиями тех лет, вождями народной вольницы Емельяном Пугачевым и Степаном Разиным. Поездка по местам восстания Пугачева предоставила ему новую информацию – свидетельства очевидцев, иной взгляд на события пугачевщины.

Великого гения русской поэзии А.С. Пушкина и Чувашию связывают его дружба с уроженцем Чува-

шии Н.Я. Бичуриным, приезд поэта в Чувашский край по следам Емельяна Пугачева, его первое крупное научное историческое произведение «История Пугачева», где есть сведения и о чувашах, переводы произведений поэта на чувашский язык чувашскими поэтами и писателями.

Посещение А.С. Пушкиным Чувашии в 1833 г. было связано с его работой над историческим произведением «История Пугачева», посвященным событиям крестьянской войны 1773–1774 гг., которая существенно потрясла российскую монархию, поменяла общественное самосознание [3. С. 54]. В ходе работы А.С. Пушкин счел необходимым изучить места событий крестьянской войны, в связи с чем 22 июля 1833 г. попросил разрешить ему посетить Казань и Оренбург. В ответе на запрос начальника канцелярии III Отделения А.Н. Мордвинова о причине планируемого путешествия А.С. Пушкин отметил, что уже несколько лет занимался историческими поисками с целью описания событий, произошедших в Оренбурге и Казани.

Получив разрешение императора Николая I, 17 августа 1833 г. он отправился из Петербурга. Путь поэта пролегал от Петербурга к Уральску, от Уральска к Болдино по следующему маршруту: Москва–Нижний Новгород–Чебоксары–Казань–Симбирск–Оренбург.

«Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, то есть на пятые сутки...» – писал А.С. Пушкин жене 2 сентября 1833 г.

23 сентября 1833 г. из Уральска А.С. Пушкин после г. Курени выехал в Болдино, куда прибыл 1 октября 1833 г. По Чувашии он передвигался по маршруту: Старый Сундырь–Чебоксары–д. Пихчурино (в настоящее время Ердово)–Исмели (в настоящее время Октябрьское)–с. Карачаево–Тюрлема–Свияжск. Во время поездки А.С. Пушкин интересовался судьбами чувашских городов Цивильска, Ядрина и Курмыши, жизнью и настроением чувашских крестьян. Пугачев тоже был в Цивильске, Курмыше и Ядрине. Данные о том, с кем конкретно из крестьян встречался поэт, не сохранились. В книге Е.В. Владимирова «Русские писатели в Чувашии» есть фотография дома в Октябрьском, где останавливался А.С. Пушкин.

В Чебоксарах А.С. Пушкин посетил центральные улицы: Соборную, на которой осмотрел Введенский собор (ныне ул. К. Иванова), Благовещенскую (ныне К. Маркса), Староблаговещенскую (ныне Ленинградская) и др. В архиве г. Чебоксары изучил документацию пугачевского времени, на станции сменил лошадей.

В своем историческом романе он показал широкое участие чувашского народа в пугачевской войне: «...Мордва, чуваша, черемисы перестали повиноваться русскому начальству... 18 июля вдруг устремился к Волге, на Кокшайский перевоз, в числе пятисот человек лучшего своего войска переправился на другую сторону. Он пошел на Цивильск... 20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру... и пошел к Ядринску» [4. С. 77–78].

А.С. Пушкина и Чувашию связывала дружба с уроженцем Чувашии Н.Я. Бичуриным (родился в 1777 г. в с. Акулево Цивильского уезда Казанской губернии),

выдающимся ученым мирового уровня, основоположником российского востоковедения, который в 1786–1799 гг. обучался в Казанской духовной семинарии (в 1798 г. преобразована в духовную академию). Благодаря трудам Н.Я. Бичурина в первой половине XIX в. российское востоковедение заняло ведущее положение в мировой ориенталистике [5. С. 35–44].

Востоковед и автор русско-китайского словаря Никита Яковлевич Бичурин блестяще владел китайским, перевел множество традиционных китайских текстов и как участник духовной миссии Российской империи прожил в Пекине почти 15 лет.

В 1828 г. Никита Яковлевич подарил поэту книгу «Описание Тибета» с дарственной: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения» [3. С. 255], в 1829 г. – книгу «Сань-Цзы-Цзин, или Троеслобие» (собрание древнекитайских изречений). Пушкин в своих дневниках пишет: «Никита пролил самый яркий свет на сношения наши с Востоком, открыл мне эту страну и пробудил во мне что-то глубокое, детское, неведомое». При личных встречах Никита Бичурин рассказал поэту много удивительных историй о далекой Поднебесной. Уже тогда тяга поэта к Китаю дала о себе знать, и начали строиться первые планы совместных путешествий. Н.Я. Бичурин делился с поэтом планами предстоящей экспедиции. У А.С. Пушкина было желание поехать с ними. Уже зимой 1829 г. была начата подготовка экспедиции в Китай при непосредственном участии Бичурина. Но когда А.С. Пушкин обратился к графу Бенкендорфу с просьбой включить его в состав русской миссии, поэту было отказано.

А.С. Пушкин, когда собирал материал о пугачевщине, заезжал в окрестности г. Чебоксары, родные места Н.Я. Бичурина. В «Истории Пугачева» он писал: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков мы обязаны отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с востоком» [4. С. 102].

Приезду поэта в Чувашию посвящены картины многих чувашских художников. Среди них «Сказка о попе и работнике его балде» В.Г. Бритвина, «У родника. А.С. Пушкин в Чувашии», «А.С. Пушкин и Н.Я. Бичурин в Петербурге», «А.С. Пушкин и Н.Я. Бичурин в кабинете» Н.В. Овчинникова, «Зимняя дорога», «У Лукоморья», «Пушкин в Чебоксарах» В.А. Панина, «Приезд Пушкина в чувашскую деревню» Н.К. Сверцова, «Приезд Пушкина в чувашскую деревню» Г.Д. Харлампьева (Пилеш), иллюстрации к «Маленьким трагедиям» Э.М. Юрьева.

Из Чувашии А.С. Пушкин отправился в Казань. Приехав ночью, остановился в гостинице. Весь следующий день, 5 сентября 1833 г., обходил боевые места – место схватки мятежников с войсками казанского гарнизона. Здесь же познакомился с Е.А. Баратынским. В Суконной слободе ему удалось опросить известного в городе свидетеля событий, старика Бабина, в сопровождении которого А.С. Пушкин посетил Арское поле (на нем пугачевцы стояли перед взятием Казани), Немецкое кладбище (на нем была расположена артиллерия), улицы Суконной слободы [6. С. 47].

7 сентября 1833 г. поэт повторно посетил боевые места. В этот же день А.С. Пушкин гостил у К.Ф. Фукса (1776–1846), профессора Казанского университета. В беседе с ним узнал много новых деталей о временах восстания, которые в дальнейшем были использованы им в историческом труде. От К.Ф. Фукса, который был хорошим знатоком местного края, А.С. Пушкин узнал о бывшем расположении лагеря Емельяна Пугачева, о взятии Пугачевым Казани, историю о помиловании самозванцем пастора, который в свое время дал Пугачеву милостыню. Эта история была описана в произведении «История Пугачева», обыграна в сюжетной линии исторического романа «Капитанская дочка». Бывший в плену у пугачевцев купец Крупенников подробно рассказал А.С. Пушкину обстоятельства случившегося пожара, уничтожившего основную часть Казани. Позже в письме супруге он отметил, что «не напрасно посетил эту сторону» [6. С. 47].

Когда гостил у Фуков, А.С. Пушкин познакомился с его супругой – русской поэтессой Александрой Андреевной Фукс (1805–1853). А.А. Фукс – уроженка с. Исенево Чебоксарского уезда, урожденная Апехтина. Она была хорошо знакома с Е.А. Баратынским, Д.П. Ознобишиным, Н.С. Арцыбашевым.

Эта встреча с Пушкиным, несомненно, сыграла огромную роль в дальнейшем творчестве А.А. Фуков. Она посвятила поэту несколько стихотворений. После отъезда А.С. Пушкина они вели переписку. А.А. Фукс посылала поэту свои произведения для публикации в журнале «Современник». Возможно, под влиянием этой встречи и своего супруга К.Ф. Фуков, который хорошо знал этнографию татар, она увлеклась этнографией, собирала материал о жизни и быте чувашей, совершила ряд этнографических поездок по Казанской губернии к чувашам, марийцам, удмуртам. К чувашам она ездила трижды: летом и осенью 1833 г. и зимой 1834 г. Первый раз сведения о чувашах она собирала в д. Исенево – имении своего брата, и в д. Новинск.

А.А. Фукс, исследуя чувашские и черемисские деревни, собирая необходимый материал, отправляла письма супругу. Он подсказывал ей, на что следует обратить внимание, о чем спрашивать, и в целом дополнил труд «Записки о чувашах и черемисах» собственными заметками, которые содержали литературные источники, личные наблюдения и статистические материалы.

Сочинение А.А. Фуков «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии» [7], написанное в распространенном тогда эпистолярном жанре, является одним из первых обстоятельных описаний этнографии чувашей. Книга вызвала разнообразные оценки критиков [8]. Особо можно выделить оценку деятельности А.А. Фуков писателя, критика, журналиста, редактора первого русского массового «толстого журнала» «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского, который отмечал: «...Прежде я чувствовал к чувашам и черемисам только холодное любопытство: теперь, по прочтении “Записок” госпожи Фуков, и “Ответов” господина Фукова на ее записки, я люблю их, как родных... О них писали Паллас, Георги, Миллер, господина Эрдемана, Клапрот, Аноров, Леопольдов. Госпожа Фуков еще

умножила прежние источники новыми и многочисленными текстами чувашской народной поэзии, несравненно лучшими материалами» [9; 10. С. 93].

О.И. Сенковский здесь перечисляет имена первых зарубежных и русских исследователей чувашской этнокультуры 1800–1840 гг. Отметим, что книга Г.Ф. Миллера [11] представляет собой полное оригинальное исследование чувашей, мари и удмуртов. Благодаря работе П.С. Палласа [12] мир узнал о жизни и быте неизвестных ранее народов Восточной Сибири, в том числе и чувашей. Труд И.И. Георги [13] является важнейшим первоисточником по изучению культуры народов Поволжья.

Следующие исследования вопросов этнокультуры чувашей относятся к середине 1840-х – 1850-м гг. Здесь можно назвать основные труды А.А. Фукс, В.А. Сбоева, С.М. Михайлова.

Писатель и этнограф, профессор Казанского университета В.А. Сбоев основательно изучил накопившуюся к середине XIX в. этнографическую литературу о чувашах, подверг серьезной критике труды Ф. Страленберга, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, Н.П. Рычкова, И.И. Лепехина, А. Леопольдова, А.А. Фукс. Он находит в них неточности, подчеркивает также их достоинства. В.А. Сбоев подвергает детальной критике очерк А.А. Фукс, обвиняя ее в том, что она описывала чувашские праздники «частью неверно, частью неполно» [14]. Но нужно отметить, что казанская поэтесса, собирая материал о жизни и быте чувашей, внесла значительный вклад в изучение чувашской духовной и материальной культуры, представляющий интерес для современной науки [15. С. 97].

Глубокий интерес и внимание творческому наследию русского поэта проявлял первый чувашский этнограф, историк и писатель Спиридон Михайлович Михайлов. Выходец из чувашей, он испытал влияние этнографических, исторических и статистических трудов своего времени. Особо тщательно были изучены им «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии» А.А. Фукс и «Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах» В.А. Сбоева. Вопросы, которые ими были обойдены вниманием, он стремился глубже осветить в своих трудах, пополняя сведения этнографов раннего периода. Он внес вклад в изучение темы восстания Пугачева в Поволжье [16].

Через перевод происходит проникновение одной литературы в другую. Художественные произведения А.С. Пушкина дошли до чувашского читателя и через художественный перевод, что оказало благотворное влияние на развитие чувашской литературы.

Первые переводы произведений А.С. Пушкина на чувашский язык предположительно принадлежат перу В. Ислентьева. Хотя он был русским, за 15 лет проживания среди чувашей хорошо изучил их язык. В 1866 г. он открыл школу в Шинерпосях и работал там учителем. Для учащихся переводил стихи русских поэтов, в том числе А.С. Пушкина. Одним из первых его учеников был Михаил Федорович Федоров. Он начал перевод баллады А.С. Пушкина «Бесы» и на ее примере написал балладу «Леший» на чувашском языке. Таким образом, он заложил основу жанра поэмы в чувашской

литературе. Сам М.Ф. Федоров пишет: «Взялся переводить поэму “Бесы” А.С. Пушкина. Перевод давался туго. Тогда появилась мысль написать из чувашской жизни подобное» [17. С. 125]. Это было первое большое литературно-художественное произведение на чувашском языке, появившееся во второй половине XIX в.

В 1899 г., к 100-летию юбилею А.С. Пушкина, его стихи «Романс», «Зимний вечер» и две главы романа «Евгений Онегин» перевел чувашский поэт Яков Васильевич Турхан. К сожалению, они не были опубликованы, а распространены лишь в рукописи. В 1903–1904 гг. доктор исторических наук, профессор, первый редактор первой чувашской газеты «Хыпар» Н.В. Никольский включил их в свою рукописную антологию чувашской поэзии. Я.В. Турхан сочинил к «Романсу» мелодию, и чувашаи пели его на родном языке.

По свидетельству автора трудов по чувашской этнологии, истории, писателя и переводчика Г.И. Комиссарова, в 1903 г. Гаврил Кореньков во время учебы в Симбирске перевел «Сказку о рыбаке и рыбке». В архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук хранится переписанный им в 1914 г. текст перевода этой сказки [18].

К ранним переводам произведений А.С. Пушкина на чувашский язык относятся также переводы Ивана Степанова (Шатаева). Стихотворения «Осень», «Кавказ», «Тамань», отрывки из «Евгения Онегина» и повести «Капитанская дочка» в 1907 г. вошли в книгу для внеклассного чтения учащихся начальных классов А. Баранова. Для своего времени они играли огромную роль в ознакомлении чувашских детей с творчеством великого русского поэта.

В то время, когда жил А.С. Пушкин, еще не было новой чувашской письменности. До революции произведения великого поэта были переведены на 14 языков. К их числу можно отнести и перевод на чувашский язык поэмы «Полтава». Книга вышла в 1912 г., переиздана в 1921 г. в Казани. Известно, что перевел ее Гаврил Тихонов Калкай в 1908 г.

В фонде рукописей Н.В. Никольского хранится перевод поэмы А.С. Пушкина «Цыганы» Алексея Милли, который вошел в чувашскую поэзию как переводчик.

В Симбирской чувашской школе выдающимся просветителем чувашского народа И.Я. Яковлевым и его талантливыми учениками были переведены многие произведения А.С. Пушкина и включены в книги для чтения по родному языку для чувашских школ. Произведения А.С. Пушкина оказали серьезное влияние на творчество известного чувашского поэта К.В. Иванова.

Многие чувашские писатели и поэты учились у А.С. Пушкина правдивому изображению прошлого и современной жизни. Его произведения переводили известные чувашские поэты и писатели С.В. Эльгер, В.Е. Митта, Н.Ф. Ильбеков, Я.Г. Ухсай, А.Е. Алга, С. Шавлы (С. А. Шумков), А.С. Артемьев, И.Н. Ивник, М.Я. Сироткин, В.А. Долгов, А.Д. (Антонов) Калган, Ю.Г. (Григорьев) Айдаш, Ю.С. (Семенов) Семендер, Н.А. Теветкел, Г.А. Ефимов, П.В. Афанасьев, Г.Ф. Юмарт, М.А. Ставский и др. Особенно благотворное влияние поэзии и личности А.С. Пушкина испытывал на себе

чувашский народный поэт П.П. Хузангай. Его можно считать основным переводчиком произведений русского классика на чувашский язык. Переводы романа «Евгений Онегин», трагедии «Борис Годунов», поэм «Полтава», «Цыганы», «Медный всадник», «Граф Нулин» и другие отличаются особым мастерством художественного перевода.

Произведения А.С. Пушкина, переведенные на чувашский язык, отдельными книгами начали выходить в 1930-е гг. В их числе «Борис Годунов» (пер. В. Митта 1937, 1971), «Дубровский» (пер. Н. Васянка, 1968), «Дубровский» (пер. Н. Васянка и М. Сироткин, 1970), «Евгений Онегин» (пер. П. Хузангай, 1950), «Маленькие трагедии» (пер. Н. Янкас, И. Ивник, 1938) [19], «Полтава» (пер. П. Хузангай, 1947) [20], «Руслан и Людмила» (пер. А. Алга, 1959), «Сказка о царе Салтане» (пер. Г. Ефимов, 1987), «Стихи» [21] (пер. Н. Янкас, 1957), «Сказки для детей младшего и среднего школьного возраста» (пер. Г.Ф. Юмарт, И.Ф. Трофимов, 2009) и др.

В 1983 г. Чувашское книжное издательство выпустило книгу под названием «Маленькие трагедии», куда вошли переводы П.П. Хузангай, Ю.Г. (Григорьева) Айдаша, Г.А. Ефимова.

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина усилилось внимание к его творческому наследию. В этот период был выпущен ряд сборников лучших стихотворений поэта: «Есть в мире сердце, где живу я...» и «А голос Пушкина сильней».

В 2004 г. Г.Ф. Юмарт издал книгу «А.С. Пушкин звучит на чувашском», в которой отметил значимость его деятельности в культуре Чувашии.

Чувашский поэт В. Тургай перевел 65 стихотворений и издал новый поэтический сборник избранных стихотворений великого поэта А.С. Пушкина «А сердце оставляю вам» (2017).

Почти все произведения А.С. Пушкина переведены на чувашский язык. Нужно отметить, что это способствовало не только развитию чувашской литературы, нового чувашского литературного языка, но и становлению и развитию теории и практики художественного перевода с русского на чувашский язык.

Несмотря на имеющиеся источники о поездке А.С. Пушкина по местам восстания Пугачева в Поволжье, мало информации о его пребывании в Чувашии. В трудах чувашских исследователей собраны предания и обобщено их содержание (Н.В. Никольский, С.М. Михайлов и др.). Имеются публикации в районных и городских газетах Чувашской Республики, но они требуют уточнения и систематизации.

Важную роль в поездке великого гения русской поэзии А.С. Пушкина по местам восстания Пугачева сыграл его друг чуваш Н.Я. Бичурин. Собирая материал о Пугачеве, историк-исследователь А.С. Пушкин заезжал в родные места Н.Я. Бичурина.

Жители Чувашской Республики гордятся приездом поэта, журналиста, публициста и историка А.С. Пушкина в Чувашию. Эта тема всегда была и остается актуальной для жителей республики, писателей, поэтов, художников, артистов. Данному событию посвящены картины чувашских художников, стихи поэтов. Молодые журналисты организовали карту маршрута экскурсии по местам А.С. Пушкина в Чувашии.

Поездка А.С. Пушкина по сбору материала для исторического произведения «История Пугачева» через Чебоксары в Казань, его встреча с четой Фуков, переписка с ними способствовали развитию творчества А.А. Фука, в частности появлению очерка «Поездка из Казани в Чебоксары» – одного из серьезных трудов по этнографии чуваш этого периода, ее участию в «Современнике» и казанской печати.

Многие ранние переводы поэзии и прозы А.С. Пушкина на чувашский язык не опубликованы, они хранятся в архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. К сегодняшнему дню чувашскими писателями и поэтами переведены на чувашский язык все произведения поэта.

Творческое наследие А.С. Пушкина, переводы его произведений на чувашский язык сыграли огромную роль в зарождении и становлении чувашской литературы, чувашского литературного языка, теории и практики перевода с русского на чувашский язык. А.С. Пушкин – один из самых переводимых и читаемых русских поэтов в Чувашской Республике.

Список источников

1. Олег Николаев: «Реализация “Пушкинской карты” должна быть продолжена в 2022 году» // Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. 2022. 28 янв. URL: <https://culture.cap.ru/news/2022/01/28/oleg-nikolaev-realizaciya-pushkinskoj-karti-dolzhn>
2. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А.В. Западова. М. : Высшая школа, 1973. 517 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 382 с.
4. Пушкин А.С. Из истории Пугачева // Чуваши в русской литературе и публицистике : в 2 т. / сост. Ф.Е. Уяр. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. Т. 1. С. 102.
5. Энциклопедия чувашской журналистики и печати / сост. В.И. Зырянов, В.П. Комиссаров, Н.А. Осипова. Чебоксары : Союз журналистов Чувашской Республики, 2014. 560 с.
6. Шакиров И. Путешествие Пушкина в Оренбургский край // Ватандаш. 2017. № 11. С. 47.
7. Фука А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань : Тип. Имп. Казанского ун-та, 1840. 333 с.
8. Сигов Г. Замечания чувашского жителя на статью «Поездка в Чебоксары» // Заволжский муравей. Казань, 1834. Ч. 3, вып. 23. С. 507–516.
9. Аноров П.А. Нравы и поверья у чуваш // Сын Отечества. 1838. Т. 3. С. 195–204.
10. Сенковский О.И. Чуваши, их происхождение и верования. По поводу сочинения «Записки Александры Фука о чувашах и черемисах Казанской губернии» // Чуваши в русской литературе и публицистике : в 2 т. / сост. Ф.Е. Уяр. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. Т. 1. С. 93.
11. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб. : Имп. Акад. наук, 1791. 99 с.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. : Имп. Акад. наук, 1773. 786 с.
13. Георги И.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб. : Имп. Акад. наук, 1799. 246 с.

14. Сбоев В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии. Заметки о чувашах. Казань : Изд. книгоготорговца Дубровина, 1856. 188 с.
15. Хрестоматия по культуре чувашского края : дореволюционный период / сост. Н.И. Егоров, М.Г. Данилова. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2001. 255 с.
16. Михайлов С.М. Воспоминания чуваш о пугачевщине. Чебоксары, 1860. 90 с.
17. Артемьев Ю.М. Чувашская литература. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2003. 234 с.
18. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН). Архив. Отд. 5. Упр. 94. Л. 3.
19. Пушкин А.С. Пёчѣк трагедисем. Хыт кукар рыцѣр. Чул хăна / Н. Янкаста И. Ивник кусарнă. Шупашкар : Чăвашгосиздат, 1938. 83 с.
20. Пушкин А.С. Полтава / Петѣр Хусанкай кусарнă. Шупашкар : Чăвашгосиздат, 1947. 78 с.
21. Пушкин А.С. Сăвăсем / вырăсларан Н. Янкас кусарнă; В.И. Краснов-Асли пѣтѣмѣшле редакциленѣ. Шупашкар : Чăвашсен патшалăх издательстви, 1937. 32 с.

References

1. Nikolaev, O. (2022) Realizatsiya "Pushkinskoy karty" dolzhna byt' prodolzhen v 2022 godu [The "Pushkin Card" should work up to 2022]. *Ministerstvo kul'tury, po delam natsional'-nostey i arkhivnogo dela Chuvashskoy Respubliki*. 28th January. [Online] Available from: <https://culture.cap.ru/news/2022/01/28/oleg-nikolaev-realizatsiya-pushkinskoj-karti-dolzhen>
2. Zapadov, A.V. (ed.) (1973) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th – 19th Century]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnye vremena* [Collected information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow: USSR AS.
4. Pushkin, A.S. (2001) Iz istorii Pugacheva [From the history of Pugachev]. In: Uyar, F.E. (ed.) *Chuvashi v russkoy literature i publitsistike* [Chuvashes in Russian Literature and Journalism]. Vol. 1. Cheboksary: Chuvash State University. p. 102.
5. Zyryanov, V.I., Komissarov, V.P. & Osipova, N.A. (eds) (2014) *Entsiklopediya chuvashskoy zhurnalistiki i pechati* [Encyclopedia of Chuvashes Journalism and Press]. Cheboksary: Union of Journalists of the Chuvashes Republic.
6. Shakirov, I. (2017) Puteshestvie Pushkina v Orenburgskiy kray [Pushkin's Journey to the Orenburg Region]. *Vatandash*. 11. p. 47.
7. Fuks, A.A. (1840) *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoy gubernii* [Notes on the Chuvashes and Cheremiss of the Kazan province]. Kazan: Kazan University.
8. Sigov, G. (1834) Zamechaniya chuvashskogo zhitelya na stat'yu "Poezdka v Cheboksary" [Comments of a Chuvash resident on the article "A Trip to Cheboksary"]. *Zavolzhskiy muravey*. 3(23). pp. 507–516.
9. Anorov, P.A. (1838) Nrawy i pover'ya u chuvash [Customs and Beliefs of the Chuvash]. *Syn Otechestva*. 3. pp. 195–204.
10. Senkovskiy, O.I. (2001) Chuvashi, ikh proiskhozhdenie i verovaniya. Po povodu sochineniya "Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoy gubernii" [The Chuvash, Their Origin and Beliefs. Regarding the essay "Notes by Alexandra Fuchs on the Chuvash and Cheremiss of Kazan Province"]. In: Uyar, F.E. (ed.) *Chuvashi v russkoy literature i publitsistike* [Chuvashes in Russian Literature and Journalism]. Vol. 1. Cheboksary: Chuvash State University. p. 93.
11. Miller, G.F. (1791) *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoy gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of the pagan peoples living in the Kazan province, such as the Cheremis, Chuvashes, and Votyaks]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
12. Pallas, P.S. (1773) *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy imperii* [Travel through different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
13. Georgi, I.I. (1799) *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov. Ikh zhitel'skikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhne-niy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey* [Description of all the peoples living in the Russian state. Their everyday rites, customs, clothing, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorable things]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
14. Sboev, V.A. (1856) *Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoy gubernii. Zametki o chuvashakh* [Research on non-Russians of the Kazan Province. Notes on the Chuvashes]. Kazan: Izd. knigotorgovtsa Dubrovina.
15. Egorov, N.I. & Danilova, M.G. (eds) (2001) *Khrestomatiya po kul'ture chuvashskogo kraja: dorevoljutsionnyy period* [A Reader on the Culture of the Chuvashia Region: The Pre-Revolutionary Period]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
16. Mikhailov, S.M. (1860) *Vospominaniya chuvash o pugachevshchine* [Memories of the Chuvashes about the Pugachev Rebellion]. Cheboksary: [s.n.].
17. Artemiev, Yu.M. (2003) *Chuvashskaya literatura* [Chuvashia Literature]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
18. The Chuvashia State Institute of Humanities (ChGIGN). Archive Section 5. Order 94. p. 3.
19. Pushkin, A.S. (1938) *Pechek tragedisem. Khyt kukar rytsar. Chul khana*. Shupashkar: Chăvashgosizdat.
20. Pushkin, A.S. (1947) *Poltava / Petër Khusankay kuçarnă*. Shupashkar: Chăvashgosizdat.
21. Pushkin, A.S. (1937) *Săvăsem*. Shupashkar: Chăvashsen patshalăkh izdatel'stvi.

Сведения об авторах:

Данилов Андрей Анатольевич – доцент, доктор исторических наук, профессор кафедры журналистики факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия). E-mail: danilov.andrey@mail.ru

Данилова Маргарита Гавриловна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия). E-mail: danilova1956@gmail.com

Комиссаров Валерий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия). E-mail: valerijkomissarov134@gmail.com

Данилов Анатолий Порфирьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия). E-mail: anatoliy.p.danilov@gmail.com

Эшкерат Амин Мухамад – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики факультета русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия). E-mail: eshkeratamin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Danilov Andrey A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Journalism of Faculty of the Russian and Chuvash Philology and Journalism Ulianov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: danilov.andrey@mail.ru

Danilova Margarita G. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Journalism of Faculty of the Russian and Chuvash Philology and Journalism Ulianov Chuvash State University (Cheboksary. Russian Federation). E-mail: Danilova1956@gmail.com

Komissarov Valery P. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Journalism of Faculty of the Russian and Chuvash Philology and Journalism Ulianov Chuvash State University (Cheboksary. Russian Federation). E-mail: valerijkomissarov134@gmail.com

Danilov Anatoliy P. – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Journalism of Faculty of the Russian and Chuvash Philology and Journalism Ulianov Chuvash State University (Cheboksary. Russian Federation). E-mail: anatoliy.p.danilov@gmail.com

Eshkerat Amin Muhamad – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of Journalism of Faculty of the Russian and Chuvash Philology and Journalism Ulianov Chuvash State University (Cheboksary. Russian Federation). E-mail: eshkeratamin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 14.02.2022; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/19988613/93/21

«Картины из истории службы Сибирского казачьего войска»: к вопросу авторства, истории создания, «утраты» и находки ценного источника

Ольга Петровна Дорошенко

Томский институт переподготовки кадров и агробизнеса, Томск, Россия, dor@tipkia70.ru

Аннотация. На основании изучения неопубликованных архивных документов выясняется и детализируется история замысла и создания акварелей Н.Н. Каразина, вошедших в историческую литературу под названием «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска». Впервые дается оценка роли и места историка сибирского казачества Г.Е. Катанаева в создании акварелей. Сравнение списка сохранившихся в Российской государственной библиотеке акварелей и списка фотокопий из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея позволяет установить название всех 27 акварелей оригинального альбома.

Ключевые слова: история Сибири, Г.Е. Катанаев, Сибирское казачье войско, альбом по истории сибирских казаков, «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска», акварели Н.Н. Каразина

Для цитирования: Дорошенко О.П. «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска»: к вопросу авторства, истории создания, «утраты» и находки ценного источника // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 167–174. doi: 10.17223/19988613/93/21

Original article

“Pictures from the history of the service of the Siberian Cossack Army”: to the question of authorship, history of creation, “loss” and finding a valuable source

Olga P. Doroshenko

Tomsk Institute of Retraining and Agribusiness, Tomsk, Russian Federation, dor@tipkia70.ru

Abstract. The article is devoted to the history of creating N. N. Karazin's watercolors «Pictures from the history of the service of the Siberian Cossack Army». The author notes that these paintings are not sufficiently appreciated as a unique historical source and are not widely known to Russian researchers, and the history of their creation is little studied. The main task of the research is to find out the place and role of the famous public and scientific figure, historian of the Siberian Cossacks G. E. Katanaev in the creation of watercolors. The author of the article manages to consistently trace and show the history of the idea and creation, as well as the «loss» and finding of a valuable source on the history of the Siberian Cossacks. Comparative analysis of the list preserved in the Russian State Library (RSL, Moscow) of aquarelle works and the list of photocopies from the collections from the Omsk State Museum of Local Lore (OSMOLL) allows the author to establish the name (and story content) of all 27 watercolors, the original album, long considered lost. Analysis of the few articles directly or indirectly devoted to «Pictures from the history of the service of the Siberian Cossack Army» and previously unpublished documents preserved in the personal Fund of G. E. Katanaev leads the author to the following conclusions:

- The album of watercolors is interesting not only from an artistic point of view, but also as a valuable historical source;
- The idea of creating paintings from the life of the Cossacks, as one of the components of the plan of G. E. Katanaev to write a «Historical sketch of the service of the Siberian Cossacks», was first expressed by him in a letter addressed to the Steppe Governor-General G. A. Kolpakovsky on September 25, 1888.;
- Initially, «pictures from life» were conceived by G. E. Katanaev in order to popularise the historical past of the Siberian Cossacks among ordinary Cossacks;

It is necessary to recognize the «primacy» of texts in relation to watercolors;

- «Paintings from the history of the service of the Siberian Cossack Army» are based not on the artist's imagination, but on a documentary historical truth.

In conclusion, the author emphasizes that the watercolors of N. N. Karazin and the texts to them by G. E. Katanaev are a unique source on the history of not only the Siberian Cossacks and Siberian «foreigners», but also of all Siberia and the Steppe Region as a whole. The album of watercolors belongs to the visual type of historical sources, its value is primarily in clarity and documentality. Watercolors carry not only historical knowledge, but also a deep educational meaning, instilling a sense of pride and patriotism.

Keywords: history of Siberia, G.E. Katanaev, Siberian Cossack Army, Album on the history of the Siberian Cossacks, “Paintings from the history of the service of the Siberian Cossack army”, watercolors by N.N. Karazin

For citation: Doroshenko, O.P. (2025) "Pictures from the history of the service of the Siberian Cossack Army": to the question of authorship, history of creation, "loss" and finding a valuable source. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 167–174. doi: 10.17223/19988613/93/21

Развитие Интернета и «взрыв» использования World WideWeb в 1990-х гг. предоставили новую технологию для установления контактов и обмена информацией между научными и культурными учреждениями по всему миру. Был дан толчок развитию Мировой цифровой библиотеки (World Digital Library). Программа Национальной цифровой библиотеки (входит в ведомство Библиотеки Конгресса США), начатая в 1995 г., была одной из первых серьезных попыток привлечь Интернет для распространения высококачественных просветительных и культурных материалов в цифровом формате, которые могли бы быть использованы исследователями и широкой общественностью.

Идея проекта «Встреча на границах» (Meeting of Frontiers) возникла в 1997–1998 гг. в ходе дискуссий между членами Конгресса США. Цель проекта состояла в том, чтобы представить параллельные и взаимосвязанные повествования о Сибири, Дальнем Востоке России, Аляске и американском Западе на основе редких и уникальных документов из этих регионов и об этих регионах. Проект финансировался Конгрессом США и проводился под руководством Библиотеки Конгресса. В нем приняли участие более 50 библиотек, музеев и других учреждений культуры США, Канады, Германии и России. В ноябре и декабре 1999 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве между Библиотекой Конгресса США, Российской государственной библиотекой (РГБ, Москва) и Российской Национальной Библиотекой (РНБ, Санкт-Петербург) в рамках проекта создания цифровой библиотеки «Встреча на границах». В декабре 1999 г. был запущен сайт, в январе 2001 г. на сайт были добавлены первые цифровые изображения. Проект активно развивался до 2004 г., затем на протяжении нескольких лет был заморожен, сайт «Встречи на границах» долгое время не пополнялся. В 2016 г. проект был возобновлен, продолжилась совместная работа участников проекта как по оцифровке документов, так и по организации совместной выставочной деятельности. Проект «Встреча на границах» стал важной частью многих образовательных программ в Америке и России, он также используется Фондом интернет-образования.

«Встреча на границах» – двуязычная (англо-русская) цифровая библиотека, представленная разными средствами информации: изображениями из коллекций редких книг, рукописей, фотографиями, картами, фильмами и звукозаписями, принадлежащими Библиотеке Конгресса, Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, Государственной библиотеке Гёттингенского университета, библиотеке Института истории Сибирского отделения Российской академии наук и другим партнёрам проекта из России и США. Многие из первоисточников, включенных в проект «Встреча на границах», никогда ранее не публиковались или являются чрезвычайно редкими. Материалы цифровой библиотеки повествуют об освоении и заселении американского Запада, о проис-

ходившем параллельно освоении и заселении Сибири и российского Дальнего Востока. История освоения новых территорий обеими странами имела много общего – и в отношении свободы и возможностей, которые они предлагали, и в отношении конфликтов и трудностей, с которыми сталкивались как переселенцы, так и местные жители. Цифровой контент проекта «Встреча на границах» включает ряд коллекций. В составе коллекции фотографий и эстампов — Альбом по истории сибирских казаков (Album of Siberian Cossack History), который, к сожалению, недостаточно оценен и не очень широко известен российским исследователям, а история создания этого уникального документа, на наш взгляд, мало изучена.

В личном фонде Г.Е. Катанаева в Историческом архиве Омской области (ИАОО. Ф. 366) сохранились неопубликованные документы, изучение которых позволяет восстановить и детализировать историю замысла и написания этого альбома и определить место и роль Г.Е. Катанаева в создании ценного исторического источника, что и является основной задачей данного исследования.

Речь идет об альбоме акварелей Н.Н. Каразина, на которых изображены сюжеты из истории Сибирского казачьего войска. Они были написаны в дар наследнику престола Цесаревичу Николаю Александровичу и переданы ему (наряду с другими подарками) во время посещения г. Омска в 1891 г.

Вторая половина XIX в. в России характеризовалась всплеском интереса к Востоку. В 1890–1891 гг. состоялась 300-дневная поездка Цесаревича Николая в страны Азии – «в ту сторону, куда лежит историческая дорога, по которой продвигается русский народ», – как писал историограф путешествия князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший Цесаревича в поездке, в своей книге «Путешествие на Восток наследника цесаревича» [1]. Первый том под названием «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891» вышел в свет в 1893 г.; второй и третий – в 1895 и 1897 гг., уже под названием «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)». При возвращении из Владивостока в Санкт-Петербург Цесаревич посетил ряд сибирских территорий и городов, в том числе и Степное генерал-губернаторство с административным центром в Омске. Кстати, раздел о «знаменательном проезде» по территории Сибирского казачьего войска под названием «В районе Степного генерал-губернаторства» (3-й том) Э.Э. Ухтомский пишет по воспоминаниям полковника Г.Е. Катанаева – будущего историографа Сибирского казачьего войска. [1. С. 161–185].

Как только стало известно, что Августейший Атаман всех казачьих войс «изволит посетить» Степное генерал-губернаторство и именно северную часть территории Сибирского войска, по приказанию Наказного Атамана генерала от кавалерии барона М.А. Таубе

составлена была «особая комиссия из представителей наиболее причастных к встрече ведомств с возложением на нее обязанности, с одной стороны, выработать программу встречи и чествования, а с другой стороны, обеспечить благополучное проследование Его Императорского Высочества по Горькой и Пресногорьковской казачьим линиям» [1. С. 161]. В комиссию вошли: от лица генерал-губернатора – правитель его канцелярии В.С. Лосевский; от Сибирского казачьего войска – председатель войскового хозяйственного правления полковник Г.Е. Катанаев, от города Омска – бывший его голова Э.И. Эзет (а затем вновь избранный голова – генерал-майор А.В. Старков); от почтово-телеграфного ведомства – управляющий Омским округом И.А. Павлов; от городского духовенства – благочинный Градо-Омских церквей протоиерей Недосеков, от полиции – Омский полицеймейстер Е.П. Шмонин. Председателем комиссии был назначен исполнявший в то время должность Начальника окружного штаба генерал-майор Ф.Ф. фон Таубе, делопроизводителем – есаул Н.Г. Путинцев.

В последние три дня перед приездом в Омск Государя Цесаревича с разрешения Степного генерал-губернатора в здание войскового правления был открыт доступ городской публике для осмотра занимавшей целую комнату выставки всех собранных уже к этому времени «подношений Государю Цесаревичу от усердия Сибирского и Семиреченского войск», офицерства, станичников и отдельных лиц. В качестве собственно подарков для Его высочества «усердными трудами» чинов войсковой межевой партии под руководством ее начальника, войскового старшины Калачева, была подготовлена «подробная прекрасно выполненная в несколько красок карта Горькой и Пресногорьковской линий Сибирского казачьего войска, по которым надлежало следовать Его Высочеству, с особым футляром для этой карты, к наружной стороне которого была прикреплена серебряная доска с эмалью изображением на ней всей территории Сибирского казачьего войска» [1. С. 164]. Кроме этого, были представлены: 1) Составленный Г.Е. Катанаевым по данным статистического отдела войскового правления «Путеводитель по Пресно-горьковской линии» (с картой всего Сибирского казачьего войска в 40-верстном масштабе); 2) Труд есаула Н.Г. Путинцева – «Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска на ныне занимаемой им территории»; 3) Преподносимое от Сибирского казачьего войска серебряное блюдо с солонкой (от общества казаков станицы Омской), выполненные по заказу войскового хозяйственного правления и «по мысли полковника Г.Е. Катанаева» [1. С. 164]. В центре блюда были изображены три накрест расположенных знамени, вокруг них надпись: «Августейшему Атаману усердное подношение Сибирских казаков. 1891-й г.» На полях блюда по рисункам художника Н.Н. Каразина были изображены шесть моментов из истории службы Сибирского войска; 4) Великолепное серебряное подношение казаков станицы Атбасарской (по заказу полковника Г.Е. Катанаева), изображающее вершника на гранитной скале, украшенной серебряными во-

енными арматурами, выполненное с рисунка Н.Н. Каразина; 5) До 50 больших картонов с фотографиями из природы и жизни Сибирского казачьего войска (труды офицеров Сибирского казачьего войска, в том числе и Г.Е. Катанаева) в особом футляре, имевшем вид альбома с надписью серебряными буквами «Августейшему атаману, от офицеров Сибирского казачьего войска». И, наконец, «двадцать семь разложенных по особым горкам акварельных рисунков из истории службы Сибирского казачьего войска», составлявших, по свидетельству Э.Э. Ухтомского, «в своем роде украшение выставки» [1. С. 165]. Сопровождал Цесаревича по импровизированной выставке Г.Е. Катанаев, который в течение часа докладывал о том, что «ему казалось заслуживающим внимания Высокого путешественника и чем Его Высочество, видимо, изволил интересоваться» [1. С. 175]. Конкретно содержание самих акварелей Г.Е. Катанаев докладывал Государю Цесаревичу в течение почти получаса, и Его Высочество «имел терпение внимательно слушать эти объяснения» [2. Л. 140]. Г.Е. Катанаев состоял при наследнике Цесаревича в качестве «сведущего человека» и во время пребывания его в Омске с 14 по 16 июля 1891 г., и при проезде на лошадях от Омска до Оренбургской границы.

Подаренные Цесаревичу акварели – работы замечательного художника, «боевого баталиста», этнографа и писателя Николая Николаевича Каразина, вошедшие в историческую литературу как «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска». Оригинальный альбом (полный комплект) состоял из 27 листов акварелей 39 × 29 см и [27] л. текста. Стоили акварели 1 700 рублей [2. Л. 140]. Альбом был посвящен истории казачества восточнее Урала за более чем трехсотлетний период. Пояснительные тексты к акварелям были отпечатаны в типографии штаба Омского военного округа на отдельных листах (по одному листу для каждой акварели, по странице с двух сторон). Пояснительные тексты содержали название и описывали сюжетную линию представленного на акварели исторического эпизода (события).

В 1891 г. по заказу Г.Е. Катанаева известный фотограф Н.Н. Лоренкович выполнил фотокопии с акварелей художника Н.Н. Каразина для Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) [3. С. 124]. С 1891 г. Г.Е. Катанаев исполнял обязанности председателя Отдела, а в 1893 г. был избран и председателем ЗСИОРГО. В свое время он передал в фонды музея отдела фотографии, сделанные во время пребывания Цесаревича в Омске, в том числе и фотографии (фотодубликаты) альбомов, преподнесенных казаками. Исследователь фотоколлекций в фондах Омского государственного историко-краеведческого (ОГИК) музея Л.П. Полоницкая делает вывод, что именно поступление в ЗСОИРГО фотоальбома с копиями акварельных рисунков Н.Н. Каразина «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска» явилось началом формирования этой фотоколлекции (фотофонда историко-краеведческого музея) [3. С. 121]. А исследователь истории костюма сибирского казачества конца XIX – начала XX в. О.Н. Дербуш насчитала в числе изобразительных ис-

точников в фондах ОГИК музея 36 фотокопий с акварелей Н.Н. Каразина [4. С. 245].

Оригинальные акварели Н.Н. Каразина были вывезены в Санкт-Петербург и в составе коллекции предметов, привезенных Цесаревичем из «восточного путешествия», в течение двух зим, по свидетельству Э.Э. Ухтомского, хранились в Аничковом и Зимнем дворцах, а зимой 1893–1894 гг. экспонировались в рамках выставки, с благотворительными целями устроенной генерал-адъютантом Посыетом и Н.А. Сытенко (от имени Императорского Общества спасения на водах) в роскошных залах Эрмитажа [1. Эпилог] (по воспоминаниям самого Г.Е. Катанаева, акварели «два раза выставлялись для осмотра публики» [2. Л. 140]). В ходе организации участия ЗСОИРГО во Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. Г.Е. Катанаев вносит «собрание фотографических снимков с акварелей Н.Н. Каразина» в составленный им перечень предметов, которые желательно иметь в Степном отделе (подотделе) выставки [5]. Вместе с тем в январе 1896 г. он обращается к сенатору П.П. Семенову (принявшему на себя заведывание Сибирским отделом Нижегородской выставки) с просьбой о содействии в получении оригинала альбома каразинских акварелей для его экспонирования. «Было бы крайне желательно, – писал Г.Е. Катанаев, – чтобы были выставлены именно эти акварели, а не фотографические снимки с них. Они были бы чрезвычайно ценным приобретением для Степного отдела, <...> сильно освежили бы прошлое Степи и оттенили бы контраст прошлого и настоящего» [2. Л. 140]. Вероятно, оригинал альбома получить не удалось, и на выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде были выставлены фотографии альбома, они же экспонировались и на Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске в 1911 г. [3. С. 124].

Долгое время не было никаких свидетельств об опубликовании акварелей Н.Н. Каразина ни отдельным изданием, ни в составе каких-либо альбомов. В 1934 г. члены Войскового представительства Сибирского казачьего войска в Харбине и оказавшиеся в эмиграции казаки-литераторы издали 1-й выпуск Войскового юбилейного сборника «Сибирский казак» [6]. В числе иллюстраций сборника были и репродукции акварелей, выполненные, вероятно, по сохранившимся фотокопиям. В 2000 г. был издан альбом «Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий», в котором были впервые опубликованы многие интереснейшие фотографии из богатого фонда Омского государственного историко-краеведческого музея [7. С. 344]. Несомненно, обогатило издание и использование акварелей «выдающегося рисовальщика» Н.Н. Каразина в хорошем полиграфическом исполнении [7. С. 342].

Долгое время оригинальный альбом с акварелями числился утраченным, о его судьбе ничего не было известно. Работники Омского государственного историко-краеведческого (ОГИК) музея считали фотокопии Н.Н. Лоренковича единственным свидетельством об альбоме акварелей Н.Н. Каразина. [3. С. 121] По свидетельству сотрудников музея, попытка директора

ОГИК музея П.П. Вибе найти акварели, предпринятая им в 1998 г., не увенчалась успехом [8. С. 147]. Случайно обнаружить акварели Н.Н. Каразина удалось краеведу, члену городского краеведческого общества г. Долгопрудного Московской области А.М. Белокрысу при просмотре обширного цифрового контента, посвященного освоению Сибири, на сайте проекта «Встреча на границах». В числе коллекций фотографий был и вышеназванный Альбом по истории сибирских казаков (Album of Siberian Cossack History), который по факту представлял оцифрованные акварели Н.Н. Каразина, предоставленные для опубликования Российской государственной библиотекой (РГБ). После обнаружения цифровых изображений А.М. Белокрыс продолжил поиски уже в самой РГБ. В 2004 г. после продолжительных усилий (акварели не были каталогизированы) удалось обнаружить их в Музее книги РГБ. Из первоначального комплекта (27) в РГБ сохранился 21 акварельный рисунок. Акварели были помещены в ящик темно-коричневого дерева, к верхней крышке которого прикреплена металлическая табличка с прорезным орнаментом и гравировкой: «Августейшему Атаману / Картины из истории службы / Сибирского казачьего войска / 1891 г.» Свою «находку» А.М. Белокрыс анонсировал в статье «О судьбе “казачьих” акварелей и об их авторе» в альманахе «Московский журнал» [9]. При этом, очевидно, не зная о «находке» А.М. Белокрыса в 2004 г., Л.П. Полоницкая и в 2007 г. все еще полагает «сам набор акварелей» утраченным, а вышеназванный фотоальбом единственным изображением подарка Цесаревичу Николаю Александровичу [3. С. 121]. В 2011 г. в свет вышел очередной выпуск альманаха «Тобольск и вся Сибирь», посвященный Сибирскому казачьему войску [10]. «Казачий альманах», признанный «жемчужиной» [11. С. 42] издательской серии «Тобольск и вся Сибирь», был иллюстрирован репродукциями сохранившихся акварелей с картинами из истории службы Сибирского казачьего войска. Также в альманахе был помещен и очерк об авторе этих акварелей Н.Н. Каразине – первом в России акварелисте и лучшем рисовальщике-иллюстраторе, названном основателем фонда «Возрождение Тобольска» А.Г. Елфимовым «русским Дорре» [11. С. 42].

Только в 2012 г. сотрудниками Омского краеведческого музея О.А. Безродной и О.П. Дьяковой были изучены найденные в РГБ акварели, проведена работа по заказу копий, которые сейчас в электронном виде хранятся в Омском музее. [12. С. 200]. В 2012–2015 гг. репродукции акварелей Н.Н. Каразина активно экспонировались на выставках Омского историко-краеведческого музея: «Летопись Омска в Российской истории» (ко Дню города, 2012), «Музей и город» (2013), «И один в поле воин, если по-казачьи скроен» (2013–2015), «Летопись Сибири: первые русские города» (2014), «Экспонируются впервые» (2015) [13. С. 26].

Все акварели написаны в одной художественной манере, в особом «каразинском» стиле: «сильные световые эффекты, яркие контрасты, особенный несколько мрачный колорит, великолепная композиция и бесконечная фантазия» [9. С. 27]. Но альбом интересен не

только с художественной, но и с исторической точки зрения. Сотрудники омского музея подчеркивают, что отдельного внимания заслуживают сопроводительные тексты к акварелям, подготовкой которых занимался Г.Е. Катанаев [12. С. 202]. То, что сопроводительные тексты к акварелям написаны Г.Е. Катанаевым, никогда не подлежало сомнению. Свидетельства авторства Г.Е. Катанаева есть и в дореволюционной исторической литературе: на этот бесспорный факт указывает и Э.Э. Ухтомский в вышеуказанном сочинении [1. С. 165], и П.П. Тарькин в «Сборнике Сибирского казачьего войска» [14. С. 172], и Н.А. Симонов в «Краткой истории № 1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка» [15. С. 141–142]. У современных исследователей также нет разногласий по этому вопросу. Научные сотрудники ОГИК музея высказывают предположение, что материалы Г.Е. Катанаева «изначально были переданы Н.Н. Каразину» [12. С. 202]. Л.П. Полоницкая подчеркивает, что акварели были выполнены по историческому данным о казаках, которые предоставил художнику полковник Г.Е. Катанаев [3. С. 121]. А.М. Белокрыс считает, что идея подарка (в числе «усердных подношений» Цесаревичу) набора картин, живописавших важнейшие события трехвековой службы сибирского казачества, была задумана и предложена Г.Е. Катанаевым, «он же подготовил и сюжеты будущих картин, а написать их предложили знаменитому в то время художнику Н.Н. Каразину» [9. С. 30].

В фонде ЗСОИРГО сохранилось письмо Г.Е. Катанаева, в котором он писал, что «картины эти составлены Каразиным Н.Н. по данным ему мною подробным описаниям» [2. Л. 140]. Таким образом, следует признать «первичность» текстов по отношению к акварелям. Более правильно их считать не пояснением (посткомментарием) того, что было изображено художником, а неким своеобразным «техническим заданием» для описания конкретного исторического момента ярким художественным образом. Г.Е. Катанаев в данном случае выступает в роли «автора» акварелей не в меньшей степени, чем сам Н.Н. Каразин. Более того, нашлись документальные свидетельства того, что «задуманы» живописные сюжеты из жизни сибирских казаков Г.Е. Катанаевым были задолго до момента воплощения этой идеи в качестве «царского подарка». Идея эта была одной из составных частей вынашиваемого Г.Е. Катанаевым плана по написанию исторического очерка о сибирском казачестве. В Историческом архиве Омской области (ИАОО) удалось обнаружить письмо (в форме служебной записки), написанное Г.Е. Катанаевым из Санкт-Петербурга, адресованное Степному генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому и датированное 25 сентября 1888 г. [16] Это, на наш взгляд, своеобразный «программный документ» Г.Е. Катанаева, «заявившегося, между прочим, изучением истории службы своего войска» [17. Л. 28] летом 1887 г. В нем он высказывает ряд концептуальных положений своего «Исторического очерка службы Сибирского казачества», который планирует написать. Именно в этом письме Г.Е. Катанаев впервые высказывает свое положение, что «история сибирских казаков (как за то время, когда они были разбросаны по всей Западной Си-

бири, так и после того, как они слиты в одну административную группу) – есть история поступательного движения России вглубь Западной Сибири, Киргизских степей и Средней Азии, история покорения разного рода сибирских инородцев, киргиз и среднеазиатских ханств» [16. Л. 50 об.]. И что надо готовиться отмечать в 1891 г. не 175 лет службы сибирского казачества Государю и Отечеству (как полагали в то время), а «по крайней мере 300!!» [16. Л. 50 об.], поскольку началом службы надо считать разбитие Кучума сибирскими (тобольскими) казаками совместно с другими служилыми людьми. Сообщая Г.А. Колпаковскому о ближайших планах по написанию истории Сибирского казачьего войска, а также о своих целях и задачах как казачьего историографа, Г.Е. Катанаев пишет в том числе и следующее: «Хотелось бы провести знание прошлого сибирских казаков и в среду нынешних простых казаков, но это потребует особого труда; написать историю собственно для них не так-то легко. Хорошо было-бы в видах популяризации прошлого наших казаков изобразить их службу в картинках» [16. Л. 57 об.]. Г.Е. Катанаев сообщает в этом письме, что и «тем для картин бы мог дать массу и мог бы дать даже и ближайшие задания художнику, как и что изобразить, не греша против исторической истины» [16. Л. 57 об.]. Именно в этом письме Г.Е. Катанаев впервые предлагает кандидатуру Н.Н. Каразина как возможного исполнителя этой «задумки». Г.Е. Катанаев даже предпринимает попытку личного знакомства с Н.Н. Каразиным летом 1888 г. Правда, неудачную ввиду отъезда художника в очередную экспедицию. Г.Е. Катанаев высказывает надежду, что, если бы удалось найти средства на реализацию задуманного, «можно было бы составить великолепный альбом гравюр или цинкографий, или фототипов как из прошлой, так и современной жизни» [16. Л. 57 об.]. Он набрасывает даже несколько примерных тем рисунков и сюжетов фотографий: 1) из современной жизни казаков – «Дед и внучек собрались порыбачить», «Казак на завалянке», «Игры казачат», «Казаки и киргизы на покосе», «Казачки Бийской линии, едущие на пашню», «Проводы казаков» и т.д.; 2) из истории казаков: «Казак с летучкой в буран», «Степной пикет с казакком на вышке», «Трехдневная осада Рытова киргиз», «Казаки исследуют Балхаш», «Узун-агач», «Зимний набег казаков (с пушкой на дровнях) на аул Кенисары», «Зимовка на линиях (из времен Кенисары)», «Разбитие Пугачева под Троицком (Погоня казаков за самозванцем)», «Штурм Андижана», «Казаки на казенных дачниках», «Отряд Лихарева и Галдан-Черек на Черном Иртыше», «Посольство хорунжего Потанина в Коканд», «Поражение Кучума под Чернолучьем» и т.д. [16. Л. 57 об.]. Г.А. Колпаковский благосклонно воспринял все идеи и планы Г.Е. Катанаева и поддержал его начинания. Очевидно, что именно эта идея Г.Е. Катанаева с «картинами из казачьей жизни» была реализована в 1891 г. в качестве «царского подарка» для Цесаревича.

Для Г.Е. Катанаева было очень важно, чтобы картины «представляли не фантазию художника, а историческую правду» [16. Л. 57 об.]. Поэтому, составляя для сюжетов картин подробные описания, он опирался

на проверенные исторические данные и использовал широкий круг источников. Прежде всего он изучал историческую литературу в таких книгохранилищах, как Императорская публичная библиотека, библиотека Императорского Русского Географического общества (ИРГО), библиотека Генерального штаба. В своих комментариях он ссылается на известные исторические труды Г.Ф. Миллера (Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения ее Российской державе по сии времена. СПб., 1750), П.Н. Будицкого (Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889), военного историка Н.Ф. Дубровина (Пугачёв и его сообщники. Эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.). СПб., 1884). Г.Е. Катанаев также широко использовал документы и материалы, опубликованные в «Актах исторических», изданных археографической комиссией в 1841–1842 гг., и «Дополнения к актам историческим», содержащих документы X–XVII вв., в «Чтениях в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских», выходивших с 1846 г. (в том числе и «Материалы для истории Сибири» Г.Н. Потанина, изданные в 1867 г., и «Домовую летопись, писанную капитаном Иваном Андреевым в 1789 году», изданную в 1871 г.), в «Ежемесячных сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих», издаваемых Академией наук в 1755–1764 гг. (например, «Известия о песошном золоте в Бухарии» Г.Ф. Миллера, изданные в 1760 г.). Но Г.Е. Катанаев не довольствовался только опубликованными материалами. Он активно работал по изучению архивных документов как в местных архивах – Областном и Окружного штаба г. Омска, Омском Корпусном и Войскового Правления Сибирского казачьего войска, Акмолинского областного правления (в них хранились документы XVIII в., составляющие сейчас в Омском архиве один из ценнейших фондов по истории Сибири и Казахстана), так и «столичных» – архиве Главного Управления Казачьих войск, Военно-ученом архиве Главного Штаба (ВУА), Московском отделении Общего Архива Главного Штаба (Лефортовском архиве), Архиве Министерства Иностранных дел (Московском главном архиве), Научном архиве Русского географического общества. Кроме этого, Г.Е. Катанаев организовал и на протяжении многих лет вел достаточно деятельную переписку с казаками-старожилами, которым он в целях проверки, «оживления» и дополнения официальных данных отправлял особые, специально подготовленные вопросники. В результате Г.Е. Катанаеву удалось собрать и записать рассказы и воспоминания участников и очевидцев многих исторических событий: о захвате казаками на зимней ставке под Алатау семейства Кенесары Касымова; о прикрытии сибирскими казаками под начальством Скобелева в 1875 г. бегства Кокандского хана от преследования взбунтовавшихся его подданных; об участии сибирских казаков в покорении Хивы (1873) и присоединении Кокандского ханства (1875–1876) и пр. Именно поэтому акварели поражают своей правдивостью. Их ценность, прежде всего, в наглядности и документальности. Они несут не только исторические знания, но и «глубокий

воспитательный смысл, чувство гордости и любви к казачьему сословию» [12. С. 203].

Как уже было отмечено выше, полного набора всех изображений не сохранилось ни в фонде Музея книги РГБ, ни в Омском краеведческом музее. Сохранившиеся комплекты (оригинал и фотокопия) не идентичны по набору рисунков. В РГБ сохранилась 21 акварель. Все акварели наклеены на паспарту из цветного картона разных цветов. Вместе с акварелями в собрании библиотеки хранятся картонные планшеты с текстами-комментариями к рисункам (12 листов пояснительных текстов (по подсчетам специалистов [12. С. 201]), в цифровом формате на сайте – 11). Для 10 акварелей отсутствуют названия и сопроводительный текст. В омском музейном собрании из 27 созданных акварелей сохранились фотографии 23 акварелей [8. С. 146] и 11 планшетов с текстами [12. С. 201]. Сравнение списка сохранившихся в РГБ акварелей и списка фотокопий из фонда ОГИК музея позволяет установить названия и содержание всех 27 акварелей. Правда, не все из них «авторские». Часть названий акварелей приводится в соответствии с сохранившимися в РГБ названиями пояснительных текстов, часть – с «омских» планшетов, часть – в соответствии с надписями на фотографиях, сделанных для ЗСОИРГО (которые, как отмечают сотрудники Омского музея, «в основном совпадают с названиями текстов с планшетов, но иногда несколько отличаются, но без существенного изменения смысла» [12. С. 201]):

1. Последний кучумовский разгром 1598 года.
2. Въезд плененного Кучумова семейства в Москву. 1599 г.
3. Подведение инородцев под высокую государеву руку. Целование атамановской сабли как знак покорности и верности.
4. XVII столетие. Сибирские казаки у проводывания новых земель.
5. Разведки сотника Волошенина в Семиречье и Илийской долине в 1771 году. Представление Илийскому Цзян-Цзюну.
6. Пугачевщина в Сибири. Поражение скопищ самозванца под Троицком 21 мая 1774 г.
7. Казаки при постройке линейных крепостей.
8. Церемония встречи китайского амбана зрителем войсковой бухтарминской рыбалки.
9. Иноплеменные предки нынешних сибирских казаков. Зачисление в казаки пленных поляков армии Наполеона, 1813 г.
10. Пра-пра-бабушки сибирских казаков. Прибытие партии «женок».
11. Объяснение Средней киргиз-кайсацкой орды. Царский указ.
12. Преследование хищников через зажженную степь.
13. Исследование (сибирскими казаками) озера Балхаш.
14. Сибирские казаки в гвардии. Представление Императору Николаю Павловичу в Михайловском дворце в 1833 г.
15. Ямская и конвойная служба в степи.
16. 1837. Дело Рытова. Занос выдержавших трехдневный бой казаков снегом.

17. Тревога в крепостном редуте.
  18. 1843 г. Разгром становища Кенисары отрядом Рыбина. Захват ханьши Кулымджана.
  19. Дело Рытова – трехдневный бой со скопищами Кенисары.
  20. Военно-поселенческая служба сибирских казаков. Встреча начальства.
  21. Трехдневный бой под Узун-Агачем. Сотня Бутакова выручает стрелков Сяркового.
  22. Война с тиграми в форте Перовском.
  23. 1875 г. Штурм Анджиана. 1, 2 и 4 Сибирские Сотни в головном отряде Скобелева.
  24. Покорение Кокана. Дело под Хаки-Ховат.
  25. 1875 г. Ночное дело под Хаки-Ховат; 4-я сотня Машина в рекогносцировочном отряде Скобелева изрубила большое скопище Абдурахмана.
  26. Ночной штурм казаков 1 и 2 сотни под предводительством Куропаткина крепости Уч-Курган.
  27. Конвойная служба казаков во время оккупации Илийской долины в 1881–1882 гг. Следование таранчей в русские пределы.
- В заключение хотелось бы подчеркнуть, что акварели Н.Н. Каразина и тексты к ним Г.Е. Катанаева –

уникальный, ценный источник по истории (в том числе и истории повседневности) и этнографии не только сибирского казачества и сибирских «инородцев», но и всей Сибири и Степного края в целом. Альбом акварелей «Картины из истории службы Сибирского казачьего войска» в числе других произведений живописи относится к визуальному типу исторических источников. Своеобразие таких источников заключается в том, что информация о прошлом, запечатленная в них, преломляется через сознание определенной исторической эпохи и систему мировоззрения авторов произведения. Вместе с тем изобразительные источники как подчеркивает С.И. Ковальская [18. С. 511], не менее важны при изучении исторической эпохи, чем иные памятники ее культуры.

Сейчас копии акварелей Н.Н. Каразина «гуляют» по Интернету, перепечатываются различными изданиями и, к сожалению, зачастую публикуются без ссылки на автора, без названия или с названием «в вольном переводе». [19. С. 21–23] Поэтому представляется необходимым подготовка и издание большого иллюстрированного альбома, который бы знакомил исследователей и широкую общественность с этими уникальными работами.

Список источников

1. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891 : в 3 т., 6 ч. / авт.-изд. Э.Э. Ухтомский; ил. Н.Н. Каразина. СПб. : Лейпциг : Ф. А. Брокгауз, 1897. Т. 3, ч. 5–6 : Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891). 225 с.
2. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 42 (Письмо Г.Е. Катанаева сенатору П.П. Семенову от 9 января 1896 г.)
3. Полоницкая Л.П. «Картины из истории жизни и службы Сибирского казачьего войска» (фото коллекция ЗСОИРГО в фондах Омского историко-краеведческого музея) // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2007. № 7-2. С. 120–125.
4. Дербуш О.Н. Фонды ОГИК музея как источник изучения истории костюма сибирского казачества конца XIX – начала XX вв. // Пятые Ядринцевские чтения : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 243–245.
5. Краткий обзор и перечень предметов, которые желательны иметь в Степном отделе Нижегородской Всероссийской выставки 1896 г. Омск, 1895. 30 с.
6. Сибирский казак : войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска / под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. Вып. 1: Наше прошлое до Великой войны 1914 года. 312 с.
7. Девятьярова И.Г., Лебедева Н.И., Свиридовский О.А., Огородникова Л.И. Книга, которую ждали (отзывы на книгу «Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий») // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2002. № 9. С. 342–344.
8. Полоницкая Л.П. Фотораритеты ОГИК музея (коллекции Г.А. Колпаковского, Н. Лоренкович, Н.А. Крекова, А.А. Бобринского) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2000. № 8. С. 144–150.
9. Белокрыс А.М. О судьбе «казачьих» акварелей и об их авторе // Московский журнал. История государства Российского. 2004. № 5. С. 27–32.
10. Тобольск и вся Сибирь : альманах / ред. Ю.П. Перминов. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011. № 14: Сибирское казачье войско / сост. В.А. Шудляков. 596 с.
11. Елфимов А.Г. Издательские проекты фонда «Возрождение Тобольска»: история и современность // Первые Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894). Омск, 2012. С. 41–45.
12. Безродная О.А., Дьякова О.П. Царский подарок (о судьбе акварелей Н.Н. Каразина, переданных в дар Цесаревичу Николаю Александровичу) // Первые Ядринцевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Николая Михайловича Ядринцева (1842–1894). Омск, 2012. С. 200–203.
13. Вибе П.П. Омский государственный историко-краеведческий музей 300-летию Омска // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. Омск, 2015. С. 22–29.
14. Тарькин П.П. Сборник Сибирского казачьего войска. Омск : тип. Штаба Омск. воен. округа, 1904.
15. Симонов Н.А. Краткая история № 1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. Омск : тип. Штаба Омск. воен. округа, 1907. 190 с.
16. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 098.
17. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 285.
18. Ковальская С.И. Живопись как источник по изучению повседневности казахского народа XVIII–XIX веков // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект) : сб. материалов междунар. науч. конф. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 511–516.
19. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Казачье воинство в ратных делах : учеб.-метод. пособие. М. : Город – XXI век, 2018. 460 с.

References

1. Ukhomskiy, E.E. (1897) *Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika tsesarevicha, 1890–1891* [Journey to the East of His Imperial Highness the Sovereign Heir to the Tsarevich, 1890–1891]. Vol. 3(5–6). St. Petersburg; Leipzig: F.A. Brokgauz.
2. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). (1896) *Pis'mo G.E. Katanaeva senatoru P.P. Semenovu ot 9 yanvarya 1896 g.* [Letter from G.E. Katanaev to Senator P.P. Semenov dated January 9, 1896]. Fund 86. List 1. File 42
3. Polonitskaya, L.P. (2007) *Kartiny iz istorii zhizni i sluzhby Sibirskogo kazach'ego voyska*” (foto kolleksiya ZSOIRGO v fondakh Omskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya) [“Pictures from the history of life and service of the Siberian Cossack army” (photo collection of ZSOIRGO in the funds of the Omsk Museum of History and Local Lore)]. *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 7-2. pp. 120–125.

4. Derbush, O.N. (2019) Fondy OGIK muzeya kak istochnik izucheniya istorii kostyuma sibirskogo kazachestva kontsa XIX – nachala XX vv. [The OGIK Museum funds as a source for studying the history of the costume of the Siberian Cossacks of the late 19th – early 20th centuries]. *Pyatye Yadrinsevskie chteniya* [The Fifth Yadrinsev Readings] Proc. of the Conference. Omsk. pp. 243–245.
5. Anon. (1895) *Kratkiy obzor i perechen' predmetov, kotorye zhelatel'no imet' v Stepnom otdele Nizhegorodskoy Vserossiyskoy vystavki 1896 g.* [Brief overview and list of items that are desirable to have in the Steppe Department of the Nizhny Novgorod All-Russian Exhibition of 1896]. Omsk: [s.n.].
6. Berezovsky, E.P. (ed.) (1934) *Sibirskiy kazak: voyskovoy yubileyyny sbornik Sibirskogo kazach'ego voyska* [Siberian Cossack: Military Jubilee Collection of the Siberian Cossack Army]. Vol. 1. Kharbin: [s.n.].
7. Devyatyarova, I.G., Lebedeva, N.I., Sviridovskiy, O.A. & Ogorodnikova, L.I. (2002) *Kniga, kotoruyu zhdali (otzyvy na knigu "Staryy Omsk. Illyustrirovannaya khronika sobytii")* [The book that was awaited (reviews of the book "The Old Omsk. Illustrated Chronicle of Events")]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 9. pp. 342–344.
8. Polonitskaya, L.P. (2000) Fotoraritety OGIK muzeya (kolleksii G.A. Kolpakovskogo, N. Lorenkovich, N.A. Krekova, A.A. Bobrinskogo) [Photo rarities of the OGIK museum (collections of G.A. Kolpakovsky, N. Lorenkovich, N.A. Krekov, A.A. Bobrinsky)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 8. pp. 144–150.
9. Belokry, A.M. (2004) O sud'be "kazach'ikh" akvareley i ob ikh avtore [On the fate of the "Cossack" watercolors and their author]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 5. pp. 27–32.
10. Perminov, Yu.P. (ed.) (2011) *Tobol'sk i vsya Sibir': al'manakh* [Tobolsk and all Siberia: almanac]. In: Shuldyakov, V.A. (ed.) *Vozrozhdenie Tobol'ska*. Vol. 14. Tobolsk: [s.n.].
11. Elfimov, A.G. (2012) *Izdatel'skie proekty fonda "Vozrozhdenie Tobol'ska": istoriya i sovremennost'* [Publishing projects of the Tobolsk Revival Foundation: History and modernity]. *Pervye Yadrinsevskie chteniya* [The First Yadrinsev Readings]. Proc. of the Conference. Omsk. pp. 41–45.
12. Bezrodnaya, O.A. & Dyakova, O.P. (2012) *Tsarskiy podarok (o sud'be akvareley N.N. Karazina, peredannykh v dar Tsarevichu Nikolayu Aleksandrovichu)* [The Tsar's Gift (on the fate of N. N. Karazin's watercolors donated to Tsarevich Nikolai Alexandrovich)]. *Pervye Yadrinsevskie chteniya* [The First Yadrinsev Readings]. Proc. of the Conference. Omsk. pp. 200–203.
13. Vibe, P.P. (2015) *Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskii muzey 300-letiyu Omska* [Omsk State History and Local Lore Museum dedicated to the 300th anniversary of Omsk]. *Tret'i Yadrinsevskie chteniya* [Third Yadrinsev Readings]. Proc. of the Conference. Omsk: [s.n.]. pp. 22–29.
14. Tarykin, P.P. (1904) *Sbornik Sibirskogo kazach'ego voyska* [Collection of the Siberian Cossack army]. Omsk: Headquarters Omsk Military District.
15. Simonov, N.A. (1907) *Kratkaya istoriya № 1 Sibirskogo kazach'ego Ermaka Timofeeva polka* [Brief history of the Siberian Cossack Ermak Timofeev Regiment No. 1]. Omsk: Headquarters Omsk Military District.
16. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 098.
17. The Historical Archives of Omsk Region (IAOO). Fund 366. List 1. File 285.
18. Kovalskaya, S.I. (2018) *Zhivopis' kak istochnik po izucheniyu povsednevnosti kazakhskogo naroda XVIII–XIX vekov* [Painting as a source for studying the everyday life of the Kazakh people of the 18th – 19th centuries]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyy aspekt)* [Private and public in the everyday life of the population of Russia: History and modernity (a regional aspect)]. Proc. of the Conference. St. Petersburg: LSU. pp. 511–516.
19. Shchuplenkov, N.O. & Ryabova, E.L. (2018) *Kazach'e voinstvo v ratnykh delakh* [The Cossack army in military affairs]. Moscow: Gorod – XXI vek.

Сведения об авторе:

Дорошенко Ольга Петровна – кандидат исторических наук, ректор Томского института переподготовки кадров и агробизнеса (Томск, Россия). E-mail: dop@tipkia70.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Doroshenko Olga P. – Candidate of History, rector of Tomsk Institute of Retraining and Agribusiness (FSBEI TIRaA) (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dop@tipkia70.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 21.04.2021; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 930(2); 159.95
doi: 10.17223/19988613/93/22

Изображая прошлое: историческая память о Гражданской войне в оптике визуальной семиотики и айтрекинг-исследования

Наталья Валерьевна Трубникова¹, Анастасия Григорьевна Пешковская²

^{1,2} *Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *troub@mail.ru*

² *peshkovskaya@gmail.com*

Аннотация. Отражены первые результаты эксперимента, начатого на базе Томского государственного университета в проблемном поле истории памяти, в котором методологически традиционные качественные подходы историографии соединяются с принципами визуальной семиотики и нейронаучными методами исследования восприятия исторических образов, чтобы выявить эвристический потенциал совместного использования изначально удаленных друг от друга инструментов познания. Объектом исследования выступили визуальные материалы эпохи Гражданской войны, на основании восприятия которых определяются исторические репрезентации, присущие жителям России без специального исторического образования.

Ключевые слова: историческая память, Гражданская война, визуальная семиотика, айтрекинг

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00945, <https://rscf.ru/project/24-28-00945/>

Для цитирования: Трубникова Н.В., Пешковская А.Г. Изображая прошлое: историческая память о Гражданской войне в оптике визуальной семиотики и айтрекинг-исследования // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 175–184. doi: 10.17223/19988613/93/22

Original article

Picturing the Past: Historical Memory of the Civil War in the Optics of Visual Semiotics and Eye-Tracking Research

Natalia V. Trubnikova¹, Anastasia G. Peshkovskaya²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *troub@mail.ru*

² *peshkovskaya@gmail.com*

Abstract. The article reflects the first results of the experiment launched at Tomsk State University in the problem field of the history of memory. Methodologically traditional qualitative approaches of historiography are combined there with neuroscientific methods of research into the perception of historical images, in order to reveal the heuristic potential of the joint use of initially distant from each other cognitive tools. The object of research is visual materials from the era of the Russian Civil War (1917-1922), and on the basis of this perception are determined historical representations characteristic of residents of Russia without special historical education.

The presented article analyses the results of the implemented technology of eye-tracking. The approach allows judging on the characteristics of visual perception and attention of respondents when viewing the material of incentive – in this case, historical posters made by 'Reds' and 'Whites' with the aim of ideological influence on the minds of compatriots during the Civil War.

Methodologically, the research is located at the crossroads of the Memory Studies and visual semiotics, which provides an opportunity to decode iconic forms of interaction between the past and the present, as well as research algorithms of neuroscience.

The data obtained through the use of eye-tracking technology made it possible to objectivise the process of visual perception and to study participants' attention patterns to different elements and areas of images. Although the duration of fixations and the time that participants with different historical sympathies devoted to the images did not differ, respondents sympathetic to the Red Army were more attentive to the textual inclusions on the White Movement poster designed in the pre-revolutionary style, than to other elements of both posters. In turn, the attention of participants sympathetic to the White Movement was evenly distributed between the posters. In this regard, we believe that the relationship between the attention to the studied materials of the past and the historical sympathies of the respondents requires further study,

including a detailed consideration of the factor of the age of the participants, the graphic style of historical texts and attitudes towards the studied historical period.

Keywords: memory studies, Civil War in Russia, visual semiotics, eye-tracking

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00945, <https://rscf.ru/project/24-28-00945/>

For citation: Trubnikova, N.V., Peshkovskaya, A.G. (2025) Picturing the Past: Historical Memory of the Civil War in the Optics of Visual Semiotics and Eye-Tracking Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 175–184. doi: 10.17223/19988613/93/22

Введение

В гуманитарных науках последнего века именно междисциплинарность создавала основные очаги развития, обеспечивающие прогресс в области знаний о человеке и обществе [1]. Область исследований, именуемых Memory Studies, отличается особой чувствительностью к сопряжению междисциплинарных областей, создающих методологическую синергию при анализе феноменов коллективной памяти. В 2024 г. в проблемном поле истории памяти на базе Томского государственного университета был начат эксперимент, в котором методологически традиционные качественные подходы историографии соединяются с нейронаучными методами исследования восприятия исторических образов, чтобы выявить эвристический потенциал совместного использования изначально удаленных друг от друга инструментов познания. Объектом исследования выступили визуальные материалы эпохи Гражданской войны, на основании восприятия которых определяются исторические репрезентации, присущие жителям России без специального исторического образования. В представленной статье анализируются результаты использования технологии айтрекинга, которая позволяет судить об особенностях зрительного восприятия и внимания респондентов при просмотре стимульного материала – в данном случае исторических плакатов, выполненных «красными» и «белыми» с целями идеологического воздействия на умы соотечественников в годы Гражданской войны.

Методология

Любые исторические репрезентации содержат в основе знаково-символическую форму, которая формируется под влиянием всей истории интерпретаций рассматриваемых событий прошлого [2. С. 194]. В рамках развития семиотики начиная с середины прошлого столетия было успешно преодолено клише эпохи позитивизма о том, что исторический факт может быть понят и передан в дальнейшем буквально, без искажающих культурных и политических воздействий каждой последующей эпохи. По сути, в любой репрезентации прошлого может быть выделена семиотическая структура, сформированная в результате воздействия других семиотических структур или в противостоянии с ними.

Именно процесс интерпретации создает образ исторического прошлого и обеспечивает его непрерывную трансформацию в дальнейшем, но выявление его знаковой формы позволяет исследователю «декодировать» базовую семиотическую структуру, действенную

в определенный момент времени. Анализ знаково-символической формы позволяет охарактеризовать, как именно выстраивается восприятие прошлого в настоящем. В отечественных гуманитарных науках история как феномен семиотики имеет давнюю традицию рассмотрения: еще Г.Г. Шпет [3] обращал внимание на изменчивость исторического сознания и необходимость искать как самую устойчивую во времени знаковую форму истории. Историю как сложную форму взаимных референций настоящего и прошлого, отраженную в знаковой форме, изучали позднее Ю.М. Лотман [4] и Б.А. Успенский [5]. Именно процесс семиозиса, наделяния символическим значением для настоящего событий прошлого, сцепляет их в ясные для исторической памяти сюжетные ряды и представляет их как «действительно» происходившие.

При анализе знаковых форм памяти необходимо принимать во внимание и тот факт, что ее семиотическая основа имеет неоднородную с точки зрения структурно-функциональной нагрузки онтологическую основу. О многослойности самого исторического факта писал Ю.М. Лотман [4. С. 307]. В бытовании памяти о любом историческом событии содержится непосредственный информационный пласт, сообщающий основные координаты движения людей прошлого: кто, когда, куда, почему и зачем что-то сделал. Однако частью исторической памяти событие становится в процессе символической артикуляции, помещающей прошлое в широкие контексты современной культуры. Кроме того, фактическое содержание события прошлого наделяется в процессе семиозиса индексирующим значением, определяющим направленность внимания памяти к непротиворечивой интеграции общих символических смыслов. Там, где семиотические связи содержат непроясненность и неустойчивость, возникают «темные пятна» истории и памяти, создающие травмы и экзистенциальные разрывы коллективных идентичностей.

Актуальность декодирования знаковых форм взаимодействия прошлого и настоящего наиболее ярко проявляет себя в визуальной семиотике, где может быть исследована проблема соотношения иконичности и символизма – баланса между буквальным изображением и абстрактным идейным содержанием в процессе визуальной коммуникации. Отдельной задачей здесь является выявление культурного контекста – убеждений, ценностей и событий, повлиявших на рассматриваемое визуальное значение, а также проблема визуальной риторики – того, как визуальные элементы используются для убеждения и влияния, и насколько эффективной получается коммуникация образа и реципиента [6].

Таким образом, визуальная семиотика является ценным инструментом для изучения коммуникации людей в истории, позволяя понять, как именно визуальные элементы, выявляемые в социальных практиках и ценностях культуры, формируют наше понимание мира в прошлом и настоящем [7]. Через цикл семиотического анализа, включающего в себя декодирование – процесс интерпретации визуальных знаков на основе кодов и специфических культурных контекстов, анализ – деление визуального сообщения на составные части и изучение их взаимосвязи, и интерпре-

тацию – выводы о предполагаемом значении и последствиях визуального сообщения, мы можем уточнить свое понимание того, как формируется историческая репрезентация.

Материалы исследования

Основным материалом (стимульным материалом) исследования выступает подборка плакатов, выполненных «красными» и «белыми» в годы Гражданской войны (1917–1922) (рис. 1).

Рис. 1. Материалы исследования – плакаты периода Гражданской войны (1917–1922 гг.)

Выбор источника объясняется тем, что именно искусство плаката, появившееся некогда в сфере рекламы как сугубо коммерческий проект, в горниле социальных потрясений, войн и революций становится наиболее эффективным средством идеологического

воздействия на народные массы. Именно в революционной России мастерство производства плакатов развивается с особой интенсивностью: его агитационный посыл отличается большой силой эмоционального побуждения к действию. Плакат ситуативен, схемати-

чен и ясен, его художественное и словесное послание всегда адресовано текущему моменту, и, оказав свое весомое реальное воздействие, он стремительно устареет, уступая место новым, более актуальным произведениям того же жанра. Плакат представляет собой ясное коммуникативное сообщение, имеющее четкую визуально-словесную формулу и адресное послание современнику, нацеленное на достижение конкретного результата. То есть его отличительным свойством является перформативность – способность не просто донести какую-то информацию, но сформировать уверенную позицию, подталкивающую к немедленным действиям. При наличии выраженного авторского начала плакаты одной эпохи легко узнаваемы, поскольку разделяют общие композиционные и образные приемы, которые без стеснения активно копировались и легко распространялись, если считались эффективными по силе воздействия. В плакате основная нагрузка ложится на изображение, которое отличается однозначностью и убедительностью на уровне интуиции. При этом убедительность плаката базируется не на примитивности образа, а на глубоком понимании психологии восприятия, где художественные средства соединяются с глубинными архетипами культуры. Иконический пласт изображения дополняется иконографическим посланием текста [8].

Гипотеза, дизайн и процедура исследования

Гипотезой исследования стало предположение о том, что объективно регистрируемые с использованием технологии айтрекинга особенности зрительного восприятия плакатов эпохи Гражданской войны могут отражать субъективное отношение к историческим событиям, в частности «исторические симпатии» участников исследования – представителей разных поколений, имеющих различный образовательный бэкграунд, по отношению к красному и белому движению.

В исследовании приняли участие 30 человек, не имеющих специального исторического образования, которые составили три экспериментальные группы:

– I группа (10 участников, в том числе 2 женщины) представляла молодежь 2000 г. рождения и младше (средний возраст 21 год), все являлись студентами вузов технических направлений подготовки;

– II группа (10 участников, в том числе 6 женщин) были также представителями молодого поколения 2000 г. рождения и младше (средний возраст 19,5 лет) и являлись студентами вузов гуманитарных (неисторических) направлений подготовки;

– III группу (10 участников, в том числе 6 женщин) составили представители старшего поколения 1954–1980 гг. рождения (средний возраст 54 года), имевшие высшее неисторическое образование.

Все участники подписывали информированное согласие на участие в исследовании и заполняли анкету, уточняющую их осведомленность о событиях Гражданской войны, в том числе наличие тех или иных «исторических симпатий». Результаты анкетирования определили большую осведомленность о событиях Гражданской войны в группах II и III, причем группа II

(студенты-гуманитарии) проявила большую осведомленность и выраженную симпатию по отношению к белому движению, а группа III (взрослые с высшим неисторическим образованием) – по отношению к «красным».

Затем участники исследования получали инструкции об экспериментальной процедуре, в ходе которой на экране компьютера им последовательно предъявлялись изображения плакатов периода Гражданской войны. Время предъявления каждого плаката составляло 15 с, промежуток между предъявлениями – 8 с.

Регистрация движений глаз респондентов в процессе предъявления плакатов осуществлялась с использованием технологии айтрекинга (или окулографии), позволяющей с высоким уровнем точности зафиксировать количество и длительность микродвижений глаз, ассоциированных с обработкой зрительной информации [9]. В частности, регистрировались зрительные фиксации, во время которых взгляд фокусируется в конкретной точке изображения и на доли секунды находится в статичном, «фиксированном» положении, а также саккады – короткие скачкообразные движения глаз от фиксации к фиксации, в рамках которых взгляд перемещается по какой-либо области изображения. Кроме того, регистрировались данные об общей продолжительности просмотра респондентами той или иной области предъявляемых изображений.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной статье мы представляем результаты проведенного нами исследования с двух дополняющих друг друга исследовательских и методологических позиций – исторической визуальной семиотики и анализа данных зрительного восприятия плакатов периода Гражданской войны с использованием технологии отслеживания движений глаз (айтрекинг).

Ввиду высокого объема полученных окулографических данных в статье представлены результаты восприятия респондентами двух наиболее контрастных по оформлению и противоположных по предполагаемой целевой аудитории изображений – плакатов 5 и 6 (см. рис. 1).

Плакаты времен Гражданской войны в оптике визуальной семиотики

Плакаты сочетали в себе изображение и текст, соединяя тем самым две семиотические системы. Визуальный образ обладает наглядностью и непосредственной эмоциональной экспрессией. Текст осмысливается линейно и более медленно. С позиций семиотики плакат сочетает в себе иконическую (денотативную, связанную с изображением) и символическую (коннотативную, кодированную в культуре) природу, соединяя в себе и визуальный образ, и однозначное вербальное послание, обладающее высоким пропагандистским эффектом [8].

В условиях Гражданской войны «экономичность» типографической базы производства плакатов, особенно для «белых», вытесненных на окраины бывшей

Российской империи, также сыграла немаловажную роль, обеспечив главенствующую роль плаката как орудия идеологического воздействия [10].

Культура производства плакатов имела общие для противоборствующих сторон черты. Идеализированный образ героя-воина должен был побуждать к подражанию; враги, напротив, изображались как демонические фигуры, воплощающие зло. Яркие цвета, палитра которых у «белых» была ощутимо беднее, прямо ассоциировались с представляемой идеологией (красный – символ классовой борьбы и коммунизма, российский триколор – символ наследия империи). Вербальные послания оформлялись большими, выразительными шрифтами, тексты были лексически простыми, побуждающими к борьбе с врагом [11].

Композиционно плакаты выражали экспрессию, динамику, движение лиц, яркую жестикуляцию, стимулируя эмоциональную вовлеченность зрителей. Семиотика плакатов была насыщена общеизвестными символами и эмблемами противоборствующих движений, метафорами и стереотипами.

При этом есть и определенная специфика в выполнении плакатов «красными» и «белыми». Красные использовали самые «активные» цвета – красный, черный, желтый, много экспрессии, не гнушаясь довольно грубыми метафорами в адрес своих врагов, отсылающими к искусству народного лубка.

«Белые», как правило, использовали более умеренные цвета – белый, синий, серый, символику российской империи, более сдержанные метафоры, более статичные, формальные и классические композиции, отсылающие к культурному наследию России, стремлению восстановить порядок и вековые традиции.

В целом плакат образует семиотическое пространство, которое создается посредством взаимодействия визуальных средств выражения и вербальных единиц. Текст, как правило, читается слева направо сверху вниз, при этом семиотическое пространство подвергается, если доверять выводам специалистов по визуаль-

ной семиотике, неосознанному вертикальному и горизонтальному «зонированию» информации. Читатели хотят видеть новую информацию и ожидают, что она будет находиться в правой части текста, предпочитают, чтобы наиболее общая информация находилась вверху, а наиболее конкретная – в нижней части семиотического пространства. Самую важную информацию реципиент будет искать в центре рассматриваемого пространства, а менее важную – на периферии. Наконец, графически привлекательные объекты быстрее завладевают вниманием смотрящего и дольше его удерживают, чем текст [12]. Изображение, в отличие от текста, задействует принципиально иные факторы привлечения внимания: цвет, план, размер. В плакатах часто используется принцип метонимии, когда единичный образ символически выражает большое число предметов, а также «игра масштабов» изображения: так, помещенная спереди фигура воина-красноармейца воспринимается как заградительный щит завоеваний революции.

Восприятие плакатов времен Гражданской войны: данные айтрекинг-исследования

Для оценки параметров движений глаз (или окуломоторных параметров) и их различий в процессе восприятия участниками исследования двух изображений были проанализированы следующие показатели: число длинных саккад (саккад свыше 6°), число коротких саккад (менее 6°), продолжительность длинных фиксаций (свыше 180 мс) и продолжительность коротких фиксаций (60–180 мс). Установлено, что в пределах 15-секундного интервала предъявления изображений изображение 5 получило значимо большее число длинных саккадических движений глаз респондентов по сравнению с изображением 6 ($p = 0,006$). Вместе с тем на изображении 6 респонденты фиксировали взгляд с большей продолжительностью длинных фиксаций, чем на изображении 5 ($p = 0,018$) (табл. 1).

Таблица 1

Различия в окуломоторных параметрах в процессе восприятия изображений участниками исследования, Mann–Whitney U Test с коррекцией непрерывности (статистически значимые различия выделены жирным шрифтом)

Показатель	Изображение 5	Изображение 6	p-value
Число длинных саккад, ед.	1 (0; 1)	0 (0; 1)	0,006
Число коротких саккад, ед.	2 (1; 3)	2 (1; 3)	0,946
Продолжительность длинных фиксаций, мс	572 (226; 772)	675,5 (401,5; 889)	0,018
Продолжительность коротких фиксаций, мс	156 (0; 290)	110 (0; 215)	0,078

Установленные различия объясняются когнитивными особенностями процесса обработки зрительной информации, в частности фиксации и их продолжительность ассоциированы с мышлением: согласно общепринятой в когнитивной науке гипотезе «мозг–глаз» (brain-eye hypothesis), мы думаем о том, на чем фиксируем свой взгляд, и чем дольше смотрим, тем сильнее наше внимание и ментальные усилия [13–16]. В свою очередь, в момент саккадических движений глаз воспринимаемая информация не осознается [17, 18]. Если обратиться к структурным особенностям изображений, то плакат на изображении 6, несмотря на его монохромность и менее богатую композицию, содержит три тек-

стовых включения, в то время как плакат на изображении 5 – только одно. Наличие большей текстовой компоненты отразилось в более длительных зрительных фиксациях на изображении 6. Есть три текстовых включения – на них фокусировали внимание (читали и мыслительно обрабатывали содержащуюся информацию) и меньше времени потратили на изучение самой композиции, что проявилось в более низком по сравнению с изображением 5 числе длинных саккад. Когнитивная же обработка информации, содержащейся на изображении 5, по сравнению с изображением 6 была менее продолжительной.

Какие области изображений получили наибольшее внимание респондентов? Интересно, что все

области изображений, содержащие текст, привлекли большее внимание участников исследования по сравнению с областями, включающими лица людей или детализированные сцены. В этом контексте наибольшее число зрительных фиксаций получили содержащая крупный текст область 6 изображения 5 (отмечена заливкой на рис. 2, а) и области 5 и 1 изображения 6 (отмечены заливкой на рис. 2, б), $H(10, N = 108) = 50,91$, $p = 0,00001$.

Рис. 2. Выделенные области (зоны) интереса изображения 5 (а) и изображения 6 (б) (области, получившие наибольшее внимание участников исследования, отмечены заливкой)

Таблица 2

Ранговый порядок областей изображений в соответствии с количеством зрительных фиксаций, Kruskal–Wallis H Test

Ранговый порядок	Область	Содержание области	Среднее значение ранга
1	Изображение 6 область 5	«Все от мала до велика...» (в совр. ред.)	86,67
2	Изображение 5 область 6	«Отступая перед Красной Армией...»	85,71
3	Изображение 6 область 1	«Смерть, голод и запустение...» (в совр. ред.)	82,75
4	Изображение 6 область 2	«Доблестные Русские войска...» (в совр. ред.)	61,63
5	Изображение 5 область 3	Ребенок в поднятых руках женщины	43,96
6	Изображение 5 область 1	Поджигающий солому	43,00
7	Изображение 6 область 3	Скелет	41,70
8	Изображение 5 область 4	Женщина	40,40
9	Изображение 5 область 2	Офицер	36,00
10	Изображение 6 область 4	Офицер	34,88
11	Изображение 5 область 5	Сидящий ребенок	30,00

Связано ли внимание к исследуемым изображениям с историческими симпатиями респондентов, и оказывают ли исторические симпатии влияние на процесс восприятия изображений?

Учитывая установленные особенности внимания на основе регистрации движений глаз в процессе восприятия изображений, перейдем к анализу окуломоторных характеристик представителей двух групп респондентов: чьи исторические симпатии находятся на стороне Красной Армии и тех, кто «симпатизирует» белому движению. Внутригрупповые данные отражают описанную нами ранее тенденцию – изображение 6, содержащее три текстовых включения, получает высокую глазодвигательную активность в процессе восприятия по сравнению с изображением 5. Однако статистически значимые различия установлены только для участников, симпатизирующих Красной Армии: число зрительных фикса-

ций при просмотре изображения 6 в этой группе было значимо выше, чем изображения 5 ($p = 0,033$) (табл. 3). В свою очередь, респонденты, чьи симпатии находятся на стороне белого движения, изучали оба изображения с равным числом фиксаций взгляда и в рамках схожих временных характеристик (все $p > 0,05$) (см. табл. 3).

Рассмотрим далее особенности исследуемых параметров движений глаз на уровне отдельных областей каждого из изображений. Данные о продолжительности просмотра выделенных областей в миллисекундах представлены на рис. 3, где график а содержит информацию о средней продолжительности просмотра каждой из выделенных нами областей двух изображений респондентами, чьи исторические симпатии на стороне Красной Армии, график б – данные о продолжительности просмотра этих же областей респондентами, симпатизирующими белому движению.

Таблица 3

Различия в оculoмоторных параметрах в процессе восприятия изображений участниками исследования, симпатизирующими Красной Армии и белому движению, Mann–Whitney U Test с коррекцией непрерывности (статистически значимые различия выделены жирным шрифтом)

Показатель	Изображение 5	Изображение 6	p-value
Респонденты, симпатизирующие Красной Армии			
Продолжительность просмотра (мс)	433 (242; 594)	627 (284; 3093)	0,102
Число фиксаций	1 (1; 2)	2 (1; 7)	0,033
Продолжительность фиксаций (мс)	427 (242; 543)	604 (284; 2113)	0,101
Респонденты, симпатизирующие Белому движению			
Продолжительность просмотра (мс)	470 (308; 746)	296 (148; 1874)	0,372
Число фиксаций	1 (1; 2)	1 (1; 6)	0,643
Продолжительность фиксаций (мс)	440 (300; 722)	294 (148; 1618)	0,372

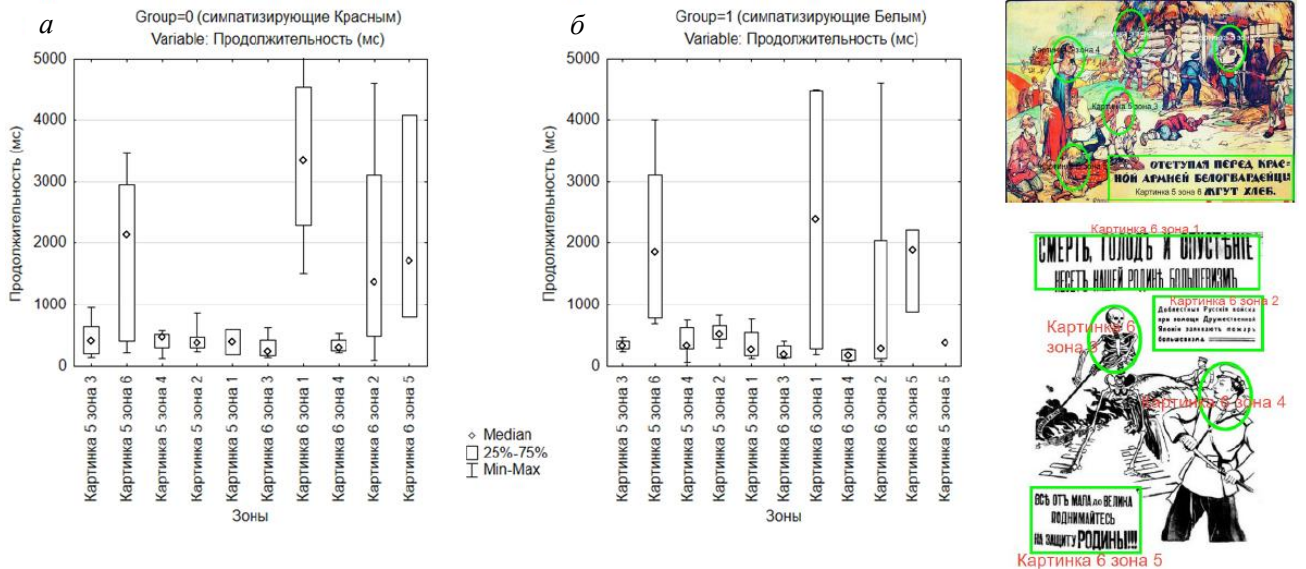

Рис. 3. Продолжительность просмотра выделенных областей изображений участниками исследования, симпатизирующими Красной Армии (а) и белому движению (б), мс

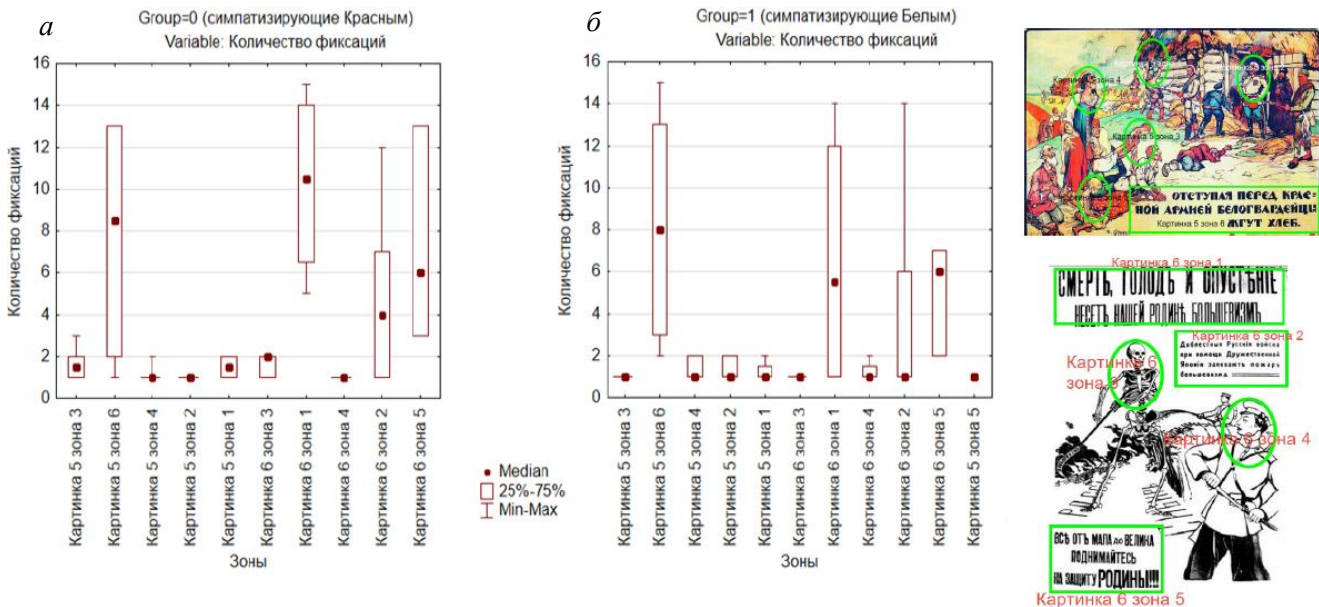

Рис. 4. Среднее число зрительных фиксаций на выделенных областях изображений у участников исследования, симпатизирующих Красной Армии (а) и белому движению (б)

Очевидно, что все области изображений, содержащие текст, получили наибольшую продолжительность зрительного просмотра в обеих группах – область 6 изображения 5 и области 1, 2, 5 изображения 6 изуча-

лись респондентами дольше, чем остальные области изображений. Кроме того, хотя различия между группами респондентов в зависимости их исторических предпочтений не достигли уровня статистической зна-

чимости, область 1 изображения 6, содержащая текст «Смерть, голод и запустение несет нашей родине большевизм» (в современной редакции), несколько дольше изучалась в группе участников, симпатизирующих Красной Армии, чем среди симпатизирующих белому движению. Время просмотра составило в среднем 3 346,5 мс (LQ 2 297,5; UQ 4 536,5) против 2 395,5 мс (LQ 284; UQ 4 473) соответственно (см. рис. 3). Кроме того, область 2 изображения 6 с менее крупным текстом «Доблестные Русские войска при помощи Дружественной Японии заливают пожар большевизма» (в совр. ред.) также получила более длительное время просмотра среди симпатизирующих Красной Армии – продолжительность просмотра составила в среднем 1 370 мс (LQ 478; UQ 3 112) в сравнении с 283 мс (LQ 131; UQ 2 040) в группе симпатизирующих белому движению (см. рис. 3).

Интересно, что прочие содержащие текст области обоих изображений получили более низкую и практически равную продолжительность просмотра в обеих группах респондентов, а область 5 изображения 5 с сидящим на коленях ребенком была проигнорирована всеми участниками исследования, кроме одного, входящего в группу «симпатизирующих» белому движению (см. рис. 3).

Аналогичные тенденции также установлены для показателей зрительных фиксации (рис. 4).

Симпатизирующие Красной Армии участники исследования делали значимо больше фиксаций взгляда на выделенных областях изображения 6, содержащих текст «Смерть, голод и запустение несет нашей родине большевизм» (в совр. ред.) и «Доблестные Русские войска при помощи Дружественной Японии заливают пожар большевизма» (в совр. ред.) (все $p < 0,05$). Ко-

личество фиксаций составило в этой группе в среднем 10,5 единиц (LQ 6,5; UQ 14) на области с первым текстом в сравнении с 5,5 ед. (LQ 1; UQ 12) для той же области в группе «симпатизирующих» белому движению (см. рис. 3). Область со вторым текстом получила в среднем 4 зрительных фиксации (LQ 1; UQ 7) в группе респондентов, симпатизирующих Красной Армии, против 1 фиксации (LQ 1; UQ 6) на аналогичной области в группе участников, чьи исторические симпатии находятся на стороне белого движения (см. рис. 4).

Поскольку число фиксаций ассоциировано с когнитивной обработкой информации, можно сделать вывод, что симпатизирующие Красной Армии участники исследования с большим вниманием читали упомянутые выше тексты, и когнитивная обработка информации, содержащейся в этих текстах, была интенсивнее. Тенденции в окуломоторных данных также свидетельствуют о том, что участники исследования, «симпатизирующие» Красной Армии, были в равной степени внимательны как к тексту, близкому по написанию к современной языковой традиции (область 6 изображения 5), так и к тексту, обсуждаемому выше, написанное которого соответствует дореволюционным правилам русского языка (области 1 и 2 изображения 6). В свою очередь, участники, заявившие о симпатиях к белому движению, уделили текстам в дореволюционной традиции написания несколько меньшее внимание, что, вероятно, связано с их более молодым возрастом и более низким уровнем опыта и / или интереса к обработке информации в подобной языковой стилистике.

Сводные показатели длительности фиксаций, представленные на рисунке 6, подтверждают выводы об особенностях восприятия и когнитивной обработке информации в данных областях изображений (рис. 5).

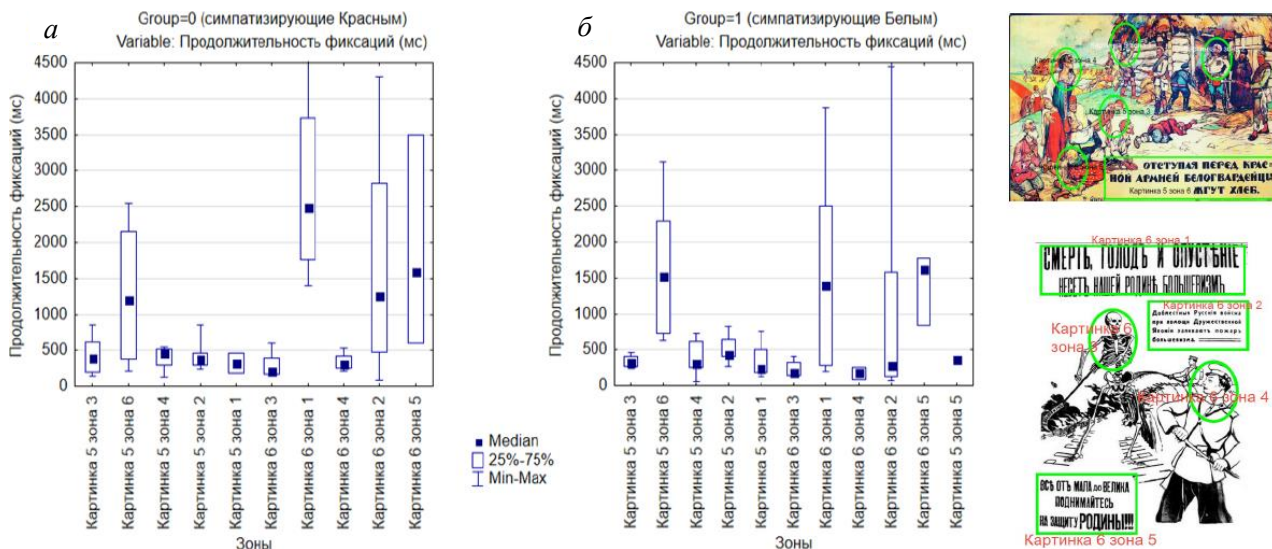

Рис. 5. Средняя продолжительность зрительных фиксаций на выделенных областях изображений у участников исследования, симпатизирующих Красной Армии (а) и белому движению (б), мс

Так, области 1 и 2 изображения 6 получили в среднем более продолжительные фиксации взгляда участников, чьи исторические симпатии находятся на стороне Красной Армии, по сравнению с симпатизирующими Белому движению. Для содержащих тексты в дореволюционной стилистике областей 1 и 2 изображения 6

средняя продолжительность зрительных фиксаций составила соответственно 2 494,5 мс (LQ 1 756,5; UQ 3 727,5) и 1 258 мс (LQ 478; UQ 2 828) у участников, «симпатизирующих» «красным», по сравнению с 1 402 мс (LQ 284; UQ 2 509) и 283 мс (LQ 131; UQ 1 584) соответственно в группе симпатизирующих белому движению (см. рис. 5).

Заключение

В целом полученные с помощью технологии айтрекинга данные позволили объективизировать процесс зрительного восприятия и изучить особенности внимания участников исследования к различным элементам и областям изображений. Более того, измеряемые окуломоторные (глазодвигательные) характеристики – фиксации и саккады – позволили сделать выводы об особенностях (например, продолжительности, интенсивности) когнитивной обработки зрительной информации, содержащейся в материалах исследования – плакатах периода Гражданской войны.

Наше исследование также показывает, что, хотя продолжительность фиксаций и время, которое участники, имеющие разные исторические симпатии, уделили изображениям, не различались, симпатизирующие Красной Армии респонденты были более внимательны к текстовым включениям на плакате, выпущенном белым движением и оформленным в дореволюционном стиле, чем к иным элементам обоих плакатов. В свою очередь, внимание участников, симпатизирующих белому движению, было распределено между плакатами

равномерно. В связи с этим мы полагаем, что связь внимания к исследуемым материалам прошлого с историческими симпатиями респондентов требует дальнейшего изучения, в том числе с детальным учетом фактора возраста участников, графического стиля исторических текстов и установок в отношении изучаемого исторического периода.

Кроме того, проведенное экспериментальное исследование позволило исследователям-историкам впервые задаться вопросом о том, могут ли в принципе аутентичные исторические источники являться релевантным стимульным материалом при выявлении ориентаций обыденной исторической памяти, поскольку, как показал характер ответов проведенного перед экспериментом анкетирования, большинство людей, не имеющих специального исторического образования, руководствуется в восприятии прошлого, скорее, теми контекстуальными знаниями и художественными репрезентациями, которые принесли когда-то школьное образование, прочитанные книги и просмотренные кинофильмы. Полученные нами результаты позволят сделать следующие шаги в этом направлении.

Список источников

1. Трубникова Н.В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 3. С. 192–196.
2. Трубникова Н.В. «Позволить прошлое как историю»: о влиянии постмодернизма на историописание в XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 192–198.
3. Шпет Г.Г. История как проблема логики : критическое и методологическое исследование : материалы : в 2 ч. / под ред. В.С. Мясникова. М. : Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров : человек–текст–семиосфера–история. М. : Языки русской культуры : Кошелев, 1996. 464 с.
5. Успенский Б.А. История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 9–70.
6. Пирс Ч. Икона, индекс, символ // Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб : Алетейя, 2000. Т. 2. С. 75–96.
7. Аванесов С.С. Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. Вып. 1 (1). С. 10–22.
8. Квашина Л.П. Семиотика плаката: жест и слово // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс : материалы конференции, Ярославль, 15–17 мая 2019 г. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2019. С. 22–29.
9. Peshkovskaya A. Egoistic versus Prosocial Decision Making: an Eye Movement Data Report. Scientific Data. doi: 10.1038/s41597-024-04083-5
10. Александрова А.Д. Интерпретация раннесоветской символики в контексте знаково-семиотической системы // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 3 (34). С. 231–239. doi: 11.20323/2499_9679_2023_3_34_231
11. Гражданская война в образах визуальной пропаганды : словарь-справочник / под ред. Е.А. Орех. СПб. : Скифия-принт, 2018. 208 с.
12. Holsanova J., Rahm H.S., Holmqvist K. Entry points and reading paths on newspaper spreads: comparing a semiotic analysis with eye-tracking measurements // Visual Communication. 2006. Vol. 5. P. 65–93. doi: 10.1177/1470357206061005
13. Just M.A., Carpenter P.A. Eye fixations and cognitive processes // Cognitive Psychology. 1976. Vol. 8. P. 441–480. doi: 10.1016/0010-0285(76)90015-3
14. Josephson S. Eye tracking methodology and the internet // Handbook of Visual Communication, Theory, Methods, and Media // K.L. Smith et al. (eds.). Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 63–80.
15. Peshkovskaya A.G., Babkina T.S., Myagkov M.G., Kulikov I.A., Ekshova K.V., Harriff K. The socialization effect on decision making in the Prisoner's Dilemma game: An eye-tracking study // PLoS ONE. 2017. Vol. 12 (4). e0175492. doi: 10.1371/journal.pone.0175492
16. Peshkovskaya A., Myagkov M. Eye Gaze Patterns of Decision Process in Prosocial Behavior // Frontiers in Behavioral Neuroscience. 2020. Vol. 14. Art. 525087. doi: 10.3389/fnbeh.2020.525087
17. Brumberger E. Generational differences in viewing behaviors: an eye-tracking study // Visual Communication. 2023. Vol. 22 (1). P. 128–151. doi: 10.1177/14703572221117839
18. Holsanova J. Reception of multimodality: Applying eye tracking methodology in multimodal research // Routledge Handbook of Multimodal Analysis / C. Jewitt (ed.). 2nd ed. London : Routledge, 2014. P. 285–296.
19. Wartenberg C., Holmqvist K. Daily Newspaper Layout – Designers' Predictions of Readers' Visual Behaviour – a Case Study. Lund : LUCS 2005. (Lund University Cognitive Studies; 126).

References

1. Trubnikova, N.V. (2005) Mezhdistsiplinarnyy al'yans ili konfrontatsiya? Diskussii frantsuzskikh istorikov i sotsiologov po teorii sotsial'nykh nauk [Interdisciplinary Alliance or Confrontation? Discussions of French Historians and Sociologists on the Theory of Social Sciences]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 308(3), pp. 192–196.
2. Trubnikova, N.V. (2018) To allow the past as a history": On the influence of postmodernism on historiography in the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436, pp. 192–198. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/23
3. Shpet, G.G. (2002) *Istoriya kak problema logiki: kriticheskoe i metodologicheskoe issledovanie* [History as a Problem of Logic: Critical and Methodological Research]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
4. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri mysl'yashchikh mirov: chelovek–tekst–semiosfera–istoriya* [Inside the Thinking Worlds: Man–Text–Semiosphere–History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury: Koshelev.

5. Uspenskiy, B.A. (1996) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 9–70.
6. Pierce, C. (2000) *Nachala pragmatizma* [Principles of Pragmatism]. Vol. 2. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 75–96.
7. Avanesov, S.S. (2014) Chto mozhno nazyvat' vizual'noy semiotikoy? [What Can Be Called Visual Semiotics?]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki*. 1(1). pp. 10–22.
8. Kvashina, L.P. (2019) Semiotika plakata: zhest i slovo [Semiotics of the poster: Gesture and word]. *Filologicheskie chteniya: Chelovek. Tekst. Diskurs* [Philological Readings: Man. Text. Discourse]. Proc. of the Conference. Yaroslavl, May 15–17, 2019. Yaroslavl: Yaroslavl State University. pp. 22–29.
9. Peshkovskaya, A. (2025) Egoistic versus Prosocial Decision Making: an Eye Movement Data Report. *Sci Data*. 12(126). DOI: 10.1038/s41597-024-04083-5
10. Aleksandrova, A.D. (2023) Interpretatsiya rannesovetskoy simvoliki v kontekste znakovno-semioticheskoy sistemy [Interpretation of early Soviet symbolism in the context of the sign-semiotic system]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 3(34). pp. 231–239. DOI: 11.20323/2499_9679_2023_3_34_231
11. Orekh, E.A. (ed.) (2018) *Grazhdanskaya voyna v obrazakh vizual'noy propagandy: slovar'-spravochnik* [The Civil War in Images of Visual Propaganda: A Dictionary and Handbook]. St. Petersburg: Skifiya-print.
12. Holsanova, J., Rahm, H.S. & Holmqvist, K. (2006) Entry points and reading paths on newspaper spreads: comparing a semiotic analysis with eye-tracking measurements. *Visual Communication*. 5. pp. 65–93. DOI: 10.1177/1470357206061005
13. Just, M.A. & Carpenter, P.A. (1976) Eye fixations and cognitive processes. *Cognitive Psychology*. 8. pp. 441–480. DOI: 10.1016/0010-0285(76)90015-3
14. Josephson, S. (2004) Eye tracking methodology and the internet. In: Smith, K.L. et al. (eds.) *Handbook of Visual Communication, Theory, Methods, and Media*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 63–80.
15. Peshkovskaya, A.G., Babkina, T.S., Myagkov, M.G., Kulikov, I.A., Ekshova, K.V. & Harriff, K. (2017) The socialization effect on decision making in the Prisoner's Dilemma game: An eye-tracking study. *PLoS ONE*. 12(4). e0175492. DOI: 10.1371/journal.pone.0175492
16. Peshkovskaya, A & Myagkov, M. (2020) Eye Gaze Patterns of Decision Process in Prosocial Behavior. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 14. Art. 525087. DOI: 10.3389/fnbeh.2020.525087
17. Brumberger, E. (2023) Generational differences in viewing behaviors: an eye-tracking study. *Visual Communication*. 22(1). pp. 128–151. DOI: 10.1177/14703572221117839
18. Holsanova, J. (2014) Reception of multimodality: Applying eye tracking methodology in multimodal research. In: Jewitt, C. (ed.) *Routledge Handbook of Multimodal Analysis*. 2nd ed. London: Routledge. pp. 285–296.
19. Wartenberg, C. & Holmqvist, K. (2005) *Daily Newspaper Layout – Designers' Predictions of Readers' Visual Behaviour – a Case Study*. Lund: LUCS.

Сведения об авторах:

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: troub@mail.ru

Пешковская Анастасия Григорьевна – кандидат психологических наук, директор Центра нейронаук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: peshkovskaya@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Trubnikova Natalia V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Ancient World, Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: troub@mail.ru

Peshkovskaya Anastasia G. – PhD in Psychology, Director of Centre for Neuroscience of Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: peshkovskaya@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 29.11.2024; accepted for publication 15.01.2025

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 27 + 7.067.2

doi: 10.17223/19988613/93/23

Народное православие как один из механизмов сохранения традиционного фольклора

Елена Альбертовна Каминская

*Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт современного искусства»,
Москва, Россия, kaminskayae@mail.ru*

Аннотация. Описывается народное православие, сложившиеся в процессе взаимодействия христианства и язычества. Выдвинута и доказана гипотеза о том, что христианство выступило одним из мощнейших механизмов актуализации фольклора. На примере обрядовых действий показаны различные варианты синтеза фольклора с христианскими элементами. Таким образом, предлагается использовать церковные институты для сохранения и актуализации традиционного фольклора как части народной культуры.

Ключевые слова: язычество, христианство, двоеверие, народное православие, традиционная культура, традиционный фольклор, обрядовые действия

Благодарности: Автор настоящей статьи выражает глубокую признательность доктору искусствоведения, доктору культурологии, профессору Г. Р. Консону за научную и стилистическую редактуру текста. Материалы, лежащие в основе данной публикации, были апробированы в рамках доклада на Международной научной конференции «Искусствоведение в контексте других наук в современном мире: параллели и взаимодействия» (21–26 апреля 2019 г., Москва; авт. проекта Г.Р. Консон).

Для цитирования: Каминская Е.А. Народное православие как один из механизмов сохранения традиционного фольклора // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 185–192. doi: 10.17223/19988613/93/23

Original article

Folk Orthodoxy as one of the mechanisms for preserving Traditional Folklore

Elena A. Kaminskaya

Nonprofit Organization of higher education “Institute of modern art”, Moscow, Russian Federation, kaminskayae@mail.ru

Abstract. The installation to oppose paganism and Christianity as two irreconcilable worldview systems has long traditions rooted in the period of the formation of monotheistic religions. It was a time when the approval of another religion associated with the development of statehood was required, which brought about changes not only in culture that was natural, but also in deep mental moods, which was a situation of apparent confrontation between "old" (paganism) and "new" (monotheism, in particular Christianity). But official institutional directives have tended to be poorer than cultural practices in which this confrontation could be expressed so clearly (e.g. pagan and Christian churches, destroyed temples, intentional killings of certain faiths, folk tools, burning masks etc.), and is not expressed at all. An analysis of such cultural practices made it possible to put forward a hypothesis that Christianity not only assimilated with paganism, but also acted as one of the most powerful mechanisms for its preservation. The synthesis of paganism and Christianity is reflected both in the everyday life of the peasants, and in the content of ritual actions (the use of Christian elements in folk holidays), and in their names (Ivan Kupalo - the unification of the names of the holidays of John the Baptist and Kupalo), and in the emergence of new genres in "the junction" of worldview systems (first of all, spiritual poetry), and in folklore texts (the appearance of Christian characters). As a result of such a union, the so-called popular Orthodoxy arose – a special phenomenon in culture, representing a kind of compromise between paganism and Christianity, organically combining elements of both. It is thanks to this synthesis that individual elements of folklore

have survived, which later created such a phenomenon as folklore culture. Using the example of ritual actions – Maslenitsa and Osenin, which marked the two most important solar dates – the spring and autumn equinox, as well as other forms of ritual culture, the article shows various options for the preservation of folklore material and its synthesis with Christian elements. Based on this, the author concludes that in modern times, all kinds of church institutions and practices should be used as ways of preserving and updating traditional folklore as part of folk culture.

Keywords: paganism, Christianity, dual faith, folk Orthodoxy, traditional culture, traditional folklore, ritual actions

Acknowledgements: The author of this article expresses deep gratitude to the Doctor of Art History, Doctor of Cultural Studies, Professor G.R. Conson for the scientific and stylistic editing of the text. The materials underlying this publication were tested in the framework of a report at the International Scientific Conference “Art Studies in the Context of Other Sciences in the Modern World: Parallels and Interactions” (April 21–26, 2019, Moscow; project author G.R. Conson).

For citation: Kaminskaya, E.A. (2025) Folk Orthodoxy as one of the mechanisms for preserving Traditional Folklore. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 185–192. doi: 10.17223/19988613/93/23

Вопросы сохранения традиционного фольклора достаточно долгое время находятся в поле зрения исследователей и деятелей культуры и искусства. Это обусловлено тем, что традиционный фольклор – одна из констант культуры, важный фактор национально-культурной идентичности, своеобразная вербальная матрица социокультурной среды, государства и человека. Все это актуализирует необходимость бережного к нему отношения, стремления к поддержанию его аутентичных форм, воссозданию и воспроизведению как отдельных образцов, так и комплекса жанров, форм, видов, а также особый научный и практический интерес.

Однако, несмотря на вышеизложенное, традиционный фольклор недостаточно глубоко и полно исследован с точки зрения его функционирования в современной культуре, а также с позиций выявления наиболее важных и существенных механизмов его сохранения и актуализации, хотя степень научной разработанности темы, на первый взгляд, довольно существенна. Перечисление исследований фольклора, традиционного фольклора, фольклорной культуры в целом заняло бы большой объем работы и могло бы стать предметом отдельного научного интереса. Стоит привести лишь малую толику работ, посвященных историческому генезису фольклора, развитию его отдельных жанров, видов, в том числе в контексте культурно-исторического развития страны (П.Г. Богатырев, Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, И.Е. Забелин, И.И. Земцовский, Б.Н. Путилов, Ю.М. Соколов, И.М. Снегирев, А.В. Терещенко, В.И. Чичеров, К.В. Чистов, В.С. Цукерман и др.), исследованию его структуры (труды В.А. Бахтиной, Г.А. Левинтона, И.А. Панкеева, Э.В. Померанцевой, В.Я. Проппа, Б.В. Седухина, М.Х.Э. Хассана и др.), этническим и региональным формам (труды А.Г. Алябьевой, Б.Г. Ашхотова, В.Е. Гусева, Л.В. Деминой, О.Я. Жировой, А.И. Лазарева, К.В. Чистова и др.), чтобы понять обширность данной проблематики. При этом вопросам сохранения фольклора как части культуры в научных исследованиях уделяется поверхностное внимание, как правило, на уровне констатации данного факта, без глубокого изучения механизмов, которые позволили бы традиционный фольклор сохранить в аутентичном виде, где это необходимо и возможно, воссоздать, грамотно воспроизвести и актуализировать в культурных практиках современности, использовать без изменения смыслов и значений.

Нам представляется, что именно христианство на определенном этапе развития культуры выступило как важнейший механизм сохранения фольклора и продолжает выполнять эту роль и в современности. Такая постановка вопроса обуславливает новизну предложенной работы.

В обыденном сознании корреляция двух мировоззренческих систем – политеистической и монотеистической – закрепились как соотношение непримиримой конфронтации друг к другу. Православный богослов, публицист, педагог, доктор богословия А. Осипов отмечал, что христианин видит в себе «язычество как недолжное начало, с которым надо бороться и противостоять. <...> И христианин отличается тем от язычника, что видит это язычество и противопоставляет ему, он борется с ним, как с болезнью» [1]. Об этом же пишет и А. Горелов: «После крещения на Руси началась и продолжалась в течение нескольких веков борьба между христианством и язычеством (прежними мифологическими представлениями)» [2]. Такая установка сложилась еще со времен сложного становления монотеистических религий, в том числе христианской, которые пытались утвердить себя в качестве доминирующих и выживать в постоянной борьбе с язычеством [3]. При этом, конечно же, утверждение их требовало серьезных изменений в различных областях жизни человека, прежде всего в его ментальности и культуре [4], что не могло осуществиться, с одной стороны, быстро, а с другой – без явного и скрытого противостояния. События истории, связанные со сменой одной мировоззренческой установки на другую, подтверждают это противодействие. Тут достаточно вспомнить гонения сначала на христиан (в период возникновения и становления христианской религии), а затем и христианской церкви и власти, на нее опиравшейся, на проявления всего языческого, в том числе и на фольклорные практики, на нем основанные. Об этом написано достаточно большое количество научных работ, опирающихся на исторические документы: летописи, жития князей и священнослужителей, древнерусские княжеские уставы, царские указы, послания (об этом см., напр.: [5]). Преследования христиан при этом обосновывались не только религиозными, но и государственными установками, в которых вся жизнь граждан (как светская, так и религиозная) подчинялась государственной власти. Целью гонений было не

столько наказание христиан как преступников, сколько возвращение их к вере и, следовательно, к законам государства. Аналогичные цели, но при гонениях на языческие проявления религиозных верований, преследовали в дальнейшем христианская церковь и устоявшаяся к тому моменту государственная власть. Так, по версии некоторых исследователей, уже в I веке н.э. были установлены законы, запрещающие языческие практики, и даже начались репрессивные действия в отношении язычников [6]. Император Константин, например, издал ряд законов, запрещающих «отвратительное идолопоклонство», жертвоприношения, возведение «культовых статуй» [7]. Однако существует версия, согласно которой эти действия начались гораздо позже, а предыдущее мнение укрепилось под влиянием христианских писателей, стремящихся создать «идеальные модели правления» или идеальный с их точки зрения образ того или иного правителя [6]. Конечно же, все эти факты нельзя сбрасывать со счетов. В то же время трактовка взаимоотношений этих двух систем как однозначно противоборствующих представляется слишком одномерной, не учитывающей действия глубинных механизмов культуры, в том числе своеобразной компенсации, сглаживавшей и нормализовавшей нарушенные процессы жизнедеятельности человека, общества и культуры, жесткость религиозных нововведений, резко трансформировавших установленный порядок жизни. Гонения, искоренение всего языческого и, стало быть, фольклорного, – это лишь официальная институциональная установка, шедшая от клерикальных кругов и поддерживавшей их светской власти. Реальная же культурная ситуация оказывалась всегда гораздо богаче и шире официально установленных предписаний. Ведь, как уже говорилось выше, становление и укрепление христианства шло параллельно существовавшему язычеству. *Следовательно, их взаимодействие и взаимопроникновение оказывалось неизбежным: «с одной стороны, мы имеем новую популярную религию, с другой – богатое Античное наследие. Взаимодействие двух религий в период после официального разрешения христианства до VI в. н.э. характеризуется использованием православными христианами некоторых древних мифов и мифологических персонажей не в ходе идеологической дискуссии, а в качестве необходимого культурного наследия»* [8. Р. 717].

Аналогичная ситуация происходит и в отечественной культуре, где после официального принятия христианства на государственном уровне еще долго продолжали существовать языческие верования (см. подробнее: [9]). В «Истории русской церкви» подчеркивается, что, несмотря на достаточно долгий период существования христианства в России, многие жители страны оставались, по сути, язычниками, сохраняя «обычаи и суеверия своих отцов» [10]. Следовательно, можно говорить о *сохранении в народной памяти и актуальных в те времена культурных практиках фольклорных элементов, связанных с языческими обрядами* (так называемый обрядовый фольклор). Об этом же написано и в Стоглавом соборе: «В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и смехотворцы, и гуельники и бесовские песни поют, и как к церкви вен-

чаться поедут, священник со крестом будет, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рыщут (3), а священницы им о том не возбраняют и не запрещают. (...) О том (...) запрещати великим запрещением» [11].

Можно приводить множество высказываний о том, что в отечественной культуре на протяжении всей «христианской» истории ее существования отмечались элементы язычества, сохранившиеся в большей или меньшей степени, в том числе в произведениях фольклора. Наиболее показательным, на наш взгляд, является высказывание Д.С. Лихачева: «Язычество не отрицательная величина. Оно представляет собой определенную культурную ценность, которая с принятием христианства не обесценивается, а поднимается на высоту иного миропонимания» [12]. Более того, можно приводить аргументы как за их симбиоз, мирное сосуществование, так и против этого. В современных публикациях встречается явное противостояние мнений, наблюдаемое, в частности, в высказываниях религиозных деятелей. В публикации Союза православных журналистов на Фейсбуке¹ в этом смысле показательна заметка: «Верующие во Христа православные люди идут в Храм на Исповедь, приступают ко Святому Причастию, молятся Иоанну Крестителю, а не скачут через костры, не ищут среди ночи мифические цветки и не гадают» [13]. В то же время ректор Российского православного университета им. Иоанна Богослова игумен Петр (Еремеев) говорит: «Распространение христианства среди народов Средиземноморья послужило толчком к созданию новых уникальных направлений культурной жизни, основой которых подчас становились существующие традиции. Церковь сохранила многие традиционные устои и направления творчества крещеных народов, придавая им новые смыслы. Схожим образом происходило позднее, когда христианство принимали народы с менее развитой культурой, чем ромеи. В этом случае порой именно христианство сохраняло язык и традиции новообращенных народов. Именно так происходило на российском Дальнем Востоке, когда именно миссионеры, создавая письменность для принимавших Христа народов, бережно сохраняли ту культуру, которая связывала их паству с предками» [14]. Следовательно, можно смело утверждать, что эти две мировоззренческие системы оказались, на первый взгляд, парадоксальным образом взаимопользны, и в силу этого они взаимно друг друга использовали.

Для утверждения христианских элементов культуры потребовались механизмы, свойственные традиционным ее формам, в том числе и фольклорным явлениям, которые бы позволили не просто формально признать новую религию, но и понять ее, пережить на уровне смыслов образно-эмоционального строя, включить в систему общезначимых ценностей. Одним из таких механизмов выступил *процесс взаимной диффузии языческих и православных культурных текстов и практик. Возникают явления, где невозможно искусственно отделить одно от другого. Происходит так*

¹ Деятельность социальной сети Facebook признана экстремистской и запрещена на территории России с 4 марта 2022 г.

называемая фольклоризация христианства и «христианизация» языческого слоя культуры. Приведем некоторые примеры.

В период христианизации Руси появились народные духовные стихи – песнопения на религиозную тематику, чаще всего на жития святых, положенные на популярные народные мотивы того времени. Это было необходимо для того, чтобы донести основную мысль христианства, рассказать о нем, его основных догматах и персонажах в простой понятной форме. Песенный жанр избирался как наиболее популярный в то время, образный, доступный для восприятия и воспринимавшийся не только на уровне сюжета, но и глубоко чувственно, эмоционально. Другие примеры трансформации фольклора под влиянием христианства – перенос дат языческих обрядовых действий в зависимости от христианских праздников и постов (зимние и зеленые святки, обряды, дошедшие до нас под названием масленичной недели и пр.). Трансформируются названия языческих празднеств (Иван Купало – от объединения наименований дня св. Иоанна и Купалы; рождественские колядки – обряды колядования, оказавшиеся приуроченными к Рождеству Христову; Егорьев день – от наименования дня св. Георгия и т.д.). В текстах фольклорных произведений появляются христианские персонажи, такие как Илья Пророк, Богоматерь и Христос в рождественских колядках, святочных песнях, закличках и т.д. Конечно, языческие обряды и фольклорные тексты, их сопровождавшие, подвергались большим трансформациям по сравнению с христианскими. Но и последние не оставались неизменными, находясь в столь близком контакте и взаимодействии с первыми. Существуют записи фольклорных (этнографических) экспедиций, фиксирующие плетение венков в церкви и их ношение священниками на Троицу; известны освящения булочек-жаворонков, изначально связанных с закличками весны, а в дальнейшем приуроченных к дню памяти сорока мучеников и др. (Подробнее можно ознакомиться, например, в видеолекции Даниила Крапчунова «Двоеверие в традиционной культуре: история и современность в восприятии народной традиции» [15].) На кладбищах до сих пор можно увидеть так называемые «голубцы» («срубцы») – своеобразные крыши над могилами крестами, которые восходят к древнейшим столбам дохристианского периода, устанавливаемым на мольбищах (подробнее с этим можно ознакомиться в [16]). Их изображения встречаются на картинах отечественных художников, например, «Сцена на могиле» В. Перова (рис. 1), «Сельское кладбище в лунную ночь» А. Саврасова (рис. 2), «Старообрядческое кладбище» В. Плотникова (рис. 3), «Панихида в девятый день на кладбище» К. Савицкого, «Кладбище зимой» М. Якунчиковой, «Забывтое кладбище» Ю. Клевера, «В лесу» С. Ефюшкина.

Следовательно, возникали некие гибридные, а по сути – синтезированные явления, которые органично сочетали в себе элементы фольклорного и православного. Конечно, трансформации фольклорных текстов и практик, с одной стороны, способствовали их частичному вытеснению и даже забвению, с другой стороны, как ни парадоксально, их сохранению.

Рис. 1. В.Г. Перов. Сцена на могиле. 1859. Источник изображения: URL: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1582-kartina-scena-na-mogile-perov-1859.html

Рис. 2. А.К. Саврасов. Сельское кладбище в лунную ночь. 1887. Источник изображения: URL: <http://alexey-savrasov.ru/kartina/70.php>

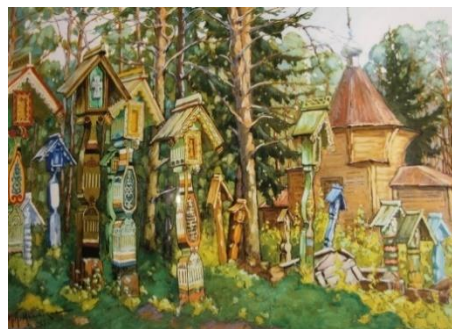

Рис. 3. В.А. Плотников. Старообрядческое кладбище. 1907. Источник изображения: URL: <https://gazeta-lacey.ru/dmitrymoskin/4414-plotnikov-vladimir-aleksandrovich-1866-1917>

Таким образом, возникает ситуация, когда институционально-церковные установки на искоренение фольклорных элементов культуры не смогли препятствовать появлению феноменов, сочетающих церковно-христианские и простонародно-языческие мотивы, образность, символику, передающие принципиально значимые культурные смыслы, звучание которых оказывалось даже более значимым в этом синтезе. Тем самым христианская религиозность, по формальному послы оппозиционная фольклору, органично использовала сложившуюся культурную систему, встретила в нее и ее же преобразила. Такие тенденции характерны для культуры в целом как для органичного явления: не устранение предыдущих практик, текстов, феноменов,

а их трансформация, благодаря которой последние сохраняются. Потому что сама культура мудрее, чем какая бы то ни было система, в нее входящая. Она не отбрасывает ничего из того, что уже было создано и, может быть, полезно для ее дальнейшего развития.

Иллюстрацией к этому могут стать примеры музыкальных композиций современных отечественных ав-

торов, например кантата В. Беляева «Матушка Мария» (2001), где переосмыслены фольклорные и церковные песенные жанры, «Христос воскрес» В. Рубина на народные тексты (1994–1997), концерт-действие «Покаяние» В. Калистратова, в котором синтезированы фольклорные и церковные музыкальные истоки, так же как и в оратории «Русские страсти» А. Ларина и пр.

НЕ ШУМ ШУМИТ, НЕ ГРОМ ГРЕМИТ

из оратории "Русские страсти" №1

А. Ларин

Слова русские народные

Allegretto
(выходя на сцену)

mf

Сопрано
Альты

Ня шу - м шу - мит, ня гром гре - мит, Хрис -
тос, Сын Бо - жа! И - ду - т - бря - дут во -
тос вос - кре - се, Сын Бо - жа! (выходя на сцену)
И - дут во -

ВЕЧЕРИ ТВОЕЯ ТАЙНЫЯ

из оратории "Русские страсти" №7

А. Ларин

Текст православный канонический, в партии баритона соло использован евангельский текст

Moderato uguale
текуче

pp

Сопрано
Альты
Тенора
Басы

Ве - че - ри Тво - е - я тай - ны - я днесь, Сы - не
М...
М...
М...

Эти примеры демонстрируют не просто «соседство» различных пластов музыкальной культуры, но и их творческое переосмысление, сближение, пусть в рамках одного музыкального произведения. Тем самым еще раз доказывается, что культура гораздо многообразнее, чем институциональные догматы.

Именно этим объясняется парадоксальность описываемой ситуации, когда декларируемая цель оказывается и решенной, и не решенной одновременно. *Традиционный фольклор развивается в тесной связке с каноническим христианством, образуя так называемое народное православие, некое компромиссное (между язычеством и христианством) явление в культуре как особую систему мировоззрения, где в сложном сочетании органично сосуществуют элементы фольклорного и христианского мировоззрения.* При этом фольклор, который мог (и официально должен был) исчезнуть, сохраняется в этом синтезе.

В этом отношении показателен осенний обрядовый цикл (Осенины). Осень – наиболее благоприятное время для проведения обрядов, связанных с аграрными работами, чему и посвящены языческие празднества. Во-первых, приходит время сбора урожая, и, как следствие, имеется возможность более щедрого, по сравнению с другими временами года, застолья, являющегося неотъемлемой частью обрядов (выход из обряда осуществляется в том числе через обрядовую трапезу). Во-вторых, почти полное отсутствие христианской обрядовости (в частности, длительного поста) в этот период должно было способствовать сохранению языческой обрядовости. Наличие Рождества Богородицы – единственного великого христианского праздника этого периода – никак не должно было повлиять или повлиять в наименьшей степени на обрядовые действия, посвященные осеннему равноденствию (Осенины).

Однако для полноценного сохранения Осенин наличие столь благоприятных факторов, описанных выше, не оказало существенного влияния. К сожалению, все, что мы знаем об этих обрядовых действиях, – это то, что проводилось три встречи осени; существовали отдельные ритуально-обрядовые действия (похороны мух, разжигание костров) и ряд действий, приуроченных к аграрным работам (капустные вечера), наделенных магическим смыслом. Эти весьма скудные сведения не дают нам целостного представления о комплексе обрядовых действий, проводимых в период осеннего равноденствия. Учитывая, что все важные солярные даты, в число которых входит и осеннее равноденствие, сопровождались двухнедельным (или десятидневным) комплексом обрядов, способствующих достижению Солнцем кульминационной точки и выходу из нее, мы должны констатировать, что на Осенины этот комплекс утерян почти полностью.

В то же время при менее благоприятных внешних факторах этого не случилось с некоторыми другими обрядовыми действиями. Например, так называемая масленичная неделя, хотя и в сокращенном, а также видоизмененном под влиянием христианства и светской городской культуры варианте, сохранилась до наших дней. При этом достаточно часто на картинах отечественных художников можно увидеть проведение этого обряда рядом с христианскими храмами (рис. 4).

Рис. 4. Б.М. Кустодиев. Масленица. 1919. Источник изображения: URL: <http://www.art-portrets.ru/art20veka/kartina-kustodieva-maslenitsa.html>

Слияние языческих и христианских элементов на Масленицу находило свое отражение и в произведениях западных живописцев (рис. 5).

Рис. 5. Питер Брейгель Старший. Битва Поста и Масленицы. 1559. Источник изображения: URL: <https://gallerix.ru/storeroom/1029566649/N/1143874133/>

Нам известна точка зрения ряда исследователей, которые отрицают наличие языческих элементов в данном обряде (см., напр., [17]). Однако такое упрощенное видение проблемы и преподнесение ее только с одной стороны (христианской), на наш взгляд, противоречит сложному характеру исторического взаимодействия различных по своему генезису интенций, неизбежно (опять-таки в силу объективных культурно-исторических обстоятельств) приходящих в ситуацию активного взаимодействия.

На зеленых святках, несмотря на то что дошли до нас отдельные ритуальные действия, – Русальин день, похороны кукушки, Семик, Троица, но всё же они выстроены в целостный комплекс, имеющий своей логической кульминацией обряд Ивана Купало.

Аналогичная Осенинам ситуация складывается с зимними святками (колядованием): до нас дошли обряды троекратного колядования под Рождество, Новый год (Васильев день) и Крещение. Такой значительной потере языческой обрядовости способствовала христианская: Рождественский пост, время от Рождества до Крещения (Святки). Но, как было отмечено, на Осенины такой ситуации нет. Однако и цельного комплекса обрядовых действий и фольклорных текстов, их сопровождавших, тоже не сохранилось. Этот пример наглядно демонстрирует, что *христианство способствует сохранности фольклора*, ведь «фольклор не просто колыбель письменности, но тот самый фундамент народного сознания, который так органично соединился с Православием» [18].

Приведенные примеры не просто констатируют факт взаимопроникновения православия и язычества. Прежде всего, они свидетельствуют о том, что православие стало тем мощнейшим *механизмом сохранения народной культуры и фольклора*, против которых формально само и выступало. Отчасти это осознавали деятели христианской церкви, которые занимались собиранием и исследованием фольклора, например Е. Фаворский, А. Соболев, П. Флоренский (см.: [19]); во многих регионах служители официального культа принимали участие в собирательской работе, например в рамках деятельности Русского географического общества из 100 корреспондентов 94 были священниками или имели духовное звание. Флоренский считал необходимым изучение фольклора духовенством: «Для церковного деятеля <...> необходимо узнать и понять народное жизнепонимание в целом. <...> Без знания этой среды народный пастырь бросал бы семена поучения в каменистую почву...» (цит. по: [20]).

Но для нас важнее отметить иное обстоятельство: социокультурная ситуация должна быть поучительной для деятелей в сфере культурной политики. *В процессе актуализации фольклора, в том числе в современных культурных практиках, роль православной церкви оказывается более значимой, чем роль отдельно взятых фольклористов и других подвижников фольклора*, что было показано в рамках данного исследования. Вернувшись с новой силой в постсоветское пространство, христианская церковь особое внимание обратила на образование и просвещение детей и молодежи. В воскресных школах, православных детских и молодежных

лагерях изучают не только христианские тексты, но и народные сказки, пословицы, фольклорные песни. На церковных подворьях проводят празднования Масленицы, а на Пасху устраивают фестивали и концерты народных коллективов. По справедливому мнению Т. Рудиченко, «изменяется и механизм трансляции фольклора, осуществляемый преимущественно в организованных формах...», происходит «искусственная поддержка традиционной культуры посредством организации фестивалей и праздников» [21. С. 24].

Поскольку эти празднования носят более массовый характер, чем мероприятия, проводимые отдельными учреждениями культуры и фольклорными союзами, то и приобщение к традициям народной культуры идет более активно. Можно высказать предположение, что наряду с возрождением православных традиций в современности будут актуализироваться и традиционные ценности, устои, нравственные установки, которые в том числе заложены в фольклорных текстах и действиях. А значит, фольклор будет продолжать свое дальнейшее су-

ществование. Следовательно, в деле его пропаганды синтез, описанный выше, – мощный ресурс для целенаправленной работы в данном направлении, который необходимо активно использовать для сохранения собственной идентичности, углубления межпоколенных связей и опоры на глубинные, коренные культурные смыслы. Ведь «для человечества важно не утратить многообразие своих неповторимых <...> проявлений. А для этого необходимо осознание тех особенностей, которые присущи той или иной национальной традиции» [22. С. 666]. Именно поэтому в современности «необходимо принять срочные экологические меры для сохранения многообразия форм человеческого творчества. Иначе мы утратим огромные культурные ценности, что, разумеется, самым негативным образом скажется на развитии человечества и человечности» [22. С. 667]. Таким образом, именно христианство, как это ни парадоксально, может и должно послужить механизмом сохранения и актуализации народной культуры и традиционного фольклора, как ее неотъемлемой части.

Список источников

- Осипов А.И. Отличие христианства от язычества // Осипов А.И. Лекции по апологетике на 5 курсе МДС // Библиотека «Святоотеческое наследие». URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/kurs_1/txt05.html (дата обращения: 08.08.2019).
- Горелов А.А. История мировых религий. М. : Флинта, 2011. 81 с. URL: <https://litlife.club/books/210402> (дата обращения: 08.08.2019).
- Каминская Е.А. Христианство и язычество: аспекты культурного диалога в фольклоре // Православное наследие в культуре России: история, актуальность диалога : материалы Всерос. науч.-практ. конф. XI Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура» / сост. И.Н. Морозова. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2013. С. 401–406.
- Al-Nasarat M. From Paganism to Christianity. General remarks on the religious changes in Petra (1st–6th cent. AD) // *Studia Ceranea*. 2018. Vol. 8. P. 209–236.
- Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии : с приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 288 с. (Библиотека христианской мысли. Исследования).
- Рудоквас А.Д. Очерки религиозной политики Римской империи времени императора Константина Великого // Центр Антикведения СПбГУ. 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/rudokvas/rud010.htm> (дата обращения 01.08.2019).
- Barnes T.D. Constantine's prohibition of pagan sacrifice // *American Journal of Philology* IOS. 1984. Vol. 105 (1). P. 69–72. URL: <https://www.jstor.org/stable/294627> (05.04.2019).
- Litovchenko E., Shilina S., Sapenko V., Dudka A., Sinitsa M. Three Types of Coexistence of Pagan and Christian Elements in the Late Roman Intellectuals' Mentality // *Journal of History Culture and Art Research*. 2018. Vol. 7 (2). P. 715–721.
- Двоеверие на Руси // Русский след в мировой истории. URL: <http://ru-sled.ru/dvoeverie-na-rusi/> (дата обращения: 08.06.2019).
- Крянев Ю.В., Павлова Т.П. Двоеверие на Руси // История религии. URL: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000033/st035.shtml> (дата обращения 01.08.2019).
- Стоглавый собор // Российское законодательство X–XX веков // Хронос. М., 1985. Т. 2. С. 267–374. URL: http://hrono.ru/dokum/1500dok/1551_100glav.php (дата обращения 1.07.2019).
- Лихачев Д.С. Книга беспокойств : статьи, беседы, воспоминания. М. : Новости, 1991. 526 с. URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3559_lihahev-kniga_bespoikoystv.php (дата обращения 10.07.2021).
- Иеромонах Вячеслав (Максименко) Празднующие языческий шабаш «Ивана Купальника» обречены на ад // Союз православных журналистов. URL: <https://spzh.news/ru/socseti/63428-prazdnujushhije-jazycheskij-shabash-ivana-kupalynika-obrecheny-na-ad> (дата обращения: 06.07.2019).
- Игумен Петр (Еремеев) Беседа о проведении праздника Масленицы на Димитровском подворье // Личный архив автора.
- Крапчунов Д.Е. Двоеверие в традиционной культуре: история и современность в восприятии народной традиции // Академия этнокультурных программ. Лекция 11. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ikhuum9X8kE> (дата обращения 23.07.2019).
- Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества русского Севера : по материалам комплексной экспедиции Института истории искусств АН СССР и Государственного исторического музея. М. : Академия наук, 1955. 182 с.
- Крапчунов Д.Е. Проблема соотношения христианского и языческого в восприятии русской традиционной культуры на примере масленичной обрядности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. 3 (5) URL: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2015&issue=3&article_id=5554 (дата обращения 10.07.2021).
- Крупин В.Н. Фольклор способствовал принятию нами Православия. URL: http://www.hram-vsr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=592:n101030-3&catid=48:life&Itemid=94 (дата обращения: 2.08.2019).
- Православные священники – собиратели русского фольклора: Е.А. Фаворский, А.Н. Соболев, П.А. Флоренский : сб. / сост., подгот. текстов, примеч.: В. Г. Смолицкий; вступ. ст. А.В. Кулагина; редкол.: Каргин А.С. (пред.) и др. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2004. 414 с.
- Антипенко Л.Г. Павел Флоренский. Штрихи творческой жизни // Русская Мысль. 1993. № 1–2. С. 10–43.
- Рудиченко Т.С. Традиционная музыкальная культура в современном мире // Проблемы музыкальной науки. 2013. № 2 (13). С. 23–28.
- Консон Г.Р. Характерные музыкальные жанры народов бывшего Советского Союза: интервью с В.М. Щуровым // Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: параллели и взаимодействия : сб. тр. Междунар. науч. конф., 23–28 апреля 2017 года / ред.-сост. Г.Р. Консон. М. : Согласие, 2017. С. 665–667.

References

- Osipov, A.I. (n.d.) *Leksii po apologetike na 5 kurse MDS* [Lectures on Apologetics for the 5th year of MDS]. [Online] Available from: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/osipov/kurs_1/txt05.html (Accessed: 8th August 2019).
- Gorelov, A.A. *Istoriya mirovykh religiy* [History of World Religions]. Moscow: Flinta.

3. Kaminskaya, E.A. (2013) Khristianstvo i yazychestvo: aspekty kul'turnogo dialoga v fol'klоре [Christianity and paganism: Aspects of cultural dialogue in folklore]. In: Morozova, I.N. (ed.) *Pravoslavnoe nasledie v kul'ture Rossii: istoriya, aktual'nost' dialoga* [Orthodox Heritage in Russian Culture: History, Relevance of Dialogue]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. pp. 401–406.
4. Al-Nasarat, M. (2018) From paganism to Christianity. General remarks on the religious changes in Petra (1st – 6th century AD). *Studia Ceranea*. 8. pp. 209–236.
5. Tyulenev, V.M. (2005) *Rozhdenie latinskoj khristianskoj istoriografii : s prilozheniem perevoda "Tserkovnoy istorii" Rufina Akvileyskogo* [The birth of the Latin Christian historiography: With the translation of the "Ecclesiastical History" of Rufinus of Aquileia]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
6. Rudokvas, A.D. (2001) *Ocherki religioznoj politiki Rimskoj imperii vremeni imperatora Konstantina Velikogo* [Essays on the religious policy of the Roman Empire in the time of Emperor Constantine the Great]. St. Petersburg: Center for antique Studies.
7. Barnes, T.D. (1984) Constantine's prohibition of pagan sacrifice. *American Journal of Philology IOS*. 105 (1). pp. 69–72. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/294627> (Accessed: 5th April 2019).
8. Litovchenko, E., Shilina, S., Sapenko, V., Dudka, A. & Sinitsa, M. (2018) Three Types of Coexistence of Pagan and Christian Elements in the Late Roman Intellectuals' Mentality. *Journal of History Culture and Art Research*. 7(2). pp. 715–721.
9. Anon. (n.d.) *Dvoeverie na Rusi* [Dual faith in Russia]. [Online] Available from: <http://ru-sled.ru/dvoeverie-na-rusi/> (Accessed: 8th June 2019).
10. Kryanev, Yu.V. & Pavlova, T.P. (n.d.) *Dvoeverie na Rusi* [Dual faith in Russia]. [Online] Available from: <http://religion.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000033/st035.shtml> (Accessed: 1st August 2019).
11. Anon. (1985) Stoglavyy sobor [The Stoglav Synod]. In: Chistyakov, O.I. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries]. Vol. 2. Moscow: Kronos. pp. 267–374.
12. Likhachev, D.S. (1991) *Kniga bespokoystv : stat'i, besedy, vospominaniya* [Book of Worries: Articles, Conversations, Memories]. Moscow: Novosti).
13. Hieromonk Vyacheslav (Maksimenko). (s.n.) *Prazdnyushchie yazycheskiy shabash "Ivana Kupal'nika" obrecheny na ad* [Celebrating the pagan Sabbath "Ivan Kupalnik" doomed to hell]. [Online] Available from: <https://spzh.news/ru/socseti/63428-prazdnuyushhije-jazycheskiy-shabash-ivana-kupal'nika-obrecheny-na-ad> (Accessed: 6th July 2019).
14. Hegumen Petr (Eremeev). (n.d.) *Beseda o provedenii prazdnika Maslenitsy na Dimitrovskom podvor'e* [Talk about the celebration of Maslenitsa on Dimitrov farmstead]. From the author's archive.
15. Krapchunov, D.E. (n.d.) *Dvoeverie v traditsionnoy kul'ture: istoriya i sovremennost' v vospriyatii narodnoy traditsii* [Duality in Traditional Culture: History and Modernity in the Perception of Folk Tradition]. Academy of Ethnic Cultural Programs. Lecture 11. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=Ikhuum9X8kE> (Accessed: 23rd July 2019).
16. Makovetskiy, I.V. (1955) *Pamyatniki narodnogo zodchestva russkogo Severa : po materialam kompleksnoy ekspeditsii Instituta istorii iskusstv AN SSSR i Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Memories of Folk Art of the Russian North: Based on Materials from the Complete Expedition of the Institute of Art History of the Academy of Sciences of the USSR and the State Historical Museum]. Moscow: Akademiya nauk.
17. Krapchunov, D.E. (2015) Problema sootnosheniya khristianskogo i yazycheskogo v vospriyatii russkoj traditsionnoy kul'tury na primere maslenichnoy obryadnosti [The problem of the correlation of the Christian and pagan in the perception of Russian traditional culture on the example of the Maslenitsa rite]. *ИПАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki*. 3(5). [Online] Available from: https://praxema.tspu.edu.ru/archive.html?year=2015&issue=3&article_id=5554 (Accessed: 10th July 2021).
18. Krupin, V.N. (n.d.) *Fol'klор sposobstvoval prinyatiyu nami Pravoslaviya* [Folklore contributed to the adoption of Orthodoxy]. [Online] Available from: http://www.hram-vsr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=592:n101030-3&catid=48:life&Itemid=94 (Accessed: 2nd August 2019).
19. Kargin, A.S. et al. (eds) (2004) *Pravoslavnye svyashchenniki – sobirатели russkogo fol'klора: E.A. Favorskiy, A.N. Sobolev, P.A. Florenskiy* [Orthodox priests as collectors of Russian folklore: E.A. Favorskiy, A.N. Sobolev, P.A. Florenskiy]. Moscow: Gos. resp. tsentr rus. fol'klора.
20. Antipenko, L.G. (1993) Pavel Florenskiy. Shtrikhi tvorcheskoj zhizni [Pavel Florensky. The strokes of creative life]. *Russkaya Mysl'*. 1–2. pp. 10–43.
21. Rudichenko, T.S. (2013) Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura v sovremennom mire [Traditional music culture in the modern world]. *Problemy muzykal'noy nauki*. 2(13). pp. 23–28.
22. Konson, G.R. (2017) Kharakternye muzykal'nye zhanry narodov byvshego Sovetskogo Soyuzа: interv'y u s V.M. Shchurovym [Characteristic musical traditions of the peoples of the former Soviet Union: interview with V.M. Shchurov]. In: Konson, G.R. (ed.) *Iskusstvovedenie v kontekste drugikh nauk v Rossii i za rubezhom: paralleli i vzaimodeystviya* [Art history in context of other disciplines in Russia and abroad. Parallels and Interactions]: Moscow: Soglasie. pp. 665–667.

Сведения об авторе:

Каминская Елена Альбертовна – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Автономной некоммерческой организации высшего образования «Институт современного искусства» (Москва, Россия). E-mail: kaminskaya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kaminskaya Elena A. – Doctor of Cultural Studies (DSc in Cultural Studies), PhD in Pedagogics, Professor, Vice-Rector for Educational and Methodological Work Professor of Directing Department Theatrical Performances and Celebrations of Nonprofit Organization of Higher Education «Institute of Modern Art» (Moscow, Russian Federation). E-mail: kaminskaya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2021; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 12.05.2021; accepted for publication 15.01.2025

Научная статья
УДК 9.93/94
doi: 10.17223/19988613/93/24

Исследования научного наследия Н.Ф. Катанова в Турции

Сумейра Унал

Томский государственный университет, Томск, Россия, smyra.unal.iu@gmail.com

Аннотация. Рассматривается история библиотеки Н.Ф. Катанова, в которой хранилось огромное количество научных трудов по языку и литературе, религии и фольклору, истории и географии, а также этнографии. Из-за финансовых трудностей и давления со стороны жены библиотека Катанова была продана и перевезена в Турцию. Впоследствии он провел ряд исследований в Турции, которые также рассматриваются в настоящей статье. В ходе исследования автор преимущественно опирался на турецкую научную литературу, представляя тему с точки зрения Турции.

Ключевые слова: Н.Ф. Катанов, библиотека Катанова, Хильми Паша, тюркология, Институт тюркологии Стамбульского университета

Для цитирования: Унал Сумейра. Исследования научного наследия Н.Ф. Катанова в Турции // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 193–198. doi: 10.17223/19988613/93/24

Original article

Studies about N.F. Katanov in Turkey and the process of the Katanov library coming to Turkey

Sumeyra Unal

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, smyra.unal.iu@gmail.com

Abstract. Nikolay Fedorovich Katanov, one of the most prominent representatives of Russian Turkology and oriental science, who lived at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century, was originally from Khakassia Turks. With his surprisingly wide knowledge of languages and different interpretations, Katanov's name and works are still well-known by researchers from many parts of the world. Katanov, who knew the languages and dialects of the Turkic peoples of Southern Siberia, Central Asia and Eastern Europe rather well and conducted research on their culture and history, served as a professor of Comparative Linguistics at Kazan University and embed his name in the world of science with the rich scientific heritage he left behind. Unfortunately, such a scientist did not receive the recognition he deserved until 1957. Since then, in the programs commemorating Katanov's birthday held every year at Kazan and Khakassia State Universities, the works that were the results of his 40-year work began to be examined and the different dimensions of these works began to be discovered. There are 382 works known to have been published during his lifetime, but Katanov's role in the numerous works in which he laid the foundations and guided these works should not be denied.

In this study, the sale of Katanov's valuable library, which consists of the data he obtained as a result of his science trips and all the works on the branches of science, language, religion, literature, folklore, history, geography and ethnography, which he accumulated throughout his life, was sold and brought to Turkey as a result of his wife's pressure and especially financial difficulties. Additionally, studies on Katanov in Turkish were also mentioned. In the study, we tried to use especially Turkish academic literature and look at the subject from Turkish's perspective.

Keywords: N.F. Katanov, Katanov Library, Hilmi Pasha, Turkology, Institute of Turkology, Istanbul University

For citation: Unal Sumeyra (2025) Studies about N.F. Katanov in Turkey and the process of the Katanov library coming to Turkey. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 193–198. doi: 10.17223/19988613/93/24

Н.Ф. Катанов – один из признанных основателей российской тюркологии. Между тем анализ его научного наследия как в российской, так и в турецкой историографии представлен недостаточно полно, что и определило цель данной статьи – расширить источниковую базу исследования, обратившись к истории по-

явления его библиотеки в Турции. Среди методов, использованных в работе, следует отметить сравнительно-исторический и биографический, позволившие представить внешние обстоятельства и внутренние переживания Н.Ф. Катанова как человека и ученого на переломе исторической эпохи рубежа XIX–XX в.

Вероятно, первым исследованием о Н.Ф. Катанове, проведенным в Турции, стал перевод на турецкий язык работы Ирины Коковой «Николай Федорович Катанов» в 1998 г. Эта работа стала основным источником всех последующих исследований о Катанове. Приведенные в предисловии к работе слова Николая Федоровича, обращенные к его другу востоковеду Е.К. Пекарскому, могут дать нам представление о его жизненной философии и источнике его решимости: «*Как Учитель, я здесь с общепринятым утверждением: “Люди восточного происхождения обречены на смерть”. Мне приходится вести жесткую борьбу с идеей, что “поэтому с ними нельзя иметь дело”*».

Работа И. Коковой, включающая переводы сочинений Катанова, является первой биографической работой о Катанове, известной в Турции. В ней на турецком языке представлены его статьи «Я восточник по происхождению», «Я очень хорошо обосновался в Казани», «Мало кто интересуется жителями Востока», «Безнадёжная и безвыходная ситуация», «Его потери не могло быть», «Компенсируется любым способом» и «Того, кого не поливали грязью» [1]. В том же 1998 г. Аттила Багчи опубликовал перевод произведения Катанова «Среди тюркских племен» в виде статьи, а в 2004 г. – в виде небольшой монографии.

В этой книге представлены автобиография Катанова и воспоминания его дочери Анны (Нюры) Катановой, а также библиографический список трудов исследователя, составленный С.И. Ивановым. Здесь работы Катанова представлены по годам публикации, книга включает такие статьи, как «О свадебных традициях татар Восточного Туркестана», «Песня о Худаяр-хане и приходе русских», «Китайский бунтовщик Чи Чи Гун», «О погребальных традициях тюркских племен Центральной и Восточной Азии», «Этнографические панорамы тюрко-татарских племен», «Среди тюркских племен», а также перевод статьи «Традиция гадания у народов Восточного Туркестана, говорящих на татарском языке» [2].

В 2002 г., к 140-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова, при поддержке организации ТЮРКСОЙ были изданы «Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии». В этом сборнике собраны опубликованные Катановым статьи о языке, фольклоре и этнографии сибирских тюрков, особенно тюрков-хакасов, на трех языках: турецком, хакасском и русском. Благодаря совместной работе Министерства образования Республики Хакасия и Турецко-Хакасского научно-исследовательского института данное издание стало выдающимся трудом, который знакомит с хакасской культурой и деятельностью Катанова в Турции [3].

Произведение Н.Ф. Катанова «Письма из Сибири и Восточного Туркестана», переведенное Бурчаком Оккали в 2008 г., представляет собой краткую книгу о путешествиях. Хотя в работе автор дает разрозненную информацию, ее тексты интересно и приятно читать, поскольку они сохранили непосредственные впечатления от путешествий и исследований. Эта работа является сборником кратких отчетов о поездках по Сибири и западным районам Китая в 1889–1892 гг.,

отправленных Катановым академику В.В. Радлову во время преподавания в Санкт-Петербургском университете [4].

Докторская диссертация Гюлькана Иналджыка под названием «Жизнь, библиотека и труды Николая Федоровича Катанова в области тюркологии» была защищена в 2022 г. Эта работа напомнила турецким читателям и научным кругам о Катанове и представила новые факты из жизни ученого. Диссертация была опубликована кафедрой тюркологии Стамбульского университета. В исследовании Г. Иналджыка рассматриваются детство, юность и научно-образовательная деятельность Катанова, его поездки в Сибирь, Северную Монголию, Джунгарию и Восточный Туркестан, трудности, с которыми он сталкивался в научных исследованиях, его музейная работа, его библиотека в Стамбуле и содержание его основных произведений. Также приводится библиографический список работ Н.Ф. Катанова, связанных с этнографией, религией, культурой, музееведением и автобиографическими воспоминаниями. Учитывая ограниченное количество работ Катанова, переведенных в Турции, можно утверждать, что уникальная диссертация Иналджыка является важным вкладом в поддержание интереса к Катанову в турецких научных кругах [5]. В монографии особое внимание уделяется библиотеке Н.Ф. Катанова, которая хранится в Турции.

Прежде чем рассматривать процесс продажи библиотеки и перевоза ее в Турцию, важно учитывать материальные и моральные условия, при которых Катанову пришлось ее продать. Из писем, адресованных родственникам ученого, следует, что Катанов переживал серьезную финансовую и моральную депрессию. Основными причинами этого были научная неприязнь со стороны коллег в Казанском университете, где он работал, и чувство моральной усталости и одиночества из-за недостаточной оценки его труда. В статье Н.В. Никольского о жизни и творчестве Катанова упоминаются слова самого исследователя о том, что крайне важны «знания о тяжелой борьбе сельского тюрка на поприще русского востоковедения».

Казанский университет встретил Николая Федоровича холодно. Коллеги были удивлены присутствию хакаса, т.е. жителя Востока, в их привилегированной среде. Некоторые профессора пожимали плечами, когда Катанов присоединился к казанскому тюркологическому сообществу, и говорили: «Скоро к нам пришьют дикарей» [1. С. 35]. Н.Ф. Катанов был исключен из «русского восточного круга» и подвергся жесткой интеллектуальной критике из-за многих проблем, в частности из-за разногласий по некоторым вопросам. Например, его научные изыскания противоречили мнению таких авторитетов, как Радлов и Мелиоранский. Их возмущение вызвало его утверждение о том, что тувинский язык не является языком самоедского или остяцкого типа, а представляет собой типичный турецко-татарский диалект. В письме своему другу Е.К. Пекарскому он выразил свои претензии следующим образом: «Я очень жестко говорил с Радловым и Зелены (зеленым? – С.У.). Они, петербургские ученые, никогда искренне не подходят к авторам готовых к пуб-

ликации работ, если только на кону не стоит большая награда. Они эксплуатируют свои произведения только под предлогом помощи, а также смотрят свысока на сельских жителей. Я сказал землякам, что они напрасно обращались к петербургским ученым. Потому что меня посылала Академия наук в разные страны Азии, и я собрал много материалов. Однако по моему настоянию Академия за 15 лет опубликовала лишь 1/6 моих работ. Пройдет ли 75 лет, чтобы остальные были опубликованы? Хотели бы вы этого?! Материал, который я собрал за четыре года, будет опубликован через 90 лет. Поэтому я долго разговаривал с учеными, но ничего не могу сделать, кроме как сказать: “Почему я собрал так много материала?”» [1. С. 62].

Чтобы понять особенности личности Н.Ф. Катанова, важно отметить роль уникальных исследователей Сибири, таких как Н.М. Ядринцева, В.В. Радлов и Н.И. Ильминский, в формировании его идей и научной идентичности. Научные беседы, которые проходили в доме Ядринцева и которые Катанов называл «незабываемыми четвергами», несомненно, оказали влияние на формирование и развитие его идей. Рассказы ведущих востоковедов того времени, таких как Радлов, Анучин и Клеменс, пробудили в Катанове интерес к сибирским народам и культурам [1. С. 17–18]. Эти встречи побудили его написать серьезное исследование по истории Тувы, озаглавленное «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня». В нем ставился вопрос: «Является ли Тува финно-угорским, самодийским или монгольским языком?» В качестве ответа было предложено, что рассматриваемый народ является турецким племенем, что позволило тувинцам вернуть себе свое настоящее и вечное имя “Тыва”» [3. С. 189].

В настоящее время труды Катанова и сборники его материалов находятся в Национальном архиве Республики Татарстан, а также в Казанской академии религии, Казанском государственном университете, Северо-Восточном институте археологии и этнографии Петербургского отделения РАН, Музее политики в Казани, Казанском губернском управлении полиции, Казанском губернском Центре народного просвещения и Управлении фондов [3. С. 190]. Известно, что существует множество фольклорных текстов, которые Катанов записал и перевел на русский язык, но не опубликовал, и на данный момент нет сведений о их местонахождении. Одним из таких произведений является неопубликованный «Энциклопедический словарь» объемом до 60 тысяч слов, – такая информация была обнаружена в письме Катанова к Ярилову [6. С. 54].

Голод и нищета, вызванные Первой мировой войной и революцией 1917 г., последствия которых долгое время потрясли весь мир, оказали крайне негативное влияние на Н.Ф. Катанова и его семью. Условия жизни по всей стране ухудшились до такой степени, что ему пришлось устраиваться разнорабочим на рубку деревьев, заниматься садоводством и грузовыми перевозками, чтобы прокормить семью, а также часами стоять в очередях за едой. Помимо бедности, главным фактором, который сильно изматывал Катанова, было то,

что в российских тюркологических кругах он всегда считался «инородцем» и сталкивался с постоянной оппозицией, а также то, что его работа недостаточно ценилась в ИРГО. Эти трудности привели к эмоциональной и моральной усталости, что, в свою очередь, вынудило Катанова продать библиотеку, которую он с терпением и заботой собирал на протяжении многих лет [7. С. 363].

В мемуарах известного тюрколога и политика Зеки Велиди Тогана, родившегося в Башкирии в 1890 г., сохранилось весьма интересное воспоминание о Н.Ф. Катанове и продаже его библиотеки. Получив образование в области религиозных наук в медресе, Велиди стремился расширить свои горизонты и повысить научный уровень. С этой целью он сначала отправился в Оренбург, затем в Астрахань и, наконец, в Казань, где обучался в тяжелых финансовых условиях. Его учитель Емилянов готовил его к экзамену в «учительскую школу для инородцев». Он познакомил Велиди с Николаем Ашмариним и Н.Ф. Катановым. Таким образом, Велиди был включен в круг русских востоковедов [8. С. 5]. Он длительное время учился в Казани, посещая занятия под руководством Катанова на кафедре восточных языков Казанского университета.

В 1912 г. по случаю 50-летия Н.Ф. Катанова в его доме был устроен торжественный банкет. В воспоминаниях Велиди описан следующий разговор: «Еды и питья было много. Когда поздно вечером гости уходили, он попросил меня остаться ненадолго. Когда все ушли, он долго разговаривал со мной в библиотеке. “Трое человек из восточных тюрков и монголов пошли по пути ориентализма, а именно Доржи Банзаров, Чокан Валиханов и я (Катанов). Мы все всем своим существом посвятили себя русской культуре. Я оставил шаманизм, стал христианином. Дорджи и Чокан умерли от алкоголя, не достигнув 35-летнего возраста. Потому что мои русские друзья научили их и меня только этому. Теперь вы четвертый. Защитите себя от этой среды! Мое окружение не принадлежало к такой сильной культуре, как ислам. Мы больше не существуем. Мы остались чужими в русской среде. Вы должны осознать важность принадлежности к сильной культурной среде”» [9. С. 121]. Катанов постоянно пил и плакал, говоря об этом. По словам Велиди, однажды жена Катанова настояла на том, чтобы он выбрал между ней и библиотекой. После этого Катанову пришлось распорядиться своей библиотекой, и он решил отправить ее в Турцию, о чем узнал Велиди [8. С. 6–7].

Размеры большого архива Катанова о тюркском мире и точное местонахождение его материалов остаются не вполне определенными. Однако известно, что большую часть его письменного наследия хранит Институт тюркологии Стамбульского университета, основанный в 1924 г. по приказу Мустафы Кемала Ататюрка. В отделении Стамбульского университета, известного как «Библиотека Катанова», хранится более 9 тысяч произведений, включая как собранные Катановым, так и подаренные ему [7. С. 363]. Кроме того, после смерти Катанова, часть его наследия была продана его женой Александрой Катановой из-за фи-

нансовых затруднений различным учреждениям и частным лицам [10. С. 141–148].

В исследованиях, проводимых в Турции, нет единого мнения относительно времени появления библиотеки Катанова в Турции. Обычно указывают, что библиотека была привезена в Турцию в 1912, 1914 или 1922 г. и что ее приобрели Хусейн Хильми-паша, или Тевфик-паша, или Мысырли Саид Халим-паша. Тимур Давлетов, известный ученый-хакасовед в Турции, считает, что библиотеку в 1912 г. привез Хильми-паша [11. С. 18] Ирина Кокова также поддерживает данную версию и пишет, что Хильми-паша купил эту библиотеку, когда посетил Казань [1. С. 93–94]. Однако другой турецкий исследователь Иналджык Гюлджан утверждает, что это невозможно, поскольку Хильми-паша умер в 1911 г. По его мнению, библиотеку привез в Турцию египтянин Саид Халим-паша, хотя он также допускает, что библиотеку мог привезти и Тевфик-паша [7. С. 365].

Тувинский ученый Зоя Монгуш считает, что библиотеку купил османский великий визирь Хильми-паша в 1914 г. По ее мнению, Хильми-паша, увидев объявление о продаже библиотеки в газете в 1914 г., приобрел ее за 3 тысячи золотых монет и отправил в Стамбул в пяти больших кожаных сундуках. Монгуш утверждает, что библиотека не могла быть передана ранее 1914 г., так как в ней имелись подарочные книги 1913–1914 гг., подписанные именем Катанова [12. С. 2]. Согласно выводам этой группы ученых, Катанов продал свою библиотеку премьер-министру Турции Хильми-паше в Казани в период с 1912 по 1914 г. Важно отметить, что до этой продажи Катанов обращался в Иркутский университет и Министерство народного образования, связанное с Сибирским генерал-губернаторством, с просьбой продать им библиотеку, но получил отказ [1. С. 93].

Согласно другой версии о времени появления библиотеки Катанова в Турции, ее привезли из Петербурга в Стамбул по совету З.В. Тогана и при посредничестве Юсуфа Акчуры, который находился в Стамбуле. В воспоминаниях Тогана эти события описаны так: «Катанов обратился к Тогану за помощью в продаже его библиотеки. В этой связи я объявил об этой продаже в газете “Тоган Вагит” и рекомендовал приобрести эту библиотеку для создания специального научного центра для мусульман в таком месте, как Казань или Оренбург. Однако спроса со стороны татар не последовало. Я написал Юсуфу Акчуре, одному из авторов стамбульского журнала “Тюрк Юрду”. Он также направил его в Министерство фондов Турции. Таким образом, турецкое правительство решило купить библиотеку Катанова и привезти ее в Стамбул. Акчуря передал мне эту информацию. С этой целью они отправили в Казань двух человек из Турции – офицера Министерства фондов Наила Решита и офицера Омера Теригюля (по происхождению татарина). Эту библиотеку я продал в Турцию за 8 тысяч рублей. Потом я сложил работы в ящики и отправил в Турцию. Тоган также заявил, что в этой библиотеке было много недостатков и что Наиль Решит-бей, поехавший из Казани в Петербург, потратил еще 7 тысяч рублей на закупку этих недостающих книг и в ящике отправил их в Турцию» [9. С. 121].

Следовательно, библиотека была выставлена на продажу в 1913 г. и привезена в Турцию в 1914 г. Точных сведений о том, где она была размещена в Турции, нет. Преподаватель факультета литературы Стамбульского университета Мустафа Озкан считает, что библиотека Н.Ф. Катанова была доставлена в библиотеку Сулеймание после ее покупки. Однако библиотека Сулеймание была создана только в 1918 г., после Первой мировой войны, когда Министерство фондов решило собрать все библиотеки фонда, кроме библиотеки Баязета. Иными словами, первым местом хранения библиотеки Катанова, попавшей в Стамбул в 1914 г., не может быть библиотека Сулеймание. Неизвестно, где хранилась библиотека Катанова с 1914 по 1918 г. Известно, что в 1918–1924 гг. она находилась в библиотеке Сулеймание. В период с 1918 по 1923 г. татарские студенты в Стамбуле работали над каталогом библиотеки Катанова, но работа не была завершена, так как руководитель коллектива, крымский эмигрант Муса Акйигитзаде, скончался [7. С. 373]. Библиотека Катанова была передана Институту тюркологии, основанному при Стамбульском университете по приказу Ататюрка [7. С. 365].

В начале XX в. Османская империя отправляла государственных деятелей в центральные регионы России для наблюдения за жизнью мусульман и изучения их социально-политического положения. Одним таких деятелей был бывший великий визирь Хусейн Хильми-паша. Несмотря на то, что эти поездки не имели официального статуса, они проводились под контролем российского государства. Важную роль в передаче библиотеки Катанова в Турцию сыграла поездка Хусейна Хильми-паши в Казань, куда он был направлен для неофициального расследования [7. С. 366]. Хильми-паша дважды занимал должность великого визиря – при султанах Абдул-Хамиде II и Мехмеде Решате V. Записки о его поездке в Казань, состоявшейся 15–17 апреля 1910 г., были изданы на русском языке в виде небольшой книжки [13]. Поездка Хильми-паши в Россию, начавшаяся с прибытия в Петербург из Германии, вызвала интерес как в русской, так и в татарской прессе. Его имя упоминалось в газете «Новое время», «Вакиф» и «Йолдыз». В ходе своей поездки Хильми-паша посетил Государственную Думу России и редакцию газеты «Новое время», а также встретился со многими важными государственными деятелями, включая императора Николая II, который принял его в Царском Селе и вручил Государственный орден России. После этого Хильми-паша отправился в Москву, а затем продолжил поездку в Казань [7. С. 367]. По прибытии в Казань Хильми-пашу приветствовал профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов, а также другие государственные деятели. Ашмарин и Катанов были назначены сопровождать пашу и предоставлять этнографическую и археологическую информацию о городе. В качестве переводчика Хильми-паши Катанов сопровождал его на всех этапах путешествия. В изданном на русском языке буклете о поездке Хильми-паши в Россию подробно изложены места, которые он посетил с Катановым, и темы, обсуждавшиеся во время этой поездки. Хильми-паша

указал Катанову на места, которые он хотел увидеть в Казани: здания академии, заводы, святые места (мечети и церкви), башню Сююмбике и населенную татарами часть города.

По просьбе паши Катанов возил его от мечети к мечети и от фабрики к фабрике, и паша внимательно наблюдал за повседневной жизнью [13. С. 167]. Катанов отвел Хильми-пашу в библиотеку Казанского университета, где паша исследовал восточные источники и русские произведения, в том числе работы XVII в. Они посетили Казанский университет, где паша интересовался, какие языки там преподаются. Посетив интересные его учреждения города, паша расспрашивал Катанова об образе жизни и языках татароязычных народов, таких как идильские и сибирские. Он получил сведения о сходствах и различиях татарских диалектов. Когда Н.Ф. Катанов сообщил, что ответы на вопросы паши содержатся в работах, изданных на русском языке, паша отметил, что его секретарь в Стамбуле хорошо знает русский язык и сможет перевести эти произведения на турецкий язык [13. С. 170].

Во время этих поездок Н.Ф. Катанов передавал паше исторические сведения о Булгарском и Казанском ханствах. Во ходе визита в Казань, насыщенного историческими беседами, интерес Хильми-паши к Катанову и его материалам возрос, и у него возникло желание донести эту информацию до научных кругов Турции. Он запросил у Катанова следующие работы: «Энциклопедический словарь» под редакцией М.М. Филиппова, «Описание эпиграфического Памятника Волжской Булгарии», «Обозрение Преподаваний в Казанском Университете за 1909–1910 академические годы», «Сравнительную фонетическую таблицу древних и новых татарских диалектов», «Родословие Чингиз-Хана и Сына Его Джучи-хана». Возможно, паша хотел, чтобы перевод этих произведений был подготовлен в Турции. Хильми-паша также посетил медресе Мухаммедие и другие учебные заведения, ознакомившись с тем, как дети-мусульмане изучают русский язык и проходят другие занятия [13. С. 171]. Поездка паши в Казань вызвала положительную реакцию в обеих странах. Государственные чиновники Казани и мусульманская часть населения встретили пашу с большим радушием и удвоением. На последнем этапе его пребывания в Казани ему преподнесли мороженое, сделанное в форме башни Сююмбике с двуглавым орлом наверху [13. С. 174]. Несомненно, самым значительным достижением турецкой стороны стал привоз библиотеки Катанова в Турцию.

Судя по путевым записям, знакомство Хусейна Хильми-паши и Катанова началось в 1910 г. Однако попытка перевезти библиотеку в Турцию принадлежала не только Хильми-паше, также в этом процессе участвовал Махмуд Асад Эфенди. В мае 1914 г. Турция через Министерство фондов направила в Россию государственных служащих для закупки русских книг

для библиотеки Археологического общества, воссозданного в Стамбуле. Они оформили покупку библиотеки Н.Ф. Катанова в Казани, а затем отправились в Москву и Петербург для приобретения значительного количества книг, большая часть которых принадлежала Императорской Академии. Проводы делегации в Турцию возглавил Зеки Велиди Тоган [7. С. 371]. Нужно отметить, что и Махмуд Эсад Эфенди, видный государственный деятель и юрист, также принял участие в этой поездке. Летом 1913 г. он отправился в Россию, посетив Крым, Киев, Оренбург, Уфу, Казань, Нижний Новгород, Москву и Петербург, где изучал жизнь российских мусульман. Поездка Махмуда Асада в Россию вызвала большой интерес в российской прессе и среди общественности. Сообщалось, что он посещал издательства, мечети и медресе Казани, встречался с татарской интеллигенцией.

В свете записок послов, направленных Турцией в Россию для анализа положения российских мусульман, и информации, полученной из воспоминаний ученика Н.Ф. Катанова З.В. Тогана, можно сделать следующие выводы, хотя единое мнение о времени появления библиотеки Н.Ф. Катанова в Турции до сих пор отсутствует. Н.Ф. Катанов является одним из ярких представителей русской тюркологии, который в тяжелых условиях начала XX в. был вынужден выставить на продажу свою обширную библиотеку. Эта библиотека, не привлекая внимания русских и татарских научных кругов, была куплена за значительную сумму и привезена в Турцию по инициативе турецких дипломатов и при посредничестве Тогана и Акчуры. После этой продажи Катанов не смог отказаться от привычки собирать книги, и его новая библиотека в сотни томов (около 3 500 томов) была отправлена его женой в Турцию в 1922 г. после его смерти. В своих воспоминаниях о Н.Ф. Катанове Никольский отмечает, что когда Катанов продал свою библиотеку, которую он собирал еще со времени обучения в Красноярской классической гимназии, ему было грустно, «почти как будто он потерял родственника» [2. С. 18].

Библиотека Н.Ф. Катанова трижды переезжала в пределах Стамбула. Сначала, в период с 1918 по 1924 г., она хранилась в библиотеке Сулеймание. Затем, в 1924 г., была перенесена в Институт тюркологии Стамбульского университета, а в 1948 г. ее поместили в медресе Сейида Хасан-паши. С 1989 г. библиотека хранится на втором этаже здания, переданного Институту тюркологии МУ [7. С. 374]. Тот факт, что большая часть письменных работ Н.Ф. Катанова находится в Турции, представляет собой большую ценность для турецкого научного сообщества. Мы надеемся, что эта библиотека, созданная с таким усилием, трудом и множеством жертв, не станет скрытым сокровищем, а займет достойное место в исследованиях как российских, так и турецких историков, этнографов, лингвистов и фольклористов.

Список источников

1. Kokova İ. Nikolay Federoviç Katanov. Çev. Muvaffak Duranlı. Ankara : Türk Dil Kurumu, 1998. 121 s. [Кокова Ирина. Николай Федорович Катанов / пер. Муваффака Дуранлы. Анкара : Турецкое Филологическое Общество, 1998. 121 с.]

2. Katanov N.F. Türk Kabileleri Arasında. Çev. Attila Bağcı. Konya : Kömen Yayınları, 2004. 156 s. [Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен / пер. Аттила Багджи. Коня : Изд-во Кёмен, 2004. 156 с.].
3. Катанов Н.Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии / сост. и пер. В.Е. Майногашевой. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2000. 547 с.
4. Katanov N.F. Sibirya ve Doğu Türkistan'dan Mektuplar. Çev. Burçak Okkalı. Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 2008. 85 s. [Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана / пер. Бурчак Оккалы. Анкара : Турецкое Филологическое Общество, 2008. 85 с.].
5. İnalçık G. Nikolay Fedoroviç Katanov'un Hayatı, Kütüphanesi ve Türkoloji Alanındaki Eserleri / İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türkiyat Araştırmaları Anabilim Dalı. Doktora Tezi. İstanbul, 2022. 561 s. [Иналджык Г. Жизнь, библиотека и труды Николая Федоровича Катанова в области тюркологии : докторская дис. / Стамбульский университет, Институт социальных наук, кафедра тюркологии. Стамбул 2022. 561 с.].
6. Майногашева В.Е. Письма Н.Ф. Катанова к А.А. Ярилову – ценные свидетельства научной жизни ученого // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии : материалы науч.-практ. конф. Абакан : АГПИ, 1994. С. 51–64.
7. Inalçık G. Nikolay Fedorovic Katanov'un Kutuphanesinin Türkiye'ye Getirilmesine Dair Bir İnceleme // MUTAD. 2020. VII (2). S. 361–376. [Иналджык Г. Отзыв о приезде библиотеки Николая Федоровича Катанова в Турцию // МУТАД. 2020. № VII (2). С. 361–376]. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1448036> (дата обращения: 27.04.2024).
8. Baykara Tuncer. Zeki Velidi Togan. Ankara : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1989. 229 s. [Байкара Тунджер. Зеки Велиди Тоган. Анкара Изд-во М-ва культуры, 1989. 229 с.].
9. Togan A.Z.V. Hatıralar. İstanbul : Tan Matbaası, 1969. 628 s. [Тоган А.З.В. Воспоминания. Стамбул : Тип. Тан, 1969. 628 с.].
10. Валеев Р. «Он нужен для Казани» (о научном наследии Н.Ф. Катанова) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2011. № 3-4. С. 141–148.
11. Davletov T. Hakas Prof. Nikolay Fedoroviç Katanov (19 Mayıs 1862 – 10 Mart 1922) // TARİH: Türk Dünyası Tarih ve Kultur Dergisi. 1999. 145. S. 18. [Давлетов Т. Хакасский профессор Николай Федорович Катанов (19 мая 1862 – 10 марта 1922) // ТАРІН: журнал всемирной истории и культуры тюркского мира. 1999. № 145. С. 18].
12. Монгуш З.М. Библиотека русского тюрколога в Турции // Материалы 18-й Международной конференции «Крым 2011». Москва, 2011. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/016.pdf> (дата обращения: 27.04.2024).
13. Хильми Паша. Турецкий след в архивах Татарстана // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 1-2. С. 165–175.

References

1. Kokova, İ. (1998) *Nikolay Federoviç Katanov. Çev. Muvaffak Duranlı*. Ankara: Türk Dil Kurumu.
2. Katanov, N.F. (2004) *Türk Kabileleri Arasında*. Çev. Attila Bağcı. Konya: Kömen Yayınları.
3. Katanov, N.F. (2000) *İzbrannye nauchnye trudy. Teksty khakasskogo fol'klora i etnografii* [Selected papers. Texts of Khakass folklore and ethnography]. Translated by V.E. Maynogasheva. Abakan: Khakas. kn. izd-vo.
4. Katanov, N.F. (2008) *Sibirya ve Doğu Türkistan'dan Mektuplar*. Çev. Burçak Okkalı. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
5. İnalçık, G. (2022) *Nikolay Fedoroviç Katanov'un Hayatı, Kütüphanesi ve Türkoloji Alanındaki Eserleri*. PhD Diss. İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türkiyat Araştırmaları Anabilim Dalı. İstanbul.
6. Maynogasheva, V.E. (1994) Pis'ma N.F. Katanova k A.A. Yarılovu – tsennyye svidetel'stva nauchnoy zhizni uchenogo [Letters from N.F. Katanov to A.A. Yarılov – valuable evidence of the scholar's life]. *Problemy sokhraneniya prirody i kul'turno-istoricheskogo naslediya Khakasii* [Problems of Conservation of Nature and Cultural-Historical Heritage of Khakassia]. Proc. of the Conference. Abakan: ASPI. pp. 51–64.
7. Inalçık, G. (2020) Nikolay Fedorovic Katanov'un Kutuphanesinin Türkiye'ye Getirilmesine Dair Bir İnceleme. *MUTAD*. VII (2). pp. 361–376. [Online] Available from: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1448036> (Accessed: 27th April 2024).
8. Baykara Tuncer. (1989) *Zeki Velidi Togan*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları.
9. Togan, A.Z.V. (1969) *Hatıralar*. İstanbul: Tan Matbaası.
10. Valeev, R. (2011) “On nuzhen dlya Kazani” (o nauchnom nasledii N.F. Katanova) [“He is needed for Kazan” (about the academic legacy of N.F. Katanov)]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 3–4. pp. 141–148.
11. Davletov, T. (1999) Hakas Prof. Nikolay Fedoroviç Katanov (19 Mayıs 1862 – 10 Mart 1922). *TARİH: Türk Dünyası Tarih ve Kultur Dergisi*. 145. p. 18.
12. Mongush, Z.M. (2011) Biblioteka russkogo tyurkologa v Turtsii [The Library of Russian Turkologist in Turkey]. *Krym 2011* [Crimea – 2011]. Proc. the 18th International Conference. Moscow. [Online] Available from: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2011/disk/016.pdf> (Accessed: 27th April 2024).
13. Hilmi Pasha. (1998) Turetskiy sled v arkhivakh Tatarstana [The Turkish trace in the archives of Tatarstan]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 1–2. pp. 165–175.

Сведения об авторе:

Унал Сумейра – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sumeyraunal1992@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Unal Sumeira – Postgraduate Student at the Department of Russian History, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sumeyraunal1992@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.05.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 18.05.2024; accepted for publication 15.01.2025

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 82-94(571.1/.5)(048)"17"

doi: 10.17223/19988613/93/25

Рецензия на монографию Д.Г. Мессершмидта «Дневники: Тобольск–Тара–Томск (1721 г.)» / пер. с нем. А.В. Моревой. Томск, 2021. 132 с.

Павел Сергеевич Шараев

Сибирский Государственный Медицинский Университет, Томск, Россия, sharaevp@rambler.ru

Аннотация. Предлагается рецензия на монографию, в которой помещен перевод с немецкого языка фрагмента дневников ученого Д.Г. Мессершмидта, возглавившего первую научную экспедицию в Сибирь в 1721 г. Переведенный фрагмент включает следующий маршрут ученого: Тобольск–Тара–Томск. Д.Г. Мессершмидт был ученым-энциклопедистом, поэтому при переводе его записей потребовалось взаимодействие специалистов из разных областей научного знания. Сделан вывод, что представленная книга содержит ценный материал не только о биографии ученого, но и об особенностях жизни в Сибири при Петре I.

Ключевые слова: Д.Г. Мессершмидт, дневники, путевые заметки, перевод, Сибирь

Для цитирования: Шараев П.С. Рецензия на монографию Д.Г. Мессершмидта «Дневники: Тобольск–Тара–Томск (1721 г.)» / пер. с нем. А.В. Моревой. Томск, 2021. 132 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 199–203. doi: 10.17223/19988613/93/25

Book review

Review of the monograph by D.G. Messerschmidt “Diaries: Tobolsk–Tara–Tomsk (1721)” / translation from German by A.V. Moreva. Tomsk, 2021. 132 p.

Pavel S. Sharaev

Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation, sharaevp@rambler.ru

Abstract. Siberia was known to the Russians long before its actual annexation. In the chronicles of the times of Kievan and Muscovite Rus', there are several references to the campaigns of detachments of Novgorod ushkuiniks beyond Kamen (Ural) with different goals and results. The campaign of Ermak's squad in the 1580s already marked a large-scale and targeted advance to the East. The first here were the Cossacks and service people. Then came the traders and settlers.

The scientific exploration of Siberia began only in the first quarter of the 18th century. Russian Tsar Peter I, during the reforms and the Northern War, recruited various scientists and specialists from Europe to serve. Rapidly developing Russia was in dire need of qualified personnel from various fields of science. This is how the German doctor and natural scientist Daniel Gottlieb Messerschmidt ended up in our country. It was he who was doomed to lead the first scientific expedition to distant Siberia.

The history of this journey through Siberian cities has already been covered in a number of works by such authors as E. A. Kim, Yu. I. Chivtaev, S. R. Muratova, M.G. Novlyanskaya, E.Yu. Basargina, V.S. Sobolev, D.N. Maslyuzhenko and others. In addition, this event is mentioned in foreign scientific literature (Kaltschmidt J.H. Vollständiges stamm- und sinnverwandtschaftliches Gesamt-Wörterbuch der Deutschen Sprache aus allen ihren Mundarten und mit allen Fremdwörtern. 4. wohlfeile Stereotyp- Ausg. Nördlingen: C.H. Beck, 1854. 1116 S.; Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. Berlin: Aka demie-Verlag, 1962. 380 S.)

But there are still “blank spots” in the study of the history of the first scientific expedition to Siberia.

In this regard, the purpose of this review is to identify new material that can be very valuable for further research into the biography of the famous German scientist and the history of the beginning of the scientific development of Siberia. The text of the monograph provides a lot of interesting information of various kinds. These are ethnographic, linguistic, geographical data. Most of them became available to a wide range of researchers for the first time. The monograph allows us to imagine everyday life of the local population in western Siberia at the end of the reign of Peter I through the eyes of a foreigner.

The main sources used by the author of the monograph are the following works of foreign and domestic specialists: Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. Berlin: Akademie-Verlag; 1962. Kim E.A. Messerschmidt. Diaries. Tomsk – Abakan – Krasnoyarsk. 1721–1722. Abakan: Cooperative Journalist LLC, 2012. – 160 p; Messerschmidt D.G. Diaries: from Mangazeya to Irkutsk (1723). / Editor, compiler Yu.I. Chivtaev. Irkutsk: On Chekhova, 2018. – 266 p.

They provide quite extensive information about various aspects of life in a remote Siberian province of the vast Russian empire. At the beginning of the 18th century, this harsh region was still virtually unexplored land for scientists. Historians, botanists, geologists, and geographers had yet to figure out how this vast territory would develop in the coming years. Daniel Gottlieb Messerschmidt was destined to become a pioneer in science here. Therefore, the new work of A. V. Moreva, dedicated to the activities of this German scientist, should become a new step forward in the study of the history of Siberia. The monograph can be useful as another source for historians, ethnographers and anyone interested in the history of their native land.

Keywords: D.G. Messerschmidt, diaries, travel notes, translation, Siberia

For citation: Sharaev, P.S. (2025) Review of the monograph by D.G. Messerschmidt “Diaries: Tobolsk–Tara–Tomsk (1721)” / translation from German by A.V. Moreva. Tomsk, 2021. 132 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 93. pp. 199–203. doi: 10.17223/19988613/93/25

Иностранные ученые и путешественники, проезжавшие по Сибири, иногда оставляли после себя богатое наследие, описывая происходившие с ними события и фиксируя свои научные изыскания в дневниках или путевых заметках.

Так, сподвижник Петра Великого немецкий ученый Даниэль Готтлиб Мессершмидт (1685–1735) оставил потомкам ценные сведения о географии, этнографии, флоре и фауне Сибири. Кроме того, он являлся специалистом в области медицины и истории. Что касается его дневников, то они связаны с экспедицией, которую ученый возглавил по поручению самого Петра I. Полный текст дневников Д.Г. Мессершмидта был опубликован в 1962 г. в Берлине [1].

Несмотря на то, что это был один из виднейших европейских ученых XVIII столетия, его дневники до сих пор не переведены в полном объеме на русский язык. Они подвергались лишь частичному переводу. Например, в 2012 г. вышел перевод, посвященный части маршрута ученого Томск–Абакан–Красноярск [2], а в 2018 г. – перевод фрагмента дневников, связанный с маршрутом Мангазея–Иркутск [3]. Представляемая в данной рецензии работа посвящена переводу отрывка, описывающего часть маршрута Д.Г. Мессершмидта Тобольск–Тара–Томск (1 марта – 4 июля 1721 г.) [4]. Эту часть дневников в основном вел Филипп Иоганн Табберт (Страленберг) – пленный швед, помощник Д.Г. Мессершмидта. Перевод осуществлен А.В. Моревой с немецкого издания, упомянутого выше [1].

Таким образом, автор перевода сделала еще один шаг вперед в изучении богатого творческого наследия, доставшегося нам от предшественников.

Структура представляемой книги следующая: предисловие руководителя музея и основателя музейного центра им. А.П. Дульзона в Российско-немецком доме г. Томска С.Ф. Вершининой; историческая справка о научном наследии Д.Г. Мессершмидта и цели его экспедиции в Сибирь, написанная С.Ф. Вершининой и кандидатом географических наук, доцентом кафедры гидрологии НИ ТГУ Д.А. Вершининым; предисловие переводчика – кандидата филологических наук, доцента кафедры немецкого языка НИ ТГУ А.В. Моревой; основная часть – собственно сам перевод А.В. Моревой, описывающий участок маршрута экспедиции Д.Г. Мес-

сершмидта Тобольск–Тара–Томск, предваряемый картой этого участка; список источников и литературы; указатель имен; список сокращений; географические названия в дневнике.

Современные требования к качеству перевода текстов, созданных до XX в., как правило, предполагают взаимодействие переводчика со специалистами из других областей знания. В случае с рецензируемой работой это особенно важно.

Переводчику, доценту кафедры немецкого языка Томского государственного университета Анастасии Владимировне Моревой удалось осуществить высокопрофессиональный перевод достаточно большого фрагмента дневников немецкого ученого. В процессе работы она обращалась за помощью к специалистам из разных сфер. Это вызвано тем, что Д.Г. Мессершмидт был ученым-энциклопедистом, и тексты его дневниковых записей изобилуют самыми разнообразными терминами, в том числе и вышедшими из употребления.

В частности, А.В. Морева проводила консультации с кандидатом географических наук, доцентом кафедры гидрологии НИ ТГУ Д.А. Вершининым – для перепроверки названий географических объектов (рек, урочищ, населенных пунктов и т.п.) и их возможных изменений с течением времени; с докторами биологических наук А.В. Симаковой и А.Л. Эбелем, кандидатом биологических наук В.В. Ярцевым и учителем биологии К.М. Комаровым – для уточнения наименований представителей флоры и фауны Сибири; с кандидатами физико-математических наук Т.Ю. Галушиной и Д.С. Капарулиным – для правильной расшифровки записей Д.Г. Мессершмидта, посвященных его астрономическим наблюдениям; с кандидатом исторических наук В.А. Моревым – для уточнения исторических событий, происходивших в России перед и во время путешествия К.Г. Мессершмидта по Сибири; с кандидатами филологических наук Л.Т. Леушиной и Л.Б. Проккопьевой – для проверки перевода латинских слов.

Благодаря этому текст перевода сохранил в себе аутентичные названия. Так, объекты, указанные в дневниках ученого, переводчик соотнесла с современными либо с ближайшими объектами. Это позволяет читателю достаточно точно представить маршрут экспедиции. Перевод снабжен необходимыми постраничными

сносками, позволяющими современному читателю не запутаться в терминологии и сопоставить наименования географических объектов того периода с их современными названиями.

Сильной стороной работы является то, что перевод был качественно стилизован под текст XVIII в. Переводчик объяснила необходимость исторической стилизации так: «Перед читателем лежит перевод исторически удаленного текста, возраст которого триста лет». Текст Д.Г. Мессершмидта содержит в себе сложные наслоения специальной терминологии, латинских слов и выражений, устаревшей лексики. Кроме того, в тексте переводчику встретились историзмы, архаизмы, диалектные и даже ошибочные формы. Например, часть названий ученый воспринимал на слух от местных жителей и мог неверно воспроизвести эти слова на бумаге. У Д.Г. Мессершмидта встречаются случаи различного написания даже одного слова. По мнению переводчика, это могло быть связано с незнанием русского языка и с тем, что значительную часть информации ученый фиксировал на слух, со слов информаторов [4. С. 14].

Если говорить об основной части представленной книги, т.е. о переведенном фрагменте дневников Д.Г. Мессершмидта, то следует отметить, что сам ученый разделил этот фрагмент своего труда на три части: «Из Тобольска в Тару», «Из Тары в Томск» и «В Томске».

Первая часть «Из Тобольска в Тару» содержит интересные этнографические сведения об обычаях местных татар и занятиях жителей г. Тара. В этой части монографии также встречается описание порядка измерения географической долготы. Ученый делал эти измерения, вероятно, на протяжении всего своего маршрута (по крайней мере это точно можно сказать о переведенном фрагменте). В процессе измерений у него не было с собой таблиц склонения солнца (*tabulos declinationis solis*) и астрономических таблиц (*ephemerides*), указывающих положение небесных тел на определенные дни месяца и года, скорость их движения и другие параметры, необходимые для наблюдений. Поэтому Д.Г. Мессершмидт использовал *tabulos declinationis* Вольфганга Лохмана, опубликованные еще в 1638 г. В связи с этим путешественнику по Сибири ученому пришлось сделать достаточно сложные расчеты, чтобы определить долготу г. Тара [4. С. 35–37]. Описание подобных вычислений и измерений в тексте дневников занимает иногда от 200 до 2 500 знаков. Нам представляется, что эти астрономические расчеты являлись одними из наиболее трудных для перевода. Эти сложные вычисления следовало передать именно так, как их сделал ученый, для чего переводчику как раз и понадобились неоднократные консультации со специалистами в области физико-математических наук.

Во второй части переведенного фрагмента «Из Тары в Томск» содержатся всевозможные этнографические, географические, зоологические и исторические сведения. Нередкими являются описания дорог, рек, а также русских и татарских деревень. Интересно, что у жителей Барабы деревни и юрты не имели постоянных

названий: «Их называют по имени самого старого, знатного и богатого человека в деревне. А когда он умирает и не оставляет после себя наследников, то деревня получает другое имя» [4. С. 45]. Д.Г. Мессершмидт обратил внимание на то, что жилища барабинцев построены иначе, чем у татар-магометан: нет окон, только наверху в крыше есть круглое отверстие. Жители Барабы жили очень бедно. Ученый даже применил более резкое выражение: «...езде эти язычники живут по-свински» [4. С. 54].

В этой части путешественник привел описание одежды местных татар, музыкальных инструментов (барабинской гитары с тремя струнами) и так называемых шайтанов – языческих идолов, которых изготавливали из латуни, луженой жести, дерева и т.д. Со слов татар, которых опрашивали Д.Г. Мессершмидт и его помощник Ф.И. Табберт, шайтаны – это образы их прародителей, живших на земле раньше, образы тех, кто первым спустился с небес на землю [4. С. 48, 49].

В обычаях некоторых языческих племен был обряд принесения жертвы шайтану после смерти хозяина. Кроме того, Д.Г. Мессершмидт не раз обращал внимание на своеобразные погребальные обряды у местных языческих народов и на порядок ношения траура по умершим. Так, если умирают отец, мать, брат или дети, то в первые недели траура женщинам надо расцарапывать себе щеки до крови [4. С. 55]. Или другой пример: если у умершего ребенка еще не было зубов, он сосал материнскую грудь и не сделал ничего плохого, его не хоронили в земле, а помещали его гроб на широкий столб под открытым небом. Тело усопшего должно было находиться в таком положении до тех пор, пока не истлеет [4. С. 60].

Казалось бы, можно отметить устойчивость языческих представлений у местного татарского населения. Однако это было не всегда так. Если в нескольких юртах и деревнях татары не хотели ни отдавать, ни продавать своих шайтанов, поскольку полагали, что тогда с ними случится несчастье или они даже умрут, то в других юртах Д.Г. Мессершмидт иногда все же приобретал шайтанов, а иногда и получал их просто так от местных жителей. Также несколько необычно выглядит встреча Д.Г. Мессершмидта с так называемым «шаманом», который оказался обычным плутом, разыгравшим целое представление с кривляньями и громкими криками лишь для того, чтобы получить табак от путешественника.

Среди сведений, представляющих интерес для современного историка, Д.Г. Мессершмидт привел следующие: прогнанный русскими из Тобольска хан Кучум жил в месте под названием Кабау. Здесь же жили татары, которых называли цатскими или чатскими татарами. Они считались потомками Кучума [4. С. 70–71].

Третья часть переведенного фрагмента содержит сведения о пребывании Д.Г. Мессершмидта в Томске. Помимо описания самого города, в этой части дневников есть информация, которая будет полезна этнографам, биологам и геологам. Ученый занимался покупкой артефактов из могильников, записывал татарские

легенды и сведения о лекарственных свойствах некоторых трав. Среди способов лечения некоторых болезней были зафиксированы и довольно экзотические.

Так, от «антонова огня» (гангрены) якобы существовало «...хорошее и испытанное средство: надобно загнать молодого черного быка, чтобы он испражнился, взять помет еще теплым, растолочь, добавив белую горчицу, и прикладывать его к больному месту» [4. С. 105]. Что же касается геологических данных, то путешественник отметил, что на берегу р. Томи добывали так называемое «каменное масло» (Steinbutter) – «род квасцовой руды, в жидком виде попадающейся» [4. С. 84].

Во всех частях переведенного фрагмента путешественник уделял внимание описанию природы и фауны. Например, он изучал и описывал птиц, в том числе разные породы соколов и орлов, а также особенности приручения соколов для использования на охоте. Д.Г. Мессершмидт обращал внимание на то, что русские не едят голубей, тогда как сам он и его помощник Ф.И. Табберт употребляли их в пищу [4. С. 75].

Путешественники указали на то, что большая карта ученого Витсена почти везде была составлена неверно, особенно это касалось Сибири. Д.Г. Мессершмидт распорядился все неверные названия и места отмечать в особом журнале, чтобы в дальнейшем исправить ошибки [4. С. 94].

Сильная удаленность сибирских территорий от центра сказывалась на эффективности управления. К примеру, уже официально отстраненный от должности приказчик мог проигнорировать приказ, присланный из центра, и управлять по своему произволу, как это было в Чаусской слободе. Это создало дополнительные трудности путешественнику и его сопровождающим: люди прежнего приказчика силой вывезли сани со двора, побили денщика Данилу и отобрали у него шпагу. После этого ученому пришлось даже ночевать в доме писаря [4. С. 67].

При Петре I практически на все податное население Российской империи легли дополнительные тяжелые подати, отчего люди старались убежать, чтобы власти не могли до них добраться. Эти факты отмечались и Д.Г. Мессершмидтом в Сибири – некоторые дома в слободах стояли пустые [4. С. 76].

Среди основных доходов, которые получала царская казна в Сибири, путешественник выделил следующие: ясак (дань пушниной местного татарского населения), кабаки, отдача на откуп торговли на различные виды товаров или занятий и торговля с Китаем, Монголией и Бухарией [4. С. 108].

Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Табберт попытались разобраться в сословных различиях в России. Они выделили девять сословий, представителей которых встречали в Сибири:

1. Dworonins [дворяне].
2. Simboyarki [сыны боярские].
3. Schlugiwi [служивые], или Casaken [казаки].
4. Newirstani deti boyarski [неверстанные дети боярские].
5. Kasazii deti [казачьи дети].
6. Pozadni [посадские], или простые горожане.
7. Krästiani [крестьяне], или землепашцы.
8. Jasadchni [ясачные люди], или татары-язычники.
9. Gulaschniki [гулящие люди].

В дневниках ученого каждому сословию дана краткая характеристика, выделены отличительные черты [4. С. 107–108].

Автор дневниковых записей обратил внимание еще на одну сибирскую особенность: версты здесь не измеряли, а определяли пройденное расстояние в днях пути. Для иностранного путешественника, побывавшего здесь впервые, это оказалось крайне неудобным способом определения расстояния. По его мнению, постоянно следовать этому способу измерения невозможно, поскольку кто-то всегда едет быстрее, а кто-то медленнее. Кроме того, в разные времена года скорость продвижения по одной и той же территории тоже меняется [4. С. 76].

Облегчают знакомство с книгой разделы, которые выделила переводчик. Эти разделы позволяют читателю лучше ориентироваться в переведенных материалах и получить дополнительную информацию: список использованных источников и литературы, указатель имен, список сокращений, список географических названий из дневника Д.Г. Мессершмидта.

Таким образом, предлагаемая книга Д.Г. Мессершмидта «Дневники: Тобольск–Тара–Томск (1721 г.)» содержит весьма ценный материал не только о биографии самого знаменитого ученого, но и об особенностях жизни в Сибири в конце правления Петра Великого.

Возможно, эта работа станет началом более серьезного всестороннего и совместного (с иностранными коллегами) исследования тех обширных научных трудов, которые оставил нам Д.Г. Мессершмидт.

Представленная на рецензию монография заслуживает самого серьезного внимания со стороны краеведов, историков, географов, этнографов, биологов и представителей других отраслей научного знания. Кроме этого, она может быть полезна для всех лингвистов-переводчиков как образец добросовестно и качественно выполненной работы в их профессиональной области.

Данная книга может быть использована в качестве источника дополнительной литературы при изучении истории Сибири, написании курсовых и дипломных работ студентами и учащимися учебных заведений разного уровня.

Список источников

1. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin : Akademie-Verlag, 1962. Teil I: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. VIII, 379 S.
2. Ким Е.А. Мессершмидт. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. Абакан : Журналист, 2012. 160 с.
3. Мессершмидт Д.Г. Дневники: от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / ред., сост. Ю.И. Чивтаев. Иркутск : На Чехова, 2018. 266 с.
4. Мессершмидт Д.Г. Дневники: Тобольск–Тара–Томск (1721 г.) / пер. с нем. А.В. Моревой. Томск : Демос, 2021. 132 с.

References

1. Messerschmidt, D.G. (1962) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Teil I. Berlin: Akademie-Verlag.
2. Kim, E.A. (2012) *Messerschmidt. Dnevniky. Tomsk–Abakan–Krasnoyarsk. 1721–1722* [Messerschmidt. Diaries. Tomsk–Abakan–Krasnoyarsk. 1721–1722]. Abakan: Zhurnalist.
3. Messerschmidt, D.G. (2018) *Dnevniky: ot Mangazei do Irkutsk (1723 g.)* [Diaries: from Mangazeya to Irkutsk (1723)]. Translated from German. Irkutsk: Na Chekhova.
4. Messerschmidt, D.G. (2021) *Dnevniky: Tobol'sk–Tara–Tomsk (1721 g.)* [Diaries: Tobolsk – Tara – Tomsk (1721)]. Translated from German A.V. Moreva. Tomsk: Demos.

Сведения об авторе:

Шараев Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Института Интегративного Здравоохранения Сибирского Государственного Медицинского Университета (Томск, Россия). E-mail: sharaevp@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sharaev Pavel S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy with courses in Cultural Studies, Bioethics and National History at the Institute of Integrative Healthcare of the Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sharaevp@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024; принята к публикации 15.01.2025

The article was submitted 17.04.2024; accepted for publication 15.01.2025

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2025 № 93

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 21.02.2025 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 50 экз. Заказ № 6000. Цена свободная.

Дата выхода в свет 00.02.2025 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru